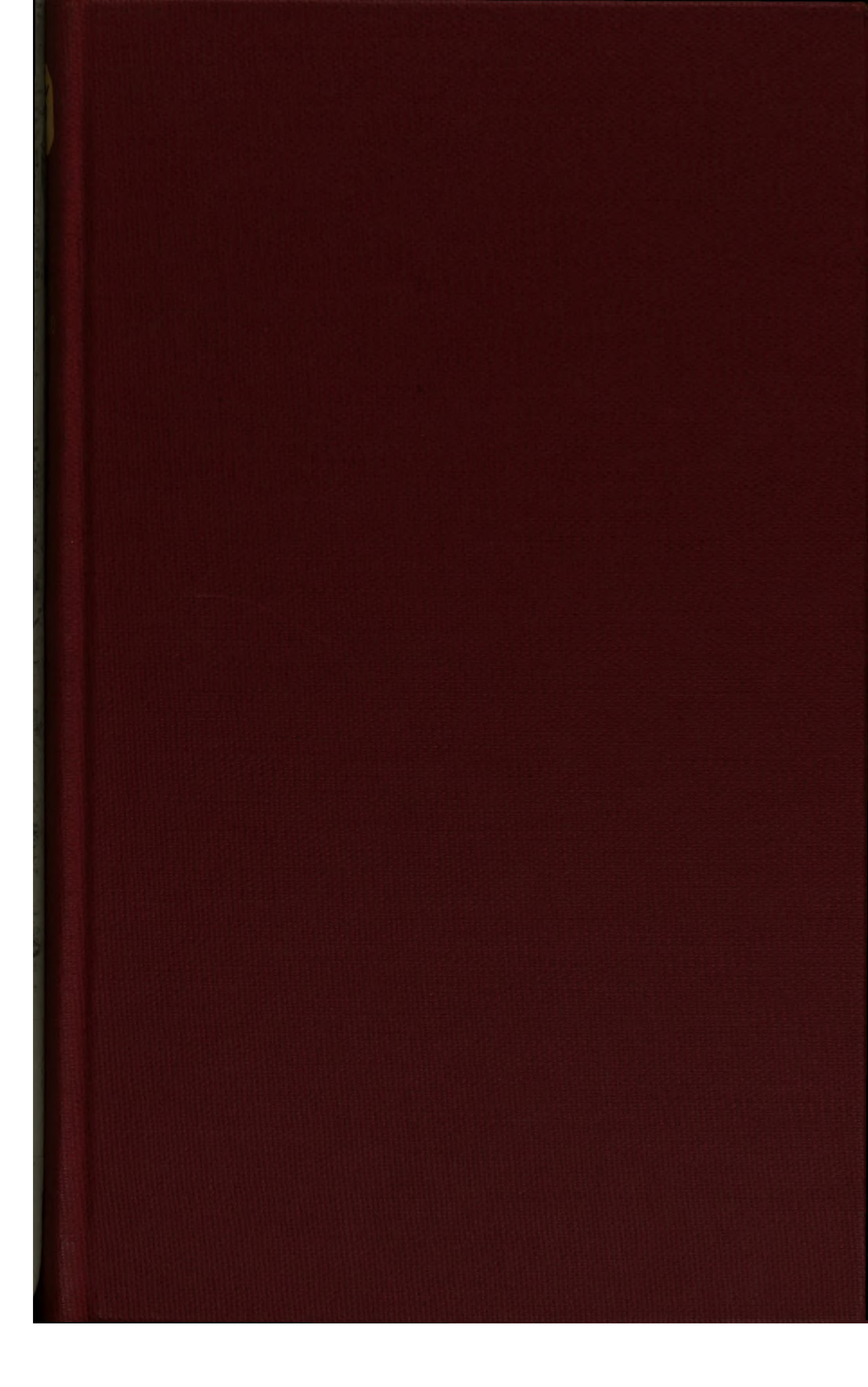

ОКТЯБРЬ. 1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1907.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ ни акого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

ВЪ ТЕМНУЮ НОЧЬ.

V.

— Дома Николай Васильевичъ?..—спросилъ Варыгинъ отворившую ему дверь, пожилую и степенную, даму, хозяйку квартиры Подгурскаго. Лицо хозяйки выразило нѣкоторое замѣшательство.

— Дома...—нерѣшительно сказала она,—только они, кажется, спятъ еще.

— Помилуйте, да кто же спитъ въ это время? Не можетъ быть.

— Они вчера поздно воротились, и при томъ очень уставши... Такъ ужъ я и не знаю, право...

— Ну, ничего,—перебилъ ее Варыгинъ.—Я разбужу. Пора ему проснуться...—Хозяйка съ тяжелымъ вздохомъ посторонилась, и Варыгинъ прошелъ мимо нея въ комнату Подгурскаго.

Подгурскій, не смотря на то, что не имѣлъ изъ дому матеріальной поддержки, занималъ всегда очень хорошую квартиру, одѣвался съ иголочки и велъ весьма разсѣянный образъ жизни. Онъ считался хорошимъ математикомъ и имѣлъ массу дорого оплачиваемыхъ уроковъ по своей спеціальности. Но весь его громадный заработокъ сейчасъ же безслѣдно расплывался въ разныя стороны, лишь только Подгурскій получалъ деньги на руки. Къ концу мѣсяца онъ бывалъ уже обыкновенно долженъ рѣшительно всѣмъ своимъ знакомымъ, отъ ста рублей до пятіалтыннаго включительно. Тогда онъ продѣлывалъ, получивъ снова деньги, рядъ разныхъ хитроумныхъ комбинацій съ новыми займами для уплаты старыхъ, съ погашеніемъ мелкихъ долговъ, съ перенесеніемъ крупныхъ на слѣдующій мѣсяцъ и т. д Васька Мухановъ называлъ эту систему „двойной итальянской бухгалтеріей“ и утверждалъ, что Подгурскій былъ бы необыкновеннымъ финансовымъ геніемъ, если бы нашелся

такой дуракъ, который поручилъ бы ему вести крупное дѣло.

Варыгинъ засталъ Подгурскаго лежащимъ на постели подъ теплымъ ватнымъ одѣяломъ и меланхолически курящимъ папиросу. Волосы его были всклокочены, лицо измято послѣ сна и вчерашняго времяпровожденія.

— А! Варыгинъ...—охрипшимъ голосомъ произнесъ онъ, тыкая окурокъ папиросы въ стоящую около кровати на ночномъ столикѣ пепельницу.—Будьте такъ добры, дайте-ка мнѣ водички... Вонъ тамъ графинъ на комодѣ, а стаканъ, кажется, гдѣ-то на полу, если я его вчера не раздавилъ...

Варыгинъ отыскалъ стаканъ, оказавшійся по какому-то случаю возлѣ печки, налилъ въ него воды и подалъ Подгурскому. Тотъ началъ пить жадными глотками.

— Спасибо... Фу, чортъ!.. Башка какъ трещитъ!.. Ну, а вы какъ живете-можете?..

Подгурскій хотя и неоднократно пилъ, будучи въ пьяномъ видѣ, на брудершафтъ съ Варыгинымъ, въ другое время всегда говорилъ ему „вы". Онъ никогда не сходился особенно коротко ни съ кѣмъ изъ своихъ товарищей и былъ на „ты" съ однимъ лишь Васькой Мухановымъ. Но съ Васькой, кромѣ какъ на „ты", невозможно было представить себѣ другого обращенія, и Подгурскій лишь слѣдовалъ общему примѣру.

— Опять пьянствовали?..—спросилъ Варыгинъ, присаживаясь на стулъ. Подгурскій заложилъ руки за голову и лѣниво потянулся.

— Было малость,—зѣвнувъ, пробормоталъ онъ.

— Который же это день продолжается? — сказалъ Варыгинъ.

— Какъ бы это вамъ изобразить...—скучающимъ тономъ началъ Подгурскій.—Въ субботу, значитъ, у Васьки... Потомъ поѣхали... Скандалъ съ какими-то джентльменами... продавленіе котелковъ, протоколъ и все прочее. Въ воскресенье вечеромъ водили хороводъ вокругъ частнаго пристава: скандалъ, протоколъ, избіеніе Васькой сыщика и многіе другіе историческіе поступки... Въ понедѣльникъ—вечернее бдѣніе у Мити Воронцова... Потомъ я гдѣ-то, кажется, игралъ на бильярдѣ, должно быть—выигралъ, а весьма возможно, что и проигралъ... Затѣмъ... затѣмъ... Что же было затѣмъ?.. Вторникъ это выходитъ по нашему счету... вторникъ... Что же было во вторникъ?.. Ничего, какъ будто... Странно!.. Да, сегодня вѣдь вторникъ!.. Ну, вотъ—считайте теперь сами!..—Подгурскій хрипло закашлялся и потянулся снова за папиросой.

— Ну, какъ же вамъ не стыдно, Подгурскій?—съ легкимъ

упрекомъ сказалъ Варыгинъ,—три дня подъ рядъ пьянствуете! Вѣдь это же безобразіе!

— Suum cuique!.. — иронически замѣтилъ Подгурскій. — Всякъ по своему съ ума сходитъ... Ищите и обрящете, говоритъ Священное Писаніе...

— Серьезно, Подгурскій, зачѣмъ вы это дѣлаете? Ну, я понимаю иногда, въ компаніи товарищей, но систематически...

— Вы спеціально за этимъ пришли?—холодно перебилъ его Подгурскій. — Весьма польщенъ, но я уже давно совершеннолѣтній!..

— Какъ хотите, —пожалъ плечами Варыгинъ.—Я, собственно пришелъ попросить у васъ вашъ новый студенческій сюртукъ и пальто... Мнѣ нужно...

— Въ шкафу, налѣво!..—коротко указалъ Подгурскій.

— Свою одежду я оставляю у васъ...—продолжалъ Варыгинъ.

— Сколько угодно... Опять, значитъ, конспирація начинается?..

Варыгинъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ ироническаго тона, съ которымъ Подгурскій произнесъ послѣднюю фразу и, отворивъ дверцы шкафа, сталъ вынимать оттуда аккуратно завернутое въ простыню платье.

— Очаровательно! — съ усмѣшкой сказалъ Подгурскій, когда Варыгинъ, одѣвшись, подошелъ къ зеркалу.—„Душка медикъ, дай рубль на память!..“ какъ говорятъ въ подобныхъ случаяхъ дѣвицы изъ Варьетэ... A propos!.. Вы что-то теперь совсѣмъ забыли сіе почтенное учрежденіе?.. Я васъ что-то не замѣчалъ тамъ за послѣднее время... Это не хорошо, милостивый государь.. Вы насъ оскорбляете своимъ невниманіемъ—меня и всѣхъ прочихъ завсегдатаевъ!..

— Некогда мнѣ туда ходить, — сухо отозвался Варыгинъ.

— Ахъ... да... Pardon!.. Я все забываю, что вы вѣдь заняты дѣломъ...

— Прощайте, Подгурскій, — направляясь къ дверямъ, сказалъ Варыгинъ.—Сюртукъ я вамъ пришлю на будущей недѣлѣ...

Подгурскій съ размаху бросилъ окурокъ далеко въ уголъ и приподнялся на локтѣ, придерживая другой рукой разстегнутый воротъ рубахи.

— Стойте, Варыгинъ!.. Вы опять на меня, кажется, обидѣлись?..

— Мнѣ, ей-богу, надоѣлъ вашъ пренебрежительный тонъ, — взявшись за ручку двери, произнесъ Варыгинъ.—Я предпочитаю лучше уйти, чѣмъ продолжать выслушивать ваши остроты...

— Нѣтъ, подождите... Это же глупо на самомъ дѣлѣ... Какого чорта вы кобенитесь?.. Сядьте-ка вотъ сюда и поговоримъ...—Варыгинъ неохотно повиновался. Подгурскій посмотрѣлъ на него своими глубоко впавшими блестящими глазами.—Ишь, надулся, какъ мышь на крупу... Какіе вы всѣ, господа, колючіе!.. Чуть что не по васъ—сейчасъ же ш-ш-ш!.. Распаленіе благороднаго негодованія!.. А еще другихъ къ терпимости призываете... Ну... да это, впрочемъ, наплевать... Такъ, значитъ, милсдарь, вы изволили на меня разсердиться за мой непочтительный намекъ на ваши конспиративныя переодѣванія?.. Съ своей точки зрѣнія вы правы,—но правъ такъ же вѣдь и я!.. Судите сами: вы въ это дѣло, можно сказать, съ ушами ушли... Васъ, конечно, обижаетъ легкомысленное къ нему отношеніе. Я же стою совершенно въ сторонѣ и только лишь наблюдаю. А изъ наблюденій моихъ получается слѣдующая картина: на переднемъ планѣ вы всѣ, господа конспираторы—и старъ и младъ, и хилъ и здравъ... всѣ что-то копошатся, всѣ стараются... Пламенныя дѣвы, быстроногіе отроки, зрѣлые мужи, въ полномъ расцвѣтѣ душевной и тѣлесной красоты и прочая публика помельче—всѣ куда-то ѣздятъ, откуда-то поспѣшно возвращаются и вновь уѣзжаютъ... Туманное облако конспираціи, таинственный шепотъ, загадочныя собранія, покровъ мистической неуловимости, полутона, сѣрыя тѣни, вечернія сумерки и всеобщее недоумѣнье... А тамъ, гдѣ-то позади, незамѣтно для глазъ публики, идетъ себѣ да идетъ великая работа революціи!.. Идетъ она своимъ чередомъ и, какъ будто, никого-то изъ васъ, господа конспираторы, совсѣмъ даже не замѣчаетъ!.. Вотъ что я вижу вокругъ себя, въ особенности, когда я пьянъ—а это бываетъ часто... Побѣды, пораженія—все смѣняетъ одно другое съ какой-то стихійной неутомимостью, и вы всѣ только лишь плывете вмѣстѣ съ волнами по теченію... Вы можете лишь ускорить или глупостью своей замедлить ея отдѣльные моменты, но она раздавитъ васъ, если вы пойдете противъ нея, и она вынесетъ васъ наверхъ, на гребнѣ своего девятаго вала, если вы сумѣете до того времени удержаться на ея поверхности... Вы поймите меня Варыгинъ!.. Вы сейчасъ черпаете ковшами воду изъ моря и поливаете ею тотъ камень, который все равно—рано или поздно—размоютъ волны прилива... Я не стану спорить съ вами—нужно, или не нужно это дѣлать... Быть можетъ, нужно и даже необходимо, чтобы въ извѣстный моментъ вы полили водой этотъ камень, возможно, что тамъ есть трещины—онѣ отъ сырости раздадутся, и волнамъ легче будетъ его разрушить, когда придетъ ихъ чередъ, ихъ время... Но, слушайте, Варыгинъ!.. Думая такъ, пред-

ставляя себѣ дѣло именно въ такомъ видѣ, я имѣю нравственное право предъявлять къ нему и къ себѣ требованія особаго рода: почему я, встрѣчаясь съ вами часто, позволялъ себѣ отпускать разныя глупыя шутки насчетъ вашихъ конспирацій и т. д?.. Потому что я видѣлъ, что вы сознательно обманываете сами себя всѣмъ этимъ, что вы тоже, какъ и я, понимаете, что не въ этомъ суть, что все это лишь аксессуаръ—аксессуаръ, быть можетъ, и необходимый, но все же не само то, неизбѣжное, вѣчное, что владѣетъ духомъ каждаго свободнаго человѣка... Я часто замѣчалъ въ вашихъ глазахъ безмолвный вопросъ по поводу моего, яко бы индифферентнаго, отношенія къ окружающему.

— Да, я спрашивалъ себя...

— Сегодня я вамъ отвѣчу на этотъ вопросъ, Варыгинъ!.. Я не чувствую за собой нравственнаго долга, который бы обязывалъ меня пойти съ ковшомъ и тоже начать, въ свою очередь, черпать воду!.. Я не виноватъ въ томъ, что родился сыномъ чиновника, а не тамъ, внизу нашей общественной пирамиды... Это случайность моего рожденія—не больше!.. И при томъ—еще вопросъ: такъ ли ужъ сильно разнится положеніе моего отца, который цѣлый день гнетъ спину надъ грошовой и безсмысленной работой, отъ положенія мужика, тоже гнущаго спину надъ чужимъ полемъ!.. Но, не буду уклоняться... Вопросъ—какъ мнѣ быть?—это есть вопросъ моего лишь внутренняго „я"—единственно и исключительно!.. Замѣтьте себѣ... Если я сознаю въ себѣ, что я не могу, я не въ силахъ сидѣть у моря и ждать погоды, когда, наконецъ, грянетъ буря, если я вижу, что безъ моего вмѣшательства въ то, что меня сейчасъ окружаетъ, жизнь моя станетъ безцвѣтнымъ и тусклымъ пятномъ, и въ ней не будетъ ни радости, ни смысла—я пойду тогда, Варыгинъ, я безъ колебанія ринусь въ самую гущу водоворота!.. Смерти я не боюсь!.. Я хочу яркихъ красокъ, я хочу свѣта и счастья!.. А сколько времени я буду наслаждаться ими, — для меня въ высокой степени безразлично... Но — представьте себѣ, что если у меня нѣтъ, напримѣръ, этой цѣльности во мнѣ самомъ?.. Что у меня существуютъ разныя раздвоенія въ душѣ, сомнѣнія, колебанія, вопросы насчетъ нужности и ненужности, полезности или вреда того, другого, третьяго?.. Что, если всѣ эти рефлексіи отнимаютъ у меня вѣру въ необходимость черпать ковшикомъ воду и этимъ самымъ усложняютъ линію моего поведенія?.. Что же тогда?.. Неужели же нужно начать бороться съ самимъ собой, насильно доказывать самому себѣ—нѣтъ, молъ, такъ нужно!.. Поди, черпай!.. Вѣрь въ ковшикъ и оставь всякія разсужденія!.. Я думаю, что это было бы большой ошибкой... Я вѣрю въ конецъ ва-

шего дѣла, Варыгинъ—я сомнѣваюсь лишь въ путяхъ, которыми вы пытаетесь насъ къ нему привести... Въ конечномъ успѣхѣ его я никогда не сомнѣвался, какъ не сомнѣваются геологи въ томъ, что волны все же размоютъ, наконецъ, камень... Но... тутъ есть это „но“, постоянно встающее мнѣ поперекъ дороги. Вмѣшиваться въ окружающее безъ сознанья того, что это именно и есть мое настоящее дѣло—я считаю лично для себя недобросовѣстнымъ и нечестнымъ... Да вы и сами, небось, хорошо знаете, чего стоятъ всѣ эти вновь испеченные „товарищи“, которые лишь изъ моды ударились въ революцію!.. Такъ вотъ, значитъ, какая исторія получается... Да, о чемъ, бишь, мы съ вами говорили?.. Да, вспомнилъ!.. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы не перетолковали мои слова какъ-нибудь иначе... Видите—разъ я не убѣжденъ, что вслѣдъ за мной не послѣдуетъ въ окружающемъ никакихъ измѣненій, разъ для меня во всемъ этомъ нѣтъ ни красоты подвига, ни удовлетворенія моего нравственнаго чувства, то, скажите на милость—зачѣмъ же мнѣ тогда весь этотъ огородъ городить?.. Все остается по старому, на своемъ мѣстѣ, и исчезаю со сцены всего лишь одинъ только я... Никому отъ этого ни жарко, ни холодно на свѣтѣ... А дѣло-то въ томъ, Варыгинъ, что вѣдь вмѣстѣ со мной исчезнетъ и вся вселенная, она тоже проваливается куда-то въ бездну!.. Вѣдь вся эта вселенная существовала лишь постольку, поскольку я, Николай Подгурскій, грѣлся днемъ подъ лучами весенняго солнца, поскольку звѣзды сіяли *надъ моей* головой въ безлунную лѣтнюю ночь, или снѣгъ, скажемъ, какой-нибудь скрипѣлъ морознымъ утромъ подъ моими ногами... И вдругъ вся эта красота, вся радость жизни исчезаетъ неожиданно въ какомъ-то неизвѣстномъ еще мнѣ сумракѣ вѣчности!.. Къ чему?.. Зачѣмъ?.. Когда жить такъ хорошо, а умирать такъ безсмысленно и тоскливо!..

— Но, позвольте, Подгурскій,—сказалъ Варыгинъ,—развѣ ужъ ваша жизнь, которую вы сейчасъ ведете, такъ хороша, что вамъ жалко съ ней разстаться?..

— Я этого не говорю,—порывисто возразилъ Подгурскій.—Совсѣмъ напротивъ!.. Я ненавижу эту свою безсмысленную, подлую жизнь и себя самого вмѣстѣ съ ней!.. Но я надѣюсь, Варыгинъ... Я не сдаюсь еще—иначе не стоило бы и продолжать это существованіе... У меня есть какая-то вѣра, что впереди будетъ иное... Безъ этой вѣры... Знаете, Варыгинъ: когда я просыпаюсь... поздно обыкновенно, какъ вы сами можете заключить по сегодняшнему примѣру... въ окно смотритъ этотъ тусклый осенній день, въ комнатѣ холодно, неуютно... кругомъ все осклизлыя голыя стѣны... тучи на-

висли безотрадныя, свинцовыя, и дождикъ моросить, проклятый сѣрый, сѣрый и унылый до безконечности дождикъ!.. У меня сердце сжимается тогда съ тупой такой, ноющей болью... Я чувствую себя тоже сѣренькимъ, ничтожнымъ... Я, какъ будто, сливаюсь со всей этой мерзостью, которая меня окружаетъ, и тоска давитъ меня... Я шлепаю по грязи до конки, и она тащитъ меня съ урока на урокъ, гдѣ я репетирую разныхъ оболтусовъ изъ пансіона благородныхъ лоботрясовъ... Они—жадные, трусливые, ждутъ своей очереди, чтобы рвать и жрать, а я ихъ „оболваниваю" за умѣренное вознагражденіе, какъ пишется въ газетныхъ объявленіяхъ: „Нуждающійся студентъ ищетъ уроковъ, разстояніемъ не стѣсняется"... Впрочемъ—это неправда!.. Я сейчасъ не „нуждающійся" студентъ и, если бы не игралъ на бильярдѣ, то могъ бы даже откладывать въ сберегательную кассу на мѣсячную книжку, или, по случаю грядущаго россійскаго краха, попросту въ старый чулокъ, позаимствованный у хозяйки... Но... это подлость!.. Я даю имъ возможность войти въ жизнь вооруженными знаніемъ, чтобы потомъ съ дипломами уже строить самопадающіе мосты и никому не нужныя желѣзныя дороги... Всѣ они хотятъ жрать. Я тоже — и мы помогаемъ другъ другу!.. Я долженъ швырнуть имъ эти деньги въ лицо и сказать имъ... сказать... что же, собственно, такое сказать?.. Забылъ, представьте себѣ... Ну... положимъ, это не важно!.. Мало ли что я долженъ еще сказать и, главное, сдѣлать, но я не говорю и не дѣлаю... Я хочу красивой и яркой жизни!.. Я хочу, чтобы предо мною блестѣло синее море, чтобы надъ моей головой качались пальмы и лазурное небо вѣчнымъ куполомъ сіяло бы въ вышинѣ надо мною... чтобы все кругомъ было свѣтло, прекрасно, и самъ бы я былъ сильнымъ, смѣлымъ и гордымъ... И неслась бы тогда моя жизнь, какъ сверкающій сонъ, измѣнчивая, смѣющаяся, полная могучаго и властнаго обаянія!.. А, чортъ!.. Когда надрызгаешься, какъ слѣдуетъ, тогда все это хорошо представляется!.. Стройно ужъ очень, знаете ли... Я, кажется, сейчасъ несу чушь?.. Но... ничего — не смущайтесь. Больше ужъ я съ вами объ этомъ говорить не буду... А кругомъ все такъ сѣро, Варыгинъ, ни въ чемъ смысла нѣтъ... все спутано, смѣшалось... Гармонія жизни гдѣ-то у чорта на куличкахъ, и, повидимому, отъ нея ни хвоста, ни гривы не осталось!.. По крайней мѣрѣ, не видать пока... Хорошо сказано у Апухтина: „Сердце ли бьется, ноетъ ли грудь—пей, пока пьется, все позабудь!.. Выпьемъ—заискрится сила во взорѣ"... Да, заискрится!.. Хорошій человѣкъ былъ Апухтинъ—и, главное, выпить не дуракъ!.. При томъ же, я его весьма понимаю: несоотвѣтствіе между идеаломъ и дѣйстви-

тельностью всего легче утопить въ какомъ-нибудь жизнерадостномъ спиртуозѣ... Весело, чортъ возьми!.. Вотъ почему я такъ подверженъ выпивкѣ, милостивый государь... Да... Николай Подгурскій, членъ общества трезвости—оригинальное сочетаніе звуковъ... Но... вы, пожалуйста, забудьте этотъ нашъ разговоръ!.. Я, оказывается, еще не совсѣмъ протрезвился послѣ вчерашняго... Оно, положимъ, не удивительно: вчера было заложено достаточно и позавчера тоже!.. Нѣкій путешественникъ откровенно признался, что по россійскимъ желѣзнымъ дорогамъ можно ѣздить только лишь въ абсолютно пьяномъ видѣ... Я же продолжаю его сравненіе: вы, конечно, понимаете, что идеи, которыя я только что имѣлъ честь вамъ изложить, можно излагать, тоже лишь будучи въ подобномъ же состояніи... и потому... Но вы, я вижу, уже собираетесь уходить?.. Не смѣю задерживать!.. Долгъ—прежде всего, какъ говорятъ мои кредиторы... Кстати—я вамъ, кажется, тоже что-то долженъ?..

— Право, не помню,—сказалъ Варыгинъ, надѣвая пальто и фуражку.—Вы меня извините—я еще бы посидѣлъ у васъ, но я боюсь опоздать...

— Конечно, конечно,—согласился Подгурскій, снова опускаясь на подушку и отворачиваясь къ стѣнѣ. Воодушевленіе его какъ-то сразу упало, и блѣдныя, ввалившіяся щеки приняли мертвенный оттѣнокъ. Онъ закашлялся и сталъ плотнѣе укутывать себя одѣяломъ.

— Когда же вы сегодня думаете вставать?..—спросилъ Варыгинъ, подходя къ постели.—Поздно ужъ...

— Полежу еще немножечко,—глухо отозвался Подгурскій.—Я что-то ослабъ жилами, а вечеромъ въ Варьете, мое присутствіе необходимо!..

— Тогда—прощайте...

— Порядочные люди въ подобныхъ случаяхъ говорятъ—до свиданья...—насмѣшливо произнесъ Подгурскій, высвобождая изъ-подъ одѣяла свою руку и протягивая ее Варыгину.—Прощайте—это слишкомъ ужъ серьезно...—Варыгинъ пожалъ плечами.

— Какъ хотите... Я сказалъ то, что считалъ нужнымъ...—онъ повернулся къ дверямъ.

— Подождите!..—остановилъ его Подгурскій.—Слѣдовательно, это правда?..—значительнымъ тономъ продолжалъ онъ, смотря въ упоръ на лицо Варыгина своими странно прозрачными глазами.

— Что правда?..—неувѣренно переспросилъ Варыгинъ. Подгурскій засмѣялся короткимъ, отрывистымъ смѣхомъ.

— Такъ и есть!.. Я ожидалъ отъ васъ этого вопроса!.. О... великіе конспираторы!.. Какими бѣлыми нитками сшиты

ваши конспирацiи!.. Итакъ, значитъ—прощайте вмѣсто — до свиданья?.. Желаю вамъ счастья и успѣха!.. Только... — Подгурскiй остановился.

— Что „только"?..—нетерпѣливо замѣтилъ Варыгинъ.

— Вы увѣрены въ томъ, что это необходимо?..

— Прощайте, Подгурскiй!..—отворяя двери, сказалъ Варыгинъ.

— До загробнаго свиданья!..—крикнулъ ему вслѣдъ Подгурскiй.

Варыгинъ спустился и вышелъ на улицу. Оставалось всего полчаса до назначеннаго срока. Варыгинъ взялъ, не торгуясь, перваго попавшагося извозчика и, сказавъ ему адресъ Татьяны Михайловны, откинулся на подушку. Хорошая лошадь рванулась впередъ. Колеса мягко и плавно покатились по торцовой мостовой. Вечернiй вѣтеръ обдавалъ лицо Варыгина свѣжимъ дыханiемъ. Улицы сверкали огнями безчисленныхъ фонарей, у ярко освѣщенныхъ оконъ магазиновъ толпился народъ. Всѣ куда-то шли, ѣхали, торопились, каждый по своему дѣлу... Звенѣли конки, биткомъ набитыя публикой, дребезжали звонки снующихъ между экипажами велосипедовъ, громыхали большiя и неуклюжiя ломовыя телѣги, копыта лошадей отчетливо стучали по мостовой, и всѣ эти разнокалиберные звуки соединялись въ одинъ смѣшанный шумъ, неподвижно нависшiй надъ городомъ. Варыгинъ испытывалъ удовольствiе человѣка, попавшаго послѣ вынужденнаго одиночества въ блестящiй залъ, наполненный двигающейся въ оживленномъ безпорядкѣ толпой, и ему было какъ-то странно и хорошо снова окунуться послѣ тишины своей дачи въ эту торопливую разноголосицу жизни.

Черезъ нѣсколько секундъ ѣзды Варыгинъ невольно обратилъ вниманiе на то, что они ѣдутъ слишкомъ ужъ быстро. Окна магазиновъ, уличные фонари, пѣшеходы, останавливающiеся на перекресткахъ, все мелькало, смѣняясь одно другимъ, и пролетка, въ которой сидѣлъ Варыгинъ, обогнала уже всѣ бывшiе до того времени впереди экипажи. Варыгинъ нагнулся и посмотрѣлъ сбоку на лошадь и на извозчика. „Чортъ возьми, да вѣдь это лихачъ!.."—воскликнулъ онъ про себя. — „Какъ же я сразу этого не замѣтилъ?.."—Онъ торопливо досталъ изъ кармана кошелекъ, раскрылъ его, но, увидавъ, что денегъ въ немъ было достаточно, успокоился. „Пускай, — подумалъ онъ, — за то прокачусь, какъ слѣдуетъ!.."—Варыгинъ снова откинулся назадъ на мягкую кожаную подушку, принявъ видъ человѣка, иначе не ѣздящаго, какъ только на лихачахъ. Извозчикъ повернулъ въ одну изъ боковыхъ, пустынныхъ улицъ

и сталъ понемногу сдерживать свою разгорячившуюся лошадь. Въ этотъ моментъ за спиной Варыгина послышался стукъ копытъ и тяжелое, порывистое хрипѣнье. „Держи права-а!..“ раздался сзади повелительный окрикъ. Черезъ секунду мимо пронеслась элегантная коляска съ неимовѣрной толщины кучеромъ на козлахъ. Сидѣвшій въ ней молодой офицеръ въ гвардейской фуражкѣ, слегка прищурившись, взглянулъ на Варыгина и сейчасъ же небрежно отвернулся. Передъ глазами его промелькнули красиво развѣвавшіяся полы богатой николаевской шинели.

— Три рубля на чай, если обгонишь!..—отрывисто бросилъ Варыгинъ своему извозчику.

Тотъ осклабился, кивнулъ головой, и началась бѣшеная погоня... Вѣтеръ рвалъ шапку съ головы у Варыгина. Полузасохшая грязь летѣла во всѣ стороны изъ-подъ копытъ неистово мчавшейся лошади. Извозчикъ, очевидно тоже задѣтый въ своемъ самолюбіи, гналъ что есть духу, и разстояніе между ними и виднѣвшейся впереди коляской офицера все болѣе и болѣе уменьшалось. Офицеръ, замѣтившій эту попытку обогнать его, поминутно оборачивался назадъ, повидимому то же измѣряя разстояніе, и отчаянно махалъ руками своему кучеру. Тотъ старался изо всѣхъ силъ. Вдругъ Варыгину показалось, что противникъ его, какъ будто, начинаетъ удаляться... Кровь хлынула ему въ голову...

— Гони во всю!..—закричалъ онъ среди шума и грохота погони.

Извозчикъ привсталъ на козлахъ и ожесточенно хлестнулъ вожжами своего рысака. Неожиданный порывъ вѣтра захватилъ дыханіе Варыгину, все кругомъ завертѣлось, смѣшалось въ какомъ-то вихрѣ, комья полузасохшей грязи осыпали его лицо тысячами мелкихъ песчинокъ. Варыгинъ, полуослѣпленный, съ трудомъ открылъ глаза и увидѣлъ при свѣтѣ стремительно бѣгущихъ ему навстрѣчу уличныхъ фонарей совсѣмъ близко передъ собой треплющіяся по вѣтру полы николаевской шинели. Черезъ секунду взглядъ его встрѣтился съ другимъ, полнымъ злобы и ненависти взглядомъ. Варыгинъ сдѣлалъ равнодушное лицо и, въ свою очередь, такъ же небрежно отвернулся. Коляска съ офицеромъ отставала все дальше и дальше. У извозчика Варыгина оказалась лучшая лошадь.

„Глупо, но, ей-богу же, занимательно, — подумалъ Варыгинъ:—такое ощущенье—точно и впрямь дѣло сдѣлалъ!.. А онъ, бѣдняга, теперь, навѣрное, всѣхъ вообще студентовъ будетъ ненавидѣть“.

— Ловко обставили!..—возбужденнымъ голосомъ заявилъ извозчикъ, оборачивая назадъ свою раскраснѣвшуюся бо-

родатую физіономію.—Почитай, что въ двѣ минуты!.. Не любятъ этого господа офицеры... И этотъ тоже... Здорово, вишь, осерчалъ... Тпру-у!.. — Онъ круто задержалъ взмыленную лошадь передъ ярко освѣщеннымъ подъѣздомъ. — Пожалуйте!..

Варыгинъ расплатился и, спрятавъ свой сильно похудѣвшій послѣ этой операціи кошелекъ, вошелъ въ парадныя двери. Величественный швейцаръ въ ливреѣ сидѣлъ на стулѣ, погрузившись въ чтеніе „Листка", и не обратилъ вниманія на вошедшаго Варыгина.

— Послушайте!.. Вы!..—позвалъ его Варыгинъ.

Тотъ неохотно оторвался отъ своей газеты и окинулъ его забрызганное грязью пальто сомнѣвающимся взглядомъ.

— Вамъ кого угодно?..—не трогаясь съ мѣста, подозрительно освѣдомился онъ.

— Щетку и почистить!..—небрежнымъ тономъ приказалъ Варыгинъ, подходя къ зеркалу и начиная причесывать спутавшіеся подъ фуражкой волосы. Въ тонѣ, съ которымъ онъ произнесъ эти три слова, швейцаръ уловилъ привычныя для его уха нотки барскаго приказанія. Отношеніе его къ Варыгину моментально же измѣнилось.

— Грязища-то, грязища какая, ваше сіятельство!..—умилялся онъ черезъ нѣсколько секундъ, съ ловкостью и проворствомъ, неожиданными для его толстаго брюха, обчищая забрызганныя полы пальто Варыгина.—На резинахъ изволили пріѣхать?..

— Сзади почисти!..—высокомѣрно оборвалъ его Варыгинъ, съ видомъ записного франта вертясь передъ зеркаломъ и въ то же время незамѣтно ощупывая въ карманѣ свой тощій кошелекъ.

— Хорошо, довольно теперь... — разсѣянно кивнулъ онъ все еще продолжавшему усердствовать швейцару. По мысленному подсчету, имѣвшихся въ кошелькѣ финансовъ оказалось ровно столько, что, за вычетомъ чаевыхъ, должно было хватить только лишь на обратный билетъ до дачи.

— Спасибо!..

Варыгинъ небрежно ткнулъ ему въ руку рублевую бумажку и сталъ подниматься вверхъ по покрытой коврами лѣстницѣ.

— Чувствительнѣйше благодаримъ ваше сіятельство!..—съ пріятностью раскланиваясь ему въ спину, растроганнымъ голосомъ произнесъ швейцаръ.

— Да, сіятельство,—пробормоталъ про себя Варыгинъ.—А я изъ-за тебя теперь долженъ буду пѣшкомъ до вокзала тащиться!..—Онъ остановился передъ дверью съ ослѣпительно начищенной мѣдной доской, на которой значилось:

„Тайный совѣтникъ, профессоръ по внутреннимъ болѣзнямъ Михаилъ Петровичъ Зарубаевъ, пріемъ по вторникамъ и четвергамъ отъ 8—10 ч. вечера“. Внизу же скромно бѣлѣла маленькая визитная карточка: „Татьяна Михайловна Зарубаева“.

— Вы къ его превосходительству, или къ барышнѣ?..— строго освѣдомился у Варыгина важный лакей, впуская его въ переднюю. За опущенными портьерами съ тяжелыми ниспадавшими складками слышались голоса и аккорды звучнаго рояля. Портьеры другой двери были слегка приподняты, и въ нихъ была видна часть богато обставленной пріемной.

— Татьяна Михайловна у себя?..—спросилъ Варыгинъ.

— Пожалуйте!..—Важный лакей съ достоинствомъ отворилъ третью, тоже скрытую за портьерами, дверь и впустилъ Варыгина въ уютную, небольшую гостиную.—Какъ прикажете доложить?..—Безстрастная бритая физіономія съ поджатыми губами и огромнымъ прямымъ носомъ выжидательно наклонилась надъ Варыгинымъ.

— Скажите—студентъ Новиковъ... Татьяна Михайловна уже знаетъ...

Лакей безшумно удалился. Варыгинъ остался одинъ. Изъ сосѣдней комнаты неясно доносились спорящіе голоса, заглушаемые висящими на дверяхъ портьерами, и отрывистые, неувѣренные звуки рояля. Кто-то все время упорно пытался изобразить „Баркароллу“ Чайковскаго, но черезъ нѣсколько тактовъ обязательно сбивался и, не смущаясь, начиналъ снова.

„Экъ его, какъ барабанитъ!.. — съ невольной досадой подумалъ Варыгинъ. Онъ любилъ эту вещь и когда-то самъ игралъ ее недурно.—Интересно—сколько времени я не дотрогивался уже до рояля?..“

Но размышленія его были сразу же прерваны: портьера заколыхалась, и между ея складками появилась на порогѣ высокая, сухая старуха, вся въ черномъ, съ черной же косынкой на сѣдой головѣ и въ коричневой шали съ разводами. Варыгинъ всталъ и выжидательно поклонился. Старуха оглядѣла его съ ногъ до головы своими глубоко сидящими, по-старчески свѣтлыми, но все еще живыми глазками.

— Вамъ, господинъ, Танечку?.. Она сейчасъ придетъ... Проситъ подождать немножко... Гости у нея... Ужъ вы извините!..

— Ничего, я подожду...—сказалъ Варыгинъ.

Старуха еще разъ внимательно посмотрѣла на его лицо и вышла. Варыгинъ нагнулся надъ лежавшимъ на столѣ альбомомъ и сталъ разсматривать какую-то открытку. Позади послышалось торопливое шуршаніе юбокъ.

— Да это, оказывается, вы!..—Оживленное лицо Татьяны Михайловны, съ изящнымъ оваломъ и веселыми карими глазами, выразило неподдѣльное изумленіе.—Ну, и псевдонимъ же вы себѣ выбрали, нечего сказать...— продолжала она, пожимая руку Варыгину и усаживаясь въ кресло.—Новиковъ!.. Я какъ разъ дожидаюсь одного Новикова, тоже студента, но только бѣлоподкладочника... Мы съ нимъ будемъ почетные билеты развозить... Впрочемъ, — перебила она сама себя, окидывая Варыгина бѣглымъ, но внимательнымъ взглядомъ,—вы сегодня тоже на правовѣда скорѣе смахиваете... Я васъ еще такимъ не видѣла...

— Что дѣлать,—развелъ безнадежно руками Варыгинъ,—такова воля Аллаха, т. е., говоря иными словами—Василія Петровича...

— Ахъ, это онъ васъ такъ нарядилъ?..—небрежно замѣтила Татьяна Михайловна.—А я думала, это ваше собственное влеченіе... У васъ вѣдь есть эти всѣ замашки... Я знаю...

— Какія же, напримѣръ?..—спросилъ Варыгинъ.

— Ну, вы любите пофрантить, деньги расшвыриваете направо и налѣво... Если бы у васъ была возможность, вы бы рубли на чай давали за пустяки какіе-нибудь... А потомъ обѣдать не на что... Правда вѣдь?.. Вы согласны со мной?..

— Гмъ!.. Оно, собственно говоря...—замялся немного Варыгинъ, вспомнивъ только что происшедшій инцидентъ со швейцаромъ,—пожалуй, до нѣкоторой степени вы правы...

— Ну, вотъ видите! — засмѣялась Татьяна Михайловна.—Какъ я васъ хорошо знаю!.. Но, представьте себѣ — няня васъ сразу же угадала... Я послала ее посмотрѣть: кто это пришелъ, на всякій случай... Сегодня у меня гости—мои гости!.. И я совсѣмъ не хотѣла бы, чтобы этотъ Новиковъ съ ними встрѣтился... Я говорю нянѣ—поди посмотри: кто это.. Если франтъ какой-нибудь—то скажи, что я занята и не могу выйти... А она знаете, какъ васъ охарактеризовала? .

— Какъ же именно?

— Это, говоритъ, Танечка, хоть и франтъ, а по настоящему дѣлу.—Я ее какъ-то съ запиской къ Михаилѣ посылала—такъ она съ тѣхъ поръ всѣхъ и дѣлитъ на двѣ котегоріи: на „франтовъ“ и на „кудлатыхъ“... Франты—это вся публика, съ которой заставляетъ меня якшаться Василій Петровичъ, а „кудлатые“—революціонеры!..

— Какъ же это она меня къ „кудлатымъ“ не причислила?..—сказалъ Варыгинъ.—У меня тоже вѣдь прическа не правовѣдская!..

— Объ этомъ ужъ вы ее спросите,—уклончиво возразила

Татьяна Михайловна, и Варыгину показалось, что взглядъ ея карихъ глазъ скользнулъ по его фигурѣ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ. Но онъ отогналъ отъ себя эту мысль сію же минуту и равнодушнымъ тономъ продолжалъ:

— А что, вамъ не скучно возиться со всей этой публикой?..

Татьяна Михайловна усмѣхнулась.

— Адски скучно!.. Но что-жъ дѣлать?.. Возражу вашими же словами: такова воля Аллаха... Знаете, Василій Петровичъ до того довелъ меня своими вѣчными инструкціями и наставленіями, что еще немного — и я окончательно обращусь въ настоящую свѣтскую барышню... Я и то ужъ ничего почти не читаю!.. Некогда все: то къ портнихѣ нужно—три платья у нея шьется!.. То цвѣты продавать на благотворительномъ вечерѣ, то еще куда-нибудь... Прямо голова кругомъ... Василій Петровичъ требуетъ, чтобы я возстановила всѣ наши прежнія связи... Я отвыкла уже отъ всего этого... А теперь извольте-ка опять начинать всю эту канитель... Ахъ, если бы вы знали, какіе они всѣ неинтересные—такой вздоръ болтаютъ—уши просто вянутъ!.. Хорошо, что еще, по крайней мѣрѣ, по-французски... Не такъ противно слушать... Но, войдите въ мое положеніе: вѣдь часами все это приходится выносить!.. Когда я пріѣзжаю домой—я вся разбита, какъ послѣ какой-нибудь работы... Мнѣ кажется, что землю легче копать... Ей-богу!..

— Ну въ этомъ-то, положимъ, позвольте немного усумниться,—скептически замѣтилъ Варыгинъ.

— Вы знаете,—продолжала между тѣмъ Татьяна Михайловна, — я уже два раза просила Василія Петровича освободить меня отъ этого, но онъ все отказываетъ...

— Почему же такъ?.. - отводя свой взглядъ отъ лица Татьяны Михайловны куда-то въ сторону, съ серьезнымъ видомъ спросилъ Варыгинъ.

— Да развѣ же отъ него добьешься чего-нибудь!.. Вы знаете его манеру: насупится, сдѣлаетъ пронзительные глаза подъ очками и объявитъ ледянымъ тономъ: „Вы намъ тутъ нужнѣе!..“ Вотъ и все!.. Какія же могутъ быть съ нимъ разговоры...

Татьяна Михайловна замолчала и, взявъ зачѣмъ-то со стола альбомъ, сейчасъ же положила его обратно.

— А васъ все-то еще ловятъ?.. - спросила она, мелькомъ взглянувъ на склонившуюся возлѣ нея голову Варыгина.

— Ловятъ! — не поднимая головы и продолжая по прежнему смотрѣть въ сторону, коротко отвѣтилъ Варыгинъ.

— Какъ же вы не боитесь здѣсь показываться?..—Внимательный и почти нѣжный взглядъ карихъ глазъ дѣвушки

встрѣтился съ глазами Варыгина. — Васъ могутъ вѣдь взять?..—продолжала она неувѣреннымъ тономъ.

— Я хожу переодѣтымъ... —Варыгинъ поднялся съ кресла и порывисто прошелся два раза взадъ и впередъ по мягкому ковру, заглушавшему его шаги.

Наступило молчаніе. Фантастическій свѣтъ краснаго фонаря, оставлявшій большую часть гостиной въ полумракѣ, падалъ прямо на голову сидѣвшей подъ нимъ Татьяны Михайловны, отчего выбившіеся изъ прически завитки ея темныхъ волосъ казались золотистымъ ореоломъ.

— Татьяна Михайловна!..—дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Варыгинъ, круто останавливаясь передъ ней и дѣлая въ ея сторону невольное движеніе. Дѣвушка осталась сидѣть неподвижно. — Я хотѣлъ сказать вамъ... — овладѣвая собой, продолжалъ Варыгинъ, — за какимъ дѣломъ меня прислалъ Василій Петровичъ... — Она отодвинула въ сторону свое кресло и откинулась немного назадъ, такъ что лицо ея осталось въ тѣни.

— Я слушаю... говорите, пожалуйста...—Варыгинъ подошелъ къ столу.

— Василій Петровичъ просилъ узнать у васъ, — не можете ли вы достать черезъ вашихъ знакомыхъ какой-нибудь приказъ по дивизіи, собственноручно подписанный генераломъ Савиновымъ?..

— Кто этотъ Савиновъ?..—спросила Татьяна Михайловна. —Я его не знаю...

— Онъ былъ на войнѣ и теперь назначенъ куда-то въ Сибири... Но дѣло въ томъ, что раньше онъ командовалъ нашимъ округомъ, и въ здѣшнихъ канцеляріяхъ остались его приказы...

— Хорошо, я постараюсь, — сказала Татьяна Михайловна.—Но я, навѣрное, не могу ручаться...

— Василій Петровичъ просилъ сказать вамъ, что это очень, очень важно для одного дѣла!.. —съ улыбкой добавилъ Варыгинъ.

— Онъ всегда такъ...—отозвалась изъ своего темнаго угла Татьяна Михайловна. — „Очень важно!.. Помните — это вещь очень серьезная!..“—передразнила она мрачный тонъ Василія Петровича. — Точно я безъ этихъ напоминаній ничего не стану дѣлать... И это все?.. Или еще есть что-нибудь?..

— Да... есть, но это касается ужъ только меня одного: Василій Петровичъ проситъ васъ выдать мнѣ револьверъ изъ склада—у моего пружина попортилась...

— Ну, это не трудно,—засмѣялась Татьяна Михайловна:— стоитъ только къ нянѣ обратиться... Вы знаете, она у меня

все какъ есть отобрала и гдѣ-то у себя тамъ запрятала...— „У меня, говоритъ, шариться не станутъ—я старуха...“

— Вотъ она какая у васъ! — сказалъ Варыгинъ.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, — продолжала Татьяна Михайловна,—раньше у насъ съ ней по поводу всего этого цѣлыя сраженія происходили: „несогласно, говоритъ, съ Священнымъ Писаніемъ—нѣсть бо власть, аще не отъ Бога!..“ Я тогда стала ей вслухъ читать по вечерамъ — у меня въ то время складъ литературы былъ — такъ она теперь иначе, какъ „кровопійцами“, ихъ и не называетъ! Даже гдѣ-то въ Евангеліи себѣ подтвержденіе нашла: „князьямъ дурнымъ, говоритъ, не повинуйтесь!..“—Видите, какая старуха.. Я ее очень люблю—послѣ смерти мамы она одна у меня осталась...

— А какъ же вы со своимъ отцомъ устроились?..—спросилъ Варыгинъ.

— Ну... что же съ нимъ... Онъ меня слишкомъ любитъ, чтобы категорически запрещать... И при томъ—онъ такой человѣкъ, какихъ теперь много: всему сочувствуетъ, только не хочетъ, чтобы я во всемъ этомъ принимала участіе!.. Иногда онъ ведетъ со мной разговоры на тему, что все, молъ, это безуміе одно, безполезныя жертвы, что нужно время и только одно время, и т. д. Теперь же, молъ, рано еще, и проч. Я обыкновенно ничего на это не возражаю — сижу и молчу; тогда онъ начинаетъ сердиться, путается, говоритъ мнѣ рѣзкости, и кончается все тѣмъ, что онъ хлопаетъ дверями и уходитъ. А на другое утро мы уже снова разговариваемъ, какъ ни въ чемъ не бывало!.. Теперь, впрочемъ, онъ думаетъ, что я вернулась опять къ прежней жизни, опомнилась отъ своихъ „увлеченій“, и онъ очень этимъ доволенъ... Только няня одна знаетъ, въ чемъ дѣло, но она никому не скажетъ!.. —Татьяна Михайловна поднялась съ кресла. — Такъ я сію минуту—только няню позову...—Она поспѣшно скрылась за портьерами.

— Я, кажется, чуть-чуть дурака не сваляль...—подумалъ Варыгинъ, вставая и начиная прохаживаться по гостиной.— Чортъ знаетъ, что такое!.. Можетъ быть, она даже нисколько не думаетъ обо мнѣ, глупости все это... — Варыгинъ остановился.

Изъ сосѣдней комнаты до него донесся взрывъ веселаго смѣха. Кто-то, дурачась, запѣлъ красивымъ баритономъ: „Тореадоръ!.. Смѣлѣ-ѣ-е!..“ Умолкшій было на минуту рояль забарабанилъ снова, но на этотъ разъ уже подъ чьими-то болѣе увѣренными пальцами. — Варыгину стало вдругъ какъ-то сразу скучно. Звуки знакомаго вальса напомнили ему, что и онъ когда-то тоже танцовалъ на вечерахъ, катался на конькахъ, ухаживалъ за барышнями, и что все это

въ то время было такъ занимательно и интересно. Онъ началъ мысленно представлять себѣ всю эту компанію, веселящуюся сейчасъ рядомъ съ нимъ за стѣною... Тамъ, должно быть, есть нѣсколько совсѣмъ молодыхъ еще студентовъ; навѣрное, тотъ, который запѣлъ сейчасъ „тореадора“, также очень молодъ и, по всей вѣроятности, ухаживаетъ за кѣмъ-нибудь изъ находящихся тамъ барышенъ... Всѣ они, очевидно, много читаютъ, спорятъ, надѣются на будущее, ждутъ чего-то и, навѣрное, уже гдѣ-нибудь сообща работаютъ!.. Должно быть, ужасно милые—вонъ какъ хохочутъ!..

Варыгинъ самъ невольно улыбнулся. Его какъ-то потянуло сразу туда, къ нимъ, въ этотъ тѣсный, славный кружокъ, объединенный общимъ дѣломъ и молодостью —и онъ почему-то вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ.

— Татьяна Михайловна,—громко позвалъ за портьерами все тотъ же красивый баритонъ: — Вы поскорѣе тамъ!.. Мы соскучимъ!.. — Татьяна Михайловна что-то отвѣтила, но что именно — Варыгину не удалось разслушать. Онъ снова принялся расхаживать большими шагами взадъ и впередъ, но только что бывшее у него настроеніе исчезло.

— За какимъ чортомъ я здѣсь застрялъ?.. — съ досадой на самого себя, подумалъ онъ:—только ее задерживаю... Вонъ —тамъ ужъ скучаютъ!.. И она, навѣрное, тоже тяготится!.. Сидитъ, сидитъ, молъ, какъ болванъ какой-то... Ну, пріѣхалъ по дѣлу—и отчаливай поскорѣе... А то разнѣжился въ теплѣ-то: отъ кресла не оторвешь!.. Тьфу!..

— Что вы такъ яростно плюетесь, Варыгинъ?.. — весело спросила, появляясь въ дверяхъ, Татьяна Михайловна.—Муху, что ли, проглотили?.. Но вѣдь теперь уже осень!.. Вотъ вамъ вашъ револьверъ—получите...

— Спасибо!..—Варыгинъ сунулъ револьверъ въ карманъ и угрюмо взялся за фуражку. — Позвольте вамъ пожелать всего наилучшаго...—Оживленіе Татьяны Михайловны моментально исчезло—лицо ея вытянулось.

— Уже уходите?.. — слегка надувшись, протянула она разочарованнымъ тономъ.—Вамъ со мной скучно?..

— Ну, вотъ!.. Съ какой же стати?..—возразилъ Варыгинъ.— Пора идти —вотъ и все!..

— Если вамъ со мной надоѣло сидѣть – тогда пойдемте въ залу: я васъ познакомлю, — продолжала настаивать Татьяна Михайловна. — Тамъ барышни есть хорошенькія... Пойдемте!..—Варыгинъ поколебался, — ему страшно вдругъ захотѣлось остаться, но онъ вспомнилъ сейчасъ же, что впереди ему предстоитъ два часа ходьбы до вокзала среди темноты и осенней слякоти, и онъ мужественно устоялъ передъ искушеніемъ.

— Не могу, простите!..—Тонъ его голоса выразилъ такое искреннее сожалѣніе, что Татьяна Михайловна сразу же поняла, какъ трудно было ему отказаться отъ этого приглашенія. Брови ея досадливо сдвинулись, и все подвижное лицо замѣтно омрачилось.

— Какая жалость!.. Ну... въ такомъ случаѣ... — начала было она, протягивая Варыгину свою руку, но сейчасъ же, вспомнивъ что-то, остановилась на полусловѣ.—Подождите!.. Вотъ идея!..—воскликнула она.—Вы свободны вечеромъ послѣзавтра?..

— Вѣроятно, свободенъ...— сказалъ Варыгинъ. — Но въ чемъ дѣло?

— Ахъ, это будетъ очень хорошо!..—оживленно продолжала Татьяна Михайловна.—У меня два мѣста на цыганскій концертъ. Вы любите цыганъ?.. Ну... да это, впрочемъ, все равно... Вы должны пойти со мной, непремѣнно... одна я не пойду, а я очень хочу быть на этомъ концертѣ!.. Вы согласны?.. Да?.. — Татьяна Михайловна заглянула въ лицо Варыгину своими лукаво сверкнувшими въ полумракѣ гостинной глазами.—Или вы опять тамъ со мной соскучитесь, какъ сегодня?.. Ну, нѣтъ, я вамъ тамъ не дамъ скучать!.. Я постараюсь быть очень милой!.. Да ну же, бросьте хмуриться, вамъ совсѣмъ это не идетъ...

— Я и не думаю даже хмуриться, — какъ-то совсѣмъ ужъ ненаходчиво отозвался Варыгинъ.—Я просто... —онъ замолчалъ, не зная, что сказать дальше.

— Ну, и что же потомъ?.. Что вы хотѣли сказать этимъ своимъ „просто“?..

— Я просто хотѣлъ по китайскому обычаю подержаться за ручку и затѣмъ мирно удалиться до дому... — сказалъ Варыгинъ.

— Подержаться можете, — съ кокетливой улыбкой объявила дѣвушка, снова протягивая ему руку,— но что касается „удаленія“, то вы это сдѣлаете не раньше, чѣмъ скажете мнѣ: пойдете ли вы со мной на этотъ концертъ, или нѣтъ?..

— А кто тамъ поетъ?..—спросилъ Варыгинъ, задерживая въ своей рукѣ узенькую ладонь Татьяны Михайловны.—Программа интересная?..

— Пойдете—узнаете сами... Но вы мнѣ обѣщаете, что вы... Тс... Оставьте!..—Татьяна Михайловна торопливо выдернула у него свою руку.—Кто-то идетъ, — шепнула она, отходя отъ Варыгина.

— Танечка,—появляясь въ дверяхъ, позвала Татьяну Михайловну старуха-нянька, подь-ка сюда на минутку...

— Такъ я ухожу, Татьяна Михайловна?..—сказалъ Варыгинъ.

— До свиданья!. Ну, хорошо... Только смотрите—послѣзавтра, обязательно, приходите... Иначе я страшно разсержусь на васъ... Помните!..

Варыгинъ сжалъ ея руку въ своей крѣпче, чѣмъ полагается обыкновенно.

— Приду непремѣнно!..—съ убѣжденіемъ сказалъ онъ. Но въ тотъ же моментъ какая-то зіяющая темная пустота охватила его сознаніе—онъ вспомнилъ, что, быть можетъ, ему уже не удастся выполнить этого обѣщанія, и ему стало какъ-то странно жутко при этой мысли.

— Итакъ, значитъ, до послѣзавтра... Не обманите только... Я буду ждать!..

Каріе глазки подарили Варыгина еще однимъ послѣднимъ взглядомъ—двери захлопнулись.

— Боже мой, неужели же все это должно случиться раньше?..—спускаясь по ярко освѣщенной лѣстницѣ, подумалъ Варыгинъ.—Нѣтъ... нѣтъ... Я этого не хочу!.. Пускай потомъ, послѣ!.. Тамъ мнѣ все равно!.. А теперь—пусть я лучше пойду на этотъ концертъ.. Это же вѣдь такъ немного...

Варыгинъ вышелъ на улицу, кивнувъ головой подобострастно распахнувшему передъ нимъ двери швейцару.

— Если мнѣ удастся пойти на концертъ,—снова появилась у него въ головѣ мысль,—то все тогда кончится благополучно... Если же нѣтъ...

Варыгинъ нервно поежился отъ ощущенія промозглой осенней сырости и, поднявъ воротникъ пальто, зашагалъ среди начинающаго подниматься отъ мостовой липкаго и влажнаго тумана. Вечерній шумъ города затихалъ, какъ гигантская змѣя, съ шуршаніемъ свертывающаяся клубомъ въ сонномъ оцѣпенѣніи. Подъ мракомъ ночи тускнѣли и сливались съ окружающей темнотой красочные звуки жизни. Повсюду, надъ безмолвными домами, надъ лѣсомъ безчисленныхъ трубъ, поднимающихся къ чернѣющему небу, надъ извилинами улицъ и переулковъ, съ двойной каймой сверкающихъ фонарей, опускалась вмѣстѣ съ ночью, все охватывавшая медленнымъ кольцомъ своихъ объятій, неподвижная тишина покоя. Всѣ спали въ неуклюжихъ громадахъ домовъ, безконечно тянущихся вдоль улицъ. Рѣдко, кое-гдѣ, свѣтилась въ окнѣ запоздалая лампа. Сонныя фигуры закутанныхъ въ полушубки дежурныхъ дворниковъ темнѣли около воротъ. Чѣмъ дальше шелъ Варыгинъ, тѣмъ больше его охватывало ощущеніе одиночества и какой-то безпомощной затерянности среди этихъ, обступившихъ его со всѣхъ

сторонъ, каменныхъ ящиковъ. Гдѣ-то наверху, между крышами, чернѣла полоска ночного неба. Она казалась такой далекой, точно недосягаемой въ своей темнѣющей выси. Кругомъ было жутко и странно тоскливо. Варыгинъ угрюмо шагалъ среди тишины. Ему такъ хотѣлось снова вернуться туда, обратно!.. Снова подняться по ярко освѣщенной и покрытой коврами, лѣстницѣ, войти въ ту уютную, маленькую гостинную, снова увидѣть тѣ милые каріе глаза и сказать имъ, наконецъ, все то, что наполняетъ его душу такимъ тревожнымъ, мучительнымъ ожиданіемъ! Но онъ сознавалъ, что это было невозможно—онъ не принадлежалъ уже больше самому себѣ, онъ не могъ вернуться и долженъ былъ идти все впередъ и впередъ, въ загадочно открывавшуюся передъ нимъ осеннюю тьму безконечной ночи!..

VI.

Василій Петровичъ откинулся па спинку мягкаго кожанаго кресла, и холодные глаза его уставились сквозь очки на лицо Варыгина.

— Вы будете стрѣлять прямо въ упоръ!..—съ удареніемъ произнесъ онъ своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ.—Промаха, поэтому, быть не можетъ!..

— А если я всетаки промахнусь?..—спросилъ Варыгинъ.

— Этого не должно быть.

— А если вдругъ будетъ?..

Варыгину почему-то хотѣлось вывести Василія Петровича изъ его неизмѣнно невозмутимаго состоянія.

— Вдругъ ни одна пуля не попадетъ?.: Что тогда?..

Василій Петровичъ нетерпѣливо завозился на своемъ креслѣ.

— Вы забываете одно, Варыгинъ,—съ раздраженіемъ замѣтилъ онъ,—что если я берусь за какое-нибудь дѣло, то я устраиваю его не какъ попало... Неужели же вы думаете, что я пущу васъ туда прежде, чѣмъ самъ лично васъ не провѣрю?.. Пока я не увижу самъ, что на извѣстномъ разстояніи вы стрѣляете безъ промаха, вы никуда не пойдете!..

Наступило молчаніе.

— Такъ что я, значитъ, буду стрѣлять „съ гарантіей“?..—сказалъ, наконецъ, Варыгинъ.

— Разумѣется,—холодно отозвался Василій Петровичъ.

— Очень радъ!..

Варыгинъ скомкалъ бумажку, которую все время вертѣлъ въ рукахъ, и швырнулъ ее въ уголъ.

— Вы сегодня очень нервно настроены, Варыгинъ, —

внимательно посмотрѣвъ на него, замѣтилъ Василій Петровичъ,—нужно взять себя въ руки. Но... оставимъ это. Скажите лучше, что сообщила вамъ Татьяна Михайловна?..

— Говоритъ, что постарается...—послѣ нѣкоторой паузы отвѣтилъ Варыгинъ.

Сильно постарѣвшее, за послѣдніе дни, лицо Василія Петровича неожиданно приняло какое-то безразлично-усталое выраженіе.

— Странные вы всѣ люди, господа, — медленно произнесъ онъ, чуть слышно забарабанивъ пальцами по ручкѣ своего кресла. — Сколько времени я бьюсь съ вами, и все ничего не выходитъ... Какъ же можно въ такомъ дѣлѣ говорить „постараюсь“... Это значитъ—относиться несерьезно къ принятымъ на себя обязанностямъ... Здѣсь нужно только или „да“, или „нѣтъ“... А всѣ другія слова не имѣютъ никакого значенія... Мы должны быть точны и опредѣленны, какъ часовой механизмъ: самый маленькій винтикъ долженъ имѣть свое мѣсто и знать, какая у него существуетъ обязанность... Я не могу довѣрять часамъ, въ которыхъ, напримѣръ, колеса не вертятся туда, куда нужно, а только лишь *стараются* вертѣться!.. Я долженъ знать навѣрное: исполняются мои приказанія, или нѣтъ?.. Иначе я не могу разсчитывать и комбинировать мои планы... Вотъ сейчасъ, напримѣръ, мнѣ крайне важно знать: достанетъ ли Татьяна Михайловна эту подпись?.. Отъ этого зависитъ очень многое: если она достанетъ — я принимаю одинъ планъ дѣйствія, если нѣтъ—я долженъ позаботиться о выработкѣ другого... Вы поймите, Варыгинъ, вѣдь не для меня все это нужно, а для дѣла, и въ данномъ случаѣ лично для васъ!..

— Какимъ же это образомъ?..—спросилъ Варыгинъ.

Василій Петровичъ недовѣрчиво покосился на него черезъ очки, точно колеблясь, говорить ли ему объ этомъ, или лучше умолчать?.. Это бывало съ нимъ всегда, когда ему приходилось дѣлиться съ кѣмъ-нибудь другимъ частичкой хранящихся у него въ головѣ плановъ или получаемыхъ отовсюду секретныхъ сообщеній.

— Видите ли...—съ нѣкоторымъ усиліемъ заговорилъ онъ, все еще разсматривая исподлобья Варыгина, точно совсѣмъ незнакомаго ему человѣка.—Помимо всѣхъ другихъ соображеній, мнѣ лично хочется, чтобы вы уцѣлѣли... Вы мнѣ нравитесь — вы хорошій парень, и изъ васъ, впослѣдствіи, можетъ что-нибудь выработаться... Вы должны выстрѣлить въ него, когда онъ будетъ читать бумагу, которую вы ему подадите... Вы понимаете: если случится какая-нибудь неожиданность, — необходимо, чтобы бумага эта не возбудила подозрѣнія... Но... смотрите, Варыгинъ!.. Я совсѣмъ не хочу

этимъ сказать, что вы не подвергаетесь никакой опасности... Это не возможно!.. Я думалъ уже объ этомъ... Отъ васъ самого зависитъ... отъ вашей выдержки... отъ хладнокровія... Если вы будете владѣть собой—вы спокойно уйдете... Будь я на вашемъ мѣстѣ — я бы ушелъ!.. Но что касается васъ, то вы иногда бываете способны, т. е. у васъ имѣется...

Въ этотъ моментъ въ дверь сильно постучали. Василій Петровичъ не договорилъ и поднялся съ мѣста.

— Чортъ возьми, никогда не дадутъ поговорить спокойно!.. — пробормоталъ онъ, мелькомъ взглянувъ на свои, лежащіе на столѣ, золотые часы.—Вамъ придется подождать теперь... Пойдите въ ту комнату.

Варыгинъ молча вышелъ. Тамъ было уже довольно много народу. Въ этотъ день былъ назначенъ обычный пріемъ начальниковъ боевыхъ дружинъ всѣхъ рабочихъ раіоновъ, являвшихся еженедѣльно къ Василію Петровичу съ отчетомъ о своей дѣятельности и за полученіемъ инструкцій.

— Товарищи!..—громко заявилъ Василій Петровичъ, отворяя двери изъ кабинета въ комнату, гдѣ находилась вся публика.—Чья очередь—пожалуйте...—Высокій и угрюмый блондинъ съ рыжими усами рѣшительно двинулся первымъ. Двери за нимъ затворились. Оставшіеся въ ожиданіи занялись разговоромъ.

— Давно у васъ такія строгости пошли?!—кивая на закрытыя двери кабинета, обратился къ Варыгину одинъ, только что пріѣхавшій въ этотъ городъ и не знакомый еще съ здѣшними порядками.

— Это Василій Петровичъ все завелъ,—отвѣтилъ за Варыгина, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, Михайла. — Онъ насъ тутъ всѣхъ здорово подтянулъ!.. На цыпочкахъ ходимъ!..

— Оно, конечно, не мѣшаетъ, — согласился вновь прибывшій, — ужъ очень у насъ насчетъ дисциплины слабо, оттого и провалы такіе бываютъ...—Михайло задумчиво потеребилъ свою рѣденькую бороденку.

— Д... да!.. Пожалуй!.. Только ужъ бѣда, какъ онъ насъ конспираціей одолѣваетъ... Просто дыхнуть невозможно... Спать ночью ляжешь—и то во снѣ думаешь: а не дѣлаю ли, молъ, я сейчасъ чего-нибудь неконспиративнаго... Измучился я съ этой проклятущей конспираціей... Ей-Богу!..

Варыгинъ невольно улыбнулся, глядя на его добродушно-недовольную физіономію. Михайло былъ одною изъ тѣхъ прямыхъ и непосредственныхъ натуръ, которыя совершенно не созданы для конспиративной дѣятельности. Онъ отдавался своему дѣлу весь, безъ остатка, совершенно забывая самого себя, но и забывая въ то же самое время, что вокругъ него существуютъ обстоятельства, съ которыми нужно

и необходимо считаться. Постоянно погруженный въ размышленія насчетъ разныхъ отвлеченностей, онъ способенъ былъ выйти на улицу, задумчиво вертя въ рукѣ браунингъ, или вытащить на конкѣ изъ кармана, вмѣсто носового платка, забытую тамъ старую прокламацію. Онъ былъ когда-то хорошимъ агрономомъ, зарабатывалъ большія деньги, но теперь бросилъ все и жилъ исключительно для своего дѣла, питаясь чѣмъ попало и ютясь въ неимовѣрно грязной и тѣсной каморкѣ. Рабочіе очень любили Михайлу за его чистую и свѣтлую душу; онъ былъ для нихъ чѣмъ-то въ родѣ учителя-друга и пользовался въ своемъ раіонѣ огромнѣйшимъ вліяніемъ.

— Когда же вы снова работать начнете?..—подошелъ онъ черезъ нѣсколько времени къ Варыгину.—Я на васъ виды имѣю, у меня въ раіонѣ народу не хватаеть...

— Не знаю еще, — отвѣтилъ Варыгинъ.

— Ну, чего еще тамъ—не знаю!..—настаивалъ Михайло.—Пойдемъ ко мнѣ—да и все тутъ. Будетъ ужъ зря-то околачиваться. Чай, и самому, поди, надоѣло безъ дѣла на дачѣ сидѣть?..

— Ей-Богу же, я самъ еще не знаю...—улыбаясь, сказалъ Варыгинъ, знавшій пристрастіе Михайлы тащить въ свой раіонъ всѣхъ и каждаго.

— А кто же тогда знаетъ?..—недовѣрчиво протянулъ Михайло, замѣтившій улыбку Варыгина.—Не знаю, говоритъ, а самъ смѣется... Лодыри вы всѣ, господа!.. Работать не хотите... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, переходите ко мнѣ... Моихъ дружинниковъ стрѣльбѣ станете учить... Ей-Богу, уступлю!.. Я за этими дѣлами не гонюсь, да и признаться сказать, самъ-то я не шибко большой мастеръ по этой части... А за раіонъ досадно: по стрѣльбѣ онъ, почитай что, самый послѣдній!.. Василій Петровичъ и то меня въ прошедшій разъ училъ...

— Да не могу я... Сказалъ ужъ...—возразилъ Варыгинъ.—Радъ бы, да не могу: не отъ меня зависитъ...

— Ахъ ты, Господи Батюшка!.. Опять, значитъ, „онъ!"...—съ досадой воскликнулъ Михайло.—Во всякой бочкѣ гвоздь... Чего-жъ онъ васъ такъ держитъ?.. Солить, что ли, собрался...

— Не знаю ужъ...—развелъ руками Варыгинъ.—Его и спросите, мое дѣло—сторона...

— Да, —пробормоталъ себѣ подъ носъ Михайло,—спросишь его!.. Держи карманъ!.. Я, братъ, и то сегодня еле живъ сижу... Не до разспросовъ мнѣ...

— А что такое съ вами?—спросилъ Варыгинъ.

— Что!..—недовольно передразнилъ его Михайло—еженедѣльный отчетъ давать!.. Вотъ что... Хуже смерти для меня

эта операція... Раньше, бывало, все по-просту, а Василій Петровичъ во всякую дыру пальцемъ лѣзетъ... Въ прошедшій разъ вдругъ спрашиваетъ:—„А какой у васъ % удачныхъ выстрѣловъ и сколько пуль вы расходуете въ недѣлю?...“ „Не знаю, молъ!..“ Это я, значитъ, ему говорю... „Какъ же это такъ,—говоритъ, а самъ глазищами на меня изъ-подъ очковъ уставился. — Вы, говоритъ, начальникъ дружины и не знаете... Кто же долженъ тогда знать?..“ Меня индо потъ прошибъ!.. „Не хорошо,—говоритъ,—Михайло!.. Вы не дѣятельный...“ А я, ей-Богу же, каждый день въ половинѣ пятаго встаю, а ложусь спать чортъ знаетъ когда!.. Однако же, промолчалъ... „Къ слѣдующему разу, говоритъ, потрудитесь знать, для дѣла, молъ, это необходимо...“ Ну а я, чортъ его знаетъ какъ!.. Память, понимаете ли, отшибло... Туда-сюда завертѣлся, да и позабылъ опять... На лѣстницѣ только вспомнилъ, какъ сюда пришелъ... А ему нешто это объяснишь!..

Михайло сокрушенно махнулъ рукой и сталъ крутить папироску изъ какого-то вонючаго табаку, самаго послѣдняго сорта.

— Насчетъ одежды тоже,—послѣ недолгаго молчанія снова заговорилъ онъ.—„Почему, говоритъ, вы въ такомъ дрянномъ пальто ходите?.. Это не конспиративно... Если не на что купить—скажите: я вамъ достану...“

— Ну, а вы что же?..—спросилъ Варыгинъ.

— Да ничего, понятно... Хорошо, молъ, куплю новое... А отъ денегъ отказался... Неловко брать, знаете... Въ партіи и такъ теперь большіе расходы... Какъ-нибудь ужъ извернусь... Урочишко тутъ паршивенькій мнѣ наклевывается... На дняхъ сказывали...

— Михайло!..—раздался изъ дверей кабинета голосъ Василія Петровича.—Ваша очередь... Пожалуйте...—Михайло вздрогнулъ отъ неожиданности и, не переставая ожесточенно теребить свою ни въ чемъ неповинную бороденку, поплелся съ угнетеннымъ видомъ въ кабинетъ къ Василію Петровичу. Варыгинъ отошелъ къ окну. Въ комнатѣ, кромѣ него, никого уже больше не оставалось. Онъ закурилъ папиросу и, только что собрался было комфортабельно расположиться въ креслѣ въ ожиданіи, пока Василій Петровичъ окончитъ исповѣдывать Михайлу, какъ въ прихожей раздались два отрывистые звонка. Это было условнымъ сигналомъ, что пришелъ кто-нибудь изъ своихъ. Варыгинъ отворилъ двери и встрѣтился носомъ къ носу со стоявшимъ на порогѣ Сысоемъ.

— Ты зачѣмъ сюда?..—изумленно спросилъ Варыгинъ, все еще держа дверь открытою и не впуская Сысоя.

— Обалдѣлъ?..—отстраняя Варыгина рукой, кратко освѣ-

домился Сысой.—Что, Василій Петровичъ не ушелъ еще?..—разваливаясь на диванѣ, продолжалъ онъ невозмутимымъ тономъ, словно ничего особеннаго не случилось.

— Нѣтъ, ты мнѣ сперва скажи: какъ ты сюда попалъ?..—все еще не понимая его неожиданнаго появленія, настаивалъ Варыгинъ.

— Очень просто! Взялъ сѣлъ на поѣздъ и пріѣхалъ!.. Въ числѣ прочихъ пассажировъ...

— Но откуда же ты узналъ, что Василій Петровичъ именно здѣсь сегодня принимаетъ?

— Странное дѣло!.. А глаза-то у меня на что?..—вызывающе возразилъ Сысой.—Я, какъ ты утромъ на станцію пошелъ, все время тебя изъ виду не упускалъ... И на поѣздѣ вмѣстѣ ѣхалъ... И по городу сзади слѣдилъ... до самой до квартиры этой... Лучше, братъ, всякаго сыщика!.. А потомъ, какъ узналъ, что мнѣ надо было,—сѣлъ себѣ насупротивъ дверей въ трактирчикѣ, да и дождался, покудова вся публика разойдется... Чай, рожи-то всѣ знакомыя!.. Вотъ и вся недолга... Штука, какъ видишь—не трудная...

— Но за какимъ же чортомъ ты все это устроилъ?..—недоумѣвающее спросилъ Варыгинъ.—Смыслъ-то какой во всемъ этомъ?

— А это ужъ мое дѣло!..—пуская клубъ табачнаго дыма и протягивая по ковру свои длинныя ноги, заявилъ Сысой.—Конфиденціальный разговоръ съ Василіемъ Петровичемъ безъ постороннихъ лицъ!..

— Чортъ знаетъ, что такое!—Пожалъ плечами Варыгинъ.—Не думаю, чтобы Василій Петровичъ былъ особенно этимъ доволенъ.

— А мнѣ наплевать!.. Я не для его удовольствія сюда пріѣхалъ, а самъ для себя...—Сысой артистически сплюнулъ черезъ всю комнату и съ небрежнымъ видомъ сталъ разсматривать висѣвшія на стѣнѣ картины.

— Довольно недурно написано, — указалъ онъ на какой-то морской видъ,—есть настроеніе!..

— Твое дѣло, — замѣтилъ Варыгинъ.—А я такъ увѣренъ, что тебѣ здорово сейчасъ нагоритъ!

Въ этотъ моментъ двери кабинета съ трескомъ отворились, и оттуда поспѣшно выскочилъ, красный и растрепанный, Михайло.

— Ну, братцы вы мои, — не поздоровавшись даже впопыхахъ съ Сысоемъ, сообщилъ онъ:—вотъ такъ баня!.. Я вамъ скажу... отродясь еще эдакъ не парился... Прощайте, голубчики!.. На улицу бѣгу,—пожимая имъ обоимъ руки и натягивая на себя свое старенькое пальтишко, продолжалъ онъ.—Отдышаться надобно... Грозёнъ батюшка Василій Петро-

вичъ!.. Больно ужъ грозенъ, да за то и милостивъ!... Уфъ!.. Хошь купаться—такъ впору...

Входная дверь съ шумомъ захлопнулась. Наступила тишина. Солнце ярко свѣтило въ комнату. Изъ кабинета Василія Петровича доносилось монотонное тиканье маятника.

— Ну... теперь, Варыгинъ, мы съ вами уже можемъ...—появляясь въ дверяхъ, началъ было Василій Петровичъ, но, увидавъ Сысоя, остановился.—Вы какъ сюда попали?..—не высказывая ни малѣйшаго удивленія, спросилъ онъ.

Сысой, повидимому, не ожидавшій такого обычно спокойнаго тона Василія Петровича, смутился.

— Мнѣ съ вами нужно поговорить, Василій Петровичъ,—вставая съ мѣста, скромно произнесъ онъ.

— Я васъ спрашиваю: какъ вы сюда попали?..—попрежнему, не возвышая голоса, продолжалъ Василій Петровичъ.

— Такъ развѣ же мнѣ нельзя здѣсь быть?..—обиженно возразилъ Сысой:—У васъ ко мнѣ довѣрія-то ни на грошъ нѣтъ!.. Что я—сыщикъ, что ли?...—Лицо Сысоя приняло самое дѣтское выраженіе, и даже голосъ его, при послѣднихъ словахъ, какъ-то жалобно дрогнулъ.

— Нельзя ли безъ этихъ глупостей...—холодно произнесъ Василій Петровичъ.—Я этого не думаю и не говорю!.. Но вы все же не отвѣчаете на мой вопросъ: какъ вы сюда попали?..—Сысой молча мялъ въ рукахъ свою затасканную шапченку.—Пожалуйте сюда!..—окинувъ его внимательнымъ взглядомъ, произнесъ, входя въ кабинетъ, Василій Петровичъ. Сысой, утратившій сразу весь свой апломбъ, послѣдовалъ за нимъ и отъ смущенья даже забылъ притворить за собой двери. Варыгинъ взялъ со стола какую-то книгу и попробовалъ было углубиться въ чтеніе, но доносившіеся изъ кабинета голоса Василія Петровича и Сысоя мѣшали ему сосредоточиться. Онъ отложилъ книгу въ сторону и прислушался.

— Вы не имѣли права это дѣлать!..—продолжалъ, приближаясь къ полуоткрытой двери, Василій Петровичъ. Очевидно, разговаривая съ Сысоемъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету.—Вы должны были дождаться, когда я къ вамъ пріѣду... Это нарушеніе дисциплины, и если бы мы съ вами были на войнѣ...—Голосъ Василія Петровича сталъ постепенно удаляться.

— Такъ что же—мнѣ, по вашему, до второго пришествія, что ли, васъ дожидаться?..—донеслось до Варыгина запальчивое восклицаніе Сысоя:—съ какой стати вы думаете, что я не гожусь?.. Что я сдѣлалъ такое, что вы даже...

— Ну, какъ же мнѣ не говорить вамъ, что вы еще ребе-

нокъ?..—снова приблизился къ дверямъ спокойный голосъ Василія Петровича.—Вы очень славный ребенокъ, но какъ могу я брать на свою отвѣтственность... — Конецъ фразы снова остался неразобраннымъ Варыгинымъ.

— Ну и пускай!.. Ну и наплевать!..—голосъ Сысоя звенѣлъ рѣшимостью отчаянія.—Не боюсь я никакой смерти!.. Сами, кажется, могли убѣдиться... И не разъ, слава Богу... Кто можетъ про меня сказать, что я когда-нибудь...—Сысой, очевидно, тоже бѣгалъ изъ угла въ уголъ, потому что до Варыгина доносились только обрывки его возраженій.

— Ахъ, Сысой!.. Но вѣдь совсѣмъ же не въ этомъ дѣло...— Василій Петровичъ говорилъ съ обыкновенно несвойственной ему мягкостью въ тонѣ.—Я уже думалъ о васъ... И повѣрьте—если бы не эти ваши манеры и не ваша взлохмаченная грива, я ни на минуту не усумнился бы...—Василій Петровичъ медленно вернулся отъ дверей вглубь кабинета.—Я вѣрю въ вашу искренность, но... видите ли!..—глухо долетѣло оттуда до Варыгина.

— Молодость моя тутъ рѣшительно не при чемъ!..—Въ интонаціи Сысоя слышались уже плохо сдерживаемыя слезы:— я еще совсѣмъ мальчишкой такія штуки видалъ, что дай Богъ всякому... Я и въ батракахъ у мужика работалъ, и Христовымъ именемъ двѣ губерніи обошелъ... Кажется, ужъ не вамъ бы мнѣ говорить...

— Ну... вотъ сами посудите: развѣ можно же быть такъ ребячески нетерпѣливымъ?..—послышался опять приближающійся невозмутимый голосъ Василія Петровича.—А я было совсѣмъ собрался поручить вамъ одну роль, но теперь, послѣ этой вашей выходки, положительно не знаю... — Василій Петровичъ мимоходомъ притворилъ двери, и въ комнатѣ, гдѣ сидѣлъ Варыгинъ, стало сразу тихо. Варыгинъ снова принялся за свою книгу. Онъ просидѣлъ надъ ней около часу, пока, наконецъ, глухо звучавшіе за стѣной голоса обоихъ разговаривающихъ не смолкли.

— Варыгинъ, идите-ка сюда!.. — позвалъ его Василій Петровичъ, отворяя двери. Варыгинъ молча положилъ книгу на прежнее мѣсто.

— Мнѣ пора уже ѣхать,—сказалъ, протягивая ему руку, Василій Петровичъ.—Вы сейчасъ возвращайтесь домой и ждите меня тамъ, пока я не пріѣду... Я буду къ вамъ дня черезъ три-четыре... Но вы все равно за это время никуда не отлучайтесь—я могу пріѣхать и раньше... До свиданья!..— Василій Петровичъ пожалъ руки Варыгину и Сысою и легкимъ кивкомъ головы отпустилъ ихъ обоихъ.

— Значитъ,—на концертѣ буду...—съ буйнымъ приливомъ радости промелькнуло въ головѣ у Варыгина.

— Ты чего расплылся?..—веселымъ шепотомъ спросилъ его Сысой, по дорогѣ въ прихожую.

— А ты чему радуешься?..—въ тонъ ему отвѣтилъ Варыгинъ, съ невольной улыбкой разсматривая сіяющую физіономію Сысоя.

— Причины есть!..—съ важностью возразилъ Сысой, принимая серьезный видъ. Но въ тотъ же самый моментъ переполняющая его жизнерадостность сама раздвинула дѣловито сжатыя губы въ широчайшую улыбку, два ряда ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ сверкнули между ними, и Сысой засмѣялся, какъ-то совершенно уже по-дѣтски, довольнымъ смѣхомъ ребенка, наконецъ-то получившаго долго жданную игрушку...

— Экъ его разбираетъ!..—съ притворной досадой сказалъ Варыгинъ, которому самому вдругъ захотѣлось почему-то смѣяться. — Съ чего это ты?.. Наслѣдство получилъ?..

— Много мнѣ нужно твое наслѣдство!.. — пренебрежительно возразилъ Сысой.—У меня кое-что получше имѣется... Они вышли изъ дверей на улицу.

— Что же, напримѣръ?.. — спросилъ Варыгинъ. Сысой щелкнулъ пальцами и, наклонившись къ уху Варыгина, возбужденно-радостно произнесъ:

— Приняли вѣдь и меня тоже!.. То-то вотъ и есть... А ты—„наслѣдство“... Ну, а теперь—прощай!..—Сысой повернулся и рѣшительно зашагалъ прочь отъ Варыгина.

— Стой, куда же ты?.. — крикнулъ ему вслѣдъ Варыгинъ,—развѣ не вмѣстѣ ѣдемъ?..

— Дѣла, братецъ мой, дѣла!.. — съ важностью возразилъ Сысой, останавливаясь на секунду. — Поѣзжай одинъ, я послѣ пріѣду: Василій Петровичъ мнѣ цѣлую кучу порученій надавалъ...—Варыгинъ медленно пошелъ по направленію къ своему вокзалу.

— Чему я-то радуюсь сейчасъ?.. — невольно подумалъ онъ, слѣдя глазами за удаляющейся фигурой Сысоя.—У него есть причины: онъ такъ этого хотѣлъ!.. Ну... а я?..—Но въ этотъ моментъ передъ его мысленнымъ взоромъ смутно вырисовалось, какъ въ дымкѣ прозрачнаго тумана, знакомое милое лицо съ насмѣшливыми карими глазами...

— Ахъ, да, концертъ!..—снова вдругъ вспомнилъ онъ.—Значитъ, я буду на этомъ концертѣ, и, значитъ, все окончится...—Начатая Варыгинымъ мысль прервалась на половинѣ: онъ увидѣлъ прямо передъ собой громадную вывѣску, на которой было написано золотыми буквами: „Бюро похоронныхъ процессій“. Варыгинъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и отвернулся.—Какъ глупо!.. Я, кажется, становлюсь суевѣр-

нымъ, какъ старая баба... Этого еще не доставало...—Онъ съ досадой ускорилъ шаги, какъ бы стараясь уйти отъ самого себя и отъ этого навязчиваго напоминанія. Но, какъ онъ ни пытался вернуть бывшее передъ тѣмъ жизнерадостное настроеніе, оно безвозвратно исчезло, а вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и тотъ неясный обрывокъ прозрачнаго тумана, въ которомъ такъ близко рисовалось знакомое лицо съ весело смѣющимися карими глазами...

Раздосадованный и злой, съ какой-то внезапной усталостью во всемъ тѣлѣ, Варыгинъ вернулся, наконецъ, на свою одинокую дачу. Тамъ онъ долго еще сидѣлъ въ ожиданіи Сысоя, прислушиваясь къ тишинѣ, наполнявшей ночной сумракъ заснувшаго лѣса...

Сысой пріѣхалъ только поздно ночью.

VII.

Глухой звукъ выстрѣла коротко оборвался и смолкъ. Сѣрое осеннее небо пасмурно смотрѣло сквозь вершины деревьевъ. Варыгинъ опустилъ револьверъ и прислушался къ чуть слышному, перебѣгающему шороху сосенъ. Вдали на станціи маневрировалъ на запасномъ пути локомотивъ. Его шипѣнье гулко доносилось изъ-за лѣса среди внезапно наступившей послѣ выстрѣла тишины. Варыгинъ подошелъ къ березѣ, служившей ему мишенью—на гладкомъ и бѣломъ стволѣ ея виднѣлось на высотѣ человѣческаго роста маленькое чернѣющее отверстіе отъ пули. Варыгинъ зачѣмъ-то потрогалъ его пальцемъ и снова вернулся на прежнее мѣсто.

Утро было холодное и тоскливое. Нѣсколько разъ уже начиналъ моросить мелкій дождикъ. Варыгинъ поднялся сегодня рано, пока Сысой еще спалъ, и, захвативши съ собой револьверъ и патроны, отправился въ лѣсъ практиковаться. На душѣ у него была странная пустота: точно все, наполнявшее ее до сего времени, куда-то неожиданно исчезло, оставивъ одно лишь сѣренькое ощущеніе какой-то неопредѣленности. Мысли лѣниво бродили въ головѣ, спутанныя, неясныя: онѣ какъ-будто бы поднимались откуда-то изъ глубины темнаго зіяющаго колодца и, не дойдя до его поверхности, снова обрывались и падали туда, возбуждая какую-то тоскливую тревогу. Въ пронизанномъ холодной сыростью воздухѣ медленно крутились увядшіе листья березъ и осинника. Они тихо и непрестанно падали на еще мокрую отъ недавно шедшаго дождя землю, покрывая ее съ монотоннымъ шуршаньемъ желтовато-краснымъ узоромъ. Острый,

разливающійся по лѣсу, запахъ прѣлой листвы, осеннія тучи, просвѣчивающія сквозь оголенныя вершины трепещущихъ осинъ, однообразный свистъ вѣтра — все это, неуловимо и смутно сливаясь въ одну безотрадную картину смерти и разрушенія, создавало въ Варыгинѣ какое-то состояніе безотчетной грусти.

Нѣсколько рѣдкихъ капель дождя неохотно упали сверху, точно по принужденью. Варыгинъ снова поднялъ машинальнымъ жестомъ дуло револьвера и, намѣтивъ себѣ глазами точку на стволѣ березы, спустилъ курокъ. Отрывистый выстрѣлъ прокатился и замеръ. На корѣ появилась сбоку глубокая царапина отъ мимо скользнувшей пули — свѣже-содранный кусочекъ прозрачной бересты безсильно свѣсился оттуда и сейчасъ же зашевелился подъ порывомъ налетѣвшаго вѣтра.

— Промазалъ...—вслухъ произнесъ Варыгинъ. Онъ опять началъ цѣлиться, стараясь теперь взять немного правѣе. Вдругъ ему показалось, что береза, въ которую онъ сейчасъ мѣтилъ, похожа на неподвижно остановившуюся и закутанную въ бѣлое человѣческую фигуру. Варыгинъ опустилъ револьверъ.

— Какъ странно, — подумалъ онъ. — Мнѣ придется стрѣлять въ живого человѣка!..—Эта мысль, какъ будто, въ первый разъ пришла ему въ голову и почему-то поразила его своимъ внезапнымъ появленіемъ. Онъ невольно оглянулся назадъ. Но повсюду было по прежнему пустынно и тихо — онъ былъ совсѣмъ одинъ среди безмолвно стоящаго лѣса; наверху виднѣлось сѣрое небо, увядшіе листья по прежнему кружились и падали на землю, свистѣлъ вѣтеръ, и буйно раскачивались вершины сосенъ.

— Стрѣлять въ человѣка?..—снова подумалъ Варыгинъ.— Какъ это странно звучитъ: „въ человѣка“...—Онъ прислонился, задумавшись, съ револьверомъ въ рукахъ къ стволу старой сосны, съ мягкимъ шелестомъ шумѣвшей у него надъ головою. Но неожиданный окликъ Сысоя сейчасъ же вывелъ его изъ этого состоянія.

— Эй ты, меланхоликъ!.. Чего глаза-то выпучилъ, словно баранъ на новыя ворота?..—Сысой съ папиросой въ зубахъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Варыгина.—Я нарочно тихонечко подкрался, чтобы посмотрѣть, чѣмъ ты тутъ занимаешься!..—небрежнымъ тономъ продолжалъ онъ,— вижу: такъ и есть!.. Погрузился въ размышленія!.. О чемъ это ты?.. — Варыгинъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ стоять неподвижно.—Что, здорово насобачился?..—Сысой, не торопясь, подошелъ къ березѣ.—Н-да!..—протянулъ онъ, съ видомъ знатока осмотрѣвъ сегодняшніе результаты.—Ты,

братъ, прогрессируешь... Поздравляю... Только, знаешь, нужно всегда мушку ниже брать—рискуешь перелетомъ... Да и пули тогда кучнѣе садятся... А то у тебя онѣ — вонъ какимъ вѣеромъ разбросались!.. Хотя — въ общемъ, ничего... Не дурно!..

— Знаешь, Сысой, — медленно произнесъ Варыгинъ, — о чемъ я думалъ сейчасъ?..

— Такъ я-жъ тебя только что объ этомъ спрашивалъ.— Сысой повернулся отъ березы къ Варыгину.—Ну, такъ въ чемъ же дѣло?..

— Знаешь, я вотъ стрѣлялъ тутъ безъ тебя, и мнѣ вдругъ показалось ужасно страннымъ, что скоро, быть можетъ, мнѣ придется такъ же вотъ стрѣлять въ живого человѣка!..

— Ну, что-жъ тутъ особеннаго?..—возразилъ Сысой.—И при томъ, какой же это человѣкъ?.. Развѣ настоящій человѣкъ можетъ быть такъ подло жестокъ, какъ этотъ мужчина?..

— Да нѣтъ же, Сысой, ты совсѣмъ меня не такъ понялъ... — съ легкимъ оттѣнкомъ недовольства въ голосѣ сказалъ Варыгинъ.—Я самъ очень хорошо знаю, что человѣческаго въ обычномъ смыслѣ слова въ немъ очень мало, пожалуй, даже и совсѣмъ нѣтъ... Что для карьеры онъ пойдетъ всегда на что угодно... Нѣтъ! Я совсѣмъ не объ этомъ говорю сейчасъ; мнѣ не жаль, что онъ умретъ... Но мнѣ, видишь ли, странно то, что я, лично я, тотъ самый Петръ Варыгинъ, съ которымъ ты сейчасъ разговариваешь, не испытываю никакого ощущенія!.. Понимаешь, меня поражаетъ то, что я отношусь къ ожидающему меня факту съ какимъ-то безразличіемъ... Вѣдь пойми: я же не въ березу буду стрѣлять, а въ человѣка, который ѣстъ, пьетъ, ходитъ, разговариваетъ, думаетъ о чемъ-нибудь!.. Вѣдь это же ужасно просто все выходитъ: навелъ дуло, нажалъ собачку... хлопъ! И все кончено!..

— А тебѣ какого же еще рожна нужно?..—насмѣшливо спросилъ Сысой.—Поэтическаго настроенія?..

— Да нѣтъ!.. Совсѣмъ не то!.. — медленно продолжалъ Варыгинъ, какъ бы размышляя вслухъ и въ то же время ища ускользающую отъ него формулировку своей мысли.— Ты только вообрази себѣ... Вѣдь это же, ей-Богу, какъ-то странно!.. Какъ хочешь, но я это не совсѣмъ ясно себѣ представляю... Раньше я не думалъ, что все это такъ удивительно просто... Мнѣ предложили—я согласился; потомъ я пойду; а потомъ меня, быть можетъ, повѣсятъ... Понимаешь—точно на заказъ!.. Какъ-то ужъ очень примитивно выходитъ!.. Мнѣ казалось раньше, что я долженъ горѣть, волноваться, ненавидѣть... Меня должно мучить сознаніе, что тотъ человѣкъ, которому нужно исчезнуть, живетъ еще

на землѣ, и я все-то не убилъ его... И еще—я думалъ, что это непремѣнно долженъ быть я... Понимаешь—именно я, а не кто-нибудь другой, и замѣнить меня никто уже не можетъ!.. Ты чувствуешь, что я хочу этимъ сказать?.. Ну, а сейчасъ, положимъ, вдругъ явился бы къ намъ Василій Петровичъ и сказалъ мнѣ: „для васъ есть другое дѣло—вы сюда не годитесь...“ Я не знаю—кажется, мнѣ это было бы все равно!.. Вотъ это-то меня и пугаетъ... Пойми же, Сысой!.. Вѣдь я все время, какъ будто, стою себѣ въ сторонѣ и наблюдаю... А между тѣмъ, дѣйствовать-то придется именно мнѣ!.. Я долженъ жаждать его крови!.. Я долженъ пріучать свой глазъ, испытывать руку и радоваться, видя, какъ пуля садится у меня рядомъ съ пулей... Но мнѣ почему-то все это абсолютно безразлично... Это странно!.. Я выстрѣлю въ него съ такимъ же чувствомъ, какъ будто я стрѣляю въ эту самую березу... И ни къ ней, ни къ нему у меня одинаково нѣтъ ни ненависти, ни чувства мести... Ничего рѣшительно!.

Варыгинъ умолкнулъ. Сысой внимательно оглядѣлъ его съ ногъ до головы.

— Ты, парень, однако какую-то ересь порешь, — съ нѣкоторымъ колебаніемъ замѣтилъ онъ.—Чортъ же тебя пойметъ: что тебѣ надобно?.. По моему, смотри на эти вещи просто—безъ всякой этой самоковыряющей философіи: нужно раздавить змѣю?.. Да, молъ, нужно!.. Ну, вотъ, значитъ, и дави ее безъ всякихъ разговоровъ!.. Коротко и ясно... Не понимаю: къ чему ты все это клонишь?..

— А вотъ къ чему, — тихо возразилъ Варыгинъ. — Помнишь, я какъ-то давнымъ-давно тебѣ говорилъ, что всего важнѣе для меня мое собственное сознаніе... Ты это помнишь?..

— Ну, положимъ что помню, — нетерпѣливо возразилъ Сысой.—А дальше-то что?..

— Нѣтъ—ты не торопись!.. Дай сказать, какъ слѣдуетъ...— продолжалъ Варыгинъ.—Тогда ты еще мнѣ доказывалъ, что всѣ должны идти, что всѣ обязаны положить „животъ свой за други своя“ и т. д. А я тебѣ говорилъ: нѣтъ, не всѣ... Только тѣ одни должны идти, которые хотятъ этого, которые чувствуютъ, что для нихъ нравственное удовлетвореніе именно въ этомъ, а не въ чемъ-либо другомъ... Помнишь, — мы съ тобой тогда спорили?.. Ты тогда еще меня „буржуемъ“ обозвалъ, когда я сказалъ тебѣ, что если бы я не чувствовалъ себя духовно связаннымъ со всей моей работой, если бы я увидѣлъ вдругъ, что и безъ нея моя жизнь будетъ ярка и красива—я бы бросилъ все и отошелъ въ сторону...

— Ну, такъ что-жъ изъ этого?..—снова перебилъ его Сы-

сой. — Чего ты мнѣ все это опять сначала-то твердишь?.. Я-жъ тебѣ двадцать разъ уже сказалъ, что я это помню... Нечего, значитъ, и размазывать!

— Ну, вотъ, если ты все это помнишь—я могу, значитъ, перейти прямо къ дѣлу...

— Давно пора!.. — пробормоталъ Сысой, отыскивая по карманамъ своего пальто коробку со спичками.—Куда это ихъ чортъ запихалъ?..

— Вотъ я про то же и говорю...—продолжалъ, не слушая его, Варыгинъ.—Мнѣ это странно: я не переживаю сейчасъ яркаго и сильнаго момента... Такъ, обыденщина какая-то; только вмѣсто того, чтобы стрѣлять вообще для упражненія, я стрѣляю сегодня съ опредѣленной цѣлью... Вотъ и все!.. И при томъ все время какое-то апатичное равнодушіе.

— А ты подумай-ка лучше о тѣхъ подлостяхъ, которыя онъ натворилъ!..—пренебрежительно возразилъ Сысой, отыскавшій, наконецъ, свои спички. — Небось, всякая „апатія“ соскочитъ...

— Да я пробовалъ уже,—сказалъ Варыгинъ,—ничего не выходитъ... Получается что-то отвлеченное, какая-то идея... Но это меня не удовлетворяетъ... Вотъ если бы я самъ тамъ, на мѣстѣ видѣлъ все, что онъ устроилъ — тогда, пожалуй, возможно, что я сталъ бы его ненавидѣть... Но теперь... Понимаешь, я знаю, что онъ худой человѣкъ, не человѣкъ даже, а слѣпая, бездушная машина въ генеральскомъ мундирѣ— но это все для меня какъ-то отвлеченно... Я чувствую, конечно, что имѣю право передъ самимъ собой и своей совѣстью устранить его съ дороги, потому что онъ загораживаетъ на ней людямъ путь къ свободѣ и счастью... Но вѣдь слово „устранить“—коротко и просто только тогда, когда ты его произносишь, или когда пишешь всѣ эти составляющія его буквы на бумагѣ. Но, лишь только ты начинаешь проводить его въ жизнь—столько тебѣ встрѣтится разныхъ неожиданно удлиняющихъ и усложняющихъ его добавленій, что нужно имѣть еще что-то въ запасѣ, что дало бы силу съ ними справиться... Вотъ сейчасъ я и чувствую, что у меня, какъ будто, недостаетъ этого „чего-то“...—Понимаешь, Сысой, мнѣ все это кажется такимъ тусклымъ, обыкновеннымъ... и нѣтъ въ немъ ни поэзіи непосредственнаго чувства, ни яркой вспышки отчаянія, ни мести... ничего!.. Все какъ-то разсчитывается, взвѣшивается, размѣряется, какъ въ аптекѣ — что-то странное получается... Я не боюсь смерти, Сысой, но мнѣ жаль все же разставаться съ жизнью... Она вѣдь хороша, Сысой!.. Ей-Богу!.. И мнѣ, знаешь ли, очень бы хотѣлось, чтобы, прощаясь съ ней, я чувствовалъ удовлетвореніе моего внутренняго „я“, что оно прекращается за

что-то яркое, мощное, необходимое не только вслѣдствіе разныхъ тамъ соображеній насчетъ „общественной пользы“ и т. д., но и для моего собственнаго сознанія..

— Еще бы тебѣ чего!..—заявилъ Сысой:—у тебя, я вижу, губа то не дура... Всякому человѣку хочется быть дьякономъ, какъ говорятъ у насъ въ Одессѣ... Только я тебѣ вѣрно говорю: брось ты, пожалуйста, всѣ эти свои романтики!.. Вѣдь пропадешь, зря пропадешь!.. А теперь, можно сказать, всякій человѣкъ на чеку—время горячее...

— Какимъ же это образомъ я вдругъ пропаду?..—поинтересовался Варыгинъ.

— А очень просто—обабишься... Отъ поэзіи до бабы всего только одинъ шагъ!.. Это, братъ, мое собственное изреченіе — ни откудова не укралъ... Ну—а тамъ... Какой же къ чорту изъ тебя будетъ революціонеръ?.. Неопредѣленное междометіе—и больше ничего!..—Варыгинъ усмѣхнулся.

— Опять ты на своего конька попалъ. Давай оставимъ этотъ разговоръ, а то снова, пожалуй, придется сказку про бѣлаго бычка разсказывать! А ты мнѣ, вмѣсто того, скажи лучше, отчего это у тебя вся рожа расцарапана, и потомъ ты, какъ будто, на лѣвую ножку прихрамываешь... Что съ тобой тамъ случилось?.. Дулъ тебя кто-нибудь?..

Сысой съ озабоченнымъ видомъ сдвинулъ шапку на затылокъ. На лицѣ его выразилось нѣкоторое колебаніе.

— Видишь ли,—произнесъ онъ, морщась и какъ бы съ усиліемъ процѣживая слова сквозь зубы.—Чортъ его знаетъ—не знаю, право: говорить ли тебѣ, нѣтъ ли...

— Да въ чемъ дѣло?..—садясь на пень, спросилъ Варыгинъ.—Чего ты эдакъ морщишься-то, словно у тебя брюхо рѣжетъ?..

— Да конспирація опять!.. Провались она совсѣмъ, — возразилъ Сысой,—не велѣлъ тебѣ Василій Петровичъ сказывать... Да ужъ чортъ съ тобой, разскажу... Только ты смотри — чтобы Василію Петровичу ни полъ-слова!.. Онъ какъ пріѣдетъ, навѣрное, тебя экзаменовать начнетъ: не проболтался ли я ненарокомъ!..

— Да въ чемъ дѣло-то?... — сказалъ Варыгинъ.—Говори сейчасъ лучше—все равно потомъ не утерпишь...

— Ну, это, положимъ—ахъ оставьте!..—съ важностью объявилъ Сысой.—Если я не захочу чего сказать, такъ изъ меня клещами не выдерешь!..

— Ну ладно, ладно, — перебилъ его Варыгинъ, — молодецъ!.. Я тебя давно знаю... Ну, а теперь разсказывай... Синякъ-то у тебя откуда?..

Сысой присѣлъ на корточки около Варыгина и медленно началъ свертывать папиросу.

— Видишь ли, какая исторія получилась. Какъ это мы съ тобой, значитъ, давеча попрощались—пошелъ я Василія Петровичевы порученія выполнять... Нужно было, братецъ ты мой, пойти мнѣ ни много, ни мало, какъ на самыя чортовы кулички, на другой конецъ города, къ заставѣ почитай!.. А тамъ на нѣкой улицѣ, на правой сторонѣ нужно было, значитъ, нанять извозчика и съ нимъ поѣхать... А куда—это ужъ онъ самъ долженъ знать... Ну-съ... Пришелъ я туда—смотрю, дѣйствительно, въ числѣ прочихъ стоитъ этотъ самый извозчикъ: и номеръ его, и примѣты, все подходящее. Я натурально залѣзъ къ нему въ пролетку: „поѣзжай прямо!..“ Оглянулся онъ на меня искоса, а рожа у него, понимаешь ты, угрюмая, темная, бороденка рѣденькая, а парень-то изъ себя ничего—коренастый...—„Куда ѣхать прикажете?..“ спрашиваетъ.—Поѣзжай прямо!..—Чмокнулъ онъ... возжами дернулъ... поѣхали. Такъ и такъ, говорю—сегодня Василій Петровичъ не будетъ, гдѣ обѣщалъ третьеводни, а проситъ лошадь перепречь въ бричку на двоихъ и ждать, гдѣ сами знаете... Все слово въ слово, какъ Василій Петровичъ мнѣ внушилъ. Ну... жду—что дальше будетъ. Молчитъ себѣ, только коня подхлестываетъ... Вижу, субъектъ не изъ разговорчивыхъ... Однако, думаю, попробуемъ... Переждалъ еще минуты двѣ для приличія, а потомъ къ нему: „куда, молъ, это мы, товарищъ, ѣдемъ?..“ Сопитъ себѣ и ничего не отвѣчаетъ!.. „Далеко, молъ, ѣхать-то осталось?..“ Посмотрѣлъ онъ тутъ на меня бычкомъ эдакимъ, исподлобья,—„не знаю“—бурчитъ и опять словно воды въ ротъ набралъ!.. Тутъ меня сразу же и осѣнило: не иначе, молъ, какъ это его Василій Петровичъ своей конспираціей ущемилъ!.. Отсталъ, понятно, Богъ съ нимъ!.. Такъ, молча, мы съ нимъ и доѣхали... Велѣлъ онъ мнѣ у какого-то пустыря за заборчикомъ подождать—черезъ полъчаса является въ бричкѣ: „Пожалуйте!..“—Сѣлъ я съ нимъ рядышкомъ—поѣхали... Смотрю—Василій Петровичъ навстрѣчу идетъ, и такимъ франтомъ: въ мѣховомъ пальто, и перчатки желтыя. Сейчасъ мой кучеръ, не говоря дурного слова, возжи мнѣ, а самъ прыгъ изъ брички!.. Потолковали они о чемъ-то съ Василіемъ Петровичемъ. Василій Петровичъ ко мнѣ сѣлъ, а онъ пошелъ себѣ куда-то вдоль улицы... А пустынно тамъ, въ тѣхъ краяхъ-то—ни собаки не увидишь, только мы трое и были! Закурилъ тутъ Василій Петровичъ папироску, мнѣ далъ одну — „жарьте прямо!..“ Я, значитъ, чирикъ!.. возжи натянулъ, лошаденка рѣзвая — катай, запузыривай!.. Правлю я, а самъ все чувствую, какъ Василій Петровичъ меня разсматриваетъ... А о чемъ онъ думаетъ въ это время, лѣшій его разберетъ!..

— Помчались мы съ нимъ эдакимъ манеромъ по какимъ-

то уличкамъ, переулкамъ—самъ чортъ тамъ ногу сломитъ—того и гляди, колесомъ въ рытвину попадешь, и вся бричка къ чорту!.. „Вы, говоритъ, Сысой,—довольно недурно правите...“ Это Василій Петровичъ, значитъ, мнѣ... Да, говорю, я въ кучерахъ три мѣсяца служилъ, года полтора назадъ... Обучился малость... „Только вы, говоритъ, возжи слабо держите—хорошія лошади этого не любятъ!..“ А я, молъ, Василій Петровичъ, больше на клячахъ ѣздилъ, такъ къ рысакамъ привычки не имѣю... Опять замолчалъ—и я, понятно, молчу... Думаю: здóрово они съ тѣмъ парнемъ подъ масть подошли—оба какъ изъ одного тѣста состряпаны!.. Вдругъ, понимаешь ты, Василій Петровичъ безъ всякихъ никакихъ, молча беретъ у меня возжи, тащитъ кнутъ... „Чего вы, спрашиваю,—не угодилъ?..“ Посмотрѣлъ онъ на меня изъ-подъ очковъ: „Вы, говоритъ, хоть и служили въ кучерахъ, а все же я себѣ самому больше довѣряю... Намъ надо, говоритъ, сейчасъ гнать во всю... За нами слѣдятъ...“ Что за чортъ!.. Оглянулся — и впрямь: гонится за нами какая-то пролетка, и въ ней два штатскихъ.—Да, можетъ, это еще ничего?..—говорю. „Я ихъ знаю—это сыщики!..“—отрѣзалъ мнѣ Василій Петровичъ — и снова смолкъ. А лошаденка-то наша, понимаешь, во всю, можно сказать, стелется!.. Однако, штатскіе насъ тоже изъ виду не теряютъ... Скверно, думаю... А все же ловко Василій Петровичъ правитъ... Какъ заправскій кучеръ, ей-Богу... И гдѣ это его чортъ всему научилъ?.. Ну-съ... вдругъ онъ сразу же возлѣ переулочка одного, за заборчикомъ,—тпру... „Вылазьте!..“ Смотрю—мой парень мрачный ужъ откуда-то навстрѣчу бѣжитъ—смекалистый, должно быть, мужикъ... Сейчасъ въ бричку скокъ!.. Хлестнулъ, свиснулъ и пошелъ себѣ щелкать по переулочкамъ... Спервоначалу-то сыщики за нимъ было и погнались—да дернуло одного изъ нихъ обернуться—замѣтили насъ... А мы тѣмъ часомъ черезъ заборъ... Огородъ тамъ какой-то—мы по нему... А сзади: „держи!.. держи!..“ Слышно—пошли ужъ по всей улицѣ соловьи перекликаться... Принажали мы тутъ съ Василіемъ Петровичемъ на педали—ловко бѣгаетъ, чортъ его дери!.. Опять заборъ по дорогѣ—хлопъ!.. Перемахнули—да бѣсъ меня подъ локоть подтолкнулъ: оборвался и рожей-то прямо въ репей!.. Ногу подвернулъ... „Осторожнѣе нужно!..“ Это Василій Петровичъ мнѣ, и такимъ тономъ, словно мы съ нимъ въ кабинетѣ разговариваемъ... А на улицѣ-то ужъ—Богъ ты мой!.. И шумъ, и крикъ, и свистъ... Совсѣмъ дрянь дѣло. Попали мы съ Василіемъ Петровичемъ во дворъ какой-то—домъ большой, флигеля... Народу-то никого не видно—да и темнѣть ужъ къ тому времени начало... Походили мы, походили—смотримъ: выходъ-то есть, только опять на ту же

улицу. „Ну, говоритъ мнѣ Василій Петровичъ,—не хорошо, Сысой... Значитъ окончена наша съ вами карьера... А между прочимъ, револьверъ у васъ есть?..“—Есть, говорю—вотъ онъ!.. „Прекрасно, и у меня тоже есть... Стрѣляете вы порядочно?..“ Да ничего, молъ—иногда палилъ... „Хорошо!..“ Это онъ мнѣ.—Позвольте, говорю, Василій Петровичъ, я изъ-за заборчика по нимъ пальбу открою, а вы тѣмъ часомъ удрать можете... „Вы, говоритъ, Сысой, глупости мелете!.. Что-жъ вы думаете, я брошу васъ, а самъ убѣгу?.. И такъ не хорошо все вышло, а вы еще тутъ ерунду болтаете...“ Прошелся шага два взадъ, впередъ, закурилъ, понимаешь ли, папироску. — „Возьмите!..“ Мерси!.. И я тоже спичкой чиркнулъ... Только вдругъ мнѣ Василій Петровичъ и говоритъ:—„Вотъ видите, Сысой, какъ важно умѣнье держать себя въ рукахъ—растеряйся мы съ вами, начни бѣгать да суетиться—такъ ни за что бы и пропали. А тамъ, вонъ за дровами, калитку я замѣтилъ...“ Посмотрѣли — совершенно вѣрно: калиточка маленькая, и не заперта. Отворили—видимъ еще какой-то дворъ, опять строенья—прошли себѣ мимо, не спѣша, да и вышли другимъ ходомъ на задворки. Такъ имъ насъ и не пришлось прищучить!.. А совсѣмъ ужъ было дѣло къ этому подходило... Вотъ только колѣнку здорово расшибъ—согнуть больно...

Сысой замолчалъ и принялся ожесточенно выдувать мундштукъ, въ которомъ застрялъ окурокъ папиросы.

— Ну, счастливъ твой Богъ,—съ сомнѣніемъ сказалъ Варыгинъ.—Если бы тебя тамъ вмѣстѣ съ Василіемъ Петровичемъ застукали—была бы это для тебя скверная исторія!

— Да,—меланхолически вздохнулъ Сысой.—Кабы еще маленечко,—быть бы бычку на веревочкѣ... А впрочемъ—наплевать!.. Все равно всѣ умремъ!..

— Только не всѣ въ одно и то же время...—возразилъ Варыгинъ.

Наступило молчаніе. Стихнувшій было вѣтеръ неожиданно встрепенулся, и отъ его рѣзкаго порыва, мокрыя вѣтви ели, подъ которой расположились Сысой съ Варыгинымъ, обдали ихъ съ ногъ до головы мельчайшими холодными брызгами. Сысой недовольно поднялся.

— А... чортъ!..—выругался онъ:—всю, какъ есть, рожу обрызгало... Пойдемъ, что ли, до дому?..

— Пойдемъ,—неохотно согласился Варыгинъ, вставая со своего пня и отряхивая шапкой одежду.—Только куда ты заторопился?.. Посидѣли бы?...

— Да по мнѣ хошь еще посидимъ,—отозвался Сысой.—Все равно дома-то дѣлать нечего... Что здѣсь сидѣть—что тамъ... Только дома я бы печку затопилъ...

— Тогда лучше посидимъ здѣсь, — сказалъ Варыгинъ, снова садясь на прежнее мѣсто и доставая портсигаръ изъ кармана.— Мнѣ нравится, какъ лѣсъ шумитъ, а тамъ тоскливо... О чемъ это вы вчера съ Василіемъ Петровичемъ бесѣдовали?..— продолжалъ онъ, закуривая папиросу.—Опять конспирація?.. И потомъ, скажи ты мнѣ толкомъ: куда, собственно, онъ тебя принялъ? . Я что-то давеча не разобралъ...

Сысой молчалъ и усиленно хмурился, по привычкѣ покусывая ногти.

— Какъ тебѣ сказать?..—медленно заговорилъ онъ, наконецъ.— Я, собственно, весь-то нашъ разговоръ передавать тебѣ не буду—не зачѣмъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ... Ну, словомъ, чортъ съ нимъ!.. И не стоитъ объ этомъ разговаривать... А что касается того, куда онъ меня принялъ — такъ ты же вѣдь самъ знаешь—и спрашивать, значитъ, было нечего... А что я тамъ дѣлать буду—самъ еще не знаю... Онъ только сказалъ, что будетъ мнѣ второстепенная роль, которая ко мнѣ подойдетъ и по наружности, и по привычкамъ... вотъ и все! Я и разспрашивать больше не сталъ— самъ знаешь, что это безполезно... Зря только языкъ объ зубы почешешь... Обѣщалъ, какъ сюда пріѣдетъ, и тебѣ, и мнѣ все, какъ слѣдуетъ, объяснить... Изъ этого я заключаю, что мы съ тобой и на дѣло вмѣстѣ пойдемъ, и на одной веревочкѣ за компанію поболтаемся!..

— Ну... положимъ, послѣднее совсѣмъ излишне, — холодно замѣтилъ Варыгинъ.

— Да ужъ излишне или нѣтъ — это вопросъ другой, а что придется—такъ ужъ это навѣрно!..—Сысой зѣвнулъ и лѣниво потянулся.—Что-то переспалъ, я, братъ, сегодня... Цѣльный день ко сну все клонитъ... Чуть рта себѣ зѣваючи не разодралъ!..

— А еще о чемъ вы съ нимъ говорили?..—послѣ недолгой паузы, спросилъ Варыгинъ.

— А потомъ былъ у насъ разговоръ частный... Такъ... обо всемъ понемножку. Разспрашивалъ онъ меня, какъ я жилъ, гдѣ жилъ, есть ли у меня родные и все такое прочее... Въ родѣ, понимаешь ты, какъ на исповѣди... Ну... будь кто другой на его мѣстѣ, я бы его, натурально, срѣзалъ: ты, молъ, мнѣ не духовный отецъ, а мнѣ, молъ, нынче не послѣдній конецъ!.. А Василію Петровичу, понятно, разсказалъ все, какъ слѣдуетъ быть... Только онъ чудакъ тоже: я ему и то, и се... а онъ меня словно въ микроскопъ сквозь очки разсматриваетъ, а самъ, какъ попугай: „молоды вы, Сысой!.. Ахъ, какъ вы еще молоды!..“ Ну... понимаешь, меня даже злость взяла. — Какого, молъ, чорта, говорю, Василій Петровичъ, вы все одно и то же заладили?.. Въ

чемъ молодость-то моя выражается? Что я такое сдѣлалъ, особенно глупое?.. Ну... а онъ меня вдругъ спрашиваетъ: „Скажите, говоритъ, Сысой—вы можете бомбу бросить?.. Обдумайте и потомъ скажите—это очень важно...“ Да нечего мнѣ и думать, говорю, — могу, сколько угодно!.. „Вотъ, видите, говоритъ, какъ же вы не молоды? Развѣ эти вопросы такъ скоропалительно рѣшаются?..“ Ну, я, знаешь, тутъ совершенно ужъ обозлился.—Я, говорю, этотъ вопросъ совсѣмъ не съ разбѣгу рѣшилъ, онъ у меня, можно сказать, изъ всей философіи моей жизни рѣшался — потому меня сама жизнь къ этому выводу привела!.. Ничего не отвѣтілъ. Поднялся, посмотрѣлъ на часы. „Поздно ужъ, говоритъ,—мы съ вами еще объ этомъ поговоримъ, и тогда вы мнѣ про свою философію разскажете... А теперь мнѣ ѣхать пора...“ Тѣмъ и бесѣда наша кончилась.

— Зачѣмъ же онъ тебя объ этомъ спрашивалъ?.. — сказалъ Варыгинъ.

— А кто его знаетъ,—безпечно возразилъ Сысой, — нешто въ его душу залѣзешь?.. Изучаетъ онъ меня, какъ видно—сомнѣвается: гожусь ли?.. Да мнѣ наплевать — онъ правъ: ему нужны люди вѣрные, которые не боятся смерти!.. Вотъ ты, напримѣръ: что ты сейчасъ думаешь о томъ, что тебя, быть можетъ, скоро повѣсятъ?..

— Ничего не думаю...—произнесъ Варыгинъ, глядя куда-то передъ собой неподвижнымъ взглядомъ.—Сейчасъ мнѣ все это кажется чѣмъ-то такимъ далекимъ, безразличнымъ!.. Не знаю... Послѣ, быть можетъ...—онъ замолчалъ, не договоривъ до конца своей мысли.

— Ну, вотъ видишь,—не замѣтивъ этого, перебилъ Сысой, сдвигая шапку на затылокъ и присаживаясь ближе къ Варыгину. — Я вотъ тоже такъ... Ну, умрешь, умрешь!.. И крышка!.. И чортъ съ нимъ!.. Когда жалѣть нечего, то не все ли равно, когда помереть?.. Завтра ли, сегодня ли, или старичкомъ старенькимъ, изъ котораго уже песокъ сыплется... Потому-то я и говорю, что все это по боку нужно. Красивые моменты-то твои!.. Лишнее все это сейчасъ... Да... Ты вѣдь знаешь, Петька, я однажды совсѣмъ было помирать собрался... и попа ужъ ко мнѣ позвали... Ей-Богу!..

— Гдѣ это было?—спросилъ Варыгинъ.

— Я-жъ тебѣ разсказывалъ, какъ я на одесскомъ лиманѣ въ рыбацкой ватагѣ состоялъ... Такъ вотъ тамъ... Товарищъ одинъ нарѣзался какъ-то пьянымъ, какъ свинья,—тамъ публика-то изъ всѣхъ ночлежекъ собирается, — да меня ножичкомъ въ бокъ и пырнулъ!..

— За что же, собственно?..—перебилъ его Варыгинъ.

— А шутъ его знаетъ... Такъ себѣ, вообще!.. Ну... на-

чала кровища изъ меня хлестать... Сознанье я потерялъ... Очнулся, смотрю—въ больницѣ на койкѣ лежу, и попъ уже около меня... исповѣдывать собирается... Натурально, шепнулъ я тутъ ему одно словечко, во весь-то голосъ силы не хватило... Ушелъ батюшка, а я остался... На другое утро пришелъ тотъ типъ, принесъ мнѣ четверку табаку, осьмушку чаю да сахару полфунта...—Прости, говоритъ, не по злобѣ я, а по пьяному дѣлу!.. — Чортъ съ тобой, говорю, прощаю!.. Облобызались мы съ нимъ,—онъ мнѣ еще въ землю на прощанье поклонился,—не попомни, говоритъ... Ну-съ, такъ вотъ тамъ, въ кровати лежа (мѣсяца полтора, пожалуй, я въ больницѣ провелъ), я все размышленіями и занимался... И пришелъ, братъ, къ такому заключенію, что никому отъ моей смерти никакого бы убытка не произошло... А что докторъ мнѣ жизнь сохранилъ, такъ песъ ли мнѣ въ ней?.. Одинъ только и есть на всемъ свѣтѣ человѣкъ, которому тяжело бы было: это мать моя,—да она ужъ старуха и сама, пожалуй, теперь померла... Я вотъ ужъ два года ни ей ничего о себѣ не пишу, ни отъ нея ничего не получаю...

— Почему же такъ, развѣ ты съ ней въ ссорѣ?..—спросилъ Варыгинъ.

— Да нѣтъ, не въ ссорѣ, а просто не къ чему. Пускай думаетъ, что меня ужъ на свѣтѣ нѣтъ—и ей лучше, и мнѣ!.. По крайности, руки ничѣмъ не связаны, что хошь—то и дѣлай, потому ни о комъ тебѣ думать не приходится!.. А ушелъ я изъ дома раньше еще, когда было мнѣ пятнадцать лѣтъ. Фантазія такая пришла, и книжекъ я много тогда начитался... А предварительно меня изъ гимназіи изъ третьяго класса выперли „за вредное вліяніе“ и „за куреніе табаку во время уроковъ“... А отецъ-то мой, хотя чиновникъ былъ, и очень маленькій, однако строгость имѣлъ весьма большую. Съ тѣхъ поръ я и пошелъ мыкаться... Не стоитъ только разсказывать объ этомъ—совсѣмъ, братъ, не занятная исторія... Скажу только, что ѣдучи однажды въ третьемъ классѣ зайцемъ, подъ лавкой—познакомился я съ однимъ студентомъ... Разговорились. Онъ на лавкѣ лежитъ — а я внизу... Такъ и бесѣдуемъ... Ну-съ... Обошелъ онъ послѣ этого нашего разговора вагонъ съ фуражкой въ рукахъ и наскребъ для меня рублей 8... Своихъ, поди, доложилъ!.. Славнымъ парнемъ оказался,—а такъ какъ ѣхали мы съ нимъ въ одинъ и тотъ же городъ, то продолжали, значитъ, и тамъ знакомство. Я на фабрикѣ сталъ работать. Познакомилъ онъ меня кое съ кѣмъ изъ партійной публики... Стали ко мнѣ захаживать... Кружки тутъ у насъ пошли... Только я больше все ругался тамъ, — во многомъ мы не согласны были... Здорово тогда я на книжки приналегъ, — ночи напролетъ просижи-

валъ, а утромъ въ шесть на работу надобно.,. Стоишь себѣ у станка, въ башкѣ туманъ, ко сну клонитъ... Колѣни даже подгибаются, а самъ думаешь, думаешь... Ну-съ, — а затѣмъ пришлось мнѣ изъ тѣхъ мѣстъ послѣ нѣкоторой исторіи весьма поспѣшно удалиться!.. Перешелъ на нелегальное положеніе... А затѣмъ... Ну, да чортъ съ нимъ!.. Это къ дѣлу не относится.... Такъ вотъ самъ видишь, что не о чемъ мнѣ особенно скучать... А Василій Петровичъ еще удивляется: почему скоропалительно?..—Не скоропалительно, а просто смысла для себя въ консервированьи не нахожу! По крайности, хоть изъ смерти моей, какая ни на есть, польза для общаго дѣла получится... А то такъ себѣ -- зря толчешься!..

Сысой снова выколотилъ свой закуренный мундштукъ и, бережно спрятавъ его въ карманъ пиджака, поднялся съ мѣста.

— Правую ногу отсидѣлъ, будь она проклята!.. — заявилъ онъ, дѣлая нѣсколько прихрамывающихъ шаговъ.—А на лѣвой вчера колѣнку расшибъ!.. Совсѣмъ можно сказать, обезножилъ... Айда домой, что ли?..

— Нѣтъ, я еще немного пострѣляю, — отвѣтилъ Варгинъ,—послѣ приду, а ты покамѣсть насчетъ чаю похлопочи. Холодно что-то...

— Ладно. Идетъ! Только ты, смотри, поскорѣе! Нечего меланхоліи-то предаваться, — это, братъ, штука излишняя.

Сысой нахлобучилъ шапку и зашагалъ по прихотливо извивавшейся между деревьями тропинкѣ.

Посидѣвъ немного, какъ бы въ нерѣшительности, Варыгинъ снова вынулъ револьверъ, но сейчасъ же почувствовалъ, что стрѣлять сегодня больше уже не въ состояніи. Какая-то ускользающая мысль неотступно преслѣдовала его воображеніе. Онъ вспомнилъ, что она появилась впервые во время разсказа Сысоя, но какъ-то мимолетно, точно сверкнувшая среди темноты и сейчасъ же погасшая искра. Она освѣтила въ тотъ моментъ какой-то неизвѣстный еще ему самому уголокъ его сознанія, но что онъ тамъ увидѣлъ— онъ сейчасъ же забылъ, отвлеченный въ сторону другими мыслями и разговоромъ съ Сысоемъ.

Варыгина вдругъ потянуло домой на дачу. Онъ положилъ обратно свой револьверъ и тихо побрелъ домой по тропинкѣ, начинавшей слегка обледенѣвать отъ холоднаго вѣтра. Въ лѣсу было жутко и одиноко. Увядшіе листья монотонно шуршали подъ ногами. — Какая все-таки глупая случайность,—вспомнилъ вдругъ Варыгинъ. — Вѣдь Василія Петровича могли бы вчера арестовать, и тогда...

Онъ вдругъ остановился, пораженный мыслью, которая

промелькнула сейчасъ у него въ головѣ, помимо его собственнаго желанія.—Что за чортъ!..—возмущенно подумалъ онъ, — неужели же я способенъ хотя бы краешкомъ сердца пожелать, чтобы все это разстроилось, и я бы остался?.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Тысячу разъ нѣтъ!.. Никогда и ни за что!..

Варыгинъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы отогнать отъ себя это назойливо лѣзущее въ голову предположеніе, но, какъ будто, кто-то другой, помимо его самого, вызвалъ вдругъ въ этотъ моментъ въ мозгу услужливое напоминаніе, что это именно и есть та самая мимолетная мысль, появившаяся во время разсказа Сысоя. Варыгинъ какъ-то сразу почувствовалъ себя измученнымъ и усталымъ. Ему захотѣлось придти скорѣе домой, лечь на диванъ передъ пылающей печкой и забыть сейчасъ же въ ощущеніи отдыха и покоя это недостойное пожеланіе, созданное воображеніемъ подъ унылый и раздражающій свистъ осенняго вѣтра.

Переставшій было дождикъ снова заморосилъ, какъ сквозь мелкое сито. Непріятно холодныя капли потекли по шеѣ. Варыгинъ прибавилъ шагу и, недовольный самимъ собой и всей этой окружающей его сѣрой картиной поздней осени, черезъ нѣсколько минутъ добрался до своей дачи.

А. Деренталь.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.

Глава I.

Причины общественнаго недовольства.

VII.

Мы сгруппировали отзывы декабристовъ о весьма многихъ явленіяхъ тогдашней русской жизни. Понятно, что общая сумма наблюденій приводила ихъ къ крайне печальнымъ выводамъ. Такіе мрачные итоги нерѣдко подводитъ Н. И. Тургеневъ въ своемъ дневникѣ. Отмѣтимъ нѣкоторыя его размышленія о тогдашнемъ положеніи Россіи. Въ маѣ 1818 г. онъ писалъ; «Что за прелесть жить въ семъ хаосѣ униженія и мрака безъ надежды свѣтлыхъ дней для отечества?» Въ томъ же году, познакомившись во время поѣздки въ свое имѣніе (въ Симбирской губерніи) съ жизнью народа, Тургеневъ говоритъ: «я вижу теперь, въ какомъ положеніи находится Россія. Гдѣ ея благоденствіе? Необразованность съ одной стороны, власть—съ другой. Сія послѣдняя гнетъ первую, но не направляетъ къ должной цѣли». Черезъ нѣсколько дней Тургеневъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «какъ посмотришь, въ какихъ рукахъ финансы, торговля и промышленность, полиція, правосудіе, законодательство! Что послѣ этого остается для честныхъ людей?» Черезъ двѣ недѣли онъ восклицаетъ: «у насъ всякій день оскорбляется человѣчество, справедливость самая простая, просвѣщеніе, и, однимъ словомъ, все, что не позволяетъ землѣ превратиться въ пространную пустыню или въ вертепъ разбойниковъ!» Прочтя въ иностранной газетѣ извѣстіе о либеральныхъ намѣреніяхъ Александра 1-го относительно Россіи, Тургеневъ 25 октября 1818 г. заноситъ въ дневникъ слѣдующее размышленіе: «Спасибо государю, если справедливо, что онъ это говорилъ.... Когда же будетъ на нашей улицѣ праздникъ? Если будетъ, то любопытно знать, на какихъ балконахъ покажутся теперешніе

наши паяцы самодержавія, министры и секретари, генералы и полковники.., дворяне и архіереи, мистики и камергеры. Даже, смѣху ради, можно желать видѣть конституціоннымъ министромъ Гурьева, Лобанова, Траверсе. Какъ бы они стали защищаться; какія бы рѣчи (стали произносить) съ національной каѳедры!»

Однако, эти ожиданія не осуществлялись, и черезъ годъ Тургеневъ пишетъ въ дневникѣ: «видя и слыша все, что у насъ дѣлается здѣсь и въ поселеніяхъ» (незадолго передъ тѣмъ было съ большою жестокостію усмирено волненіе чугуевскихъ военныхъ поселянъ), «я болѣе и болѣе теряюсь въ соображеніяхъ о несчастномъ положеніи Россіи». 31 дек. 1819 г. Тургеневъ подводитъ такой итогъ за истекшій годъ. «Въ теченіе» его «я болѣе убѣдился, что не увижу на моемъ вѣку счастія Россіи.» Однако «сила жизни» подаетъ ему «какую-то отдаленную надежду». Въ 1819 г. Тургеневъ сдѣлался членомъ Союза Благоденствія, но изъ приведенныхъ словъ видно, что онъ не надѣялся на быстрое осуществленіе стремленій общества.

30 сентября 1820 г. у Тургенева вырывается изъ глубины души крикъ отчаянія: «жить тяжело... всякій день слышишь что нибудь непріятное. Тутъ невѣжды со всѣхъ сторонъ ставятъ преграды просвѣщенію, тамъ усиливаютъ шпіонство... Бостонъ» (карточная игра) «есть лучшій опіумъ и дѣйствуетъ вѣрнѣе всѣхъ другихъ мѣръ. Душно, душно!» Въ концѣ мая 1821 г. тѣ же грустныя размышленія, но уже при нѣсколько большей бодрости: «Ничего не слышно, кромѣ общаго или высшаго недоброжелательства къ либеральнымъ идеямъ. Станемъ крѣпко—по крайней мѣрѣ безъ страха, если уже безъ надежды» (эти слова вѣроятно, относятся къ Тайному Обществу). 20 іюля того же года Тургеневъ пишетъ: «здѣшній порядокъ вещей часъ отъ часу дѣлается для меня болѣе тягостнымъ. Все, что вижу, печалитъ, бѣситъ. Грабительство, подлость, эгоизмъ. Какъ и куда все это идетъ? Кто думаетъ обо всемъ этомъ?» Въ послѣдній день 1821 г. опять колебаніе между отчаяніемъ и надеждой: «Я приблизился годомъ—къ чему? къ развязкѣ? Когда она будетъ? Будетъ ли она для насъ? Многое какъ будто показываетъ, que c'est le commencement de la fin (что это начало конца). Я какъ будто самъ это думаю, но..., видя, какъ по большей части дѣла дѣлаются на семъ свѣтѣ, едва ли не гаснетъ для меня послѣдній лучъ надежды».

Горячее негодованіе вызывали не только внутреннія неустройства Россіи, но и внѣшняя политика Александра I. На этой послѣдней остановился Каховскій въ письмѣ изъ крѣпости къ ген. Левашову. Онъ указываетъ на то, что во время борьбы съ Наполеономъ въ 1813—14 г.г. монархи воспламеняли народы Европы «воззваніемъ къ свободѣ и гражданскому бытію [1]). ....Сво-

[1]) Каховскій, вѣроятно, имѣетъ въ виду воззваніе о цѣли войны, под-

боду проповѣдывали намъ и манифесты, и воззванія, и приказы. Насъ манили, и мы, добрые сердцемъ, повѣрили, не щадили ни крови своей, ни имущества». Но когда Наполеонъ былъ низвергнутъ, «монархи соединились въ Священный Союзъ, составились конгрессы», и «скоро увидѣли народы, сколь много они обмануты. Монархи лишь думали объ удержаніи власти неограниченной, о поддержаніи расшатавшихся троновъ своихъ, о погубленіи и послѣдней искры свободы и просвѣщенія. Оскорбленные народы потребовали обѣщаннаго, имъ принадлежащаго,—и цѣпи и темницы стали ихъ достояніемъ!.. Тюрьмы Пьемонта, Сардиніи, Неаполя, вообще всей Италіи, Германіи [1]) наполнились окованными гражданами. И судьба народовъ стала столь тягостной, что они пожалѣли время прошлое и благословляютъ память завоевателя Наполеона.— Вотъ случаи, въ которыхъ образовались умы и познали, что съ царями народамъ дѣлать договоровъ невозможно. Противно разсудку винить націи передъ правительствомъ. Правительство, не согласное съ желаніемъ народа, всегда виновно, ибо въ здравомъ смыслѣ законъ—есть воля народная. Цари не признаютъ сей воли, считаютъ ее буйствомъ, народы—своей вотчиной, стараются разорвать самыя священныя связи природы... Мы, русскіе,... кичимся, величая себя спасителями Европы! Иноземцы не такъ видятъ насъ; видятъ что силы наши есть резервъ деспотизму Священнаго Союза.. Націю ненавидѣть невозможно, и народы Европы не русскихъ не любятъ, но ихъ правительство, которое вмѣшивается во всѣ ихъ дѣла и для пользы царей утѣсняетъ народы». Въ письмѣ къ Николаю I Каховскій упрекаетъ имп. Александра въ томъ, что онъ помогъ испанскому королю Фердинанду «задавить законныя права народа Испаніи» [2]). А. В. Поджіо также негодовалъ на нашу иностранную политику, на «явное господство и вліяніе вѣнскаго кабинета надъ нашимъ!» Онъ упоминаетъ о передвиженіи гвардіи въ Западную Россію въ 1821 г. (вслѣдствіе неополитанской революціи) и о «понужденіяхъ» нашимъ правительствомъ Франціи «къ усмиренію Испаніи». Не одни дни члены Тайнаго Общества думали, что такая «политика поглощала государственную казну» и вообще считали вреднымъ для Россіи Священный Союзъ. Н. Тургеневъ слѣдитъ въ своемъ дневникѣ за наиболѣе выдающимися иностранными политическими событіями. Такъ, во время Лайбахскаго конгресса онъ от-

---

писанное 13/25 марта 1813 г. Кутузовымъ отъ имени русскаго императора и прусскаго короля, и прокламацію Александра I въ Парижѣ 31 марта 1814 г. *Богдановичъ IV*, 28, 512—513; *Treitschke*, Deutsche Geschichte, 7-te Auflage, 1904, I, 448.

[1]) См. *Гервинусъ*, «Исторія девятнадцатаго вѣка», т. II, 577—578, 608—610, IV, ч. I. Спб. 1875—76 г., стр. 168, 170, 175; *Соренъ*, «Исторія Италіи отъ 1815 г.», Спб. 1898 г., стр. 93.

[2]) О политикѣ Александра I относительно Испаніи на конгрессѣ, собравшемся въ Веронѣ въ октябрѣ 1822 г., см. *Трачевскій*, «Испанія девятнадцатаго вѣка», т. I, М. 1872, стр. 365 и слѣд.

мѣчаетъ (въ мартѣ 1821 г.), что его менѣе занимали бы извѣстія изъ Западной Европы, «если бы не были обѣщаны и русскія войска въ помощь австрійскимъ» [1]. Тургеневъ «почти не предполагалъ никакой возможности успѣха для неополитанцевъ», но согласился съ замѣчаніемъ одного члена англійскаго клуба, что «смѣшно посылать 50 тыс. человѣкъ противъ цѣлаго народа». Если неаполитанскій народъ «покажетъ какую нибудь силу, если онъ не однимъ только принятіемъ конституціи гиспанской» (1812 г.) «будетъ подражать гиспанцамъ, тогда австрійцамъ трудно будетъ совладѣть съ неаполитанцами, если бы помощь Россіи не была имъ обѣщана» [2]. Въ концѣ апрѣля онъ отмѣчаетъ выступленіе гвардіи и то, что неизвѣстность, куда идутъ войска, «усиливаетъ неудовольствіе, которое, какъ говорятъ, вездѣ замѣтно... Всѣ опасаются новыхъ рекрутскихъ наборовъ».

Многіе негодовали на то, что Россія не поддержала греческаго возстанія. «Единовѣрные намъ греки», говоритъ Каховскій, «нѣсколько разъ нашимъ правительствомъ возбуждаемые противъ тиранства магометанскаго, тонутъ въ крови своей; цѣлая нація истребляется, и человѣколюбивый (Священный) Союзъ равнодушно смотритъ на гибель человѣчества». Штейнгель въ письмѣ къ Николаю I также указывалъ на то, что «греки оставлены своей судьбѣ». А. В. Поджіо недоволенъ отказомъ отъ нашей политики со времени Екатерины II до 1820 г. «покровительства» грекамъ. Декабристъ Лореръ въ своихъ запискахъ разсказываетъ: «Болѣе всего воспламенило молодежь извѣстіе о возстаніи въ Греціи. Всѣ были увѣрены, что государь подастъ руку помощи единовѣрцамъ, и что двинутъ наши арміи въ Молдавію». Но политика Меттерниха помѣшала этому, «а общество между тѣмъ не переставало высказывать свое сочувствіе къ несчастнымъ, угнетеннымъ. Многіе офицеры гвардіи стали проситься въ полки арміи», ожидая похода на помощь грекамъ. «Но правительство, не сочувствуя идеямъ всякаго ... возстанія, не дозволяло этой военной эмиграціи изъ гвардіи» [3]. Старикъ ген. Остерманъ, котораго прежде предполагали назначить начальникомъ войскъ въ этой экспедиціи, началъ учиться по-гречески, взялъ для этого адъютанта изъ грековъ, и домъ его былъ наполненъ греками—эмигрантами. «Во время возстанія Греціи многочисленное общество, собиравшееся у Остермана, военные, дипломаты и греческіе эмигранты, осуждали нашу внѣшнюю политику» [4].

---

[1]) См. *Гервинусъ* т. IV, ч. I, стр. 137.

[2]) О неаполитанской революціи 1820 г. и объ австрійскомъ вмѣшательствѣ въ итальянскія дѣла см. *Гервинусъ* т. III, изд. 2, 1887 г. стр. 398—423, т. IV, ч. I, стр. 115—192, *Сорелъ*, 46—90.

[3]) Лореръ разсказываетъ, что грекъ Райко, служившій въ военной службѣ, въ Россіи, уѣхалъ безъ разрѣшенія въ Грецію, игралъ тамъ значительную роль и потомъ вновь возвратился на русскую службу.

[4]) О томъ, какъ слабо реагировало русское правительство на жесто-

Но въ этомъ вопросѣ была и другая сторона, правильно отмѣченная Н. Тургеневымъ въ его дневникѣ (21 авг. 1821 г.): «о войнѣ ничего не слышно. Нессельроде, Гурьевъ противъ войны... Я, право, не имѣю мнѣнія. Надобно заступиться за грековъ. Но если для сего потребуются рекруты, то тогда я бы никогда не согласился на войну... Странно.., что всѣ—и дипломаты, и министры, и публика болѣе или менѣе принимаютъ участіе въ грекахъ; бранятъ, проклинаютъ турокъ, дѣлаютъ подписки для спасающихся грековъ въ Одессѣ. Все это хорошо, но кто изъ всѣхъ этихъ господъ принимаетъ должное или какое-нибудь участіе въ судьбѣ нашихъ крестьянъ. Положимъ, что о военныхъ поселеніяхъ они говорить и мыслить не смѣютъ, но о мужикахъ, о игѣ, ихъ тяготящемъ, можно говорить безъ опасенія. А тутъ долгъ болѣе святый, нежели въ отношеніи къ грекамъ. Лучше ли жить многимъ изъ нашихъ крестьянъ подъ своими помѣщиками, нежели грекамъ подъ турками? Нѣтъ ли между крестьянами жертвъ варварства, мучениковъ совершенныхъ, не говоря уже о жертвахъ корыстолюбія? Сколько изнемогающихъ страдальцевъ! Сколько отцовъ, оплакивающихъ честь женъ и дѣтей! Сколько раззоренныхъ, томящихся въ голодѣ! А подписку запретили публично дѣлать для прокормленія жителей Рославльскаго уѣзда. Боже праведный!... Когда правосудіе твое будетъ дѣйствительно и для сей несчастной земли?»

Сочувствіемъ къ славянамъ было менѣе одушевлено русское общество, но что и они не были забыты декабристами; видно изъ словъ Каховскаго: «Сербы—вѣрные наши союзники—стонаютъ подъ игомъ безчеловѣчія турецкаго [1]); черногорцы, не дающіе никому войскъ своихъ, столь усердно намъ служившіе, во время кампаніи флота нашего въ Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ ген. Сенявина, забыты, покинуты на произволъ судьбы» [2]). Славянскія симпатіи среди военной молодежи повели къ образованію Общества Соединенныхъ Славянъ, члены котораго мечтали о славянской федеративной республикѣ.

Что касается политики Александра I относительно Польши, то извѣстно, что въ Царствѣ Польскомъ былъ сохраненъ конституціонный строй, вопреки мнѣнію Поццо-ди-Борго и знаменитаго прусскаго государственнаго дѣятеля Штейна. И въ русскомъ обществѣ, даже среди образованной его части, были лица, этимъ недовольныя; къ числу ихъ принадлежалъ будущій членъ Союза Благоденствія,

---

кости турокъ относительно грековъ, и вообще о нашей политикѣ по греческому вопросу см. *Гервинусъ* т. V. Александръ I признавалъ, что въ этомъ вопросѣ онъ шелъ противъ общаго мнѣнія своихъ подданныхъ. Ibid, 365.

[1]) Ср. *Гервинусъ*, т. V, 1868 г., стр. 49—54; *Н. Поповъ*, „Россія и Сербія“, М. 1869 г. ч. I.

[2]) Ср. *Ровинскій*. „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ“. Спб. 1888 г., т. I, 687—689.

М. Ѳ. Орловъ. Въ программѣ преобразованій, выработанной, какъ мы увидимъ далѣе, М. Ѳ. Орловымъ и гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ 1816—17 гг. [1]), они высказывали относительно Польши пожеланіе «конечнаго... истребленія имени Польша и королевства Польскаго и обращенія всей Польши, со включеніемъ прусской и австрійской ея частей, въ губерніи россійскія». Относительно другихъ славянъ они держались подобнаго же мнѣнія, и потому мечтали о «присоединеніи Венгріи, Сербіи и всѣхъ славянскихъ народовъ къ Россіи», грековъ же считали достойными полусамостоятельнаго политическаго существованія; они стремились не только къ изгнанію турокъ изъ Европы, но и «къ возстановленію греческихъ республикъ» подъ покровительствомъ Россіи.

Понятно, что при враждебныхъ польской автономіи взглядахъ М. Ѳ. Орлова, онъ былъ очень огорченъ во время пребыванія имп. Александрѣ I въ Вѣнѣ на конгрессѣ слухами о сохраненіи польскаго конституціоннаго строя. Въ своемъ показаніи онъ говоритъ: «эта вѣсть горестно меня поразила, ибо я всегда почиталъ, что сіе возстановленіе будетъ истиннымъ несчастіемъ для Россіи. Я тогда же (т. е. въ 1815 г.), написалъ почтительное, но, по моему мнѣнію, довольно сильное письмо къ его императорскому величеству. Но сіе письмо, извѣстное ген.-ад. Васильчикову, у меня пропало еще не совсѣмъ доконченнымъ, и свѣдѣніе объ ономъ дошло до государя и возбудило его гнѣвъ» [2]).

Неудача его протеста навела Орлова на мысль о необходимости составленія тайнаго общества. «Обстоятельства 1815 года и пребываніе мое въ Парижѣ большую часть 1816 г.»—разсказываетъ онъ въ своемъ показаніи—„не позволили мнѣ заниматься сими предметами до самаго возвращенія въ Россію». Заподозривъ въ возстановленіи польскаго королевства вліяніе польскаго тайнаго общества на государя, онъ задумалъ «противопоставить польскому—рус-

[1]) Орловъ вернулся изъ-за границы въ Петербургъ въ ноябрѣ 1816 г. *Гершензонъ*, „Семья декабристовъ", „Былое" 1906 г. № 10, стр. 290; ср. *Довнаръ-Запольскій*, „Мемуары декабристовъ", стр. 4.

[2]) Н. Тургеневъ такъ разсказываетъ объ этомъ: „Генералъ Орловъ составилъ нѣчто въ родѣ протеста противъ учрежденій, которыя Александръ только что даровалъ Польшѣ и желалъ представить его императору. Онъ старался добыть подписи нѣсколькихъ генераловъ и другихъ значительныхъ лицъ, и нѣкоторыхъ склонилъ къ этому. Но этотъ протестъ сдѣлался извѣстнымъ императору ранѣе, чѣмъ онъ былъ ему представленъ; старанія генерала Орлова были парализованы, и попытка его не имѣла никакихъ послѣдствій. Когда я узналъ объ этомъ, я не преминулъ упрекнуть его за узкій патріотизмъ, патріотизмъ раба, вызвавшій этотъ протестъ. Онъ имѣлъ благородство согласиться, что я не совсѣмъ неправъ". Однако, въ одномъ изъ примѣчаній, написанныхъ въ 1835 г. къ его разсказу о капитуляціи Парижа въ 1814 г., („Рус. Стар." 1877 г., т. XX, 661—662) М. Ѳ. Орловъ по прежнему называетъ возстановленіе Польши „сентиментальною политикою" и утверждаетъ, что со стороны Александра оно было „огромною ошибкою".

ское тайное общество», планъ котораго уже не могъ быть представленъ на утвержденіе Александра I. Онъ занимался этимъ въ концѣ 1816 и въ началѣ 1817 г., но его намѣреніе не осуществилось. Онъ говорилъ о немъ съ правителемъ канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора Новиковымъ или Александромъ Муравьевымъ и, узнавъ отъ нихъ, что уже существуетъ тайное общество, составленное по большей части изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ [1]), бросилъ всѣ свои «прежнія сочиненія». Тургеневъ, какъ мы видѣли, стыдилъ Орлова за его вражду къ полякамъ, но мнѣнія самого Тургенева о Польшѣ въ это время были очень незрѣлы и весьма несимпатичны: такъ онъ еще въ 1817 г. выражалъ полное сочувствіе раздѣламъ Польши при Екатеринѣ II [2]).

Среди лицъ, проникнутыхъ болѣе послѣдовательнымъ либерализмомъ, чѣмъ М. Ѳ. Орловъ, въ это время неудовольствіе на имп. Александра по польскому вопросу возбуждало не дарованіе имъ конституціи Польшѣ, а его намѣреніе присоединить къ ней западныя губерніи Россіи. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ Н. Тургеневъ: «Въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, и между прочимъ дамъ, съ которыми онъ любилъ болтать, императоръ объявилъ о своемъ твердомъ рѣшеніи отдѣлить отъ имперіи прежнія польскія провинціи и соединить ихъ съ только что возстановленнымъ Царствомъ Польскимъ. Одна изъ его собесѣдницъ протестовала слезами противъ такого раздробленія имперіи. «Да, да,—съ удареніемъ подтвердилъ Александръ, сопровождая свои слова значительнымъ жестомъ,—я не оставлю ихъ Россіи; что за великое зло», прибавилъ онъ, «отдѣлить отъ Россіи нѣсколько провинцій. Развѣ она не будетъ еще достаточно велика?» Возможность осуществленія государемъ такого намѣренія подтверждалась возвращеніемъ въ 1811 г. Финляндіи той части Петербургской губерніи, которая была присоединена къ Россіи по Ништадтскому миру 1721 г. и по абоскому миру 1743 г. (до рѣки Кюммене) [3]).

Одинъ изъ подобныхъ разговоровъ Александра I (съ флигель-адъютантомъ кн. Лопухинымъ), вызвалъ письмо декабриста кн.

---

[1]) Это былъ Союзъ Спасенія.

[2]) Вотъ что пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ 21 августа 1817 г.: „Польша—въ независимомъ ея существованіи была бы всегда и стѣною, отдѣляющею насъ отъ Европы съ сей стороны, и грязнымъ источникомъ, изъ котораго бы текла въ Россію безнравственность и подлость дворянства польскаго, и ненависть или презрѣніе къ конституціоннымъ государствамъ. Народъ или публика судитъ по первымъ впечатлѣніямъ; первыя же впечатлѣнія, поражающія обыкновенныхъ людей при видѣ Польши, были бы конституція и безпорядки, своевольство и рабство. Итакъ, миръ и слава праху Великой Екатерины II, изгладившей съ лица земли государство, которое было бы вѣчною препоной къ славѣ, могуществу и просвѣщенію Россіи“.

[3]) См. *А. Т—на.* „Возсоединеніе старой Финляндіи съ новою“ (1811 г.). „Вѣстникъ Европы“, 1901 г., № 7.

С. П. Трубецкого къ членамъ Союза Спасенія, находившимся тогда въ Москвѣ, въ которомъ онъ сообщалъ, что царь, считая Польшу несравненно болѣе образованною, чѣмъ Россія, которую онъ ненавидитъ, намѣревается отторгнуть нѣкоторыя земли отъ Россіи и присоединить къ Польшѣ. Петербургскіе слухи прибавляли къ этому, что государь намѣренъ перенести столицу въ Варшаву. Это извѣстіе, въ связи съ сообщеніемъ о томъ, что̀ дѣлается въ военныхъ поселеніяхъ въ Новгородской губ., возбудило среди членовъ Союза Спасенія мысль о цареубійствѣ. Завалишинъ также говоритъ, что извѣстіе о «намѣреніи правительства присоединить Литву къ Польшѣ особенно волновало и оскорбляло общественное мнѣніе». Раздражало и то, что, по словамъ Лунина, полякамъ были дарованы права, въ которыхъ было отказано русскимъ. Хотя Новосильцеву и было поручено выработать проектъ «Уставной Грамоты», т. е. конституціонной хартіи для Россіи [1]), но изъ этихъ предположеній ничего не вышло, и потому естественно, что, по свидѣтельству Завалишина, многіе стали сомнѣваться въ искренности обѣщанія, даннаго имп. Александромъ I въ Варшавѣ относительно введенія конституціи и въ Россіи, такъ какъ не видѣли никакихъ «подготовительныхъ мѣръ, которыя служили бы ручательствомъ» за исполненіе этого намѣренія правительства. Напротивъ, люди истинно либеральные радовались тому, что поляки пользуются конституціей, и негодовали на то, по свидѣтельству бар. Розена, что Александръ «сталъ умалять льготы, данныя Польшѣ». Объ отношеніи Александра I къ Польшѣ послѣ дарованія ей конституціи мнѣ придется еще говорить.

Глава II.

Причины „вольномыслія“ декабристовъ.

I.

Отъ вліяній отрицательныхъ, приведшихъ къ основанію Тайнаго Общества, мы переходимъ къ вліяніямъ положительнымъ, къ тому, что давало возможность членамъ Тайнаго Общества усваивать идеи, враждебныя тогдашнему политическому и соціальному строю, вызывало, говоря тогдашнимъ оффиціальнымъ терминомъ, ихъ «вольномысліе». Мы должны будемъ отмѣтить здѣсь вліяніе воспитанія и обученія, профессорскихъ лекцій, наблюденій во время пребыванія за границею, вліяніе политическаго строя Западной

---

[1]) Новосильцовъ готовъ былъ привлечь къ участію въ этихъ трудахъ бар. В. И. Штейнгеля (будущаго декабриста), но Александръ I на это не согласился.

Европы и Америки, западно-европейскихъ политическихъ событій, введенія конституціоннаго строя въ различныхъ государствахъ, а также въ Финляндіи и Польшѣ и, наконецъ, революціонныхъ движеній въ Западной Европѣ.

Благодаря особому вопросу, предлагавшемуся каждому изъ привлеченныхъ къ слѣдствію, о томъ, какое воспитаніе онъ получилъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о воспитаніи 120-ти членовъ Тайнаго Общества, т. е., за исключеніемъ одного, всѣхъ, преданныхъ верховному уголовному суду. Изъ этого числа наибольшее количество лицъ (а именно—44, т. е. почти 37 %) окончили образованіе въ корпусахъ (первомъ и второмъ кадетскомъ, горномъ, морскомъ, пажескомъ и въ дворянскомъ полку) [1]; затѣмъ 23 лица получили домашнее воспитаніе, при чемъ у 17 изъ нихъ были иностранные наставники или гувернеры [2]), 10 человѣкъ окончили училище колоновожатыхъ (учрежденное Н. Н. Муравьевымъ, отцомъ двухъ членовъ Тайнаго Общества, Александра и Михаила Николаевичей Муравьевыхъ), не считая 3-хъ лицъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ были студентами или слушали лекціи въ московскомъ университетѣ; А. Н. Муравьевъ и А. Фроловъ были также въ училищѣ колоновожатыхъ [3]), 9 человѣкъ учились только въ пансіонахъ, содержимыхъ иностранцами, 5—были студентами или кончили курсъ въ университетахъ (не считая Н. Тургенева, довершившаго образованіе въ гёттингенскомъ университетѣ), 5—въ московскомъ и петербургскомъ университетскихъ пансіонахъ, два въ заграничныхъ частныхъ заведеніяхъ [4]), по 2 въ царскосельскомъ лицеѣ, въ одесскомъ институтѣ (А. Поджіо только до 12

[1]) О корпусномъ воспитаніи того времени см. *П. В. Петровъ*, „Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній". „Столѣтіе военнаго министерства" т. X, 119—145.

[2]) Членъ Сѣвернаго Общества, Лаппа, былъ принятъ въ тайное общество карбонаровъ его учителемъ итальянскаго языка („Рус. Арх". 1886 г. т. II. 206), который позднѣе сообщилъ ему о существованіи (Сѣвернаго) тайнаго общества.

[3]) *Головачевъ*. „Декабристы. 86 портретовъ", изд. М. М. Зензинова, стр. 161, 253.

[4]) Однимъ изъ нихъ былъ институтъ извѣстнаго педагога Фелленберга, друга Песталоцци, въ Гофвилѣ (въ Швейцаріи, близъ Берна), куда въ 1816 г. былъ отправленъ, по повелѣнію имп. Александра, С. И. Кривцовъ (декабристъ) и гдѣ онъ пробылъ до 1820 г. Объ этомъ учебномъ заведеніи Каподистрія представилъ государю, по его приказанію, подробный докладъ, который былъ напечатанъ и получилъ широкое распространеніе. Въ Гофвилѣ было училище съ девятилѣтнимъ курсомъ, ремесленное и земледѣльческое училища. Въ первомъ училищѣ, въ которомъ бывало до 100 учениковъ и до 30 учителей, воспитывались вмѣстѣ съ Кривцовымъ сынъ Роберта Оуэна и принцъ Александръ, племянникъ короля Виртембергскаго, бывшій позднѣе военнымъ губернаторомъ въ Россіи. Въ немъ бывало до 15—18 русскихъ юношей, и здѣсь воспитывался также внукъ Суворова. Въ „Трудахъ вольнаго общества любителей россійской словесности" (1823 г. ч. XXIII, 174—215, 316 -336), членами котораго были нѣкоторые декабристы (Ѳ. Н. Глинка, Н. и А. Бестужевы,

лѣтъ), или благородномъ пансіонѣ (ришельевскомъ лицеѣ), въ гимназіяхъ, въ петербургскомъ іезуитскомъ училищѣ и въ училищахъ, учрежденныхъ отдѣльными частными лицами, наконецъ по одному человѣку училось: въ иностранномъ университетѣ (Н. Тургеневъ), медико-хирургической академіи, институтѣ путей сообщенія, царскосельскомъ лѣсномъ институтѣ, въ католической гимназіи, учрежденной въ Прагѣ, въ Богеміи, въ петербургскомъ петровскомъ училищѣ (Peterschule), училищѣ ксендзовъ, уѣздномъ училищѣ и еще двухъ низшихъ училищахъ.

Раздѣляя учебныя заведенія на разряды, мы получимъ, что 27 лицъ воспитывались въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (считая въ ихъ числѣ университетскіе пансіоны [1]), институтъ путей сообщенія и училище колоновожатыхъ), 67—въ среднихъ (относя къ нимъ и частныя училища и пансіоны), три—въ низшихъ училищахъ и 23 окончили воспитаніе дома [2]).

Въ петербургскомъ университетѣ было нѣсколько профессоровъ, которые развивали въ молодежи либеральное направленіе (Куницынъ, Арсеньевъ, Галичъ, Раупахъ), пока они не были удалены въ 1821 г. Въ московскомъ университетѣ очень благотворно вліяли студенческіе диспуты, на которыхъ въ 1814 г. блисталъ своимъ широкимъ образованіемъ и политическимъ либерализмомъ С. М. Семеновъ, впослѣдствіи членъ Тайнаго Общества. Свербеевъ въ своихъ запискахъ живо описываетъ одинъ изъ подобныхъ диспутовъ. Одинъ кандидатъ выбралъ для диссертаціи тему «Монархическое правленіе есть самое превосходное изъ всѣхъ другихъ правленій». «Въ первомъ тезисѣ этой диссертаціи было прибавлено къ монархическому *неограниченное*, къ превосходному—*въ Россіи необходимое и единственно возможное»*. Молодые студенты открыли диспутъ «восторженными рѣчами за греческія республики и за величіе свободнаго Рима до порабощенія его Юліемъ Кесаремъ и Августомъ». Затѣмъ «вступила въ бой фа-

Рылѣевъ, В. Кюхельбекеръ, Корниловичъ, Торсонъ, гр. Ѳ. П. Толстой Петръ Колошинъ) и почетнымъ членомъ Н. И. Тургеневъ, была помѣщена подробная переводная статья „О учебномъ заведеніи г. Фелленберга въ Гофвилѣ". См. о немъ также *Robert Dale Owen*. Threading my way. Twenty-seven years of autobiography. L. 1874, 121—149. Ср. *Booth*, Robert Owen, 54—55. С. И. Муравьевъ-Апостолъ, какъ и его братъ Матвѣй, воспитывался первоначально въ Парижѣ, въ пансіонѣ Гикса, но затѣмъ въ Петербургѣ окончилъ курсъ въ институтѣ путей сообщенія („Рус. Стар." т. VII, 656—658), Матвѣй же Иванъ Муравьевъ-Апостолъ, вопреки свидѣтельству Баласа, не поступалъ въ этотъ институтъ. Гос. Арх. I В № 397, гл. 11).

[1]) Ср. *Д. Щепкинъ*. „Московскій университетъ въ половинѣ двадцатыхъ годовъ". „Вѣстн. Евр. 1903 г. № 7, стр. 245.

[2]) См. списокъ декабристовъ, отданныхъ подъ верховный уголовный судъ съ обозначеніемъ, на основаніи слѣдственнаго дѣла, гдѣ они воспитывались, въ книгѣ *Богдановича* „Ист. царств. имп. Александра I" т. VI. прилож. стр. 62—72. Пользуемся имъ съ нѣкоторыми поправками.

ланга нашихъ передовыхъ мужей, и тяжкіе удары изъ арсенала философовъ XVIII вѣка посыпались на защитника монархіи самодержавной». Предсѣдатель диспута, деканъ факультета Сандуновъ, напомнилъ оппонентамъ, что въ римской республикѣ учреждалась диктатура. На это «мѣрною, спокойною, холодною рѣчью отвѣчалъ ему Семеновъ: «медицина часто прибѣгаетъ къ кровопусканіямъ, и еще чаще къ лѣченіямъ рвотнымъ, — изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы людей здоровыхъ,—а въ массѣ, безъ сомнѣнія, здоровыхъ болѣе чѣмъ больныхъ,—необходимо нужно было подвергать кровопусканію или употребленію рвотнаго». На этотъ щекотливый отвѣтъ деканъ Сандуновъ... съ негодованіемъ вскрикнулъ: «На такія возраженія всего бы лучше могъ отвѣчать московскій оберъ-полиціймейстеръ, но какъ университету приглашать его сюда было бы неприлично, то я, какъ деканъ, закрываю диспутъ».

Штейнгель, въ письмѣ къ Николаю I, указываетъ на развивающее вліяніе учебныхъ заведеній. Среди учениковъ царскосельскаго лицея «оказались таланты въ словесности, но свободомысліе, внушенное въ высочайшей степени, поставило ихъ въ совершенную противоположность съ тѣмъ, что они должны были встрѣтить въ отечествѣ своемъ» [1]). Тотъ же самый духъ, продолжаетъ Штейнгель, «разлитъ на всѣхъ, кои образовались въ университетахъ, въ университетскихъ и частныхъ пансіонахъ, въ

---

[1]) П. Д. Киселевъ, въ письмѣ къ М. Ѳ. Орлову, также говоритъ „о пылкихъ ученикахъ лицея". В. Н. Каразинъ въ своемъ дневникѣ отмѣчаетъ „обычай", существовавшій въ лицеѣ, злословить государя, называть его д. (sic) и т. д., и что между воспитанниками положено жесточайше наказывать того, кто выдастъ этотъ образъ мыслей". Въ запискѣ „Нѣчто о царскосельскомъ лицеѣ и духѣ онаго", хотя и написанной въ царствованіе Николая I, но трактующей о второй половинѣ десятыхъ годовъ, неизвѣстный авторъ говоритъ, что „въ свѣтѣ называется *лицейскимъ духомъ*, когда молодой человѣкъ не уважаетъ старшихъ, обходится фамильярно съ начальниками", показываетъ себя „любителемъ *равенства*; онъ долженъ „порицать насмѣшливо всѣ поступки особъ, занимающихъ значительныя мѣста, всѣ мѣры правительства, знать наизустъ или самому быть сочинителемъ эпиграммъ, пасквилей и пѣсенъ предосудительныхъ на русскомъ языкѣ, а не французскомъ,—знать всѣ дерзкіе и возмутительные стихи и мѣста самые сильные изъ революціонныхъ сочиненій... Онъ долженъ толковать о конституціяхъ, палатахъ, выборахъ, парламентахъ, казаться невѣрующимъ христіанскимъ догматамъ...., насмѣхаться надъ выправкою и обученіемъ войскъ... *Вѣрноподданный*—значитъ укоризну на ихъ языкѣ, *европеецъ* и *либералъ*—почетныя названіе". Авторъ записки приписываетъ этотъ духъ вліянію не лицейскихъ профессоровъ, а постояннымъ сношеніямъ со свѣтскимъ обществомъ, въ которомъ „кружили идеи либеральныя..." „Въ лицеѣ начали читать всѣ запрещенныя книги, тамъ находился архивъ всѣхъ рукописей, ходившихъ тайно по рукамъ, и, наконецъ, пришло, къ тому, что, если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились въ лицей. „Русская Старина" 1877 г. № 4, стр. 657, 659.

училищѣ іезуитовъ и во всѣхъ другихъ заведеніяхъ, кромѣ корпусовъ». Но мы видѣли, что изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ лицеѣ, только двое оказались въ числѣ членовъ Тайнаго Общества [1]), отданныхъ подъ верховный уголовный судъ, а окончившихъ курсъ въ корпусахъ—болѣе четырехъ десятковъ. Дѣло въ томъ, что, вопреки мнѣнію Штейнгеля, «вольномысліе» стало проникать и въ корпуса. Вотъ что сообщалъ Н. И. Тургеневъ въ письмѣ къ брату Сергѣю 16 апр. 1820 г.: «Здѣсь въ пажескомъ корпусѣ недавно, какъ разсказываютъ, произошло слѣдующее. Одинъ пажъ, Арсеньевъ, лѣтъ 18 или 19, спросилъ у одного изъ учителей, зачѣмъ онъ пишетъ его лѣнивымъ, между тѣмъ какъ онъ не лѣнивъ. Изъ этого вышла исторія, и опредѣлено: Арсеньева высѣчь публично. Собрали пажей во фронтъ. Тащатъ Арсеньева. Онъ противится. Пѣна у него у рта, какъ говорятъ пажи. Они этимъ встревожились. Бросились на палачей. Отбили Арсеньева и, какъ говорятъ, прибили полковника. Теперь разсматриваютъ это дѣло. Рѣшеніе будетъ, какъ говорятъ, то, что нѣсколько пажей будутъ въ солдатахъ и при томъ высѣчены. Очень умно!.. *Говорятъ, что между пажами règne un mauvais esprit* (господствуетъ дурное направленіе). И я увѣренъ, что Зандъ (убійца Коцебу) грезится судьямъ». Дѣйствительно, изъ записокъ Гангеблова видно, что въ это время въ пажескомъ корпусѣ былъ тайный кружокъ, основанный однимъ «вольнодумнымъ пажемъ», находившимся въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. А. Бестужевымъ. Гангебловъ говоритъ: «школьный бунтъ этотъ былъ дѣтищемъ тѣхъ же ученій, которыя привели къ декабрьской катастрофѣ» [2]). Это фактъ сравнительно болѣе поздній, но изъ показаній Батенькова видно, что у него и В. Ѳ. Раевскаго оппозиціонное отношеніе къ тогдашнему правительству стало складываться еще во время ученія во второмъ кадетскомъ корпусѣ, до 1812 года. Въ этомъ же году Рылѣевъ, воспитывавшійся въ первомъ корпусѣ, мечталъ о геройствѣ и мученическомъ вѣнцѣ. «Иди смѣло», говорило ему сердце, «презирай всѣ несчастія, всѣ бѣдствія, и если оныя постигнутъ тебя, то переноси ихъ съ истинною твердостію, и ты будешь героемъ, получишь мученическій вѣнецъ и вознесешься превыше человѣковъ» [3]).

Что оппозиціонное настроеніе существовало въ половинѣ 1820-хъ годовъ и въ другихъ военноучебныхъ заведеніяхъ, видно изъ слѣдующаго факта. 14-го декабря, когда участвовавшіе въ возстаніи военные отряды стояли на сенатской площади, къ нимъ явилась депутація отъ кадетъ морского и 1-го корпусовъ, чтобы спросить

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ царскосельскомъ лицеѣ учителемъ французскаго языка былъ родной братъ Марата, переименовавшій себя въ де-Будри.

[2]) „Рус. Арх.“ 1886 г. т. II, 219.

[3]) Письмо къ отцу, 17 дек. 1812 г. „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева“ изд. подъ ред. Мазаева. Спб. 1895 г., стр. 130.

позволенія придти на площадь и сражаться въ ихъ рядахъ. М. А. Бестужевъ, къ которому они обратились, отвѣчалъ имъ: «благодарите своихъ товарищей за благородное намѣреніе и поберегите себя для будущихъ подвиговъ». Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ этомъ фактѣ, такъ какъ объ немъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ самъ Бестужевъ [1]).

Нѣкоторые члены тайныхъ обществъ дополняли свое образованіе посѣщеніемъ лекцій профессоровъ. Кромѣ тѣхъ, которые учились въ университетахъ, объ этомъ упоминаютъ декабристъ Ѳ. Шаховской (слушалъ въ Москвѣ курсъ политическихъ наукъ у проф. Шлёцера), Завалишинъ (въ петербургскомъ университетѣ), Мих. Нарышкинъ [2]). Пестель, два брата Муравьевы-Апостолы (Сергѣй и Матвѣй), кн. С. Трубецкой, кн. Илья Долгоруковъ, Ѳедоръ Глинка, Никита Муравьевъ и братья Шиповы слушали въ 1816 г. курсъ политической экономіи на квартирѣ у проф. Германа, для чего сдѣлали складчину. Гр. Ѳ. П. Толстой, привлекавшійся къ слѣдствію о тайномъ обществѣ, слушалъ публичныя лекція Германа по статистикѣ и политической экономіи [3]). Бурцевъ, членъ Союза Благоденствія, говоритъ въ своемъ показаніи, что, «подобно многимъ гвардейскимъ офицерамъ», въ часы свободные отъ службы, онъ «посѣщалъ профессоровъ Германа, Галича, Куницына, преподававшихъ лекціи о политическихъ наукахъ». А. В. Поджіо заявилъ, что во время службы въ Преображенскомъ полку, въ 1820 г. у него «возродилась страсть къ ученію», и онъ не разъ ѣздилъ въ академію слушать публичныя лекціи проф. Куницына, преподававшаго естественное право [4]). Лекціи Куницына по политической экономіи слушалъ кн. Евгеній Петр. Оболенскій, по словамъ котораго профессоръ руководствовался сочиненіями по этому предмету Шторха и Сэя. Александ. Мих. Муравьевъ, воспитывавшійся дома, былъ ученикомъ профессоровъ Германа и Раупаха. Анненковъ, также получившій домашнее воспитаніе, слушалъ въ 1817—19 гг. въ московскомъ университетѣ лекціи словесности Мерзлякова, статистики Гейма, практической экономіи Шлёцера, естественнаго права Малова и бралъ частные уроки у этихъ профессоровъ. Лекціи въ московскомъ университетѣ слушали также кн. Трубецкой, Н. М. Муравьевъ, М. А. фонъ-Визинъ и Басаргинъ.

Н. И. Тургеневъ, довершившій въ гёттингенскомъ университетѣ

---

[1]) „Восшествіе на престолъ имп. Николая“, изд. проф. Шиманъ, Берлинъ, 1902 г., стр. 334—335.

[2]) „Проходилъ частные курсы“—политич. экономіи у проф. Куницына, статистики у проф. Германа.

[3]) „Рус. Стар.“, 1873 г. № 2, стр. 133.

[4]) Поджіо замѣчаетъ, что Куницынъ мало отступалъ при этомъ отъ своей печатной книги, лишь нѣсколько распространяя сказанное въ ней, и старался сдѣлать свое изложеніе какъ можно болѣе яснымъ. Напротивъ, И. И. Пущинъ свидѣтельствуетъ о педагогическомъ талантѣ Куницына.

образованіе, полученное имъ въ московскомъ университетѣ, всегда съ большою признательностью вспоминалъ о своихъ геттингенскихъ профессорахъ, Гееренѣ, Гёде и Сарторіусѣ. Посѣтивъ въ 1813 году Гёттингенъ, онъ былъ на лекціи Геерена и отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ воспоминаніе о томъ, какъ его «умъ постепенно образовался лекціями гёттингенскихъ профессоровъ, «какъ свѣдѣнія» его «ежедневно распространялись и какъ сужденіе направлялось мало-по-малу къ одной точкѣ, съ которой онъ «обнималъ все слышанное и видѣнное» [1]). Декабристы кн. Трубецкой и и Митьковъ слушали лекціи въ Парижѣ [2]).

Но если лишь меньшинство декабристовъ имѣло возможность окончить образованіе въ университетѣ или прослушать лекціи нѣкоторыхъ университетскихъ професоровъ, за то лучшимъ университетомъ явилась для очень многихъ декабристовъ Западная Европа, съ которою имъ дали возможность непосредственно познакомиться заграничные походы нашего войска и трехлѣтнее пребываніе цѣлаго корпуса во Франціи во время ея оккупаціи иностранными войсками. Можно привести множество свидѣтельствъ декабристовъ о томъ неизгладимомъ вліяніи, которое произвело на нихъ пребываніе за границей.

Люди болѣе проницательные сознали эту громадную роль непосредственнаго знакомства съ западно-европейскими порядками даже въ самый моментъ нахожденія русскихъ войскъ за границей. Н. Тургеневъ, живя въ Парижѣ, записалъ 25 апрѣля 1814 г. въ своемъ дневникѣ: «Теперь возвратятся въ Россію много такихъ русскихъ, которые видѣли, что безъ рабства можетъ существовать гражданскій порядокъ и могутъ процвѣтать царства, чтó можно сдѣлать умными распоряженіями и постановленіями. Послѣ того, что русскій народъ сдѣлалъ, что сдѣлалъ государь, что случилось въ Европѣ, освобожденіе крестьянъ мнѣ кажется легкимъ, и я поручился бы за успѣхъ даже скораго переворота. Вотъ вѣнецъ, которымъ русскій императоръ можетъ увѣнчать всѣ дѣла свои». Но отъ этихъ надеждъ скоро пришлось отказаться.

Политическое развитіе очень многихъ декабристовъ начинается именно со времени этого посѣщенія Западной Европы, на что они и указывали во время слѣдствія. М. А. фонъ-Визинъ заявилъ, что двукратное пребываніе за границей открыло ему «много идей политическихъ, о которыхъ прежде не слыхивали». По словамъ Никиты Мих. Муравьева, впослѣдствіи составившаго извѣстный проектъ

[1]) Ср. La Russie et les Russes I, 389—391 и брошюру *Wischnitzer'a*, Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19 Jahrhunderts, S. 15—20.

[2]) Трубецкой посѣщалъ лекціи „почти всѣхъ извѣстныхъ профессоровъ по нѣскольку разъ“, а профессоровъ естественныхъ наукъ слушалъ полные курсы. Митьковъ (въ 1824 и 1825 гг.) слушалъ лекціи философіи и исторіи.

конституціи, «прокламаціи союзныхъ державъ въ 1813 году, предлагавшія народамъ Германіи представительное правленіе, вмѣсто награды за ихъ усиліе, обратили» впервые его «вниманіе на сей предметъ». М. А. Бестужевъ свидѣтельствуетъ о сильномъ вліяніи западно-европейскихъ наблюденій на моряковъ: «флотъ нашъ, будучи въ 1812 г. въ Англіи, и наши морскіе офицеры, каждогодно посѣщая на военныхъ судахъ Англію, Францію и другія заграничныя мѣста, получили понятія объ образѣ тамошняго правленія», и ихъ разсказы вліяли и на младшихъ товарищей. Въ 1817 г. М. Бестужевъ былъ во Франціи и тамъ, познакомившись со многими французскими офицерами и путешественниками-англичанами, «заимствовалъ начало свободныхъ мыслей». Старшій братъ М. Бестужева, Николай, въ своемъ показаніи говоритъ: «Бытность моя въ Голландіи въ 1815 г. въ продолженіе 5 мѣсяцевъ, дала мнѣ первое понятіе о пользѣ закона и правъ гражданскихъ; послѣ того двукратное посѣщеніе Франціи, вояжъ въ Англію и Испанію утвердили сей образъ мысли». Онъ отмѣчаетъ и то, что это было явленіемъ не исключительнымъ: «Происшествія во всей Европѣ и бытность нашихъ войскъ за границами», по его словамъ, «имѣли не малое вліяніе на распространеніе политическихъ идей особенныхъ» (т. е. отличающихся) «отъ существовавшихъ при нашемъ правленіи». Третій членъ талантливой семьи Бестужевыхъ, Александръ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Марлинскаго, также связываетъ начало нашего освободительнаго движенія съ отечественною войной и пребываніемъ русскаго войска за границей. Въ письмѣ изъ крѣпости къ имп. Николаю онъ говоритъ: «Наполеонъ вторгся въ Россію, и тогда-то русскій народъ впервые ощутилъ свою силу; тогда-то пробудилось во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а впослѣдствіи и народной. Вотъ начало свободомыслія въ Россіи. Правительство само произнесло слова: «свобода, освобожденіе!» Само разсѣвало сочиненія о злоупотребленіи неограниченной власти Наполеона... Войска отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ. Сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ, почему же не такъ у насъ?»

По свидѣтельству кн. Е. П. Оболенскаго въ его показаніи, «науки политическія сдѣлались по возвращеніи гвардіи въ 1814 г. предметомъ общихъ разговоровъ». С. И. Муравьевъ-Апостолъ считаетъ «трехлѣтнюю войну, освободившую Европу отъ ига Наполеона», и ея «послѣдствія—введеніе представительнаго правленія въ нѣкоторыхъ государствахъ» первыми «источниками революціонныхъ мнѣній» въ Россіи. По словамъ Якушкина въ его воспоминаніяхъ, «пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнія сколько нибудь мыслящей русской молодежи... каждый изъ насъ хоть

сколько нибудь выросъ» [1]). «Первые члены тайнаго общества», говоритъ А. Бѣляевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ «были большею частью военные, прошедшіе побѣдоносно всю Европу до Парижа. Ознакомившись ближе съ ея цивилизаціей, понятно, что» они желали «и для Россіи той образованности, той свободы, тѣхъ правъ, какими пользовались нѣкоторыя изъ европейскихъ націй и которыя были дарованы Польшѣ и обѣщаны Россіи» [2]).

Лунинъ во время пребыванія въ Парижѣ въ 1814 г. изучалъ соціальное положеніе Франціи и ея государственный строй; его вниманіе привлекали какъ лица, стоящія во главѣ управленія, такъ и низшіе классы [3]).

Кн. С. Г. Волконскій во время стоянки въ Дюссельфорфѣ имѣлъ по обязанностямъ службы частыя сношенія съ Грунеромъ, сподвижникомъ знаменитаго Штейна, позднѣе, въ 1819 г., подвергшемся преслѣдованію со стороны прусскаго правительства; въ бесѣдахъ съ нимъ Волконскій услышалъ много новаго для себя «объ обязанностяхъ гражданина къ отечеству». По его словамъ, «вообще все, что мы хоть励 мелькомъ видѣли въ 13 и 14 годахъ въ Европѣ, породило во всей молодежи чувство, что Россія въ общественномъ, внутреннемъ и политическомъ бытѣ весьма отстала, а во многихъ вселила мысль поближе познакомиться съ Европой». Въ Парижѣ Волконскій имѣлъ возможность посѣщать салонъ г-жи Сталь и встрѣчалъ тамъ знаменитаго либеральнаго публициста Бенжамена Констана, сочиненія котораго имѣли потомъ значительное вліяніе на декабристовъ. Въ Лондонѣ Волконскій посѣщалъ О. А. Жеребцову, принимавшую участіе въ подготовкѣ низложенія имп. Павла, и у нея познакомился съ представителями англійской аристократіи. Онъ видѣлъ сильное волненіе народа въ Лондонѣ во время обсужденія въ парламентѣ билля о таможенныхъ пошлинахъ съ ввозимаго зерноваго хлѣба, когда на казенныхъ зданіяхъ и даже на оградѣ дворца принца-регента дѣлали надписи: «хлѣба или крови», онъ видѣлъ шествіе народа послѣ рѣчи по этому вопросу къ народу вождя оппозиціи, который увлекъ толпу своею рѣчью, хотя защищалъ взгляды ей несимпатичные. Волконскаго поразило также, что одинъ противникъ билля, стоявшій за запрещеніе ввоза зерноваго хлѣба отказался отъ охраны войскомъ его дома, въ которомъ толпа собиралась бить окна, объявивъ громогласно, что «англичанинъ находится подъ охраною законовъ», и вызвалъ тѣмъ, вмѣсто выраженія него-

[1]) Срав. „Записки декабриста" (бар. Розена). Лейпц. 1870 г., стр. 77. (они переизданы теперь П. Е. Щеголевымъ). Польское тайное общество „истинныхъ поляковъ" было основано въ 1814 г. по возвращеніи польскаго войска изъ Франціи. *Базилевскій.* „Госуд. прест. въ Россіи" I, 70; *Askenazy* Rosya—Polska, 94.

[2]) „Рус. Стар." 1881 г. т. XXX, 487.

[3]) Записки Ип. Ожѳ. „Рус. Арх." 1877 г. т. I, 521.

дованія, громкія рукоплесканія[1]). „Хвала тому краю", замѣчаетъ по этому поводу Волконскій, «гдѣ есть убѣжденіе въ такой силѣ законовъ». Волконскій не разъ бывалъ на засѣданіяхъ англійскаго парламента, и его поразило, что то же лицо, которое при представленіи принцу регенту, согласно этикету, преклоняло колѣни и цѣловало его руку, нѣсколько позднѣе, въ качествѣ члена оппозиціи, громило существующее правительство. Волконскій мечталъ даже о поѣздкѣ въ Америку, такъ какъ, по его словамъ, Сѣверо-Американскіе Штаты «занимали тогда умы русской молодежи» своимъ «самостоятельнымъ бытомъ и демократическимъ политическимъ составомъ». Естественно что пребываніе за границей сыграло огромную роль въ развитіи политическаго міросозерцанія кн. Волконскаго. Событія 1814 и 1815 гг. внушили ему «вмѣсто сильнаго повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности, мысль, что гражданину свойственны обязанности» предъ отечествомъ, которыя стоятъ «по крайней мѣрѣ на ряду съ вѣрноподданническими».

Для нѣкоторыхъ декабристовъ были полезны и болѣе позднія поѣздки за границу. Лунинъ, возбудивъ неудовольствіе имп. Александра смѣлымъ публичнымъ осужденіемъ правительства Людовика XVIII за казнь маршала Нея и полковника Лабедоайера, перешедшихъ на сторону Наполеона во время ста дней [2]), вышелъ въ отставку. Въ это время онъ мечталъ отправиться въ Южную Америку къ «взбунтовавшимся молодцамъ» [3]), говорилъ, что бунтъ— священнѣйшая обязанность каждаго», что ему открыта «только одна карьера—карьера свободы», что ему нужна «свобода мысли, свобода воли, свобода дѣйствій». Осенью 1816 г. онъ пріѣхалъ въ Парижъ, и есть основаніе думать, что онъ вошелъ тамъ въ сношенія съ карбонарами. Онъ познакомился также съ Сенъ-Симономъ, который оцѣнилъ большія способности Лунина, думалъ воспользоваться имъ для распространенія своихъ идей въ Россіи и предостерегалъ его отъ увлеченія политикой, утверждая, что будущность всего человѣчества зависитъ отъ совокупнаго развитія трехъ двигателей: чувства, науки и промышленности [4]). Однако, возвратившись въ 1817 г. въ Россію, Лунинъ въ томъ же году вступилъ въ Москвѣ въ тайное общество.

Каховскій говоритъ въ своемъ показаніи: «будучи въ 1823 и 1824 гг. за границею, я имѣлъ много способовъ читать и учиться. Уединеніе, наблюденіе и книги были мои учители». На нѣкото-

---

[1]) Однако нѣсколько домовъ лицъ, враждебныхъ интересамъ народа, были въ то время (въ 1815 г.) разрушены. См. *Pauli*, Geschichte Englands. Leipz. 1864. I. 143—146.

[2]) *Грегуаръ* «Исторія Франціи» I, 74—75, 96—98.

[3]) О борьбѣ за независимость въ испанской Америкѣ см. *Гервинусъ* т. III.

[4]) Записки Оже. «Рус. Арх.» 1877 г. т. I, 527, 531, 533—534, II, 64—66; *Вейль* „Исторія республиканской партіи во Франціи съ 1814 по 1870 г." Переводъ Л. Шишко, М. 1906 г., стр. 14, 17.

рыхъ моряковъ имѣло громадное вліяніе посѣщеніе Испаніи. «Послѣ нашего плаванія въ Испанію въ 1824 г.»,—говоритъ Бѣляевъ,—«гдѣ мы видѣли подвижниковъ испанской свободы, гдѣ сошлись съ свободолюбивыми англичанами, гдѣ слушали маршъ Ріего и съ восторгомъ поднимали бокалы въ его память, мы, конечно, сдѣлались еще большими энтузіастами свободы [1])».

II.

Свидѣтельства декабристовъ, приведенныя выше, наглядно показываютъ, какое сильное вліяніе имѣли походы, 1813—15 г.г. въ Западную Европу на нашу военную молодежь: непосредственное наблюденіе западной цивилизаціи побудило эту молодежь дѣятельно приняться за пополненіе своего образованія. [2]) Каховскій отмѣчаетъ серьезное стремленіе къ самообразованію, проявившееся въ нашемъ обществѣ и желаніе работать на пользу народа: «у насъ молодые люди при всѣхъ скудныхъ средствахъ занимаются болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь; многіе изъ нихъ вышли въ отставку и въ укромныхъ своихъ сельскихъ домикахъ учатся и устраиваютъ благоденствіе и просвѣщеніе земледѣльцевъ, судьбою ихъ попеченію ввѣренныхъ... Сколько встрѣтишь теперь 17-ти-лѣтнихъ молодыхъ людей, о которыхъ смѣло можно сказать, что они читали старыя книги... Пора танцевъ, баловъ, острыхъ словъ прошла; въ бесѣдахъ болтаніе замѣнилось разсужденіемъ». Привлекавшійся къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ Миклашевскій показалъ, что цѣль общества состояла въ томъ, чтобы «стараться о распространеніи просвѣщенія и въ особенности между низшимъ классомъ народа, дабы тѣмъ самымъ довести его современемъ до того состоянія, въ которомъ онъ могъ бы пользоваться свободою».

Въ показаніяхъ декабристовъ, въ ихъ запискахъ, письмахъ изъ крѣпости, есть много указаній на то вліяніе, какое имѣло чтеніе, особенно произведеній иностранныхъ авторовъ, на развитіе либеральныхъ идей. Русская печать была слишкомъ задавлена цензурой, и потому преимущественно въ ходившихъ по рукамъ за-

---

[1]) „Рус. Старина“ 1881 г., т. XXX, 23.

[2]) У нѣкоторыхъ декабристовъ стали составляться цѣлыя библіотеки; назовемъ: Н. М. Муравьева (унаслѣдовавшаго впрочемъ большую библіотеку его отца), Пестеля, фонъ-деръ Бриггена, Норова. (Біогр. очеркъ Норова, составл. Поливановымъ, „Рус. Арх.“ 1900 г. № 2, стр. 283). Библіотека П. Я. Чаадаева уже въ 1812 г. была извѣстна библіографамъ: на нее дважды указываетъ Сопиковъ въ первомъ томѣ своего „Опыта россійской библіографіи“, изданномъ въ 1813 г. Чаадаеву было въ это время всего 20 лѣтъ (онъ родился въ 1793 г.) *Чистяковъ* „Къ біографіи П. Я. Чаадаева“. „Русская Старина“ 1907 г. № 8, стр. 333—334. Большое количество книгъ пріобрѣталъ и Н. И. Тургеневъ. Во время ссылки хорошія библіотеки оказались у С. Г. Волконскаго и С. П. Трубецкого (записки Розена).

претныхъ произведеніяхъ оказывался матеріалъ, способный возбуждать и поддерживать революціонныя идеи.

Въ Сѣверномъ Обществѣ наиболѣе образованнымъ членомъ нельзя не признать Н. И. Тургенева, въ Южномъ такимъ безспорно былъ Пестель.

Неизданные дневники Н. И. Тургенева не только показываютъ, какъ разнообразно было его чтеніе, но, такъ какъ они обыкновенно содержатъ и отзывы о прочитанномъ, то даютъ матеріалъ и для общихъ соображеній о вліяніи западно-европейской литературы на русскаго читателя. Приведемъ нѣкоторое изъ этихъ отзывовъ Тургенева [1]).

Въ канунѣ 1816 г., еще за границей, Н. Тургеневъ читаетъ „De l'Allemagne" г-жи Сталь и въ ея разборѣ донъ-Карлоса Шиллера останавливается на томъ мѣстѣ, гдѣ маркизъ Поза проситъ Елизавету напомнить донъ-Карлосу, когда онъ достигнетъ зрѣлаго возраста, о планахъ, которые они вмѣстѣ составляли, о томъ, что нужно уважать мечты молодости [2]). «Я дорого бы заплатилъ», замѣчаетъ по этому поводу Тургеневъ, «если бы кто нибудь съ добрымъ намѣреніемъ показалъ» это мѣсто имп. Александру. Въ это время Тургеневъ еще вѣрилъ въ возможность проведенія серьезныхъ реформъ нашимъ правительствомъ, но и тогда уже имъ овладѣвали тяжелыя сомнѣнія. Черезъ нѣсколько дней, читая вышедшую въ свѣтъ еще въ 1771 г. книгу Де-Лольма о конституціи въ Англіи, онъ заноситъ въ свой дневникъ слѣдующія размышленія:

«Политическіе писатели того времени... либеральнѣе нашихъ... По какимъ страннымъ и бѣдственнымъ обстоятельствамъ многіе находятъ теперь опасными, злыми, ложными правилами тѣ правила, кои за 50 лѣтъ почитались единственно справедливыми и ведущими къ счастію народа? Неужели 25 лѣтъ войны свободы противъ деспотизма

[1]) Еще во время пребыванія въ Геттингенскомъ университетѣ, Н. Тургеневъ читаетъ (въ 1809—10 гг.) сочиненія историковъ Гиббона и Мюллера (Исторію Швейцаріи) и французскаго экономиста XVIII в. аб. Галіани, изучаетъ классическій трудъ по политической экономіи Ад. Смита, восхищается имъ и высказываетъ предположеніе, что „эта наука будетъ главнѣйшимъ занятіемъ всей" его, Тургенева, жизни: найдя въ сочиненіи харьковскаго профессора Якоба (вѣроятно „Основы политической экономіи", 1805 г.) кое что хорошее, онъ замѣчаетъ, что нѣтъ „ничего новаго какъ подъ солнцемъ, такъ и у всѣхъ послѣдователей Смита", и прекращаетъ чтеніе французскаго экономиста Сэя, убѣдившись, что „мало пользы отъ этой книги". Наконецъ въ 1811 г. Тургеневъ задумываетъ написать „Разсужденіе о налогахъ" и знакомится съ обширною литературою по этому предмету.

[2]) „Oeuvres complètes de m-me la baronne de Staël, publiées par son fils" P. 1820, t. X, 380. Характеристику этого сочиненія г-жи Сталь см. у *Брандеса*. „Главныя теченія въ литер. XIX вѣка. Французская литература". О запрещеніи его при Наполеонѣ I см. *Welschinger* La censure sous le premier empire P. 1882, p. 175--190, 346—374, 376. Характеристику политическихъ и общественныхъ идей г-жи Сталь можно найти въ статьѣ о ней г-жи В—штейнъ въ „Вѣстн. Евр." 1900 г. №№ 8—10.

войны, отчасти даже счастливо оконченной,.. подвигнуть духъ времени на нѣсколько лѣтъ назадъ и изъ преддверія храма свободы отторгнуть Европу, водворятъ ее вновь въ тѣ лабиринты варварства и деспотизма, въ которыхъ она такъ долго скиталась». Читая въ іюлѣ 1816 г. ту же книгу, Тургеневъ высказываетъ слѣдующую мысль: «Замѣчательно, что въ Англіи отъ ограниченія верховной власти получали пользу высшіе и вмѣстѣ низшіе классы народа во время большой хартіи... Это, можетъ быть, единственный примѣръ въ Европѣ, что отъ ограниченія власти верховной, выгоднаго для дворянства, пользовался вмѣстѣ и простой народъ. De Lolme справедливо замѣчаетъ, что всѣ революціи въ Англіи кончались въ пользу народа вообще оттого, что представители народные никогда не могли присвоить себѣ нѣкоторыя отрасли исполнительной власти и... чрезъ то отдѣлить себя отъ народа... Не будучи въ состояніи исключительно пользоваться плодами ихъ сопротивленія правительству, они раздѣляли оные съ народомъ».

Въ концѣ декабря 1816 г., уже въ Россіи, Тургеневъ, знакомясь съ исторіей террора, приходитъ въ негодованіе отъ ужасовъ этого періода французской революціи. Но вскорѣ послѣ того, читая новую нѣмецкую книгу (1817 г. [1]), онъ излагаетъ въ своемъ дневникѣ мысли о полезномъ вліяніи на Европу французской революціи. По поводу враждебныхъ выходокъ противъ Англіи въ сочиненіи «La coalition et la France» (P. 1817) онъ считаетъ нужнымъ отмѣтить хорошія стороны Англіи, къ государственному строю которой онъ относится слишкомъ оптимистично, и между прочимъ говоритъ:

«Англія, послѣ долговременныхъ опытовъ и постояннаго стремленія, дошла наконецъ до того, что всѣ учрежденіи соотвѣтственны нуждамъ и благополучію частныхъ людей. Въ Англіи правительство ясно существуетъ для народа, а не народъ для правительства» (Тогдашнее англійское правительство вовсе не заслуживало этого комплимента). «Во Франціи» (при старомъ порядкѣ) «сего никогда не было. Тамъ всегда царствовалъ ужасный деспотизмъ, и цари считали народъ собственностью своею.—Въ Англіи несчастные или изгнанные, имѣли всегда прибѣжище или соучастниковъ ихъ горя, и сіе соучастіе извѣщалось всегда въ парламентѣ: каждое дѣйствіе деспотизма, своевольства находило въ парламентѣ строгихъ судей и неумолимыхъ хулителей... Многіе кричатъ противъ Англіи, незная сами за что». Читая въ сентябрѣ 1817 г. книгу о французской революціи Паганеля [2], Тургеневъ находитъ въ этомъ сочиненіи подтвержденіе своей мысли, что «при сильной аристократической власти и вмѣстѣ при слабой державной власти состояніе простого народа должно быть невыгод-

---

[1]) "Betrachtungen über das heilige Bündniss besonders in Vergleich mit ähnlichen Ereignissen. des XVI Jahrchunderts". Hamb.

[2]) „Essai historique et critique sur la révolution française, ses caûses, ses resultas, avec les portraits des hommes les plus célèbres" par M*** (Paganel). Все первое изданіе этой книги было конфисковано въ 1810 г. по приказанію Наполеона (несмотря на то, что послѣ разсмотрѣнія ея цензурою, печатаніе ея было дозволено министромъ полиціи) и цѣликомъ уничтожено въ 1813 г. Второе изданіе вышло въ свѣтъ въ 1814 г.

ное и несчастное»[1]). Встрѣтивъ у Паганеля упоминаніе о мнѣніи Руссо, что «представительное правленіе не что иное, какъ искаженіе демократіи, результатъ упадка людей» [2]), Тургеневъ замѣчаетъ: «конечно, такое («представительное») правленіе не есть совершенное, но ближайшее къ совершенству». У Паганеля Тургеневъ встрѣчаетъ также мысль, что правительства должны были бы вводить такія благія учрежденія, какъ «мирные судьи и присяжные», а между тѣмъ они являются всегда «слѣдствіемъ революціи» [3]). Тургеневъ находитъ въ этомъ подтвержденіе своего мнѣнія, что правительства (очевидно, вводя учрежденія, удовлетворяющія народнымъ потребностямъ) должны «отклонять революціи». Въ нѣкоторыхъ отзывахъ автора объ англійскомъ народѣ Тургеневъ видитъ подтвержденіе своего мнѣнія, что «постановленіями», т. е. учрежденіями (les institutions) «образуется или воспитывается народъ [4]). «Какъ важно сіе замѣчаніе», прибавляетъ онъ «относительно къ Россіи».

Нѣсколько позднѣе, прочитавъ сочиненіе извѣстнаго либеральнаго публициста Бенжамена Констана о выборахъ, Тургеневъ даетъ о немъ такой отзывъ: «много хорошаго и справедливаго». Въ этой талантливой брошюрѣ «Des élections prochaines» (1817 г.) Б. Констанъ энергически протестуетъ противъ исключительныхъ законовъ: отмѣны гарантій личной свободы, административнаго произвола въ дѣлахъ печати (въ 1815 г. была установлена предварительная цензура) и полувоенныхъ судовъ (для преступленій невоеннаго характера[5]). Очевидно, подъ вліяніемъ чтенія этой брошюры Тургеневъ начинаетъ размышлять о системахъ выборовъ въ конституціонныхъ государствахъ и рѣшительно высказывается противъ имущественнаго ценза, за необходимость котораго стоялъ Б. Констанъ: «всѣми политиками принято, что для представительства народнаго нужны люди, имѣющіе значительную собственность. Въ газетахъ недавно

[1]) Онъ вѣроятно имѣетъ въ виду то мѣсто этого сочиненія, гдѣ авторъ упоминаетъ о положеніи народа въ феодальную эпоху (I, 4, ср. 6—7).

[2]) Паганель говоритъ: „Ж. Ж. Руссо высказалъ о представительномъ правленіи мнѣніе, противоположное мнѣнію философовъ, публицистовъ и законодателей, писавшихъ послѣ него. Онъ смотритъ на этотъ образъ правленія, какъ на искаженіе демократіи, какъ на результатъ упадка людей, подобнаго тому состоянію инертности и слабости, которое слѣдуетъ за истощеніемъ силъ. Теорія, ограничивающая посредствомъ выбора представителей, верховенство народа, является, по его мнѣнію лишь прикрытіемъ рабства, оскорбленіемъ народу, повторяемымъ при каждыхъ выборахъ“ (I, 272—273). Паганель оспариваетъ это мнѣніе Руссо (I, 64—65). Ср. „Contrat social“ кн. III, гл. 15. „Общественный договоръ“ появился теперь въ трехъ переводахъ: 1) Дживилегова, 2) подъ редакціей Когана и 3) подъ редакціей Д. Жуковскаго.

[3]) См. *Paganel* I, 299.

[4]) См. напр. *Paganel* I, 260, 300.

[5]) *B. Constant.* „Cours de politique constitutionnelle“ P. 1861 г. t. II, 309—346. О Бен. Констанѣ см. брошюру Э. Лабулэ „Политич. идеи Б. Констана“. М. 1905 и книгу *G. de Lauris* B. Constant et les idées libérales. P. 1904, а также статью по поводу нея Рудченко въ „Русской Мысли“ 1905 г. № 12. Общую характеристику идей Б. Констана см. у *Карѣева* „Истор. Зап. Евр. въ новое время“ т. IV, изд. 2, стр. 294—301, 586—590.

замѣтили, что Регулы, Цинцинаты и т. п. не могли бы быть репрезентантами даже и въ малѣйшихъ новыхъ государствахъ. Все это такъ. Но что же это доказываетъ? Мелкость, ничтожество новѣйшихъ въ сравненіи съ древними. Чистѣйшая страсть человѣка—патріотизмъ должна имѣть порукою деньги, имѣніе! Нельзя не признаться, что это совсѣмъ не дѣлаетъ чести образованности новѣйшихъ народовъ, если необходимость такого поручительства справедлива... Не вѣрить любови къ отечеству, когда сія любовь не основывается на интересѣ. Какое заблужденіе ума и просвѣщенія! Was für eine Verkehrtheit aller gesunden Ideen! (Что за извращеніе всѣхъ здравыхъ идей). Стóятъ ли тѣ народы свободы, которые залоговъ оной ищутъ въ интересѣ, а не въ сердцахъ гражданъ? Но за то и свобода новѣйшихъ народовъ отзывается деньгами!» Тургеневъ забылъ объ отсутствіи имущественнаго ценза въ сѣвероамериканской конституціи.—Въ 1817 г. или 1818 г., прочитавъ въ «Moniteur'ѣ» статью по поводу книги философа Азанса, онъ пишетъ: «Этотъ мусье Аваисъ говоритъ, что Россія по причинѣ ея пространства и различія образованности населяющихъ ея народовъ, не созрѣла еще для конституціи, или, что все равно, для свободы. Всѣ эти люди, которые такимъ образомъ говорятъ о свободѣ, не знаютъ, не понимаютъ свободы: они не чувствуютъ, что свобода такъ натуральна, такъ свойственна человѣку..., что нельзя произнести слово «человѣкъ», чтобы не имѣть вмѣстѣ съ симъ понятія о свободѣ. Все равно, если бы кто сказалъ о людяхъ между снѣговъ, въ вѣчной ночи живущихъ: они еще не созрѣли для того, чтобы грѣться на солнышкѣ»...

Въ сентябрѣ 1818 г. Тургеневъ читаетъ книгу г-жи Сталь о революціи [1]) и замѣчаетъ: «что она говоритъ о деспотизмѣ?» [2]) А мы подъ нимъ живемъ и долго жить будемъ! Это... давитъ меня». Нѣсколько позднѣе, по поводу того же сочиненія, онъ замѣчаетъ: «много краснорѣчивыхъ, прекрасныхъ мѣстъ, главная же черта, отличающая эту книгу отъ многихъ сего рода, ...: постоянная и пылкая любовь къ свободѣ, любовь и уваженіе къ человѣчеству, представленіе необходимости нравственности какъ въ жизни частной, такъ и въ политикѣ; эти свойства сочиненія m-me Stael должны имѣть благотворное вліяніе, но въ теперешнія времена все испортили, исказили тѣ, которые свою волю хотѣли ставить выше закона». Продолжая чтеніе того же сочиненія, Тургеневъ находитъ, что г-жа Сталь «живо представляетъ ненавистность деспотизма и прелесть свободы и просвѣщенія. То, что она говоритъ о Россіи—вздоръ, и я объ этомъ жалѣю» [3]). Въ октябрѣ 1818 г.

---

[1]) „Considérations sur les principaux événemens de la révolution française", вышедшую въ свѣтъ въ этомъ году.

[2]) См. Oeuvres complètes de m-me la baronne de Staël, P. 1820, t. XII, 11, 17—20, 25, 37—39, 40—46, 122, 155—160.

[3]) Авторъ дневника имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто: „благодаря

Н. Тургеневъ писалъ брату Сергѣю: «Второй томъ m-me Stael несравненно лучше двухъ другихъ, въ особенности третьяго. Она запуталась, говоря о возвращеніи Бонапарта» [1]). Повидимому, въ слѣдующемъ году Тургеневъ читаетъ «Замѣчанія» клерикальнаго публициста, извѣстнаго реакціонера виконта де-Бональда (напечатанныя въ 1818 г.) на сочиненіе г-жи Сталь о революціи. По поводу мнѣнія Бональда, что власть государя «независима отъ подданныхъ, но если онъ ихъ угнетаетъ, то онъ виновенъ предъ Богомъ, верховнымъ судьею королей», Тургеневъ остроумно замѣчаетъ: «и наши мужики могутъ жаловаться Богу, но въ томъ-то и бѣда, что они, кромѣ Бога, никому жаловаться не могутъ». Правда, имп. Александръ требовалъ, чтобы крестьянамъ не запрещали подавать ему просьбы, но мѣстныя власти иногда подвергали жалующихся имъ тѣлесному наказанію, даже не входя въ разсмотрѣніе жалобы. Въ 1820 г. Тургеневъ дѣлаетъ такое замѣчаніе относительно книги Бональда: «Давно я не читалъ ничего лучшаго, особливо ничего болѣе убѣдительнаго въ пользу либеральныхъ идей. Глупость глупцовъ или умъ во тьмѣ находящихся часто лучше всего доказываютъ истину» [2]).

просвѣщенной мудрости теперешняго государя", говоритъ г-жа Сталь, „всевозможныя улучшенія постепенно совершатся въ Россіи. Нѣтъ ничего нелѣпѣе того, что обыкновенно повторяютъ люди, боящіеся просвѣщенной политики Александра. „Почему, говорятъ они, этотъ государь, которымъ друзья свободы такъ восхищаются, не введетъ у себя конституціоннаго правленія, которое онъ рекомендуетъ другимъ странамъ"?... Въ Россіи еще нѣтъ третьяго сословія: какъ же можно было бы создать въ ней представительное правленіе? Почти совершенно нѣтъ промежуточнаго класса между боярами и народомъ. Можно было бы увеличить политическое значеніе вельможъ и въ этомъ отношеніи разрушить сдѣланное Петромъ I, но это значило бы идти назадъ, а не впередъ, ибо власть императора, при всей своей неограниченности, въ соціальномъ отношеніи представляетъ улучшеніе сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ нѣкогда была аристократія. Россія, въ дѣлѣ цивилизаціи, находится еще въ той исторической эпохѣ, гдѣ для блага народовъ нужно ограничивать власть привилегированныхъ властью короны". Указавъ на 36 народовъ, въ томъ числѣ и языческихъ, населяющихъ Россію, авторъ продолжаетъ: „При такомъ порядкѣ вещей еще нѣтъ необходимаго просвѣщенія и людей, которые могли бы пустить въ ходъ учрежденія". «Ouvres», t. XIII, 396—397, ср. t. XII, 14. О сношеніяхъ г-жи Сталь съ имп. Александромъ, см. статью Шильдера въ „Вѣстн. Европы", 1896 г. № 12.

[1]) Вѣроятно Н. Тургеневъ имѣетъ въ виду цитированное нами мѣсто въ послѣдней главѣ сочиненія Сталь, въ которой она говоритъ и о возвращеніи Наполеона изъ похода въ Россію. Задумывая зимою 1818—19 гг. изданіе журнала и увидѣвъ у И. И. Пущина эту книгу, Тургеневъ предлагалъ ему написать о ней статью.

[2]) О Бональдѣ см. въ книгѣ *Шахова* „Французская литература въ первые годы XIX вѣка". М. 1875 г. *Чичеринъ*. „Исторія политич. ученій", М. 1902, т. V. Вѣроятно, къ 1820 г. относятся выписки Тургенева при его дневникѣ изъ сочиненій г-жи Сталь, Бентама и книги Гизо „Du gouvernement de la France depuis la restauration et du ministère actuel" (1820 г.). О Гизо срав. *Чичеринъ*, V, 399—404.

Изъ этихъ отзывовъ мы видимъ, что въ 1816—18 гг. Тургеневъ уже вполнѣ проникся либеральными взглядами. Но затѣмъ, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ событій (см. ниже) и мрачной русской дѣйствительности онъ становится гораздо радикальнѣе, въ 1819 г. вступаетъ въ Союзъ Благоденствія и въ 1820 г. на совѣщаніи его коренной управы, на которомъ присутствовалъ Пестель, вмѣстѣ съ другими подаетъ голосъ за республику.

Въ апрѣлѣ 1821 г. Тургеневъ читаетъ сочиненіе Дэтю де Траси, «Коментаріи на Духъ Законовъ Монтескье», которое оказало такое сильное вліяніе на Пестеля и многихъ другихъ членовъ тайнаго общества [1]). Онъ отмѣчаетъ отрицательное отношеніе французскаго ученаго къ монархіи, то, что онъ «предлагаетъ блюстительный сенатъ, исполнительную коллегію и законодательный корпусъ» и замѣчаетъ: «есть хорошія вещи, но раздѣленіе правленій неудачно». Тургеневу было извѣстно и сочиненіе Дэтю де Траси о политической экономіи, по поводу котораго онъ замѣчаетъ, что авторъ «принимаетъ работу единственнымъ элементомъ цѣнности и единственнымъ источникомъ богатства» [2]). Тургеневъ добавляетъ, что и Адамъ Смитъ «единымъ мѣриломъ цѣнности вещей признаетъ работу». Онъ соглашается съ мнѣніемъ Дэтю де Траси, что главный и единственный способъ «дать нравственность народу»—«постановленія государственныя» [3]).

Въ 1822 г. на Тургенева производитъ очень сильное впечатлѣніе чтеніе мемуаровъ г-жи Роланъ [4]).

Мы увидимъ далѣе, что многіе декабристы увлекались чтеніемъ

---

[1]) Объ этомъ произведеніи Дэтю де Траси см. въ моей статьѣ „Вопросъ о преобразов. госуд. строя Россіи въ XVIII и перв. четверти XIX в.". „Былое", 1906 г. № 3, стр. 195—198.

[2]) Ср. замѣчаніе К. Маркса о мнѣніи Дэтю де Траси. „Капиталъ", перев. подъ редакц. П. Струве, изд. 2-е, Спб., 1906 г., стр. 35.

[3]) По поводу сочиненія Ferrier Du gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce ou De l'administration commerciale, opposée aux economistes du 19-e siécle (2-me edit.) Тургеневъ высказываетъ слѣдующія мысли: „Отчего происходитъ легкость, съ которою различныя правительства дѣлаютъ займы и которая доказываетъ, что есть много капиталовъ disponibles, между тѣмъ какъ во всѣхъ государствахъ, кромѣ Англіи, нѣтъ дорогъ, нѣтъ каналовъ, подобныхъ какъ въ сей землѣ? Отъ дурного образа правительства. Если бы порядочное устройство правительства позволяло употребленіе капиталовъ на построеніе каналовъ, дорогъ, то капиталисты не спѣшили бы отдавать свои деньги такимъ правительствамъ (напримѣръ, нашему), которыя представляютъ одну только личную гарантію и никакой вещественной. Коль скоро во Франціи представительное правленіе позволило вѣрить продолжительности справедливости и обезпеченія правъ, явились капиталисты съ предложеніемъ употребить милліоны на построеніе дорогъ, каналовъ, мостовъ... И такъ, дурной образъ правленія, отвлекая капиталы отъ полезнаго употребленія, влечетъ ихъ въ казначейства для удовлетворенія часто ненужныхъ, вредныхъ издержекъ".

[4]) Они переведены на русскій языкъ г-жею Вернадскою въ „Историческомъ Обозрѣніи" 1893 г. т. VI и 1894 г. т. VII (есть и отд. изд.).

древнихъ авторовъ. Тургеневъ читалъ въ 1822 г. Тацита и записалъ по этому поводу: «Съ Тацитомъ я разстался, какъ съ пріятелемъ, хотѣлъ кончить это чтеніе и сожалѣлъ, когда кончилъ». Въ томъ же году онъ знакомится съ сочиненіемъ Benj. Constant'a Commentaires sur Filangieri и замѣчаетъ: «мнѣ очень по вкусу. Опредѣляетъ и разъясняетъ идеи, которыя иногда мнѣ представлялись при разныхъ случаяхъ».

Эту книгу, изданную въ 1822 г., Тургеневъ рекомендовалъ для чтенія членамъ тайнаго общества, такъ какъ, по его мнѣнію, она «могла дать свѣдѣнія здравыя и справедливыя о множествѣ вопросовъ изъ обширной области политики» («La Russie et les Russes» I, 82). Дѣйствительно, это сочиненіе Б. Констана было полезно тѣмъ, что довольно убѣдительно доказывало необходимость конституціоннаго строя; въ тогдашней Россіи съ ея самодержавнымъ царемъ и военными поселеніями; были нелишни и указанія на необходимость извѣстныхъ границъ законодательнаго вмѣшательства въ жизнь людей.

Затѣмъ Тургеневъ читаетъ «Тактику» Бентама и находитъ, что она составлена «очень умно, любопытно и поучительно» [1]).

Названныя сочиненія не исчерпываютъ всѣхъ именъ авторовъ, упоминаемыхъ въ дневникѣ Тургенева: мы отмѣчаемъ тѣ труды, которые производили на него болѣе сильное впечатлѣніе.

Послѣ Тургенева однимъ изъ наиболѣе образованныхъ членовъ Сѣвернаго Общества былъ Никита Мих. Муравьевъ, а также выдавался своими серьезными философскими знаніями С. М. Семеновъ, окончившій курсъ въ московскомъ университетѣ и получившій въ 1816 г. степень магистра этико-политическихъ наукъ. По свидѣтельству Свербеева, онъ глубоко изучилъ энциклопедистовъ XVIII вѣка, а также и нѣмецкихъ философовъ, начиная съ Канта. Онъ «всею душою преданъ былъ энциклопедистамъ», но въ то же время любимыми его писателями были Спиноза и Гоббсъ.

Слѣдственная коммиссія по дѣлу декабристовъ каждому изъ привлекаемыхъ къ слѣдствію задавала вопросъ о томъ, каковы были источники его «вольномыслія». Среди другихъ причинъ возникновенія оппозиціонныхъ взглядовъ, многіе указывали и на чтеніе различныхъ печатныхъ или неизданныхъ произведеній. Такимъ

[1]) Въ 1791 г. Бентамъ написалъ, спеціально для Франціи, „Опытъ политической тактики"; впослѣдствіи его переработалъ Дюмонъ и издалъ въ 1815 г. подъ заглавіемъ „Tactique des assemblées législatives". Русскій переводъ этой книги: „Тактика законодательныхъ собраній" изд. въ 1907 г. Въ своемъ сочиненіи о налогахъ, первое изданіе котораго вышло въ свѣтъ въ 1818 г., Тургеневъ цитируетъ Юма, Адама Смита, Бентама, Сэя. Изъ его дневника видно, что онъ читалъ Рикардо. Въ дневникѣ Тургенева 1821—24 г.г. есть выписки изъ сочиненій: Плутарха, Тита Ливія, Юма, Робертсона, Сисмонди, Гердера „Geschichte der Menschheit", нѣкоторыхъ книгъ и статей по исторіи крестьянъ и крестьянскому вопросу во Франціи, Германіи и Остзейскомъ краѣ.

образомъ сдѣланъ былъ любопытный опросъ объ авторахъ, особенно любимыхъ наиболѣе развитою молодежью, преимущественно военною. Конечно, изслѣдованіе, произведенное среди заключенныхъ въ крѣпости, не имѣетъ такой полноты, какъ свѣдѣнія, собранныя отъ людей, находящихся на свободѣ; послѣдніе сказали бы гораздо болѣе, но все же, благодаря слѣдственному дѣлу о декабристахъ, мы имѣемъ значительное количество свидѣтельствъ относительно научныхъ и литературныхъ вліяній на членовъ Тайнаго Общества. Мы остановимся на многихъ изъ этихъ человѣческихъ документовъ, имѣющихъ громадную важность для исторіи умственнаго развитія поколѣнія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ XIX вѣка, дополняя ихъ и нѣкоторыми другими свидѣтельствами, какъ самихъ декабристовъ, такъ и лицъ, ихъ хорошо знавшихъ.

М. А. Фонъ-Визинъ въ своемъ сочиненіи «Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи» дѣлаетъ такое указаніе о времени послѣ заграничнаго похода: тогда «многіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба съ страстью учились и читали преимущественно сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя политическія системы и теоріи, весьма естественно, что занимающіеся ими желали бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ». Александръ Ник. Муравьевъ въ своемъ показаніи говоритъ, что вольнодумство возникло въ немъ «со времени пребыванія въ чужихъ краяхъ отъ духа времени тогдашняго, т. е. во время и послѣ войны 1813 и 1814 годовъ; оттого началъ читать разныя политическія книги, какъ-то:» Макіавелли, Монтескье, Contrat Social J. J. Rousseau «и проч. тому подобныя». Рылѣевъ показалъ: «Вообще прилежалъ я ко всѣмъ словеснымъ наукамъ [1]); въ послѣдніе же годы особенно занимался изученіемъ правъ и исторіи разныхъ народовъ» [2]). «Свободомысліемъ первоначально заразился я», продолжаетъ Рылѣевъ, «въ походахъ во Франціи въ 1814 и въ 1815 годахъ; потомъ оное постепенно возрастало во мнѣ отъ чтенія разныхъ современныхъ публицистовъ, каковы Биньонъ [3]), Бенжаменъ Констанъ и др.» Очень внимательно Рылѣевъ изучалъ Бентама, такъ что принадлежавшій ему экземпляръ сочиненій этого англійскаго юриста-философа былъ покрытъ множествомъ его помѣтокъ. Въ квартирѣ поэта устраивались бесѣды по

---

1) Въ одномъ изъ стихотвореній Рылѣева («Пустыня», 1821 г.) есть указаніе на чтеніе Вольтера и Руссо.

2) Между прочимъ Рылѣевъ изучалъ сочиненіе Монтескье. (Записки Никитенка, I, 86) и конституціи не только европейскія, но и американскія.

3) Французскій дипломатъ, публицистъ и историкъ, авторъ книгъ „Du congrès de Troppau“ (1821), „Les cabinets et les peuples“ и др. Выбранный въ 1817 г. депутатомъ, онъ заявилъ себя противникомъ исключительныхъ законовъ.

политической экономіи съ проф. университета Плисовымъ, въ присутствіи десятка слушателей [1]). Рылѣевъ одинъ изъ первыхъ понялъ политическую основу поэзіи Байрона: по его словамъ, смерти Байрона рады «одни тираны и рабы» [2]). По свидѣтельству Н. А. Бестужева, «первая книга, развернувшая» въ немъ «желаніе конституціи» въ Россіи, было сочиненіе Де-Лольма о конституціи въ Англіи, русскій переводъ которой былъ посвященъ имп. Александру. «Впрочемъ—прибавляетъ онъ,—всѣ иностранные журналы, современныя исторіи и записки и даже русскіе журналы и газеты открывали внимательному читателю пользу постановленія законовъ». «Хотя въ послѣднее время царствованія имп. Александра,—прибавляетъ Н. Бестужевъ въ другомъ показаніи,—строгость, съ которою поступлено было съ профессорами, преподававшими въ университетахъ, и вмѣстѣ строгость цензуры клонились къ прекращенію нѣкоторыхъ политическихъ идей, принадлежащихъ XIX столѣтію, но не менѣе того идеи сіи еще скорѣе распространились отъ преслѣдованія, и тѣ изъ молодыхъ людей, которые не имѣли понятія о книгахъ Куницына («Естественное право») и «Арсеньева» («Статистика Россіи»), «старались имѣть ихъ и читать».

А. Бестужевъ-Марлинскій далъ такое показаніе о вліяніи на него чтенія: «Съ 19 лѣтъ сталъ я читать либеральныя книги». «Для забавы занимался литературою, но по наклонности вѣка наиболѣе прилежалъ къ исторіи и политикѣ... Случай, равно какъ и желаніе, дали мнѣ свѣдѣнія о статистическомъ состояніи Россіи... Свободный образъ мыслей заимствовалъ изъ книгъ наиболѣе и, восходя постепенно отъ мнѣнія къ другому, пристрастился къ чтенію публицистовъ французскихъ и англійскихъ до того, что рѣчи въ палатѣ депутатовъ и hous of commons (палатѣ общинъ) занимали меня, какъ француза или англичанина. Изъ новыхъ историковъ болѣе всѣхъ дѣлали на меня вліяніе Гееренъ, изъ публицистовъ Бентамъ [3]). Что же касается до рукописныхъ русскихъ сочиненій,—

[1]) *Кропотовъ.* Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ. „Русск. Вѣстн.", 1869 г. № 3, стр. 235, 237.

[2]) „На смерть Байрона". Въ письмѣ къ Пушкину (12 мая 1825 г.) Рылѣевъ говоритъ: „Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ Донъ-Жуана! Сколько поразительныхъ идей, какія чувства, какія краски!" О политической дѣятельности Байрона и о вступленіи его въ тайное общество карбонаровъ въ Италіи см. книгу Алексѣя Н. Веселовскаго «Байронъ». М. 1902.

[3]) Бестужевъ усердно читалъ также Адама Смита. (Н. Котляревскій, «Декабристы. Кн. А. Одоевскій и А. Бестужевъ», стр. 124). На развитіе его міросозерцанія вліяли и произведенія Байрона, съ которыми онъ знакомъ былъ въ подлинникѣ и отъ которыхъ приходилъ въ восторгъ. «Какъ зла и какъ свѣжа его сатира», говоритъ онъ въ письмѣ къ Пушкину (9 марта 1825 г.)... «Я съ жаждою глотаю англійскую литературу и душой благодаренъ англійскому языку: онъ научилъ меня мыслить». Сочиненія Пушкина. Изд. Академіи Наукъ. Переписка, подъ редакціей В. И. Саитова. 1906, т. I, 187—188.

они слишкомъ маловажны. Мнѣ же не случалось читать изъ нихъ ничего, кромѣ о необходимости законовъ (покойнаго Фонъ-Визина) [1]), двухъ писемъ М. Орлова къ Бутурлину [2]) и нѣкоторыхъ блестокъ А. Пушкина стихами». Князь Е. П. Оболенскій показалъ, что послѣ 1814 г. занимался исторіею, политическою экономіею и правомъ; изъ книгъ, особенно повліявшихъ на него, онъ назвалъ Б. Констана и Биньона; онъ изучалъ также философію Шеллинга, послѣдователями которой были въ Петербургѣ профессора медико-хирургической академіи Веланскій и университета — Галичъ [3]).

Баронъ В. И. Штейнгель въ своемъ показаніи говоритъ: «Теперь трудно упомнить все то, что читалъ, и какое сочиненіе наиболѣе способствовало къ развитію либеральныхъ понятій; довольно сказать, что 27 лѣтъ я упражнялся и упражняюсь въ безпрестанномъ чтеніи. Я читалъ Княжнина Вадима, даже печатный экземпляръ, Радищева Поѣздку въ Москву, сочиненія Фонъ-Визина, Вольтера, Руссо, Гельвеція... Изъ рукописнымъ разныя сочиненія... Грибоѣдова и Пушкина... Я увлекался болѣе тѣми сочиненіями, въ которыхъ представлялись ясно и смѣло истины, невѣдѣніе коихъ было многихъ золъ для человѣчества причиной. По совѣсти сказать долженъ, что ничто такъ не озарило ума моего, какъ прилежное чтеніе исторіи съ размышленіемъ и соображеніемъ. Одни сто лѣтъ отъ Петра Великаго до Александра I сколько содержатъ въ себѣ поучительныхъ событій къ утвержденію въ томъ, что называется свободомысліемъ». Въ письмѣ къ имп. Николаю Штейнгель замѣчаетъ, что само правительство поощряло печатаніе переводовъ съ дозволенія государя «книгъ, дающихъ понятіе о новыхъ идеяхъ относительно основанія государственнаго блага»: сочиненія де-Лольма, Монтескье, Бентама и др. Изъ печатныхъ произведеній русской литературы Штейнгель называетъ сочиненія Рылѣева—думу «Волынскій» и «Исповѣдь Наливайки» и Пушкина «Братья-разбойники». «Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ», продолжаетъ онъ, «не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышащими свободою». Онъ упоминаетъ также о баснѣ Дениса Давыдова: «Голова и Ноги» [4]). Штейнгель указываетъ Николаю I на то, что для совершеннаго истребленія «свободомыслія

---

[1]) Разсужденіе Д. И. Фонъ-Визина о необходимости основныхъ законовъ напечатано въ „Историческомъ Сборникѣ", 1861 г. Л., в. II. 167—189. Сравн. мою статью о М. А. Фонъ-Визинѣ въ изд. «Общественн. движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка», изд. Пирожкова. Спб., 1905, т. I, 6—13.

[2]) О нихъ мнѣ придется говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

[3]) См. *М. Филипповъ*. «Судьбы русской философіи», Спб.

[4]) Написанная 1803 г., она была впервые напечатана въ „Русской Старинѣ" 1872 г., т. V, 626—627 и перепечатана въ „Сочиненіяхъ Д. В. Давыдова". Спб. 1895 г., т. I, 13. За эту и еще другую басни Давыдовъ былъ переведенъ изъ гвардіи въ армію. Ibid. стр. III, статья А. О. Круглаго.

нѣтъ другого средства, какъ истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованіе». Батеньковъ въ одномъ изъ своихъ показаній заявилъ, что онъ читалъ сочиненіе г-жи Сталь о французской революціи и былъ проникнутъ «величайшимъ уваженіемъ къ англійской конституціи и совершенной ненавистью къ (французской) конституціи 1791 г.» Подъ вліяніемъ идей г-жи Сталь и англійской конституціи, Батеньковъ и сдѣлался сторонникомъ двухпалатной системы и родовой аристократіи, какъ основы верхней палаты.

Писатели древняго міра, вліявшіе на республиканцевъ временъ революціи, играли значительную роль въ развитіи многихъ декабристовъ. Якушкинъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что въ 1818 г. онъ и его товарищи «страшно любили древнихъ: Плутархъ, Титъ Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и др. были у каждаго изъ насъ почти настольными книгами». Сильное вліяніе отъ чтенія этихъ авторовъ видно изъ разсказа Якушкина о томъ, какъ онъ прочелъ своему знакомому офицеру Граббе нѣсколько писемъ Брута къ Цицерону. Граббе, который собирался предъ этимъ ѣхать къ Аракчееву, больше никогда не бывалъ у него и вскорѣ вступилъ въ Тайное Общество. Каховскій говоритъ въ своемъ показаніи, что онъ былъ «воспламененъ героями древности». Якушкинъ утверждаетъ, что всѣ появлявшіяся тогда въ печати сочиненія Пушкина— «Деревня», «Кинжалъ», четырехстишіе къ Аракчееву, «Посланіе къ Чаадаеву» и мн. др., «были не только всѣмъ извѣстны, но въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который бы не зналъ ихъ наизусть». М. А. Фонъ-Визинъ заявилъ, что усвоилъ «свободный образъ мыслей», когда ему было 17 лѣтъ, «изъ прилежнаго чтенія Монтескье, Рейналя [1]) и Руссо, также древней и новѣйшей исторіи, изученіемъ которой онъ «занимался съ особенною охотою». Впослѣдствіи, двукратное пребываніе за границею и любимое чтеніе новѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ публицистовъ, равно журналовъ и газетъ разныхъ партій, не мало способствовали къ утвержденію его «политическихъ мнѣній».

Членъ Сѣвернаго Общества, штабсъ-капитанъ Рѣпинъ, воспитанный подъ руководствомъ своего дяди, директора морского кадетскаго корпуса, «отъявленнаго вольтерьянца», по отзыву Якушкина, еще въ молодости ознакомился съ французскими писателями XVIII в. и принялъ ихъ общія воззрѣнія», но на слѣдствіи онъ показалъ, что «свободный образъ мыслей» усвоилъ «весьма недавно», вслѣдствіе «пристрастія къ чтенію», и при этомъ назвалъ имена слѣдующихъ авторовъ, изъ которыхъ почерпнулъ «первыя полити-

---

1) Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes», (1770 г.), изданное въ рускомъ переводѣ по повелѣнію Александра I въ 1805—11 г. Авторъ обличаетъ жестокое обращеніе съ неграми, доказываетъ несправедливость монополіи и пр.

ческія идеи», хотя еще и весьма несовершенныя»: Монтескье, Филанджіери [1]), Дэтю де Траси и экономистовъ—Адама Смита и Сэя. Сослуживецъ Рѣпина по финляндскому полку, бар. Розенъ, говоритъ въ своихъ запискахъ: «Съ 1822 г. по возвращеніи гвардіи съ похода въ Литву, замѣтно было, что между офицерами стали выказываться личности, занимавшіяся не одними только ученіями, картами и уставомъ воинскимъ, но чтеніемъ научныхъ книгъ. Бесѣды шумныя, казарменныя о прелестяхъ женскихъ, о поединкахъ, попойкахъ и охотѣ становились рѣже, и вмѣсто нихъ все чаще слышны были сужденія о политической экономіи Сэя, объ исторіи, о народномъ образованіи. Мѣсто неугасимой трубки» заняли «на нѣсколько часовъ въ день книга и перо,—и вмѣсто билета въ театръ стали брать билеты на полученіе книгъ изъ библіотекъ». Фонъ деръ Бриггенъ, пріятель Н. И. Тургенева, внимательно изучилъ сочиненія Монтескье и Адама Смита [2]). Членъ Сѣвернаго Общества, камеръ-юнкеръ кн. Валеріанъ Голицынъ показалъ, что заимствовалъ свободный образъ мыслей отъ чтенія «жаркихъ преній въ парламентахъ тѣхъ народовъ, кои имѣютъ конституцію, и также отъ чтенія французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ публицистовъ». Одинъ изъ братьевъ Бестужевыхъ, Петръ, заявилъ, что свободныя мысли зародились въ немъ по выходѣ изъ корпуса, около 1822 года, отъ чтенія различныхъ рукописей, каковы «Ода на Свободу» (т. е. «Ода Вольность»), «Деревня» (Пушкина), «Мой Аполлонъ» [3]), разныя посланія и проч., за которыя пострадалъ Пушкинъ; «Путешествіе Радищева изъ Петербурга въ Москву» и «О необходимости законовъ» (Д. И. Фонъ-Визина) также «дѣлали на него «нѣкоторое впечатлѣніе». Ненависть къ крѣпостному праву поддерживалась въ немъ сочиненіемъ аббата Рейналя.

Лаппа, подпоручикъ Измайловскаго полка, членъ Сѣвернаго Общества, заявилъ, что его учитель итальянскаго языка, Жилли, первый обратилъ его вниманіе «на предметы, способствующіе свободному образу мыслей», и съ тѣхъ поръ главнымъ его занятіемъ сдѣлалось чтеніе историческихъ сочиненій. Учитель этотъ принесъ ему книгу Вольнея «Les Ruines» («Развалины») [4]) и посовѣтовалъ про-

---

[1]) Авторъ обширнаго сочиненія „Наука о законодательствѣ", изданнаго въ 1780—88 г., на итальянскомъ языкѣ, но переведеннаго и по французски. Англійская конституція не удовлетворяетъ Филанджіери.

[2]) А также противника частной собственности Мабли (ум. въ 1785 г.) Въ имѣніи Бриггена (въ Черниговской губ.) была цѣнная библіотека изъ французскихъ, нѣмецкихъ и латинскихъ книгъ. *Брайловскій.* Изъ жизни одного декабриста. „Русск. Стар." 1903 г., № 3, стр. 543.

[3]) Стихотвореніе кн. Вяземскаго „Негодованье", гдѣ есть стихъ: „Мой Аполлонъ—негодованье".

[4]) Вольней (1757—1820) издалъ свою книгу („Les ruines ou méditation sur les révolutions des empires") въ 1791 г. послѣ того, какъ былъ членомъ учредительнаго собранія. Пріятель Пушкина А. Н. Вульфъ, прочтя это

честь ее, «чтобы имѣть точку зрѣнія настоящую, а не ложную». Лаппа прочелъ это сочиненіе нѣсколько разъ, увлеченный, «какъ новостью предмета, такъ и краснорѣчивымъ разсказомъ, и началъ съ тѣхъ поръ гораздо лучше понимать своего итальянца», который «чрезъ нѣсколько времени успѣлъ «внушить ученику» свои правила и понятія, какія онъ имѣлъ о правленіяхъ». Замѣтивъ, что Лаппа восхищается представительнымъ правленіемъ, которое учитель описывалъ ему «живыми красками», Жиліи сообщилъ ему, что въ Россіи есть общество, цѣль котораго состоитъ въ приготовленіи народа къ принятію конституціи, и взялъ съ него слово, что онъ сдѣлается его членомъ [1]). Въ послѣднее время до ареста главнымъ занятіемъ Лаппы было чтеніе Монтескье и комментаріевъ на него Дэтю де Траси. Кавалергардъ Анненковъ заявилъ, что первыя свободныя мысли внушилъ ему его наставникъ, швейцарецъ Дюбуа, «который всегда выставлялъ свое правительство, какъ единственное, не унижающее человѣчество, а про всѣ прочія говорилъ съ презрѣніемъ, наше же особенно было предметомъ его шутокъ. Онъ съ восхищеніемъ говорилъ о сочиненіяхъ Руссо, которыхъ чтеніе не мало подѣйствовало и на его ученика. Товарищъ его по полку Свистуновъ, прочелъ съ нимъ первыя главы «Общественнаго Договора» Руссо и далъ ему читать книгу Биньона о конгресахъ, что окончательно привело Анненкова къ рѣшенію вступить въ Тайное Общество.

Лейтенантъ Арбузовъ, «свободный образъ мыслей получилъ отъ чтенія историческихъ книгъ»; въ бесѣдахъ съ братьями Бѣляевыми они вспоминали о древнихъ республикахъ, «восхищаясь чистотою нравовъ, величіемъ характера и истинной добродѣтелью, желали иногда введенія и въ Россіи республиканскаго правленія». Мичманъ Бѣляевъ 2-й показалъ, что свободный образъ мыслей

сочиненіе Вольнея въ 1833 г., отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что авторъ говоритъ „о происхожденіи и развитіи религіозныхъ идей“ и „выводить не только, что происхожденіе всѣхъ вѣръ есть общее, одинаковое, но даже и то, что ни одна изъ нихъ, самая христіанская, не основана на такъ называемомъ „откровеніи“. Онъ также объясняетъ, что христіанство есть сабеизмъ, почитаніе солнца, составленный изъ миѳологіи египтянъ, индѣйцевъ, послѣдователей Зердуста (Зороастра) или маговъ, а жизнь Христа—аллегорическое описаніе годичнаго теченія солнца“. *Л. Майковъ*, Пушкинъ. Біографич. Матеріалы. Спб. 1899 г., стр. 199. Ср. *Volney* Les ruines ou meditations sur les révolutions des empires, P. 1822, p. 165—167 170, 183, 214—224. Переводъ этого сочиненія, напечатанный въ Россіи при Александрѣ II, въ половинѣ 1860-хъ годовъ, былъ конфискованъ. О Вольнеѣ и его книгѣ „Les Ruines“ см. *Sainte-Beuve*, Causeries du Lundi, t. VII, P. 1853, *Picavet* Les idéologues, P. 1891, p. 128—140.

[1]) Гангебловъ въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ, что Лаппа, по его собственному признанію, былъ принятъ еще въ 1817 г., въ братство „карбонаровъ“ его наставникомъ, профессоромъ Джилли; впослѣдствіи Лаппа сдѣлался членомъ сѣвернаго тайнаго общества. „Рус. Арх.“ 1886 г. т. II, 206.

сложился въ немъ подъ вліяніемъ греческой и римской исторіи, сочиненія Монтескье и англійской конституціи. Въ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Бѣляевъ сообщаетъ, что чтеніе Вольтера, Руссо и сочиненій энциклопедистовъ пробудило въ немъ скептицизмъ, а затѣмъ и невѣріе. Въ философскомъ лексиконѣ Вольтера сильное вліяніе оказали на него статьи о фанатизмѣ и другія въ томъ же родѣ. Года черезъ два А. Бѣляевъ вновь сдѣлался человѣкомъ религіознымъ, но тогда онъ проникся убѣжденіемъ, что «христіанинъ долженъ всѣмъ жертвовать для свободы и счастія людей», хотя бы посредствомъ революціи и кровопролитія, помня слова І. Хр. «нѣтъ больше той любви, когда человѣкъ положитъ душу свою за ближняго». Развитію у насъ революціоннаго теченія, по словамъ Бѣляева, содѣйствовали проникавшія изъ-за границы запрещенныя сочиненія, а изъ русскихъ распространенное въ рукописи «Горе отъ ума» и «Полярная звѣзда», альманахъ, издаваемый Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ. Поэмы Рылѣева: «Войнаровскій и Наливайко», Пушкина «Ода вольность» были знакомы каждому и сообщались и повторялись во всѣхъ дружескихъ и единомыслящихъ кружкахъ [1]). Юный мичманъ Дивовъ получилъ свободный образъ мыслей изъ сочиненія Рейналя, книги де-Лольма, которая возбудила въ немъ сильное сочувствіе къ англійской конституціи, и философіи Вейсса. Онъ читалъ также путешествіе въ Америку Лафайэта [2]), историческій журналъ, издававшійся въ Парижѣ и еще одну книгу объ Америкѣ. Изъ рукописей ему были извѣстны стихотворенія Пушкина, Рылѣева и кн. Вяземскаго «на вельможъ, гдѣ воспѣвается свобода» [3]), а также рукописное разсужденіе о тарифѣ. Гангебловъ, поручикъ Измайловскаго полка, привлекавшійся къ слѣдствію о Тайномъ Обществѣ, показалъ, что читалъ «ужасную книгу Les cabinets et les peuples» [4]) и имѣлъ въ ру-

---

[1]) Воспоминанія А. П. Бѣляева. „Рус. Стар." 1880 г. т. XXIX, 834—836, 1881 г. т. XXX, 487, 488.

[2]) У братьевъ Бѣляевыхъ былъ сдѣланный ими рукописный переводъ путешествія Лафайэта, который они сожгли передъ арестомъ.

[3]) Дивовъ очевидно разумѣетъ стихотвореніе кн. Вяземскаго „Негодованіе", гдѣ есть стихъ: безстыдство предсѣдитъ въ собраніи вельможъ". („Полное собр. соч. кн. Вяземскаго", т. III, Спб. 1880 г., стр. 164—169; ср. о немъ въ письмахъ Вяземскаго къ А. И. Тургеневу 1820 — 21 и въ „Остафьевск. Арх". т. II). Кн. Вяземскій приходилъ и въ личное общеніе съ моряками-декабристами. А. Бѣляевъ разсказываетъ, что во время плаванія въ 1825 г. изъ Ревеля въ Кронштадтъ Вяземскій „говорилъ намъ много своихъ стиховъ, между которыми были и очень либеральныя, согласно нашему вообще всеобщему тогдашнему настроенію". „Рус. Стар.", 1881 г. т. XXX, 25.

[4]) Биньона „Les cabinets et les peuples depuis 1815 jusqu'à la fin de 1822". Гангебловъ назвалъ въ своемъ показаніи книгу Биньона „ужасною" вслѣдствіе рѣзко-отрицательнаго отношенія автора къ политикѣ русскаго правительства.

кахъ, но не читалъ, два экземпляра рукописи «Проектъ исправленія россійскаго судопроизводства» (вѣроятно, Н. Тургенева [1]).

Нельзя не упомянуть, что въ описи книгъ кн. Ѳ. П. Шаховского, взятыхъ имъ съ собою въ крѣпость, упоминается «О воспитаніи въ Нью-Ланаркѣ», вѣроятно, сочиненіе извѣстнаго соціалиста Роберта Оуэна, которое (въ англ.) изданіи 1816 г. носило названіе «Новый взглядъ на общество или опыты объ образованіи характера; пріуготовленіе къ развитію плана для постепеннаго улучшенія быта человѣчества» [2]).

Всѣ названные декабристы принадлежали къ Сѣверному Обществу. Самый выдающійся изъ членовъ Южнаго Общества, Пестель, былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ людей своего времени. Въ его небольшой записной книжкѣ мы находимъ указаніе, конечно, лишь на незначительную часть того, что имъ было прочтено. Здѣсь есть выписки изъ сочиненій Вольтера, Дидро, Кондильяка, Гельвеція, Гольбаха, Руссо, Беккаріи, Бентама, г-жи Сталь, Лакретеля [3]), Лабрюэра, исторіи Америки Робертсона и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ. Пестель былъ знакомъ и съ сочиненіями

---

[1]) Возможность читать серьезныя книги увеличилась для петербургскихъ офицеровъ тѣмъ, что, по свидѣтельству Завалишина, въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ были библіотеки политическихъ книгъ. Существовала также библіотека и при учрежденномъ при Главномъ Штабѣ Обществѣ Военныхъ Наукъ; пользоваться ею могли всѣ гвардейскіе офицеры.

[2]) Имя Р. Оуэна и его учрежденія въ Нью-Ланаркѣ на благо рабочихъ безъ сомнѣнія были извѣстны въ петербургскомъ обществѣ хотя по наслышкѣ. Во время вѣнскаго конгресса Оуэнъ имѣлъ свиданіе съ имп. Александромъ; 27 декабря 1816 г. Нью-Ланаркъ посѣтилъ вел. кн. Николай Павловичъ и предлагалъ Оуэну переселиться въ Россію, взявъ съ собою такое количество рабочихъ, какое онъ пожелаетъ. (Въ маршрутѣ Ник. Павл. было сказано, что „въ знаменитой хлопчатобунажной мануфактурѣ въ Ланаркѣ“ работало 2000 ч., изъ нихъ бо́льшая часть дѣти. Г. А. II, № 145). Затѣмъ Оуэнъ видѣлся съ имп. Александромъ въ Франкфуртѣ, но не воспользовался его приглашеніемъ принести къ нему записку, содержащую изложеніе его идей, такъ какъ ему не понравился тонъ, какимъ съ нимъ говорилъ Александръ I. Тогда Оуэнъ напечаталъ на трехъ языкахъ небольшой мемуаръ къ правительствамъ Европы и Америки, который черезъ лорда Кэстльри представилъ Ахенскому конгрессу, и получилъ любезное извѣщеніе, что его сочли самымъ важнымъ изъ всѣхъ документовъ, полученныхъ конгрессомъ. (*Booth*, Robert Owen, the founder of socialism in England. L. 1869, p. 28—29, 39, 78—79). Но эта любезность не имѣла никакихъ послѣдствій, и еще во Франкфуртѣ Генцъ, орудіе Меттерниха, бывшій секретаремъ конгресса, насмѣшливо замѣтилъ Оуэну: „Мы вовсе не желаемъ, чтобы масса народа была зажиточна и независима, — какъ могли бы тогда ею управлять“. *Stern*, Geschichte Europas I, 475.

[3]) Вѣроятно Жанъ Шарль Доминикъ Лакретель (1766—1855), авторъ сочиненій „Precis historique de la révolution française“ (1801—6), „Histoire de l'assemblée constituante“ (1821), „L'Assemblée législative“ (1824), „Convention nationale“ (1824—25) и др.

историка и экономиста Сисмонди. Наиболѣе сильное вліяніе на политическіе взгляды Пестеля оказало, какъ извѣстно, сочиненіе Дэтю де Траси «Комментаріи на Духъ Законовъ Монтескье». Лореръ, познакомившійся съ Пестелемъ въ 1824 г., говоритъ въ своихъ запискахъ, что во всю длину его комнатъ «тянулись полки съ книгами», преимущественно «политическими, экономическими, вообще ученаго содержанія, излагающими всевозможныя конституціи. Не знаю, чего этотъ человѣкъ не прочелъ на своемъ вѣку на многихъ иностранныхъ языкахъ». Пестель совѣтовалъ читать сочиненія Беккаріи, Филанджіери, Макіавелли, Вольтера, Гельвеція, Сэя, Адама Смита и т. п. труды по политической экономіи и философіи, такъ какъ безъ этихъ свѣдѣній нельзя быть полезнымъ ни себѣ, ни обществу, ни отечеству». Подъ его вліяніемъ въ главной квартирѣ 2-й арміи начали устраиваться вечернія собранія офицеровъ для чтенія и обсужденія разныхъ вопросовъ [1]).

Другой видный членъ Южнаго Общества, М. П. Бестужевъ-Рюминъ заявилъ, что «первыя либеральныя мысли почерпнулъ» въ трагедіяхъ Вольтера, которыя «рано попались» ему въ руки. Онъ нашелъ большую часть «вольнодумныхъ» сочиненій Пушкина, кн. Вяземскаго и Дениса Давыдова у Пыхачева, члена Общества Соединенныхъ Славянъ, еще ранѣе принятія его въ Общество. Бестужевъ-Рюминъ декламировалъ «Кинжалъ» Пушкина на собраніи у Спиридова офицеровъ, принадлежащихъ къ Обществу Соединенныхъ Славянъ, нерѣдко читалъ наизусть и раздавалъ и другія сочиненія Пушкина.

По свидѣтельству члена южнаго общества Лорера, петербургская военная молодежь, по возвращеніи изъ походовъ 1813—1815 гг., «много читала, стали въ полкахъ заводить библіотеки, появились книги—«La philosophie Weiss [2]), сочиненія Франклина,

---

[1]) Въ бумагахъ члена Южнаго Общества Н. Крюкова сохранился списокъ, заключающій въ себѣ 58 названій книгъ, которыми въ 1825 г. пользовались какъ члены, такъ и не члены общества. Въ числѣ этихъ книгъ были сочиненія Монтескье „О духѣ законовъ“ и „Размышленія о причинахъ величія и упадка римлянъ“, Руссо „Общественный договоръ“, сочиненія Гельвеція, „Лекціи философіи или опытъ о способностяхъ души“ Ларомигьера, послѣдователя сенсуалиста Кондиньяка, „Свадьба Фигаро“ Бомарше, сочиненія Дэтю де Траси, большой трактатъ по политической экономіи Ж. Б. Сэя и два маленькихъ его сочиненія. старое сочиненіе (первой половины XVIII ст.) по естественному праву Бюрламаки, „Исторія Америки“ Робертсона (изд. въ 1777—1780 г.), жизнь Вашингтона, „Философскія изслѣдованія о грекахъ“, „Опытъ теоріи налоговъ“ Н. Тургенева и нѣкоторыя другія. Госуд. Арх. I В № 474. Нѣкоторыя сочиненія Ж. Б. Сэя были переведены на русскій языкъ, въ числѣ ихъ „Сокращенное ученіе о государственномъ хозяйствѣ“ 1816.

[2]) Ф. Р. Вейссъ (1751 †1798), швейцарскій писатель. Одно изъ его сочиненій „Principes philosophiques, politiques et moraux“ было переведено на русскій языкъ (Струговщиковымъ) подъ заглавіемъ „Основаніе или „существенныя правила философіи, политики и нравственности“ ч. I. 1807 г.

Филанджіери, политическая экономія Сэя... «Часто мы собирались,— продолжаетъ Лореръ,—въ Измайловскомъ полку въ квартирѣ Капниста, гдѣ... разсуждали о современныхъ вопросахъ, читали стихи... Пушкина..., «Полярную Звѣзду» Бестужева, которая была видима на всѣхъ столахъ кабинетовъ столицы». Когда вышелъ девятый томъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, его «жадно читали», такъ что одинъ офицеръ съострилъ, что въ Петербургѣ такая пустота на улицахъ потому, что всѣ углублены въ чтеніе исторіи царствованія Іоанна Грознаго.

А. В. Поджіо такъ описываетъ развитіе въ немъ свободомыслія: «въ 1819 г. начался мой ропотъ, а съ 1820 г.—первоначальное мое вольнодумство». Этому способствовали сношенія со многими членами тайнаго общества. «Взялся я за ученіе всего, что только могъ, и тутъ книги возымѣли свое вліяніе надъ умомъ, получившимъ уже направленіе. Политическая экономія, права, однимъ словомъ, все, что касается до составленія общества вообще, все это я пожиралъ съ умомъ жаднымъ и любопытнымъ. Послѣ сего перешелъ я къ управленію государствъ, каждаго порознь, и прибѣгнулъ къ Де-Лольму, Констану, Филанджіери и прочимъ. Предубѣжденный уже, впалъ въ сравненія и тутъ сталъ убѣждаться въ необходимости видѣть и свое отечество», ставшимъ «на-ряду съ просвѣщеннѣйшими народами... Духъ переобразованія взволновалъ народы. Испанія, Неаполь, Пьемонтъ, Греція одно за другими приняли образъ свободнаго правленія [1]). Съ тѣхъ поръ журналы съ рукъ моихъ не сходили, и я съ величайшимъ вниманіемъ» слѣдилъ за преніями палаты депутатовъ во Франціи и сужденіями издателей газеты «Constitutionnel» [2]), а также за засѣданіями англійскаго парламента. По словамъ А. Поджіо, многіе члены южнаго общества читали Сэя и Бентама, а также сочиненіе Вордена объ Америкѣ, но избѣгали подражать Соединеннымъ Штатамъ во «введеніи федеративнаго правленія».

Крюковъ еще до вступленія въ южное общество прочелъ Руссо, Филанджіери, Монтескье, Вейсса, Лакретеля и др. Чтеніе возбудило въ немъ религіозныя сомнѣнія относительно религіи; онъ «отвергъ многіе богослужебные обряды, какъ нелѣпые обычаи, питающіе лишь суевѣріе: потомъ сталъ сомнѣваться въ ипостасной Троицѣ, какъ неудобопостижимой для ума человѣческаго». По вступленіи же въ тайное общество Крюковъ «совершенно посвятилъ себя ученію», сталъ

---

[1]) Въ Пьемонтѣ и Греціи произошли возстанія и провозглашены были конституціи, но въ первомъ конституціонный строй не утвердился, а Греціи нужно было еще завоевать независимость; въ Неаполѣ революція была подавлена, и конституція отмѣнена благодаря вмѣшательству Австріи, по постановленію лайбахскаго конгресса; въ Испаніи абсолютизмъ возстановленъ при помощи Франціи.

[2]) С. И. Муравьевъ Апостолъ также показалъ, что чтеніе этой газеты укрѣпило въ немъ вольнодумныя и либеральныя мысли.

заниматься правовѣдѣніемъ и политическою экономіей, прочелъ сочиненія Беккаріи, Вольтера, близкаго къ матеріализму Гельвеція, Кондильяка, Гольбаха, Макіавелли, Ваттеля [1]), Адама Смита, Сэя, Бентама и Детю де Траси, послѣ чего «получилъ яснѣйшее понятіе объ устройствѣ правленія представительнаго» и пришелъ ко взглядамъ атеистическимъ. Въ его рукописяхъ сохранились переводы изъ сочиненій Кондильяка и «Системы природы» (1770 г.) матеріалиста Гольбаха. Н. Крюковъ высказывалъ мысль, что главными занятіями истиннаго философа должны быть воспитаніе и науки общественныя [2]). Чтеніе жизнеописанія Гракховъ у Плутарха навело его на мысль опредѣлить закономъ наибольшее количество земли, которымъ можно владѣть.

Николай Бобрищевъ-Пушкинъ въ своемъ показаніи указывалъ на сильное распространеніе въ обществѣ сочиненій Гельвеція, Даламбера, одного изъ основателей большой французской энциклопедіи, Вольтера, Фридриха II, Буланже [3]) и «Системы природы» Гольбаха. В. Ѳ. Раевскому, пріятелю Пушкина, члену тайнаго общества, арестованному еще въ 1822 г. и проведшему въ крѣпостяхъ во время слѣдствія болѣе пяти лѣтъ, извѣстны были русскій переводъ Монтескье, «Естественное право» Куницына «и множество подобныхъ книгъ», а также польская конституція 1815 г.

Основатель Общества Соединенныхъ Славянъ, подпоручикъ Борисовъ 2-й, первыми свободными идеями обязанъ былъ занятіямъ классическимъ міромъ. Изученіе греческой и римской исторіи и чтеніе жизнеописаній Плутарха и Корнелія Непота съ дѣтства возбудили въ немъ «любовь къ вольности и народодержавію». Затѣмъ, находясь съ своею ротою на постоѣ въ имѣніи богатаго польскаго помѣщика, у котораго была хорошая библіотека, Борисовъ прочелъ Вольтера, Гельвеція, Гольбаха и нѣкоторыхъ другихъ писателей XVIII в., проникся свободомысліемъ относительно религіи и, по словамъ Якушкина, проповѣдывалъ невѣріе своимъ товарищамъ [4]). Другой членъ общества соединенныхъ сла-

---

[1]) „Право народовъ или начала естественнаго права", 1758 г.

[2]) Изъ мемуаровъ Сюлли Н. Крюковъ выписалъ слѣдующее мѣсто: „Революціи, случающіяся въ большихъ государствахъ, никоимъ образомъ не бываютъ дѣломъ случая или каприза народа". Н. П. Сильванскій. „Матеріалисты двадцатыхъ годовъ". „Былое" 1907 г. № 7, стр. 113—118.

[3]) Сочиненіе Буланже „L'antiquité dévoilée par ses usages, ou examen critique des principales opinions, cérémonies et institutions religieuses et politiques des différens peuples de la terre" было издано въ 1766 г. по смерти автора Гольбахомъ въ Амстердамѣ въ 3 томахъ. Членъ сѣвернаго общества, Лаппа также читалъ это сочиненіе и провѣрялъ ссылки автора на Библію.

[4]) Горбачевскій въ одномъ изъ своихъ показаній заявилъ, что „Борисовъ самъ сочинялъ стихи и прозу и давалъ читать свои листочки о разныхъ матеріяхъ,... которые всегда были вольнодумческіе". Онъ также „давалъ намъ читать свои переводы изъ Вольтера и Гельвеція",

вянъ, Андреевичъ 2-й, также воодушевлялся примѣрами древнихъ римлянъ и аѳинянъ. Спиридовъ, принадлежавшій къ этому же обществу, перевелъ кое-что изъ Саллюстія, а также нѣкоторыя статьи изъ сочиненія Вейсса (извѣстнаго, какъ мы видѣли, и нѣкоторымъ другимъ декабристамъ), подъ названіемъ «Правила философіи, политики и нравственности [1]). По словамъ члена того же общества, Кирѣева, «чтеніе исторій республикъ римской и греческихъ, также конституціи Англіи и другихъ книгъ, родили» въ немъ «мысли, противныя существующему порядку вещей». Наконецъ, членъ общества соединенныхъ славянъ, полякъ Люблинскій, не бывшій въ военной службѣ, съ юности старался выяснить себѣ посредствомъ чтенія «составъ правительствъ». Особенное вліяніе оказали на него сочиненія Беккаріи и Филанджіери (онъ самъ, безъ помощи учителей, научился языкамъ русскому, латинскому, французскому и отчасти итальянскому и нѣмецкому), а затѣмъ, интересуясь преимущественно «администраціею» и политическою экономіею, прочелъ сочиненія Монтескье, Адама Смита, Мальтуса, Сэя, русскаго академика Шторха [2]) Ганиля [3]), харьковскаго профессора Якоба и др. [4]).

Если оставить въ сторонѣ Н. И. Тургенева и П. И. Пестеля, какъ людей исключительнаго образованія и развитія, и пересмотрѣть вновь весь названный литературно-научный матеріалъ, вліявшій на декабристовъ, то мы увидимъ, что наибольшее вліяніе въ ихъ средѣ оказывали, во-первыхъ, произведенія древнихъ авторовъ [5]). Изъ писателей, откуда наши декабристы могли почерпнуть свѣдѣнія по государственному праву, чаще другихъ они на-

---

[1]) А именно слѣдующія 6 статей. „1) Владѣлецъ (?) 2) Сравненіе разныхъ правительствъ, 3) Предварительный взглядъ на общество, 4) Происхожденіе обществъ, 5) Природная религія, 6) Распространеніе правительствъ“. Срав. Principes philosophiques, politiques et moraux, par le colonel de Weiss. 14-me ed. Brux. 1838.

[2]) Cours d'économie politique ou éxposé des doctrines, qui determinent la prospérité des nations“ 1815, 6 vols. Авторъ читалъ лекціи политической экономіи вел. кн. Михаилу и Николаю Павловичамъ.

[3]) *Ganilh*, авторъ сочиненій: „Des systémes d'économie politique“ (1809), „Théorie d'économie politique (1815) и др.; пренебрежительные отзывы Маркса объ этихъ сочиненіяхъ см. „Капиталъ“ т. I, изд. 2, подъ ред. Струве, стр. 21, 111, 114.

[4]) Любопытно, что нѣкоторыхъ членовъ тайнаго общества и въ трудахъ экономистовъ особенно поражали мысли о вліяніи революціи. Такъ Н. Крюковъ, начавшій было переводить сочиненіе Сэя, выписалъ изъ него слѣдующую мысль: „Революціи новаго времени, разрушивъ извѣстные предразсудки, изощривъ умы и опрокинувъ неудобныя преграды, повидимому, были скорѣе благопріятны, чѣмъ вредны для успѣховъ развитія богатства“. (Статья Н. П. Сильванскаго, ст. 113—116).

[5]) Образъ Брута воспламенялъ Рылѣева, какъ видно и изъ воспоминаніи о немъ Н. Бестужева, и изъ стихотворенія Рылѣева „Гражданинъ“ (1825 г.).

зываютъ Монтескьё, Филанджіери, Руссо, сочиненіе де-Лольма объ англійской конституціи, сочиненія Бентама [1]), Бенжамена Констана и Дэтю де Траси (вліяніе послѣдняго было господствующимъ въ южномъ обществѣ); вліяли также сочиненія Биньона, читались произведенія г-жи Сталь о феанцузской революціи и др. Изъ писателей XVIII в. сыграли значительную роль въ развитіи общественныхъ и религіозныхъ идей многихъ членовъ тайнаго общества Беккарія, Вольтеръ, Гельвецій, Гольбахъ, Рейналь [2]). Многимъ нравилась книга швейцарскаго писателя Вейсса, интересовались сочиненіями по исторіи и современному быту Америки; изъ экономистовъ всего болѣе читали Адама Смита (трудъ котораго о богатствѣ народовъ былъ переведенъ на русскій языкъ) и Сэя (нѣкоторыя сочиненія его также имѣлись въ русскомъ переводѣ). Изъ современныхъ иностранныхъ поэтовъ особенно сильное вліяніе имѣлъ Байронъ на Рылѣева и А. Бестужева, имъ восторгался Кюхельбекеръ (хотя и находилъ его произведенія однообразными), съ ними былъ знакомъ Батеньковъ. Рылѣевъ сталъ писать свои «Думы», прочтя «Историческія пѣсни» польскаго поэта Нѣмцевича, которыя вышли въ свѣтъ въ Варшавѣ въ 1816 г.; одна изъ нихъ («Глинскій») была переведена Рылѣевымъ [3]).

Русскія печатныя произведенія рѣдко назывались декабристами въ числѣ источниковъ ихъ «вольномыслія». Они читали «Естественное право» Куницына, учились ненавидѣть деспотизмъ, изучая царствованіе Іоанна Грознаго по IX тому исторіи Карамзина, восторгались нѣкоторыми печатными произведеніями Пушкина и Рылѣева [4]), изучали финансовые вопросы по «Опыту

---

[1]) Кн. Е. П. Оболенскій любилъ повторять правило Бентама: „Самое большое благо самого большого числа людей".

[2]) Упомянемъ, что въ 1816 и 1818 гг. на петербургской сценѣ шла съ большимъ успѣхомъ „Женитьба Фигаро" Бомарше.

[3]) Въ письмѣ въ Нѣмцевичу (1823 г.) Рылѣевъ говоритъ: „Славныя имена Костюшки, Коллонтая, Малаховскаго, Понятовскаго" (Іосифа). „Потоцкаго, Нѣмцевича и другихъ знаменитыхъ патріотовъ... никогда не перестанутъ повторяться съ благоговѣніемъ". „Сочиненія Рылѣева", изд. подъ ред. Мазаева, Спб. 1895 г., стр. 149. О вліяніи на Рылѣева Нѣмцевича см. ст. Сиротинина въ „Русскомъ Архивѣ" 1898 г. № 1, Мицкевичъ былъ знакомъ съ Рылѣевымъ и А. Бестужевымъ и посвятилъ имъ прочувствованныя строки въ 3-ей части своихъ „Dziadow". Переводъ этихъ строкъ—Тана см. въ „Собраніи стихотвореній декабристовъ" изд. Ѳомина, т. I, М. 1906 г. стр. 7 и П. И. Вейнберга въ „Современности" 1906 г. № 7.

[4]) Русское общество было поражено смѣлостью нападенія Рылѣева на Аракчеева въ стихотвореніи „Къ Временщику", напечатанномъ въ журналѣ „Невскій Зритель" 1820 г.". Н. А. Бестужевъ въ „Воспоминаніи о Рылѣевѣ" говоритъ: „Нельзя представить изумленія, ужаса, даже, можно сказать, оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта..., но изображеніе было слишкомъ

теоріи налоговъ» Н. Тургенева, но главнымъ орудіемъ для пропаганды либеральныхъ и радикальныхъ идей служили или напечатанныя, но уничтоженныя правительствомъ произведенія, какъ, напр., «Путешествіе» Радищева, или въ рукописи стихотворенія Пушкина [1]), Рылѣева [2]), кн. Вяземскаго, Дениса Давыдова, «Горе отъ ума» Грибоѣдова, разсужденіе о необходимости основныхъ законовъ Д. И. фонъ-Визина и нѣкоторыя другія.

вѣрно..., чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно; туча пронеслась мимо..., и глухой шопотъ одобреній былъ наградой юнаго, правдиваго поэта. Это былъ первый ударъ, нанесенный Рылѣевымъ самовластію". Эта сатира „научила и показала, что можно говорить истину, не опасаясь, можно судить о дѣйствіяхъ власти и вызывать сильныхъ на судъ народный". Позднѣе молодежь восторгалась „Исповѣдью Наливайки" Рылѣева, напечатанною въ „Полярной Звѣздѣ" 1825 г. О Рылѣевѣ см. статью Н. А. Котляревскаго въ „Русскомъ Богатствѣ" 1904 г. №№ 8 и 9, 1905 г. № 7.

1) Въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ (декабристовъ) „находили стихи твои" писалъ Жуковскій Пушкину 12 апрѣля 1826 г. „Сочиненія Пушкина, изд. Академіи Наукъ. Переписка подъ ред. В. И. Саитова. Спб. 1906 г., т. I, 340. Передъ этимъ, въ январѣ того же года Пушкинъ писалъ Жуковскому: „Я былъ въ связи съ большею частью нынѣшнихъ заговорщиковъ" (стр. 318). Произведенія Пушкина сыграли не малую роль въ развитіи оппозиціоннаго настроенія декабристовъ, но, въ свою очередь, нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества имѣли серьезное вліяніе на его политическое и общественное міросозерцаніе: въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ П. Я. Чаадаевъ, И. И. Пущинъ и Н. И. Тургеневъ (о вліяніи Н. И. Тургенева см. „Сочиненія Пушкина", изд. Академіи Наукъ, т. II, 1905 г., стр. 112), въ Кишиневѣ В. Ѳ. Раевскій и М. Ѳ. Орловъ; переписка съ А. А. Бестужевымъ и Рылѣевымъ также имѣла значеніе въ жизни Пушкина. Пестель произвелъ на нашего поэта сильное впечатлѣніе. Кромѣ названныхъ лицъ, Пушкинъ былъ друженъ или лично знакомъ съ слѣдующими членами тайнаго общества: В. К. Кюхельбекеромъ, княземъ С. П. Трубецкимъ, Н. М. Муравьевымъ, Якушкинымъ, В. Л. Давыдовымъ, княземъ Волконскимъ, Я. Н. Толстымъ, А. И. Якубовичемъ, Ѳ. Н. Глинкою, Корниловичемъ, Охотниковымъ, И. П. Липранди (зап. С. Г. Волконскаго) и г. м. П. С. Пущинымъ. (Г. А. I В № 332 а). Н. Н. Раевскій, вопреки утвержденію бар. Розена, не былъ членомъ тайнаго общества (Г. А. I В № 117). Объ отношеніи Пушкина ко многимъ изъ этихъ декабристовъ см. въ книгѣ В. А. Мякотина „Изъ исторіи русскаго общества". Спб. 1906 г., изд. 2, стр. 235—265. Извѣстіе декабриста Горбачевскаго (въ письмѣ 1861 г.), будто бы участникамъ заговора „отъ верховной думы было *запрещено* знакомиться" съ Пушкинымъ, при чемъ „было указано на его характеръ" („Русск. Стар." 1880 г. т. 27, стр. 130), мнѣ кажется маловѣроятнымъ; къ тому же письмо Горбачевскаго напечатано еще не вполнѣ. О нѣкоторомъ литературномъ вліяніи Рылѣева на Пушкина, см. ст. *В. В. Сиповскаго* „Пушкинъ и Рылѣевъ" въ изд. „Пушкинъ и его современники", в. III, Спб. 1905.

2) Нѣкоторыя произведенія Рылѣева, и особенно „Пѣсни", составленныя имъ на голосъ народныхъ подблюдныхъ припѣвовъ („Ужь какъ шелъ кузнецъ да изъ кузницы", „А и скучно мнѣ и др.), по свидѣтельству Н. Бестужева, сдѣлались популярными и среди солдатъ. Въ тотъ день, когда морскихъ офицеровъ-декабристовъ возили въ Кронштадтъ для выслушанія приговора верховнаго суда, унт.-офицеръ

Н. Тургеневъ, вернувшись въ Петербургъ въ концѣ 1816 г., замѣтилъ въ обществѣ значительное умственное оживленіе. По его словамъ, «имена знаменитыхъ французскихъ публицистовъ были такъ же популярны въ Россіи, какъ и на ихъ родинѣ, и русскіе военные осваивались съ именами Бенжамена Констана и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ и писателей, которые, какъ будто, взялись за политическое воспитаніе европейскаго континента... Бенжаменъ Констанъ», по мнѣнію Тургенева, «болѣе всѣхъ сдѣлалъ для политическаго воспитанія не только Франціи, но и остального европейскаго материка». Вступивъ въ члены «Союза Благоденствія» въ 1819 г., Тургеневъ замѣтилъ, что многіе изъ членовъ Общества нуждаются въ политическомъ образованіи, и сталъ указывать имъ сочиненія древнихъ и новыхъ авторовъ, которые, по его мнѣнію, могли развить и упорядочить взгляды молодежи». Позднѣе, какъ мы видѣли, онъ рекомендовалъ имъ сочиненіе Бенжамена Констана «Комментаріи на Филанджіери», вышедшее въ свѣтъ въ 1822 г. Оно казалось Тургеневу какъ будто нарочно написаннымъ для нашей молодежи. Добыли нѣсколько экземпляровъ этой книги, и нѣкоторые члены Тайнаго Общества читали и изучали ее съ большимъ усердіемъ. Тургеневъ упоминаетъ и о развитіи въ Россіи потайной литературы: «появилось», говоритъ онъ, «довольно много произведеній этого рода, замѣчательныхъ то силою эпиграммы, то возвышенностью поэтическаго вдохновенія» [1]). По словамъ Завалишина, въ 1825 г. литераторы «захотѣли воспользоваться предстоящими отпусками офицеровъ для распространенія въ рукописи комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума», не надѣясь на дозволеніе напечатать ее. Нѣсколько дней сряду собирались у Одоевскаго, съ которымъ жилъ Грибоѣдовъ [2]), чтобы въ нѣсколько рукъ списывать комедію подъ диктовку». Завалишинъ утверждаетъ, что ему первому удалось привезти «Горе отъ ума» въ Казань.

морской артиллеріи говорилъ имъ наизусть „всѣ запрещенныя стихи и пѣсни Рылѣева“ и сообщилъ, „что у нихъ нѣтъ канонера, который, умѣя грамотѣ, не имѣлъ бы переписанныхъ этого рода сочиненій и особенно пѣсенъ Рылѣева“.

[1]) Завалишинъ приводитъ въ своихъ запискахъ образцы стихотворныхъ вылазокъ противъ Александра I и Стурдзы (послѣдняго, какъ извѣстно задѣвалъ и Пушкинъ). Изъ записокъ Завалишина видно, что въ „Трумфѣ“, „шуто-трагедіи“ Крылова, несмотря на то, что это произведеніе было написано въ 1800 г. (срав. „Полн. Собр. Сочин. И. А. Крылова“, изд. подъ редакц. В. Каллаша. Спб. 1904 г., т. I, 399), находили намеки на Александра I, государственный совѣтъ, солдатчину и финансовое разстройство государства. Завалишинъ говоритъ, что рукописи „Трумфа“ и „Русскаго Жильблаза“ (Нарежнаго) были чрезвычайно распространены.

[2]) Грибоѣдовъ пробылъ въ Петербургѣ съ іюня 1824 г. по май 1825 г. *Н. Пиксановъ*. „Грибоѣдовъ и А. А. Бестужевъ“. Оттискъ изъ „Извѣстій отдѣленія рус. языка и словесн. Академіи Наукъ“. т. XI, 1906 г. кн. 4, стр. 2.

Нельзя не обратить вниманія на то, что, несмотря на сильную реакцію, нѣкоторые члены тайнаго общества были проникнуты бодрымъ настроеніемъ и вѣрою въ предстоящую побѣду прогрессивныхъ идей. Каховскій говоритъ: «Народы не пошатнулись, твердо идутъ впередъ къ просвѣщенію, несмотря на всѣ заклепы, жажда свѣдѣній распространяется и находитъ источники къ утоленію. Строгая цензура, со всѣми способами полиціи и таможни, никакъ и нигдѣ не можетъ остановить ни ввоза книгъ, ни внутреннихъ сочиненій. И стоитъ только какое сочиненіе запретить, то оно сдѣлается для всѣхъ интереснымъ и даже писанное разойдется по рукамъ. Во Франціи запретится книга, и въ самомъ скоромъ времени въ Россіи она явится». И дѣйствительно, если даже при Павлѣ, несмотря на запрещеніе ввоза иностранныхъ книгъ, нѣкоторые букинисты, въ числѣ которыхъ были и эмигранты, занимались этимъ опаснымъ, но прибыльнымъ промысломъ съ неслыханной смѣлостью—ихъ склады были извѣстны почти всѣмъ, и однако не нашлось ни одного доносчика» [1]),—то естественно, что и при Александрѣ I находили способы для полученія запретныхъ книгъ изъ-за границы [2]). Оказывается, между прочимъ, что нѣкоторые морскіе офицеры привозили запрещенныя книги изъ Англіи и продавали ихъ [3]).

Декабристы рѣдко указываютъ въ своихъ показаніяхъ на вліяніе на нихъ нѣмецкой литературы [4]). Но, по свидѣтельству Греча,

---

1) *Storch* Russland unter Alex. d. Ersten. I, 130.

2) Мы видѣли, что къ счастію полицейскій надзоръ въ этомъ отношеніи былъ неудовлетворителенъ.

3) Членъ Сѣвернаго Тайнаго Общества, поручикъ финляндскаго полка Цебриковъ, показалъ, что капитанъ-лейтенантъ Лермонтовъ „привезъ премножество либеральныхъ книгъ изъ Портсмута, дабы здѣсь (въ Петербургѣ) продать ихъ охотникамъ".

4) М. фонъ-Визинъ и Валер. Голицынъ указали на вліяніе на нихъ нѣмецкихъ публицистовъ. Было упомянуто выше, что изъ произведеній нѣмецкихъ философовъ Семеновъ изучалъ Канта и другихъ, а кн. Оболенскій Шеллинга. В. К. Кюхельбекеръ въ 1824 — 25 г. въ Москвѣ былъ близокъ къ кружку, который изучалъ произведенія нѣмецкихъ философовъ Канта, Фихте, натуръ-философа Окена, особенно увлекался Шеллингомъ, знакомъ былъ съ произведеніями нѣмецкаго публициста Гёрреса и др. Въ составъ кружка входили кн. В. Ѳ. Одоевскій, Д. В. Веневитиновъ, И. В. Кирѣевскій, А. И. Кошелевъ, Дм. Веневитиновъ и Рожалинъ Записки А. И. Кошелева", Берл. 1884 г., стр. 9, 12. Въ 1824 г. кн. В. Одоевскій и В. Кюхельбекеръ издали въ Москвѣ 4 тома литературно-философскаго сборника „Мнемозина", въ которомъ были помѣщены путевыя записки Кюхельбекера за границею, (т. I—IV); тамъ же см. его разсужденіе о Шиллерѣ, Гете и Байронѣ (III, 157—177). Въ своемъ показаніи Кюхельбекеръ заявилъ, что онъ „въ словесности... держался преимущественно нѣмцевъ, особенно же Шеллинга, Шлегеля и Лессинга". Г. А I В. № 345. О вліяніи на него Шеллинга см. *Н. А. Котляревскій* „Литерат. дѣятельность декабристовъ. I. В. К. Кюхельбекеръ". „Рус. Богатство" 1901 г. № 3, стр. 122—123. О преподаваніи въ духѣ Шеллинга

во время заграничнаго похода въ 1813 г. русскіе, сблизившись съ нѣмцами, «искавшими независимости, правъ и свободы», провозглашали съ Шиллеромъ «Rettung von Tyrannenketten» (освобожденіе отъ цѣпей тирановъ). Однако произведенія Шиллера вліяли на развитіе политическаго сознанія русской молодежи и въ предѣлахъ Россіи. Такъ Новосильцевъ въ донесеніи цесаревичу Константину Павловичу говоритъ: «Не безъизвѣстно в-му имп. высочеству, какое сильное впечатлѣніе и вредное вліяніе имѣла на умы молодыхъ людей Шиллерова Трагедія «Разбойники». Во многихъ мѣстахъ, а именно въ городахъ, гдѣ находятся университеты, правительства» запретили представленія этой трагедіи. [1]).

Таковъ былъ литературный репертуаръ, который всего болѣе вліялъ на декабристовъ и, вмѣстѣ съ другими причинами, обусловилъ ихъ «вольномысліе» въ политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ вопросахъ. Характеризуя далѣе ихъ общественныя и политическія идеи, мы будемъ имѣть возможность отыскать источники многихъ изъ нихъ въ западно-европейскихъ литературныхъ вліяніяхъ.

В. Семевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Предвѣстники.

На гнейсовой плитѣ—ты помнишь?—въ часъ заката
Сидѣли мы съ тобой на берегу Невы.
Тревогой новыхъ чувствъ душа была объята,
И наблюдали насъ лишь каменные львы.

проф. Павловымъ въ московскомъ университетѣ и Давыдовымъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ см. ст. *Щепкина*, „Моск. ун. въ двадцатыхъ гг.“ („Вѣстн. Евр.“ 1903 г., № 7, стр. 247 и книгу *М. Филиппова* „Судьбы русской философіи“.

[1]) Въ Петербургѣ „Разбойники“ Шиллера были представлены въ первый разъ въ 1814 году. Рылѣевъ въ статьѣ „Нѣсколько мыслей о поэзіи“, напечатанной въ „Сынѣ Отечества“ 1825 г. говоритъ, что въ трагедіяхъ Шиллера, Гете и особенно Байрона „живописуются страсти людей, ихъ сокровенныя побужденія, вѣчная борьба страстей съ тайнымъ стремленіемъ къ чему-то высокому, къ чему-то безконечному“.

Ты отдалась въ тотъ день судьбѣ безъ колебаній,
Я за любовь твою былъ жизнь отдать готовъ.
О будущемъ своемъ мы тайныхъ указаній
Искали въ небесахъ въ фигурахъ облаковъ.

А облака неслись толпою золотистой,
И нѣжно ихъ ласкалъ послѣдній солнца лучъ;
Синѣли кое-гдѣ клочки лазури чистой,
Сѣрѣли по мѣстамъ слои ненастныхъ тучъ.

И чудилося мнѣ, что небо предвѣщало
Намъ много ясныхъ дней и много грозъ и бѣдъ...
Съ тѣхъ поръ для насъ съ тобой жизнь новая настала
И приносила намъ лишь радость и привѣтъ.

Но вотъ спустилась тѣнь... Я отъ тебя далеко,
Въ пустынные края заброшенъ я судьбой...
И снова я живу, печальный, одиноко,
И вся душа полна ненастьемъ и тоской.

И снова въ небесахъ ищу я указанья:
Что́ мнѣ сулитъ судьба въ дали грядущихъ лѣтъ?
Когда же, наконецъ, настанетъ часъ свиданья,
И вновь въ твоихъ глазахъ блеснетъ ли ясный свѣтъ?

А въ небѣ лишь горитъ, въ темнѣющей лазури,
Вечерняя заря багряной полосой.
Весь западъ, какъ въ огнѣ, объятъ дыханьемъ бури,
И лишь одна звѣзда чуть блещетъ надо мной...

16 сент. 1907 г.

II.

* * *

Ужъ ночи лѣтнія становятся темнѣе,
А въ сердцѣ у меня все свѣтлыя мечты...
Иду ли я съ тобой въ запущенной аллеѣ,
Вокругъ меня—весь міръ, а въ центрѣ міра—ты!
Повѣетъ ли на насъ отъ поля теплымъ лѣтомъ,
Иль звѣздочка мелькнетъ, какъ взоръ твой, хороша,
Я чувствую: къ тебѣ пришла она съ привѣтомъ...
Какъ я люблю тебя, души моей душа!

Николай Морозовъ.

11 авг. 1907 г.

1907, # 10

НОВЫЕ ДНИ.

(Изъ школьной хроники.)

Крамола вползла въ стѣны гимназіи скрытно и неожиданно.

2-го октября, послѣ пятаго урока, гимназисты двухъ третьихъ классовъ — основного и параллельнаго, — пятаго, двухъ шестыхъ и осьмого нашли въ карманахъ своихъ пальто прокламаціи, отпечатанныя на гектографѣ. Начинались онѣ такъ:

„Товарищи! Гнетъ нашей школьной системы, убивающей лучшіе наши стремленія и порывы, притупляющей наши умы, коверкающей всю нашу жизнь, долженъ имѣть когда-нибудь заслуженный конецъ..."

Кончались такъ:

„И такъ, товарищи, станемъ дружно въ ряды молодой русской революціонной арміи подъ краснымъ знаменемъ соціалъ-демократіи, и пусть будетъ нашимъ боевымъ кличемъ:

Долой самодержавіе!!!"

Обнаруженіе этихъ прокламацій произвело радостный переполохъ среди третьеклассниковъ. У пятиклассниковъ и шестиклассниковъ на лицахъ появилось выраженіе заговорщиковъ. Осьмой классъ взглянулъ на крамольные листки спокойно-дѣловитымъ окомъ людей, посвященныхъ и обстрѣлянныхъ.

— Ну, вы... мелкота! домой, домой! нечего тутъ толкаться!—покрикивали осьмиклассники на младшихъ гимназистовъ.

И тѣ понимали, что именно теперь толкаться въ раздѣвальнѣ нечего, и надо поскорѣй уходить. И бѣжали домой, счастливые и гордые отъ прикосновенности къ общей тайнѣ.

Только два ученика шестого класса—Фениксовъ и Вздошниковъ—оказали непоколебимую добропорядочность. Фениксовъ былъ сынъ надзирателя Каллистрата Агаѳоныча, а

Вздошниковъ, румяный юноша, ходившій въ узкихъ брюкахъ со штрипками и въ очень короткой курткѣ, не прикрывавшей его круглаго зада, былъ просто—хорошій ученикъ.

Немедленно по прочтеніи прокламацій, они представили ихъ по начальству—въ порядкѣ законнаго слѣдованія: сначала надзирателю Десницыну, Дементію Степанычу, затѣмъ, совмѣстно съ нимъ, инспектору. Инспекторъ въ первый моментъ присѣлъ отъ удивленія, въ особенности, когда увидѣлъ въ концѣ три преступныхъ восклицательныхъ знака послѣ боевого революціоннаго клича. Въ вершинѣ его лысины поднялся дыбомъ рѣдкій сѣрый пушокъ, да такъ и застылъ въ видѣ стараго, полурастасканнаго тына. Затѣмъ, нѣсколько опомнившись, онъ сунулъ листки въ памятную книжку, а книжку въ боковой карманъ и экспрессомъ помчался въ директорскій кабинетъ.

Приняты были быстрыя, энергическія мѣры.

Прежде всего, признали необходимымъ конфисковать остальные экземпляры прокламацій. Но большая часть учениковъ уже успѣла уйти. Изъ оставшихся далеко не всѣ пожелали разстаться съ воззваніемъ. Врали: тотъ разорвалъ, а у того и совсѣмъ не было никакой бумажки. Пришлось кое у кого вывернуть карманы и покопаться въ ранцахъ. Успѣли отобрать не болѣе двухъ десятковъ листковъ, а между тѣмъ—въ пяти классахъ, отпущенныхъ послѣ всѣхъ уроковъ, числилось, по меньшей мѣрѣ, около двухъ сотенъ учениковъ. Гимназія была многолюдная.

Затѣмъ, въ кабинетѣ директора были подвергнуты строжайшему допросу всѣ сторожа. Наблюденіе за раздѣвальней лежало на старомъ Захарѣ, который служилъ въ гимназіи тридцать восемь лѣтъ. Захаръ искони зарабатывалъ пятачки починкою гимназическихъ ранцевъ, куртокъ и штановъ, торговалъ тетрадями и перьями, а на непосредственныя свои обязанности смотрѣлъ окомъ фаталиста: чему быть, того не миновать... И потому изъ раздѣвальни часто исчезали и калоши, и фуражки, и даже пальто. Но на всякій подобный случай была готова вѣская оправдательная фраза:

— Разѣ за ими усѣми углядишь!..

И такъ какъ аргументъ былъ правильный и исчерпывающій, то Захаръ всѣ 38 лѣтъ оставался неуязвимымъ и даже имѣлъ двѣ медали за усердіе.

Но на этотъ разъ недостаточная бдительность и отвлеченіе въ сторону коммерческихъ интересовъ были поставлены Захару въ непростительную вину. Онъ былъ уволенъ.

На его мѣсто перевели толстаго Ивана, дежурившаго у ватерклозета. Иванъ былъ изъ солдатъ, поступилъ на службу

въ гимназію недавно, но успѣлъ уже доказать недюжинныя способности соглядатая. Именно при его содѣйствіи инспектору два раза удалось накрыть курильщиковъ на мѣстѣ преступленія... Постъ въ раздѣвальнѣ получалъ отнынѣ болѣе важное значеніе, чѣмъ постъ у ватерклозета. Онъ требовалъ исключительныхъ, спеціальныхъ дарованій. Выборъ начальства сразу палъ на Ивана.

Въ тотъ же вечеръ на двухъ подозрительныхъ ученическихъ квартирахъ инспекціей былъ произведенъ обыскъ. Планъ атаки былъ разработанъ очень тщательно: надзиратели, Дементій Степанычъ и Каллистратъ Агаѳонычъ, проникали въ квартиры чернымъ ходомъ, инспекторъ съ третьимъ надзирателемъ Петромъ Петровичемъ Скворцовымъ имѣли штурмовать парадные ходы. Улизнуть куда-либо изъ квартиры или спрятать что-нибудь едва ли бы удалось. Но, несмотря на всю обдуманность и прекрасное исполненіе плана, результаты обыска оказались не блестящими. Въ одной квартирѣ ученики добровольно повинились въ чтеніи посторонниxъ книгъ и выдали сборникъ еврейскихъ анекдотовъ подъ заглавіемъ „Шлемка". Въ другомъ—на самомъ видномъ мѣстѣ положены были „троицкіе листки". Гостей, очевидно, ждали.

На слѣдующій день директоръ вызывалъ къ себѣ въ кабинетъ осьмиклассниковъ: Богоявленскаго, Фролова, Карихъ и семиклассника Ананьева и держалъ ихъ около часу. Сначала бесѣдовалъ дружескимъ тономъ, старался вызвать на откровенность.

— Участіе ваше въ этомъ фактѣ для меня несомнѣнно,— говорилъ онъ медленно, внушительно, но не грозно: — вы меня знаете... Съ добрыми я добръ, къ дурнымъ—безпощаденъ. Если я вызвалъ васъ теперь для предварительнаго разговора... значитъ, я считаю васъ не... безнадежными учениками и... разсчитываю на васъ... разсчитываю, что вы своей откровенностью дадите мнѣ возможность... э-ммм... распутать это дѣло... потушить его... безъ шума... безъ вредныхъ послѣдствій для многихъ... для васъ, въ томъ числѣ...

Они отвѣчали спокойно, увѣренно, съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ насмѣшки, глядѣли прямо, и выраженіе непроницаемости дѣлало ихъ лица одинаково упрямыми и холодно-враждебными. Директоръ, ничего не добившись и теряя хладнокровіе, объявилъ имъ, что заставитъ ихъ уйти изъ гимназіи. Они молча поклонились и вышли. Но даже спины ихъ, какъ будто, иронизировали надъ его угрозой.

Вѣсть объ отставкѣ Захара взбудоражила гимназію. Захаръ сталъ героемъ дня. Захаръ „палъ жертвою"... Ученики собрали ему по подпискѣ около пятидесяти рублей. Въ раз-

дѣвальню, гдѣ Захаръ и на другой день продолжалъ еще торчать на обычномъ своемъ мѣстѣ, у печки, — на всѣхъ рекреаціяхъ биткомъ набивались и малыши, и великовозрастные гимназисты. Выпившій съ горя и растроганный общимъ сочувствіемъ, Захаръ повѣствовалъ имъ, сколько барчуковъ прошло черезъ его руки и сколько ихъ стало впослѣдствіи большими господами; какъ онъ нѣкогда вытиралъ носъ нынѣшнему учителю исторіи Кузнецову, когда тотъ былъ еще приготовишкой, а теперешняго прокурора Лопухина угощалъ не разъ метлой.

— Ужъ больно озорникъ былъ... Гладкій, какъ боровъ... такъ и пихается...—пояснялъ онъ въ скобкахъ и вздыхалъ.

И его слушатели охотно соглашались съ правильностью предположенія, которое онъ высказывалъ грустно-покорнымъ тономъ:

— Можетъ, я ихъ и людьми-то сдѣлалъ... а теперь вотъ не гожъ сталъ...

Замѣститель Захара, Иванъ, по адресу котораго изъ толпы соболѣзнующихъ Захару мальчугановъ раздавались не разъ враждебные возгласы, не замедлилъ оказать свое служебное рвеніе и доложилъ инспектору о возбужденіи умовъ. Захару приказано было немедленно оставить зданіе гимназіи. Сходки изъ раздѣвальни перешли во дворъ, за кучи дровъ, гдѣ Захаръ дѣлалъ историческій обзоръ своей прошлой дѣятельности и связанныхъ съ нею событій еще свободнѣе,—и броженіе умовъ не прекращалось.

Самъ директоръ замѣчалъ это, но по внѣшности старался хранить спокойствіе. Больше всего боялся онъ, какъ бы о происшедшемъ въ гимназіи не разнеслись преувеличенные слухи въ городѣ и не дошли до губернатора, а затѣмъ—чего добраго—раньше его доклада, до попечителя округа... И хотя онъ выступалъ съ обычнымъ величественнымъ видомъ по актовой залѣ, но на душѣ было неспокойно. Короткая фигурка его, смахивавшая на деревяннаго пѣтуха, священнодѣйственно выносила одну ногу за другой и озаряла величественнымъ взглядомъ черезъ пенсъ-нэ встрѣчныя усталыя, полуразбитыя, умѣренно-подобострастныя фигуры учителей и разнокалиберныя —то растерзанныя, то чистенькія, то угнетенныя, то жизнерадостныя фигуры гимназистовъ. Никакихъ внѣшнихъ признаковъ крамолы не замѣтно: ни дерзкихъ взглядовъ, ни скопленія группами, ни уклоненій отъ встрѣчи съ начальствомъ, ни перешептываній... Все, какъ прежде, какъ вчера, какъ третьяго дня, какъ всегда... А между тѣмъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь въ потаенномъ мѣстѣ, тихо и скрытно, готовится новый сюрпризъ...

На всякій случай, инспектору и надзирателямъ даны

были строгія инструкціи: слѣдить со всею тщательностью и при малѣйшихъ признакахъ представлять...

Задача была чрезвычайно трудная, новая, выступавшая изъ рамокъ привычной обыденности—уловить признаки крамолы изъ отрывочныхъ ученическихъ разговоровъ... Инспекторъ двигался неслышной тѣнью по корридорамъ и по гимнастической залѣ. Онъ зорко всматривался своими близорукими глазами въ бурливо-кипящую кашу сѣрыхъ куртокъ, стриженыхъ и вихрастыхъ головъ, старательно прислушивался къ пестрому гаму и разноголосой трескотнѣ въ этомъ безостановочномъ и безпорядочномъ движеніи.

Но что тутъ можно уловить? Шмыгаютъ, возятся, гуляютъ группами,—всѣ одинаковые, всѣ давно извѣстные, и въ то же время неуловимые, неузнаваемые... Вонъ какой-то бѣжитъ, сломя голову, а другой за нимъ гонится... Какъ бы не ударилъ, подлецъ, головой въ животъ... еще съ ногъ свалитъ...

— Ты!.. Тотъ, который!.. Что ты словно съ цѣпи сорвался, булванъ!.. Однако, подожди же!..

Нѣтъ, гдѣ тамъ! Опрометью бросился въ сторону, нырнулъ въ шевелящуюся, подвижную толпу. Какъ будто, Мореходовъ четвертаго основного?.. А это что за молодцы? Читаютъ... ага!..

Онъ хитро, бокомъ, глядя въ сторону, сталъ подвигаться къ группѣ, столпившейся у окна. Какъ будто читаютъ!.. Слушаютъ... Ближе, ближе... Какъ ни напрягаетъ слухъ, ничего не разобрать въ этомъ гамѣ... Вотъ какой-то давно не стриженный, съ вихрастыми волосами, напрашивающимися на кондуитъ, обогналъ его, прошелъ мимо, прямо къ группѣ, и громко издалъ предупредительное шипѣніе.

— Тиссс.. инспекторскіе штаны идутъ...

Обернулись всѣ разомъ. Многозначительно закашляли.

— Что это вы здѣсь?.. Читаете?—миролюбивымъ тономъ спросилъ онъ.

— Ничего особеннаго, Антонъ Антонычъ... телеграмма съ театра войны...

— Позвольте-ка.. Съ театра войны.. что-то вы очень... того... съ театра!..

— Извольте. Стессель въ Нагасаки купаться приглашаетъ.

Дѣйствительно, телеграмма. А можетъ быть, успѣли уже спрятать что-нибудь? По насмѣшливо-веселымъ лицамъ не угадаешь. Обыскать? Слѣдовало бы. Но, сколько кармановъ надо вывернуть и... ничего не найдешь. Повернулся и пошелъ.

— Пришелъ, навонялъ и ушелъ,—острилъ кто-то вслѣдъ.

Глупая острота, но они хохочутъ дружно, грубо, оглушительно. И смѣхъ больно ударяетъ въ спину и въ сердце. Вотъ и слѣди тутъ... Однѣ непріятности...

Инспекторъ отъ природы былъ человѣкъ „скорбный главой", думалъ обо всемъ тяжко, долго и туго и никогда ничего не придумывалъ, не могъ оріентироваться въ простѣйшихъ вещахъ, терялся передъ натискомъ даже крошечнаго грубіяна, а въ затруднительныхъ случаяхъ трусливо и откровенно прятался у себя въ кабинетѣ. Странно устроенная голова его,—„голова дико-каменнаго барана", какъ острили гимназисты,—была феноменально несообразительна и забывчива.

Жена добыла ему инспекторство, но онъ цѣнилъ въ этой завидной для учителей должности лишь одно удобство: казенную квартиру съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и возможностью умѣренно приворовывать изъ пансіонскихъ съѣстныхъ запасовъ. При всемъ своемъ служебномъ усердіи, при искреннемъ желаніи выслѣдить, захватить, накрыть нюхомъ, уловить преступниковъ, онъ не умѣлъ этого сдѣлать. И директоръ не разъ ставилъ это ему на видъ въ очень рѣзкой формѣ.

И теперь онъ ходилъ съ растопыренными руками, окаменѣвшими въ жестѣ уловленія и пресѣченія, напрягая слухъ, вперяя взглядъ въ копошающуюся передъ нимъ гущу сѣрыхъ, совершенно одинаковыхъ молодыхъ людей. Взъерошенный пушокъ въ вершинѣ его лысины, всегда такъ внушительно дѣйствовавшій на приготовишекъ, теперь торчалъ растерянно и недоумѣло. Съ лица у него не сходило напряженное выраженіе человѣка, что-то потерявшаго и безплодно разыскивавшаго.

Надзиратель Дементій Степанычъ Десницынъ, господинъ съ благообразной посѣдѣвшей бородкой и съ открытымъ, доброжелательнымъ, истинно-русскимъ лицомъ, юрко сновалъ среди безпокойно шевелящихся группъ и незамѣтно, искусно подставлялъ ухо подъ отрывки разговоровъ. Чаще всего онъ слышалъ подавленное восклицаніе:

— Глистъ!

Но ни одного разговора важнаго значенія, хотя бы отчасти намекавшаго на признаки броженія умовъ, обнаружить ему не удалось.

Другой надзиратель, Каллистратъ Агаѳонычъ Фениксовъ, человѣкъ съ лицомъ плохо опохмѣлившагося сапожника, дѣйствовалъ энергичнѣе. Онъ былъ сторонникъ быстроты, глазомѣра и натиска. Признаки крамольнаго духа онъ усмотрѣлъ сразу. Изъ группы третьеклассниковъ, стоявшихъ

въ дверяхъ залы, раздался ему въ спину чей-то дерзкій возгласъ:

— Каллистратъ! Подбей подметки!

Онъ нѣсколько секундъ помедлилъ, затѣмъ быстро и неожиданно обернулся,—маневръ испытанный. Ученикъ Жигуновъ, передъ тѣмъ язвительно улыбавшійся, сдѣлалъ вдругъ серьезное лицо и очень громко высморкался при помощи двухъ пальцевъ. Потомъ, иронически глядя на надзирателя, сдѣлалъ пальцами такой жестъ, какъ будто вытираетъ усы. Потомъ харкнулъ, подражая голосу Каллистрата, и плюнулъ въ стѣну. Это было наглое издѣвательство надъ нимъ, Каллистратомъ Агаѳонычемъ. Товарищи Жигунова такъ и залились неудержимымъ хохотомъ, отдавая дань восторга его таланту и дерзости.

Фениксовъ тотчасъ же отправился къ директору и довелъ объ этомъ обстоятельствѣ до его свѣдѣнія. Директоръ сначала неопредѣленно промычалъ, выслушавъ Каллистрата, потомъ ясно, раздѣльно, по слогамъ произнесъ:

— Ха-ра-шо!..

И многозначительно пошевелилъ усами.

Каллистратъ остался недоволенъ этой олимпійской медлительностью. Преступленіе было до очевидности ясно, плохо замаскировано, и мѣры требовались быстрыя и энергичныя. Онъ многоэтажно выругался,—про себя, конечно,—и мысленно обозвалъ своего начальника такъ, какъ звали его гимназисты:

— Та-ра-канъ!..

II.

Учитель Краевъ, лежа съ газетой на койкѣ, прислушивался къ голосамъ, доносившимся изъ передней.

— Они послѣ обѣда завсегда спятъ,—громкимъ шепотомъ говорила старуха Васильевна, его прислуга.

— А давно пообѣдалъ?—осторожно, негромко спрашивалъ молодой голосъ.

— Да такъ, съ полчаса время.

— Можетъ, не уснулъ еще? Вы бы взглянули, бабушка. Очень нужное дѣло...

— Неотложное,—убѣдительно прибавилъ другой голосъ.

И слышно было, какъ Васильевна, на цыпочкахъ, тяжело подкрадывалась черезъ первую, самую большую въ квартиркѣ комнату, которая была и гостинной, и кабинетомъ, и столовой,—къ дверямъ маленькой спаленки, а изъ передней доносился сдержанный, веселый смѣхъ. Краевъ догадывался, что это гимназисты, и ему досадно было, что Васильевна не сумѣла отказать имъ.

— Къ вамъ барчуки, Александръ Петровичъ, ѳмназисты, —сказала Васильевна, заглядывая въ спальню.

Онъ неохотно всталъ, поправилъ широкій кожаный поясъ на рубахѣ и недовольнымъ голосомъ сказалъ:

— Просите.

Изъ дверей спальни онъ увидѣлъ, какъ вошли въ гостинную, въ пальто, съ фуражками въ рукахъ, Богоявленскій, Ананьевъ и Карихъ.

— Ну, что же вы стоите, господа? Раздѣвайтесь и садитесь,—сказалъ полусоннымъ голосомъ Краевъ, подавая имъ руку.

— Вы насъ извините, Александръ Петровичъ...

— Ага, ну, хорошо. Извиню.

— Мы нѣсколько не въ урочное время,—говорилъ Богоявленскій, солидно перебирая пальцами золотистый пухъ, которымъ заросъ его подбородокъ:—въ силу необходимости... Вчера у Ананьева и у меня былъ обыскъ...

— Такъ, такъ. Ну, садитесь. Раздѣвайтесь.

— Некогда, Александръ Петровичъ. Мы къ вамъ съ просьбой и... вообще спѣшимъ. Если откажете, тогда въ другое мѣсто...

Черные глаза Краева лукаво сощурились и на одно мгновеніе блеснули огонькомъ добродушной усмѣшки. Всегда это предисловіе, этотъ тонъ. Точно одолженіе дѣлаютъ, что обращаются съ просьбой. И вѣдь нѣтъ даже этого „другого мѣста"-то у нихъ... Кому охота возиться, въ сущности, изъ пустяковъ какихъ нибудь? Лишь у него одного не хватаетъ характера послать ихъ къ чорту со всѣми ихъ мальчишескими конспираціями, подписками, сборами, читальнями и проч. Жалко какъ-то: зеленый народъ... Одинъ этотъ высокопокровительственный, иногда даже пренебрежительный, по временамъ сожалѣющій тонъ по отношенію къ ихнему брату, учителю, чего стоитъ!..

— Можетъ быть, и откажу,—сказалъ Краевъ, не глядя на нихъ и сердито сопя носомъ:—возможно... очень возможно, господа! Я—тоже подъ присягой. И какого рода просьба? Если противорѣчитъ клятвенному обѣщанію, данному мною при поступленіи на службу, съ цѣлованіемъ креста и евангелія, то... вы и сами, господа, не станете, надѣюсь, насиловать мою совѣсть, мою вѣрность служебному долгу... Мм... да. Ну, въ чемъ же дѣло?

Они улыбались, и по глазамъ ихъ видно было, что не вѣрили ему.

— Да вотъ... ужъ мы не знаемъ... пугаете вы насъ очень,—сказалъ Богоявленскій, принимая усиленно-серьезный, озабоченный видъ.

Лицо у него было дѣтски свѣжее, съ румянцемъ. Вьющіеся свѣтлорусые волосы постоянно спускались на лобъ и закрывали глаза. Онъ взбивалъ ихъ пальцами назадъ, а они опять падали, и смышленные сѣрые глаза смотрѣли изъ-подъ нихъ пристально и строго.

— Кое-что спрятать намъ требуется... хоть на ближайшее время... на недѣльку, на двѣ... литературу... Такъ вотъ мы къ вамъ...

— Ага, понимаю.

Краевъ сѣлъ въ кресло, скрестилъ руки и, уставившись глазами въ колѣни, сдѣлалъ видъ, что глубоко задумался.

— Невозможно!..

Послѣ полуминутнаго молчанія слово упало, какъ обрубленное,—коротко и жестко.

— А-ле-ксандръ Петровичъ!—протяжно и жалостно произнесъ блѣдный, бѣлокурый Ананьевъ.

— Не могу. Рискую всей карьерой.

— Но что-жъ мы будемъ дѣлать? Не нынче—завтра опять обыскъ.

— Въ другое мѣсто...

— Но тамъ все поднадзорные. Тоже подъ страхомъ. Да и ходить-то къ нимъ слишкомъ часто нельзя: все-таки подозрѣніе...

— Но я... тоже надзираюсь...

— Нѣ-ѣтъ.

— Ей-Богу. Въ послѣднее время Авксентій Васильичъ Ѳаворскій и его дядя Каллистратъ Агаѳоны̌чъ что-то особенно часто визитируютъ ко мнѣ. Конечно, сослуживцы... выкурить папиросочку, перекинуться парой словъ... Но... если бы они у меня увидѣли теперь васъ, то ни вамъ, ни мнѣ пользы изъ этого не проистекло бы...

— Насъ—такъ. Но литературу-то они не увидятъ.

— Милые мои! У нихъ собачій нюхъ, а отъ вашей литературы на версту, конечно, пахнетъ нелегальщиной.

Они усмѣхнулись и переглянулись между собой: должно быть, шутитъ? Не разберешь у этого Краева, когда онъ въ серьезъ говоритъ, когда подсмѣивается. Вѣрно, и теперь шутитъ. Карпхъ, красивый брюнетъ, поэтъ-декадентъ и острякъ, сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, мы просто передадимъ всю нелегальщину вашей Васильевнѣ. Пусть какъ знаетъ—распорядится...

Краевъ вздохнулъ.

— Ну что-жъ, давайте. Хотя это и противъ служебнаго долга, но посмотрю, что вы читаете. Я и самъ съ удоволь-

ствіемъ кое-что изъ заграничнаго почитаю. А то достать негдѣ...

— Это мы вамъ устроимъ!

— Аа... ну, великолѣпно! А то я до сихъ поръ такъ, кое-что, случайно почитывалъ, урывками. А чтобы какъ слѣдуетъ, въ серьезъ,—не приходилось. Вы изъ какихъ же будете? Марксисты? Или, можетъ, и того ужаснѣе?

— Я—эсъ-декъ,—сказалъ Богоявленскій.

Онъ медленно потеръ ладонью правую щеку отъ подбородка къ уху, снизу вверхъ, и опять на лицѣ его появилось сугубо-серьезное выраженіе.

— Иванъ Иванычъ—пока изъ колеблющихся. Но, кажется, примкнетъ къ намъ. Ученіе это не сразу захватываетъ. Въ него надо вдуматься. За то какое нравственное удовлетвореніе, даже—можно сказать—огромное счастье, когда поймешь его... Все стройно, ясно, и все доведено до логическихъ концовъ. Будущее не представляется ни темнымъ, ни туманнымъ. Напередъ скажешь: будетъ такъ-то. Законъ неизбѣженъ. Вопросъ лишь во времени...

— Вопросъ... далеко не второстепенный, — лѣниво сказалъ Краевъ.

— Но... онъ ничего не измѣняетъ. Доживемъ или не доживемъ, хотимъ или не хотимъ, а то, что должно придти,—придетъ. Поэтому, благоразумнѣй хотѣть, чтобы это пришло, какъ можно скорѣй, и содѣйствовать этому ускоренію, въ стихійные процессы вдвигать сознательный элементъ.

— Гмм... да...

Краевъ взглянулъ въ бокъ на усиленно-серьезное лицо Богоявленскаго и чуть замѣтно усмѣхнулся.

— А я вотъ не могу утѣшить себя тѣмъ, что когда нибудь это придетъ. Я-то увижу ли? Я... я—самъ? И если — да, то я понимаю, что изъ-за этого рискнуть стоитъ, можно. Но если это, по непреложнымъ историческимъ законамъ, придетъ когда-то... когда отъ меня и помину не будетъ, — то... ей-Богу, я не въ силахъ былъ бы заставить себя жертвовать свободой, жизнью, когда милліоны свиней будутъ лишь хрюкать, глядя на это зрѣлище...

— Либеральная буржуазія именно такъ и разсуждаетъ,— побѣдоносно улыбнувшись, возразилъ Богоявленскій: — но свиней, которыя лишь хрюкаютъ, не милліоны... Онѣ хрюкаютъ и всегда будутъ хрюкать. Противъ себя, противъ законовъ своего естества онѣ не могутъ идти и не пойдутъ. И онѣ будутъ стерты съ лица земли арміей труда... сознательнымъ пролетаріатомъ... Людей же, задавленныхъ трудомъ и нуждой,—много... Ихъ—сотни милліоновъ. Они, дѣйствительно, иногда...хрюкаютъ по-свиному, но...такова жизнь —

жизнь вьючныхъ животныхъ... Они все время только и знали, что работали на васъ. Но скоро эти милліоны не будутъ хрюкать. Они поймутъ, кто они... И если вы просвѣтите хоть одного субъекта изъ этихъ сотенъ милліоновъ, то вы придвинете къ себѣ время торжества соціализма. Въ этой работѣ и въ самой этой борьбѣ столько наслажденія!.. А жертвы... конечно, онѣ были, есть и будутъ, но онѣ неизбѣжны...

— Вотъ даже Захаръ нашъ палъ жертвой,—шутливымъ тономъ вставилъ Карихъ.

— А мнѣ жаль Захара, — серьезно сказалъ Краевъ: — и думаю, что едва ли онъ чувствовалъ особое наслажденіе...

— Ну, мы его обезпечили,—довольнымъ тономъ воскликнулъ Карихъ:—больше пятидесяти рублей собрали по подпискѣ и пристроили къ банку дворникомъ. Директоръ банка, оказалось,—его бывшій „ученикъ". Взялъ съ удовольствіемъ старика.

— А-а, ну это ничего. Все хорошо, что хорошо кончается... А вы, Карихъ, не марксистъ?

— Нѣтъ.

— Вы кто же?

— Декадентъ какой-то, - тономъ сожалѣнія замѣтилъ Богоявленскій:—по натурѣ—форменный революціонеръ, но ничего прочнаго и опредѣленнаго. Отношеніе къ начавшемуся движенію отрицательное и сожалѣющее... Съ оттѣнкомъ аристократическаго презрѣнія...

— Вотъ какъ... Но почему же?

Карихъ, не спѣша, вынулъ изъ кармана брюкъ бумажный портсигаръ и съ дѣловымъ видомъ досталъ изъ него единственную, оставшуюся тамъ, папиросу. Изъ всѣхъ троихъ курилъ только онъ одинъ.

— Не вѣрю въ толпу,—снисходительно улыбаясь, сказалъ онъ и привычнымъ, неторопливымъ жестомъ зажегъ спичку.— Марксисты думаютъ, что работаютъ для новой жизни. Ошибка. Перефразируя Ницше, можно сказать, что-о... не человѣкъ, а вся жизнь человѣчества — посмѣшище или мучительный позоръ... Всегда она такой будетъ. Даже измѣнившись—съ наступленіемъ соціалистическаго строя...

Краевъ подмигнулъ Богоявленскому и Ананьеву и сказалъ:

— Какой пессимистъ, однако...

— Если меня или васъ перенести немедленно, сейчасъ, въ „будущее общество",—продолжалъ Карихъ, по прежнему снисходительно улыбаясь: — мы будемъ довольны. Наши взгляды, пожалуй, не откроютъ пятенъ на солнцѣ будущей жизни человѣчества. Но вѣдь есть довольные и теперь?

— Есть.

— И тогда будутъ довольные и недовольные—тѣ избранные, тѣ органическіе революціонеры, которые всегда идутъ впереди и... гибнутъ... И при томъ безъ надежды, сознавая, что даже древнимъ титанамъ не направить рѣку человѣческой жизни по новому руслу...

— Гм... это—звучно, но... я какъ-то тупо понимаю,—улыбаясь, сказалъ Краевъ.

— Однимъ словомъ, я не могу признать, что будущее принесетъ намъ бóльшую свободу. Хотя, можетъ быть, не принесетъ и большаго рабства... Потому что человѣкъ—прирожденный, цѣльный рабъ. Вы возьмите эту непобѣдимую наклонность ко всякому культу! Только это стремленіе къ культу въ немъ выражено сильно и рѣшительно.

Краевъ спрашивалъ себя, гдѣ онъ читалъ что-то подобное, и не могъ вспомнить, и не могъ заставить себя серьезно слушать эти комически-важныя разсужденія. Ему дремалось подъ звуки глуховатаго, увѣреннаго голоса Карихъ, и слова проходили передъ его глазами вдали, колеблющіяся, обгоняющія другъ друга, въ странныхъ сочетаніяхъ, похожія на юныхъ жидкихъ гимназистовъ.

— ...И до тѣхъ поръ, пока каждый не будетъ бороться съ самимъ собой, мучительно стремиться стать чище и прекраснѣй духовно, — до тѣхъ самыхъ поръ жизнь будетъ плоска и безобразна, независимо отъ того, будутъ ли ея члены всѣ сыты или голодны физически...

Карихъ положилъ ногу на ногу, затянулся папиросой и выпустилъ клубъ дыму.

— Такъ, такъ.. Поклонникъ душистыхъ волнъ декадентской поэзіи и философіи,—сказалъ Краевъ, встряхиваясь отъ дремоты: — ну, что-жъ, это любопытно... А забастовку въ гимназіи замышляете?

— Я—органическій революціонеръ И всякія новыя впечатлѣнія, новыя положенія меня увлекаютъ...

— Такъ. Понимаю. Когда же вы насъ, господа, думаете свергнуть?

Богоявленскій поутюжилъ щеку снизу вверхъ, отъ подбородка къ уху, и сказалъ серьезно:

— Это трудно опредѣлить. До святокъ, вѣрнѣе всего, не будетъ движенія. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ оно только еще намѣчается. Необходимо согласовать дѣйствія съ ходомъ общерусскаго движенія. У насъ, въ частности, предстоитъ подготовить реальное училище, вторую гимназію, семинаристовъ, женскія гимназіи. Семинарія — ничего, а въ реальномъ и во второй гимназіи сознательности еще маловато. Работаемъ надъ организаціей и поднятіемъ сознанія...

— А въ нашей гимназіи какъ?

— Въ нашей—великолѣпно. У насъ въ старшихъ классахъ не менѣе 60% сознательныхъ.

— Н-ну?! Что-то ужъ очень много, какъ будто. Впрочемъ, я старшихъ мало знаю, преподаю больше у малышей. А въ младшихъ—до пятаго—ужъ очень сорванцы... не серьезный народъ...

— Нѣтъ, ничего. Дѣти, какъ дѣти. Васъ они любятъ.

— Д-да... Но я-то ихъ не люблю. Даже иной разъ... по затылку... Стыдно, а сознаться приходится... подлецъ-народъ есть...

— На васъ никто не въ претензіи даже за подзатыльники. Понимаютъ, что—шутка... развѣ имъ это не ясно? Но въ васъ всѣ цѣнятъ—и они, и мы—то, что вы заступаетесь за учениковъ... не безучастны къ нашей участи... Объ этомъ вѣдь у насъ знаютъ.

— Какой я къ чорту заступникъ, самъ на волоскѣ вишу... Просто, кажется, рекламировали меня пансіонеры за то, что я позволяю имъ опаздывать съ прогулокъ... Но когда-нибудь я за нихъ примусь! Давайте-ка вашу литературу... пропишу и вамъ! Ага: коммунистическій манифестъ... э, друзья мои... „Искра“? А, вотъ это любопытно! Давніе номера? Конецъ августа.. это еще не очень. „Пролетарій“?.. не читалъ никогда... Тунъ? мм... рѣдкая вещица... „Эрфуртская программа“? Ну, и гимназистъ нынче пошелъ! Какія вещи читаетъ! А въ мое-то время... конецъ восьмидесятыхъ годовъ... У насъ одного изъ седьмого класса исключили за книжечку Толстого „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“... Инспекторъ въ квартирѣ нашелъ. Вотъ было время, — съ гордостью могу воскликнуть! И ежовыя рукавицы, и бараній рогъ—все было знакомо... Теперь куда же легче!

— Въ одномъ сходство, — сказалъ Карихъ:—какъ тогда такъ и теперь, время, проведенное въ гимназіи,—потерянное время...

— Пожалуй... спорить не стану... Только не бейте съ размаху по нашимъ головамъ, по учительскимъ. Не одни мы виноваты. А вы, господа? А ваши родители? О, есть за что плюнуть въ глаза той публикѣ, которая до сихъ поръ пользовалась школой... И все у насъ плохо. Вонъ войско — ужъ на что, казалось, твердыня... сплоховало!.. Даже полиція—и та далека отъ совершенства. Это—въ полицейскомъ-то государствѣ! А вы... да и всѣ вообще... склонны дать трепку только нашему брату.

— Всетаки... есть за что, — улыбаясь, осторожно замѣтилъ Ананьевъ.

— Думаю, что прежде всего за то, что насъ можно безнаказанно ругать... да...

Ананьевъ и Карихъ готовы уже были заспорить, но Богоявленскій всталъ и дѣловымъ тономъ сказалъ:

— Ну, господа, идемъ. Время не ждетъ.

Когда они ушли, Краевъ опять легъ, но заснуть уже не могъ. Онъ сталъ просматривать принесенную литературу и опять подивился: многаго онъ не читалъ.

— Какой, однако, нынче гимназистъ пошелъ,—повторилъ онъ:—и какъ мы ихъ мало знаемъ... Стѣна между нами... Вѣдь, вотъ сколько разъ были, все о Горькомъ да о журналахъ разговаривали... А поди-ка ты вотъ, какія книжки почитываютъ... и не подозрѣвалъ! Кому же у кого учиться придется: имъ ли у насъ, намъ ли у нихъ?..

По учительской привычкѣ, онъ задумался надъ тѣмъ неуловимымъ, таинственнымъ процессомъ, который на его глазахъ превратилъ маленькихъ, шаловливыхъ, надоѣдливыхъ мальчугановъ въ степенно-важныхъ юношей, читающихъ запрещенныя книги и разсуждающихъ о жизни съ нѣсколько комическою авторитетностью и глубокомысліемъ.

— Что-то выйдетъ изъ нихъ?.. Богоявленскій — это положительный малый, трезвый, съ характеромъ. Хорошая голова. Ананьевъ, кажется, такъ себѣ... рабочій человѣкъ, человѣкъ для порученій... Карихъ — способный юноша, но уже изломанъ. Приносилъ нѣсколько разъ стихи, — стиль модернъ... ничего не пойму... И самъ онъ—такой непонятный: ходитъ грязно, въ обтрепанныхъ брюкахъ, но покупаетъ дорогіе духи. Можетъ быть, и замѣтное что дастъ, а можетъ, переработается въ обыкновеннаго прохвоста... Школа лишь коверкаетъ такихъ...

— И вотъ они уйдутъ. Любопытно, какая эволюція произойдетъ съ ними въ будущемъ! Если встрѣтимся черезъ нѣсколько лѣтъ,—они будутъ уже совсѣмъ другіе, незнакомые, непонятные. Взглянутъ на меня... опять покровительственнымъ взглядомъ... съ примѣсью насмѣшливаго любопытства: все тотъ же провяленный „человѣкъ въ футлярѣ"?.. Да, все тотъ же... Жизнь станетъ сложнѣе, разнообразнѣе, интереснѣе, захватитъ въ свой водоворотъ сотни тысячъ, милліоны людей, а онъ, по прежнему, будетъ тянуть свою скучную, постылую лямку...

Онъ мысленно оглянулся на минувшія двѣнадцать лѣтъ своей службы. Что за жизнь! Позади—длинный рядъ дней, до тошноты похожихъ одинъ на другой. Ничего яркаго, захватывающаго, поднимающаго духъ, даже просто занимательнаго ничего не было! Пыльная, сѣрая, однообразная дорога по одноцвѣтной, мутной, нѣмой пустынѣ. Впереди... впереди вырисовывалась та же безотрадная картина: однообразные дни безъ радости, одинокія ночи съ безсильными,

неясными, тягучими думами. Та же гимназія съ испорченнымъ воздухомъ, корпусъ, пансіонъ... невыносимое, пестрое, одуряющее галдѣніе въ тѣсныхъ классахъ и корридорахъ, убожество духа, лицемѣріе и тупость въ учительскихъ... Все на свѣтѣ мѣняется, но тутъ, въ этой духотѣ, жизнь, какъ будто, окаменѣла навѣки въ своихъ однообразныхъ казарменныхъ формахъ...

III.

Обычные дни были, дѣйствительно, сѣры, скучны, и однообразны, какъ арестантскіе халаты.

Краевъ просыпался въ шесть часовъ утра. Какъ бы поздно онъ ни легъ, всегда въ этотъ часъ будилъ его колоколъ сосѣдней церкви. Онъ звонко и рѣдко ахалъ надъ его головой, и поющія волны съ грустнымъ и недовольнымъ упрекомъ проносились въ сумракѣ чуть брезжущаго осенняго утра. Въ окна смотрѣла черная темнота, въ которой чувствовалась робкая и грустная, какъ звуки колокола, синева перваго разсвѣта. Гдѣ-то на сосѣднемъ дворѣ или дальше— кричалъ пѣтухъ. Другихъ живыхъ звуковъ не было. Ровно, торопливо и неугомонно тикали часы на маленькомъ кругломъ столикѣ, и этотъ суетливый, щегольски отчетливый и безостановочный стукъ напоминалъ, что время не стоитъ, что оно уходитъ безъ колебаній, равнодушно и безвозвратно.

Краевъ поднялся на койкѣ и, пожимаясь отъ холода, надавилъ три раза пуговку электрическаго звонка. Электричество устроилъ ему, въ его болѣе чѣмъ скромной квартиркѣ, его пріятель, молодой учитель физики. Когда черезъ десять минутъ изъ кухни донесся стукъ отъ щепанія лучины, Краевъ вздохнулъ и сказалъ голосомъ увѣщанія:

— Надо вставать!

Но хотѣлось еще полежать. Подъ одѣяломъ было тепло, и хорошо мечталось. Рѣдкіе, лѣнивые порывы вѣтра тяжело и коротко вздыхали за окномъ, и отъ этого еще холоднѣе казалось въ комнатѣ.

Краевъ закутался въ одѣяло и сталъ соображать, гдѣ и какіе уроки у него сегодня, и что онъ будетъ дѣлать на нихъ?

Первыя пять лѣтъ своей службы онъ добросовѣстно готовился къ урокамъ, составлялъ конспекты, планы, зналъ заранѣе, что будетъ говорить, кое-чему учился, читалъ по своей спеціальности. Потомъ завалилъ себя уроками, чтобы дойти до содержанія въ $2^1/_2$—3 тысячи и махнулъ на все рукой. Сталъ, какъ всѣ, дѣйствовать по вдохновенію, ограничив-

шись короткимъ знаніемъ нѣсколькихъ учебниковъ. Выходило, какъ ему казалось, не хуже. Былъ такой же процентъ интересующихся предметомъ и съ тѣмъ же успѣхомъ можно было втереть очки любому начальству, которое все, безъ исключенія, было въ достаточной степени невѣжественно. Онъ былъ нетребователенъ, добродушенъ, не прижималъ баллами учениковъ, и они его любили.

Но совѣсть мучила, всетаки, за лѣность, небрежность, отсталость и невѣжество. Онъ каждый день собирался начать пополненіе и усовершенствованіе своихъ спеціальныхъ знаній, учиться, читать, составлять учебникъ, работать, и... ничего не дѣлалъ. Къ удивленію, несмотря на всю безучастность его къ той наукѣ, которую онъ преподавалъ, онъ зналъ и понималъ свое дѣло лучше, чѣмъ большинство его сослуживцевъ, которые еще раньше махнули на все рукой. Невѣжество ихъ было безпредѣльно. Онъ хоть слегка слѣдилъ за современностью по журналамъ, по новымъ книгамъ, по газетамъ. Для большинства изъ нихъ та жизнь, которая текла за школьными стѣнами и за стѣнами ихъ квартиръ, была совершенно чужда, безразлична и неинтересна.

Выпивая стаканъ чаю, Краевъ торопливо просматривалъ по учебникамъ то, что предполагалъ объяснить на урокахъ. Потомъ заглянулъ въ энциклопедическій словарь. Но нужная ему статья была длинна, суха и скучна. Мелкій шрифтъ очень утомлялъ глаза. Краевъ не кончилъ статьи, вздохнулъ и поставилъ книгу на этажерку.

— Боже мой, Боже мой!—подумалъ онъ съ сокрушеніемъ:—какой я безпросвѣтный невѣжда!..

На улицѣ онъ почувствовалъ себя легко и бодро. Исчезли мысли о невѣжествѣ и докучныя думы о томъ, что говорить на урокахъ. Онъ шагалъ быстро, весело, щеголевато. Былъ легкій морозецъ. Въ одномъ съ нимъ направленіи и навстрѣчу ему двигался все трудовой людъ: кухарки, денщики, учащіеся всѣхъ возрастовъ, почтальоны съ туго набитыми сумками, швеи и конторщицы съ маленькими бумажными сверточками въ рукахъ, приказчики, останавливавшіеся около запертыхъ магазиновъ, чернорабочіе въ валенкахъ, большихъ сапогахъ и лаптяхъ. На всѣхъ лицахъ лежала печать бодраго труда, торопливой заботы, серьезности. Это заражало бодрымъ чувствомъ и Краева. И онъ имѣлъ свое мѣсто въ рядахъ этой скромной трудовой арміи. Въ ея рядахъ и онъ несъ частичку творческаго начала, которое неустанно движетъ жизнь впередъ, даетъ ей смыслъ и значеніе.

Но, подходя къ гимназіи, изъ всѣхъ этажей которой неслись смѣшанные звуки гомона, хриплаго визга, смѣха, то-

пота, онъ нѣсколько падалъ духомъ. Вставала передъ глазами неистовая возня, толчея ногъ, безпощадно оглушительные, оголтѣлые стуки. И безпокойная мысль шевелилась: какъ провести уроки съ этимъ молодымъ, необузданнымъ народомъ хоть чуть-чуть продуктивно, возможно менѣе отчаиваясь и раздражаясь?..

Первые три урока обыкновенно проходили сносно: чувствовалась достаточная бодрость, оживленіе, даже нѣкоторая увѣренность въ томъ, что все идетъ какъ слѣдуетъ, и лучшаго желать нельзя. Но послѣ большой перемѣны, къ четвертому часу, голова тяжелѣла. Завтракъ и усталость дѣйствовали угнетающе. Стоило сѣсть, подпереть щеку рукой— и глаза слипались, все уплывало вдаль, въ незнакомое и диковинное пространство, и классъ, и звуки, и мысли.

О, съ какимъ бы удовольствіемъ легъ и погрузился въ забвеніе хоть на полчаса, если бы не этотъ безпокойный классъ!.. Классъ большой—72 человѣка Ученики сидятъ тѣсно, безпрестанно копошатся, разговариваютъ, ссорятся, толкаются. Часто подымаютъ руки, но слушаютъ плохо. Нѣтъ, кажется, предмета, который не отвлекалъ бы ихъ неудержимаго любопытства. Если по улицѣ идетъ похоронная процессія, надо нѣсколько разъ перекреститься и, вытянувъ шеи, проводить ее глазами, пока совсѣмъ не скроется изъ поля зрѣнія. Если изъ корридора донесется кашель директора, человѣкъ десять предупредительно шипятъ на весь классъ. Если Калашниковъ досталъ изъ кармана новый ножичекъ, сосѣдямъ справа и слѣва необходимо подробно осмотрѣть и прицѣниться къ нему...

Времени для разучиванія урока было мало. Первая четверть подходила къ концу. Требовалось, чтобы у всѣхъ были выставлены отмѣтки, а для этого хоть по разу необходимо было спросить каждаго въ отдѣльности. Краевъ коекакъ промямлилъ въ теченіе пятнадцати минутъ о правленіи Софьи, постоянно отрываясь отъ разсказа для водворенія порядка, изобличая невниманіе и усмиряя своихъ безпокойныхъ слушателей. Они были друзья — Краевъ и всѣ эти стриженые, неудержимо жизнерадостные лѣнтяи, протобестіи и архиплуты. Но дружба не мѣшала имъ постоянно ссориться.

Кончилъ. Развернулъ журналъ и устремилъ въ него внимательный взглядъ. Тогда всѣ притихли.

— Ну-ка... кого бы?—лѣнивымъ, соннымъ голосомъ произнесъ онъ и задумался, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ притаившейся тишинѣ класса.

Потомъ добродушно ухмыльнулся и вызвалъ:

— Ну, Агаѳоновъ, что ли! Ползи-ка, братецъ, сюда.

Маленькій, курносый Агаѳоновъ, съ коротко-остриженной головой, похожей на арбузъ, съ готовностью вскочилъ съ мѣста и, склонивъ голову на бокъ, оскалилъ неровные зубы. Краевъ съ аппетитомъ зѣвнулъ до слезъ и апатично спросилъ:

— Ну-съ, о чемъ могъ бы ты разсказать?

— О нынѣшнемъ урокѣ, — не совсѣмъ увѣренно отвѣтилъ Агаѳоновъ.

— То есть — нынѣшій урокъ, хочешь ты сказать? Прекрасно. Говори о Никонѣ.

Агаѳоновъ поднялъ глаза вверхъ, сдвинулъ поясъ слѣва направо, потомъ справа налѣво, кашлянулъ и, бѣгая ищущимъ взоромъ по стѣнамъ и потолку, началъ поспѣшно и не совсѣмъ внятно:

— Главой надъ духовенствомъ былъ главный патріархъ Никонъ...

— Гммм...

Въ этомъ звукѣ, который издалъ учитель, Агаѳоновъ уловилъ что-то неопредѣленное: и какъ будто нѣкоторое удивленіе, и иронію, и сомнѣніе. Онъ боязливо взглянулъ въ сторону каѳедры и увидѣлъ, что Краевъ осовѣлымъ, соннымъ взоромъ смотрѣлъ на представителей пяти человѣческихъ расъ, висѣвшихъ на противоположной стѣнѣ. Полагая, что храбрость города беретъ, Агаѳоновъ залотошилъ безъ особенной надобности, съ напускною увѣренностью:

— Онъ былъ еще маленькимъ и читалъ священныя книги... И потомъ онъ былъ... былъ священникомъ... И потомъ онъ ушелъ... ушелъ въ монастырь... И потомъ... слава дошла до государя...

— О чемъ?

— О томъ, что онъ... о томъ, что онъ велъ...

Глаза Агаѳонова проворно обѣжали стѣны и потолокъ, потомъ искоса, воровато взглянули на парты. Сидѣвшіе впереди Сотниковъ и Дмитревскій тотчасъ же приложили къ губамъ руки. Агаѳоновъ, опасливо покосившись въ сторону учителя, осторожно пододвинулся къ нимъ и насторожился. Учитель сидѣлъ теперь уже съ закрытыми глазами, и на лицѣ его застыло глубоко-мечтательное выраженіе утомленнаго и готоваго заснуть человѣка. Сотниковъ и Дмитревскій шептали что-то дружно и одновременно. Это усердіе лишь мѣшало, но дѣлать было нечего...

— О томъ, что онъ исправлялъ законы! — увѣренно сказалъ Агаѳоновъ, разобравши слово „исправлялъ“. Потомъ ухо его уловило что-то другое, и онъ поправился: — О строгой жизни въ монастырѣ...

— И онъ ему понравился,—продолжалъ онъ бодро и съ возрастающей увѣренностью, придвинувшись еще на полъ-аршина ближе къ партамъ:—и онъ скоро вошелъ... вошелъ въ милость царскую... и онъ назначилъ его... назначилъ архіереемъ... и онъ былъ митрополитомъ...

—Гммм...—снова раздался скептическій звукъ съ каѳедры и на минуту остановилъ потокъ словъ Агаѳонова. Агаѳоновъ взглянулъ сначала въ сторону товарищей, державшихъ ладони трубой около губъ, потомъ на Краева. Учитель съ усиліемъ таращилъ сонные глаза на стѣну, съ которой смотрѣлъ на него, надувъ губы, негръ. Казалось, мысли его были гдѣ-то далеко-далеко отъ класса.

Тогда Агаѳоновъ, какъ будто ненамѣренно, качнулся съ ноги на ногу и нѣсколько подвинулся къ партамъ. Съ трудомъ улавливая усердное, одновременное подсказыванье нѣсколькихъ голосовъ и путаясь въ немъ, онъ продолжалъ, уже не заботясь о связи, а вѣря въ незыблемую истину подсказываемаго,—такъ:

— И даже бояре отдавали своихъ дѣтей... шешнадцати лѣтъ... учиться... И учили класть... класть поклоны... И этого самаго не понимали... Но потомъ онъ... взялся за другое событіе... за исправленіе богослужебныхъ книгъ...

— Скверновѣсово, братъ, — сказалъ внезапно Краевъ, встряхиваясь отъ дремоты:—не училъ...

Агаѳоновъ бросилъ удивленный и исполненный горькаго упрека взглядъ въ сторону подсказывавшихъ предателей. Сотниковъ развелъ руками и дѣлалъ какіе-то знаки, которые какъ будто говорили: „самъ виноватъ... имѣй уши попытнѣе!"

— Я... не успѣлъ вчера... Александръ Петровичъ...—запѣлъ Агаѳоновъ о пощадѣ.

— Такъ бы и сказалъ раньше. Передъ урокомъ. Это было бы, по крайней мѣрѣ, честно. А теперь вижу, что имѣлъ въ виду сплутовать. Разсчитывалъ, что не вызову?

Агаѳоновъ не угадывалъ еще, какой оборотъ приметъ дѣло. Можетъ быть, сойдетъ благополучно: Александръ Петровичъ любитъ иногда припугнуть для потѣхи. Попробовалъ соврать:

— Александръ Петровичъ, извините... не выучилъ... у меня вчера животъ очень заболѣлъ.

— Врешь.

— Ей-Богу, Александръ Петровичъ! Я на всѣхъ урокахъ отказывался.

— На всѣхъ отказывался!—дружно поддержали благорасположенные товарищескіе голоса.

— Гмм... Что-то у тебя частенько этотъ животъ? Какъ будто время не холерное. Объѣдаешься, что-ль?

— Ей-Богу, болѣлъ...

— Подозрительно, братъ. Садись. Пара.

Глаза Агаѳонова мигомъ увлажнились. Растирая ихъ выкрашенными въ чернила пальцами, онъ запѣлъ привычнымъ голосомъ:

— А-ле-ксандръ Петровичъ! Не ста-авьте! Я къ слѣдующему разу...

— Садись.

Краевъ лѣниво подымалъ руку къ перу.

— А-ле-ксандръ Петровичъ! Я хронологію всю знаю... Я къ слѣдующему разу выучу... Дайте мнѣ лучше три подзатыльника... А-ле-ксандръ Петровичъ! Не ста-авьте... Ко мнѣ мама вчера пріѣхала... Я не могъ.

— А не врешь?

— Вотъ вамъ... ей-Богу!

Агаѳоновъ перекрестился на представителей пяти человѣческихъ расъ.

— Ну, смотри, поганецъ! Давай сюда ухо!

Лицо Агаѳонова какъ-то особенно быстро расцвѣло улыбкой. Проворно взобравшись на ступеньки каѳедры, онъ съ готовностью вставилъ въ два растопыренныхъ пальца учителя лѣвое ухо. Краевъ, мечтательно глядя въ окно, гдѣ вились бѣлыя пушинки перваго робкаго снѣга, нащупалъ пальцами ухо Агаѳонова и вяло дернулъ его раза два. Потомъ далъ легкаго щелчка, и Агаѳоновъ, улыбаясь, при дружномъ смѣхѣ класса, пошелъ на мѣсто.

— Не медъ!—сказалъ курносый Гонорскій.

Краевъ вдругъ сдѣлалъ свирѣпое лицо и грозно крикнулъ:

— Что-о?

Когда нужно было хорошенько встряхнуться отъ дремоты и безпредметной мечтательности, онъ искусственно взвинчивалъ себя, кричалъ безъ всякаго серьезнаго повода, нагонялъ холоду. Ученики знали его хорошо и не боялись этого крика, но притихали на минутку.

Гонорскій сейчасъ же пригнулся и лишь однимъ смѣющимся, трусливымъ глазкомъ выглядывалъ изъ-за спины Кортмана. Онъ не зналъ урока, а по неоднократному опыту ему было извѣстно, что слишкомъ словоохотливыхъ остряковъ Краевъ вызывалъ, для усмиренія, отвѣчать и гонялъ по всему пройденному. При такомъ оборотѣ дѣла, шансы на полученіе тройки были болѣе, чѣмъ сомнительны.

— Ты чего это тамъ?—грозно сказалъ Краевъ, не зная преступника и неопредѣленно ткнувши пальцемъ въ пространство.

Гонорскій окончательно приникъ къ партѣ, а сидѣвшій впереди его Кортманъ, гипнотизируемый учительскимъ перстомъ, всталъ и сказалъ въ свое оправданіе:

— Я ничего, Александръ Петровичъ. Они тамъ намагничиваютъ что-то. А я взялъ посмотрѣть... А онъ кричитъ: мопса!

— Нѣтъ, Александръ Петровичъ! Онъ лѣзъ, а я не называлъ его мопсой,—тотчасъ же вскочилъ сосѣдъ Кортмана Дикаревъ, оправдываясь и усиленно жестикулируя головой.

Краевъ не успѣлъ еще сообразить, кто, какъ и почему нарушилъ порядокъ, но его уже охватили перекрещивающіеся потоки словъ, обвиненій, оправданій, добровольной защиты, лжесвидѣтельства и разныхъ каверзъ.

— Я его не трогалъ... Сотниковъ далъ мнѣ перо, я его намагничивалъ. А онъ взялъ да схватилъ... Аль-санъ... тровичъ... я ни-че-го!..—запѣлъ Кортманъ, видя, что Краевъ протягиваетъ руку къ перу, и считая это знакомъ грозящей опасности.

— Вотъ и запишутъ,—сказалъ торжествующимъ голосомъ Дикаревъ.

— Я его не трогалъ... Онъ самъ первый полѣзъ... А Гузикъ тутъ ногу на парту кладетъ...

— Я не кладу, Александръ Петровичъ,—быстро вскакиваетъ Гузикъ:—я лишь парту поднялъ...

Распутывающійся клубокъ преступленій цѣпляется въ новый узелъ и усложняется.

— Нѣтъ, онъ такъ вотъ подыметъ парту и ноги кладетъ!

— А онъ у меня изъ пенала всегда перья беретъ...

— Онъ по копѣйкѣ беретъ за задачу,—вмѣшивается новый голосъ:—дай копѣйку, такъ сдѣлаю задачу...

— Вретъ онъ, Александръ Петровичъ! Я... онъ мнѣ долженъ былъ копѣйку.... да не отдаетъ.... а я у него перья вынулъ изъ пенала.

Заговорили всѣ разомъ. Ничего нельзя разобрать. Среди звонкаго журчанья перебивающихъ другъ друга голосовъ видно лишь, какъ шевелятся губы, киваютъ головы, пальцы показываютъ другъ на друга. Клубокъ преступленій, накопившійся за каждымъ, то развертывается до безконечности и, развертываясь, перепутывается, то связывается въ такіе причудливые узлы, что остается одно рѣшеніе—разрубить ихъ единымъ махомъ.

— Пожалуйте-ка вотъ сюда!—сказалъ Краевъ, трагически негодующимъ тономъ:—вотъ, вотъ! Вы—по обѣимъ сторонамъ двери, а ты—къ печкѣ!

Первый ученикъ, вызванный отвѣчать урокъ, нѣсколько успокоилъ Краева. Съ увѣренностью добросовѣстнаго зуб-

рины, онъ по-книжному разсказалъ о старинныхъ русскихъ постройкахъ, изобразилъ на доскѣ особенности русскаго архитектурнаго стиля и толково разъяснилъ, какія части въ коммерческомъ банкѣ, новомъ зданіи, стоявшемъ противъ гимназіи, были взяты изъ старинной русской архитектуры. Нелюбовъ, учившійся неважно, но страстный любитель чтенія, тоже обнаружилъ блистательныя познанія въ отечественной исторіи, — съ увлеченіемъ разсказалъ всего Юрія Милославскаго.

Осталось минутъ двѣнадцать до звонка. Необходимо спѣшить. Только трое вызваны,—этого мало. Краевъ заглянулъ въ журналъ и выкрикнулъ:

— Епифановъ.

Толстый бутузъ всталъ и, изобразивъ на своемъ лицѣ самое просительное, почти молитвенное выраженіе, склонивъ голову на бокъ, сказалъ:

— Александръ Петровичъ, меня въ слѣдующій разъ лучше...

— Почему же?

— Да я нынѣшній урокъ не совсѣмъ твердо выучилъ...

Голосъ его понизился почти до шепота.

— Ну, а прошлый какъ?

— Прошлый?—Епифановъ задумался на одно мгновеніе и не совсѣмъ увѣренно сказалъ:—Прошлый знаю...

— Ну, такъ поди прошлый разскажи...

Сказалъ, какъ будто, простодушнымъ тономъ, а подмигнулъ классу, и всѣ засмѣялись. Не сомнѣвались, что Епифановъ и въ прошломъ урокѣ невиненъ, и ему грозитъ вѣрнѣйшій провалъ.

— Ну, такъ прошлый, значитъ? Состояніе Россіи въ XVII вѣкѣ?

Не теряя присутствія духа и кротко улыбаясь, Епифановъ вздохнулъ, склонивъ голову на бокъ, и началъ:

— Во второй половинѣ семнадцатаго вѣка владѣніе оказалось большое...

И сдѣлалъ солидную паузу.

— Какое?

Епифановъ взглянулъ на учителя тѣмъ удивительнымъ взглядомъ, который обыкновенно вызывается страннымъ и неумѣстнымъ вопросомъ по поводу совершенно ясныхъ вещей, и отвѣтилъ увѣренно-разъясняющимъ голосомъ:

— Земля!.. Нѣсколько сотъ тысячъ верстъ въ длину и ширину...

— Ммм...

Скептическое мычаніе учителя всетаки не смутило Епифанова, и онъ продолжалъ:

— И тамъ были очень часто болѣзни, и пожары были... И въ это время русскіе плохо занимались своими дѣлами... Они не добывали себѣ различныхъ мѣховъ. Въ это время они сами не ѣздили въ чужія страны, чтобы покупать себѣ различные мѣха...

— Мѣха?

— Да. Одежды... А посылали только своихъ слугъ.... пословъ....

— Ммм... вотъ какъ!

— У меня такъ въ книжкѣ сказано.

— Положимъ, врешь. Дальше!

— Эхх-ммм... Они считали различный народъ идолопоклонниками и, если кто-нибудь съѣздитъ, то называли этого грѣшникомъ... И иностранцы только пріѣзжали на ярмарку къ русскимъ и продавали только самые дешевые товары... И они сговаривались, чтобы одну какую вещь не продавать за плохую...

— Мм... та-акъ...

— Да у меня въ книжкѣ...

— Дальше, дальше!

— Э-э... ихмъ... ихмъ... Въ это время русскіе добывали очень плохо себѣ металлы... Хотя и были металлы въ горахъ, а добывали иностранцы... Ну... русскіе продавали различные мѣха...

— Садись.

Епифановъ вытянулъ шею и замеръ, слѣдя за движеніемъ пера.

— Пару? — съ удивленіемъ произнесъ онъ: — за что же, Александръ Петровичъ? Я же зналъ... Я вамъ услугу сдѣлалъ: городобоевское перо подалъ, а вы пару... моимъ же перомъ?..

— Благодари Бога, что не единицу, — кротко сказалъ Краевъ.

— Ну, я тогда заоралъ бы благимъ матомъ...

— Сядь.

Епифановъ съ конфузливой улыбкой отправился на мѣсто. До звонка еще оставалось время. Краевъ заглянулъ снова въ журналъ. Измайловъ, слѣдовавшій по алфавиту за Епифановымъ, почувствовалъ опасность. Чтобы отвлечь вниманіе учителя, онъ рѣшилъ пустить въ ходъ какой-нибудь вопросъ ученаго свойства: иногда удавалось такимъ способомъ вызвать Краева на интересные разсказы.

— Александръ Петровичъ, это—атмосфера?—вставая съ мѣста, осторожно спросилъ Измайловъ и показалъ пальцемъ за окно, гдѣ крутились снѣжныя пушинки.

Но учитель понялъ, къ чему вопросъ, и не глядя сказалъ:

— Я тебѣ такую атмосферу изображу на физіономіи!.. Отвѣчать хочешь?

— Не особенно, Александръ Петровичъ. Да вѣдь скоро звонокъ... Вонъ онъ! Слава Богу!..

IV.

Послѣ пятаго урока Краевъ шелъ изъ гимназіи на дежурство въ пансіонъ, не заходя на свою квартиру. Два раза въ недѣлю онъ, какъ воспитатель пансіона, долженъ былъ дежурить по суткамъ. Это было крайне утомительно, тяжело, но давало лишнюю тысячу рублей въ годъ, и Краевъ уже двѣнадцать лѣтъ тянулъ эту скучную и изнурительную лямку—ради семьи: кромѣ матери, у него были еще сестры, которыхъ надо было учить.

Рядомъ съ нимъ шелъ учитель древнихъ языковъ Крживанекъ, чехъ,—небольшая, квадратная фигурка въ высокой барашковой шапкѣ и въ какомъ-то странномъ салопѣ старомодной купчихи—съ опушенными куницей рукавами.

— Женьиться надо, тогда не будете скучать, и все будетъ интересно,—говорилъ Крживанекъ особымъ иноземнымъ акцентомъ, отчетливо раздѣляя слова по слогамъ.

— Женьитесь и не будете жальоваться... и слюжба не такъ будетъ утомлять.

При разговорѣ онъ быстро и мелко кивалъ головой снизу вверхъ, сладко улыбался, старался заглянуть въ глаза и былъ похожъ на ласковую маленькую собачку. Краевъ смотрѣлъ передъ собой скучающимъ, усталымъ взглядомъ и плохо слышалъ Крживанека, который нѣжно похлопывалъ его сзади по поясницѣ и придерживалъ подъ руку, когда они переходили черезъ улицу.

На углу Московской и Воскресенскаго переулка дорогу имъ перерѣзалъ извозчикъ. Сидѣвшая въ пролеткѣ молоденькая дама дружелюбно кивнула головой Краеву. Онъ не сразу узналъ ее и на мгновеніе остановился, присматриваясь своими близорукими глазами. И когда она улыбнулась ему еще разъ, онъ быстро приподнялъ шляпу. Извозчикъ уже поворачивалъ за уголъ. Сидѣвшая въ пролеткѣ изящная, гибкая фигурка мелькнула на одно мгновеніе въ глазахъ Краева и скрылась. Лишь невидимая полоска молодого чувства тянулась еще къ его сердцу отъ этой удалявшейся женщины. Онъ вздохнулъ съ мечтательной улыбкой и, продолжая путь, еще два раза оглянулся.

— Кто это?—осторожно спросилъ Крживанекъ.

— Это... знакомая моя одна...

— Какая красивая... Вотъ и женьитесь!

— Да она уже замужемъ.

— Эк-кххемм... жаль... Тогда очень жаль...

Они шли нѣкоторое время молча. Краевъ задумчиво шагалъ спотыкающимися шагами, раскачиваясь на ходу. Крживанекъ мелко сѣменилъ по неровнымъ камнямъ плохенькаго тротуара, и походка его тоже напоминала аллюръ ласковой комнатной собачки.

— Нѣтъ, скажите, Иванъ Францевичъ, неужели вамъ никогда не было скучно?—спросилъ Краевъ:—неужели вы не испытывали того душевнаго состоянія, которое небезызвѣстные вамъ римляне называли taedium vitae... тяготы, утомленія, раздраженія... отъ этого однообразія и безсодержательности нашей жизни?

Крживанекъ откашлялся, какъ всегда, звонко и протяжно и сказалъ не совсѣмъ увѣренно:

— Эк-к-ххеммм... Конечно, бывало, но...

— Вы какой годъ служите?

— Двадцать пьятый. И представьте, ни одного урока не пропустилъ.

Онъ пріостановился и заглянулъ снизу вверхъ въ глаза Краеву, желая видѣть, какой эффектъ произвело это сообщеніе.

— Ни одного урока! Помню, матушка моя умерла... Такъ у меня голова сильно болѣла,—и тогда я ходилъ... Первая жена умерла на каньикулахъ,—не пришлось тоже манкировать...

— И вы... довольны этимъ служебнымъ совершенствомъ?

— То-е-есть...

Крживанекъ скромно опустилъ глаза.

— Но вѣдь это рьѣдко такъ... Назовите мнѣ еще кого такого, который бы ни одного урока не пропустилъ! Не найдете! Развѣ Кузнецовъ? Да, я доволенъ и... горжусь даже: это рьѣдко...

— И жизнью довольны?

— Ничего, я не жалуюсь. Я люблю порьядокъ. Вотъ въ Костромѣ я былъ, тамъ директоръ меня какъ-то притѣснялъ, а здѣсь... ничего. Шаловливіе мальчики есть, конечно, но я... порьядокъ установилъ, и пре-крас-но!

Онъ нараспѣвъ прокричалъ послѣднія слова своимъ трескучимъ теноромъ и съ довольнымъ видомъ крякнулъ коротко и звонко.

— И директоръ доволенъ мной, и я директоромъ. Не далѣе, какъ вчера, хвалилъ мой мьетодъ... очень одобрялъ!.

— А что за методъ, собственно? —спросилъ безучастно Краевъ.

— Мой мьетодъ, вотъ именно, испитанный,—съ удовольствіемъ заговорилъ Крживанекъ, и ноты наивной хвастливости звучали въ его голосѣ.—Вотъ видите... двадцать пьятій годъ, видите... испитанный... Я говорю...

Крживанекъ сдѣлалъ короткую паузу и важно, съ достоинствомъ, взглянулъ на Краева.

— Я говорю: при-го-то-вле-ніе дома уроковъ состоитъ... п-первое: повторьенія прежняго урока. Второе... зъ краткаго содержанія новаго урока. Тре-тье!..

Онъ особенно звонко выкрикнулъ это слово, и встрѣчный старикъ—мѣщанинъ съ желтымъ, больнымъ лицомъ почтительно далъ ему дорогу.

— ... Изъ связи мыслей обоихъ уроковъ. Четвертое! зъ двухъ перьеводовъ: одинъ зъ ошибками... вотъ... а другой—безъ ошибокъ—ну, да... Пьятое уже... зъ твердаго знанія всѣ-ѣххъ этимольогическихъ формъ и синтаксическихъ правилъ!..

Онъ вперилъ въ Краева строгій, гипнотизирующій взглядъ и пріостановился.

— И шес-тое!—зъ умѣнья писать неправильныя формы зъ даннаго урока... ну, да... вотъ видите ли... да!

Лицо его снова приняло ласковое, собачье выраженіе.

— Испитанный методъ... двадцать пьятій годъ...—повторилъ онъ довольнымъ голосомъ.

Краевъ усмѣхнулся и подумалъ:

— „Двадцать пятый годъ... не мало денегъ перебралъ ты, братъ-славянинъ, за свой испытанный методъ! А сколько времени ухлопано на него! А сколько въ свое время далъ трагедій этотъ испытанный методъ, сколько слезъ надъ нимъ пролили, сколько душъ исковеркано имъ!.. Это теперь ты—ласковая собачка, мишень для всевозможныхъ учительскихъ остротъ и ученическихъ развлеченій, потому что классицизмъ уже далъ значительныя трещины, и престижъ учителей-классиковъ—на ущербѣ. А въ свое время ты былъ грозою, наводилъ трепетъ... Кто бы могъ теперь повѣрить?“

Впрочемъ, Крживанекъ даже во времена безраздѣльнаго господства классицизма умѣлъ быть тѣмъ пріятнымъ человѣкомъ, съ которымъ родители учащихся легко ладили и даже хлѣбъ-соль водили. Онъ давалъ недорогіе частные уроки ученикамъ тѣхъ классовъ, въ которыхъ преподавалъ. Это была особая система. Продолжалъ онъ ее практиковать и теперь. Каждый классъ Крживанека въ теченіе первой половины года имѣлъ не менѣе 30—40% неуспѣшныхъ по языкамъ, но четвертая четверть все исправляла. Цѣлыми

группами шли ученики къ Крживанеку и группами же занимались съ нимъ. Каждый изъ нихъ платилъ два рубля за часъ занятій и въ теченіе двадцати—двадцати пяти двухчасовыхъ уроковъ „усваивалъ“ предметъ на четверку. Она и попадала въ вѣдомость послѣдней четверти. Такимъ образомъ, получался удовлетворительный годовой баллъ. Было не дорого и не обидно для обѣихъ сторонъ. Говорили, что Крживанекъ ежегодно за апрѣль—май клалъ въ карманъ тысячи по три; за то каждый желающій изъ учениковъ за 80—100 рублей обезпечивалъ себѣ цѣлый годъ свободы отъ грековъ и римлянъ. Были еще особые—„двойные“ и „тройные“ уроки — для честолюбцевъ, желавшихъ имѣть четверки въ годовомъ выводѣ. На тѣ такса была выше. Брали ихъ преимущественно евреи, для которыхъ высокій средній баллъ имѣлъ существенное значеніе.

Объ этомъ невинномъ заработкѣ знала вся гимназія, зналъ городъ, знала губернія. Даже окружное начальство было освѣдомлено,—Краевъ слышалъ объ этомъ отъ самого директора. Но Крживанекъ благополучно держался, потому что былъ смиренъ, покладистъ и, главное, считался благонадежнымъ руководителемъ юношества.

— Вотъ вы говорите о скукѣ... taedium vitae... ну, да... Знакомо ли мнѣ это? Какъ вамъ сказать?..

Крживанекъ слегка задумался, вздохнулъ.

— Вотъ когда я овдовѣлъ, то не зналъ, куда дѣваться, потому что привыкъ къ женатой жизни. Просто не зналъ, куда дѣться. Скучалъ. А теперь вотъ женьился и—слава Богу... Хорошо!

Крживанекъ женился года два назадъ на семнадцатилѣтней дѣвицѣ, дочери трактирнаго повара, безграмотной и очень развязной особѣ. Но былъ, повидимому, счастливъ.

— Женьитесь-ка, Александръ Петровичъ, женьитесь. Я вамъ баришну одну посватаю. Хорошенькая! Подруга жены...

— Спасибо. Буду имѣть въ виду...

— Тысячъ двадцать приданаго,—таинственно понизивъ голосъ, прибавилъ Крживанекъ:—ей-богу, женьитесь. Совѣтую. Оч-чень хорошо!

Онъ разсмѣялся звонкимъ галопирующимъ смѣшкомъ. Глаза его заискрились сладкимъ блескомъ и ушли въ морщинки.

— Ну-съ, до свиданія,—сказалъ Краевъ:—мнѣ въ пансіонъ.

— Н-ну, всего хорошаго, все-го хорошаго!

Крживанекъ усиленно закивалъ головой и весь расплылся въ медовой улыбкѣ.

V.

Краевъ вошелъ въ парадную дверь двухъ-этажнаго дома, на фронтонѣ котораго была надпись: „Пансіонъ М—ской гимназіи".

Отворяя дверь съ улицы, онъ слышалъ визгливо-нестройные и докучные звуки флейты,—кто то упражнялся наверху въ пріемной комнатѣ. Въ швейцарской, прежде всего, на глаза ему попались ноги, торчавшія изъ-за шкафа: швейцаръ, по обыкновенію, спалъ сномъ праведника. Черномазый Митька, помощникъ повара, въ своемъ грязномъ фартукѣ, направлялся съ грудой тарелокъ изъ буфета въ кухню. При видѣ воспитателя, онъ сдѣлалъ сначала испуганное лицо, потомъ быстро и низко поклонился, поставилъ тарелки на полъ и бросился стаскивать съ Краева пальто съ видомъ настоящаго разбойника.

— Коскянтинъ!—закричалъ онъ въ сторону швейцара такимъ голосомъ, точно случился пожаръ:—ключъ! ключъ давай!

Краевъ прошелъ въ классную комнату, большую, уставленную шкафами и партами. За партами сидѣло нѣсколько учениковъ. Въ перспективѣ, въ спальнѣ, видны были лежащія и сидящія по койкамъ фигуры. Изъ столовой доносились характерные звуки барахтанья, стука и усердной возни на полу. Косые лучи выглянувшаго изъ облаковъ осенняго солнца пронизывали оригинальныя колонны пыли.

— Ишь, негодяи,—обычно подумалъ Краевъ:—не успѣли собраться и ужъ безпорядокъ! Валяются на койкахъ, возятся...

Помѣщеніе пансіона было неудобное, тѣсное, безъ отдѣльныхъ дортуаровъ. Директоръ-аферистъ пріобрѣлъ съ публичнаго торга два купеческихъ дома съ пятью десятинами земли—за 19 тысячъ. Черезъ нѣсколько дней онъ перепродалъ одинъ изъ нихъ и полдесятины земли въ казну подъ пансіонъ уже за 28 тысячъ. На приспособленіе этого дома для общежитія, на ремонтъ, поправки, расширеніе и проч. ежегодно отпускались значительныя суммы. Но ремонтъ больше производился въ собственномъ домѣ директора, а пансіонъ все ждалъ расширенія, продолжая оставаться тѣснымъ, грязнымъ, отвратительнымъ, совершенно неприспособленнымъ для общежитія.

Бѣлокурый мальчуганъ, сидѣвшій за партой, всталъ при входѣ Краева и, кланяясь, намѣренно-громко, чтобы слышали находившіеся въ спальнѣ нарушители порядка, привѣтствовалъ его:

— Здравствуйте, Александръ Петровичъ!!!

— Здравствуйте, Александръ Петровичъ!!! — такъ же громко, радостнымъ тономъ, точно сто лѣтъ не видѣлись, повторилъ другой, за нимъ третій и четвертый.

Въ то же время кто-то успѣлъ уже проскользнуть въ столовую и въ спальню. Раздалось предупредительное шипѣнье. Видно было, какъ одна гурьба поспѣшно засѣменила въ ватерклозетъ, другая—въ спальню, изъ которой былъ особый выходъ въ классную комнату, и лишь немногіе черезъ столовую направились навстрѣчу воспитателю, чтобы съ самымъ невиннымъ видомъ привѣтствовать его.

— Здравствуйте, Александръ Петровичъ!!! — раздалось дружное привѣтствіе, среди котораго ухо Краева уловило и дѣланные басы.

— Все валяетесь, поганцы! Возня... безъ возни ни на минуту!

— Мы не валялись, Александръ Петровичъ!

— Это не мы, Александръ Петровичъ!

— Мы съ Юдкинымъ въ перышки играли на окнѣ... мы не валялись.

— Да ужъ конечно! Ты правъ... какъ всегда...

— И я не возился, Александръ Петровичъ. Мы сказку читали съ Гайтономъ.

— Лежа на койкѣ?

— Нѣ-ѣтъ...

— Знаю я васъ! Никто никогда не виноватъ. Чисты, какъ трубочисты. Учитесь всѣ скверно... отвратительно... Ну, ты... Мордошевичъ! какъ дѣла?

Толстый, бѣлокурый мальчуганъ, по усвоенной имъ привычкѣ, мотнулъ въ сторону головой, сплюнулъ какимъ-то особенно искуснымъ способомъ и равнодушно сказалъ:

— Ничего.

— А ты, Кащеевъ?

Красивый брюнетъ съ всклокоченными, давно не стриженными волосами, грязный и серьезный, сказалъ:

— Н...ничего.

Въ его неувѣренномъ тонѣ ухо воспитателя сразу уловило зловѣщіе признаки неблагополучія.

— Получилъ? Гм... конечно! Пару, или единицу?

Кащеевъ опустилъ свои черные глаза и молчалъ. Коротенькій толстякъ Сорокинъ съ самой пріятельской улыбкой приложилъ руку съ одной стороны рта и сообщилъ Краеву шепотомъ:

— Единицу по латыни.

— Та-акъ! — съ горькимъ упрекомъ покачалъ головой воспитатель.

— Это.. за вниманіе...—робко и неувѣренно попробовалъ оправдаться Кащеевъ.

— Хорошо и то. Не дурно! Ну... маршъ отсюда всѣ! Чтобы никого въ спальнѣ не было!

Отдѣльной комнаты для воспитателей не имѣлось. Краевъ складывалъ свои книги и тетради на окнѣ, въ спальнѣ, у воспитательской койки, которая стояла въ углу, подъ иконой. Тутъ онъ проводилъ большую часть дежурства, удаляясь на разстояніе нѣсколькихъ метровъ отъ гама, грязи, пыли и вони, переполнявшихъ классную комнату. Койка была такая же неопрятная, какъ и всѣ остальные, съ твердымъ тюфякомъ, съ грязными подушками, съ старымъ, вонючимъ одѣяломъ. Въ отсутствіе воспитателя расшалившіеся пансіонеры дрались подушками, бросали ими другъ въ друга, не заботясь о томъ, что на нихъ же придется спать. Подушки съ воспитательской койки летали по спальнѣ и катались по полу наравнѣ со всѣми остальными, и до нихъ отвратительно было дотронуться. Но приходилось, всетаки, на нихъ спать. На всѣ заявленія воспитателей о невозможности такого порядка директоръ лишь разводилъ руками и говорилъ:

— Что же прикажете дѣлать? На пансіонѣ долгу шестнадцать тысячъ.

Воровство педагога-начальника было откровенное, мелкое, презрѣнное по мелочности своей даже въ глазахъ учениковъ, которые знали о немъ, пожалуй, лучше воспитателей. Но приходилось, съ отвращеніемъ въ душѣ, мучиться съ этой грязью. Директоръ пользовался покровительствомъ въ округѣ и былъ неуязвимъ.

Пансіонеры гурьбой побѣжали изъ спальни, и скоро до слуха Краева донеслись звуки барахтанья и возни, начавшейся въ классной. Онъ сѣлъ на койку и оглянулся кругомъ усталымъ, тоскующимъ взглядомъ.

Грязныя стѣны, исписанныя и облупленныя, грязные полы со сбитой краской, грязныя койки съ отвратительными одѣялами, изъ которыхъ никогда не выбивалась пыль, вонь отъ почти примитивнаго и всегда загаженнаго ватерклозета, который находился рядомъ съ спальней, вонь отъ одежды и спальнаго бѣлья, испорченный воздухъ въ классной, въ столовой... Эта возня, неистовая, безпрестанная, стихійная возня... Каждый день... каждый день... Вчера, сегодня, завтра... И здѣсь, и въ гимназіи, и на дворѣ, и на улицѣ... Этотъ оглушительный крикъ, безпорядокъ, вѣчные ссоры, драки... Эти быстрыя слезы и неистовый, дикій хохотъ... Постоянное раздраженіе, безчисленные, мелкіе, мгновенные удары по усталымъ, издерганнымъ нервамъ... О, незамѣтная трагедія

учительской жизни! Мелкая, жалкая, возбуждающая смѣхъ и нестерпимый зудъ поученій о высокомъ призваніи..

Вонъ расшалившійся Мордошевичъ изъ классной комнаты черезъ столовую влетѣлъ въ спальню, спасаясь отъ погнавшагося за нимъ Пѣшеходова. Перескочилъ черезъ одну койку, черезъ другую... Пѣшеходовъ понесся за нимъ прямо по койкамъ, оставляя на одѣялахъ сѣро-желтые слѣды отъ ногъ. Не догналъ. Схватилъ подушку и пустилъ ею въ спину убѣгавшему непріятелю. Не попалъ. Подушка плавно покатилась по полу, и бѣлая наволочка сомнительной чистоты сразу пріобрѣла сѣро-коричневый цвѣтъ. Въ пылу увлеченія шалуны даже забыли о томъ, что въ спальнѣ сидитъ воспитатель, и что усталые нервы его напряжены до послѣдней степени.

— Мордошевичъ!.. Пѣшеходовъ!..

Голосъ Краева гремитъ негодующими нотами. Бѣшенство кипитъ въ груди.

Застигнутые на мѣстѣ преступленія, нарушители порядка изумленно остановились. На раскраснѣвшихся лицахъ испугъ и напряженіе юркой мысли, какъ бы ускользнуть. Попытались, пригнувшись, юркнуть за шкафъ.

— Немедленно сюда!!

Немедленно—легко сказать... Они шли такъ, какъ будто на ногахъ ихъ висѣли пудовыя гири. Шли съ вытянутыми шеями, съ заискивающими, конфузливо-умоляющими улыбками и съ бѣгающими взглядами вороватыхъ, трусливыхъ глазенокъ.

— Про...сти...те... Аль...санъ... тровичъ...—запѣлъ Мордошевичъ, держа передъ носомъ перепачканную въ чернила лапу.

— Про...сти...те...—какъ разъ октавой ниже началъ вторить Пѣшеходовъ.

— Ммерзавцы! —стиснувши зубы, зашипѣлъ Краевъ:— кто же спитъ на этихъ подушкахъ? Спрашивается: кто?! На что похожи одѣяла? А? Что же здѣсь такое: пансіонъ или свинарня?! А?..

— Про...сти...те...

— У-у, животныя! На два часа въ уголъ и безъ третьяго блюда!..

— Аль...санъ... тровичъ...

— Вонъ отсюда! Ни звука!

— Про...сти...те... Дайте лучше по подзатыльнику...

— Вонъ! Не пачкалъ я еще рукъ объ васъ, негодяевъ!

— Про...сти...те... Аль...санъ... тровичъ...

— Вонъ, говорятъ вамъ!

— Дайте по три подзатыльника...

— Мы больше не будемъ... Аль...санъ... тровичъ...

Ноющіе, неотвязные голоса, конфузливо просящее выраженіе въ лукавыхъ взорахъ, поднятыя вверхъ грязныя лапки— были, въ сущности, непобѣдимо могущественны, непреоборимы. Краевъ не могъ долго сердиться на нихъ, не могъ выдерживать до конца роли грознаго карателя. Энергичные крики и кипѣніе быстро утомляли его и всегда вносили нѣкоторое успокоеніе. Онъ махнулъ рукой и сказалъ усталымъ, полнымъ безнадежности голосомъ:

— Въ позицію!

Оба преступника быстро, съ полнѣйшею готовностью, стали затылками къ воспитателю.

Разъ... разъ... Два звонкихъ шлепка огласили спальню. Получивши ихъ, Мордошевичъ и Пѣшеходовъ весело захихикали и запрыгали, какъ козлята, изъ спальни.

Краевъ стыдился своего рукоприкладства, не разъ усовѣщевалъ самъ себя и всетаки чуть не ежедневно прибѣгалъ къ нему. Ученики не обижались на него; его любили за открытое добродушіе. Дрался онъ безъ злобы, но и не безъ увлеченія.

— Воспитывай тутъ! — съ раздраженіемъ говорилъ онъ самъ себѣ.—Воспитаніе, образованіе... слова, долженствующія особенно иронически звучатъ въ устахъ нашего брата, учителя... Я двѣнадцать лѣтъ вижу этихъ мальчугановъ. Они поступаютъ сюда мягкими, чувствительными, отзывчивыми, не испорченными, и черезъ мѣсяцъ-другой точно перерождаются. Откуда берется эта необъяснимая огрубѣлость, развязность дурного тона, наклонность къ крѣпкимъ словамъ, ожесточеніе сердца?.. Издѣвательство надъ слабыми товарищами, злостныя выходки, грязные пороки?.. Какъ все это быстро и неуловимо воспринимается здѣсь, прочно усваивается и еще прочнѣе поддерживается... Многіе поступаютъ съ хорошей подготовкой, съ порядочными знаніями, болтаютъ по-французски и по-нѣмецки... Здѣсь забываютъ все. Иные на первыхъ порахъ молятся по вечерамъ. Дѣтскія фигурки на колѣняхъ, въ одномъ бѣльѣ, передъ привезенными изъ дома образками, такъ робки и трогательны. А черезъ мѣсяцъ-другой никто уже не молится... И во время общей молитвы, въ классной комнатѣ, лишь безчинствуютъ.

— Кто же ихъ воспитываетъ съ такимъ поразительнымъ успѣхомъ? Куда смотримъ мы, воспитатели? Но кто такіе—мы? Трусливые, невѣжественные люди, озлобленные и тупые, какъ голодные подмастерья. Ни умѣнья, ни мужества, ни добросовѣстности... Вожакъ изъ зарвавшихся, обреченныхъ на исключеніе учениковъ импонируетъ, всетаки, кое-чѣмъ: фи-

зической силой, геройствомъ, наглостью тупого отчаянія... У насъ и этого нѣтъ!..

Безпорядочныя мысли несвязно роились въ головѣ Краева, не поддаваясь точной формулировкѣ и уясненію, перескакивали съ предмета на предметъ, раздражали, упрекали.

— Обращаясь къ своей совѣсти, я долженъ признать, что я—не на своемъ мѣстѣ, я—неумѣлый, робкій, неспособный человѣкъ. Слѣдуетъ уйти... Простая порядочность этого требуетъ. Но куда? Гдѣ я буду умѣлъ? Гдѣ гожусь? Гдѣ заработаю кусокъ хлѣба? И самый ли я плохой здѣсь, у дѣла воспитанія и обученія? Нѣтъ, не самый плохой...

Онъ всегда хватался за этотъ извиняющій мотивъ. Стыдилъ себя за это, но всетаки искалъ и находилъ въ немъ успокоеніе...

VI.

— Прикажете звонить, Александръ Петровичъ?—ровно черезъ часъ послѣ обѣда, спросилъ Константинъ.

Краевъ сидѣлъ у окна, облокотившись на тумбочку, и дремалъ. Въ пансіонѣ онъ пріучилъ себя дремать сидя. Иной разъ такъ хотѣлось бы прилечь, но въ сюртукѣ и крахмальной рубахѣ это было неудобно. Да и безпокойная пансіонская публика, постоянно забѣгавшая въ спальню съ жалобами, взаимными пререканіями, спросами, — не позволяла спать послѣ обѣда.

— Уже пять часовъ? — спросилъ Краевъ, съ усиліемъ стряхивая дремоту.

— Такъ точно.

— Звони. Въ верхней спальнѣ подольше позвони, а то они постоянно тамъ дрыхнуть.

Константинъ съ увлеченіемъ зазвонилъ и въ классной, и наверху. Мальчуганы продолжали возиться въ классной и послѣ звонка. Краевъ вышелъ и крикнулъ, какъ капитанъ передъ ротой:

— Смирно! По мѣстамъ!

Помаленьку стали усаживаться. Съ красными, вспотѣвшими, возбужденными лицами, запыхавшіеся и испачканные въ желтую пыль отъ недавно натертыхъ половъ, первоклассники, второклассники и третьеклассники долго еще не могли войти въ надлежащую колею. Они продолжали между собой неоконченные счеты въ полголоса или подавленнымъ шепотомъ и дѣлали другъ другу какіе-то короткіе, но многозначительно-угрожающіе жесты.

Константинъ вошелъ съ опилками и щеткой и началъ наводить чистоту. Снова поднялись облака пыли. Общитель-

ный и веселый приготовишка Юдкинъ подошелъ къ Краеву съ тетрадкой.

— Александръ Петровичъ, посмотрите, какъ нашъ учитель пишетъ,—сказалъ онъ:—вотъ это правой рукой, а это—лѣвой...

Краевъ бросилъ въ тетрадь равнодушный взглядъ:

— Недурно.

— Онъ и ногой умѣетъ писать,—быстро вскакивая съ мѣста, заговорилъ другой приготовишка, Трифоновъ, блестя своими вытаращенными глазенками:—онъ говоритъ, пріѣзжали сюда люди-безрукіе и ногой писали... И онъ пишетъ. Это—просто: зажать вотъ сюда мѣлъ и пиши...

— Ну, хорошо, хорошо,—покровительственнымъ, но не послабляющимъ тономъ сказалъ Краевъ:—садись, братъ, и занимайся...

Полагалось провѣрять, всѣ ли на лицо. Иногда къ началу занятій приходилъ директоръ. Начальственная дѣятельность его выражалась въ томъ, что онъ пересчитывалъ находившихся на лицо пансіонеровъ. Если кого не досчитывалъ, то дѣлалъ замѣчаніе воспитателю. По правиламъ, воспитанники пансіона на прогулку безъ надзора не должны были отлучаться. Но пансіонъ не имѣлъ, изъ экономіи, должнаго комплекта воспитателей. Поэтому установился обычай, покоившійся, впрочемъ, главнымъ образомъ на отвѣтственности воспитателей и лишь отчасти на притворномъ невѣдѣніи начальства,—что пансіонеры уходили гулять до 5-ти часовъ на Московскую, гдѣ ухаживали за гимназистками вмѣстѣ съ своими городскими товарищами. Увлекаясь этимъ милымъ занятіемъ, они постоянно опаздывали возвращеніемъ. Воспитателю вмѣнено было въ обязанность непремѣнно докладывать инспектору объ этихъ опаздываніяхъ: порядокъ—прежде всего... Но Краевъ ни разу не могъ заставить себя сдѣлать это.

Прошло около часа, пока обычный порядокъ установился въ классной комнатѣ. Висячія лампы—старыя, первобытнаго устройства, съ испорченными горѣлками, лили скупой, тусклый свѣтъ на парты, но за то сильно нагрѣвали и портили воздухъ. Пансіонеры жужжали надъ книгами или осторожно копошились, тихо разговаривали, писали. Между малышами вспыхивали коротенькія ссоры и тотчасъ же стихали. Шалости были неожиданныя и остроумно замаскированныя. Вотъ Пѣшеходовъ отъ скуки далъ сзади щелчокъ Сорокину. Сорокинъ оглянулся, кинулъ кругомъ испытующій взглядъ,—всѣ углублены каждый въ свое дѣло. И знакомыя лица были теперь особенныя, не похожія на тѣ, которыя онъ привыкъ видѣть во время игръ, серьезныя,

думающія... Онъ досталъ изъ парты готовую бумажную стрѣлку, подумалъ надъ ней нѣсколько мгновеній и затѣмъ пустилъ ее въ лицо Пѣшеходову. И быстро отвернулся въ сторону, сдѣлалъ серьезное лицо и зажужжалъ:

— Германская горная страна... рѣкой Рейномъ... рѣкой Рейномъ... отдѣляется отъ... Альпійской и Французской... рѣкой Рейномъ...

Машина пошла обычнымъ ходомъ, и Краевъ оставилъ классную комнату въ увѣренности, что рѣзкихъ нарушеній порядка не будетъ уже до самаго звонка къ чаю, т. е. въ теченіе, по крайней мѣрѣ, часа.

Онъ ушелъ опять въ спальню и сталъ ходить взадъ и впередъ по узенькому пространству, которое оставалось свободнымъ между койками и стѣной. Чуть брезжилъ свѣтъ отъ висѣвшей съ потолка лампы, закрытой зеленымъ колпачкомъ. Здѣсь было не такъ жарко и пыльно, какъ въ классной, не такъ безпокойно отъ роя звуковъ, которые назойливо толклись въ ушахъ и мѣшали думать, сосредоточиться на чемъ-нибудь. Не было нервнаго ожиданія какой-нибудь шаловливой выходки, которую тотчасъ же надо усмирять въ огражденіе общаго спокойствія. И этотъ водянисто-зеленый сумракъ надъ молчаливыми рядами коекъ, скрадывавшій все грязное и отталкивающее, пыльную и вонючую тѣсноту наряжавшій въ незнакомый и таинственный нарядъ, отрывалъ мысль отъ безпокойнаго, утомительнаго бездѣлья и давалъ работу фантазіи. И слетались грезы, смѣшныя, наивныя, дѣтскія грезы, и населяли скучный міръ теплою и облегчающею радостью успѣха, счастья, свободы и силы...

Знакомый нѣжно-ласковый образъ всталъ передъ глазами, хрупкій и обаятельно-манящій. Сѣрые, насмѣшливо-веселые глаза неотразимо звали къ себѣ раздражающей улыбкой, коварно обѣщали и покоряли...

— Здрравств... Здра-а авс... здравствуйте, Авксентій Васильичъ!

Кажется, сами стѣны въ классной дружно гаркнули, загудѣли, застучали, зашаркали ногами.

И разомъ стихли.

— Прилично надо здороваться! Сколько разъ говорено! Когда научитесь вѣжливости?

Раздраженный голосъ обрубалъ фразы, былъ смѣшонъ и жалокъ.

— Мнѣ не поклоны ваши нужны, а поведеніе!—уже изъ столовой послалъ онъ послѣдній снарядъ въ дерзкаго врага и, въ отвѣтъ, услышалъ помчавшіеся на него звонкіе дѣтскіе голоса:

— Бондарь! Фискалъ! Шпіонишка! Бондарь!..

Оба—и Краевъ, и Авксентій Васильевичъ—здороваясь, сдѣлали видъ, что не слышатъ этихъ возгласовъ. Привыкли. Давно уже шла упорнѣйшая и жестокая до непримиримости война, съ взаимными подвохами, обходами, неожиданными нападеніями, подсиживаніями. Авксентій Васильевичъ неутомимо подслушивалъ, выслѣживалъ, излавливалъ, записывалъ въ кондуитъ, докладывалъ для вѣрности лично директору (инспектора онъ презиралъ за бездѣйствіе и за трусость передъ пансіонерами), снабжая докладъ подробнѣйшими справками о прежней преступности трактуемаго ученика.

Пансіонеры отвѣчали партизанскими уколами и внезапными атаками. Шла и медленная, разсчитанная охота съ памфлетами, эпиграммами и прочей текущей литературой пансіона. Всѣ стѣны и окна были изрисованы бочками, исчерчены крупнѣйшими надписями: „бондарь“, „хвактъ“, „профессоръ сыска“. Даже въ ватерклозетѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ красовалась надпись: „кабинетъ бондаря“.

За то и кондуитъ пестрѣлъ многочисленными записями объ опозданіяхъ, о дерзкихъ взглядахъ, о неприличныхъ позахъ, о чтеніи недозволенныхъ книгъ и пр. Послѣдняя запись Авксентія Васильевича въ кондуитѣ гласила такъ:

„На мое предложеніе идти на общую утреннюю молитву, ученикъ VI класса Свенторжецкій отвѣтилъ: не хочу и не желаю. Тонъ голоса и положеніе корпуса тѣла было очень невѣжливое“.

Краевъ пошелъ въ классную провѣрять уроки. Авксентій Васильевичъ направился наверхъ, въ буфетъ, пить чай и пріятельски бесѣдовать съ буфетчикомъ. Съ учениками онъ занимался лишь на глазахъ начальства. Если приходилъ директоръ, Ѳаворскій садился съ приготовишками и всѣмъ своимъ существомъ являлъ неусыпное усердіе въ провѣркѣ ихъ познаній.

Краевъ собралъ около себя третьеклассниковъ. Они первый годъ учили латынь и за нее получали наибольшее количество единицъ.

— Ну, Ушаковъ, начинай,—сказалъ Краевъ.

Онъ подперъ щеку рукой, и вѣки его сами собой закрылись, точно кто съ силой оттянулъ ихъ книзу. Голосъ Ушакова сталъ далекимъ-далекимъ. Въ его вялости и однообразіи звучала тоскливая нота отвращенія къ постылой наукѣ, приносившей лишь одни огорченія.

— „Лѣсъ доставляетъ тѣнь соловью“,—тянулъ страдальчески-усталымъ голосомъ Ушаковъ и вралъ безъ всякой

совѣсти, съ усиліемъ выдавливая изъ себя диковинныя слова.

— Ивановскій, слѣдующую фразу.

Ивановскій откашлялся, склонилъ голову на бокъ и чужимъ, вялымъ голосомъ прочиталъ:

— „Жизнь земледѣльцевъ часто бываетъ добычею пиратовъ“.

Въ обычное время онъ былъ шаловливъ, боекъ, подвиженъ, какъ ртуть. А теперь земледѣльцы и пираты сковали ему языкъ, замкнули ротъ и потушили лукаво-веселый огонекъ его сѣрыхъ глазъ. Поталкивая локтемъ сосѣда, чернаго и мрачнаго грека Ласкараки, онъ стоялъ нѣкоторое время въ недоумѣніи передъ такой серьезной фразой, потомъ сказалъ со вздохомъ:

— Вотъ мнѣ счастья нѣтъ никогда въ переводѣ! Другимъ простыя фразы, а мнѣ всегда длинная...

— Не разсуждай, переводи.

На лбу Ивановскаго задвигались горизонтальныя и вертикальныя складки, мѣняя взаимное положеніе. Тяжело вздохнувъ, онъ выговорилъ первое слово, и Краевъ соннымъ, скучнымъ голосомъ, не открывая глазъ, привѣтствовалъ его:

— Склоненій не знаешь, с-свинья... Тысячу разъ говорено. Не могу же я за тебя учить! Поросенокъ... Дальше, Ласкараки.

— Въ лѣсахъ нѣтъ статуй и колоннъ,—замогильнымъ голосомъ прочиталъ Ласкараки.

И ногой усиленно началъ толкать Ивановскаго. Онъ безповоротно былъ увѣренъ, что пользы отъ Ивановскаго быть не можетъ, но просить ногой помощи у сосѣда стало уже рефлекторнымъ ученическимъ движеніемъ.

За третьимъ классомъ послѣдовалъ второй съ ариѳметической задачей, условіе которой занимало восемь строкъ въ задачникѣ. Съ первоклассниками пришлось толковать о залогахъ. Скука, безжизненность, непреодолимая дремота. Первоклассникамъ молодой учитель русскаго языка, классикъ по спеціальности, изобразилъ соотношеніе залоговъ графически—какими-то черточками и стрѣлками. Мальчуганы срисовали эти стрѣлки съ доски, не понимая ихъ значенія. Краевъ долго смотрѣлъ на эти странные знаки и ломалъ голову надъ ними. Такъ и не понялъ. Объяснилъ по своему. Но въ глазахъ его слушателей это объясненіе не имѣло никакой цѣны.

— Все равно, поставитъ по колу,—говорили они съ фатальной безнадежностью:—онъ требуетъ, чтобы по его..

За полъ-часа до звонка на вечернюю молитву пришелъ инспекторъ. Появился изъ буфета и Авксентій Васильичъ.

Сѣлъ съ задремавшими приготовишками, повертѣлъ въ рукахъ священную исторію и строго сказалъ:

— Стараться надо!

Инспектора немедленно окружила толпа малышей. Каждый считалъ нужнымъ спросить какой-нибудь пустякъ, говорили всѣ разомъ, толкались,налѣзали другъ на друга, фыркали отъ смѣха. Въ вершинѣ свѣтлой, неровной лысины инспектора сердито поднялся сѣрый, взъерошенный пушокъ. Въ перестрѣлкѣ веселыхъ, дурачливыхъ вопросовъ, трещавшихъ и прыгавшихъ въ ушахъ, какъ крикъ потревоженныхъ на болотѣ птицъ, ему, близорукому и робѣвшему передъ толпой, ничего нельзя было ухватить вниманіемъ и понять. Онъ попробовалъ разсердиться и крикнуть. Жидкій голосъ вылетѣлъ изъ горла, цѣпляясь за какую-то пилку внутри, и, похожій на крикъ коростеля, затерялся среди благодушно-издѣвательскаго звонкаго смѣха.

— Пошли вонъ! —крикнулъ на нихъ подоспѣвшій на выручку Краевъ.

И, какъ стая галчатъ, они метнулись во всѣ стороны и попрятались на своихъ мѣстахъ, за партами.

Освобожденный инспекторъ принялъ озабоченный видъ и сказалъ Краеву наставительнымъ тономъ:

— А вы ихъ осаживайте!.. Осаживайте...

Онъ показалъ руками такъ, какъ будто что-то дергалъ внизъ.

— Я ихъ обыкновенно... какъ чуть что... сейчасъ же осаживаю,—хвастливо добавилъ онъ:—и вы осаживайте!

Изо рта у него воняло. Глаза глядѣли на Краева снизу вверхъ тупо и наивно.

Краевъ снялъ съ его спины прилѣпленный мальчуганами листъ бумаги съ надписью „Ровножуй“ и сказалъ:

— Хорошо.

Въ скучной замкнутой жизни пансіона этотъ благодушный ограниченный человѣкъ служилъ неистощимымъ родникомъ и невинныхъ, и вмѣстѣ жестокихъ забавъ и развлеченій. Въ другой сферѣ изъ него, можетъ быть, вышелъ бы обыкновенный чиновникъ, трудолюбивый, добросовѣстно-исполнительный и, во всякомъ случаѣ, не столь анекдотически смѣшной. Но здѣсь, въ маленькомъ мірѣ мелкой, неустанной борьбы съ изобрѣтательной шаловливостью, постоянной необходимостью спускаться до дѣтскихъ понятій и взглядовъ, вѣчно понижать себя до уровня дѣтскихъ интересовъ и дѣтскихъ дрязгъ, онъ за 27 лѣтъ службы незамѣтно обратился самъ въ смѣшного ребенка съ лысиной, съ большой засеребрившейся бородой, отупѣвшаго и потерявшаго соображеніе даже въ простѣйшихъ явленіяхъ того внѣшняго

міра, который былъ за стѣнами гимназіи и пансіона. Незамѣтная обыденная трагедія учительскаго существованія выражена была въ немъ особенно отчетливо и выпукло.

И, глядя на него, Краевъ часто думалъ:

— Гдѣ-то тамъ, за стѣнами, катится и шумитъ широкая, пестрая, богатая красками и звуками, интересная жизнь, полная борьбы и ужасовъ, оглашенная радостными кликами побѣды и стонами пораженія, окрыленная надеждами и угнетаемая отчаяніемъ, озаренная дивнымъ подвигомъ самоотверженія и отравляемая безсердечіемъ сытыхъ, прекрасная, сложная жизнь,—а они... а я... а мы... какъ тѣ матовочерные, мелкіе жучки, нашли себѣ навозную кучу, забрались въ темныя, тѣсныя, глухія келейки и тихо катимся, скучные, робкіе, презрѣнные, къ мѣсту вѣчнаго успокоенія, не интересуясь и не волнуясь дивной ареной мятежной жизни человѣчества. О, ужасъ сѣраго, смирнаго существованія!..

— Я сегодня на молитвѣ не буду,—сообщилъ инспекторъ, понижая голосъ и принимая видъ заговорщика: — такъ вы ужъ одни... какъ-нибудь безъ меня...

Онъ и самъ воображалъ, и другимъ старался внушить мысль, что его присутствіе на молитвѣ необходимо для поддержанія порядка.

— Мнѣ надо посѣтить кое-какія ученическія квартиры... подозрительныя.

— Накрыть кого-нибудь?

— Да. Давно намѣтилъ... двухъ молодцовъ...

— Все равно, не удастся.

— Н-ну, тамъ видно будетъ... У меня тоже... хватка мертвая!

VII.

Трудовой день кончился. Стихла возня малышей въ нижней спальнѣ, улеглась перебранка, закончились взаимные счеты, не вполнѣ сведенные за день. Въ одномъ лишь мѣстѣ, издали переговаривались громкимъ теноромъ два голоса:

— Серебряные?

— Да!

— А проба есть?

— А то какъ же! Папа за нихъ двадцать рублей далъ. Хронометръ!

— Врешь... небось, десять?

— Ей-б-богу, двадцать! Я самъ съ нимъ ходилъ.

— А разыгрываешь...

— Надоѣло таскать. Да и перья нужны. За триста новыхъ перьевъ разыграю.

— По чемъ за билетъ?

— Два пера.

— А за три старыхъ сколько?

— Полъ-билета.

— А за казака?

— Если новый,—билетъ. За стараго—полъ-билета.

Въ полутемной классной громко болтали старшіе пансіонеры. Два брата Поплавскіе, забравшись въ темный уголокъ столовой, напѣвали малороссійскую пѣсенку. Тихо лилась нѣжная мелодія одинокаго раздумья и касалась сердца щекочущей грустью томительной разлуки и грезящей любви.

— По-вій ві-тре до-о східъ сонь-ца.

Неясный и далекій, какъ мечта, тающій звукъ молодыхъ голосовъ медленно капалъ или вливался осторожными, обрывающимися струями въ сосредоточенно задумчивый сумракъ темныхъ угловъ, и кто-то робко плакалъ въ нихъ, тихій и застѣнчиво тоскующій.

Сверху иной разъ доносились звуки скрипки. Игралъ экзерсизы Вольфке, осьмиклассникъ. Въ большія окна спальни смотрѣли бѣлые, разрѣзанные переплетомъ накрестъ, глаза лунной ночи. Лампа въ зеленомъ колпачкѣ отпечатала на потолкѣ три концентрическихъ, не одинаково свѣтлыхъ кружка и разлила надъ койками травянистый полусвѣтъ.

Въ тишинѣ, наполненной дѣтскимъ дыханіемъ и дѣтскимъ бредомъ, рождались загадки, недоумѣнные, закутанные тайной вопросы. Вставали воспоминанія. А вслѣдъ за ними ползла горечь сожалѣнія объ утраченномъ, томительная тягость, безпредметная, сѣрая тоска. Ахъ, какъ жаль было чего-то!.. Можетъ быть, прожитой молодости?.. Какъ ушла она—скоро, скрытно и безвозвратно, со всѣми ея мечтами, надеждами и безсильными порывами... Износилось здоровье, сердце испортилось, исчезли мускулы, морщинами покрылось лицо, тѣло потеряло стройность, свѣжесть и подвижность...

И хоть бы одно яркое воспоминаніе!..

Скучная, сѣрая лента однообразныхъ дней тянется тамъ, въ сумракѣ прошлаго,—дней, отравленныхъ тошною горечью унизительнаго, служительскаго существованія, хамской привычкой къ жалкой сытости, къ жалкому полукомфорту, хамскимъ страхомъ передъ голодомъ и рискомъ самостоятельности и свободы.

Какая усталость... Длинный, безконечный, безплодный день...

И какая грусть въ этой милой, нѣжной пѣсенкѣ мечта-

тельнаго юга, далекой родины, несравненной, прекрасной родины съ ея зеленымъ просторомъ, съ шумливыми, свѣтлыми днями шаловливаго дѣтства, съ поэтическими, жаркими, звѣздными ночами мятежной юности...

Какъ безнадежно далека она!..

VIII.

Была середина ноября. Краевъ давалъ третій урокъ въ первомъ классѣ. Вдругъ открылась дверь, и помощникъ классныхъ наставниковъ, Петръ Петровичъ таинственно сообщилъ:

— Попечитель округа пріѣхалъ!..

Въ его голосѣ звучали роковыя ноты. Глаза округлились и неожиданно оказались большими. Выраженіе испуганной торжественности на лицѣ безъ словъ давало понять, что произошло событіе, дѣйствительно, чрезвычайной важности. Даже ученики переглянулись и зашептались съ тѣмъ безсознательнымъ волненіемъ, которое сообщается цыплятамъ при видѣ безпокойства старшихъ по возрасту птицъ. И вдругъ зашевелились, стали обдергиваться, убирать съ партъ все лишнее и недозволенное: открытыя письма съ броненосцами, бумажныхъ пѣтуховъ и хлопушки, альбомы съ марками и кучи старыхъ перьевъ, въ которыя шла безвозбранная игра на урокѣ. Кто-то впопыхахъ громко хлопнулъ крышкой парты.

— Тссс... чортъ!—вздрогнувъ отъ неожиданности, съ искренней ненавистью воскликнулъ Краевъ придавленнымъ голосомъ.

Ему было стыдно глупой тревоги, вдругъ охватившей его, но онъ чувствовалъ, какъ, противъ воли, она деспотически подчинила себѣ теперь всѣ его мысли и сцѣпила движенія.

— Это—Сотниковъ,—раздался голосъ доброжелательнаго предателя.

— Этакая дрянь!—стиснувши зубы, прошепталъ Краевъ и оглянулся съ опасеніемъ на дверь.

— Я копѣйку уронилъ,—виноватымъ полушепотомъ сказалъ въ свое оправданіе обыкновенно вертлявый, но теперь присмирѣвшій круглолицый Сотниковъ, дѣлая неопредѣленно поясняющій жестъ въ сторону парты. Онъ тоже опасливо оглянулся на дверь, за которою чудился кто-то во образѣ сатаны, таинственный и ужасный.

— Я... я тебя!

— Положилъ ее сюда, а она покатилась...

— Зачѣмъ положилъ?

— Я платокъ вынималъ...

— Къ чему это? Зачѣмъ?!

— Посморкаться...

— Болванъ! Раньше не могъ?

— А она покатилась...

— Паршивецъ!.. Сядь!

Сотниковъ сѣлъ съ виноватымъ и сконфуженнымъ видомъ. Краевъ, разрядившись крикомъ и крѣпкими словами, сказалъ уже мягче:

— Черезъ тебя еще подъ уголовную отвѣтственность попадешь...

Онъ въ волненіи прошелся по классу, посмотрѣлъ на часы. До конца урока четыре минуты.

— Едва-ли зайдетъ... Чортъ ихъ носитъ, сукиныхъ сыновъ! Сколько я видѣлъ ихъ, этихъ звѣздоносцевъ второго и третьяго сорта, возстановлявшихъ, время отъ времени, равновѣсіе бюджета прогонными, суточными и прочими фокусами! Всѣ на одно лицо: усиленно притворяются проницательными, понимающими, иногда вынутъ записныя книжки, окинутъ внимательнымъ взглядомъ стѣны класса и фигуру учителя, что-то записываютъ... извѣстная всѣмъ манера дешевенькихъ фокусниковъ, профессоровъ черной и бѣлой магіи... А все-таки трепещешь... Чортъ знаетъ, что за заячья натура! Да и всѣ такъ... Долго-ли оскандалиться? Скорѣе, чѣмъ плюнуть... Вотъ слѣдующій урокъ въ третьемъ классѣ. Что сегодня? Кажется, германская горная страна?.. Подведутъ, подлецы! Самая запутанная часть европейскаго рельефа... куча названій и—никакой системы! Зарѣжутъ...

Раздался благодѣтельный звонокъ. Классъ разомъ вздохнулъ, ухнулъ.

— Сла-ава Богу! — съ облегченіемъ воскликнулъ кто-то съ камчатки:—не пришелъ!

И тотчасъ всѣ вскочили, запрыгали, застучали, заговорили дружно и весело, какъ воробьи надъ разсыпаннымъ зерномъ. Обычная картина. И въ обычное время никому не приходитъ въ голову видѣть въ этомъ нарушеніе порядка. Теперь же это веселонравіе казалось несомнѣннымъ проступкомъ.

— Сѣсть! Сѣсть!—свирѣпо закричалъ Краевъ, желая поддержать порядокъ на должной высотѣ:—пока преподаватель въ классѣ, не смѣть вставать съ мѣстъ!

Семь десятковъ безпокойно - проворныхъ, заинтригованныхъ любопытствомъ шельмецовъ въ первый моментъ подались назадъ. Краевъ поспѣшно свернулъ карту, взялъ журналъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери. Стиснутая на

минуту, толпа опять прорвалась, какъ весенній потокъ, обогнала его и запрудила выходъ изъ класса. Въ корридоръ боязливо вынырнуло пять—шесть стриженыхъ головенокъ. Послышались отдѣльные возгласы:

— Вотъ онъ...

— Гдѣ-ѣ?

— Да вонъ... въ синихъ штанахъ-то...

— Брешешь. Это — глистъ...

— Поди ты...

— Тише! Шшш... шш...

— Глистъ... въ очкахъ-то?

— Это не очки, а пенсне-е...

Невидимое, но леденящее присутствіе кого-то чувствовалось въ коридорѣ, въ необычномъ настроеніи большихъ и малыхъ группъ, съ напряженнымъ и опасливымъ любопытствомъ оглядывающихся и толкущихся на мѣстѣ. Малыши не бросались, сломя голову, по направленію къ ватерклозету. Старшіе толпились въ дверяхъ, но не ржали и не пѣли пѣсенъ, не острили грубо и громогласно. Дементій Степановичъ Десницынъ, такъ называемый Глистъ, двигался беззвучно и особенно эластично, не толкался, не хваталъ малышей за шиворотъ, не возглашалъ съ обычнымъ краснорѣчіемъ закругленныхъ укоряющихъ періодовъ. Онъ лишь грозилъ очами, выразительно сдвигалъ, поднималъ, раздригалъ червеобразныя брови, изрѣдка шипѣлъ и дѣлалъ какіе-то таинственные пассы руками. Всѣмъ существомъ своимъ являлъ онъ важность переживаемаго гимназіей момента. И это гипнотизировало. Въ сердце заползало ожиданіе чего-то сверхъ-обычайнаго, грознаго, мудро карающаго и недосягаемо-величественнаго. Вотъ-вотъ невидимо появится оно, разинетъ пасть и...

То же напряженное, томительное ожиданіе чувствовалось и въ учительской. Всѣ усиленно притворялись равнодушными и спокойными. Но разговаривали вяло и неохотно, не шутили и не смѣялись. Задумывались. Преподаватель исторіи Кузнецовъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, подъ зеркаломъ, устремивъ не моргающій взоръ Будды на дверь и прикрывъ каждое колѣно ладонью. Онъ былъ всегда исправенъ и аккуратенъ до педантичности. Все министерство народнаго просвѣщенія въ его отношеніи къ служебному долгу не нашло бы ни единой задоринки. Батюшка гладилъ перстами бороду и вздыхалъ. Короткими шажками ходилъ изъ угла въ уголъ безнадежно-унылый, больной словесникъ Черноморъ, съ роскошной черной бородой. Крживанекъ стоялъ у окна и поспѣшно просматривалъ по печатному русскому переводу заданный урокъ изъ Энеиды.

— Ни у кого не былъ?—спрашивалъ вѣчно суетящійся математикъ Глѣбовскій. Нервное лицо его отъ волненія покрылось бѣлыми полосами и островами, точно шаловливый ученикъ мазнулъ его испачканной въ мѣлъ губкой.

Борщевичъ, другой математикъ, углубившійся въ маленькую записную книжечку, которая хранила весь запасъ его учености, хмыкнулъ носомъ, по своему обыкновенію, и сказалъ:

— Кажется, у директора.

— Ага... Ну, директору-то нечего бояться. А вотъ нашему брату достанется на орѣхи. Налетитъ на какое-нибудь сокровище, въ родѣ Лопухина и... убѣдится въ постановкѣ дѣла.

— Отъ этихъ господъ, однимъ словомъ, хорошаго ничего не жди,—проговорилъ отрывистымъ, безнадежнымъ тономъ второй словесникъ, Боровковъ.

— Ну-те?—неопредѣленно произнесъ батюшка.

— Вотъ вамъ и „ну-те"... Хорошаго ничего не сдѣлаютъ, а напакостить всегда могутъ.

— Да. Эт-тъ вѣрнъ!—сказалъ коротко, рѣшительно и трагически нѣмецъ Карлъ Оскарычъ Эзельманъ, который всегда и со всѣми соглашался.

Грустный, больной, робкій Черноморъ, голова котораго была переполнена воспоминаніями, остановился и заговорилъ быстро и неровно, то понижая голосъ почти до шепота, то повышая его до патетическихъ нотъ:

— Покойный Мещерскій... во время одного пріѣзда... входитъ въ классъ—къ моему бывшему товарищу Савельеву... на урокъ латинскаго языка. Сѣлъ. Тотъ подаетъ ему книгу. Случайно, второпяхъ, подалъ кверху ногами, какъ говорится... перевернуть, знаете, не успѣлъ въ волненіи...—„Продолжайте, пожалуйста"... Продолжаютъ. Переводъ De bello Gallico. Только вспомнилъ потомъ Савельевъ, что не указалъ попечителю, какое мѣсто переводится. А тотъ перевернулъ уже страницу... Ищетъ, значитъ... Что тутъ дѣлать?.. Проходитъ осторожно этакъ мимо, глядитъ: попечитель держитъ книгу такъ именно... да... какъ онъ ему подалъ,—кверху ногами и... дѣлаетъ видъ, что слѣдитъ...

— Гмм... да... — произнесъ батюшка дипломатическимъ тономъ, въ то время какъ другіе вяло засмѣялись.

— Теперь вотъ они, по крайней мѣрѣ, вѣжливы, а въ прежнее время руки не подавали, ногами топали,—сказалъ мрачный Кузнецовъ, который служилъ уже двадцать семь лѣтъ.

— Да, да! Вотъ Иванова я помню,—снова началъ было Черноморъ.

— И вѣдь, что можетъ быть унизительнѣе подобныхъ

ревизій и... безплоднѣе!—продолжалъ Кузнецовъ, перебивая Черномора и закипая нервнымъ раздраженіемъ:—ну, является онъ съ генеральскимъ видомъ, окидываетъ величественнымъ взоромъ классъ и твою смиренную фигуру... Конечно,—нервный человѣкъ,—волнуешься, какъ мальчишка, теряешься, заражаешь и учениковъ... Я, напримѣръ, не могу: у меня нервы отъ этой проклятой службы въ конецъ издергались.. колѣни дрожатъ, плечо дергается... Сопишь носомъ громко и глупо такъ... будто сто пудовъ въ гору тянешь... Самъ понимаешь, что глупо, а ничего не подѣлаешь! И ученики нервируются, отвѣчаютъ невпопадъ... Какая же картина получается? Что можно за какія-нибудь пять—десять минутъ вынести? Ничего! Нуль!.. А сколько пакостей можетъ надѣлать! Съ лица земли стереть можетъ, если захочетъ...

— Въ это время, дѣйствительно, и ученики становятся неузнаваемы, — заговорилъ опять Глѣбовскій, доставая изъ шкафа кипу тетрадей:—не знаешь, кого и вызвать? Боголѣповъ когда былъ у меня на урокѣ,—я, конечно, перваго ученика сейчасъ — Чистопольскаго... И нарвался! Оробѣлъ малый, сбился, спутался, понесъ околесину... Смотрю: Шалимовъ лапу подымаетъ — съ мѣста.—Вотъ, думаю, муракъ.. лѣзетъ... ляпнетъ что-нибудь, сгоришь со стыда. Ну, была не была! Разъ поднимаю,—попалъ вѣрно, въ другой—тоже... въ третій — тоже! А у него больше двойки никогда не было, имѣйте въ виду! Послѣ и говоритъ:—„Что, Николай Иванычъ, кто васъ выручилъ? Кабы не я, погибоша бы вы, аки обрѣ“...— Вѣрно, — говорю, — ставлю тебѣ за это три съ минусомъ.. Х-хе-хе... Доволенъ остался.

Вошелъ директоръ, озабоченный, суетливый, превратившійся изъ важнаго пѣтуха въ озябшую куропатку. Но, правду сказать, онъ выигралъ отъ этого превращенія, сталъ симпатичнѣе, ближе къ смирнымъ, одинаково съ нимъ робкимъ, одинаково ограниченнымъ людямъ, случайно оказавшимся у дѣла обученія.

— Господа,—обратился директоръ мягкимъ и предупредительнымъ тономъ къ учителямъ:—пожалуйста, пока его превосходительство здѣсь, ужъ не будьте по домашнему, застегните сюртуки...

Всѣ были застегнуты, но, на всякій случай, осмотрѣлись и попробовали руками, нѣтъ ли еще вакантныхъ пуговицъ, которыя нужно было бы привлечь къ исполненію обязанностей.

— Затѣмъ... при входѣ его превосходительства въ классъ— поклониться, но первымъ руки не протягивать... дожидаться... предложить стулъ его превосходительству, конечно... Быть, по возможности, спокойными... Плохихъ учениковъ не вызы-

вать... Или только съ мѣста... не скажетъ—не надо. А вотъ среднихъ настроить хорошенько!..

— Д-да... настроить...—кротко вздохнулъ батюшка:—Ежели не ошибаюсь, его превосходительство происхожденія духовнаго,—судя, по крайней мѣрѣ, по фамиліи,—и можетъ оказаться знатокомъ текстовъ Св. Писанія. Въ сей оказіи трудновато настроить даже и лучшихъ,—не то, что среднихъ...

— Ну, вамъ, батюшка, чего же особенно опасаться? Замѣтите, что ученикъ замялся, остановите и преподайте сами что-нибудь нравственно-поучительное. Подгоните къ переживаемому моменту. Это даже лучше будетъ... А вотъ учителямъ языковъ и другихъ предметовъ я совѣтую: среднихъ!.. Сумѣть настроить—великая вещь! Я вамъ разскажу не анекдотъ, а фактъ: въ Т. со мной служилъ одинъ нѣмецъ, греческій языкъ преподавалъ. Пріѣхалъ Капнистъ. Приходитъ въ классъ къ нему. А онъ ихъ уже выдрессировалъ.—Переводъ изъ Ксенофонта, ваше превосходительство.—„Продолжайте, пожалуйста“.—Такой-то! Ивановъ, положимъ. Встаетъ Ивановъ.—Потрудитесь перевесть. Переводитъ.—Теперь то же мѣсто по-латыни. Переводитъ. Конечно, по заранѣе заготовленной запискѣ. Капнистъ видитъ: вѣдь, это восторгъ! съ греческаго—на латинскій... какихъ же вамъ еще знаній?!—„Вамъ, — говоритъ, — мѣсто въ Москвѣ“. Перевели въ Москву. Тамъ, положимъ, эти фокусы не такъ ужъ ему удавались, но... всетаки теперь инспекторомъ... Такъ вотъ, господа. Всегда можно настроить учениковъ. Это ужъ дѣло находчивости каждаго...

Задребезжалъ звонокъ.

Директоръ проворно сдѣлалъ оборотъ налѣво кругомъ и юркнулъ въ дверь. Всѣ учителя, какъ по командѣ, схватили журналы и небывало дружно ринулись за нимъ. Въ дверяхъ произошла даже маленькая давка. Двѣ—три остроты раздались надъ собственною излишнею торопливостью, но не вызвали веселья. Въ концѣ корридора мелькнула фигура инспектора съ испуганно поднявшимся въ вершинѣ лысины пушкомъ. Инспекторъ и въ этотъ исключительный день не терялъ надежды занести въ свою книжечку хоть полминуты опозданія за кѣмъ-нибудь изъ учителей. Это служебное усердіе было единственнымъ плюсомъ его педагогической дѣятельности.

IX.

Краевъ вошелъ въ третій классъ. Всегда тутъ было нѣсколько безпорядочно, оживленно, много веселой болтовни, остроумныхъ вопросовъ, смѣшныхъ новостей... А теперь всѣ притихли, загадочно молчатъ.

— Зарѣжутъ, подлецы! — думалъ Краевъ, отмѣчая въ журналѣ отсутствующихъ.

— Александръ Петровичъ! — раздался робкій, пониженный голосъ.

Краевъ поднялъ глаза. Говорилъ пансіонеръ Корольковъ, тонкій, длинный, бѣлокурый мальчикъ. Всегда тихій, старательный, добросовѣстный зубрила. Учителя любятъ такихъ: они не надуваютъ, не строятъ каверзъ, не торгуются изъ-за отмѣтокъ, съ удивительнымъ терпѣніемъ тянутъ учебную лямку.

— Урокъ трудный... не поняли...

Корольковъ проговорилъ эти слова съ трудомъ, почти шепотомъ, и видъ былъ у него, какъ у заговорщика.

— Что-о?! - нахмурившись, переспросилъ Краевъ грознымъ тономъ, не допускающимъ возраженій.

А сердце упало отъ безнадежной ясности положенія и уже равнодушно отнеслось къ сорвавшемуся разомъ общему говору и шуму, среди котораго вырывались отдѣльныя короткія и однообразныя заявленія:

— Трудный урокъ, Александръ Петровичъ! Никто не понялъ... Объясните еще разъ...

— Сколько названій! Гдѣ тамъ запомнить!..

— Языкъ сломаешь, пока выговоришь!

— Еще разъ объясните, Александръ Петровичъ!

Краевъ глядѣлъ безпомощно на этихъ говорившихъ разомъ предателей и чувствовалъ, что земля какъ будто колеблется подъ нимъ, и вотъ-вотъ все поплыветъ въ какое-то темное и страшное пространство, вродѣ чрева китова, которое безслѣдно проглотитъ и его, статскаго совѣтника, и третій классъ, и гимназію.

— А вы прошлый урокъ, Александръ Петровичъ, — солиднымъ, дѣловымъ басомъ сказалъ Колупаевъ, сидѣвшій на камчаткѣ.

Краевъ безнадежно махнулъ рукой.

— Вы и прошлаго не знаете!—стиснувъ зубы, съ раздраженіемъ сказалъ онъ.

— Знаемъ!—раздалось разомъ нѣсколько голосовъ.

— Я знаю!..

— И я...

— Меня хоть спросите, если не вѣрите... Даже обидно!— пробасилъ Колупаевъ, и классъ засмѣялся.

— Тсссс...

Учитель на минутку задумался. Требовалось нѣкоторое колебаніе хоть для приличія. Совѣтъ Колупаева, въ сущности, — практическій и благоразумный совѣтъ... Стыдно, конечно... Но... не онъ первый, не онъ—послѣдній. Директоръ, навѣрное, похвалитъ, лишь бы чисто было исполнено...

— Прошлый, говорите?—въ легкомъ раздумьи и не совсѣмъ увѣренно переспросилъ Краевъ.

— Конечно!

— Что-жъ, это идея... тсссс... тсссс.... И довольно плодотворная...

— Какъ же не плодотворная, Александръ Петровичъ, — опять послышался подвывающій басъ Колупаева, подъ смѣхъ класса: — мы вѣдь и для вашей пользы... Васъ тоже выдать не хочется. Выручимъ. О германскихъ горахъ сейчасъ разсказывайте, будто вновь, а объ Альпахъ хоть меня даже спросите... ей-Богу, знаю! А хорошіе ученики и вовсе...

Колупаевъ говорилъ очень резонно... Можетъ быть, поэтому именно онъ не всталъ, а лишь слегка приподнялся на своемъ мѣстѣ и руки держалъ въ карманахъ. Тонъ у него былъ теперь искренній и, хотя покровительственный но безъ примѣси шутовства. Просто тонъ старшаго товарища.

— Ну, хорошо. Готовьтесь.

Краевъ немножко стѣснялся, что высказалъ готовность такъ скоро, но время для размышленій и колебаній приходилось сократить въ виду надвигавшейся опасности.

— Буду разсказывать снова о германской возвышенности. Въ случаѣ, если придетъ попечитель,—лапы какъ можно чаще подымать! Знаешь—не знаешь, протягивай лапу! А я уже знаю, кого спросить... И не зѣвать!

Дружные, веселые голоса разомъ крикнули:

— Хорошо! Знаемъ ужъ!..

— Тсс... Колупаевъ! Въ случаѣ чего... руки въ карманахъ не держать...

— Это можно.

Краевъ сталъ разсказывать. Какъ филологъ по образованію, онъ былъ легковѣснымъ диллетантомъ въ географіи. Случайно кое-что подчиталъ и теперь вдохновенно началъ выкладывать за-разъ всѣ свои свѣдѣнія. Ему захотѣлось оживить чужеземныя незнакомыя названія, облечь ихъ въ плоть и кровь, и онъ дѣлалъ экскурсіи и въ записки Цезаря, и въ средневѣковыя легенды, и въ стихи Гейне. Вы-

ходило какъ будто не дурно. Классъ замеръ,—можетъ быть потому, что съ минуты на минуту ожидалось появленіе попечителя. Звонкая тишина непривычно ласкала слухъ. Краеву все-таки стало казаться, что онъ говоритъ убѣжденно, ясно, интересно,—и страхъ исчезнуть во чревѣ кита смѣнился постепенно самоувѣренностью.

Минутъ черезъ двадцать дверь класса распахнулась съ особой торжественностью на обѣ стороны и вошелъ старикъ со звѣздою, въ сопровожденіи директора гимназіи и еще двухъ незнакомыхъ лицъ въ вицъ-мундирахъ, съ орденами у галстуховъ. Желтое, китайскаго типа, лицо старика, съ небольшими, круглыми, глуповато удивленными глазами, было вовсе не страшное.

Помня наставленіе директора, Краевъ ринулся со стуломъ къ этому худому, высокому, слегка гнувшемуся старику. Старикъ сначала, какъ будто, оробѣлъ передъ его стремительностью, потомъ, видимо, оцѣнилъ усердіе и съ благодарностью пожалъ ему руку своими тонкими, кривыми пальцами. И сразу, при видѣ этого усталаго, нѣсколько измятаго, не выспавшагося человѣка, исчезло всякое волненіе и у Краева, и у ребятъ.

— Продолжайте, пожалуйста,—сказалъ старикъ слабымъ, робко ободряющимъ голосомъ и, согнувшись, усѣлся на стулѣ.

Краевъ сдѣлалъ коротенькое резюме о составѣ германской горной страны, неторопливо повторилъ страшныя названія. Въ одномъ мѣстѣ прервалъ свою рѣчь спокойнымъ и солиднымъ замѣчаніемъ:

— Колупаевъ, руку изъ кармана вынуть!

Колупаевъ, сосредоточенно чистившій свой носъ, посматривая на старика съ звѣздой, вскочилъ, будто подброшенный вверхъ гигантской пружиной, и снова сѣлъ, громыхнувъ старой, расшатанной партой. Сидѣвшій неподалеку отъ него, у стѣны, господинъ въ вицъ-мундирѣ и съ орденомъ подъ галстухомъ, не безъ робости покосился въ его сторону,—Колупаевъ былъ парень рослый и могуче сложенный.

Директоръ изъ-за спины попечителя усиленно и ободрительно моргалъ Краеву, кивалъ на карту головой и дѣлалъ какіе-то жесты пальцами. Краевъ такъ и не понялъ, что означала эта мимика.

— Теперь попрошу кого-нибудь изъ васъ повторить,—сказалъ онъ самымъ дѣловымъ и спокойнымъ тономъ:—ну, Корольковъ, положимъ... границы германской горной страны?..

Едва Корольковъ успѣлъ открыть ротъ, какъ Колупаевъ уже вытянулъ руку вверхъ, обнаруживая прорванный по

шву рукавъ. Потомъ поднялось еще нѣсколько рукъ. Краевъ не успѣвалъ задавать вопросовъ и тыкать пальцемъ по направленію желающихъ блеснуть познаніями. Пошла быстрая перестрѣлка вопросовъ и отвѣтовъ. Классъ оживился. Лица учениковъ были веселыя, бойкія, смышленыя, непринужденныя.

Попечитель посидѣлъ минутъ восемь или десять, потомъ всталъ.

— Хорошо, господа. Очень хорошо!—сказалъ онъ усталымъ голосомъ и вздохнулъ.

Прощаясь съ Краевымъ, онъ выразилъ и ему свое сановное благоволеніе частыми кивками головы и отрывистымъ мычаніемъ, въ которомъ нельзя было разобрать словъ. Дверь закрылась за сановникомъ и его свитой. Классъ зашевелился, весело заговорилъ, засмѣялся.

— Больше не придетъ?—спрашивали ученики.

— Не знаю. Едва ли..

— И не надо! На что онъ нуженъ? Все равно, не подловитъ... Обуемъ въ лапти.

И всѣмъ стало особенно весело отъ того, что такъ легко, оказалось, поднадуть этихъ важныхъ чиновныхъ людей, передъ которыми робѣли всѣ: директоръ, учителя и вся гимназія; при видѣ которыхъ благоговѣйно и подобострастно вытягивался въ квинту коварный извергъ Дементій Степанычъ и замиралъ даже швейцаръ, огромный человѣкъ, который могъ живьемъ проглотить любого ученика и, пожалуй, даже учителя...

X.

Съ десятокъ робкихъ фигуръ, экзаменовавшихся на званіе сельскаго учителя, аптекарскаго ученика и на классный чинъ, уже оставили залу. Борщевичъ разсказалъ нѣсколько еврейскихъ анекдотовъ. Они были всѣмъ извѣстны, но, за неимѣніемъ другого развлеченія, разсказчика поощрили дружнымъ смѣхомъ. Инспекторъ, предсѣдательствовавшій вмѣсто директора, который былъ приглашенъ вмѣстѣ съ попечителемъ на обѣдъ къ губернатору, смѣялся галопирующимъ лягушечьимъ хохоткомъ, похожимъ на отдаленное тарахтѣнье телѣги, переѣзжающей бревенчатый мостъ. Чувствовалось легко и весело: ревизія прошла, завтра начальство едва ли заглянетъ.

Когда собрались было уже закрыть засѣданіе,—пріѣхалъ директоръ и попросилъ остаться, чтобы выслушать сдѣланныя его п—ствомъ замѣчанія.

— Его п—ство остался доволенъ гимназіей...

Директоръ окинулъ учителей торжественнымъ взглядомъ. Онъ теперь уже не глядѣлъ озябшей куропаткой, которая нѣсколько часовъ назадъ товарищескимъ тономъ предупреждала о необходимости застегнуть пуговицы. Онъ снова былъ начальникъ—не столь, правда, подавляющаго величія, какъ обыкновенно,—ибо невидимое присутствіе другого болѣе высокаго начальства еще чувствовалось въ атмосферѣ актовой залы и затѣняло своими размѣрами фигуры меньшаго ранга,—но начальникъ тоже не лишенный важности и великолѣпія. Грузъ счастія, источникомъ котораго, несомнѣнно, являлось выраженное его п—ствомъ удовольствіе, былъ слишкомъ великъ для одного лица, хотя бы оно именно устaновляло, вдохновляло и держало въ опытныхъ рукахъ превосходный порядокъ гимназіи, хотя бы именно его, главнымъ образомъ, и озарили лучи благоволенія его п—ства. Изліянія просились наружу... Это чувствовалось. Улыбка удовольствія такъ и ползла изъ-подъ усовъ директора. Взглядъ, устремленный на смиренныя фигуры учителей, сіялъ неподдѣльнымъ благорасположеніемъ.

— Замѣтилъ его п—ство, между прочимъ, что на урокѣ математики въ седьмомъ классѣ одинъ ученикъ сидѣлъ облокотившись, и преподаватель не сдѣлалъ ему замѣчанія. Прошу васъ, господа, напоминать ученикамъ, что сидѣть они должны прямо или прислонившись къ спинкамъ партъ, но не развалясь.

Взоръ директора медленно и съ глубокою серьезностью обошелъ молчаливыя фигуры насторожившихся слушателей. Въ корридорѣ, со стороны директорскаго кабинета, внушительно кашлянулъ сторожъ Семенъ. Очевидно, подслушивалъ и тоже принималъ къ свѣдѣнію.

— Находитъ также его п—ство, что вызывать учениковъ къ каѳедрѣ не слѣдуетъ: большая потеря времени на переходъ туда и обратно. А гарантировать отъ подсказовъ и считываній этимъ способомъ все равно не удается. Чтобы классъ не дремалъ, рекомендовалъ задавать побольше летучихъ вопросовъ. Прошу, господа, обратить вниманіе... На урокѣ нѣмецкаго языка,—именно у васъ, Карлъ Оскарычъ...

Старикъ-нѣмецъ слегка приподнялся, заморгалъ глазами и опять сѣлъ.

...—Обратилъ вниманіе, что въ теченіе семи минутъ преподаватель три раза перемѣнилъ свое мѣсто въ классѣ: сначала стоялъ на серединѣ класса, затѣмъ перешелъ къ окну, затѣмъ сѣлъ за каѳедру... По мнѣнію его п—ства, преподаватель долженъ весь урокъ быть въ центрѣ класса. Чтобы не развлекать вниманія учениковъ, не долженъ размахивать

руками, переходить съ мѣста на мѣсто, садиться, вставать и т. д. Однимъ словомъ, быть въ центрѣ. Руки рекомендовалъ его п—ство держать такъ...

Директоръ привсталъ и опустилъ руки внизъ, къ швамъ брюкъ.

— И даже его п—ство находитъ, что, во избѣжаніе излишней жестикуляціи, слѣдовало бы указательный палецъ держать всегда на большомъ...

Онъ сложилъ пальцы въ щепотку и поднялъ руку вверхъ, какъ дѣлаютъ при клятвенномъ обѣщаніи.

— А въ общемъ, впечатлѣніе у его п—ства отъ гимназіи осталось превосходное... очень доволенъ... даже о недавнемъ инцидентѣ съ прокламаціями упомянулъ лишь вскользь... Духъ времени, говоритъ... И я, господа, очень радъ...

Поговорили еще о томъ, что слышно о новыхъ окладахъ Ничего не слышно. Его п—ству ничего опредѣленнаго неизвѣстно. Впрочемъ, война. Разсчитывать въ ближайшемъ будущемъ на прибавку трудно. Вотъ развѣ контрибуцію большую удастся взять? Но...

Повздыхали и рѣшили, что пора расходиться по домамъ. Стали прощаться. Когда Краевъ подошелъ къ директору, онъ отвелъ его въ сторону и сказалъ въ-полголоса:

— Васъ завтра попечитель проситъ къ себѣ. Къ четыремъ часамъ. Въ Сѣверную гостинницу. Такъ что вамъ нужно будетъ явиться минутъ за десять.

— Слушаю-съ.

Краевъ испытующе взглянулъ на директора, думая угадать по его лицу что-нибудь. Но онъ взоромъ хозяина наблюдалъ, какъ сторожъ Семенъ, вооружившись длинной трубкой, гасилъ лампы надъ столомъ.

— Честь имѣю кланяться,—почтительно сказалъ Краевъ, полагая своевременнымъ удалиться.

Директоръ опасливо оглянулся кругомъ. Семенъ уже вышелъ. Въ пустую залу вползъ полумракъ, на полу легли бѣлыя полосы электрическаго свѣта съ улицы. И въ казенномъ зданіи стало тихо, странно и загадочно-красиво. Портреты царей и министровъ смотрѣли со стѣнъ въ строгомъ молчаніи и терпѣливо ждали, когда, наконецъ, уйдутъ послѣдніе два собесѣдника.

— Я хочу съ вами откровенно поговорить, Александръ Петровичъ,—взявши Краева подъ руку, въ-полголоса заговорилъ директоръ:—и прошу васъ быть откровеннымъ. Вопросъ для васъ будетъ нѣсколько, можетъ быть, неожиданный...

Онъ сдѣлалъ длинную паузу. Изъ залы они вышли въ корридоръ, освѣщенный одной лампой, и прошли въ директорскій кабинетъ. Краеву нѣсколько трудно было шагать въ

ногу съ директоромъ: коротенькій начальникъ съ обычною своею священнодѣйственною важностью методически-размѣренно выносилъ одну ногу за другой. Когда они вступили въ кабинетъ, Краевъ вздохнулъ съ облегченіемъ, а директоръ молча, величественнымъ жестомъ, указалъ ему на стулъ.

— Я къ вамъ расположенъ... и хочу быть вамъ полезенъ,— продолжалъ онъ секретнымъ тономъ, садясь противъ Краева по другую сторону письменнаго стола,—и именно въ видахъ вашей же пользы прошу отвѣтить мнѣ откровенно...

Онъ немножко замялся, переложилъ съ мѣста на мѣсто прессъ-папье, потомъ, не глядя на Краева, заговорилъ еще тише, почти заворковалъ:

— Это—вопросъ о вашихъ политическихъ убѣжденіяхъ... Не случалось ли вамъ гдѣ-либо, въ бесѣдѣ съ учениками, рѣзко отзываться о правительствѣ?

Краевъ поднялъ брови. Вопросъ оказался, дѣйствительно, неожиданнымъ. Но не испугалъ, а скорѣй польстилъ. Всѣ двѣнадцать лѣтъ своей службы онъ сокрушался о томъ, что существованіе его безнадежно сѣро, незамѣтно, никому не интересно. Тщеславіе грызло его постоянно. Но вотъ, оказывается, кто-то интересуется имъ.

— „Политическія мои убѣжденія... Это звучитъ серьезно!.."

И онъ не могъ удержать широкой, глупо-довольной улыбки.

— Признаюсь, не помню, Іосифъ Семеновичъ, — сказалъ онъ, продолжая улыбаться: — думаю, что нѣтъ... Гдѣ же? Преподаю я больше въ младшихъ классахъ. Вы сами понимаете: кто-же станетъ пропагандировать среди первоклассниковъ, второклассниковъ, третьеклассниковъ?.. Я уже двѣнадцать лѣтъ на службѣ. Не юнецъ какой-нибудь! Имѣю чинъ статскаго совѣтника...

Онъ коротко засмѣялся. Директору хотѣлось показать, что вопросъ слишкомъ серьезенъ, чтобы столь легкомысленно относиться къ нему, и онъ не улыбнулся, а принялъ торжественно-холодный видъ.

— Можетъ быть, не въ классѣ, а дома? Или въ пансіонѣ? Или въ кадетскомъ корпусѣ? Не припомните ли?—старательно наводилъ онъ.

— Не думаю, Іосифъ Семенычъ. Случается, конечно: учащіеся поднимаютъ вопросы... Иной разъ замнешь: „не относятся къ дѣлу." А иной разъ, чтобы не конфузить своего званія, что-нибудь скажешь, но въ предѣлахъ умѣренности, разумѣется. За двѣнадцать лѣтъ я такъ привыкъ къ пріятностямъ 20-го числа, что рисковать ими ради краснаго словца... ни разу не рисковалъ! Хотите — вѣрьте, хотите—

нѣтъ... Увѣренъ, что фактовъ вы не имѣете никакихъ, иначе... едва ли бы стали и разговаривать со мной?..

Директоръ протяжно кашлянулъ и опустилъ глаза. Краевъ успѣлъ все таки на одно мгновеніе уловить лукавый огонекъ, пробѣжавшій въ нихъ.

— Ммм... видите... Мальчишки—вѣдь они какой народъ? Сто фразъ пропустятъ мимо ушей, а иную схватятъ и посвоему поймутъ. И на улицу вынесутъ. Или при родителяхъ иной скажетъ. А родители всякіе есть... Я бы совѣтовалъ вамъ быть особенно осторожнымъ. Тѣмъ болѣе, что вы такой предметъ преподаете—исторію. Иной разъ не слѣдуетъ, напримѣръ, сообщать того, что мы знаемъ по слухамъ. Хоть, скажемъ, о смерти какого-нибудь государя... императора Павла, напримѣръ.

— Обстоятельства смерти императора Павла извѣстны уже не по слухамъ. Кто теперь объ этомъ не знаетъ?

— Ну, да... конечно... можетъ быть, и не по слухамъ, да намъ-то языкъ за зубами надо держать. И вообще... Вотъ, вы въ учительской и вообще въ нашей средѣ иронически отзываетесь о распоряженіяхъ начальства. Это... какъ бы вамъ сказать... не совсѣмъ умѣстно. Не наше это дѣло—критиковать начальство... Наше дѣло — исполнять. А не нравится—никто никого силой не заставляетъ служить. Да... А тѣмъ паче, если гдѣ на сторонѣ выразитесь неосторожно,—кромѣ непріятностей ничего не наживете... Губернаторъ однажды справлялся о васъ. Будьте осторожнѣе...

— Постараюсь,—вздохнувши, сказалъ Краевъ, и тонъ у него сталъ грустный и растерянный. Теперь уже не такъ радовало его то обстоятельство, что онъ замѣченъ, не смѣшанъ съ безъимянной толпой. Извѣстность, оказывается, имѣетъ свои терніи.

— Я васъ попрошу о нашемъ разговорѣ никому не говорить,—прежнимъ таинственнымъ тономъ заговорилъ директоръ, подавая Краеву руку съ скрюченными пальцами:—чтобы это осталось между нами. Я счелъ лишь нужнымъ предостеречь васъ...

— Благодарю васъ.

— А урокъ вашъ очень понравился его п—ству,—добавилъ директоръ довольнымъ тономъ, идя за Краевымъ къ двери кабинета:—живо проведенъ... И отвѣчали такъ бойко...

Краевъ остановился.

— Хочу заплатить вамъ, Іосифъ Семенычъ, за откровенность откровенностью,—сказалъ онъ:—вѣдь я поднадулъ попечителя-то...

Директоръ испуганно посмотрѣлъ на Краева.

— То-есть?

— Разучивалъ заданный раньше урокъ, и отвѣчали они мнѣ его за новый.

— И отлично! — воскликнулъ директоръ одобрительно, почти радостно.—Что же тутъ такого? Отлично! Все хорошо, что хорошо кончается. Я, знаете, тѣмъ особенно доволенъ, что самообладаніе вы обнаружили удивительное. Спокойно такъ этому дураку замѣтили—Колупаеву: руку изъ кармана вынуть! Это—чудесно! Видно, что преподаватель зорокъ и держитъ классъ въ рукахъ...

— Да... Но рукъ-то Колупаевъ въ карманѣ не держалъ... онъ въ носу ковырялъ. Это ужъ такъ... слово подвернулось...

Директоръ разсмѣялся совсѣмъ весело.

— Что-жъ, и это... находчивость! Сказать: „не ковыряй въ носу“—не... удобно... вульгарно какъ-то... „А вынь руку изъ кармана“—это отлично! Нѣтъ, это вы хорошо...

Пустые корридоры гулко и долго повторяли шаги Краева, провожая его въ швейцарскую, и въ ихъ серьезномъ молчаніи чувствовалась стариковская усталость отъ всей этой мелкой суеты.

— „Вопросъ о вашихъ политическихъ убѣжденіяхъ... это звучитъ гордо. И ново... Учитель гимназіи и—политическое убѣжденіе! Прежде даже термина этого не существовало... Благонадеженъ – неблагонадеженъ, и только... Не угодилъ директору—неблагонадеженъ, подавай въ архивъ. А нынѣ ставятъ вопросъ о политическихъ убѣжденіяхъ и не сразу выгоняютъ... Да, мы подвинулись впередъ... Любопытно, однако, кто этотъ таинственный нѣкто, который интересовался мною, моимъ преподаваніемъ, а главное—моими политическими убѣжденіями? Повидимому, исподволь выслѣживалъ, накоплялъ свѣдѣньица и ждалъ удобнаго момента, чтобы погрызть... Директоръ? Но онъ пока мало заинтересованъ въ моемъ удаленіи... При содѣйствіи Авксентія Васильевича и Каллистрата Агаѳоныча онъ, конечно, превосходно освѣдомленъ о каждомъ моемъ шагѣ. Но... онъ просто не заинтересованъ... Родитель какой-нибудь? Есть добровольцы, есть, конечно... Но... что я, собственно, дѣлалъ, говорилъ? Плылъ по теченію, въ мѣру исполнительный, безцвѣтный, апатичный. Единственнымъ плюсомъ или минусомъ моимъ было то, что я не былъ свирѣпъ и, сознавая свои слабости, не угнеталъ учениковъ въ такой степени, какъ большинство моихъ сотоварищей, не издѣвался и не позволялъ издѣваться надъ евреями и прочими инородцами, какъ, напримѣръ, Кузнецовъ, который сдѣлалъ жидотрепаніе чуть не спеціальностью и слыветъ патріотомъ...“

Въ вестибюлѣ математикъ Глѣбовскій еще бесѣдовалъ съ швейцаромъ Ларіономъ, справлялся о предположеніяхъ

начальства на завтрашній день: Ларіонъ былъ освѣдомленный человѣкъ.

— Какъ думаете: будутъ завтра крокодилы-то?—спросилъ Глѣбовскій, выходя вмѣстѣ съ Краевымъ на подъѣздъ.

— Чортъ ихъ знаетъ,—сказалъ Краевъ дѣланно-небрежнымъ тономъ:—меня завтра къ себѣ требуетъ... къ четыремъ часамъ.

— Да ну?!

На лицѣ Глѣбовскаго изобразилось крайнее изумленіе, даже ужасъ. Онъ остановился.

— Сейчасъ директоръ сказалъ, — небрежно бросилъ Краевъ, чувствуя удовольствіе отъ эффекта, произведеннаго на Глѣбовскаго его словами.

— Во-отъ какъ! Не знаете, зачѣмъ?

— Не знаю.

— Либо директоромъ васъ хочетъ сдѣлать?

Это была завѣтная, недосягаемо-чудная мечта самого Глѣбовскаго, обремененнаго дѣтишками. Онъ уже не разъ толкался въ округѣ съ просьбами о повышеніи, объ инспекторскомъ мѣстѣ. Жилъ надеждами, гнулся, обивалъ пороги, работалъ, какъ волъ, нажилъ астму и пока, кромѣ неопредѣленныхъ обѣщаній, ничего не имѣлъ въ перспективѣ.

— Можетъ быть, и директоромъ,—посмѣиваясь, сказалъ Краевъ,—всѣ подъ Богомъ ходимъ.

— И подъ начальствомъ!.. Или въ Москву васъ переведетъ? А тамъ—дорога торная...

Глѣбовскій въ раздумьи покрутилъ головой.

— Это любопытно! Къ четыремъ часамъ? Любопытно!..

XI.

Ночь Краевъ спалъ неспокойно. Подъ утро приснились мѣдныя деньги,—непріятный сонъ. Въ гимназіи уже было извѣстно, что его вызываетъ попечитель, и онъ сталъ предметомъ особеннаго вниманія сотоварищей. Это льстило.

Однако, несмотря на беззаботный видъ, въ который онъ старательно драпировался, неясное волненіе — постыдное волненіе—медленно и властно охватывало его, отодвинуло на задній планъ всѣ обычныя мысли и заботы, отбило аппетитъ, связало языкъ и засѣло однимъ сверлящимъ, неотступнымъ, неопредѣленно трусливымъ вопросомъ:

— А ну, какъ?...

Обѣдалъ онъ плохо. Долго надѣвалъ свои регаліи, два раза умывался, собственноручно почистилъ брюки и форменный сюртукъ, при чемъ съ огорченіемъ отмѣтилъ, что

такой сюртукъ едва ли способенъ вызвать у начальства благосклонный взглядъ. Поупражнялся передъ зеркаломъ въ поклонахъ и тоже остался недоволенъ: не было ни грацiи, ни выдержки, ни спокойнаго достоинства... Послѣ нѣсколькихъ повторныхъ упражненiй, какъ будто, добился нѣкоторой свободы въ движенiяхъ и всетаки вышелъ изъ квартиры въ большомъ сомнѣнiи.

На улицѣ полы пальто его распахнулись, и Станиславъ, блестѣвшiй на груди рядомъ съ серебряной медалью, легкомысленно выглянулъ на Божiй свѣтъ. Краевъ поспѣшилъ закрыть его. Похвалиться нечѣмъ: за двѣнадцать лѣтъ только этого воробья первой степени и получилъ...

Въ гостинницу пришелъ онъ всетаки слишкомъ рано,— не за десять минутъ, какъ совѣтовалъ директоръ, а за двадцать. Лѣстница была нарядная, но пахла до одуренiя вареным масломъ и селедкой. Въ длинномъ, полутемномъ корридорѣ ходили, ожидая прiема, пожилая, убого одѣтая дама и мрачный господинъ въ узкомъ сюртукѣ, сѣдой, взъерошенный, съ листами бумаги въ рукахъ. Господинъ старался ступать по ковру тихо, но неуклюжiе сапоги его предательски стучали, видимо нарочно стараясь смутить его своею некорректностью.

Минуты ожиданiя тянулись томительно долго. Наконецъ, въ крайнемъ номерѣ раздался звонокъ. Корридорный вошелъ туда съ такимъ независимымъ видомъ, что Краеву стало завидно. Потомъ, черезъ минуту, вышелъ и, взглянувъ съ высокомѣрнымъ сожалѣнiемъ на взъерошеннаго господина и на Краева, пригласилъ въ номеръ даму. Потомъ постучалъ въ сосѣднiй номеръ и сказалъ:

— Четыре часа.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ этого номера большой, лохматый человѣкъ въ форменной тужуркѣ съ голубой генеральской подкладкой, одинъ изъ окружныхъ инспекторовъ,—Краевъ видѣлъ его на урокѣ. Заспанный генералъ посмотрѣлъ на него прищуренными глазами, съ усилiемъ припоминая что-то, и спросилъ:

— Вы къ попечителю?

— Да. Приказано явиться.

Инспекторъ заглянулъ въ номеръ попечителя, но тотчасъ же закрылъ дверь, увидѣвши тамъ просительницу. Пришелъ старый учитель приготовительнаго класса, котораго директоръ почему-то выживалъ изъ гимназiи. Окружной инспекторъ заговорилъ съ нимъ, и глаза его были опущены, а морщины, собравшiяся на лбу, съ скорбнымъ сочувствiемъ рекомендовали покорность судьбѣ.

— Не хочетъ и не надо! — съ напускной небрежностью

сказалъ старикъ, подходя къ Краеву послѣ разговора съ инспекторомъ:—попечитель самъ мнѣ говорилъ, лично говорилъ: я вамъ дамъ мѣсто, гдѣ угодно. А мнѣ изъ М. нельзя: у меня тутъ всѣ родственники, дѣти учатся. Значитъ, не желаетъ... Этакъ онъ можетъ не теперь, такъ черезъ мѣсяцъ что-нибудь найти за мной. Голяндовскаго выжилъ, не далъ дослужить... Мнѣ годъ остался до прибавки. И прибавки-то всего пять рублей. Ну, Богъ съ нимъ... Не хочетъ и не надо!..

Старикъ припудрился, накрасилъ волосы, облекся въ новый сюртукъ, и все это, вмѣстѣ съ его угнетеннымъ, больнымъ видомъ, повѣствовало о долгой, бѣдной, приниженной и робкой жизни, конецъ которой наступалъ теперь—съ обезпеченіемъ пенсіей въ 300 рублей. Прибавка за пятилѣтіе сверхъ пенсіоннаго срока—въ суммѣ 60 рублей—ускользала вонъ изъ рукъ, такъ какъ директоръ пріискалъ уже учителя болѣе трудоспособнаго и отказывалъ старику.

Было томительно и скучно ждать. Краевъ чувствовалъ упадокъ духа. Постыдное волненіе все больше охватывало его. Потѣли руки. Онъ ходилъ по ковру, вытирая ихъ платкомъ, старался пристыдить себя, пріободриться, быть спокойнымъ, но ничего не выходило.

— Вы давно въ М. служите?—спросилъ окружной инспекторъ, подходя къ Краеву. Ему тоже скучно стало ждать и молчать.

— Двѣнадцать лѣтъ.

— Неужели? А такой вы молодой...

Онъ окинулъ удивленнымъ взглядомъ его очень несвѣжій форменный сюртукъ съ ученымъ знакомъ на одной сторонѣ груди, съ Станиславомъ и медалью—на другой.

— Вы изъ историко-филологическаго института, кажется?

— Да.

— Латинскій языкъ преподаете?

— Нѣтъ. Исторію и географію.

— Ахъ, да, да... Помню, помню... Исторію... Помню вашъ урокъ, помню...

Окружному инспектору очень хотѣлось показать, что онъ помнитъ и Краева, и его урокъ, но Краеву ясно было, что особа его, со всѣми своими служебными достоинствами, уже исчезла изъ памяти начальства.

Наступила пауза. Оба не знали, о чемъ говорить, обоимъ было скучно, оба стояли другъ противъ друга съ глупыми, недоумѣвающими лицами.

— Какъ здѣсь тихо въ М., благодать!—грустно сказалъ инспекторъ.

Въ это время изъ номера попечителя вышла дама, и онъ,

радостно кивнувъ головой Краеву, пошелъ въ номеръ. Минутъ черезъ пять онъ вернулся и дружескимъ тономъ сказалъ ему:

— Пожалуйте.

Краевъ вошелъ. Въ головѣ мелькнула мысль, что непремѣнно надо не забыть—поклониться съ тѣмъ изяществомъ, какого онъ достигъ въ послѣдній разъ передъ зеркаломъ. Выдержка и спокойное достоинство прежде всего... Онъ шаркнулъ. И тотчасъ же сконфузился: слишкомъ громко щелкнулъ каблуками, точно бравый полицеймейстеръ. Руки стали совсѣмъ влажны отъ волненія.

— Что за подлая натура!—съ ненавистью подумалъ онъ о себѣ.

Желтое, квадратное, китайскаго склада, лицо попечителя мелькнуло въ его глазахъ, въ глубинѣ комнаты. Онъ пошелъ къ нему. Попечитель чуть-чуть привсталъ и подалъ ему руку такимъ жестомъ, какъ будто разжималъ ее и показывалъ, что въ ней есть.

— Да... ну... присядьте, пожалуйста, — заговорилъ онъ тихо, какъ бы конфузясь.

Краевъ сѣлъ. Онъ старался держаться прямо, но не зналъ, куда дѣть руки. Послѣ нѣкотораго раздумья, онъ вытянулъ ихъ на колѣняхъ, вспомнивъ, что такъ дѣлалъ Кузнецовъ,— а онъ зналъ толкъ въ этихъ вещахъ. Волненіе сразу улеглось, и Краевъ спокойно ждалъ, о чемъ заговоритъ попечитель. А попечитель тянулъ паузу, и было неловко за него.

Потомъ онъ кашлянулъ и, держа правую руку съ тонкими, согнутыми пальцами противъ своей груди, началъ робко и запинаясь:

— Бесѣда наша будетъ носить... э-э... предварительный характеръ... Я не имѣю въ виду... ммм... э-э... говорить вамъ оффиціально. Но я хотѣлъ спросить васъ... провѣрить отчасти... э-э...

Онъ всталъ и за спиной Краева пошелъ къ двери и тщательно закрылъ ее. Краевъ не зналъ, сидѣть ему или встать. Рѣшилъ сидѣть и смотрѣть въ одну точку. Но въ спинѣ чувствовалась неловкость отъ того, что за ней двигался сановникъ, и хотѣлось оглянуться. Можетъ быть, онъ думаетъ: „вотъ дуракъ, сидитъ, а я за нимъ дверь притворяй“. Можетъ быть, даже смѣется. Неловко.

Попечитель опять подошелъ и сѣлъ противъ него.

— И я прошу васъ, чтобы это осталось втайнѣ...—продолжалъ старикъ съ запинками и видимо затрудняясь въ выраженіяхъ: — До меня дошли свѣдѣнія... э-э... мм... изъ родительскихъ круговъ... Повторяю, что я не придаю имъ значенія, такъ какъ они не... не ясны, не... неопредѣленны...

о томъ, что вы отрицательно вліяете на молодежь старшихъ классовъ, соприкасаясь съ нею во внѣурочное время... развиваете... э-э... отрицательные взгляды на государственный порядокъ... Повторяю, что мои свѣдѣнія... очень шатки, и я не придаю имъ... э-э... какого-либо серьезнаго значенія... Но я хочу предупредить васъ. Вѣдь теперь такое время, что молодежь наша и безъ того слишкомъ отрицательно настроена...

Попечитель всталъ и пошелъ къ окну, чтобы закрыть форторку. Краевъ опять почувствовалъ неловкость въ спинѣ, не зная, встать ему или сидѣть. Всталъ. Постоялъ нѣсколько мгновеній, соображая, что дѣлать дальше, помочь ли его п—ству закрыть форточку, или ограничиться безмолвнымъ созерцаніемъ его стараній. Ощущеніе неловкости изъ спины перешло въ колѣни.

— Сидите, сидите, пожалуйста... — сказалъ попечитель, возвращаясь на свое мѣсто.

И когда они оба сѣли, онъ прибавилъ:

— Вотъ я и хотѣлъ выслушать отъ васъ... э-э... объясненія ваши...

И умолкъ. Краевъ пождалъ, не скажетъ ли онъ еще что-нибудь. Нѣтъ, молчитъ. Значитъ, ждетъ объясненія. Надо говорить.

— Ваше п—ство!..—началъ Краевъ.

И съ удивленіемъ услышалъ чужой, незнакомый сиплый голосъ, голосъ человѣка, страдавшаго отъ тяжкаго похмѣлья. Ужаснулся и началъ откашливаться, чтобы прочистить горло и убѣдить его п—ство, что онъ совершенно трезвъ былъ наканунѣ.

— Приписываемое мнѣ воздѣйствіе на молодежь—для меня новость. По совѣсти сказать, вниманію—радъ, такъ какъ вниманіе нашему брату, учителю, рѣдко удѣляется. Но вниманіе въ этомъ направленіи со стороны родительскихъ или иныхъ круговъ—не заслуженно...

Слава Богу, голосъ слегка прочистился, даже зазвенѣлъ. Жаль, что однѣ теноровыя ноты... А былъ баритонъ! „Вліяніе психическихъ факторовъ на человѣческую рѣчь",—вспомнилось ему заглавіе статьи или книжки, проплыло передъ глазами и скрылось за бортомъ попечительскаго жилета.

— Внѣ классовъ соприкасаться съ учащимися—у меня рѣшительно нѣтъ времени: я заваленъ уроками... Достаточно соприкосновенія съ ними и въ классахъ, чтобы избѣгать его дома. Преподаю преимущественно въ младшихъ классахъ. На урокахъ не обходилъ иногда вопросовъ общественныхъ,—этого избѣгать, казалось мнѣ, не слѣдуетъ,—но трактовалъ ихъ въ самомъ благонамѣренномъ духѣ. Не

настолько я наивенъ, чтобы пропагандировать отрицательные взгляды среди младенцевъ...

Къ удивленію, рѣчь его складывалась свободнѣе, чѣмъ рѣчь попечителя: текла болѣе плавно. Онъ не мычалъ, не заикался, не сучилъ передъ своимъ носомъ руками, какъ это дѣлалъ попечитель,—и чѣмъ дальше говорилъ, тѣмъ спокойнѣе и увѣреннѣе становился. Даже, какъ будто, боевой духъ заигралъ гдѣ-то тамъ, внутри,—и одно мгновеніе онъ готовъ былъ сказать въ заключеніе своихъ объясненій:

— И, въ концѣ концовъ, мнѣ въ высокой степени наплевать и на ваши родительскіе круги, и даже на ваше п—ство!

Но, вмѣсто этого, сказалъ:

— Теперь, конечно, буду умнѣе и въ сторону отъ урока никуда не отвлекусь...

— Нѣтъ!—мягко возразилъ попечитель:—я тоже, господа, не сторонникъ и такого взгляда—„моя хата съ краю"...

Краевъ, изображавшій своей особой „господъ", къ которымъ обращался попечитель, хотѣлъ сдѣлать поясненіе, но его важный собесѣдникъ быстро и горячо продолжалъ:

— Не надо уклоняться отъ разсужденій съ молодежью! Не надо, господа! Скорѣй надо самимъ искать случая... э-э-э... наводить ихъ... Мнѣ кажется, наша отечественная исторія представляетъ достаточно матеріала для этого... чтобы вселить любовь... къ исконнымъ началамъ... э-э... къ престолу и... вообще ко всему русскому..

— Смѣю увѣрить, ваше п—ство, что въ младшихъ классахъ, гдѣ я преподаю, ученики настроены высоко патріотически...

Онъ хотѣлъ прибавить: „и изъ патріотизма дуютъ своихъ товарищей—жиденятъ и нѣмцевъ", но воздержался.

— Ахъ, вы не преподаете въ старшихъ классахъ?

— Никакъ нѣтъ.

Попечитель остановился въ нѣкоторомъ затрудненіи, точно придумывая, что бы можно было рекомендовать для младшихъ классовъ, но ничего не придумалъ.

— Такъ вотъ, я вамъ хотѣлъ сказать это...—проговорилъ онъ, вздыхая съ облегченіемъ.—Нужна осторожность въ словахъ. Иной разъ... э-э... промахнешься какъ-нибудь и... да... вотъ... Повторяю еще разъ: я хотѣлъ предупредить васъ... э-э... предостеречь... и не придаю значенія сообщенному мнѣ.

Онъ развелъ руками, желая что-то еще сказать, но не сказалъ. Грустный и усталый взглядъ стараго человѣка съ плохимъ желудкомъ, съ вставными челюстями, одержимаго разными болѣзнями и недомоганіями, остановился на не-

опредѣленной точкѣ въ пространствѣ. Краевъ подумалъ, что будь опредѣленнѣе свѣдѣнія, полученныя этимъ старичкомъ, на видъ такимъ добрымъ и мягкимъ, ему едва ли бы поздоровилось. И вспомнилъ исторію одного учителя сосѣдней губерніи, котораго этотъ самый добрый, мягкій старичекъ выгналъ со службы за то, что въ сочиненіи одного ученика о древней Греціи была выражена мысль, что республика есть самый совершенный политическій строй, а учитель не доложилъ объ этой ереси директору.

— Урокъ вашъ мнѣ понравился... живо проведенъ,— сказалъ попечитель, вставая.

Краевъ поклонился.

— Желаю отъ души вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

Краевъ пошелъ къ двери. Въ зеркалѣ, мимо котораго онъ проходилъ, мелькнуло покраснѣвшее лицо, довольно жалкое, взволнованное... Чувствовалось что-то приниженное въ фигурѣ, въ глазахъ, въ орденахъ, робко и сиротливо болтавшихся на груди. И Краеву стало больно и стыдно за себя.

За дверью стояла, въ ожиданіи пріема, уже значительная толпа. Мелькнуло впереди всѣхъ знакомое румяное, фарисейски преданное лицо директора прогимназіи. Быстро, никому не кланяясь, Краевъ прошелъ мимо, къ выходу.

— Обласкалъ!—иронически утѣшалъ онъ самъ себя.— Чего-жъ больше желать? Не выгналъ со службы, отечески поговорилъ, далъ наставленіе... А чего стоило выгнать?... Обласкалъ, не выгналъ. Какой гуманный человѣкъ!.. Мягко предупредилъ, участливо вырѣзалъ мозгъ, напоилъ сердце ядовитою горечью униженія, добавилъ къ рабьему существованію нѣкоторое количество пугливыхъ оглядокъ и... только. Въ другой разъ, можетъ быть, разговоръ выйдетъ короче. Скажетъ: безъ огня дыму не бываетъ...

О, какая подлая, презрѣнная жизнь! Паскудный страхъ, боязнь лишиться этого жалкаго куска хлѣба скоро заполнитъ все существованіе, изгонитъ изъ него послѣднюю искорку поэзіи, благородства, свободной мечты, самоуваженія... Сѣрая пустота безразличія, лицемѣрная благонадежность, затаенная ненависть, нескончаемая мгла... Безцѣльное, безсмысленное, безвыходное существованіе!..

А затѣмъ? Развѣ невозможна эволюція? Одинъ шагъ до попытки обѣлить себя. Подличать, надѣть маску лицемѣрія, поклянчить, раскаяться?.. Вѣдь онъ не безъ способностей— въ особенности среди своихъ, достаточно тупыхъ коллегъ по гимназіи. А ренегатовъ награждаютъ. Еще выплывешь наверхъ. И даже не безъ эффекта.

Онъ пришелъ на квартиру, посмотрѣлъ въ зеркало (оно

отразило некрасивое, растерянное, съ глубокими нервными складками около губъ, лицо)—и сѣлъ во всѣхъ своихъ регаліяхъ, при шпагѣ, къ столу. Сердце жгуче тосковало. Хотѣлось заплакать, „заревѣть коровой"... О чемъ? Неясная, безсильная мысль неподвижно стояла на чемъ-то обидномъ, безконечно скорбномъ, но не умѣла лишь сказать, на чемъ... Личныя неудачи были не такъ ужъ велики. Увядшія мечты онъ уже раньше оплакалъ,—не на что надѣяться въ 35 лѣтъ. И твердилъ себѣ въ послѣдніе годы о своемъ ничтожествѣ, отсутствіи мужества, называлъ себя неудачникомъ и лишнимъ человѣкомъ.

Съ каждымъ годомъ, мѣсяцемъ, даже днемъ ему становилось горше и томительнѣе отъ сознанія, какъ скудна и бѣдна его мысль, какъ позорно-робко и смирно его сердце, постыдно-велика привязанность къ тѣмъ ничтожнымъ удобствамъ, которыя даетъ казеннаая служба...

Онъ сжалъ себѣ лицо руками и, дѣйствительно, заплакалъ. Но слезы были скупыя и не давали облегченія. Хотѣлось громко рыдать надъ проклятой загадкой жизни—такъ, чтобы сердца равнодушныхъ людей сжались хоть разъ отъ созерцанія чужой боли и безпомощности! И пожаловаться Богу... на Бога! О, если бы онъимѣлъ сильныя, жесткія, пылающія слова! Онъ излилъ бы всю тоску сердца, обманутаго въ надеждахъ и ожиданіяхъ, отчаяніе духа, смутно грезившаго о трудѣ и борьбѣ, но позорно погрязшаго въ бездѣльи и трусости, преклонившагося передъ невѣжествомъ и сытою тупостью...

Но не было ни огня, ни словъ, ни смѣлости...

Ѳ. Крюковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

СВОБОДА.

Во мглѣ и ужасѣ промчавшихся вѣковъ,
Гдѣ каждый шагъ впередъ живою купленъ кровью,
Одинъ прекрасный лучъ дразнилъ мечты бойцовъ,
Враждою зажигалъ и вдохновлялъ любовью.
И больше за него пролйто крови, слезъ,
Чѣмъ за другіе всѣ дары и блага міра!

Но гордый ли Дантонъ на плаху шею несъ,
Рубила-ль головы Кромвелева сѣкира,—
Все тотъ же надъ землей носился горькій стонъ,
Все люди въ даль рвались за правдою и свѣтомъ,
И призрачно мерцалъ лазурный счастья сонъ,
Такъ внятно шепчущій безумцамъ и поэтамъ...

. . . .

И съ каждой битвою и съ каждой жертвой новой,
Какъ будто, глубже мракъ надъ бездной вѣковой,
Острѣе и больнѣй язвитъ вѣнокъ терновый,
Нахальнѣе телецъ сверкаетъ золотой...

Пловцы, далекъ вашъ путь надъ глубиной бездонной,
Съ стихіей и судьбой лишь начатъ гордый споръ!
Чѣмъ выше и грознѣй хребетъ волны вспѣненной,
Тѣмъ больше новыхъ безднъ смущенный видитъ взоръ.
Какъ страшно впереди!.. Наивный дѣтскій лепетъ—
Всѣ грозы прежнихъ дней... На днѣ своихъ могилъ,
Увѣнчанныхъ хвалой, почувствуете трепетъ
Вы, славные герои Ѳермопилъ!
И ты, желѣзный Брутъ, и Гракхъ, и Телль суровый,—
Орлы, любившіе свободу, будто мать,—
Вы поняли-бъ борцовъ любви и правды новой?
Намъ руку братскую могли-ль бы вы подать?..

И благо, если судъ потомства справедливый,
Неумолимый судъ—и насъ не упрекнетъ
За то, что наша мысль орлицею пугливой
Безсильно падала съ заоблачныхъ высотъ!..

П. Я.

Повѣсти прошлой жизни.

III.

Разгромъ.

Таганрогскій провалъ отозвался и у насъ въ Черкасскѣ. Чье-то письмо перехватили. Кого-то арестовали, кто былъ знакомъ съ нашимъ хозяиномъ. Нашъ хозяинъ былъ человѣкъ, еще ни разу не видѣвшій жандармовъ, и ему стало страшно. Онъ не говорилъ намъ ничего, но по ночамъ ему не спалось. Онъ лежалъ и все прислушивался къ шуму за воротами. Намъ тоже было не по себѣ, ибо мы не знали, откуда идетъ провалъ. Невѣдомая опасность хуже всего на свѣтѣ. Черезъ два дня мы рѣшили ликвидировать типографію и уѣхать въ Екатеринославъ.

Екатеринославъ съ самаго начала былъ центромъ нашей организаціи. Тамъ имѣлъ мѣсто нашъ первый съѣздъ. Мы надѣялись и теперь найти тамъ товарищей, или, по крайней мѣрѣ, вѣрныя вѣсти о нихъ. Оржиха въ это время въ Черкасскѣ не было, хотя Устя этого не знала. Насъ было трое — Коганъ, я и еще третій, наборщикъ Антонъ.

Мы разобрали станокъ, изломали кассы. Жалко было ихъ ломать. Мы ихъ дѣлали съ такимъ стараніемъ. Одинъ чемоданъ набили свѣжими номерами «Народной Воли», которые мы успѣли во время вывезти изъ Таганрога, другой новыми брошюрами нашего собственнаго издѣлія. Самая большая наша драгоцѣнность былъ шрифтъ. Мы закопали его въ землю, какъ когда-то бѣглые люди закапывали червонцы, и уѣхали изъ Черкасска. Антонъ уѣхалъ въ Одессу, на свой заводъ.

Мы съ Коганомъ, чтобы миновать Таганрогъ, поѣхали кружнымъ путемъ на Звѣрево и по Донецкимъ линіямъ. Помню, что поѣзда были, по русской системѣ, такъ искусно пригнаны одинъ къ другому, что въ одномъ мѣстѣ намъ пришлось ожидать $23^1/_2$ часа до слѣдующаго поѣзда,—очередной поѣздъ ушелъ по росписанію за полчаса до нашего пріѣзда.

Съ Лозовой Коганъ свернулъ на югъ. Я поѣхалъ въ Екатеринославъ одинъ на развѣдки. Мы условились, что если все благополучно, то я вызову Когана телеграммой въ Екатеринославъ.

Въ Екатеринославѣ я нашелъ Оржиха. На него было страшно смотрѣть. Черный, сухой, съ воспаленными глазами, въ широкомъ пальто съ чужого плеча. Увы, у насъ не хватало денегъ, чтобы покупать себѣ пальто прямо изъ лавки!

Меня ужасно злило, что у насъ не стало типографіи. То были двѣ, а теперь ни одной. Но Оржихъ даже не отвѣчалъ на такія рѣчи. Онъ пересталъ думать о типографіи, а думалъ о мести. Онъ строилъ проекты самые дерзкіе, экстравагантные. Скоро и я отъ него заразился тѣмъ же. Кажется, только въ эти нѣсколько дней въ насъ жило истинно-революціонное чувство.

Помню, по ночамъ я долго не могъ заснуть, все думалъ о нашемъ безсиліи и о силѣ врага. Иногда, съ отчаянія, я принимался мечтать на странныя темы. — Если бы я былъ волшебникъ, или Богъ, или дьяволъ,—сейчасъ бы уничтожилъ такихъ-то и такихъ-то людей, и рука бы не дрогнула. Надъ моей постелью былъ вдѣланъ въ потолкѣ крюкъ для лампы, и я говорилъ себѣ:— Если бы моя сила, я перекинулъ бы веревку черезъ этотъ крюкъ. Поставилъ бы кресло и посадилъ бы ненавистнаго врага, надѣлъ бы ему веревку на шею и потянулъ бы черезъ крюкъ тихонько, не торопясь. Самъ, сѣлъ бы за столъ, чай сталъ бы пить и въ глаза ему смотрѣть.

— Ну-ка, поговоримъ! Долго ты будешь нашу кровь пить?—И потянулъ бы за веревку.

— Что, нравится?.. Скажи, дай отвѣтъ!..

Кромѣ Оржиха, изъ нашего центральнаго кружка въ Екатеринославѣ жила Настасья Наумовна Шехтеръ. Вмѣстѣ съ нею въ одной квартирѣ жила Вѣра Гассохъ. Другихъ не было. Мы разослали письма въ Харьковъ и Одессу, приглашая товарищей пріѣхать и обсудить положеніе вмѣстѣ съ нами. Организація погибала, ее нужно было спасать.

Я, всетаки, не пересталъ думать о типографіи. Свои чемоданы съ литературой я увезъ въ подгородную деревню, гдѣ у насъ было знакомство и квартира. Тамъ, при посредствѣ «летучки», я припечаталъ сапожной щеткой на своихъ брошюрахъ извѣщеніе: «Такого-то числа арестована въ Таганрогѣ типографія, а въ ней такія-то лица». Въ сущности говоря, это было извѣщеніе orbi et urbi, т. е. жандармамъ и публикѣ: «Не думайте, господа!.. У насъ есть еще одна типографія».

Въ то же самое время, съ согласія Оржиха, я извѣстилъ Когана и Антона, приглашая ихъ явиться въ Екатеринославъ. Намъ нужно было устроить что-нибудь получше сапожной щетки.

Написавъ письма, мы стали ждать. Прошелъ день и два, на другой день къ вечеру пришли два письма, одно изъ Одессы, другое изъ Харькова. Мы «проявили» одесское письмо нашимъ пахучимъ составомъ, потомъ стали его расшифровывать. Шифръ былъ страшно спутанъ: *прсст.* Уже это одно было зловѣщимъ признакомъ. Письмо, очевидно, писали небрежно, впопыхахъ. Наконецъ, при помощи передвижного ключа я началъ расшифровывать, какъ

слѣдуетъ: *ар*; *аре*; *арес*; *арест*... Я выронилъ письмо изъ рукъ. Впрочемъ, вечеромъ мы прочли оба письма. Они говорили объ арестахъ. Пріѣхать было некому.

Въ эту ночь мы трое долго ходили по улицѣ,—Оржихъ, Настасья Наумовна и я,—и все не рѣшались разстаться. На насъ надвигалось изъ бездны близкое будущее. Оно было черное, какъ яма, и тяжелое, какъ кошмаръ.

Мы почти осязали его и невольно жались въ кучку и не хотѣли расходиться.

Разговоры наши были жуткіе. Мы говорили объ арестѣ, о Петропавловской крѣпости, о будущихъ допросахъ, о возможности тайной переписки. И о самихъ себѣ мы говорили, какъ о покойникахъ. Потомъ мы разошлись. Настасья Наумовна пошла на свою квартиру, Оржихъ пошелъ ночевать къ Михаилу Полякову, а я къ другому молодому человѣку, назовемъ его хотя бы Дмитріемъ Ребровымъ. Онъ, кажется, такъ и не былъ арестованъ.

У Реброва была только одна кровать. Мы пробовали уступать ее одинъ другому, а кончили тѣмъ, что стащили тюфякъ и одѣяло на полъ и улеглись рядомъ. Я усталъ за день и, противъ обыкновенія, сейчасъ же заснулъ.

Спалъ я долго и крѣпко, потомъ внезапно почувствовалъ, что въ комнатѣ есть кто-то посторонній, и быстро проснулся. Было утро, въ комнатѣ было свѣтло. Въ дверяхъ стояла молодая незнакомая барышня и говорила: «Не пугайтесь; ночью арестовали Оржиха и Маленькаго. Оржихъ стрѣлялъ».

«Маленькій» была кличка Михаила Полякова. Наше вчерашнее предчувствіе начало осуществляться.

Я вскочилъ и одѣлся, потомъ сѣлъ думать, но мысли не приходили. Оржиха арестовали, Настасью Наумовну тоже арестуютъ. Я одинъ. Еще недавно у насъ былъ цѣлый дружный кругъ. Мы рѣшали дѣла сообща. Теперь я одинъ и не знаю, что дѣлать. Сегодня днемъ должны явиться Антонъ и Коганъ, но явка тоже провалилась. Надо ихъ предупредить, чтобы они не попали въ засаду. Въ шести верстахъ въ деревнѣ лежитъ «литература», послѣднее достояніе и наслѣдство нашего общества. Надо ее выручить и увезти. Куда—не знаю. На сѣверъ везти, ибо на югѣ уже никого не осталось. А на сѣверѣ я никого не знаю. Со временъ студенчества я не былъ на сѣверѣ ни разу. Знаю адреса, но кто изъ нихъ цѣлъ и кого забрали? Господи, зачѣмъ ты меня оставилъ на волѣ? Лучше бы меня тоже арестовали вмѣстѣ съ другими.

Время шло, надо было думать скорѣе, куда-то идти, спасать, что можно.

Я ничего не сказалъ Реброву, но мое чувство передалось ему безъ словъ. Онъ махнулъ рукой и сказалъ:—«Эхъ, хоть бы и насъ арестовали вмѣстѣ!»

Послѣ того на досугѣ я часто вспоминалъ объ этихъ трудныхъ дняхъ и все прикидывалъ.—Если бы меня арестовали вмѣстѣ съ Оржихомъ, я попалъ бы на судъ и угодилъ бы на каторгу. Или

быть можетъ, меня послали бы въ Якутскъ, годомъ раньше, вмѣстѣ съ друзьями моими, съ Гаусманомъ, Фундаминскимъ и Михаиломъ Гоцомъ, съ Настасьей Шехтеръ и Коганомъ-Бернштейномъ. И тогда я угодилъ бы въ Якутскую исторію, и судьба моя была бы, какъ судьба Гаусмана и Когана-Бернштейна.

А теперь вышло такъ, что ихъ кости давно сгнили въ землѣ, а я вотъ живъ и даже пережилъ освободительную эпоху. Мнѣ сорокъ два года отъ роду, и мнѣ кажется иногда, что я прожилъ вѣки Маѳусаиловы, цѣлыхъ три человѣческихъ жизни, одну за другой...

Поляковъ жилъ въ комнатѣ у одного мѣщанина. Я бывалъ у него каждый день. и хозяинъ хорошо зналъ меня въ лицо. Надо было хоть немного измѣнить свою наружность.

Я зашелъ въ цирюльню и сбрилъ бороду, потомъ купилъ на базарѣ высокіе сапоги, чамарку, поясъ, картузъ, и нарядился мелкимъ торговцемъ. Думаю, впрочемъ, что я былъ больше похожъ не на торговца, а на чучело.

Прежде всего надо было узнать о Настасьѣ Наумовнѣ. Я отыскалъ одну нейтральную барышню и послалъ ее на развѣдки съ запиской. Настасья Наумовна ожидала ареста съ минуты на минуту. Но она отвѣтила мнѣ, что не хочетъ стать нелегальной и предпочитаетъ провалиться. У меня не хватило духу возражать на это унылое рѣшеніе. Мѣсяцемъ ранѣе Игнатъ Слезкинъ тоже наотрѣзъ отказался стать нелегальнымъ и предпочелъ отправиться къ жандармамъ на допросъ. Время тогда было особенно тяжелое для нелегальныхъ. Иные, поскитавшись съ полгода или съ годъ, сами являлись къ начальству съ просьбой объ арестѣ. Какъ разъ въ то время бѣжалъ изъ Сибири Иваницкій. Онъ явился къ намъ, посмотрѣлъ на наши дѣла и отошелъ въ сторону. Мѣсяца черезъ четыре онъ явился для ареста къ московскимъ жандармамъ. Его послали на старое мѣсто доканчивать срокъ. Онъ докончилъ срокъ, вернулся на родину и потомъ сталъ земскимъ гласнымъ и виднымъ мѣстнымъ дѣятелемъ, освобожденцемъ и кадетомъ.

Въ недавніе дни онъ былъ депутатомъ первой думы, подписалъ выборгское воззваніе и теперь находится подъ судомъ.

Цѣлый день я проходилъ по городу. Послѣ ареста Оржиха начальство всполошилось.

Надо было ловить остальныхъ злоумышленниковъ и для этой цѣли разослать шпіоновъ по городу, но шпіоновъ въ городѣ было мало. Къ нимъ на подмогу разослали переодѣтыхъ жандармовъ. Одного изъ нихъ я зналъ въ лицо. Это былъ высокій, рыжій, хорошо упитанный мужчина, похожій на краснаго кота, который вышелъ на мышиную ловлю. Я встрѣтилъ его раза два на улицѣ и тотчасъ же узналъ. Надо было держать ухо востро.

Хуже всего было то, что я не зналъ, въ которомъ часу пріѣдутъ Коганъ и Антонъ, и мнѣ приходилось почти къ каждому поѣзду являться на вокзалъ и разсматривать публику.

Я былъ на вокзалѣ четыре раза, и съ каждымъ разомъ у меня становилось все тяжелѣе на душѣ.

— Всѣхъ забрали и этихъ заберутъ, и ничего не подѣлаешь.

Мнѣ самому тоже мерещился арестъ.

Каждый разъ, когда я выходилъ на улицу, мнѣ казалось, что за мной шпіоны крадутся, кто-то заходитъ сзади и сбоку, изъ переулка.

Я торопливо бралъ извозчика, уѣзжалъ на другой конецъ города, нырялъ въ сквозные дворы и въ разные узкіе проходы. Потомъ вспоминалъ: къ чему все это? Пусть заберутъ, чортъ съ ними. И изъ какого-нибудь глухого закоулка опять отправлялся на вокзалъ.

Страшные были часы, не дай Богъ пережить никому.

Что-то сломилось въ душѣ и потомъ понемногу срослось, но уже не по прежнему.

Антонъ пріѣхалъ только на слѣдующій день и чуть не попалъ въ засаду. Коганъ пріѣхалъ вечеромъ, но въ избыткѣ предосторожности слѣзъ съ поѣзда на ближайшей станціи и дошелъ до города пѣшкомъ. Оттого я его и не могъ встрѣтить на вокзалѣ. Въ городѣ онъ тоже угодилъ на квартиру, уже извѣстную полиціи. Впрочемъ, оба они благополучно выбрались изъ тисковъ и остались цѣлы безъ моего участія.

Идти въ пятый разъ на вокзалъ было слишкомъ страшно. Кромѣ того, время уходило и надо было спасать послѣднее достояніе. Я нанялъ подводу и поѣхалъ въ знакомую деревню.

Тамъ я забралъ свои чемоданы съ «Народной Волей» и, чтобы не возвращаться въ Екатеринославъ, поѣхалъ обходомъ по проселочной дорогѣ на станцію Никополь.

Распутица уже началась. Раза два мои чемоданы падали въ грязь. Самъ я тоже падалъ.

Добравшись до желѣзной дороги, я направился въ Харьковъ. На станціи Синельниково пришлось ожидать часа четыре. И тутъ я увидѣлъ, что переодѣтые шпіоны вовсе не есть созданіе моего воображенія. Группа жандармовъ и «штатскихъ» внезапно окружила одного пассажира и принялась обыскивать его багажъ.

У него тоже были два чемодана съ какими то книжками и картинками.

Онъ все повторялъ, что онъ книгоноша, ѣдетъ въ Изюмъ торговать книгами.

— Ага, книгами!—хмуро сказалъ жандармскій офицеръ, руководившій обыскомъ.—Вотъ мы посмотримъ!

Публика стояла кругомъ и молча смотрѣла. Ее никто не отгонялъ. Я тоже стоялъ вмѣстѣ съ другими.

Мнѣ показалось, что борода книгоноши похожа на ту, которую я недавно сбрилъ съ своего собственнаго лица.

Во время обыска у одного изъ «штатскихъ» внезапно свалился на землю плохо приклеенный усъ. Публика слегка засмѣялась, вѣжливо, чтобы не обидѣть начальства. Онъ подобралъ свой усъ,

положилъ въ карманъ и потомъ продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, рыться въ чужихъ вещахъ.

Книгоношу увели вмѣстѣ съ его багажомъ. Кажется, ему пришлось просидѣть довольно долго. По крайней мѣрѣ, черезъ полтора года, когда я уже благополучно сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, меня допрашивали: какое отношеніе имѣетъ къ южной организаціи книжный торговецъ, арестованный на станціи Синельниково?

Жандармы называли его фамилію: сколько помнится, Алексѣевъ.

Въ Харьковѣ я отыскалъ Андрея Бражникова, который уцѣлѣлъ отъ ареста, передалъ ему часть литературы и получилъ отъ него деньги, кажется, рублей полтораста. Одинъ молодой человѣкъ получилъ наслѣдство въ тысячу рублей и отдалъ его «на революцію». Это былъ первый взносъ.

Послѣ того я поѣхалъ дальше. Мой планъ былъ заѣзжать по дорогѣ во всѣ большіе города, въ Курскъ, Орелъ, Тулу; потомъ добраться до Москвы и разыскать тамъ, кого можно, чтобы вмѣстѣ заложить новую организаціонную ячейку.

Въ Курскѣ на вокзалѣ я имѣлъ довольно странное приключеніе, которое, впрочемъ, обошлось благополучно. Одинъ изъ своихъ чемодановъ съ «Народной Волей» я обыкновенно сдавалъ въ багажъ, другой оставлялъ на храненіе у носильщика. Нумеровъ десять или пятнадцать бралъ съ собою для раздачи. Въ Курскѣ я сдѣлалъ то же самое и остановился, какъ водится, у ссыльныхъ. Они въ то время только начинали появляться въ русскихъ городахъ, но мѣстами уже давали опорные пункты для разведенія крамолы. Черезъ двѣ ночи я собрался поѣхать дальше, но курская публика заявила запросъ еще на десятокъ номеровъ «Народной Воли». Ихъ нужно было достать на вокзалѣ изъ чемодана. Одинъ изъ знакомыхъ отправился вмѣстѣ со мною на вокзалъ. Я, впрочемъ, на всякій случай предложилъ ему идти отдѣльно. Пуганая ворона и куста боится.

— Если ничего не случится, я подойду къ вамъ на перронѣ.

Когда я вошелъ въ багажную контору и спросилъ мой второй чемоданъ, оставленный у носильщиковъ, они посмотрѣли на меня какъ-то странно. Не успѣлъ я обернуться, какъ рядомъ со мной выросъ жандармъ, сухой и необычайно длинный. Потомъ другой и третій. Кругомъ насъ сомкнулся полукругъ носильщиковъ и разныхъ служащихъ и прижалъ насъ къ самой стойкѣ. Чемоданъ мой очутился на стойкѣ передъ моими глазами.

— Готово,—подумалъ я.—Теперь самъ попался на мѣсто книгоноши.

Длинный жандармъ посмотрѣлъ на меня испытующимъ взоромъ.

— Это вашъ чемоданъ?

Я немного замялся.

— Ну, мой!

— Вашъ?

— Да, мой!

— Вправду, вашъ?

Я чуть не крикнулъ:—Господи, да не тяните!

— Нѣтъ, это не вашъ чемоданъ!..

Изъ толпы носильщиковъ выдвинулась фигура и стала разсказывать невѣроятную исторію. Фигура назвалась носильщикомъ изъ города Харькова. Харьковскій носильщикъ разсказывалъ:

Три дня тому назадъ передъ вечернимъ поѣздомъ я оставилъ у него свой чемоданъ. Въ то же самое время какой-то пріѣзжій офицеръ тоже оставилъ чемоданъ. Оба чемодана были очень похожи. Носильщикъ впопыхахъ перепуталъ и мнѣ далъ офицерскій чемоданъ, а мой далъ офицеру. Офицеръ съ моимъ чемоданомъ уѣхалъ въ гостинницу, но потомъ оказалось, что его ключъ не открываетъ моего чемодана. Тогда офицеръ вернулся на вокзалъ и сталъ обвинять носильщика въ подмѣнѣ и кражѣ чемодана. Носильщика хотѣли арестовать, но онъ отпросился для поисковъ и поѣхалъ мнѣ въ догонку. По багажной квитанціи онъ узналъ, что я ѣду въ Курскъ. Въ Курскѣ онъ обходилъ всѣ гостинницы, но нигдѣ не могъ меня найти; теперь, наконецъ, дождался.

Съ перваго разу я счелъ этотъ разсказъ неискусной выдумкой. Потомъ посмотрѣлъ внимательно на носильщика и на чемоданъ, но не могъ ничего узнать. У носильщика была бляха съ буквами К.-Х.-Ж., но и у мѣстныхъ носильщиковъ были точно такія же бляхи. Чемоданъ былъ сѣрый, холщевый, очень грязный и обвязанный веревкой. Мой, или не мой? Я купилъ свой чемоданъ въ Черкасскѣ передъ отъѣздомъ и мало помнилъ ихъ примѣты. Чортъ его знаетъ. Каждый годъ дѣлаютъ тысячи точно такихъ же чемодановъ. Пойди, узнай...

— Я сейчасъ достану ключъ!

Я сунулъ руку въ карманъ и сдѣлалъ видъ, что никакъ не могу отыскать ключа.

— Мои ключи у брата. Я пойду, ихъ сейчасъ принесу.

Отпустятъ меня, или не отпустятъ? Если не лгутъ, то должны отпустить... Да, отпустили, и никто не идетъ сзади. Я вышелъ изъ конторы и пошелъ по перрону. Знакомецъ мой было устремился мнѣ навстрѣчу, но увидѣлъ мое лицо и тотчасъ же стушевался. Онъ, очевидно, понялъ, что не все благополучно. Я вышелъ за ворота, пошелъ по улицѣ и сталъ думать.

Что теперь дѣлать, выручать или бросить? И какъ выручить? Безъ обыска не обойдется. А я совсѣмъ запутался и не знаю, гдѣ мой чемоданъ, а гдѣ чужой. Знаю только одно: въ моемъ чемоданѣ на самомъ виду зіяютъ крупные заголовки: «Народная Воля», полуприкрытые холстиной. Только начальство раскроетъ, тутъ и капутъ.

А ежели бросить, то куда я пойду? И что есть у меня, кромѣ этихъ чемодановъ? Все провалилось и погибло, только остались эти черные заголовки... Если ихъ бросить начальству, это измѣна. Нѣтъ, лучше провалиться, защищая послѣднее. Пусть заберутъ и меня на придачу. Съ пустыми руками, одинъ, я тоже не многаго стою.

Черезъ пять минутъ я былъ опять въ конторѣ и пробовалъ свой ключъ надъ сомнительнымъ чемоданомъ. Замокъ отпирался, но плохо. Теперь мнѣ тоже казалось, что это не мой чемоданъ. Но заглядывать внутрь у меня не было желанія.

— А гдѣ же мой чемоданъ?

— Остался въ Харьковѣ,—отвѣчалъ носильщикъ.

— Ахъ ты чортъ,—сказалъ я сердито.—Тамъ тебя арестовали за офицерскій чемоданъ, а здѣсь за мой.

— Не сердитесь, баринъ,—тотчасъ же сдался носильщикъ,—вашъ чемоданъ на главной станціи.

Въ Курскѣ двѣ станціи, главная и городская. Мы находились на городской.

— Ну, поѣдемъ!

Мы сѣли въ мѣстный поѣздъ и поѣхали на главную станцію. Носильщикъ никакъ не могъ успокоиться.

— Я черезъ васъ три дня потерялъ,—повторялъ онъ.

— Почему черезъ меня?

— А какъ же, вы торопили меня въ Харьковѣ передъ поѣздомъ.

Я припомнилъ, что это была правда. Я пріѣхалъ ко второму звонку и очень торопился.

Я немного подумалъ, потомъ досталъ изъ кармана бумажникъ. Въ бумажникѣ у меня была довольно толстая пачка мелкихъ кредитокъ, недавно полученныхъ отъ Бражникова.

Носильщикъ увидѣлъ деньги и сразу растаялъ.

Я спряталъ бумажникъ обратно.

— Если вправду мой грѣхъ, я заплачу тебѣ пять рублей.

Носильщикъ сталъ благодарить.

— А какъ это будетъ съ чемоданомъ?—спросилъ я небрежно.

— А такъ, что начальство посмотритъ. У кого что есть, тому и отдадутъ.

Я покачалъ головой:

— Не люблю я съ начальствомъ дѣла имѣть.

Тонъ моего голоса былъ очень искренній.

Поѣздъ подошелъ къ станціи.

— Ну, ты, пойди, устрой! Я буду сидѣть въ первомъ классѣ. Когда все будетъ готово, позовешь меня.

Носильщикъ ушелъ и минутъ черезъ десять явился снова.

— Пожалуйте, купецъ!

Скрѣпя сердце, я пошелъ въ другую багажную контору. Тамъ была толпа, еще больше, чѣмъ въ первый разъ. Жандармскій капитанъ, багажный надсмотрщикъ, еще какое-то начальство. Жандармы, носильщики. Оба сомнительныхъ чемодана лежали рядомъ на полу, освобожденные отъ веревокъ.

Но теперь я уже ясно различалъ, который мой, который чужой.

Я всталъ на колѣни передъ проклятыми чемоданами, досталъ изъ кармана ключъ.

— Вотъ мой ключъ, вотъ два чемодана. Слѣва мой, справа

чужой. Вотъ, мой ключъ плохо отмыкаетъ правый чемоданъ, хорошо отмыкаетъ лѣвый чемоданъ. Въ лѣвомъ чемоданѣ два отдѣленія. Въ одномъ отдѣленіи мое платье, прикрытое рогожкой, въ другомъ—мое бѣлье, прикрытое холстиной.

Я распахнулъ чемоданъ, показалъ начальству рогожку и холстину, но остерегся показать предполагаемое «платье», потомъ быстро закрылъ чемоданъ и повернулъ ключъ.

— Носильщикъ, завяжи!

Помнится, я даже руками сдѣлалъ жестъ, какъ у плохого фокусника послѣ удачнаго фокуса.

— Неси въ вагонъ!

Начальство смотрѣло на всю эту процедуру съ равнодушной скукой. Кажется, если бы у меня въ чемоданѣ былъ спрятанъ автомобиль или военное судно, тоже никто бы не замѣтилъ.

Въ вагонѣ я отдалъ носильщику пять рублей.

— Еще пять рублей надо,—сказалъ онъ сурово.

Я безпрекословно досталъ еще одну синюю бумажку.

Не знаю, за кого онъ меня принялъ, за шуллера или за контрабандиста.

Черезъ десять минутъ я мирно сидѣлъ въ вагонѣ, съ газетой въ рукахъ. Поѣздъ мчался на сѣверъ. Но читалось мнѣ плохо. Время отъ времени я протягивалъ руку и щупалъ самъ себя за колѣно. Сошло благополучно—и я живъ, и чемоданы цѣлы. Значитъ, еще не все погибло, еще мы поживемъ на бѣломъ свѣтѣ!

Разгромомъ южной организаціи кончается исторія «Партіи Народной Воли».

Нуженъ былъ еще эпилогъ. Его создали два послѣднихъ кружка, московскій и петербургскій. Это были кружки учащейся молодежи, безъ «директивъ изъ центра», безъ «руководителя», но надо отдать имъ справедливость. Они съумѣли вдохновиться грозными завѣтами боевого комитета, минуя нашу дряблость, и нашли въ себѣ силу вписать на послѣднюю страницу героической лѣтописи яркія строки, достойныя ея начала. Исторія не захотѣла, чтобы великая трагедія закончилась вялою прозой и приберегла для конца два заключительныхъ эпизода, рельефныхъ и внезапныхъ. И вмѣстѣ съ мартовскимъ дѣломъ 1887 года, съ этимъ *вторымъ* дѣломъ *перваго* марта, исторія «Народной Воли» пріобрѣла кругообразность и превратилась въ циклъ.

Въ петербургскомъ кружкѣ я зналъ немногихъ; въ кружкѣ московскомъ я зналъ всѣхъ. Благодаря Зубатову, этотъ кружокъ провалился слишкомъ рано и не успѣлъ ничего сдѣлать. Но онъ принесъ свою горечь и ярость въ Якутскую пустыню и, въ противность прецендентамъ, далъ свою главную битву тамъ, далеко, по ту сторону Рубикона, и встрѣтилъ гибель. И эхо этой гибели прокатилось громче, чѣмъ взрывы захваченныхъ бомбъ, разряжаемыхъ начальствомъ. Ибо въ исторіи, какъ въ природѣ, ничто не

пропадаетъ даромъ, ни сила, ни матерія, ни жуткій трепетъ гнѣва, ни одинокая гибель. Все оставляетъ свой знакъ и созидаетъ наслѣдство.

Писать о томъ, что было въ Москвѣ до нашего ареста, не входитъ въ мою задачу. Не было ничего яркаго. Яркое было потомъ, въ Якутскѣ и въ Акатуѣ.

Но теперь, черезъ двадцать лѣтъ, передъ глазами моими проходятъ длинные ряды моихъ бывшихъ товарищей, и я все задаю себѣ вопросъ: кто же, въ концѣ концовъ, проигралъ и кто выигралъ?

Многіе изъ нихъ умерли рано, но я не говорю о нихъ, ибо они—какъ листья, облетѣвшіе весною. Миръ праху ихъ, они ничего не чувствуютъ. Я говорю о живыхъ, или о тѣхъ, кто были живы еще вчера.

На первомъ планѣ стоитъ блѣдное лицо Михаила Гоца. Ему прострѣлили грудь въ Якутской бойнѣ, и онъ никогда не могъ оправиться отъ раны. Но онъ дождался своего и вернулся изъ Якутска и имѣлъ рѣдкое удовлетвореніе отдать свою неистраченную силу на воскрешеніе стараго завѣта при измѣнившихся условіяхъ. Что нужды, если тѣло его умерло потомъ отъ медленной муки. Всѣ мы умремъ рано или поздно. Никто не уцѣлѣетъ. Только то уцѣлѣетъ, во что мы вложили свое душевное творчество.

И на другой сторонѣ стоитъ фигура... Настоящее имя называть непріятно. Назову его хотя бы Григорій Васильевъ. Онъ былъ изъ того же круга, что и Гоцъ, но его во время выслали на родину, на Кавказъ, и оттого онъ не дошелъ до Якутска. И мало-по-малу Григорій Васильевъ пересталъ быть крайнимъ, потомъ сталъ умѣреннымъ, сдѣлался чиновникомъ, редакторомъ оффиціозной газеты...

И въ 1905 году, когда всѣ бывшіе ссыльные и бывшіе люди, и даже покойники въ гробѣ, справляли короткій праздникъ русскаго освобожденія, Григорій Васильевъ занимался ожесточенной полемикой съ оппозиціонными газетами, и онѣ тоже не оставались въ долгу. Чей жребій лучше, даже съ личной точки зрѣнія?

Три четверти изъ нашего круга попали въ тюрьму, и въ ссылку, и на каторгу. Но четверть уцѣлѣла. Развѣ имъ жилось лучше, чѣмъ намъ? Разскажу пару біографій. Вотъ мой близкій пріятель, назовемъ его Алексѣй Починковъ. Онъ былъ такой чистый и честный, слегка болѣзненный и готовый на всякія жертвы. Но когда насъ забрали, онъ остался на волѣ. Кончилъ юридическій факультетъ, женился и попалъ адвокатомъ прямо въ Баку, въ мазутъ. Бакинская жизнь стала съ нимъ шутить свои нефтяныя шутки. Первое выгодное дѣло, которое ему досталось, былъ процессъ армянина Хачкосова противъ другого армянина, сосѣда по нефтяному участку. Хачкосовъ оплошалъ и умеръ. Тогда сосѣдъ, не долго думая, собралъ ингушей, напалъ на участокъ Хачкосова и захватилъ его, чтобы установить свое право владѣнія. Мой Починковъ остался единственнымъ попечителемъ малолѣтнихъ дѣтей Хачкосова, сталъ хлопотать по судамъ. Но ему сказали, что лучше

всего отплатить той же монетой, собрать ингушей и отбить участокъ обратно.

Починковъ сталъ упираться. Но знающіе люди сказали: «Тогда дѣти Хачкосова пойдутъ по міру». Починковъ хотѣлъ отойти въ сторону, но вдова Хачкосова плакала и хватала его за руки. И онъ сказалъ себѣ, что отойти въ сторону подло. Кончилось тѣмъ, что на четвертую ночь конторщикъ собралъ ингушей. Было очень темно. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Ингуши сѣли на лошадей. Починкову тоже подвели коня. До этой поры онъ никогда не садился даже на карусельную лошадь. Теперь его усадили верхомъ почти насильно и, чтобы онъ не упалъ, связали ему ноги подъ брюхомъ лошади. Въ такомъ видѣ онъ сталъ во главѣ отряда ингушей и отбилъ участокъ.

Потомъ пошли еще такія же дѣла, и мало по малу въ душѣ Починкова образовались два круга: внутренній, чистый и хрупкій, какъ стекло, изъ прежнихъ воспоминаній и сожалѣній и даже надеждъ,—и наружный, жесткій и крѣпкій, съ черной сажей, съ пепломъ, съ налетомъ нефти. Оба круга не уживались и боролись другъ съ другомъ, и лѣтъ черезъ десять въ итогѣ явилась чахотка. Я встрѣтилъ Починкова въ прошломъ году въ Крыму, въ Алупкѣ. Онъ носитъ въ карманѣ желѣзный стаканчикъ и поминутно сплевываетъ въ него кровавую слюну, а потомъ разсматриваетъ на свѣтъ. Есть ли чему позавидовать въ этой жизненной карьерѣ, по сю сторону Рубикона?

Еще одна біографія, несложная и мрачная. Андрей Филипповъ тоже кончилъ юристомъ, поступилъ на службу, сталъ судебнымъ слѣдователемъ въ Казанской губерніи; осенью попалъ на слѣдствіе въ глухую татарскую деревушку и заразился оспой. Три недѣли пролежалъ въ татарской избѣ безъ всякаго ухода, но всетаки выздоровѣлъ, не умеръ. Только лицо у него стало все въ рубцахъ, и одинъ глазъ вытекъ. Онъ дослужился теперь до члена суда, но живетъ одиноко и зачѣмъ живетъ—кажется, и самъ не знаетъ. Скажутъ, что это случайность, но вся жизнь есть связь такихъ случайностей.

Друзья Андрея Филиппова попали въ Якутскую бойню, а онъ въ Казань. Поводомъ къ Якутской бойнѣ послужила черная оспа, которая ожидала ссыльныхъ по дорогѣ изъ Якутска въ Колымскъ. Но развѣ казанская оспа чѣмъ-нибудь лучше колымской? Друзья Андрея Филиппова, по крайней мѣрѣ, протестовали. Онъ избралъ свою судьбу добровольно и не могъ протестовать. Чей же жребій лучше и чей хуже?

Каждое поколѣніе людей имѣетъ общую судьбу и общую свободу. И если часть попадаетъ въ гранитную башню, эта башня бросаетъ тѣнь поперекъ всѣхъ дорогъ и улицъ и всѣ двери глядятъ, какъ тюремныя двери, и некуда уйти, и всѣ люди начинаютъ дѣлиться только на два разряда: на сторожей и арестантовъ.

Легче всего, быть можетъ, тѣмъ, которые дали сердцу волю, хоть на короткое время.

IV.

Невольничій корабль и сибирскій клоповникъ.

Этапную дорогу въ Сибирь много разъ описывали. Я не стану повторять этихъ описаній. Разскажу только два эпизода о Камскомъ невольничьемъ кораблѣ и о сибирскомъ клоповникѣ. И то, и другое одинаково невѣроятно. И теперь, перебирая свои воспоминанія, я съ трудомъ могу допустить, что это дѣйствительно было. Боюсь также, что у меня словъ не хватитъ для надлежащаго описанія. Разскажу, какъ сумѣю.

Въ городѣ Нижнемъ насъ сняли съ поѣзда и посадили на арестантскую баржу. Нашъ пароходъ тащилъ двѣ баржи. Обѣ были большія, грузныя, и онъ могъ подвигаться только черепашьимъ шагомъ. Обѣ баржи были до крайности переполнены людьми. Съ тѣхъ поръ мнѣ привелось видѣть многое—эмигрантскіе корабли, манчжурскія теплушки, даже холерные бараки, но ничего подобнаго я никогда не видѣлъ.

На нашей баржѣ было пятьсотъ мѣстъ. На нее сразу посадили семьсотъ человѣкъ. Всѣхъ ихъ помѣстили внизу въ трюмѣ. Палуба была черная, окруженная проволочной сѣткой. Туда никого не пускали, согласно инструкціи. Она была похожа на пустой звѣринецъ, грязный и скользкій, ни разу не чищенный. Въ Казани къ намъ посадили еще двѣсти человѣкъ, и въ Чистополѣ еще сто и въ Сарапулѣ полтораста. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ по дорогѣ къ намъ подваливали все новыя партіи живого арестантскаго товару. Какъ будто все прикамское населеніе надо было переслать въ Сибирь и какъ можно скорѣе.

Въ трюмѣ не стало мѣста. Человѣческая плѣсень залила всѣ кладовыя и товарные склады, потомъ вылилась на палубу, противно инструкціи, вмѣстѣ съ грязными портянками, соломенными подушками, сѣрыми халатами и прочей рухлядью. Особенно круто пришлось намъ въ послѣднюю ночь до Перми. На палубѣ тоже не хватило мѣста. Пятьсотъ человѣкъ лежали въ повалку или, точнѣе говоря, не лежали, а сидѣли скорчившись и опираясь на свои котомки. Даже пройти было негдѣ. Матросы и прислуга на каждомъ шагу наступали на чьи-нибудь руки или головы. На всю эту армію было единственное отхожее мѣсто. Оно не запиралось ни ночью ни днемъ. Стѣны его были вымазаны жидкой смолой, чтобы воспрепятствовать желающимъ обтирать свои пальцы объ дерево. Ночью и днемъ у этой открытой двери стоялъ хвостъ кандидатовъ, какъ передъ кассой въ театрѣ. Они проходили по очереди и поощряли другъ друга шутливо и мрачно: «веселѣй, торопися!»

Если въ аду для грѣшниковъ передъ смолянымъ озеромъ тоже установлена очередь, они, должно быть, поощряютъ другъ друга точно такими же шутками.

На всѣхъ четырехъ углахъ палубы стояли часовые. Они шатались отъ усталости и отъ одуряющей вони и опирались на ружья, чтобы не упасть.

Внизу въ трюмѣ никто не спалъ.

Люди лежали, откинувшись навзничь, стонали и скрежетали зубами. Лампы гасли отъ духоты. Даже ругаться ни у кого не было силы. Только цѣпи звенѣли, какъ единственный голосъ, еще не угасшій въ истомѣ, желѣзный, скрипучій и бездушный. Въ черной тьмѣ наша баржа подвигалась вверхъ по Камѣ, какъ огромная груда человѣческихъ отбросовъ, пропитанныхъ заразой.

Только одинъ разъ я видѣлъ нѣчто подобное. Это было на Черномъ морѣ осенью, во время снѣжной бури. Она подхватила насъ у Батума и три дня бросала и трепала наше судно. Лишь на четвертое утро мы подплыли къ Новороссійску. Насъ встрѣтилъ Нордъ-Остъ и не далъ намъ войти въ гавань. Всѣ наши палубы совсѣмъ обледенѣли. Даже во второмъ классѣ былъ сибирскій холодъ. А между тѣмъ, на большой средней палубѣ, совершенно открытой, было четыреста турокъ, крестьянъ и чернорабочихъ. Они были полураздѣты и почти совсѣмъ закоченѣли. Они жались, какъ овцы, другъ къ другу и все лѣзли въ общую кучу, въ средину, ибо въ срединѣ было теплѣе. Вмѣсто покрывала имъ бросили парусъ. Но толпа была шире паруса, и этотъ обрывокъ холста все время странствовалъ съ мѣста на мѣсто, перетягиваемый закостенѣлыми руками въ борьбѣ за послѣднюю искру тепла. Потомъ, когда мы пристали, наконецъ, къ берегу, двадцать человѣкъ пришлось снести на рукахъ и отвезти въ больницу.

Я помню, эта картина напомнила мнѣ почему-то арестантскую баржу. У насъ на баржѣ тоже были больные и пострадавшіе. Мы оставляли ихъ по дорогѣ въ каждомъ уѣздномъ городѣ: сдадимъ пятнадцать больныхъ, возьмемъ полтораста здоровыхъ.

Для насъ, политическихъ, нашлось всетаки отдѣльное мѣсто въ какомъ-то чуланчикѣ подъ рубкой. Этотъ чуланчикъ служилъ аптекой, больницей, амбулаторіей и родильнымъ покоемъ. Въ его стѣнкахъ были вдѣланы внутренніе ящики, наполненные склянками. Это по части аптеки. Отъ стѣны до стѣны тянулись короткія нары. На этихъ нарахъ могли лежать больные или родильницы, по мѣрѣ надобности. Мѣстъ на нарахъ было восемь, а насъ къ этому времени стало одиннадцать, въ томъ числѣ двѣ женщины. Мы отгородили для нихъ часть помѣщенія ситцевой занавѣской, а сами забрались на свою сторону наръ и расположились, какъ могли. Двери наши были открыты настежь, какъ всѣ другія двери на этомъ невольничьемъ кораблѣ. Долго мы ворочались и не могли уснуть; потомъ уснули, положивъ другъ другу головы на плечо, какъ дикіе гуси въ степи. И вдругъ среди насъ протиснулось съ наружной стороны что-то длинное, бѣлое, полное крика. Мы всполошились и стали вскакивать. Это была родильница. Сонные сторожа, не долго думая, принесли ее сюда, на привычное мѣсто. Родильница, не теряя времени, принялась тутъ же рожать. Изъ нашихъ дамъ одна оказалась акушеркой. Насъ выжили вонъ изъ родильнаго покоя, и дамы стали хлопотать около измученной женщины.

Не помню, какъ и гдѣ мы провели остатокъ этой ночи.

Вотъ какъ перевозили арестантовъ по Камѣ въ доброе старое время.

Сибирскій клоповникъ былъ въ нѣсколько иномъ родѣ. Описывать его противно, но изъ пѣсни не выкинешь слова.

Мы прибыли въ Красноярскъ довольно поздно, и насъ задержали при пріемкѣ. Потомъ оказалось, что ни одна тюрьма не хочетъ насъ принять. Начальство посовѣщалось и велѣло насъ отвести въ арестантскія роты. Это было большое низкое зданіе, человѣкъ на пятьсотъ, но теперь совершенно пустое. Его слегка ремонтировали, но еще не кончили ремонта. Въ немъ пахло плѣсенью, мѣломъ и еще чѣмъ-то острымъ, какъ будто щелокомъ или горчицей. Мы какъ то чуяли, что не все ладно, но начальство утѣшало насъ, что зато мѣста много, и вся тюрьма въ нашемъ распоряженіи. Мы расположились по двое. Я былъ вмѣстѣ съ моимъ другомъ Бреговскимъ. Камера намъ досталась огромная. На нарахъ можно было хоть въ чехарду играть. Кругомъ стѣнъ на половинѣ высоты шла красноватая полоска. Это былъ слѣдъ раздавленныхъ насѣкомыхъ. Партіи, проходившія мимо, изо дня въ день прибавляли свой вкладъ, и вышла какъ будто черта, проведенная масляной краской. Мы, впрочемъ, не обратили на нее особаго вниманія. Почти на каждомъ этапѣ было то же самое.

Спать намъ еще не хотѣлось, несмотря на усталость. Мы поставили казенную лампу на середину наръ, достали по книжкѣ и легли въ растяжку, головами къ лампѣ, а ногами врозь. Оба мы занимались языками, я—итальянскимъ, а Бреговскій—англійскимъ, и почему-то этотъ первый часъ въ огромномъ тюремномъ сараѣ показался намъ весьма пригоднымъ для занятій. Кругомъ лампы на нарахъ былъ свѣтлый кружокъ. И очень скоро въ этомъ кружкѣ проползло что то маленькое, красное. Первый клопъ. Я схватилъ его и бросилъ въ лампу и даже головы не поднялъ. Мы привыкли не смущаться изъ-за такой бездѣлицы.

Второй клопъ. Теперь очередь Бреговскаго. Нѣсколько минутъ проходитъ въ молчаніи. Мы читаемъ иностранныя книги и ловимъ клоповъ, бросая ихъ въ лампу. Только пламя потрескиваетъ каждую секунду.

Мало по малу начинаетъ пахнуть паленымъ. Лампа коптитъ, и пламя убавляется. Мы отбрасываемъ книги и принимаемся за изслѣдованіе. Давно пора. Внутри стекла, какъ будто, налитъ ободокъ расплавленнаго сургуча. Онъ движется и шуршитъ. Это клопы. Ихъ такъ много, что они не успѣли всѣ сгорѣть. Половина еще живетъ и корчится подъ дѣйствіемъ огня.

Это клопы плѣнные, а кругомъ насъ клопы свободные. Ихъ полчища, они ползутъ со всѣхъ сторонъ. Одни вылѣзаютъ изъ угловъ и изъ разныхъ щелей. Другіе падаютъ съ потолка. Вотъ одинъ упалъ прямо въ лампу, вспыхнулъ и сгорѣлъ. Даже подбирать не нужно.

Надо признаться, что мы даже испугались. У Щедрина есть

описаніе, какъ во время политической смуты клопы съѣли Дуньку Толстопятую, но мы считали это обычнымъ шаржемъ. Теперь передъ нами былъ воочію щедринскій клоповникъ. Ибо эти клопы привыкли питаться кровью тысячъ и успѣли проголодаться во время ремонта. А насъ здѣсь было не больше десятка во всей тюрьмѣ.

Мы соскочили съ наръ и принялись отряхиваться. Еще одинъ клопъ упалъ мнѣ на шею. Я подбѣжалъ къ двери и сталъ стучать. Время было послѣ повѣрки, и по тюремному уставу всѣ двери были заперты замками.

— Что надо?

— Клопы заѣдаютъ.

Часовые стали смѣяться.—Это у насъ такая домашняя скотинка.

Но намъ было не до смѣха. Во всѣхъ камерахъ ожесточенно стучали въ дверь.

— Совѣтника сюда. Не можемъ сидѣть. Насъ заѣдятъ на смерть.

Началась ругань, но времена были еще довольно простыя и патріархальныя, и минутъ черезъ двадцать совѣтникъ явился въ тюрьму. Онъ подошелъ къ нашей камерѣ, которая первая начала стукъ, и началъ «обкладывать по-русски»,—впрочемъ, не насъ, а такъ, въ пространство...

Мы чесались, топали ногами по полу и стучали въ дверь.

— Постойте, я вамъ покажу!—возопилъ, наконецъ, совѣтникъ не своимъ голосомъ.—Откройте дверь.

Солдаты открыли дверь и вошли, стуча сапогами. Мы шарахнулись назадъ. Теперь мы были между двухъ огней. Сзади—клопы, а спереди вооруженная сила.

Совѣтникъ храбро вошелъ вмѣстѣ съ солдатами.

— Я вамъ покажу... Тьфу, что это?..

Онъ поднесъ руку ко лбу. Что то упало ему на голову съ потолка. Ибо клопы не разбираютъ, кто совѣтникъ и кто арестантъ.

— Клопы!—вопіяли мы въ одинъ голосъ.—Не можемъ сидѣть.

Совѣтникъ утихъ и сконфузился:

— Вы такъ бы и говорили, — сказалъ онъ совсѣмъ миролюбиво.—Я сейчасъ васъ переведу въ другое мѣсто.

На другое утро я заболѣлъ крапивной лихорадкой. По словамъ доктора, моя болѣзнь произошла отъ безчисленныхъ укушеній. Потомъ я не могъ отъ нея избавиться нѣсколько лѣтъ.

Если кому покажется, что въ этомъ правдивомъ разсказѣ есть преувеличеніе, я совѣтую ему отправиться въ Красноярскъ и испытать самому. Я убѣжденъ, что все осталось по прежнему: арестантскія роты и красный ободокъ вокругъ стѣнъ и даже совѣтникъ. Ибо это такія основы русской жизни, которыя скоро не мѣняются. Даже конституція будетъ, и та ихъ не измѣнитъ.

Танъ.

— Ладно. Такъ въ шесть приходи... Ну, товарищи, мы открыли кампанію! Подождите меня: я тоже съ вами покричу. Ухъ, люблю войну, чортъ возьми!—И Бринтонъ, подкинувъ вверхъ свою шапку, принялся горланить вмѣстѣ съ остальными.—Ну вотъ, теперь легче на душѣ. Иду домой обѣдать; сегодня у насъ сытный обѣдъ. Почемъ знать, что будемъ ѣсть завтра?

Въ понедѣльникъ въ Минвэлѣ разнеслась интересная новость: Адамъ Бентли объявилъ своимъ рабочимъ, что со слѣдующей субботы его фабрика закрывается. Значеніе этого предупрежденія было понятно: хозяева рѣшили стоять другъ за друга и на первый случай отнять у рабочихъ Бентли возможность поддержать стачечниковъ. Кромѣ того, рабочіе Слэтера, какъ и слѣдовало ожидать, получили предупрежденіе, съ требованіемъ къ концу недѣли очистить коттеджи. Минвэль объявилъ войну, но это была не наступательная, а оборонительная война. Праздные люди слонялись по улицамъ, торчали на перекресткахъ. Женщины болтали наперебой, спѣша насладиться непривычнымъ досугомъ. А какъ пріятно было валяться по утрамъ въ постели, съ сознаніемъ, что тебѣ некуда спѣшить. Это было не только пріятно, но даже экономно: вѣдь когда много спишь, меньше ѣшь.

Въ первую же недѣлю въ Минвэль пріѣхалъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, по фамиліи Уотергаузъ, и сейчасъ же заявился вожакамъ. Его прислали на нѣсколько дней изъ Стокпорта, чтобы наладить дѣло. Онъ держалъ себя спокойно, не говорилъ громкихъ фразъ, такъ что Слэтветъ уже началъ было ворчать, что, дескать, „могли бы они найти кого-нибудь подѣльнѣе“. Но не прошло и недѣли, какъ всѣ единогласно признали, что это человѣкъ „съ головой на плечахъ“.

Уотергаузъ, которому впослѣдствіи выпала видная роль въ борьбѣ труда съ капиталомъ, рьяно принялся за дѣло. Онъ высказалъ полное одобреніе рѣшенію рабочихъ не обращать вниманія на требованіе очистить дома.

— Пройдетъ нѣсколько недѣль прежде, чѣмъ они соберутся приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, а потомъ еще протянется время, пока Слэтеръ выдворитъ васъ,—говорилъ онъ спокойно.—Пора положить конецъ самодурству этого господина. Не понимаю, какъ вы могли такъ долго терпѣть.

— Мы все надѣялись, что все уладится само собой,—сказалъ Бринтонъ.—Вѣдь это самый легкій способъ улаживать дѣла. Сиди себѣ смирненько да ругай хозяина на чемъ свѣтъ стоитъ—чего проще!—Онъ помолчалъ и вдругъ при-

бавилъ:—А вѣдь раньше мнѣ никогда не приходило это въ голову, клянусь душой!

— Что такое?—спросилъ Слэтветъ.

— Да вотъ, положимъ, все кончится хорошо, и мы добьемся успѣха. Что же будемъ мы дѣлать, когда намъ будетъ некого ругать? Такъ хорошо бывало: неудача тамъ какая нибудь, разобидѣли тебя или денегъ много пропилъ и не хватаетъ до конца недѣли,—вали все на Сэма! А какъ тогда? Скажи по чести, Бобъ: если мы получимъ прибавку, кого вы съ Шайндингомъ будете ругать? Совѣтую вамъ заранѣе запастись хоть ревматизмомъ или какой немочью, чтобъ было изъ за чего ныть.

— Объ насъ не безпокойся, позаботься лучше о себѣ,— буркнулъ Слэтветъ.

— Я то отъ васъ не отстану. Я буду говорить: „За что только Богъ меня покаралъ такими товарищами! Тоска беретъ смотрѣть на ихъ кислыя рожи". А когда жена начнетъ меня пилить, я ей въ отвѣтъ: „Пожила бы ты съ Бобомъ или съ Абрамомъ, такъ оцѣнила бы меня".

Шутка была встрѣчена дружнымъ смѣхомъ. Даже Слэтветъ улыбнулся. Уотергаузъ посмотрѣлъ на говорившаго съ внезапно пробудившимся интересомъ и мысленно сдѣлалъ оцѣнку Слэтвету и Шайндингу. Онъ зналъ, что изъ себя представляютъ рабочіе комитеты, и зналъ, что, какъ общее правило, стачечнымъ комитетомъ всего труднѣе управлять. Любимымъ его изреченіемъ было: никогда пролетаріатъ не займетъ подобающаго ему мѣста, пока не явится диктаторъ и не предпишетъ всѣмъ своей воли. „Хотя", добавлялъ онъ обыкновенно со смѣхомъ, „какъ только онъ сдѣлаетъ свое дѣло, его необходимо будетъ убрать".

Благороднѣйшія, самыя альтруистическія чувства часто вытекаютъ изъ мутнаго источника. Величественная пальма и красавица роза питаются навозомъ и гнилью, и самая низменная страсть можетъ дать жизнь самой высокой. Какая нибудь ничтожная преграда: гранитный валунъ, стволъ дерева, завалившійся поперекъ ручейка, рѣшаетъ иногда, въ тотъ или другой океанъ потечетъ благородная рѣка, которой ручеекъ далъ начало. Такъ точно въ раннихъ стадіяхъ человѣческой жизни, когда человѣкъ еще не вполнѣ сложился, то, что намъ кажется мелочью, можетъ совершенно измѣнить русло его мыслей. Особенно ярко сказывается это въ области политики и сектантства. Личная антипатія, брезгливость по отношенію къ какой нибудь практической мѣрѣ, это—тотъ же валунъ или завалившееся дерево. Самъ человѣкъ горячо протестуетъ, доказывая, что онъ ничуть не измѣнился, что онъ все тотъ же; но незамѣтно для себя онъ начинаетъ крити-

ковать свою умственную позицію и, когда убѣдится, что ее нельзя больше отстаивать, сразу становится другимъ человѣкомъ. Не всегда перемѣна политическихъ взглядовъ или переходъ въ другую секту есть отступничество. Всѣ мы съ дѣтства впитываемъ въ себя готовыя мнѣнія и, какъ въ крѣпости, замыкаемся въ нихъ отъ назойливыхъ міровыхъ запросовъ. Окруженная окопами традицій, привычной среды, предразсудковъ и всякихъ условностей, наша крѣпость кажется намъ неприступной. Но пробейте въ ея стѣнахъ одну только брешь, и она не выдержитъ осады. И только тогда, когда пробита эта первая брешь, человѣкъ выступаетъ бойцомъ за свои мнѣнія: до тѣхъ поръ нельзя сказать про него, что онъ нашелъ себя. Огромное большинство людей сходитъ въ могилу, даже не зная, что мнѣнія ихъ не были убѣжденіями. И такіе-то именно люди глумятся надъ тѣми, кто добылъ свои убѣжденія цѣною мучительной внутренней борьбы, и обзываютъ ихъ трусами и отступниками.

Первая недѣля стачки была для Доннимора агоніей душевной борьбы. Первая брешь въ окопахъ его цитадели была пробита единственно его антипатіей къ Слэтеру, хотя онъ этого не сознавалъ и съ негодованіемъ набросился бы на всякаго, кто бы сказалъ ему это. Когда онъ пріѣхалъ въ Минвэль, его взгляды на существующій соціальный строй и на положеніе въ немъ рабочаго почти совпадали со взглядами Слэтера; но личность фабриканта и вся его манера возбуждали въ немъ невольный протестъ, и это заставило его подвергнуть пересмотру всю свою позицію. Весьма вѣроятно, что не будь Слэтеръ грубымъ нахаломъ или не будь такъ чутокъ ко всему грубому и вульгарному самъ Донниморъ, онъ никогда не разобрался бы въ своихъ мнѣніяхъ и прошелъ бы мимо этой стачки, сострадая, конечно, людскому несчастію, ибо это было въ его натурѣ, но не безъ враждебнаго чувства къ людямъ, легкомысленно навлекшимъ на себя бѣду. Онъ говорилъ себѣ, что тотъ день, когда онъ обходилъ жилища рабочихъ, повсюду замѣчая отсутствіе не только элементарныхъ удобствъ, но даже необходимѣйшихъ санитарныхъ условій, былъ днемъ поворота въ его міровоззрѣніи, началомъ новаго его отношенія къ жизни и людямъ. Однако онъ и раньше бывалъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ жилищъ, и ничего не видѣлъ.

Его побужденія были, конечно, не изъ самыхъ высокихъ. Но съ точки зрѣнія достигнутаго результата не все ли равно, что побудило человѣка вступить въ ряды бойцовъ, если онъ дерется съ беззавѣтной отвагой? Такъ или иначе онъ помогаетъ водрузить знамя на вражеской землѣ.

Когда Донниморъ подвелъ итогъ своему душевному со-

стоянію, онъ улыбнулся надъ собой. Какъ рѣзко измѣнился онъ за короткое время! Давно ли обзывалъ онъ стачечниковъ зловредными агитаторами, а теперь онъ искренно сочувствуетъ имъ. Только сойдясь лицомъ къ лицу съ этими людьми, онъ понялъ, какъ смѣшно было съ его стороны осуждать ихъ огуломъ... Но какъ бы то ни было, а судьба жестоко насмѣялась надъ нимъ. Надо же было именно теперь стрястись всей этой исторіи! Онъ жилъ въ благоухающемъ саду, среди грезъ, солнце любви ярко сіяло на его горизонтѣ. И вотъ, его грубо вырвали изъ этого рая и перенесли въ міръ будничной, сѣренькой дѣйствительности, гдѣ не было ни радости, ни счастья. Въ любви Мабель онъ ни на минуту не сомнѣвался, но онъ теперь достаточно зналъ Слэтера, и понималъ, что всякое проявленіе сочувствія стачечникамъ со стороны его, Доннимора, будетъ принято Слэтеромъ за личное оскорбленіе. Страшный гость—голодъ—скоро постучится во всѣ двери, а духовный его санъ, не говоря уже о человѣколюбіи, обязываетъ его посѣщать несчастныхъ и приносить имъ посильное облегченіе. Слэтеръ несомнѣнно истолкуетъ это, какъ поступокъ врага. Если же онъ, Доннимор, пойдетъ еще дальше и открыто станетъ на сторону стачечниковъ,—а онъ не видѣлъ для себя другого исхода,—Слэтеръ никогда ему не проститъ. Другой на его мѣстѣ, можетъ быть, и сумѣлъ бы сохранить нейтралитетъ, но для него это было невозможно: онъ слишкомъ хорошо себя зналъ. Мабель раздѣляетъ взгляды отца, и въ этомъ весь трагизмъ положенія. Вся его судьба поставлена на карту: хватитъ ли у него мужества устоять?

Что, если Мабель покорится отцу и отречется отъ него, Доннимора? У него захватило дыханіе отъ одной мысли объ этомъ. Но онъ сейчасъ же прогналъ ее прочь. Мабель никогда этого не сдѣлаетъ: несправедливо такъ думать о ней. Отсрочка ихъ счастья — вотъ худшее, что могло случиться. „Мабель любитъ меня и будетъ моей“, сказалъ онъ себѣ.

Онъ тутъ же сѣлъ къ столу и написалъ Слэтеру. Онъ просилъ фабриканта еще разъ подумать прежде, чѣмъ приводить свое рѣшеніе въ исполненіе; совѣтовалъ ему спросить себя по совѣсти, по-христіански ли онъ поступаетъ въ этомъ дѣлѣ; затѣмъ говорилъ, что послѣ долгихъ размышленій и тяжелой внутренней борьбы онъ пришелъ къ тому выводу, что его долгъ — поддержать стачечниковъ въ ихъ справедливыхъ требованіяхъ. Какъ человѣкъ и священникъ, онъ не можетъ смотрѣть равнодушно, какъ люди умираютъ съ голоду, мало того: онъ чувствуетъ, что ему придется пойти даже дальше и оказать имъ активную поддержку. „Надѣюсь“ писалъ онъ въ концѣ, „у васъ хватитъ справед-

-ливости признать, что, становясь вашимъ противникомъ въ этомъ дѣлѣ, я поступаю такъ изъ чувства долга, какъ я его понимаю, а не изъ иныхъ какихъ либо побужденій".

Написавъ это, онъ остановился и долго думалъ, машинально играя перомъ, прежде чѣмъ прибавилъ такую заключительную фразу: „Само собою разумѣется, что что бы ни случилось, мои чувства къ вашей дочери останутся неизмѣнными; но до тѣхъ поръ, пока не уладится такъ или иначе это несчастное недоразумѣніе между мною и вами, я считаю невозможнымъ посѣщать безъ приглашенія вашъ домъ".

Когда мистеръ Слэтеръ сошелъ къ завтраку, письмо лежало подлѣ его прибора. Онъ быстро пробѣжалъ его и весь побагровѣлъ отъ злости.

— На! Прочти!—И онъ швырнулъ письмо дочери черезъ столъ.—Если этотъ господинъ не сумасшедшій, онъ негодяй и не достоинъ своего сана.

Мабель прочла письмо и возвратила его отцу, не проронивъ ни слова. Лицо ея горѣло, въ сердцѣ былъ холодъ. Ее и раньше волновала перемѣна во взглядахъ ея жениха, но она не ожидала, что онъ зайдетъ такъ далеко въ своемъ сумасбродствѣ. Она была возмущена, она негодовала на него, не понимая, какъ могъ онъ изъ за какихъ-то нелѣпыхъ фантазій подвергать такому риску свое и ея счастье. Она бы дорого дала въ эту минуту за возможность ускользнуть отъ объясненія съ отцомъ.

— Ну, что же ты на это скажешь?—спросилъ онъ ее съ зловѣщей усмѣшкой.

— Ахъ, папа, все это мнѣ такъ надоѣло!—съ досадой вскричала она.—Я ненавижу и Минвэль, и минвэльцевъ, и все, что съ ними связано. Отчего вы не продадите вашихъ фабрикъ? Зачѣмъ онѣ вамъ? Одно только безпокойство отъ нихъ. Право, папа, сдѣлайте это, продайте все. Мы бы уѣхали куда нибудь подальше и жили бы себѣ на покоѣ. Завтра же поѣзжайте въ Манчестеръ и объявите о продажѣ. Подумайте о мамѣ: перемѣна мѣста была бы такъ ей полезна,— прибавила она дипломатично.—Ее это положительно спасетъ.

Слэтеръ нетерпѣливо махнулъ рукой.—Я не объ этомъ тебя страшиваю; я спрашиваю, что ты теперь думаешь о Доннриморѣ?

— Конечно, папа, мнѣ очень жаль, что такъ вышло. И разумѣется, это глупо съ его стороны. Но вы должны понять: ему кажется, что онъ, какъ священникъ, обязанъ стоять за бѣдняковъ.

— Священникъ!—закричалъ Слэтеръ, ударивъ по столу письмомъ.—Хорошъ священникъ! Онъ позоритъ рясу. Каждый

изъ его сотоварищей это скажетъ, кромѣ, можетъ быть, Адамсона. Онъ немножко ошибся выборомъ призванія: ему бы быть диссидентскимъ проповѣдникомъ. Такъ то заботиться онъ о единеніи нашей церкви? Я у него церковнымъ старостой, ты его невѣста, но все это ему ни почемъ. Онъ или сумасшедшій, или подлецъ.

— Не придавайте этому значенія, папа. Недѣли черезъ двѣ онъ самъ, навѣрно, пойметъ, что заблуждался. Вѣдь онъ не знаетъ Минвэля, какъ мы съ вами. Онъ ошибается, я согласна, но сейчасъ-то онъ искренно думаетъ, что исполняетъ свой долгъ.

Тонъ былъ самый мягкій, самый просительный, какой Мабель только умѣла принять, но ея отца онъ выводилъ изъ себя.

— Не придавать значенія? Да, какъ же! Я ему напишу. Я скажу ему, что между нами все кончено. Если у него осталась хоть капля смысла въ головѣ, онъ сейчасъ же уберется изъ нашего прихода. Его „чувства“ къ тебѣ „не измѣнятся“! Какая наглость! Большое мнѣ дѣло до его чувствъ!

— Папа, не говорите такъ, я не хочу! — рѣзко сказала Мабель.—Во всякомъ случаѣ, онъ дѣйствуетъ по хорошему побужденію и... и, какъ вы знаете, я его люблю.

Мистеръ Слэтеръ, отъ негодованія, даже ѣсть пересталъ и положилъ ножъ и вилку.

— Въ довершеніе ко всему онъ, очевидно, внушаетъ моей дочери быть дерзкой съ отцомъ. Только этого не хватало!

— Я не говорю вамъ ничего дерзкаго, папа. Что я люблю его — такъ это вамъ давно извѣстно, иначе я не была бы помолвлена съ нимъ. Я васъ прошу только не забывать этого и не быть слишкомъ строгимъ къ нему. Я знаю, васъ сердитъ и огорчаетъ, что Фрэнкъ посмѣлъ идти противъ васъ, но увѣряю васъ, что въ этой несчастной исторіи (тутъ въ голосѣ ея зазвенѣли слезы) мнѣ достается гораздо хуже, чѣмъ вамъ.

Но не такъ-то легко было смягчить мистера Слэтера. Какъ и всѣ властные люди, онъ не допускалъ, чтобы можно было въ чемъ-нибудь не соглашаться съ нимъ; даже одна мысль о такой возможности казалась ему чудовищной. Чтобы викарій его прихода и нареченный его зять смѣлъ хладнокровно объявить, что онъ намѣренъ оказать поддержку какой-то кучкѣ неблагодарныхъ бунтовщиковъ, объявившихъ войну ему, Слэтеру,—да это было все равно, что получить ударъ кинжаломъ въ домѣ друга отъ предательской руки.

— Смѣю надѣяться,—заговорилъ онъ тѣмъ величествен-

нымъ тономъ, какой онъ умѣлъ иногда принимать,—смѣю надѣяться, что онъ несовсѣмъ еще утратилъ чувство чести и пойметъ, что ему не остается ничего больше, какъ отказаться отъ тебя. Ты никогда не будешь его женой, по крайней мѣрѣ съ моего согласія.

— Папа! Я уже просила васъ не подымать пока этого вопроса,—настойчиво возразила Мабель.—Вы не думаете о моемъ счастьи.

— Напротивъ, моя милая, я именно думаю о твоемъ счастьи. Ты не можешь быть счастлива съ человѣкомъ такихъ убѣжденій. *Онъ* не думаетъ о твоемъ счастьи—вотъ это вѣрнѣе. Повторяю: я не даю согласія на вашъ бракъ. Я нарушилъ бы (мистеръ Слэтеръ былъ въ эту минуту, какъ двѣ капли воды, похожъ на Пекснифа)... я нарушилъ бы мой родительскій долгъ, если бы отдалъ счастье моей дочери въ... такія руки.

Мабель не выдержала: съ шумомъ отодвинувъ свой стулъ, она выскочила изъ-за стола и убѣжала. Въ своей комнатѣ она наплакалась вволю. Давно ли жизнь ея была такъ свѣтла, такъ опредѣленна, точно правильный, законченный кругъ, а теперь?!..

Когда ее послѣ того позвали къ матери, она хотѣла скрыть отъ нея свое заплаканное лицо, но материнскіе глаза зорки, и черезъ нѣсколько минутъ дѣвушка уже стояла на колѣняхъ у постели больной, изливая передъ ней свое горе.

Мистрисъ Слэтеръ только вздыхала, пока тянулся этотъ печальный, прерываемый слезами, разсказъ. Ея собственная печаль, *ея* бремя было еще тяжелѣе. Всю ночь она глазъ не сомкнула,—такъ больно чувствовала она горе Минвэля. Предстоящая стачка со всѣми ея ужасами: праздные мужчины, превратившіеся отъ отчаянія въ дикихъ звѣрей, исхудалыя, блѣднолицыя женщины съ умирающими отъ голода дѣтьми на рукахъ... Ея нѣжное сердце рвалось на части отъ этой картины, какъ будто въ немъ сконцентрировались всѣ мученія этихъ людей. А тутъ еще дочь приходитъ къ ней со своимъ горемъ... Бѣдная больная вся дрожала отъ сознанія своего безсилія помочь, и, пожалуй, въ первый разъ въ жизни душа ея возмутилась. Боже! Чего бы она не дала за возможность занять свое настоящее мѣсто въ жизни — мѣсто миротворца.

— Мнѣ очень тебя жаль, моя дѣвочка,—сказала она дочери,—но ты не приходи въ отчаяніе. Настала и для тебя пора испытаній, но ты увидишь, ваша любовь только ярче разгорится отъ этого.

— Все это прекрасно,—перебила Мабель со слезами,—но

развѣ вы не знаете папу? Разъ онъ сказалъ, онъ сдержитъ слово. Всѣ мы знаемъ, какъ онъ упрямъ. Онъ положительно возненавидѣлъ Фрэнка за то, что ошибся въ немъ. Онъ вѣдь такъ разсчитывалъ на него... Мамочка, родная, и сама-то я такъ несчастна, главное, оттого, что я перестаю вѣрить Фрэнку. Если бъ онъ любилъ меня по настоящему, онъ бы не сталъ такъ себя вести, по крайней мѣрѣ... по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока мы не были бы обвѣнчаны, потому что тогда это было бы все равно.

Мистрисъ Слэтеръ невольно улыбнулась.—Можетъ быть, это было бы и очень практично, мой другъ, но честно ли, особенно для священника,—вотъ вопросъ. Я дрожала бы за твое счастье, если бъ твой Фрэнкъ оказался такимъ практичнымъ малымъ.

— Фрэнкъ такъ же упрямъ, какъ папа. Онъ говоритъ, что я въ концѣ концовъ потеряла бы къ нему уваженіе, если бъ онъ уступилъ папа. Но я этого не понимаю. Все это, по моему, чистѣйшее ребячество съ его стороны... Ну что жъ,—прибавила она съ горькимъ вздохомъ,—можетъ раваться: онъ сдѣлалъ меня совершенно несчастной.

— А самъ онъ? О немъ ,ты не думаешь? — спросила ее мать.—Развѣ вся эта исторія дешево ему стоитъ? Неужели ты сомнѣваешься въ его любви?

Мабель отвѣтила не сразу.—Н... нѣтъ,—проговорила она, наконецъ, нерѣшительно,—не то, что сомнѣваюсь, а только...

— Ты думаешь, онъ не страдаетъ?

— Ахъ, мама, можетъ быть и страдаетъ, но далеко не такъ‘ какъ... У него, понимаете, голова другимъ занята,—ну, хоть бы этой стачкой. Ему некогда подумать о своихъ чувствахъ... да и о моихъ тоже.

— Дорогая моя! Если вы серьезно любите другъ друга, все уладится, и ваше горе скоро пройдетъ. Повѣрь мнѣ, когда ты вспомнишь потомъ объ этихъ тяжелыхъ дняхъ испытанія, ты только сильнѣе полюбишь Фрэнка за его мужество и стойкость. Я ни минуты не сомнѣваюсь, что у него былъ большой соблазнъ уступить. Но если бъ онъ уступилъ, онъ былъ бы трусомъ... Ты вотъ говоришь, что у него голова занята другимъ. Пожалуй, это вѣрно. И если сама ты хочешь облегчить свое горе, побольше думай о другихъ и забудь о себѣ. Подумай о несчастныхъ женщинахъ, Мабъ, о маленькихъ дѣтяхъ, которыхъ ждутъ такія лишенія. Скоро они будутъ плакать отъ голода. Развѣ это не ужасно? Представь себѣ меня на мѣстѣ одной изъ этихъ женщинъ. Подумай, что бы я чувствовала, если бы ты, когда ты была еще крошкой, просила у меня хлѣба и плакала оттого, что мнѣ было бы нечѣмъ тебя накормить. Ахъ, Мабъ, дорогая

моя, при такихъ условіяхъ самая кроткая женщина способна стать дьяволомъ.

Мабель захватила руки матери въ свои и молча гладила ихъ. Потомъ сказала:

— Я вижу, мамочка, вы больше сочувствуете минвэльцамъ, чѣмъ папѣ.

— Да, я нахожу, что твой отецъ въ этомъ дѣлѣ поступаетъ жестоко и несправедливо. Не потому, чтобъ онъ былъ жестокимъ человѣкомъ, а потому, что онъ ослѣпленъ предубѣжденіемъ. Предубѣжденіе--худшій видъ нравственной слѣпоты. Отецъ твой рѣшилъ, что всѣ рабочіе пьяницы, моты, что это неблагодарный отпѣтый народъ, и больше ничего знать не хочетъ. Боюсь, что и ты предубѣждена противъ нихъ, моя дорогая. У него, видишь ли, годами сложилось убѣжденіе, что мы ихъ благодѣтельствовали, позволивъ имъ работать на насъ. А они съ такимъ же, если не съ большимъ, основаніемъ думаютъ, что мы живемъ на ихъ счетъ, потому что платимъ имъ недостаточно по ихъ работѣ. Мнѣ хотѣлось бы видѣть въ тебѣ больше состраданія къ людямъ, голубушка. Ты должна воспитать въ себѣ это чувство, если не хочешь совсѣмъ очерствѣть.

Мабель вздохнула и промолчала. Она была слишкомъ поглощена своими огорченіями, и чужія страданія мало трогали ее. Она ушла отъ матери, нисколько не смягченная. Ея обида на жениха, пожалуй, еще обострилась. О! она сумѣетъ показать ему это, когда они встрѣтятся. Онъ увидитъ по ея тону, какъ она возмущена его поведеніемъ. Онъ можетъ, конечно, не одобрять поступковъ ея отца, но зачѣмъ же ссориться? Именно потому, что онъ священникъ, ему слѣдовало оставаться нейтральнымъ. Вмѣсто того, чтобы смягчить вражду, онъ только подлилъ масла въ огонь: это не значитъ служить дѣлу вѣры... Но всѣ эти разсужденія не приносили ей облегченія; всѣ они кончались вопросомъ: за что же, за что она мучится? Чѣмъ она виновата?

Машинально она присѣла было къ роялю, но вдругъ у нея мелькнула новая мысль, и она опять бросилась къ матери.

— Мама,—заговорила она, стараясь улыбнуться,—хотите уѣдемъ въ Блэкпуль?.. Хоть на двѣ недѣли. Папа, я знаю, будетъ радъ отдѣлаться отъ насъ на это время.

Мистрисъ Слэтеръ покачала головой.—Нѣтъ, Мабъ, я не уѣду отсюда именно теперь. Если бъ я могла, я пошла бы къ минвэльцамъ, къ твоему отцу... Я постаралась бы ихъ помирить. Я бы что-нибудь сдѣлала, чтобы предупредить несчастіе... — Она замолчала, потомъ докончила грустно:— Ахъ, если бъ моя дочь могла меня замѣнить!

Мабель ничего не отвѣтила. Молча ушла она въ свою комнату и заплакала отъ жалости къ себѣ. Бѣдная она, бѣдная! Даже родная мать не жалѣетъ ея!

XV.

Въ лагерѣ мятежниковъ.

Уже десять дней молчали фабрики въ Минвэлѣ, и Минвэль начиналъ чувствовать, что значитъ забастовка. Собственнаго его стачечнаго фонда могло хватить только на двѣ недѣли. Правда, изъ Стекпорта и другихъ ближайшихъ городковъ съ фабричнымъ населеніемъ притекала кое-какая денежная помощь, но наскоро съорганизовавшійся союзъ не имѣлъ еще связей съ другими союзами, и эти деньги были скорѣе случайными пожертвованіями благотворителей, чѣмъ правильными взносами на веденіе войны. Это была схватка Минвэля со Слэтеромъ, а не сраженіе труда съ капиталомъ на минвэльской территоріи, и сразу было видно, даже на неопытный глазъ, что стачечникамъ придется очень круто. Даже стихіи были за фабриканта и противъ рабочихъ. Когда стачка началась, стояли теплые, ясные дни, а потомъ задулъ холодный сѣверовосточный вѣтеръ, часто приносившій съ собою снѣгъ, изморозь и дождь и дававшій очень тяжело чувствовать себя безработнымъ, полуголоднымъ людямъ, слонявшимся по улицамъ, чтобы какъ-нибудь убить время. Но, несмотря ни на что, стачечники не падали духомъ; ихъ рѣшеніе не сдаваться было тверже, чѣмъ когда-нибудь, хотя большинство увидѣло, что ошиблось въ разсчетѣ, думая, что довольно двухъ недѣль забастовки, чтобы заставить Слэтера уступить. Они не исполнили требованія очистить коттеджи и уже получили повѣстки о томъ, что ихъ будутъ выдворять силой. Кромѣ того, ходили слухи, что Слэтеръ и Бентли рѣшили выписать новыхъ рабочихъ изъ другихъ деревень.

— Лучше пусть и носа къ намъ не показываютъ!—сказала мистрисъ Брикноль, ширококостая, рослая женщина, подъ стать своему мужу, но съ необыкновенно нѣжнымъ голоскомъ, совершенно не гармонировавшимъ съ ея корпуленціей.—Сэмъ ошибается, если думаетъ, что мы это потерпимъ въ Минвэлѣ.

— И какъ еще ошибается!—подхватила мистрисъ Динъ.—Не знаю, какъ ему удастся выдворить насъ изъ домовъ. Тутъ такое подымется, что онъ самъ будетъ не радъ, что затѣялъ.

— А я такъ думаю, что онъ хотѣлъ только насъ попугать,—сказала третья женщина.—Надо быть звѣремъ, чтобы выгнать людей на улицу въ такую погоду.

— Его на все хватитъ,—замѣтила скептически мистрисъ Брикноль.—Ну, да поживемъ—увидимъ.

Между тѣмъ, Доннимор҆ъ со всей энергіей своего темперамента отдался новому дѣлу. Необходимо было облегчить по возможности положеніе стачечниковъ. Вдвоемъ съ Адамсономъ, исключительно на свои средства, они устроили безплатную столовую, гдѣ молодой викарій проводилъ всѣ свои дни, самолично наблюдая за приготовленіемъ и раздачей супа. Въ свободные часы онъ посѣщалъ дома рабочихъ, находя для всякаго слово сочувствія и ободренія. Съ каждымъ днемъ онъ все больше преклонялся передъ стойкостью этихъ людей, такъ мужественно переносившихъ холодъ и голодъ.

— Мнѣ лично стачка дала очень многое,—говорилъ онъ Адамсону:—за эти двѣ недѣли я сталъ такъ близокъ моимъ прихожанамъ и они мнѣ, какъ будто мы знали другъ друга цѣлые годы. Что за народъ, Адамсонъ! Съ свободной, независимой душой, точно они—короли, а не нищіе. Есть между ними два-три человѣка поплоше, не безъ подхалимства, если хотите, но они и у товарищей на такомъ счету. Мало въ нихъ лоску, это правда, но за то какая искренность, какая прямота! И я такъ радъ, Адамсонъ: они начинаютъ мнѣ вѣрить.

Адамсонъ радостно улыбнулся.—Можете гордиться, коллега: это великолѣпный дипломъ.

Незамѣтно для себя Доннимор҆ъ все больше и больше понималъ точку зрѣнія своихъ прихожанъ, все глубже и горячѣе заинтересовывался успѣхомъ ихъ дѣла. Если бы его спросили, онъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы, что онъ по прежнему противъ стачекъ, но на дѣлѣ сердце его и душа были со стачечниками. И участіе его къ нимъ не осталось безъ награды. Въ первые дни его помощь принималась холодно; ему еще не довѣряли; но мало-по-малу ледъ растаялъ, и теперь его встрѣчали, какъ родного.

— А пасторъ-то нашъ новый—каковъ?—говорилъ Бринтонъ, стоя среди кучки собравшихся на улицѣ рабочихъ.—Ужъ подлинно не знаешь, гдѣ встрѣтишь друга. Для всякаго у него найдется доброе слово, либо шутка. У нашихъ бабъ лица такъ и распускаются въ улыбку, какъ только онъ покажется на порогѣ. Онъ для насъ ничего не жалѣетъ, да не такъ деньги намъ его дороги, какъ онъ самъ. Кабы не онъ, извели бы насъ бабы своими слезами. А онъ имъ говоритъ: „Пожалѣйте мужей, имъ и такъ трудно“. И вѣдь

дѣйствуетъ, что вы думаете! Меньше хнычутъ бабы... Не думалъ я, что изъ него выйдетъ такой человѣкъ.

— А что, я тебѣ говорилъ!—подхватилъ съ торжествомъ старикъ Леммеръ.—Онъ все равно, какъ тотъ генералъ, что стоитъ однинъ двухъ полковъ, когда выѣдетъ на поле сраженія (я намедни читалъ о такомъ генералѣ)... Спаси его Богъ!

— Слыхалъ я, будто дочка Сэма наклеила носъ нашему пастору,—вмѣшался Брикноль.

— Оно похоже на то,—сказалъ Бринтонъ.—Жалко парня, если онъ крѣпко ее любитъ. Что дѣлать, обтерпится... А она-то хороша! Видно, яблочко отъ яблони недалеко падаетъ.

— Не въ мать пошла,—замѣтилъ Бутройдъ.—Про хозяйку Сема я всегда скажу—я никого не боюсь, пусть меня слышитъ кто хочетъ,—хорошая она, добрая женщина.

— Да и я то же скажу,—согласился Бринтонъ.—Единственный стоющій въ семьѣ человѣкъ, да и тотъ прикованъ къ постели. Готовъ, что хочешь, прозакладывать, не по сердцу ей то, что у насъ здѣсь творится; она насъ жалѣетъ... Ну, ничего: пасторъ за насъ, а это чего-нибудь да стоитъ.

Донниморъ считалъ своимъ долгомъ присутствовать на всѣхъ митингахъ, собиравшихся почти ежедневно по вечерамъ. Леммеръ и Бринтонъ отъ лица всѣхъ товарищей просили его сказать рѣчь. Сначала онъ не соглашался, но потомъ, убѣдившись, что борьба будетъ долгая и серьезная, сдался на ихъ просьбы. На слѣдующемъ же митингѣ онъ вышелъ впередъ и сказалъ:

— Друзья мои! Вы находите, что будетъ полезно, если я заявлю, что въ нашей теперешней борьбѣ съ капиталомъ всѣ мои симпатіи на вашей сторонѣ. Долженъ сознаться—да вы и сами это знаете,—что вначалѣ я былъ вашимъ противникомъ. Но теперь, присмотрѣвшись, я почувствовалъ, что обязанъ заступиться за васъ. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы предотвратить стачку. Я указалъ мистеру Слэтеру его обязанности, говорилъ ему, какая отвѣтственность на немъ лежитъ. Это не помогло... Друзья мои! не будемъ скрывать отъ себя, что борьба намъ предстоитъ трудная. Если мы хотимъ остаться побѣдителями, то каждый изъ насъ долженъ поддерживать остальныхъ. Только стойкостью, терпѣніемъ и выдержкой можемъ мы добиться побѣды. А главное, друзья, и прежде всего: какъ бы ни вызывали васъ на насилія, насилій не должно быть. Очень скоро вы, вѣроятно, будете выдворены изъ вашихъ жилищъ. Кромѣ того, навѣрно, попытаются поставить на фабрики новыхъ рабочихъ. Но если вы прибѣгнете къ насилію, вы погубите

ваше дѣло. Я знаю, трудно будетъ вамъ остаться спокойными, но это вашъ долгъ. Дастъ Богъ, еще зима не придетъ, какъ въ Минвэлѣ настанутъ лучшіе дни.

Громкіе возгласы одобренія покрыли конецъ его рѣчи: голодъ еще не разбудилъ дурныхъ страстей. Послѣ Доннимора выступилъ Леммеръ и еще рѣзче подчеркнулъ его слова.—Онъ счастливъ,—говорилъ онъ,—что Минвэль имѣетъ у себя пастыря, сражающагося за народное дѣло. Во всей этой печальной исторіи, это всего больше радуетъ его. Затѣмъ онъ можетъ съ удовольствіемъ сообщить, что изъ Манчестера получено сто фунтовъ стерлинговъ въ пользу стачечниковъ, и надѣется, что если имъ удастся, оставаясь твердыми въ достиженіи своей цѣли, сохранить спокойствіе и порядокъ въ ихъ рядахъ,—они побѣдятъ.

XVI.

Непріятель начинаетъ атаку.

Прошла еще недѣля. Пріуныли тѣ изъ стачечниковъ, которые предсказывали, что къ Рождеству рабочіе Минвэля будутъ праздновать побѣду. Многіе только теперь начинали понимать, какъ велики непріятельскія силы, и не одинъ рабочій, будь его воля, отказался бы отъ дальнѣйшей борьбы и сталъ бы на работу. Для такихъ стачка была чѣмъ-то въ родѣ спорта, дающаго сильныя ощущенія, и когда прошелъ интересъ новизны, когда суровая нужда постучалась къ нимъ въ двери, твердость измѣнила имъ, и они стали роптать на своихъ вожаковъ. Хорошо было Леммеру ораторствовать на митингахъ о независимости: онъ-то сберегъ кое-что про запасъ, говорили они. Но того они не знали, что сбереженія Леммера подходили къ концу и что жена его, съ несокрушимой твердостью, хотя и съ болью въ сердцѣ, уже намѣтила, какія вещи изъ ихъ домашней обстановки должны пойти въ продажу. Мистрисъ Леммеръ не могла теперь войти въ свою гостиную, чтобы не ощутить радостнаго волненія при видѣ органа. Съ того вечера, когда у нихъ съ мужемъ было рѣшено разстаться въ крайности даже съ органомъ, они ни разу больше не заговаривали объ этомъ, но какъ-то само собою подразумѣвалось, что органъ будетъ проданъ послѣднимъ.

Въ одинъ темный осенній день, въ среду, въ семь часовъ утра, когда сверху безъ перерыва падала не то изморозь, не то мелкій дождь, постучались къ одному изъ рабочихъ, по фамиліи Уэсткоту. Его домикъ былъ первый съ конца

въ одной изъ улицъ Минвэля. Ни самъ Уэсткотъ, ни жена его еще не вставали. Оба дошли горькимъ опытомъ до той истины, что недостатокъ ѣды лучше всего возмѣщается сномъ. Стукъ повторился нѣсколько разъ, прежде чѣмъ Уэсткотъ рѣшился, наконецъ, подняться. Полуодѣтый и сердитый со сна, онъ подошелъ къ двери и отворилъ—блюстителямъ закона. Ему съ семействомъ было суждено стать первыми жертвами выдворенія.

— Намъ жаль васъ безпокоить, но намъ приказано выдворить васъ,—сказалъ ему полицейскій чиновникъ.—Берите жену и дѣтей и уходите.

Уэсткотъ тупо смотрѣлъ на него.

— Жена еще не встала, — выговорилъ онъ съ трудомъ.

— Такъ подымите ее. Живѣй! Мы подождемъ десять минутъ.

Не проронивъ ни слова больше, Уэсткотъ вернулся въ спальню, разбудилъ жену и разсказалъ ей, въ чемъ дѣло. Она безпомощно глядѣла на него. Они ожидали удара, но теперь, когда ударъ обрушился, онъ ихъ придавилъ.

— Не пускай ихъ, Дэвъ!—проговорила бѣдная женщина, плача.

— Какъ я могу ихъ не пустить? Ихъ тамъ человѣкъ десять. Лучше поскорѣе одѣвайся и уходи съ ребятами къ митрисъ Кэй.

Горько рыдая, митрисъ Уэсткотъ одѣлась и одѣла троихъ ребятишекъ. Уэсткотъ отвелъ ихъ всѣхъ къ Кэямъ и прямо оттуда побѣжалъ къ Леммеру, чтобы сообщить ему новость.

— Не убивайся такъ, Анни,—утѣшала мистрисъ Кэй свою нежданную гостью.—Давай-ка лучше позавтракаемъ. У меня еще осталась горсточка чаю: погрѣемся чайкомъ.

— Я... я прежде схожу посмотрю, чтобы они тамъ чего не разбили,—выговорила сквозь слезы мистрисъ Уэсткотъ.

— Не стоитъ, Анни, хуже сердце заболитъ,—сказалъ мистрисъ Кэй.

— Я только на минутку. — И, накинувъ на голову платокъ, мистрисъ Уэсткотъ выскочила на улицу и пустилась бѣгомъ къ своему дому подъ проливнымъ дождемъ. Ея комодъ, шкафъ, стулья и столъ стояли уже на дворѣ, и полисмэны проворно вытаскивали вещи изъ кладовой.

Увидѣвъ эту картину, мистрисъ Уэсткотъ мгновенно превратилась въ фурію. Съ дикимъ визгомъ бросилась она къ своему скарбу, выхватила изъ какой-то кучи кочергу и щипцы и ринулась съ ними къ дверямъ.

— Оставьте мои вещи!—кричала она, задыхаясь.—Не смѣйте трогать! Убью на мѣстѣ!

Стоявшій у дверей полисмэнъ сталъ было ее уговаривать:

— Успокойтесь, сударыня! Уходите, — право, лучше будетъ. Мы не виноваты, намъ такъ приказано. Вы думаете, намъ весело исполнять эту работу? Да что подѣлаешь,— велятъ.

— Трусы вы подлые!—взвизгнула она и замахнулась на него кочергой.

Онъ отскочилъ съ комической поспѣшностью.

Со стороны картина могла показаться смѣшной. Но, доведенная отчаяніемъ до состоянія полной невмѣняемости, разъяренная женщина всегда страшна, и полисмэны не смѣли подступиться къ мистрисъ Уэсткотъ. Они грозили, убѣждали, но все напрасно. Одинъ, посмѣлѣе, попробовалъ было пробиться на улицу, закрывшись кухоннымъ столомъ вмѣсто щита, но она такъ больно хватила его кочергой по ногамъ, что онъ пошатнулся.

Тѣмъ временемъ вѣсть о появленіи полиціи облетѣла не только всю улицу, но и всю деревню, и къ дому Уэсткотовъ сбѣжалась толпа человѣкъ въ триста. Одни хохотали, поощряя воительницу одобрительными возгласами, другіе ругались, женщины плакали. Но большинство стояло въ полномъ молчаніи, съ крѣпко сжатыми губами и хмурыми лицами,— признакъ изъ самыхъ опасныхъ.

— Ловко, Анни! Молодецъ!—кричала мистрисъ Динъ.— Хорошенько ихъ! Такъ имъ и надо! Утопить бы ихъ всѣхъ въ рѣкѣ, негодяевъ!

Другія женщины поддержали ее. Но тутъ вмѣшался Леммеръ. Отозвавъ въ сторону Уэсткота, онъ принялся его уговаривать увести жену.

— Это добромъ не кончится, Дэвъ; ее посадятъ въ тюрьму. Не женское дѣло драться съ полиціей. Уведи ты ее.

Пли его поддержалъ.—Конечно, уведи. Ты никогда себѣ не простишь, если она очутится въ тюрьмѣ. Они вѣдь церемониться не станутъ.

Уэсткотъ, хоть и неохотно, но вышелъ изъ толпы и отправился усмирять свою супругу. У него нашлось подкрѣпленіе въ лицѣ мистрисъ Кэй и еще одной изъ сосѣдокъ. Сначала мистрисъ Уэсткотъ слышать ничего не хотѣла и продолжала твердить, что она разможжитъ голову первому мерзавцу, который дотронется до ея вещей, но потомъ какъ-то сразу ослабѣла, разразилась отчаяннымъ плачемъ и дала себя увести.

Послѣ этого работа полиціи продолжалась среди гробовой тишины.

— Знаешь, старикъ,—сказалъ вдругъ Бринтонъ, тронувъ

Леммера за плечо:—я предсказываю, что у насъ тутъ будетъ цѣлый адъ, прежде чѣмъ кончится вся эта исторія. Ты видишь: люди молчатъ. Это плохой знакъ. Лучше бы они кричали, ругались, буянили. А молчатъ,—значитъ крѣпко думаютъ... Эхъ, отчего мы не свернули шеи Сэму, когда онъ въ послѣдній разъ обходилъ фабрику! Боюсь, что теперь много изъ насъ будетъ такихъ, которымъ свернетъ шею Джекъ Кечъ *).

— Мы сдѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ, чтобы удержать ихъ въ уздѣ,—отвѣтилъ старикъ, но въ голосѣ его звучали грустныя нотки. Потомъ, нѣжно положивъ руку на плечо своему младшему товарищу, онъ прибавилъ:

— Ахъ, парень, отчего ты не молишься! Если-бъ ты зналъ, какое утѣшеніе приноситъ молитва!

— Нѣтъ, нѣтъ, Маттью,—сказалъ Бринтонъ,—это ты оставь! Вздумай я молиться, я бы первымъ дѣломъ спросилъ Всемогущаго, за что Онъ такъ милостивъ къ Сему... Нѣтъ, старикъ, лучше мнѣ не молиться, а то я, чего добраго, начну проклинать. Вы съ Джошемъ да молодой нашъ пасторъ замолите всѣ наши грѣхи... Эге! Да они уже принимаются за домъ Уотермэна!

Съ коттеджемъ Уэсткота было покончено, дверь заперта на замокъ, и полисмэны направлялись къ сосѣднему дому. Мистрисъ Уотермэнъ, высокая, худощавая старуха за шестьдесятъ, отличалась отъ другихъ женъ рабочихъ одною особенностью: она не носила платка на головѣ, а всегда ходила въ шляпкахъ. Она была родомъ изъ сѣверной части Шропшира, но прошло уже сорокъ два года съ тѣхъ поръ, какъ она переселилась въ Минвэль, и шляпка была единственнымъ признакомъ, по которому въ ней можно было признать пришлый элементъ. Теперь она спокойно стояла въ дверяхъ своего домика, скрестивъ на груди руки.

— Идите, идите,—обратилась она къ полисмэнамъ,—дѣлайте свое грязное дѣло. Только попомните мои слова: Богъ васъ за это покараетъ. Вы еще пожалѣете передъ смертью, что брались за такія дѣла. Не всегда васъ будетъ спасать имя Сэма.

Они ей ничего не отвѣтили, но было видно, что ихъ покоробило отъ этихъ словъ. Нѣтъ ничего страшнѣе зловѣщихъ предсказаній для неразвитого ума.

— Чѣмъ же мы виноваты, сударыня?—пробормоталъ было одинъ примирительнымъ тономъ.

— А вотъ когда васъ покараетъ Богъ, вы и спросите Его, чѣмъ вы виноваты,—отрѣзала на это мистрисъ Уотермэнъ.

---

*) Народная кличка палача.

Полисмэны сконфуженно принялись за работу подъ презрительнымъ взглядомъ старухи, продолжавшей стоять у дверей въ прежней позѣ. Къ этому времени толпа увеличилась почти втрое, но демонстрацій не было никакихъ. Когда полиція перешла къ третьему дому, явился Доннимоpъ. Только теперь онъ вполнѣ осмыслилъ, что значитъ выдвореніе, когда воочію увидѣлъ эту процедуру. Онъ весь дрожалъ отъ негодованія и могъ отвѣчать только безмолвными кивками на замѣчанія Леммера и другихъ, стоявшихъ подлѣ него.

Полиціей было намѣчено на этотъ день одиннадцать коттеджей,—весь рядъ по одну сторону улицы; но старшій полицейскій чиновникъ, видя, что толпа все прибываетъ, разсудилъ за благо отложить работу до слѣдующаго дня. Онъ вступилъ въ переговоры съ жильцами, предупредилъ ихъ, что вернется завтра, и просилъ, какъ о личномъ одолженіи, заблаговременно убрать вещи.

— Такъ и вамъ, и намъ будетъ покойнѣе,—заключилъ онъ.

— Ну, нѣтъ, помогать вамъ мы не намѣрены,—отвѣчали ему.—На то вы и поставлены, чтобъ допекать людей: вамъ за это платятъ.

Послѣ этого полиція поспѣшила убраться во-свояси. Старшій чиновникъ рѣшилъ про себя, что на другой день они начнутъ пораньше съ противоположнаго конца деревни; онъ надѣялся, что такимъ образомъ имъ удастся избѣжать слишкомъ большого стеченія зѣвакъ. При томъ враждебномъ настроеніи, какое замѣчалось въ толпѣ, довольно было самаго ничтожнаго повода, чтобы вызвать ее на аггрессивныя дѣйствія.

Какъ только полиція скрылась съ горизонта, Бринтонъ вскочилъ на одинъ изъ стоявшихъ на улицѣ стульевъ Уотермэна и сказалъ маленькій спичъ.

— Товарищи!—обратился онъ къ толпѣ.—Сэмъ началъ атаку. Онъ съ нами не шутитъ—дѣло ясное. Ну, да и мы вѣдь не любимъ шутить. Старикашка думаетъ, что онъ заставитъ насъ поджать хвосты. Ошибется въ разсчетѣ! Не вѣшайте носовъ, товарищи! Особенно вы, наши жены, потому что вамъ придется солонѣе всѣхъ.

За нимъ на той же каѳедрѣ появился Доннимоpъ.

— Я горжусь вами, господа!—такъ началъ онъ свою рѣчь.—Я счастливъ тѣмъ, что вы сумѣли такъ спокойно, съ такой выдержкой подчиниться насильственнымъ дѣйствіямъ полиціи. Благодарю свою судьбу за то, что она привела меня къ вамъ, гдѣ я каждый день бываю очевидцемъ такихъ проявленій спокойной силы духа... Друзья мои, мы побѣдимъ, ручаюсь! Можетъ быть, временами вамъ

трудно будетъ „не вѣшать носовъ", какъ выражается нашъ общій другъ Бринтонъ, но минуетъ же когда-нибудь смутное время, и тогда въ Минвэлѣ станетъ легче жить.... Пока кончаю; мнѣ надо идти отыскивать пріютъ для тѣхъ изъ вашихъ товарищей, кто сегодня остался безъ крова.

На слѣдующій день выдвореніе началось съ другого края Минвэля, но черезъ нѣсколько минутъ къ мѣсту дѣйствія опять сбѣжался народъ, и при томъ далеко не такъ мирно настроенный, какъ наканунѣ. Второй коттеджъ на очереди принадлежалъ Брикнолю, и Брикноль, покуда выдворяли его сосѣда, стоялъ въ дверяхъ своего жилища, со стиснутыми зубами и тяжелымъ молоткомъ въ рукѣ. Онъ уговаривалъ жену идти къ сосѣдямъ, но она упиралась, боясь оставить его одного. Она стояла рядомъ съ нимъ и твердила:

— Не трогай ихъ, Томъ! Право, оставь! Пусть лучше все пойдетъ прахомъ, только бы ты былъ цѣлъ. Побереги себя; помни, вѣдь ты членъ комитета.

— Уходи, тебѣ говорятъ!—сердито возражалъ ей Брикноль.—Ступай къ Сомерсамъ и сиди себѣ тамъ. Какая тебѣ радость смотрѣть, какъ будутъ выкидывать на улицу твое добро?

— Такъ и ты уходи. Я безъ тебя не уйду.

— Не уйдешь? Такъ я тебя заставлю!—И онъ замахнулся на нее молоткомъ.

Но это не испугало ея.—Что-жъ, лучше мнѣ разбей голову, чѣмъ другому,—сказала она.

По счастью, прежде чѣмъ Брикноль успѣлъ продѣлать этотъ опытъ, на сценѣ появились остальные члены комитета. Бринтонъ съ одного взгляда увидѣлъ, въ чемъ дѣло.

— Будетъ тебѣ, Томъ!—сказалъ онъ, подходя.—Положи молотокъ или лучше мнѣ отдай: у насъ, кстати, нечѣмъ уголь колоть. Подумай, какой ты подаешь примѣръ. Если мы, комитетчики, начнемъ дѣйствовать молотками, другіе примутся за ножи... Нѣтъ, товарищъ, не молотками побѣдимъ мы въ этой борьбѣ. Брось молотокъ, тебѣ говорю! Пойдемъ со мной.

— Не пойду!—упрямо сказалъ Брикноль.

Бринтонъ, вмѣсто отвѣта, принялся стаскивать съ себя куртку.

— Хорошо же! Если у тебя хватитъ духу ударить меня молоткомъ,—бей, я готовъ! Что же ты? Снимай куртку! выходи!

Брикноль не выдержалъ и засмѣялся.—Этотъ Джо всегда поставитъ на своемъ!.. Что съ тобой дѣлать, бери молотокъ. А жаль! ужъ больно мнѣ хотѣлось сегодня смазать котораго-нибудь изъ нихъ.

— Знаю, парень. Мнѣ тоже хотѣлось. Я давеча и тебя не прочь былъ смазать. Только кому мы этимъ угодили бы? —Одному Сэму. Насъ посадили бы въ кутузку, а ему того и надо.—Тутъ онъ неожиданно повернулся къ мистрисъ Брикноль. —Бѣдовый народъ эта молодежь!—проговорилъ онъ, подмигивая ей на ея старика.—Головорѣзы, да и только! Ничѣмъ не удержишь.

Брикноль, и послѣ него еще двое, были выдворены безъ дальнѣйшихъ инцидентовъ, Затѣмъ по порядку слѣдовалъ коттеджъ Шайндинга, но, ко всеобщему удивленію, его обошли.

— Что за притча?—воскликнулъ Бринтонъ.—Абрама не тронули. Что бы это могло означать?

— Тутъ что-то нечисто,—замѣтилъ Брикноль.—Надо разузнать, въ чемъ дѣло... Гдѣ онъ? Я нынче что-то его не видалъ.

— А я видѣлъ,—сказалъ Слэтветъ:—тому съ полчаса онъ былъ дома.

— Идемъ къ нему!—сказалъ Бринтонъ.—Этотъ Абрамъ мнѣ давно подозрителенъ. Въ послѣднее время онъ сталъ меньше ворчать, а я ужъ знаю: если Абрамъ не ворчитъ, значитъ, каверзу замышляетъ.

Шайндингъ самъ отворилъ имъ дверь. Видъ у него былъ смущенный.

— Что это значитъ, Абрамъ? Отчего они не тронули тебя?—спросилъ его Бринтонъ.

Шайндингъ давно уже собирался съ духомъ объявить комитету, что онъ отказывается отъ дальнѣйшаго участія въ стачкѣ.—Теперь былъ удобный для этого случай; но когда онъ увидѣлъ лица трехъ товарищей и стоявшую за ними на улицѣ огромную толпу, мужество измѣнило ему.

— Почемъ я знаю!—отвѣчалъ онъ съ притворной досадой.—Я торопился поѣсть, ждалъ ихъ съ минуты на минуту.

— Странно, что обошли *тебя*, члена комитета,—замѣтилъ Слэтветъ.—Должно быть, по ошибкѣ. Мнѣ, впрочемъ, все равно.

Бринтонъ строго приступилъ къ нему.

— Абрамъ, ужъ не на жалованьѣ ли ты у Сэма?—Но тутъ его вдругъ осѣнила догадка.—Постой! Да не ты ли и донесъ ему на насъ?

— Я?!..—вскричалъ Шайндингъ, стараясь скрыть свой страхъ.—Перекрестись!.. Не я, а ты донесъ. Многіе это подозрѣвали.

Бринтонъ только усмѣхнулся.—Слушай, товарищъ: мы этого такъ не оставимъ. Если все это время, когда мы тебя

считали своимъ, ты наушничалъ на насъ Сэму,—убирайся по добру по здорову, пока не поздно. Или ужъ не говори потомъ, что тебя не предостерегали.

— Я тебя не боюсь,—не велика ты птица!—закричалъ Шайндингъ, притворяясь разсерженнымъ.—Лучше за собой смотри!.. Они ошиблись, говорятъ тебѣ. Завтра придутъ и ко мнѣ.

— Надѣюсь, что придутъ. Желаю этого ради тебя... Но помни: если ты доносчикъ, лучше уходи, пока цѣлъ.

Шайндингъ послалъ ихъ всѣхъ къ чорту и захлопнулъ у нихъ подъ носомъ дверь.

— Готовъ прозакладывать послѣдній мой пенни, что у него рыло въ пуху!—сказалъ Слэтветъ.

— Увидимъ.

Съ этими словами Бринтонъ подошелъ къ полицейскимъ и, указывая на коттеджъ Шайндинга, спросилъ, отчего они обошли этотъ домъ, но единственнымъ отвѣтомъ ему было, чтобы онъ посторонился съ дороги и что это не его дѣло.

Когда принялись за слѣдующій домъ, публика получила неожиданное развлеченіе, заставившее ее на время забыть свое негодованіе и гнѣвъ. Хозяйка этого дома, мистрисъ Паллартъ, была здоровая, рослая женщина въ цвѣтѣ лѣтъ, что называется—бой-баба. Мужа, который былъ у нея подъ башмакомъ, и всѣхъ дѣтей она спровадила къ невѣсткѣ на другой конецъ деревни, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей осталось кое-что уложить и что они ей мѣшаютъ. Какъ только они ушли, она замкнулась изнутри, поднялась наверхъ, въ спальню, и тамъ засѣла въ ожиданіи врага. Когда полисмэны стали стучаться въ наружную дверь, громко требуя, чтобъ ихъ впустили, имъ на голову вылили сверху ведро холодной воды. Этотъ сюрпризъ заставилъ ихъ отскочить, что, конечно, распотѣшило зрителей. Тогда старшій полицейскій приказалъ имъ высадить дверь. Но какъ только они подошли, ихъ обдало цѣлымъ каскадомъ воды изъ трехъ ведеръ, опрокинутыхъ одно за другимъ, и въ довершеніе имъ высыпали на голову полный мѣшокъ сажи. Мокрые, задыхающіеся отъ сажи, которая набилась имъ въ ротъ, они были, дѣйствительно, очень комичны. Тѣмъ не менѣе, дверь была высажена. Но тогда оказалось, что мистрисъ Паллартъ сидитъ въ своей спальнѣ, какъ въ крѣпости, ибо вся лѣстница завалена мебелью, тюфяками и всевозможными тяжелыми предметами, какіе нашлись у нея подъ рукой.

Не видя другого средства, полисмэны рѣшили взять лѣстницу штурмомъ. Только того и ждала мистрисъ Паллартъ. Когда они очистили улицу, она высунулась въ окно

и попросила вполгоса, чтобъ ей принесли приставную лѣстницу. Въ желающихъ услужить не оказалось недостатка, и, пока полиція возилась на лѣстницѣ, расчищая проходъ, храбрая женщина вылѣзла въ окно и убѣжала подъ громъ восторженныхъ криковъ толпы.

Послѣ того очистили еще два коттеджа, и на этотъ день работа была прекращена.

XVII.

Мабель посѣщаетъ лагерь мятежниковъ.

Но самыя важныя событія этого дня разыгрались въ Дубкахъ. Мистеръ Слэтеръ постарался увѣрить себя, что, когда „рабочія руки“ увидятъ его непреклонность, они сдадутся. „Довольно выдворить двоихъ-троихъ, и они придутъ ко мнѣ кланяться“, говорилъ онъ Бентли. Онъ старательно скрывалъ свои распоряженія и планы отъ жены, но поутру, въ тотъ самый часъ, когда мистрисъ Паллартъ развлекала публику, новая горничная мистрисъ Слэтеръ, убирая ея комнату, заговорила съ ней о событіяхъ дня. Эта дѣвушка была изъ другой части графства и вмѣняла себѣ въ обязанность презирать минвэльцевъ.

— Ахъ, барыня, послушали бы вы, какой галдежъ идетъ на деревнѣ! Тамъ ихъ полиція изъ домовъ выгоняетъ. Баринъ, говорятъ, приказалъ. Да и подѣломъ имъ, смутьянамъ!..

Мистрисъ Слэтеръ не дала ей договорить. Приказавъ ей прекратить уборку, она послала ее за Мабель.

— Мамочка, что ты? Что съ тобой!—вскрикнула Мабель въ испугѣ, увидѣвъ лицо матери.—Тебѣ опять хуже?

— Мабель, это правда, что нашихъ рабочихъ силой выгоняютъ изъ домовъ?

Мабель разсердилась.

— Ахъ, эта Шарлотта! Это она все тебѣ наболтала! Дура! Только разстроила тебя. Мы отъ тебя скрывали, не хотѣли тебя волновать... Все это, конечно, очень непріятно... жалко людей,—теперь зима; но вѣдь папа предупредилъ ихъ за двѣ недѣли. Сами виноваты, что не ушли добровольно.

Мистрисъ Слэтеръ приподнялась въ постели:—Мабель! Не говори объ этомъ такъ легко! Выгнали на улицу—зимой! Ужасно! И это мы сдѣлали, мы!—И она зарыдала.

— Мама, не плачь!—говорила Мабель, стараясь ее успокоить.—Зачѣмъ, зачѣмъ тебѣ сказали! Ужасно? Ну да, ужасно все, съ начала до конца. Не знаешь, кого и винить. Но ты-то ужъ во всякомъ случаѣ невиновата... Ахъ, отчего папа

не раздѣлается съ своими фабриками? Мы бы уѣхали отсюда. Такъ нелѣпо возиться съ этой обузой безъ всякой нужды. Папа за это время на десять лѣтъ постарѣлъ; но онъ упрямъ, какъ... не знаю что,—почти такъ же, какъ эти люди. Право, это здѣсь въ воздухѣ носится. Фрэнкъ тоже заразился этимъ духомъ... Но ты, мамочка, успокойся, не думай объ этомъ. Вонъ, ты совсѣмъ больна! Я просто испугалась, когда взглянула на тебя.

— Дорогая моя дѣвочка!—съ трудомъ заговорила мистрисъ Слэтеръ, у которой отъ волненія поднялись жестокія боли.— Обѣщай мнѣ одно. Ты можешь смотрѣть на стачку какими хочешь глазами, но ты не допустишь—не можешь допустить, чтобы дѣти и женщины умирали отъ голоду. Ты должна что-нибудь сдѣлать для нихъ.. У меня въ банкѣ есть деньги—личныя мои. Я выдамъ тебѣ чекъ: бери изъ банка, бери все. Только сдѣлай, сдѣлай что-нибудь!.. О, какой ужасъ!

— А что скажетъ отецъ?—возразила дѣвушка нерѣшительно.

— Отецъ не можетъ запретить тебѣ быть человѣчной. Ты несправедлива къ нему, если думаешь, то его не тронутъ страданія малютокъ. Вовсе онъ не такъ жестокъ. Я сама съ нимъ поговорю. Онъ еще не вернулся изъ Манчестера?

— Нѣтъ. Онъ уѣхалъ съ раннимъ поѣздомъ и говорилъ, что вернется къ пяти.

— Я поговорю съ нимъ, когда онъ вернется. А ты иди! Иди сейчасъ туда, въ деревню. Помоги имъ. Возьми съ собой денегъ. Если не хочешь отъ своего имени, дай отъ моего.

— Мама, они такъ возбуждены противъ насъ, что, я боюсь, ничего не возьмутъ отъ меня.

— Попробуй!—выговорила больная еле внятно.

Тутъ силы ей измѣнили, и она лишилась чувствъ.

Мабель съ начала стачки ни разу не была въ деревнѣ и не давала себѣ задумываться надъ тѣмъ, къ какимъ послѣдствіямъ для населенія стачка могла привести. Уже самымъ фактомъ объявленія стачки жители Минвэля провинились передъ ней, разрушивъ ея счастье, и за послѣднія недѣли прежнее ея равнодушіе къ нимъ перешло почти въ ненависть. Но теперь видъ материнскаго горя взволновалъ ее и заставилъ задуматься. Вся ея жизнь до сихъ поръ была окрашена отсутствіемъ симпатіи къ людямъ, трудившимся въ потѣ лица для того, чтобы влачить жалкую жизнь и чтобы она, Мабель, могла жить въ полномъ довольствѣ. Доннморъ затронулъ въ ея душѣ человѣчную струнку, но предубѣжденіе ея не исчезло.

Отъ матери она прошла прямо въ садъ, чтобы подумать на свободѣ. Положимъ, она исполнитъ желаніе матери. Что тогда? Какъ ее встрѣтятъ въ Минвэлѣ?—Встрѣтятъ оскорбленіями—это всего вѣроятнѣе, — и не пустятъ къ себѣ на порогъ. Тамъ ее всегда принимали холодно, даже когда она являлась съ подарками. Но она не понимала того, что источникомъ этой холодности было собственное ея равнодушіе къ людямъ. Она раздавала подачки щедрой рукой, но никогда не отдавала себя, своей души, и Минвэлю было не за что быть благодарнымъ. Минвэль понималъ, что онъ получаетъ, какъ милость, изъ рукъ дочери то, что долженъ получать по праву отъ отца.

Мабель была самолюбива. „Они тамъ, въ Минвэлѣ, могутъ подумать, что я боюсь показаться имъ на глаза", мелькнуло у нея въ головѣ, и одной этой мысли было достаточно, чтобы заставить ее рѣшиться. Она наскоро составила планъ дѣйствій. Она не станетъ раздавать деньгами, а скажетъ оптовымъ торговцамъ, чтобы они за ея счетъ отпускали все необходимое болѣе нуждающимся. Съ этимъ рѣшеніемъ она одѣлась, захватила съ собой денегъ, зонтикъ отъ дождя и, гордо поднявъ голову, зашагала въ Минвэль.

Однако, при всей своей храбрости, она вздохнула съ облегченіемъ, когда, поднявшись на мостъ, увидѣла идущаго ей навстрѣчу Доннимора. Онъ шелъ съ поникшей головой и замѣтилъ ее только тогда, когда они почти столкнулись. Онъ вскрикнулъ отъ неожиданности:—Мабель!

Она протянула ему руку и тутъ только замѣтила, какъ онъ похудѣлъ и какое у него измученное лицо.

— Фрэнкъ! Что съ тобой? Ты боленъ?—вырвалось у нея.

Онъ черезъ силу улыбнулся. — Нѣтъ, дорогая. Усталъ немножко — вотъ и все. Мнѣ некогда хворать... Куда ты идешь?

Она чуть-чуть покраснѣла. — Въ деревню. Мама очень взволновалась, когда узнала о выдвореніи. Она просила меня сходить посмотрѣть, нельзя ли чего-нибудь сдѣлать для нихъ. Строго говоря,—прибавила она такимъ тономъ, который долженъ былъ означать: „Пожалуйста, не перетолкуй этого какъ-нибудь иначе",—строго говоря, я дѣйствую только по порученію, въ качествѣ посла.

— Наконецъ-то!—воскликнулъ Донниморъ въ глубокомъ волненіи. — Всѣ эти дни я молился, чтобы твое сердце... Нѣтъ, я не то говорю!.. Чтобы глаза твои открылись. Когда ты увидишь, что здѣсь творится, ты поймешь и пожалѣешь ихъ.

Съ холоднымъ достоинствомъ, какое она умѣла иногда на себя напускать, Мабель отвѣчала:

— Ты забываешь, Фрэнкъ, въ какихъ я нахожусь отношеніяхъ къ хозяину рабочихъ, о которыхъ ты говоришь.

— Нѣтъ, не забываю. Но, при всемъ безсердечіи мистера Слэтера, я не допускаю мысли, чтобы въ его планы входило намѣреніе уморить голодомъ дѣтей. Ангелы-хранители младенцевъ всегда предстоятъ предъ лицомъ Отца Нашего Небеснаго. Какой же отвѣтъ за ихъ страданія дадимъ мы Ему?

Его тонъ немножко сбивался на тотъ тонъ, какимъ онъ обыкновенно говорилъ съ каѳедры. Это ее разсердило.

— Отецъ мой, вѣроятно, отвѣтитъ, что это не его вина, что дѣло самихъ рабочихъ было подумать о страданіяхъ, которымъ они подвергаютъ своихъ дѣтей,—сказала она рѣзко.

— Ну, да, я знаю,—возразилъ онъ болѣе естественнымъ тономъ:—каждый изъ насъ такъ или иначе оправдывается или пытается оправдаться передъ своею совѣстью въ своихъ ошибкахъ и грѣхахъ,—вообще во всѣхъ своихъ недочетахъ. Жаль только, что наша совѣсть такъ легко прощаетъ намъ... Но ты, моя радость, не отнесешься равнодушно къ тому, что дѣти въ Минвэлѣ будутъ умирать съ голоду. Ты не скажешь: это не моя вина... Что ты намѣрена дѣлать сейчасъ?

— Сама не знаю. Я... я хотѣла зайти къ Гудмэну и къ Ферри сказать, чтобъ они за нашъ счетъ отпускали товаръ тѣмъ, кто больше всѣхъ будетъ нуждаться.

Донниморъ улыбнулся и покачалъ головой.—Нѣтъ, это не годится. Это значило бы только усыплять свою совѣсть... Пойдемъ со мной—хочешь?

— Хочу. Я рада, что встрѣтила тебя.

Онъ рѣшился не щадить ея. Прежде всего они прошли въ безплатную столовую. Онъ все ей показалъ и разсказалъ подробно, какими средствами они думаютъ бороться съ нуждой. Потомъ онъ повелъ ее по деревнѣ. Безмолвно указалъ онъ ей на рядъ опустѣвшихъ домовъ на краю, послѣ чего они направились къ противоположному концу Минвэля, гдѣ какъ разъ въ это время шло выдвореніе. Увидѣвъ впереди толпу зрителей, наблюдавшихъ за этой процедурой, дѣвушка невольно попятилась и прижалась къ нему, но онъ повелъ ее прямо на толпу. Какъ только ее замѣтили ближайшіе изъ зѣвакъ, началось перешептыванье, и вскорѣ всѣ головы повернулись въ ея сторону и всѣ глаза уставились на нее. Послышались отдѣльные голоса:—Глядите! дочка Сэма!—Не утерпѣла, видно, пришла!

— А какъ же! Любопытно вѣдь поглядѣть представленіе.

Мабель услышала. У нея зардѣлись щеки, но она ничего не сказала. Донниморъ сдѣлалъ знакъ близь стоявшимъ, и

толпа притихла. Только женщины продолжали шушукаться, но такъ тихо, что Мабель не могла разслышать. Одна спросила: „Видно, они не поссорились?"—послѣ чего начались шепотомъ пересуды по поводу взаимныхъ отношеній молодой четы.

Доннимор҃ъ повелъ ее черезъ улицу къ Седдонамъ. У нихъ же жили и Лэкинги, которыхъ только что выдворили; да и самимъ Седдонамъ предстояло то же дня черезъ два. Мистрисъ Лэкингъ кормила грудью больного ребенка (у него очень трудно рѣзались зубы), а подлѣ нея на кровати, въ изнеможеніи послѣ приступа коклюша, лежалъ другой ребенокъ, ея двухлѣтній сынишка. Мистрисъ Седдонъ устало двигалась по комнатѣ, что-то прибирая. Скоро и для нея должна была придти пора испытаній.

Когда Доннимор҃ъ, легонько постучавшись, вошелъ въ комнату съ радушнымъ „здравствуйте, друзья!", обѣ женщины весело улыбнулись, но у обѣихъ улыбка мгновенно исчезла, и ни у той, ни у другой не нашлось ни одного слова привѣтствія, когда онѣ увидѣли, кто съ нимъ; такъ что ему пришлось самому предложить гостьѣ присѣсть. Онъ ласково погладилъ по головкѣ больного мальчика, и тотъ улыбнулся ему, какъ старому знакомому. Потомъ, подойдя къ хозяйкѣ, онъ подалъ ей какой-то пакетикъ.

— Это чай, мистрисъ Седдонъ. Можетъ быть, полезнѣе было бы принести чего-нибудь болѣе питательнаго, но женщины такія охотницы до чаю, что не промѣняютъ его ни на что другое. Вѣдь такъ?.. Что это значитъ, однако? У васъ не топится каминъ!—прибавилъ онъ, оглядѣвшись.

Мистрисъ Лэкингъ бросила яростный взглядъ на Мабель и заговорила:

— Да, не топится, сэръ. У Кетъ еще осталась горсточка угля, да вѣдь на той недѣлѣ придетъ ея чередъ. Я не позволила ей жечь уголь изъ-за насъ. Ей самой понадобится.

— Ничего, мы тогда достанемъ,—сказалъ Доннимор҃ъ.— А пока давайте разведемъ огонь и заваримъ чаю. Всѣмъ станетъ сразу веселѣе.—Онъ взялъ отъ матери грудного ребенка и положилъ его на колѣни къ Мабель.—Пожалуйста, затопите каминъ, мистрисъ Лэкингъ, а миссъ Слэтеръ понянчитъ вашу дѣвочку.

Мабель покраснѣла. Мистрисъ Лэкингъ съ ненавистью смотрѣла на нее, и ея руки даже сдѣлали такое движеніе, точно она хотѣла вырвать у нея ребенка.

— Кетъ можетъ ее подержать, сэръ,—сказала она.

— Пусть лучше мистрисъ Седдонъ отдохнетъ,—возразилъ ей, улыбаясь, викарій.

— Не хочу я видѣть моего ребенка на рукахъ кого-

нибудь изъ Слэтеровъ!—вдругъ закричала разсерженная женщина, глядя ему прямо въ глаза.—Это они виноваты, что дѣвочка моя захворала.

На это Донниморъ отвѣтилъ ей мягко, но авторитетно:

— Послушайте, мистрисъ Лэкингъ! Миссъ Слэтеръ пришла сюда съ тѣмъ, чтобы всѣмъ вамъ помочь, насколько это въ ея власти. Она не виновата въ томъ, что случилось.

Первымъ побужденіемъ Мабель было передать ребенка мистрисъ Седдонъ, но желаніе укротить и покорить сердитую мистрисъ Лэкингъ одержало верхъ. Она поднялась со стула съ ребенкомъ на рукахъ и подошла къ ней.

— Если вы желаете, я отдамъ дѣвочку мистрисъ Седдонъ,— спокойно сказала она,—но мнѣ очень хочется ее подержать. Смотрите: она меня не боится, она улыбается мнѣ... А то, пожалуй, возьмите ее, я разведу огонь.

— Вы меня извините, миссъ Слэтеръ, если я васъ обидѣла,—проговорила мистрисъ Лэкингъ уже гораздо мягче.— У насъ, вы знаете, что на умѣ, то и на языкѣ. Можетъ, и вправду вы не виноваты, да больно ужъ намъ-то не сладко приходится.

— Я это знаю, но повѣрьте, и мнѣ не легко.

— Ну хорошо, подержите дѣвченку, я затоплю.

Въ эту минуту раздался торопливый стукъ въ дверь. Вслѣдъ затѣмъ дверь пріотворилась, и въ нее просунулась голова сынишки Брикноля.

— Мистеръ Донниморъ! Отецъ и мистеръ Леммеръ васъ зовутъ. Просятъ выйти на улицу—сію минуту!—выговорилъ онъ однимъ духомъ.—У дома Мика Муллинса идетъ свалка; они боятся, какъ бы не убили кого.

Донниморъ повернулся къ Мабель.—Посиди здѣсь, я за тобой приду.—И, не дожидаясь отвѣта, онъ выбѣжалъ вонъ.

Муллинсъ былъ ирландецъ по происхожденію, хотя родился въ Ланкаширѣ. Ему шелъ уже тридцать шестой годъ, но, несмотря на свой солидный возрастъ, онъ былъ большой сорви-голова. Въ послѣдніе дни онъ презрительно ворчалъ по поводу благоразумной сдержанности товарищей, которые такъ легко позволили выгнать себя изъ жилищъ. „Будь тутъ со мной человѣкъ пять моихъ земляковъ, молодцовъ изъ нашей старой Ирландіи, я бы вамъ показалъ, какъ надо отстаивать свои права“—говорилъ онъ. Но такъ какъ земляковъ налицо не оказывалось, то онъ объявилъ, что самъ подастъ примѣръ. Ему не повѣрили; думали, что онъ просто хвастается, но ошиблись. Въ этотъ день Муллинсы—мужъ и жена—съ утра отправили троихъ своихъ ребятъ къ сосѣдямъ, а сами принялись укрѣплять свое жилье на случай атаки.

Какъ только полиція подошла къ его домику, Муллинсъ,

безъ куртки, съ засученными рукавами рубахи, показался въ верхнемъ этажѣ, въ окнѣ своей спальни.

— Убирайтесь вонъ, бездѣльники!—закричалъ онъ.—Это мой домъ, и я васъ не звалъ. Если каждый изъ васъ не о двухъ головахъ, такъ лучше уходите.

— Послушайте! Перестаньте глупить,—сказалъ старшій полицейскій.—Вы обязаны повиноваться закону.

— Закону! Я плюю на вашъ законъ! Да было бы вамъ извѣстно: я изъ Ирландіи. Насъ тамъ не испугаетъ и тысяча такихъ, какъ вы. Уходите прочь, пріятель, а то плохо будетъ—предупреждаю!

— Отоприте или мы высадимъ дверь.

— Попробуйте!

По командѣ своего старшого три полисмэна навалились на дверь, но вдругъ отскочили, и крича, и ругаясь. Оказалось, что мистрисъ Муллинсъ выплеснула на нихъ изъ окна цѣлый кувшинъ кипятку. Одному изъ людей сильно ошпарило шею, и его увели къ доктору.

— Нравится вамъ начало?—закричалъ, хохоча, мистеръ Муллинсъ, а жена его, перегнувшись черезъ подоконникъ, ругалась, какъ умѣютъ ругаться только ирландки.

Но зрители не смѣялись. Это была уже не игра, а серьезная схватка. Раздалось два-три поощрительныхъ возгласа. Муллинсъ махалъ руками и кричалъ:—Я покажу вамъ, какъ надо принимать этихъ чертей!

Стоявшіе въ толпѣ Бринтонъ и Бутройдъ попытались было прекратить скандалъ.

— Эй, Микъ, угомонись!—сказалъ Бринтонъ, подходя къ дому.— Все это прекрасно, но вѣдь ихъ дюжина на васъ двоихъ, а скоро будетъ и сотня, и тысяча. Сила-то все равно не твоя. Оставь ихъ, пусть дѣлаютъ свое дѣло. Съ Сэмомъ мы и такъ расквитаемся. Право, оставь!

— Пошелъ къ чорту, кисляй!—заоралъ Муллинсъ, окончательно закусившій удила.

— Ну, и шутъ съ тобой, коли такъ. Валяй дурака на здоровье, только хоть хозяйку-то свою убери.

Въ отвѣтъ на это мистрисъ Муллинсъ пригрозила Бринтону ошпарить его „не хуже той свиньи“. Бринтонъ пожалъ плечами и отошелъ, сопровождаемый бранью почтенной четы.

— Надо послать за мистеромъ Доннимором,—сказалъ Бутройдъ.—Можетъ быть, онъ ихъ вразумитъ... Сейчасъ онъ у Седдоновъ; я видѣлъ, какъ онъ къ нимъ прошелъ.

— Пожалуй, пошлемъ, только самъ дьяволъ, я думаю, не вразумитъ теперь Мика,—сказалъ Бринтонъ.—Говорить съ ирландцемъ, когда у него голова вверхъ ногами, все равно что говорить со стѣной.

Когда на сценѣ появился Донниморъ, битва была въ полномъ разгарѣ. Дверь взяли приступомъ, но это былъ только первый окопъ крѣпости. За нимъ возвышалась баррикада изъ ящиковъ, сундуковъ, столовъ и матрацевъ. Мужъ и жена засѣли за этой баррикадой и защищались съ отчаяннымъ упорствомъ. Одинъ изъ осаждавшихъ былъ выбитъ изъ строя ударомъ ножки отъ стола, которою очень ловко дѣйствовалъ Муллинсъ; всѣ остальные были или ранены, или контужены. У самого Муллинса весь правый глазъ былъ залитъ кровью. У мистрисъ Муллинсъ распустились волосы, и въ воздухѣ мелькали ея голыя по локоть руки, проворно выплескивавшія воду въ лицо непріятелю—„къ сожалѣнію, только холодную воду“, какъ она громогласно объявила публикѣ, а не кипятокъ.

Попросивъ полицію отойти въ сторону, Донниморъ попробовалъ вступить въ переговоры съ осажденными. Но Муллинсъ былъ, какъ одержимый, и ничего не слушалъ. Тогда Донниморъ обратился къ мистрисъ Муллинсъ, но услышалъ въ отвѣтъ: „Убирайтесь! Намъ не нужно еретическихъ поповъ“. Видя, что тутъ не помогутъ никакія увѣщанія, Донниморъ отошелъ, отъ всей души жалѣя, что не въ его власти притащить на эту сцену Слэтера и показать ему, что онъ надѣлалъ.

Между тѣмъ, атака возобновилась, но супруги не сдавались: Муллинсъ еще энергичнѣе прежняго махалъ своей импровизированой дубиной. Къ нему страшно было подступиться. Неизвѣстно, какъ долго тянулась бы эта исторія если бы полисмэны не поднялись на хитрость. Одинъ изъ нихъ принесъ откуда-то приставную лѣстницу. Увидѣвъ это, мистрисъ Муллинсъ бросилась наверхъ отражать непріятеля, въ полной увѣренности, что приступъ будетъ направленъ на верхній этажъ. Тогда три полисмэна, крѣпко захвативъ одинъ конецъ лѣстницы и держа ее горизонтально, двинулись прямо на Муллинса. Онъ торопливо откинулся въ сторону, и это дало имъ возможность протиснуться въ дверь. Тогда онъ побѣжалъ наверхъ, гдѣ они съ женой еще защищались, пока одинъ изъ полисмэновъ не изловчился схватить его за ноги и повалить. Даже и тутъ онъ еще пытался отбиваться, но въ концѣ концовъ ихъ обоихъ обезоружили и связали.

Толпа безмолвно слѣдила за тѣмъ, какъ мужа и жену, связанныхъ, выводили изъ дома. Человѣкъ триста двинулись слѣдомъ за ними къ участку, куда ихъ вели запирать. Вдругъ кто-то крикнулъ:—Ребята! Отбивай!

Это былъ психологическій моментъ. Въ одинъ мигъ были сметены всѣ преграды, и конвоировавшіе арестантовъ два полисмэна очутились передъ разъяренной толпой. Какъ ни

усердно работали они своими дубинками, это не помогло. Плѣнники были отбиты и отведены въ укромное мѣсто, гдѣ ихъ нелегко было найти.

Не удовольствовавшись этой побѣдой, расходившаяся толпа повернула обратно къ дому Муллинса, принялась швырять камнями въ остававшихся тамъ полицейскихъ и не успокоилась, пока не выгнала изъ деревни этихъ „ищеекъ, которыхъ подослалъ къ нимъ Сэмъ".

Отвѣтъ на всѣ эти буйства не заставилъ себя ждать. Полиція вызвала по телеграфу подкрѣпленіе въ лицѣ еще десятковъ двухъ человѣкъ, и вслѣдъ затѣмъ пришелъ приказъ арестовать Микаэля и Мэри Муллинсъ.

Съ тяжелымъ сердцемъ вернулся Донниморъ къ Седдонамъ. Ребенокъ все еще былъ на рукахъ у Мабель, но обѣ женщины держали ее на почтительномъ отъ себя разстояніи, еле отвѣчая на всѣ ея попытки заговорить. Для членовъ семьи Слэтера онѣ не удостаивали даже притвориться любезными.

Попрощавшись съ ними обѣими, Донниморъ увелъ Мабель. Только на улицѣ разсказалъ онъ ей, чего онъ былъ сейчасъ очевидцемъ.

— Плотина прорвалась, теперь ихъ не удержишь,—сказалъ онъ потомъ.—Да и неудивительно. Трудно быть терпѣливымъ, когда голодаешь не только самъ, но и самыя дорогія для тебя существа.

Мабель промолчала. Они опять пошли въ столовую, гдѣ въ этотъ часъ происходила раздача супа. По предложенію Доннимора, Мабель приняла участіе въ этой работѣ. Забавно было видѣть, какъ маневрировали рабочіе и ихъ жены, чтобы только не принять чего нибудь изъ ея рукъ. Глядя на эти уловки, она и сама невольно улыбалась, несмотря на чувство обиды, подымавшееся въ ней. Одинъ собирался было даже уйти совсѣмъ безъ супа, такъ что ей пришлось послать за нимъ въ догонку Доннимора.

Когда раздача кончилась, молодая чета направилась къ *Дубкамъ*.

— Фрэнкъ, возьми у меня мамины деньги на вашу столовую. Я сама все равно ничего не придумаю,—сказала Мабель.

— Съ радостью возьму все, что ты мнѣ дашь. Наши фонды изсякаютъ... Ну что, моя радость, какое твое впечатлѣніе отъ нынѣшняго дня?

Она подняла на него глаза.—Фрэнкъ, у меня голова идетъ кругомъ отъ всего этого. Точно сонъ какой-то... страшный сонъ, когда знаешь, за тобой гонятся, ты хочешь убѣжать и не можешь. Я сегодня все старалась стать на твою

точку зрѣнія, понять твое отношеніе къ нимъ. И мнѣ ихъ жаль, искренно жаль. Я не понимала, пока не увидѣла своими глазами... Но, Фрэнкъ,—прибавила она упавшимъ голосомъ,—ты знаешь самъ, въ какомъ я трудномъ положеніи.

— Знаю, милая, все знаю,—сказалъ онъ съ чувствомъ,—но знаю и то, что если изъ этого положенія есть выходъ, ты его сумѣешь найти.

— Я постараюсь. Мнѣ кажется, отецъ не представляетъ себѣ ясно ихъ нужды, иначе онъ хоть не выгналъ бы ихъ на улицу въ такую пору. Если даже онъ правъ, не уступая ихъ требованіямъ, я всетаки не вижу необходимости въ выдвореніи, и это, конечно, жестоко. Вообще за послѣднее время отецъ очень очерствѣлъ. Ты знаешь, онъ запретилъ мнѣ съ тобой говорить. Онъ даже требовалъ, чтобы я прекратила всякія сношенія съ тобой, но я сказала, что никогда этого не сдѣлаю... О, Фрэнкъ! Какъ трудно всегда поступать справедливо! Если бы ты мнѣ помогъ!—И она съ мольбой протянула къ нему руки.

Онъ молча взялъ ея руку въ свои.

— Если бъ не мама, я ни за что не пришла бы сюда. У нея вѣдь всегда душа болитъ за весь міръ. Она такъ ясно представляетъ себѣ чужія страданія, которыхъ даже не видитъ, какъ будто пережила ихъ сама... Ахъ, отчего у меня такъ мало воображенія!

— Не въ воображеніи дѣло, мой другъ, а въ любви къ людямъ. Гдѣ есть любовь, все остальное приложится... Только напрасно ты казнишься. Я ничуть не лучше тебя. Давно ли я относился къ моимъ прихожанамъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ? Я даже былъ готовъ почти возненавидѣть ихъ за то, что они нарушили мой покой своей агитаціей. Но, благодареніе Богу, все это прошло и больше не вернется... Если бъ ты знала, какіе между ними есть чудные люди! Хотя бы старики Леммеры. Они жили безбѣдно; имъ удалось прикопить кое-что. Вскорѣ послѣ того, какъ была объявлена стачка, онъ далъ мнѣ десять фунтовъ на нашу столовую, съ условіемъ никому объ этомъ не говорить. А вчера я случайно узналъ, что нѣтъ здѣсь человѣка, которому бы онъ не помогалъ. Всѣ его сбереженія, кажется, уже ушли на чужую нужду. Въ среду я къ нимъ заходилъ и засталъ за завтракомъ всю семью—его самого, жену его и дочь. Какъ ты думаешь, что они ѣли?—Сухой хлѣбъ съ жиденькимъ чаемъ. Вотъ какихъ людей преслѣдуетъ твой отецъ! Можно ли сомнѣваться, на чьей сторонѣ право? Леммеръ—диссидентъ, Пли тоже диссидентъ, но и между моими прихожанами есть люди, которые дѣйствуютъ на меня, какъ глотокъ

хорошаго, крѣпкаго вина. Ингамъ, напримѣръ,—тотъ самый Ингамъ, который имѣлъ дерзость—такъ мнѣ казалось въ то время,—раскритиковать мою первую проповѣдь. Да это просто герой! Со дня начала стачки онъ каждую недѣлю исхаживаетъ по сту миль, собирая пожертвованія на стачечниковъ натурой и деньгами. Однѣми деньгами онъ уже собралъ пятьдесятъ слишкомъ фунтовъ... Нѣтъ, не отъ бездѣлья протестуютъ эти люди, и не негодяи они!

Мабель молчала, но слова ея жениха падали теперь не на каменистую почву.

— О, Мабель, дорогая моя! Отбрось свое предубѣжденіе!—продолжалъ онъ горячо.—У тебя доброе, любящее сердце, иначе,—тутъ онъ нѣжно улыбнулся ей,—иначе оно не забилось бы для меня. Если ты будешь съ презрѣніемъ сторониться отъ своихъ ближнихъ, твое сердце зачахнетъ безъ пищи. Сочувствіе, состраданіе къ людямъ—какъ ревность и любовь: оно само себя питаетъ и этимъ живетъ.

Трудно было удержаться на разумной, практической точкѣ зрѣнія (какъ назвалъ бы это мистеръ Слэтеръ), имѣя своимъ оппонентомъ такого энтузіаста.

— Я сдѣлаю все, что могу, Фрэнкъ, ради тебя,—сказала она, наконецъ, тихимъ голосомъ.—Но при существующихъ условіяхъ это нелегко. Какъ бы я ни поступила, я кому нибудь принесу горе.

— У тебя мать, которая поддержитъ тебя.

— Это правда. Я часто жалѣю, зачѣмъ я не такая, какъ мама.

— Твоя мать—лучшая изъ женщинъ, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать,—проговорилъ онъ съ жаромъ.—И ты, если захочешь, можешь быть такою, какъ она. Натура у тебя материнская, а въ твоихъ маленькихъ недостаткахъ—главное, въ твоихъ предубѣжденіяхъ,—виновата среда.

Онъ взялъ ее за руку и повернулъ назадъ.—Взгляни на Минвэль! Часто мы съ тобой смотрѣли на него сверху внизъ, и въ буквальномъ смыслѣ, и метафорически. Часто ты говорила: что за безобразное мѣсто!—Неправда! Не можетъ быть безобразія тамъ, гдѣ видишь столько стойкости душевной, столько самоотверженія, доходящаго до героизма. Отсюда видна только наружная кора, а подъ нею много хорошаго... много и дурного, правда, но такого, что можно исправить. Надо заглянуть подъ кору.

— Да, Фрэнкъ, я постараюсь... Я была очень несчастна. Мнѣ казалось, что всѣ въ заговорѣ противъ меня, что, ссорясь съ моимъ отцомъ, ты не принимаешь въ разсчетъ моихъ чувствъ, и мнѣ было больно и обидно...

— Бѣдная Мабъ!—нѣжно сказалъ онъ.

Она ушла отъ него съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ и съ облегченнымъ сердцемъ. Свиданіе съ нимъ подкрѣпило ее; въ его словахъ она нашла утѣшеніе и опору. Она поняла, что есть нѣчто выше мелкихъ личныхъ огорченій, и чувствовала, что теперь мелочи жизни не будутъ ее такъ раздражать. Вернувшись домой, она прошла прямо къ матери. Мистрисъ Слэтеръ не совсѣмъ еще оправилась послѣ своего обморока, но нетерпѣливо ждала вѣстей изъ Минвэля.

— Ахъ, мама, это ужасно!—заговорила еще съ порога Мабель.—Я встрѣтила Фрэнка. Онъ показалъ мнѣ столовую, которую они устроили для рабочихъ, потомъ водилъ меня по деревнѣ... Тамъ есть Муллинсы, мужъ и жена,—они ирландцы, ты знаешь. Такъ, когда къ нимъ пришла полиція, они не захотѣли уйти добровольно. Ихъ стали выгонять силой, и они зашищались. Изъ полицейскихъ зашиблено нѣсколько человѣкъ; самъ Муллинсъ тоже раненъ. Счастье еще, что никого не убили. А когда ихъ, наконецъ, арестовали, толпа подняла страшный крикъ и отбила ихъ... Какъ отецъ себѣ хочетъ, а это надо прекратить! Они насъ ненавидятъ, мама.

— Что говоритъ Фрэнкъ?—спросила мистрисъ Слэтеръ.

— Говоритъ, конечно, что отецъ неправъ. Онъ очень хвалитъ рабочихъ; разсказывалъ мнѣ много хорошаго о многихъ изъ нихъ. Онъ увѣренъ, что они добьются успѣха... Мнѣ жаль, что я не могу такъ горячо чувствовать, какъ вы съ Фрэнкомъ, но я согласна съ вами въ томъ, что жестоко выгонять людей изъ жилищъ, а главное—совершенно не нужно. Отецъ говоритъ, что онъ поступаетъ, какъ дѣловой человѣкъ, какъ тамъ у нихъ полагается по политической экономіи, что ли. Кто же правъ, наконецъ? Я ничего не понимаю!

— Отецъ твой, разумѣется, думаетъ, что онъ правъ. Онъ считаетъ слабостью состраданіе къ людямъ въ такихъ случаяхъ, какъ этотъ.

— Надо что нибудь сдѣлать! Надо его убѣдить! Я не удивляюсь теперь, что они насъ ненавидятъ. Отецъ, конечно, скажетъ, что они сами себя наказали. Но все равно, надо это прекратить. Если бъ онъ пошелъ и посмотрѣлъ, что тамъ дѣлается, онъ и самъ понялъ бы это. Сегодня же поговорю съ нимъ. Скажу ему, что я не могу этого видѣть, что я отдамъ имъ все, что у меня есть, чтобы хоть дѣти были сыты. Я уговорю его, мама; ты вѣдь знаешь, какъ я умѣю иногда его убѣдить.

Мистрисъ Слэтеръ съ улыбкой кивнула ей головой: дочка начинала ее радовать.

— Мама, мнѣ стало легче теперь, когда я поговорила съ Фрэнкомъ. Я и теперь не вижу, почему ему непремѣнно

понадобилось принять участіе въ этой стачкѣ, но, какъ священникъ, онъ пожалуй не могъ сидѣть сложа руки и смотрѣть, какъ люди кругомъ нуждаются и страдаютъ.

— Я умру спокойно, моя дѣвочка, зная, что ты заслужила любовь такого человѣка, какъ Фрэнкъ.

— Охъ нѣтъ, мамочка, только не умирай!—вскрикнула дѣвушка въ испугѣ.—Все мое счастье будетъ испорчено, если ты не увидишь меня женой Фрэнка.

— Мнѣ самой очень хочется видѣть тебя счастливой женой и матерью, моя дорогая, отвѣчала мистрисъ Слэтеръ, радуясь въ душѣ, что дочь ея не знаетъ, какъ тяжело отозвались на ней послѣднія событія въ Минвэлѣ.

XVIII.

Inter pares.

Въ Манчестерѣ мистеръ Слэтеръ, какъ ему казалось, встрѣтилъ сочувствіе, котораго онъ не находилъ въ своей семьѣ. Но мистеръ Слэтеръ увлекался. Онъ никогда не былъ популяренъ между своими собратьями фабрикантами. Въ числѣ ихъ были такіе же, какъ онъ, самородки, пробившіе себѣ дорогу собственными силами,—тоже люди невоспитанные, неотесанные, съ грубыми манерами, но всетаки не въ его вкусѣ. Въ нихъ не было того противнаго самодовольства, которое раздражаетъ въ каждомъ, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ. „Когда говоритъ Слэтеръ, у меня чешутся руки ударить его“,—сказалъ о немъ одинъ изъ членовъ манчестерской биржи. Слэтеръ былъ собственникъ Минвэля, человѣкъ съ большой практической сметкой,—все это оставалось при немъ; но въ Ланкаширѣ были хозяева и побогаче Слэтера. У себя дома онъ могъ хозяйничать, какъ хотѣлъ; здѣсь же, въ Манчестерѣ, онъ былъ только однимъ изъ толпы. Многіе даже не считали его своимъ ровней.

Когда въ Минвэлѣ началась агитація въ пользу стачки, Слэтеръ, пріѣзжая въ Манчестеръ, раздувалъ въ своей компаніи эту исторію, воображая, что это придастъ ему вѣсу. Проклятые агитаторы житья ему не даютъ говорилъ онъ; но онъ имъ покажетъ себя, онъ ихъ раздавитъ, въ бараній рогъ согнетъ! Въ тонѣ всѣхъ этихъ изліяній довольно прозрачно сквозило, что, дескать, онъ, Слэтеръ, покажетъ примѣръ непреклонности всему торговому міру. И манчестерскому торговому міру не понравился этотъ намекъ. Молодежь манчестерской биржи стала даже вышучивать Слэтера по поводу ужасныхъ минвэльскихъ событій.

— Ну что, какъ ваши дѣлишки, Слэтеръ?—спрашивалъ его одинъ изъ мѣстныхъ фабрикантовъ, нѣкто Горриджъ.— Привели вы наконецъ къ покорности вашихъ рабовъ.

— Охъ, и не говорите! У меня съ ними хлопотъ полонъ ротъ,—важно отвѣтилъ Слэтеръ.—Хуже всего то, что въ эту исторію ввязался мой викарій. Представьте себѣ: вздумалъ поощрять негодяевъ. Вообще, долженъ сказать, младшіе члены нашего духовенства чортъ знаетъ что себѣ позволяютъ. Положительно, слѣдуетъ имъ указать ихъ настоящее мѣсто, Горриджъ.

— Вы находите?

— Положительно такъ. Я говорилъ уже своему викарію— такъ и сказалъ ему напрямки,—что онъ ничего не смыслитъ въ дѣлахъ и лучше ему въ нихъ не соваться. Надо замѣтить, что передъ тѣмъ онъ меня просилъ, чтобы я позволилъ ему попробовать уладить дѣло миромъ. Я позволилъ. Онъ говорилъ съ вожаками, но, какъ и слѣдовало ожидать, не могъ ихъ убѣдить: вы знаете, какой это толстокожій народъ.

— Должно быть, у васъ тамъ въ воздухѣ есть что-то такое, что дѣлаетъ людей толстокожими,—сказалъ Педертонъ, подмигнувъ на Слэтера честной компаніи.

— Можетъ быть, было глупо съ моей стороны позволять ему вмѣшиваться,—продолжалъ мистеръ Слэтеръ, не замѣтивъ насмѣшки,—но тутъ были причины семейнаго характера, такъ сказать... Ну, все равно, въ концѣ концовъ я указалъ ему его мѣсто. А съ бунтовщиками я такъ или иначе раздѣлаюсь. Я уже послалъ имъ предупрежденіе объ очисткѣ коттеджей. Я всѣхъ ихъ выгоню изъ Минвэля скорѣе, чѣмъ уступлю.

— Браво, дружище! — подхватилъ Горли. — Вотъ что называется быть человѣкомъ рѣшительнымъ. Надо намъ поучиться у васъ.

— Минвэль—твореніе моихъ рукъ,—гордо сказалъ Слэтеръ.—Я ничего не боюсь. Бентли поддержитъ меня. Какъ только мои рабочіе объявятъ стачку, онъ разсчитаетъ своихъ. Я рѣшилъ съ этимъ покончить разъ навсегда.

— Вы правы, товарищъ,—сказалъ Педертонъ.—За вами всѣ мы, какъ за каменной стѣной.

Но какъ только мистеръ Слэтеръ отошелъ, молодежь принялась изощряться на его счетъ.

— Минвэль для него пупъ земли,—замѣтилъ Горриджъ.— Я тамъ никогда не бывалъ, но могу себѣ представить, что это за помойная яма. Очевидно, онъ тамъ что-то въ родѣ царька.

— Я какъ-то проѣзжалъ мимо этой деревушки по же-

лѣзной дорогѣ, и видъ на нее изъ окна вагона, признаюсь, не внушаетъ ни малѣйшаго желанія познакомиться съ нею поближе,—сказалъ Педертонъ и, помолчавъ, прибавилъ:—А всетаки Слэтеръ теперь играетъ намъ въ руку. За послѣдніе четыре года у насъ было довольно хлопотъ. Что же будетъ, подумайте, если зараза смуты захватитъ и нашихъ людей? А Слэтеръ задавитъ смуту въ зародышѣ, вотъ увидите.

— Я знаю только, что если-бъ мы съ вами были рабочими Слэтера, стачка была бы нашимъ нормальнымъ состояніемъ, мой другъ,—засмѣялся Горриджъ.

Старшіе члены почтенной корпораціи взглянули на дѣло съ чисто практической точки зрѣнія.

— Сколько вы платите вашимъ рабочимъ, Слэтеръ? — спросилъ его Мортимеръ Моссъ, король фабрикантовъ въ Блекбёрнѣ.

Слэтеръ слегка запнулся, однако сказалъ.

— Гм... — промычалъ многозначительно Моссъ, переглянувшись съ своими коллегами. — Плата не изъ высокихъ. Насколько мнѣ извѣстно, всѣ мы платимъ больше.

— Я, по крайней мѣрѣ, больше плачу,—подтвердилъ другой фабрикантъ, нѣкто Дженкинсонъ. — Ваше счастье, Слэтеръ, что Минвэль не въ нашемъ сосѣдствѣ, а то бы вамъ пришлось набавить плату.

— Дѣло, видите ли, въ томъ,—заговорилъ немного сконфуженно Слэтеръ,—что мои рабочіе живутъ въ моихъ коттеджахъ, за что я получаю съ нихъ буквально гроши. Вѣдь все въ Минвэлѣ — мое; все, что есть денегъ въ Минвэлѣ, идетъ изъ моего кармана, отъ меня.

— Конечно, если вы берете такую грошевую ренту, какъ говорите, оно выходитъ одно на одно,—проговорилъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ Моссъ.—Но я на вашемъ мѣстѣ лучше бралъ бы нормальную ренту, но за то и платилъ бы, какъ всѣ. Лишній заработанный грошъ всегда цѣнится дороже гроша, остающагося въ экономіи.

— Ваши рабочіе состоятъ въ рабочемъ союзѣ?—спросилъ Дженкинсонъ.

— Теперь они организуются въ союзъ. Но я этого не потерплю. Въ субботу вожаки получатъ разсчетъ и кромѣ того должны будутъ очистить коттеджи. Надѣюсь, это ихъ образумитъ.

Съ этими словами мистеръ Слэтеръ повернулся на каблукахъ и важно зашагалъ прочь.

— Нелегко ужиться съ нашимъ пріятелемъ Слэтеромъ,— пробормоталъ ему вслѣдъ Дженкинсонъ.

— Ну, если его рабочіе съорганизуются въ союзъ, онъ

убѣдится, что скрутить ихъ не такъ-то просто, — замѣтилъ Моссъ. — Ихъ поддержатъ другіе союзы, и ему придется имѣть дѣло со всѣмъ Ланкаширомъ. Мы, фабриканты, конечно, обязаны его поддержать, но нельзя не сказать, что этотъ человѣкъ не отличается тактомъ.

На другой день въ Манчестеръ пріѣзжалъ Бентли, и Горриджъ, Педертонъ и Горди имѣли съ нимъ конфиденціальный разговоръ, изъ котораго узнали, что молодой викарій, осмѣлившійся принять сторону рабочихъ противъ хозяина Минвэля, былъ помолвленъ съ его дочерью.

— Слэтеръ взбѣшенъ; онъ былъ увѣренъ, что Доннимуръ будетъ на его сторонѣ,—сказалъ въ заключеніе Бентли.

— Ага, такъ вотъ онѣ —*„причины семейнаго характера“*, о которыхъ говорилъ его величество минвэльскій царекъ! — засмѣялся Горриджъ.—Скажите, Бентли, что изъ себя представляетъ его дочь? Похожа она на отца?

— Она очень милая дѣвушка, но съ характеромъ. Теперь они съ отцомъ немножко не въ ладахъ изъ-за этой помолвки.

— Хорошенькая она?

— Да. Пожалуй, даже очень хорошенькая, только не въ моемъ вкусѣ.

Педертонъ лукаво подмигнулъ двумъ своимъ пріятелямъ. Супруга мистера Бентли, какъ это было всѣмъ извѣстно, не отличалась красотой. Она была дочерью богатаго фабриканта, у котораго Бентли до женитьбы состоялъ управляющимъ. Онъ былъ членомъ той самой религіозной корпораціи, къ которой принадлежали дочь и отецъ, что послужило вѣскимъ аргументомъ въ его пользу, когда онъ посватался. Кругленькій капиталецъ, который онъ получилъ въ приданое за женой, далъ ему возможность осуществить свои честолюбивыя мечты и стать самостоятельнымъ хозяиномъ фабрики.

— Какъ вы думаете, удастся Слэтеру переупрямить рабочихъ?—спросилъ Горриджъ.

— О, несомнѣнно!—отвѣчалъ съ убѣжденіемъ Бентли.— Вѣдь большинство изъ нихъ его жильцы, и въ этомъ его сила.

Когда началась стачка, мистеръ Слэтеръ сталъ менѣе экспансивенъ въ своихъ конфиденціальныхъ бесѣдахъ, но все еще выдерживалъ свой юпитерскій тонъ.

— Дѣло выходитъ нешуточное, — съ важностью разглагольствовалъ онъ.—Мой викарій ведетъ себя какъ негодяй. Вы знаете, какъ много я дѣлаю для прихода, но ему все ни почемъ. Представьте себѣ, эти мерзавцы отказались очистить квартиры: это по его наущенію. Придется выдворять ихъ черезъ полицію.

— А можетъ быть, еще не поздно пойти на компромиссъ?—рискнулъ посовѣтовать Моссъ.—Право, Слэтеръ, вы могли бы увеличить плату безъ ущерба для себя.

Слэтеръ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.—Не въ томъ дѣло. Не денегъ мнѣ жаль. Но это совсѣмъ особенный народъ, вы ихъ не знаете. Если я уступлю имъ хоть на іоту, они меня осѣдлаютъ. Нѣтъ, нѣтъ! Я создалъ Минвэль и не допущу, чтобы въ немъ хозяйничали другіе. Коода они покорятся, я самъ прибавлю имъ плату, дамъ вдвое противъ теперешней. Но прежде пусть покорятся.

— Рабочіе безпорядки--вещь заразительная, — замѣтилъ сухо Моссъ.

— Я это знаю, — небрежно отвѣтилъ минвэльскій царекъ, -- отлично знаю, и понимаю, что я борюсь за насъ всѣхъ. Если мои рабочіе останутся побѣдителями, вы скоро это почувствуете на собственной спинѣ.

Большинство присутствующихъ готово было согласиться съ этимъ аргументомъ, но Моссъ покачалъ головой.—Нѣтъ я такъ вѣрю въ компромиссы, я не люблю крутыхъ мѣръ,—сказалъ онъ холодно и отошелъ.

— Крупныя волненія среди рабочихъ часто начинаются съ пустяка,—говорилъ онъ потомъ въ своемъ кружкѣ.

— Стачка въ Минвэлѣ—пустякъ? Что вы! Поговорите-ка со Слэтеромъ: онъ вамъ скажетъ, что это государственный вопросъ

— Еще бы! Глаза всей Англіи устремлены на него!—подхватилъ со смѣхомъ Педертонъ.

И въ самомъ дѣлѣ, похоже было на то, что Слэтеръ серьезно это думаетъ, такъ раздувалъ онъ значеніе минвэльскихъ событій. Онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ владѣльцемъ укрѣпленнаго замка, стоящаго на границѣ вражеской земли, и на немъ лежала почетная обязанность сдерживать напоръ враждебной стихіи, дабы она не затопила страны.

— Я хотѣлъ бы побывать въ Минвэлѣ и посмотрѣть вашего пастора,—какъ-то сказалъ ему Педертонъ.—Я бывалъ тамъ проѣздомъ, но никогда не останавливался.

Слэтеръ ухватился за эту идею.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Пріѣзжайте ко мнѣ погостить. Пріѣзжайте въ эту субботу; пробудете воскресенье, а въ понедѣльникъ утромъ назадъ: у насъ очень удобное росписаніе поѣздовъ... Право, пріѣзжайте. Привозите Горриджа и Дженкинсона. Я буду очень радъ.

Приглашеніе было принято всѣми троими. Педертонъ повѣдалъ по секрету Горриджу, что ему, главное, хочется познакомиться съ дочкой: любопытно, что это за типъ. Дженкинсонъ сказалъ, что привезетъ съ собой жену и дочь.

Въ субботу вечеромъ въ Дубкахъ былъ парадный обѣдъ съ участіемъ Горриджа, Педертона, мистера, мистрисъ и миссъ Дженкинсонъ, супруговъ Бентли и миссъ Уильсденъ, школьной подруги Мабель изъ Минтли.

Передъ обѣдомъ дамы съ Мабель во главѣ поѣхали прокатиться и по дорогѣ заѣхали въ Минтли за миссъ Уильсденъ, а мистеръ Слэтеръ повелъ мужчинъ смотрѣть „твореніе своихъ рукъ.“ Въ тотъ день онъ до-сыта наговорился о Минвэлѣ, о томъ, чѣмъ было это мѣстечко до него и чѣмъ оно стало при немъ. „Минвэля не существовало тогда въ практическомъ смыслѣ“, закончилъ онъ съ широкимъ взмахомъ руки, какъ будто добавляя: „А теперь!“ Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить въ оправданіе мистера Слэтера, что онъ искренно вѣрилъ въ благодѣтельные результаты своей дѣятельности, былъ искренно убѣжденъ, что онъ создалъ цвѣтущій садъ изъ пустыни и пожинаетъ теперь черную неблагодарность облагодѣтельствованнаго имъ населенія въ награду за свои труды.

Грязныя фабричныя мѣстечки были не въ диковинку гостямъ мистера Слэтера, но въ Минвэлѣ, казалось, сконцентрировалась вся фабричная грязь, что еще подчеркивалось окружавшей его прелестной рамкой зеленыхъ холмовъ. Населеніе деревушки провожало недружелюбнымъ взглядомъ хозяина и гостей, когда они, оживленно болтая, проходили по ея улицамъ. Тамъ уже знали, что въ Дубкахъ въ этотъ день званый обѣдъ, и событіе это было принято, какъ новый оскорбительный вызовъ хозяина его голодающимъ рабочимъ.

— Онъ нарочно пригласилъ гостей, чтобы похвастаться передъ ними, какъ онъ нами помыкаетъ,—сказалъ одинъ рабочій.—Поджечь бы нынче вечеромъ его фабрику, тогда всѣ эти господа увидѣли бы, что мы ему не собаки дались и умѣемъ за себя постоять.

— Любопытно знать, что они о немъ думаютъ? Вотъ хоть бы тотъ молодой господинъ съ сигарой: неужто Сэмъ ему другъ?—мнѣ не вѣрится,—проговорилъ задумчиво Брикноль, которому приглянулась темная курчавая голова и красивое лицо Педертона.

— Глядите: старикашка Сэмъ смѣется! Ишь, какъ осклабился!—сказалъ сердито Слэтветъ. — Видѣть не могу равнодушно; такъ и кипитъ все внутри! Не такъ бы онъ посмѣялся, кабы мы не были дураки. Не надо было намъ слушаться пастора и Леммера съ братіей. Я ни за что не ввязался бы въ это дѣло, знай я напередъ, какъ они его повернутъ.

Брикноль, какъ одинъ изъ вожаковъ, принялъ намекъ на свой счетъ и рѣзко отпарировалъ:

— Ну да, вы бы, небось, лучше повернули! Языкомъ-то болтать вы мастера, это мы знаемъ.

Внушеніе подѣйствовало, заставивъ замолчать недовольныхъ.

Послѣ осмотра фабрики Слэтеръ повелъ гостей на Годдардъ, чтобы показать имъ Минвэль съ высоты птичьяго полета. Съ вершины Годдарда открывался дѣйствительно великолѣпный видъ. На западъ тянулась долина рѣчки Мина между двумя грядами высокихъ и крутыхъ холмовъ; на востокѣ видъ замыкался темной громадой Кайндера, съ извающейся по его склону бѣлой лентой водопада. Повсюду кругомъ зеленые холмы и лощины, и райская тишина... Даже грязный Минъ на этомъ разстояніи сверкалъ чистѣйшимъ серебромъ.

— „Гдѣ все такъ дивно-прекрасно и гадокъ только человѣкъ!“—шутливо продекламировалъ Педертонъ.

— Вотъ именно!—подхватилъ хозяинъ.—Я убѣжденъ, что между моими минвэльцами не найдется ни одного, способнаго оцѣнить благодѣяніе Провидѣнія, забросившаго его въ такую прелестную мѣстность.

Педертонъ переглянулся съ Горриджемъ. Тотъ чуть замѣтно улыбнулся и сказалъ:

— Теперь намъ остается только побывать въ церкви и посмотрѣть вашего викарія, мистеръ Слэтеръ. Онъ, вѣрно, человѣкъ монашескаго типа, съ блѣднымъ, испитымъ лицомъ.

— Ничуть не бывало, здоровенный дѣтина, — отвѣчалъ Слэтеръ.—Вамъ хочется его посмотрѣть? Хорошо. Послѣднія недѣли двѣ я совсѣмъ не бывалъ въ церкви — не хотѣлось съ нимъ встрѣчаться, — но если желаете, мы завтра отправимся всей компаніей.

Къ обѣду пріѣхали Бентли. Педертонъ переводилъ глаза съ Мабель на мистрисъ Бентли и находилъ въ душѣ необыкновенно комичнымъ замѣчаніе ея мужа насчетъ того какія женщины „въ его вкусѣ.“ Мистрисъ Бентли была положительно вульгарна въ своемъ аляповатомъ парадномъ туалетѣ, съ своимъ крикливымъ голосомъ, рѣзавшимъ ухо. Но у нея были рессурсы: она слыла самой образованной дамой въ округѣ. Вѣроятно, по этой причинѣ она всегда жаждала задушевной бесѣды, и теперь, сидя за столомъ, внимательно изучала своихъ визави и сосѣдей, въ чаяніи обрѣсти между ними собесѣдника себѣ по плечу. Бѣдная женщина тщетно искала этого утѣшенія въ своемъ домѣ: ни одинъ изъ посѣщавшихъ ихъ знакомыхъ, кромѣ доктора, не умѣлъ связать двухъ словъ. Когда-то, давно у нея были дѣти—двое, но оба умерли въ младенчествѣ, а такъ какъ

она ненавидѣла сплетни и мужскіе разговоры о дѣлахъ, то, въ сущности, была одинока.

Еще до обѣда, когда всѣ сидѣли въ гостиной, ее поразило лицо Горриджа. Это было дѣйствительно умное, одухотворенное лицо. Она заговорила съ нимъ о Суинбернѣ, потомъ о Теннисонѣ и, нащупавъ такимъ образомъ почву, собиралась было перейти къ своему любимцу Браунингу, но не замедлила убѣдиться, что лицо Горриджа лгало. Этотъ человѣкъ былъ, очевидно, искалѣченъ воспитавшей его практической школой. Онъ читалъ Теннисона, но поэзія не задѣвала въ немъ никакихъ струнъ, и мистрисъ Бентли скоро ему надоѣла.

Отъ поэзіи она попробовала перейти къ музыкѣ, но всѣ понятія Горриджа о музыкѣ сводились къ опереткѣ. Почтенная дама со вздохомъ оставила его въ покоѣ и принялась болтать съ своей сосѣдкой мистрисъ Дженкинсонъ. Горриджъ, съ своей стороны, нисколько этимъ не огорчился и, воспользовавшись своей свободой, шепнулъ Педертону, что эта „несносная женщина совсѣмъ его извела“.

— Кто?—спросилъ Педертонъ, который въ это время разговаривалъ съ Мабель и былъ неспособенъ думать ни о комъ другомъ.

— Да эта красавица Бентли.

— А-а,—сказалъ Педертонъ равнодушно.

Педертонъ совсѣмъ потерялъ голову. Ни одна женщина еще не нравилась ему такъ, какъ миссъ Слэтеръ. За обѣдомъ они бесѣдовали a parte, такъ какъ общій разговоръ вертѣлся на Донниморѣ, и Мабель не хотѣла участвовать въ немъ. Послѣ этого молодой человѣкъ уже не отходилъ отъ нея во весь вечеръ: онъ первый попросилъ ее спѣть, онъ стоялъ за ея стуломъ и поворачивалъ ей ноты, а потомъ она ему аккомпанировала, когда онъ пѣлъ шансонетки по просьбѣ хозяевъ и гостей.

— Я никогда не встрѣчалъ такой очаровательной дѣвушки, — говорилъ онъ вечеромъ Горриджу, когда они сошлись въ билліардной, чтобы выкурить прощальную сигару передъ сномъ. — Она произвела на меня очень сильное впечатлѣніе, и я не стыжусь въ этомъ признаться. Ну, кто бы могъ подумать, что въ семействѣ Слэтера есть такой перлъ! Слава Богу, этотъ кюре или викарій, или какъ тамъ его, разобидѣлъ папашу значитъ мѣсто свободно и каждый порядочный человѣкъ можетъ съ чистой совѣстью попытать счастья.

Горриджъ улыбнулся. — Любовь съ перваго взгляда? Одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, о которыхъ читаешь только въ романахъ? Такъ?

— Да,—отвѣчалъ Педертонъ совершенно серьезно. — Я много волочился за женщинами, и съ успѣхомъ, но это не то. Чтобъ добиться *здѣсь* успѣха, я пущу въ ходъ всѣ свои рессурсы, все поставлю на карту.

— Дай вамъ Богъ удачи, если такъ. Она въ самомъ дѣлѣ очень мила, то есть насколько я могъ ее разсмотрѣть, потому что вы ею совсѣмъ завладѣли сегодня.

— Я хотѣлъ бы завладѣть ею навсегда. Мои намѣренія настолько серьезны, что, прямо говорю, я готовъ помириться даже съ такимъ тестемъ, какъ Слэтеръ.

— Ого!—значитъ ваши намѣренія дѣйствительно серьезны,—невозмутимо отвѣчалъ Горриджъ.

На другой день поутру вся компанія отправилась въ церковь. Донниморъ говорилъ проповѣдь. Утомленный волненіями послѣднихъ дней, онъ былъ не въ ударѣ и ему не хватало одушевленія. Тѣмъ не менѣе, Педертонъ, наблюдавшій за нимъ ревнивымъ, критическимъ взглядомъ, пришелъ къ заключенію, что онъ опасный соперникъ.

— Священникъ, даже самый заурядный, всегда имѣетъ преимущество въ скачкѣ за супружескимъ призомъ, — сказалъ онъ Горриджу въ тотъ день.—А *этотъ* не заурядный и онъ уже опередилъ меня ярдовъ на десять, благодаря своему длинному поповскому сюртуку. Трудненько мнѣ будетъ его обогнать.

— А вы наддайте ходу,—посовѣтовалъ Горриджъ.

— Постараюсь.

Педертонъ такъ искусно маневрировалъ, что на обратномъ пути изъ церкви остался въ парѣ съ Мабель. Похваливъ для начала архитектуру церкви, службу и проповѣдь, онъ перешелъ къ дѣлу.

— Вашъ викарій, миссъ Слэтеръ, человѣкъ съ сильной волей, я слыхалъ: — онъ бросилъ вызовъ вашему отцу. Не могу не преклоняться передъ такой смѣлостью.

Мабель чуть-чуть покраснѣла.

— Да, онъ человѣкъ съ характеромъ,—сказала она.

— Это во всякомъ случаѣ большой плюсъ. — Я уважаю сильныхъ людей,—продолжалъ Педертонъ въ полной увѣренности, что, расточая похвалы сопернику, онъ очень тонко отстаиваетъ свои собственные интересы.—Я, разумѣется, не могу судить, насколько нужна сила характера для пользы религіи, но, вѣроятно, вашъ викарій обладаетъ и другими качествами, необходимыми для того, чтобы быть образцовымъ пастыремъ церкви.

Тутъ онъ благоразумно свернулъ разговоръ на другое. Онъ принялся восхищаться мѣстностью вокругъ Кайндера и искренно воодушевился, когда замѣтилъ, съ какимъ эн-

тузіазмомъ Мабель говоритъ о природѣ. Онъ готовъ былъ восхищаться всѣмъ, что нравилось ей: его неодолимо влекло къ этой дѣвушкѣ.

Вечеромъ Мабель и мистрисъ Дженкинсонъ опять ходили въ церковь, и онъ ихъ провожалъ. Горриджъ сталъ было трунить надъ его необыкновенной набожностью, но Педертонъ сказалъ ему серьезно:

— Если я сумѣю завоевать миссъ Слэтеръ, она будетъ моей женой.

Вернувшись отъ вечерни, онъ попросилъ позволенія представиться хозяйкѣ дома и просидѣлъ въ ея комнатѣ почти часъ. Онъ чувствовалъ, что произвелъ хорошее впечатлѣніе.

Гости разъѣхались на другой день послѣ завтрака. На недѣлѣ Слэтеръ опять ѣздилъ въ Манчестеръ. У него лопнуло терпѣніе—объявилъ онъ на биржѣ,—и онъ намѣренъ нанести послѣдній ударъ. Онъ найметъ новыхъ рабочихъ и обращается теперь къ товарищамъ въ надеждѣ, что они ему помогутъ въ этомъ.

Педертонъ отвелъ его въ сторону.—Послушайте, Слэтеръ, —сказалъ онъ:—я постараюсь найти вамъ рабочихъ; я сдѣлаю для васъ все, что могу, и вотъ почему: я очарованъ вашей дочерью. Вчера я отослалъ ей письмо, въ которомъ благодарю ее за пріятно проведенное у васъ время. Съ вашего разрѣшенія я буду теперь часто посѣщать Минвэль.

Слэтеръ горячо пожалъ ему руку.—Очень радъ это слышать, мой дорогой. Вы имѣете полную санкцію. Я долженъ васъ предупредить... мнѣ тяжело даже вспомнить объ этомъ... что Мабель была помолвлена съ викаріемъ; но, разумѣется, послѣ того, что случилось, между ними все кончено. Мы оба обманулись въ немъ.

— Я что-то слышалъ объ этомъ,—сказалъ Педертонъ.— Такъ, значитъ, рѣшено: я постараюсь вамъ устроить ваше дѣло. Я знаю человѣка, который можетъ вамъ доставить рабочія руки въ какомъ угодно количествѣ. Я сегодня же повидаю его.

Педертонъ провелъ хлопотливое утро, а въ четыре часа мистеръ Слэтеръ уѣхалъ домой очень довольный: молодой человѣкъ обѣщалъ ему, что къ понедѣльнику на его бумагопрядильни явится до двухсотъ рабочихъ рукъ, мужскихъ и женскихъ.

XIX.

Первая жертва.

Абрамъ Шайндингъ провелъ очень тревожный день. Вслѣдствіе недостатка предусмотрительности, онъ допустилъ, что на него пало подозрѣніе, но обвинялъ въ этомъ своего хозяина. Если завтра онъ не будетъ изгнанъ, то подозрѣніе перейдетъ въ увѣренность въ умахъ его товарищей, а онъ достаточно уже видѣлъ на своемъ вѣку, чтобы одна мысль объ этомъ приводила его въ содроганіе. Жена его никакъ не могла понять, отчего ихъ пощадили, но была довольна отсрочкой. „Я полагаю, что они явятся сюда утромъ“, сказала она мужу.—Сосѣди очень интересовались тѣмъ, почему ея мужа оставили, но она не могла удовлетворить ихъ любопытства. „Я полагаю, что хозяинъ забылъ имя Абрама“, предположила она.

Послѣ обѣда Шайндингъ окольными путями прошелъ въ Дубки и узналъ, что хозяинъ находится въ Манчестерѣ. Вернувшись въ деревню въ сумерки, Шайндингъ остановился внутри воротъ, поджидая Слэтера, который не рѣшался возвращаться домой ночью. Какъ только экипажъ Слэтера остановился у подъѣзда, Шайндингъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Добрый вечеръ, сэръ, мнѣ надо переговорить съ вами.

— Ахъ, это вы?—замѣтилъ Слэтеръ и тотчасъ же вышелъ изъ экипажа.

Шайндингъ разсказалъ ему, что случилось: „Вы видите, сэръ, что я не смѣю теперь туда показаться“,—прибавилъ онъ.

— Я объ этомъ не подумалъ,—возразилъ хозяинъ.— Хорошо, вы мнѣ оказали большую услугу. Слушайте, вы отправитесь домой и получите то, что требуете. Вы и ваша жена можете помѣщаться въ комнатѣ надъ конюшнями, для Бэлля я найду другое помѣщеніе. Завтра я пошлю повозку за вашимъ скарбомъ. Очень жаль, что вы теперь уже не въ состояніи будете доставлять мнѣ свѣдѣнія.

— Очень жаль, сэръ, но я не смѣю показаться туда.

— На будущей недѣлѣ я найду что-нибудь для васъ. Я возобновлю работы съ новыми рабочими и вы мнѣ будете тогда нужны, какъ надсмотрщикъ. Ну, а теперь отправляйтесь домой, берите жену и дѣтей и захватите съ собой свои вещи.

Шайндингъ прикоснулся къ своей фуражкѣ:

— Глубоко благодаренъ, сэръ. Но я явлюсь сюда, если позволите, около полночи. Пусть раньше всѣ улягутся спать.

— Хорошо. Постель ваша будетъ готова. Вы помогали мнѣ, Шайндингъ, и я помогу вамъ.

— Благодарю, сэръ.

Шайндингъ отправился домой съ легкимъ сердцемъ и даже по дорогѣ насвистывалъ. Но дома онъ наткнулся на совершенно неожиданное препятствіе. Его жена съ первыхъ дней брака была совершенно подчинена ему и онъ немедленно вразумлялъ ее при помощи физическаго воздѣйствія, если только она осмѣливалась выказывать непокорность. Бѣдняжка вышла замужъ, чтобы избавиться отъ власти вотчима, который жестоко насмѣхался надъ ея рыжими волосами. Эти злобныя насмѣшки глубоко уязвляли ея гордость и заставили ее выйти замужъ за Абрама Шайндинга. Она не ожидала многаго отъ брака съ нимъ, но нашла еще меньше, такъ какъ Абрамъ былъ вздорный, мелочный человѣкъ и постепенно она такъ опустилась, что совершенно ни на что не обращала вниманія.

— Ну, Мэгъ,—сказалъ ей весело Абрамъ,—намъ повезло! Ты и дѣти отправитесь въ Дубки ночевать сегодня, а хозяинъ завтра пришлетъ за вещами. На будущей недѣлѣ я буду хорошо зарабатывать, полагаю—два фунта въ недѣлю!

Мистрисъ Шайндингъ посмотрѣла на него съ изумленіемъ:

— Ты не пьянъ?—спросила она.—Что это означаетъ?

— То, что я говорю. Хозяинъ позаботился о насъ.

— Твой хозяинъ? Но почему... Не хочешь ли ты сказать,—воскликнула она, внезапно понявъ въ чемъ дѣло,—что ты перешелъ на его сторону? Ужъ не отъ него ли ты получалъ деньги?

— Что тебѣ за дѣло до этого!—проворчалъ Абрамъ.—Я никогда не былъ такимъ дуракомъ, какъ другіе. Собери вещи, которыя тебѣ нужны на день или два, и послѣ одиннадцати мы отправимся. Для насъ уже готова прекрасная комната и мы будемъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ!

— Я не пойду,—сказала мистрисъ Шайндингъ.

— Это еще что!

— Я не пойду.

— Смотри! Я шутить не желаю. Если ты не будешь готова, то я живо расправлюсь съ тобой, слышишь?

Мистриссъ Шайндингъ поблѣднѣла отъ сильнаго волненія. Никогда до этой минуты она не рѣшалась перечить своему мужу, но теперь смѣло заявила ему о своемъ нежеланіи

покориться его волѣ:—Ты можешь дѣлать, что хочешь, а я не пойду! Ты становишься на сторону хозяина и онъ будетъ платить тебѣ? Удивляюсь, какъ ты можешь послѣ этого смотрѣть мнѣ прямо въ глаза! Такъ вотъ отчего насъ не выгнали отсюда! Да если-бъ я знала, откуда ты берешь деньги, то не могла бы проглотить куска хлѣба, пріобрѣтеннаго такою цѣной!

— Молчать!—крикнулъ Шайндингъ.—Заткни глотку, не то я тебѣ задамъ!

Но мистрисъ Шайндингъ была такъ потрясена, что никакія угрозы уже на нее не дѣйствовали:—Я пойду на улицу и всѣмъ разскажу объ этомъ,—заявила она мужу. Отвѣтомъ на это былъ ударъ, но побои, которыхъ она прежде боялась, теперь на нее не дѣйствовали. Она упрямо стояла на своемъ:—Говорю тебѣ разъ навсегда, что я не пойду. Если онъ купилъ тебя, то меня ему подкупить не удастся. А если ты будешь приставать ко мнѣ, то я выбѣгу на улицу и всѣ узнаютъ что случилось.

Онъ съ угрожающимъ видомъ подошелъ къ ней, но она не отступила. Однако, ея внезапный протестъ такъ удивилъ его, что онъ не рѣшился привести въ исполненіе свою угрозу. При томъ же, онъ дрожалъ при одной мысли о товарищахъ и поэтому предпочелъ прибѣгнуть къ убѣжденію. Вѣдь ему представляются теперь такіе шансы, какихъ у него никогда не бывало раньше. Они не будутъ больше нуждаться и онъ почти увѣренъ, что его сдѣлаютъ надсмотрщикомъ! Онъ поступилъ такъ, потому что ему надоѣло имѣть дѣло съ дурачьемъ. Когда же и эти аргументы не подѣйствовали на жену, то онъ опять перешелъ къ угрозамъ. Но она съ чисто женскимъ инстинктомъ угадывала, что теперь сила на ея сторонѣ и поэтому рѣшительно объявила ему, что не хочетъ прикасаться къ „окровавленнымъ деньгамъ".

— Хорошо, ты не желаешь, такъ я возьму дѣтей,—сказалъ онъ сердито, разсчитывая подѣйствовать на ея материнскія чувства.

— Ты не посмѣешь! — крикнула она.—Я подниму весь Минвэль на тебя. Слышишь, даю тебѣ четверть часа, и если ты не уберешься, то Джо Брайнтонъ или кто-нибудь другой изъ нихъ будетъ говорить съ тобой.

Авраамъ разразился страшными ругательствами, но онъ ничего не могъ сдѣлать и потому, завязавъ свои вещи въ платокъ, вышелъ изъ дому. „Собака Сэма!"—крикнула ему вслѣдъ жена.

Онъ почти бѣжалъ, спѣша укрыться поскорѣе въ безопасное мѣсто, а жена его въ это время разсказывала сосѣ-

дямъ, заливаясь гнѣвными слезами:—Мы жили на деньги Сэма,—окровавленные деньги, и ни я, ни дѣти не подавились кускомъ! Я сказала этому негодяю, что его разорвутъ на куски на улицѣ, если Сэмъ не спасетъ его... но я всетаки надѣюсь, что они не сдѣлаютъ ему зла. Вѣдь онъ отецъ моихъ дѣтей, что бы тамъ ни говорили...—прибавила она съ дрожью въ голосѣ.

Слэтеръ встрѣтился со своею дочерью за обѣденнымъ столомъ. Несмотря на свой утомленный видъ, онъ былъ веселъ и сказалъ ей, когда она передавала ему тарелку супа:

— Я пригласилъ Бэнтлея и Дракстона обѣдать сегодня, но они не могли придти. Они придутъ завтра, и потомъ у насъ будетъ дѣловое совѣщаніе. Мы съ Бэнтлееемъ не намѣрены уступать. Сегодня у меня былъ очень хлопотливый день, но я все таки кое-чего добился, и въ понедѣльникъ двѣсти рабочихъ придутъ ко мнѣ на фабрику, а пятьдесятъ къ Бэнтлею. Если это не образумитъ безумцевъ, то я призову еще двѣсти на слѣдующей недѣлѣ. А имъ всѣмъ я дамъ знать, что, если я возьму вторую партію, то уже больше не приму никого изъ прежнихъ рабочихъ. Пускай они убираются изъ Минвэля и тогда у насъ наступитъ миръ и тишина.

Торжествующій тонъ, которымъ это было сказано, непріятно поразилъ Мабель, и она замѣтила:—Папа, я терпѣть не могу, когда ты такъ говоришь. Я была сегодня въ Минвэлѣ, какъ тамъ грустно! Я заходила въ нѣкоторые дома, вмѣстѣ съ Френкомъ, котораго встрѣтила случайно. Да, это была случайная встрѣча,—прибавила она, замѣтивъ вопросительный взглядъ отца.—Я видѣла, какъ выгоняли нѣкоторыхъ изъ ихъ домовъ. Папа, это ужасно, ужасно! Ирландецъ Муллинсъ и его жена боролись съ полиціей, но толпа заступилась за нихъ. Я увѣрена, что скоро дѣло дойдетъ до убійствъ. Я зашла въ одинъ домъ, гдѣ, такъ же какъ и въ другихъ домахъ, голодали дѣти. Папа, ты не думалъ, что дѣти тоже будутъ страдать?

Слэтеръ покраснѣлъ и сердито замѣтилъ:—Что мнѣ за дѣло до этого, моя милая? Если-бъ они хоть чуточку заботились о своихъ дѣтяхъ, то не стали бы устраивать стачки, а если-бъ они подумали о нихъ теперь, то прекратили бы ее. Я не намѣренъ уступать имъ. Они объявили стачку, и я не стану на колѣняхъ упрашивать ихъ возобновить работы. Мнѣ очень непріятно было услышать, что ты была вмѣстѣ съ Доннимором. Послѣ этого я нисколько не удивляюсь твоему поведенію.

— Я не могу хладнокровно смотрѣть на то, какъ голодаютъ дѣти и матери. Я должна была помочь имъ. Папа, я увѣрена, что въ душѣ ты также жалѣешь ихъ.

Слэтеръ взглянулъ на свою дочь. Онъ считалъ себя правымъ, и когда ѣхалъ въ поѣздѣ, возвращаясь послѣ свиданія со своими сотоварищами, то весь былъ преисполненъ чувствомъ гордости и удовлетворенія, вслѣдствіе сознанія, что онъ стоялъ на своемъ посту и боролся почти безъ всякой помощи. Донниморъ не могъ быть болѣе убѣжденнымъ въ своей правотѣ, нежели Слэтеръ, который увѣрилъ себя съ самаго начала въ томъ, что онъ боролся не изъ эгоистическихъ цѣлей. Одобреніе, встрѣченное имъ со стороны многихъ изъ его собратьевъ, еще болѣе укрѣпило его въ этомъ убѣжденіи. И вотъ, въ собственномъ домѣ его ждало разочарованіе!

Онъ уже хотѣлъ запретить своей дочери вмѣшиваться, но, взглянувъ на нее, увидалъ, что она не уступитъ.—Если ты желаешь продлить ихъ мученія, то поступай такъ,—замѣтилъ онъ холодно.—Глупая дѣвочка! Неужели ты не понимаешь, что только голодъ въ состояніи образумить ихъ? И чѣмъ сильнѣе они будутъ голодать, тѣмъ скорѣе...

Испуганный возгласъ Мабель прервалъ его рѣчь. Слэтеръ обернулся, услышавъ ея крикъ и, также вскочилъ. Въ дверяхъ стояла его жена. Она не была здѣсь почти два года и раньше приходила сюда только съ чужой помощью.

— Боже мой, Эмма!—вскричалъ Слэтеръ.

Глаза его жены какъ-то неестественно блестѣли.—Сэмъ,—сказала она, держась за притолку дверей,—знаешь ли ты, что ты дѣлаешь съ Минвэлемъ. Вѣдь они голодаютъ, а ты ихъ еще лишаешь крова! Ты преслѣдуешь ихъ съ сатанинскою злобой и все это изъ-за того только, чтобы получить немного больше выгоды!

— Дорогая моя!—воскликнулъ Слэтеръ, удивленный и напуганный.—Что привело тебя сюда? Какъ ты пришла?

— Я пришла, чтобы сказать тебѣ, что я не могу оставаться спокойной. Деньги наши будутъ проклятіемъ для насъ, такъ какъ кругомъ раздаются рыданія матерей и возбуждаются дурныя страсти. Сэмъ, это убиваетъ меня, убиваетъ меня!..

Силы покинули ее и она свалилась на порогѣ, какъ подкошенная, прежде чѣмъ ея мужъ и дочь подоспѣли къ ней на помощь.

Приглашенный врачъ нашелъ ея положеніе очень серьезнымъ. Она не приходила въ сознаніе и, повидимому, израсходовала весь остатокъ жизненной энергіи въ томъ послѣд-

немъ усиліи, которое она сдѣлала надъ собой, когда, поднявшись съ постели, пришла къ своему мужу.

Мабель не могла привести въ исполненіе свои планы. Грумъ былъ посланъ въ Манчестеръ за ученой сидѣлкой, но Мабель всетаки чувствовала, что ея мѣсто у постели больной, и поэтому она написала коротенькую записку Доннимору, въ которой сообщала ему о томъ, что случилось. Однако, въ Минвэлѣ и такъ уже знали объ этомъ. Нѣкоторые радовались, что тирана постигло домашнее горе, другіе же жалѣли бѣдную больную и сочувствіе, которое она возбуждала къ себѣ, еще усилилось, когда сдѣлалось извѣстно, что она сдѣлала. Мэтью Леммеръ высказалъ даже предположеніе, что сердце хозяина можетъ послѣ этого смягчиться.

Однако ничто не указывало на такое смягченіе. Напротивъ, онъ еще сильнѣе негодовалъ и съ яростью говорилъ о негодяяхъ, бывшихъ причиной ухудшенія положенія его жены.—Я все дѣлалъ, чтобы оградить ее отъ душевныхъ потрясеній,—сказалъ онъ съ раздраженіемъ Мабель.—Я думалъ, что ты понимаешь это и поостережешься говорить ей.

— Я бы не стала разсказывать ей, если-бъ она сама не знала уже объ этомъ. — О папа, когда же будетъ конецъ всѣмъ нашимъ непріятностямъ?

— Не скоро, если ты будешь продолжать поступать такъ неосмотрительно,—угрюмо отвѣтилъ Слэтеръ.—Безъ сомнѣнія, рабочіе давно бы образумились, еслибъ не Доннимора. Этого парня надо поскорѣе убрать отсюда.

Мабель ничего не отвѣтила и пошла въ комнату больной. Ея мать хотя и пришла въ себя, но говорить была не въ состояніи, и Мабель ясно видѣла, что если не произойдетъ никакой перемѣны къ лучшему, то она скоро лишится матери. Подъ вліяніемъ сердечной тревоги она забыла обо всемъ и только много позднѣе узнала, что въ этотъ день утромъ многіе были выгнаны изъ своихъ жилищъ и, несмотря на всѣ старанія Доннимора и членовъ комитета, настроеніе толпы повышалось. Джимъ Бэтсонъ, слѣдуя примѣру Муллина, отчаянно защищалъ, съ помощью двухъ пріятелей, свой домъ, пока не обезсилѣлъ и не попалъ въ руки полиціи. Снова была сдѣлана попытка освободить его, но полиціи было слишкомъ много и поэтому попытка не имѣла успѣха.

Въ субботу вечеромъ мистрисъ Слэтеръ окончательно пришла въ себя, но ея положеніе все еще оставалось критическимъ. Вечеромъ, въ воскресенье, когда дождь съ шумомъ колотилъ въ окна, она подозвала къ себѣ дочь и тихо сказала ей:

— Пошли за Френкомъ.

— За Френкомъ? Френкомъ Доннимор?—переспросила Мабель съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Больная кивнула головой. Мабель тотчасъ же пошла къ отцу:—Мамѣ хуже,—сказала она ему дрожащими губами.—Она хочетъ видѣть Доннимора.

Слэтеръ отвернулся къ окну и проговорилъ холодно:

— Пошли сама.

Мабель написала коротенькую записку и тотчасъ же отправила ее, а сама заперлась въ своей комнатѣ, чувствуя непреодолимую потребность выплакаться. Въ первый разъ неизбѣжность смерти представилась ей съ такою ясностью, и ей казалось, что это слишкомъ тяжелое бремя для ея слабыхъ дѣвическихъ плечъ. Если ея мать умретъ, то она останется совсѣмъ одинокой и безпомощной передъ лицомъ разбушевавшейся стихіи. Жизнь рисовалась ей очень мрачными красками. Но нѣтъ, неужели судьба не пощадитъ ее и нанесетъ ей этотъ страшный ударъ?

Доннимор немедленно пришелъ. Мабель встрѣтила его въ дверяхъ, и губы ея снова задрожали, когда она говорила ему:—Я боюсь, что мама очень плоха, Френкъ.—Она попросила его подождать минутку, пока она справится со своимъ волненіемъ.—Я ничего не могу сдѣлать, хотя и стараюсь быть мужественной, Френкъ. Я не хочу, чтобы мама видѣла меня такой,—сказала она.

— Успокойтесь, дорогая. Мы молились за нее сегодня утромъ, въ церкви, и Леммеръ сообщилъ мнѣ, что за нее молились также и на вчерашнемъ вечернемъ собраніи. Вы видите, хотя она и не могла выходить, но всѣ хорошо знали и цѣнили ее.

Они пошли наверхъ, въ комнату мистрисъ Слэтеръ, которая улыбнулась, когда увидѣла Френка.

— Я хочу причаститься,—прошептала она.

— Очень радъ,—отвѣтилъ онъ ей.

Обрядъ причащенія, наводившій на мысль о близости смерти, усилилъ душевную муку Мабель. Она съ тоскою слѣдила за выраженіемъ лица матери, ожидая, что жизнь ея угаснетъ вмѣстѣ съ окончаніемъ обряда, и вздохнула съ облегченіемъ, увидя, что перемѣны не произошло. Когда все кончилось и Доннимор взялъ руку мистрисъ Слэтеръ, чтобы попрощаться съ нею, она глазами подозвала къ себѣ Мабель и прошептала съ улыбкой на устахъ: — Будьте добры къ ней.

— Я буду беречь ее не только ради нея самой, но и ради ея матери,—отвѣчалъ Доннимор.—Я вижу, что васъ утомило сдѣланное вами усиліе и потому ухожу. Но я тотчасъ же явлюсь, какъ только вы призовете меня.

Мабель проводила его до дверей.—Я боюсь, она умираетъ,—проговорила она дрожащимъ голосомъ.

— Мужайся, дорогая!—сказалъ онъ и поцѣловалъ ее.

Мистрисъ Слэтеръ больше не произнесла ни слова. Въ два часа ночи сидѣлка позвала Слэтера и сообщила ему, что его жена умерла.

Стачка унесла свою первую жертву.

XX.

Приключенія въ полѣ.

Въ эти мрачные дни Джозія Пли сгибался подъ тяжестью бремени, которое несъ на своихъ плечахъ и серьезность котораго глубоко тревожила его друзей. Когда его жена заговорила о долгѣ, то это не было простою фразой съ ея стороны. Не смотря на свою слабость, она мужественно принялась за дѣло и тотчасъ же отправилась къ своимъ сосѣдямъ, слабая тѣломъ, но сильная духомъ, ободряя и поощряя ихъ. Ея роль въ первыхъ стадіяхъ конфликта была довольно значительна, хотя и не была замѣтна. Самыя завистливыя изъ ея сосѣдокъ перестали, какъ прежде, считать ее гордой и напыщенной, и она нашла дорогу ко всѣмъ сердцамъ своимъ ласковымъ обращеніемъ. Какъ только Донниморъ устроилъ столовую, она тотчасъ же отправилась къ нему и предложила ему свои услуги, которыя онъ съ радостью принялъ. Черезъ недѣлю она была уже его главною помощницей. Ея оживленное личико, красивое, несмотря на худобу и блѣдность, нравилось ему, и при взглядѣ на нее ему становилось легче нести бремя, тяжесть котораго подчасъ казалась ему невыносимой. Когда онъ наблюдалъ за нею и ея привѣтливымъ обращеніемъ, то въ душѣ его невольно шевелилось тайное чувство досады, что Мабель такъ непохожа на нее. Онъ боролся съ этимъ чувствомъ и говорилъ себѣ, что еслибъ Мабель рѣшилась наконецъ порвать съ условностями и предразсудками, то и она была бы такая же, какъ эта женщина, которая умѣла затронуть въ сердцѣ каждаго человѣка чувствительную струну, прикасаясь къ ней съ такою ловкостью, съ какою искусный хирургъ прикасается къ больному органу.

Однажды, послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній, мистрисъ Пли собрала все свое мужество и, не говоря ни слова своему мужу, отправилась въ Дубки. Ее заставили прождать около часа и наконецъ Слэтеръ вышелъ къ ней. Моментъ выбранъ былъ неудачно. Слэтеръ былъ въ самомъ дурномъ настроеніи и даже не далъ себѣ труда быть вѣжливымъ съ нею.

—Ну, что вамъ надо?—спросилъ онъ ее нелюбезно.—Если то, что вы хотите сказать мнѣ, относится къ стачкѣ, то вы напрасно теряете время.

— О, я надѣюсь, что нѣтъ, сэръ!—отвѣчала она гораздо болѣе вѣжливымъ тономъ. — Я пришла сюда безъ вѣдома кого бы то ни было, пришла, чтобы просить о Минвэлѣ, мистеръ Слэтеръ. Не согласитесь ли вы...

— Моя добрая женщина, безполезно обращаться ко мнѣ. Поговорите съ вашимъ мужемъ и другими агитаторами. Тьолок они могутъ кончить это.

— О сэръ, я все же надѣюсь, что вы выслушаете меня,—храбро отвѣтила она.—Вѣдь вы христіанинъ и джентльмэнъ, мистеръ Слэтеръ, и я убѣждена, что какъ только вы откажетесь отъ мысли, что мы—враги вашихъ интересовъ, то вы сдѣлаете то, о чемъ я васъ прошу.

— Это безполезно...

— Умоляю васъ, сэръ, пойдемте со мною вечеромъ въ Минвэль. Когда вы собственными глазами увидите несчастныя жилища, то я увѣрена, что стачка прекратится на другой же день. Мистеръ Слэтеръ, еслибъ вы только захотѣли, то завтра же могли бы сдѣлаться самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Минвэлѣ.

Слэтеръ открылъ двери и, обращаясь къ мистриссъ Пли, сказалъ:—Спокойной ночи. Идите и скажите вашему мужу и другимъ вожакамъ, что это ихъ послѣдній шансъ.

Она поплакала немного, возвращаясь домой, и ничего не сказала мужу до слѣдующаго дня. Но Джозія увидѣлъ въ этомъ только новое доказательство черстваго сердца хозяина. Онъ никакъ не могъ понять, какъ это нашелся человѣкъ, который могъ противостоять ея просьбамъ!

Не смотря на дурную погоду, она продолжала выходить и докторъ Тределль, встрѣтивши ее на улицѣ, очень разсердился и сказалъ, что онъ до сихъ поръ считалъ ее благоразумной женщиной, а теперь видитъ, что ошибался. Она должна была бы сидѣть дома и заботиться о своемъ здоровьѣ.

— Я и забочусь о немъ,—сказала она, мило улыбаясь.—Но я не могу сидѣть дома и думать только о себѣ, когда въ деревнѣ столько страданій.

— Но вы должны, мистрисъ Пли. Зимою Минвэль совершенно неподходящее мѣсто для васъ, и вамъ надо быть очень осторожной.

— Я осторожна, докторъ, увѣряю васъ.

Она дѣйствительно принимала всѣ предосторожности, чтобы не простудиться, но дальше этого не шла. Она не могла отказаться отъ исполненія того, что считала своимъ

высшимъ долгомъ и только сознавала, что должна беречь свои силы. Малѣйшая простуда была для нея пагубна, и она тотчасъ же начинала кашлять. Такъ случилось послѣ ея визита къ Слэтеру. Она слегла въ постель и приглашенный къ ней докторъ объявилъ, что она не должна выходить изъ дому, пока не наступитъ теплая погода. То же самое онъ сказалъ и ея мужу. Пли внимательно выслушалъ доктора, испытывая въ сердцѣ такую тревогу, передъ которой стачка казалась ему сущими пустяками. Но когда онъ передалъ женѣ объ этомъ, то она посмѣялась надъ нимъ. Однако, онъ не могъ отдѣлаться отъ этого страха и въ послѣдующіе дни мужество временами почти покидало его.

Вечеромъ, въ воскресенье, когда умирала мистрисъ Слэтеръ, Леммеръ и его жена сидѣли за скуднымъ ужиномъ, состоявшимъ изъ жидкаго чая и холодныхъ картофелинъ. Жилище ихъ лишилось своего прежняго комфортабельнаго вида. Изъ гостиной исчезъ коверъ и комнаты совершенно опустѣли. Наканунѣ вечеромъ былъ унесенъ американскій органъ и другая мебель, и часть вырученныхъ за это денегъ ушла на покупку кое-какихъ лакомствъ для мистрисъ Пли.

Леммеръ и его жена, несмотря на свой изнуренный видъ, выглядѣли бодро и увѣренно! Мистрисъ Леммеръ разсказывала своему мужу о своемъ визитѣ къ Пли: „Ей нисколько не лучше, отецъ. Мнѣ кажется она истощила всѣ свои силы, стараясь дѣлать все, что было можно для облегченія другихъ и теперь ей плохо самой. Да, да, она плоха, но такъ же весела, какъ была раньше, и смѣется по прежнему какъ дитя. Она — маленькая волшебница, я всегда это говорила. Но Джо, бѣдный парень, очень безпокоитъ меня. Ты не замѣтилъ въ немъ никакой перемѣны, Маттъ?

— Замѣтилъ, мать,—проговорилъ Леммеръ угрюмо.—Онъ исполняетъ свою долю работы, но часто сидитъ задумавшись и у меня сердце сжимается при взглядѣ на него. Я молился всѣ эти дни, чтобы Господь пощадилъ его. Онъ боготворитъ ее и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ она такъ же хороша, какъ добра.

— Я боюсь за него. Онъ все сидитъ въ углу и молчитъ, пока мы не заговоримъ съ нимъ.

— И я боюсь, мать.

— Мнѣ пришло въ голову, не послать ли къ нимъ Мэгъ? Я могу обойтись безъ нея.

— Мы спросимъ ее, когда она вернется.

Когда Мэгъ вернулась изъ деревни, гдѣ она навѣщала своихъ друзей, мистрисъ Леммеръ сообщила ей о своемъ планѣ. Мэгъ охотно согласилась на это.—Я останусь у нихъ

столько времени, сколько нужно,—сказала она. — Я пойду туда завтра же.

— Ты славная дѣвочка! — воскликнулъ Леммеръ, притягивая ее къ себѣ. — Онъ очень гордился ею и любилъ эту дѣвушку, которая такъ мужественно переносила лишенія послѣднихъ недѣль. Онъ съ ужасомъ думалъ о томъ времени, когда она ихъ покинетъ. Она была помолвлена съ однимъ молодымъ механикомъ, служащимъ одной манчестерской фирмы, командировавшей его въ Капштадтъ на три года. Ея свадьба должна была состояться тотчасъ же, какъ только онъ вернется.

Рано утромъ на другой день Минвэль былъ взволнованъ новыми вѣстями. Ночью умерла мистрисъ Слэтеръ, на фабрикѣ же Слэтера возобновились работы при помощи постороннихъ рабочихъ рукъ. Съ раннимъ поѣздомъ ему доставлены были рабочіе, и Абрамъ Шайндингъ былъ поставленъ надъ ними въ качествѣ старшаго надсмотрщика. Около сотни мужчинъ и женщинъ прошли въ ворота фабрики и не только бумагопрядильня, но и ситце-набивная фабрика, какъ говорили, были теперь обезпечены въ достаточномъ количествѣ рабочими руками.

Въ восемь часовъ утра, толпа мужчинъ и женщинъ собралась подъ проливнымъ дождемъ у воротъ фабрики, чтобы взглянуть на этихъ пришельцевъ рабочихъ, ставшихъ на сторону врага. Раздавались угрозы, но въ то же время слышались крики: „Они вѣдь ничего не знаютъ! Они не станутъ помогать Сэму, какъ только узнаютъ, въ чемъ дѣло".

Но пришельцы не выходили изъ воротъ, какъ этого ожидали рабочіе, собравшіеся около фабрикъ. Даже завтракъ былъ приготовленъ для пріѣзжихъ внутри фабричнаго двора. Къ полудню толпа еще возрасла, но никто не показывался въ воротахъ. Къ вечеру распространился новый сенсаціонный слухъ: съ поѣздомъ прибылъ отрядъ полицейскихъ, а въ опустѣвшихъ домахъ Брикъ-Роу, откуда еще раньше были изгнаны всѣ жильцы, были поставлены кровати, столы и все необходимое для новаго жилья.

Около пяти часовъ явилась полиція и заняла посты у воротъ фабрики, а черезъ полъ-часа ворота раскрылись и показались пришлые рабочіе, сопровождаемые и оберегаемые полицейскими. Но толпа не дѣлала никакихъ попытокъ къ насилію, хотя и раздавались предостереженія съ разныхъ сторонъ: „Развѣ вы не знаете, что вы грабите насъ?—кричали въ толпѣ. Если вы настоящіе англичане, то возвращайтесь домой и не помогайте хозяевамъ противъ насъ!"

— Лэди и джентльмэны! — крикнулъ Бринтонъ такимъ звучнымъ голосомъ, что онъ покрывалъ шумъ. — У насъ

стачка, а вы боретесь противъ насъ, хотя, быть можетъ, вы и не сознаете ничего. Большинство изъ насъ скорѣе погибнетъ, нежели уступитъ. Если въ душѣ у васъ есть какія-нибудь чувства и вы жалѣете своихъ братьевъ и сестеръ, то вы не станете больше работать здѣсь. Отправляйтесь домой изъ состраданія къ намъ!

— Слушайте, чужеземцы!—закричалъ Брикноль. — Сэмъ Слэтеръ дьяволъ, а тотъ, кто работаетъ для дьявола, губитъ свою душу и идетъ съ дьяволомъ въ адъ, какъ мнѣ говорили.

Слова эти вызвали улыбку, какъ у друзей такъ и у враговъ.

— Отправляйтесь сегодня же домой,—сказалъ Слэтветъ.— Мы не хотимъ сдѣлать вамъ зло, но лучше будетъ, если вы уберетесь отсюда.

— Ай, уходите, пока можно!—воскликнулъ другой, и этотъ крикъ былъ подхваченъ остальными. Нѣкоторые изъ толпы приблизились къ рабочимъ, насколько это дозволяла полиція, и вступили съ ними въ переговоры. Они разсказывали имъ о всѣхъ несправедливостяхъ, которыя имъ приходилось терпѣть, о страданіяхъ Минвэля, прося ихъ, какъ своихъ ближнихъ, не помогать врагу.

Семеро дѣвушекъ, отчасти подъ вліяніемъ страха, отчасти же изъ сочувствія къ стачечникамъ, потребовали свою дневную плату и, несмотря на издѣвательства и уговоры товарищей, объявили, что уѣзжаютъ домой. Толпа привѣтствовала ихъ громкими криками, и около сотни человѣкъ отправились провожать ихъ на станцію, устроивъ имъ овацію, когда тронулся поѣздъ. Остальные же рабочіе размѣстились въ приготовленномъ помѣщеніи, и полиція заняла всѣ входы и выходы, никого не пропуская по улицѣ.

Когда Бринтонъ пришелъ въ комнату комитета, то уже засталъ тамъ Брикноля, Бутройда и Ингама, слушавшихъ Слэтвета. Джозія Пли сидѣлъ въ углу и смотрѣлъ на огонь.

Слэтветъ говорилъ горячо, высказывая все, что лежало у него на душѣ, и еще повысилъ тонъ, когда увидѣлъ входящаго Бринтона.

— То, что вы видѣли сегодня, должно было случиться,— крикнулъ онъ.—Если-бъ мы поступили такъ, какъ было нужно, то никогда бы онъ не осмѣлился призвать сюда другихъ рабочихъ. Я говорилъ это съ самаго начала. Слишкомъ много было церемоній! „Не дѣлай этого! не дѣлай того! Не нарушайте спокойствія, ведите себя прилично, друзья!..“ — Слэтветъ передразнивалъ тонъ и манеры говорившихъ. — Мнѣ опротивѣло это! Борьба такъ борьба, и незачѣмъ для этого надѣвать лайковыя перчатки. Я просто не могу больше выносить этого, и такъ и скажу Леммеру, когда онъ придетъ

сюда. Если онъ съ пасторомъ думаютъ руководить дѣломъ, то я устраняюсь, а за мною послѣдуютъ и другіе.

Во время этой рѣчи присутствующіе тайкомъ слѣдили за Бринтономъ. Никто никогда не видѣлъ его такимъ взволнованнымъ. Онъ былъ блѣденъ, и глаза его метали молніи, когда онъ подошелъ къ Слэтвету и такъ крѣпко схватилъ его за плечо, что онъ покачнулся.—Клянусь дьяволомъ, Бобъ, я тебя вышвырну на улицу, если ты скажешь еще хоть слово!—крикнулъ онъ.

— Еще что!—вмѣшался Брикноль. — Не достаетъ чтобы мы стали тутъ ссориться между собой. Тогда ужъ лучше закрыть лавочку...

Но Бринтонъ не унимался:

— Пасторъ! Методисты!.. А что дѣлаетъ пасторъ? Тратитъ послѣдніе гроши на столовую и трудится до изнеможенія. А старина Леммеръ? Вѣдь этотъ дуракъ истратилъ всѣ свои сбереженія на стачку и когда этого не хватило, то началъ продавать мебель. Но этого мало! Онъ отдалъ Огдену свой органъ для продажи, и тотъ увезъ его въ субботу ночью, чтобы никто не видѣлъ. Кто другой сдѣлалъ бы это? Органъ ужъ выставленъ въ окнѣ у Огдена, я видѣлъ его. Но я сказалъ Огдену, чтобы онъ не смѣлъ продавать его, если дорожитъ своею головой. Вотъ они—методисты и пасторъ! Смотри же, Бобъ, если ты скажешь еще что-нибудь, то мы поссоримся навѣки.

Никто не возражалъ, хотя Слэтветъ имѣлъ такой видъ, какъ будто хотѣлъ оправдаться. Но тутъ въ дверяхъ показались Леммеръ и Донниморъ, занятые, повидимому, серьезнымъ разговоромъ.

Леммеръ хлопнулъ по плечу стоявшаго у дверей Бринтона, говоря:—Ну что, молодецъ?—

Бринтонъ обернулся къ нему почти съ угрожающимъ видомъ и сердито отвѣтилъ:—Я только что говорилъ здѣсь, что ты поступаешь какъ дуракъ, старикъ, и повторяю это тебѣ въ лицо. Я бы готовъ былъ поколотить тебя, если-бъ это могло вернуть тебѣ разсудокъ! Нѣтъ! Знаете ли, что онъ дѣлаетъ?—прибавилъ онъ еще болѣе раздраженнымъ тономъ, обращаясь къ Доннимору,—онъ истратилъ всѣ свои сбереженія на стачку и когда ихъ не хватило, то онъ обратился къ обойщику, распродавъ всю свою мебель, а теперь отдалъ свой органъ, принадлежавшій его умершему сыну. Вы его не знаете, сэръ, но нѣкоторые изъ насъ хорошо знаютъ его и могутъ представить себѣ, что должны были чувствовать онъ и его жена, въ ту ночь, когда увозили органъ. Если такъ повелѣваетъ твоя религія — обратился онъ снова къ Леммеру,—то будь я проклятъ, но я отъ души радуюсь, что

у меня нѣтъ никакой религіи. Ахъ, я просто не могу равнодушно думать объ этомъ, Мэтью!

— Вы не можете радоваться этому, мой другъ,—замѣтилъ ему Донниморъ, ласково улыбаясь. Но Бринтонъ упрямо замахалъ головой и заговорилъ еще болѣе свирѣпымъ тономъ:

— А я говорю, что радуюсь!—Да, если религія дѣлаетъ изъ васъ такихъ безумцевъ, что вы готовы дать растерзать свое сердце, когда это вовсе не нужно! Пусть я буду проклятъ, но меня ничто не заставитъ сдѣлать это! Я не буду такимъ дуракомъ, говорю тебѣ, старина! Меня это страшно возмущаетъ и я просто готовъ поколотить тебя,

— Мы только что говорили здѣсь о послѣднемъ событіи,—сказалъ Брикноль Доннимору.—Что вы думаете объ этомъ?

— Я еще не могу высказать своего мнѣнія, — отвѣчалъ Донниморъ.—Вчера вечеромъ меня призывали чтобы причастить мистрисъ Слэтеръ. Эта была рѣдкая женщина. Ея потеря невознаградима, и поэтому я всетаки жалѣю Слэтера. Что же касается новыхъ рабочихъ, которыхъ онъ пригласилъ, то я полагаю, что намъ еще нечего приходить въ отчаяніе. Я глубоко убѣжденъ, что, въ концѣ концовъ, мы всетаки выйдемъ побѣдителями изъ борьбы, если не будемъ терять мужества. Я увѣренъ, что мы выиграемъ дѣло, мы не можемъ проиграть его!..

— Но мы не должны обманывать себя; намъ предстоятъ тяжелыя времена, — вмѣшался Бринтонъ.—Съ полдюжины работницъ уже отправились назадъ, но если намъ не удастся убѣдить и другихъ поступить такъ же, то наступитъ адъ!

— Мы должны удерживать своихъ друзей, насколько возможно, мистеръ Бринтонъ.

— Мы будемъ стараться, сэръ, но все равно, если они не уберутся отсюда, то небу станетъ жарко!

— Я предлагаю созвать митингъ на базарной площади, пока еще есть время,—сказалъ Донниморъ.—Нужно воспользоваться тѣмъ, что страсти еще не успѣли разгорѣться,

Противъ этого никто ничего не возразилъ, и черезъ часъ всѣ направлялись къ площади, гдѣ уже собралась оживленная толпа, для которой митингъ, хотя бы и подъ открытымъ небомъ и въ холодную и сырую погоду, все таки служилъ развлеченіемъ.

Первымъ говорилъ Бринтонъ: — Независимые люди и джентльмэны! Сэмъ и Бентли пустились на новую хитрость. Я не хочу сегодня бранить Сэма, такъ какъ ночью умерла его жена. Но я жалѣю, что это былъ не онъ! Теперь я скажу то, что думаю о его хитрости. Тѣ парни и дѣвушки, которыхъ призвалъ Сэмъ,—я увѣренъ,—не знаютъ, въ чемъ дѣло, иначе они бы не пришли сюда. Но все же я говорю вамъ:

сдерживайтесь! Оставьте ихъ въ покоѣ. Не позднѣе пятницы они сами узнаютъ все и не останутся работать на слѣдующую недѣлю. Но надо только не терять надъ собою власти. Пусть хорошенько держитъ себя за волосы тотъ, кто ихъ имѣетъ...

— Тебѣ это трудно будетъ, Джо!—крикнулъ кто-то, и всѣ дружно разсмѣялись, такъ какъ шевелюра Джо оставляла желать многаго.

— Но вѣдь я женатъ, вы знаете!—возразилъ Джо въ отвѣтъ. Онъ готовъ былъ ходить на головѣ, чтобы только поддержать веселое настроеніе слушателей,—какъ онъ самъ сказалъ потомъ Доннимору. Послѣ него вышелъ Леммеръ.— Ахъ, хотѣлось бы мнѣ разсказать имъ, что онъ сдѣлалъ!— прошепталъ Бринтонъ, когда Леммеръ началъ говорить. Старикъ просилъ ихъ вооружиться терпѣніемъ. Онъ напомнилъ, что умерла мистрисъ Слэтеръ. Это была добрая женщина и поэтому онъ огорченъ за хозяина. — Помните, когда она могла ходить, какъ всѣ мы, она всегда старалась дѣлать добро,—сказалъ онъ.—Я всегда считалъ несчастьемъ, что она слегла. Но я надѣюсь, что ея смерть смягчитъ сердца и сломитъ непреклонную волю. Я надѣюсь, что прежде чѣмъ я умру, Минвэль превратится въ такое мѣсто, гдѣ хозяинъ и рабочіе будутъ всегда питать другъ къ другу добрыя чувства!

Появленіе Доннимора толпа привѣтствовала криками. Его открытое, тонкое лицо, сильно поблѣднѣвшее за послѣднее время, и его поведеніе въ тяжелые дни, пріобрѣли ему всеобщія симпатіи.—Я не могу ничего прибавить къ тому, что говорили мои друзья,—сказалъ онъ.—Умоляю васъ только, сохраняйте спокойствіе и не вымещайте своей досады на тѣхъ, кто работаетъ противъ васъ. Я знаю, какъ велики ваши страданія, но я горжусь тѣмъ, что раздѣляю ихъ съ вами, и надѣюсь, съ Божьей помощью, мы скоро одержимъ побѣду.

Когда онъ кончилъ говорить, его снова привѣтствовали громкими, сочувственными возгласами. Но Бринтонъ, котораго не покидала тревога, мрачно проговорилъ, обращаясь къ нему и Леммеру: — Это все ни къ чему! Говорю вамъ: наступитъ адъ. Ахъ, я желалъ бы, чтобы Сэмъ лежалъ мертвымъ вмѣсто своей жены.

— Если вы не устали,—сказалъ Леммеръ Доннимору по окончаніи митинга,—то пойдемъ навѣстить Китти Пли.—Я боюсь, сэръ, что Пли, какъ и нашъ хозяинъ, потеряетъ свою жену. Я молился сегодня о томъ, чтобы Господь сохранилъ ее.

—Хорошо, я пойду съ вами, мистеръ Леммеръ,—отвѣчалъ Доннiморъ.—Я видѣлъ ее вчера и тоже боюсь за нее.

— О, если Господь возьметъ ее... то я не знаю... не знаю!..—пробормоталъ Леммеръ.

Бринтонъ, по дорогѣ домой, забѣжалъ къ Леммеру. Онъ засталъ его жену одну, за работой. Она сидѣла съ какимъ-то вязаньемъ въ рукахъ и тихонько проливала слезы надъ бѣдствіями Минвэля.

Стоя прислонившись къ полуоткрытой двери, Бринтонъ разсказалъ ей все:—А вѣдь я всетаки вышелъ изъ себя, матушка, и назвалъ его дуракомъ. Но я не могъ удержаться, — у меня накипѣло въ душѣ. Скажу только одно, матушка: Огденъ не посмѣетъ продать органъ, хотя и выставилъ его въ окнѣ. Покойной ночи.

XXI.

Мрачные дни.

Рано утромъ, на слѣдующій день, Пли послалъ за мистрисъ Леммеръ. Наступила очередь того ряда домовъ, гдѣ онъ жилъ, и уже явились власти, чтобы выселить всѣхъ жильцовъ оттуда. Прежде чѣмъ кончится день, онъ и его больная жена должны были остаться безъ крова.

Пли стоялъ у дверей коттеджа, заложивъ руки въ карманы, и разсѣяннымъ взглядомъ смотрѣлъ на сцены, разыгрывавшіяся за нѣсколько домовъ отъ него. Его спокойствіе показалось мистрисъ Леммеръ неестественнымъ.—Бѣдняжка, должно быть немного свихнулся отъ горя,—подумала она. Но она была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя теряютъ голову въ трудныя минуты. Хладнокровіе никогда не покидало ее, и она могла говорить дѣловымъ тономъ тогда, когда страхъ и тоска сжимали ея сердце. Сосѣди съ удивленіемъ разсказывали о томъ, съ какимъ спокойствіемъ и какъ методично ухаживала она за своимъ умирающимъ мальчикомъ.

— Что это вы стоите такъ и ничего не дѣлаете?—сказала она рѣзко, подойдя къ дому Пли.—Идите скорѣе. Я увезу ее къ намъ. Возьмите у Джима Седдона повозку, скажите ему, что это для меня.

Пли посмотрѣлъ какимъ-то дикимъ взглядомъ на говорившую и пробормоталъ:

— Скоро ли, о Господи! Скоро ли?

— Слышите ли вы? Что же вы, хотите, чтобы Китти очутилась на улицѣ? Ступайте скорѣй.

Пли машинально повиновался.

Мистрисъ Леммеръ славилась въ Минвэлѣ какъ самая искусная сидѣлка. Она всегда была добра и весела съ больными, такъ какъ находила, что свѣтъ и веселье—лучшее

лѣкарство отъ всякихъ болѣзней. Ее больше всего раздражали вытянутыя, печальныя лица, съ которыми многіе считали нужнымъ приближаться къ больнымъ. По ея мнѣнію, этого одного было достаточно, чтобы ухудшить состояніе больного.

Кровать мистрисъ Пли была поставлена въ общей комнатѣ, ради теплоты. Блѣдный свѣтъ сѣренькаго утра падалъ на нее изъ оконъ, слегка освѣщая нѣжное, бѣлое личико больной, лежавшей на подушкахъ.—Она похожа на хрупкую, нѣжную лилію! — подумала мистрисъ Леммеръ и громко сказала:

— Ну что, моя дорогая? Какъ вы себя чувствуете сегодня утромъ? Надѣюсь, вы хорошо провели ночь?

— Не очень,—отвѣтила за нее Мэгъ.—Кашель не давалъ ей спать.

— Повидимому, вамъ не слѣдовало бы выходить сегодня утромъ, — сознаю это, но что дѣлать? Вамъ придется таки выйти. Они принялись за этотъ рядъ домовъ сегодня и, конечно, выбросятъ на дворъ вашу кровать, поэтому я послала Джó за повозкой Джима Седдона и увезу васъ къ себѣ домой. Тамъ я думаю положить конецъ вашему кашлю и всѣмъ прочимъ глупостямъ.

Мистрисъ Пли густо покраснѣла: — Мы не должны причинять вамъ безпокойство, -- сказала она.

— Безпокойство заключается въ томъ, что мнѣ, съ моимъ ревматизмомъ, приходится ежедневно таскаться сюда, дорогая. Вы меня избавите отъ безпокойства, когда будете у меня. Мы завернемъ васъ въ одѣяла и Джо снесетъ васъ въ повозку, какъ свертокъ сѣна.

Мистрисъ Пли прослезилась. — Какая вы добрая! — воскликнула она.

— Ну, плакать не годится. Это вредно. Мэгъ, помоги ей одѣться.

Отъѣздъ мистрисъ Пли привлекъ вниманіе толпы, собравшейся около коттэджей, откуда выселяли жильцовъ. Но никто не говорилъ ни слова и только глухой ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ, когда Пли показался въ дверяхъ со своей драгоцѣнной ношей на рукахъ. Нѣкоторыя изъ женщинъ, впрочемъ, неудержались и изрекли свое негодованіе въ горячихъ словахъ, нашедшихъ отголосокъ въ душѣ многихъ, стоящихъ въ толпѣ. Бринтонъ былъ правъ, говоря, что они живутъ теперь на вулканѣ, но его товарищи не теряли надежды, что имъ удастся удержать страсти въ извѣстныхъ границахъ.

День прошелъ спокойно, даже слишкомъ спокойно, по мнѣнію тѣхъ. кто былъ чувствителенъ ко всѣмъ колебаніямъ атмосферы. Ропотъ словно носился въ воздухѣ. „Бараны

Сэма, — какъ назвалъ Минвэль привезенныхъ рабочихъ, — прошли на фабрику утромъ и вышли оттуда вечеромъ, сопровождаемые угрозами и криками враждебно настроенной толпы и увѣщаніями нѣкоторыхъ изъ болѣе спокойныхъ ея элементовъ, убѣждавшихъ пріѣзжихъ рабочихъ подумать о томъ, что они дѣлаютъ и, пока не поздно, вернуться съ миромъ домой.

Однако, поздно вечеромъ пріѣхали еще „бараны“ и тотчасъ же распространился слухъ, что въ понедѣльникъ утромъ возобновятся работы на ситце-набивной фабрикѣ. Нѣсколько смѣльчаковъ, съ Брикнолемъ и Слэтветомъ во главѣ, порѣшили между собой во что бы то ни стало помѣшать возобновленію работъ. Они задумали воспрепятствовать доставкѣ угля, безъ котораго фабрика Слэтвета не могла работать, но планъ свой держали въ секретѣ отъ Доннимора и Леммера. Бринтонъ, котораго они очень уговаривали принять участіе въ заговорѣ, цѣня его какъ вожака, наотрѣзъ отказался.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я разъ уже былъ достаточно глупъ, что согласился сдѣлаться однимъ изъ вожаковъ, но съ меня довольно. Я теперь хочу поступать по своему усмотрѣнію. И вы также дѣйствуйте на свой страхъ, ребята. Желаю вамъ удачи. Но только помните одно: это не дѣтская игра. Если вы можете принести пользу — прекрасно! Но только остерегайтесь глупыхъ шутокъ.

— Мы думали, что ты, Джо, будешь съ нами! — сказалъ одинъ изъ рабочихъ.

— Вы ошибались. Я не могу идти съ вами повсюду. Я пошелъ въ комитетъ и этого довольно. Но тутъ дѣйствуйте сами.

Слэтвету хотѣлось сказать Бринтону, что съ тѣхъ поръ какъ онъ сошелся съ пасторомъ и методистами, онъ уже не осмѣливается ничего дѣлать. Онъ это сказалъ товарищамъ только тогда, когда Бринтонъ ушелъ. Говорить это Бринтону, пожалуй, было бы рискованно.

Джоізя Пли, хотя и принималъ участіе въ собраніяхъ комитета, но дѣлалъ это чисто механически. Онъ не могъ интересоваться ничѣмъ. Его женѣ стало немного лучше сначала, когда мистрисъ Леммеръ увезла ее къ себѣ, но улучшеніе продолжалось недолго. Силы больной стали быстро падать, и докторъ откровенно заявилъ мистрисъ Леммеръ, что считаетъ положеніе больной критическимъ. Бринтонъ, еще не выселенный изъ своего жилища, увелъ къ себѣ Пли ночевать и, такъ же какъ Леммеръ, всячески старался расшевелить его и заставить выйти изъ апатичнаго состоянія, въ которомъ онъ находился.

На другой день состоялись похороны мистрисъ Слэтеръ на кладбищѣ въ Денкеби, въ шести миляхъ отъ Минвэля. Въ траурной церемоніи принимали участіе мистеръ и мистрисъ Бентли и Педертонъ, приславшій Мабель письмо съ выраженіями своего глубокаго соболѣзнованія по случаю смерти ея матери. Въ глубинѣ души онъ надѣялся, что его присутствіе на похоронахъ будетъ ей пріятно. Но Мабель не обращала ни на что вниманія, всецѣло поглощенная своимъ горемъ. Между нею и отцомъ произошло отчужденіе. Безъ сомнѣнія, отецъ ея былъ глубоко огорченъ смертью своей жены, но онъ не показывалъ этого и его сдержанность въ этомъ отношеніи только увеличила пропасть между нимъ и его дочерью. Мабель видѣла, что онъ не только не смягчился, но, наоборотъ, еще болѣе твердо рѣшилъ во что бы то ни стало сломить сопротивленіе своихъ рабочихъ.

Съ Доннимором Мабель была разлучена теперь. Онъ прислалъ ей два письма, но она лишена была утѣшенія видѣть его, такъ какъ на ея намекъ, что слѣдовало бы пригласить Доннимора на похороны, Слэтеръ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и она не стала настаивать. Она глубоко страдала и некому было поддержать ее, такъ какъ немногіе родственники, присутствовавшіе на похоронахъ, были ей совершенно чужими, а Педертонъ, старавшійся изъ всѣхъ силъ, не былъ тотъ, къ кому стремилась ея душа. Всѣ говорили о „бѣдномъ Сэмѣ“, „объ ужасномъ испытаніи, которое выпало на его долю“ и, „о черной неблагодарности облагодѣтельствованныхъ имъ людей. Мабель могла только кивать головой въ отвѣтъ, когда къ ней обращались. До двадцати двухъ лѣтъ она жила словно въ темницѣ, оберегаемая отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра. Но теперь буря бушевала около нея и увлекала ее за собой въ другую жизнь. Мабель, идя за гробомъ матери, думала о тѣхъ матеряхъ, которыхъ она видѣла въ Минвэлѣ нѣсколько дней тому назадъ, физическія и нравственныя страданія которыхъ еще увеличивались муками голода. Ужъ одно то, что она могла думать объ этомъ при такихъ обстоятельствахъ, указывало на перемѣну, происшедшую въ ней.

XXII.

Вторая жертва.

Но не только въ Дубкахъ царствовала глубокая печаль въ этотъ день. Рано утромъ, когда еще не разсвѣло, Мэгъ Леммеръ, дежурившая у постели больной, испуганно позвала свою мать. Мистрисъ Леммеръ прибѣжала въ рубашкѣ и

тотчасъ же увидѣла, что испугъ дочери имѣлъ основаніе: мистриссъ Пли лежала мертвая. Она во снѣ покинула Минвэль со всѣми его страданіями и тихо отошла въ вѣчность. Мэгъ побѣжала за докторомъ, но когда онъ явился, то все уже было кончено. Онъ сказалъ. что давно ожидалъ этого, и прибавилъ, что смерть молодой женщины очень огорчила его.

— Ея смерть лежитъ на совѣсти Слэтера!—воскликнула Мэгъ и залилась слезами.

Пли ночевалъ у Брантона, и Леммеръ хотѣлъ пойти туда, чтобы предупредить его, но мистрисъ Леммеръ воспротивилась:—Нѣтъ, не ходи,—сказала она.—Дай ему выспаться. Все равно онъ слишкомъ рано узнаетъ объ этомъ.

— И то правда, мать,—согласился Леммеръ, выглядѣвшій совсѣмъ разбитымъ и измученнымъ при скудномъ свѣтѣ единственной свѣчки, горѣвшей въ комнатѣ.—Ахъ, хотѣлъ бы я пойти туда съ другими новостями! Тяжелая судьба, тяжелая...

— Не ропщи, Маттъ,—замѣтила ему жена.

— Да, да, не надо роптать,—повторилъ онъ.—Сознаюсь, моя вѣра поколебалась на мгновеніе. Но теперь, если я не нуженъ тебѣ, я пойду внизъ и помолюсь за него, чтобы Господь смягчилъ ему ударъ, поддержалъ его...

Въ холодной, полутемной комнатѣ внизу, лишенной теперь всякихъ украшеній, Леммеръ простоялъ на колѣняхъ почти два часа. Онъ сильно продрогъ, когда кончилъ молиться, и долженъ былъ залпомъ выпить чашку горячей воды, чтобы хоть немного согрѣться. На дворѣ дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, когда онъ вышелъ изъ дому и направился къ Бринтону. Но Леммеръ теперь не замѣчалъ холода; онъ шелъ по пустынной, темной улицѣ, продолжая горячо молиться, и не чувствовалъ вѣтра, пронизывавшаго его насквозь.

Бринтонъ только что спустился внизъ и пріотворилъ дверь, чтобы посмотрѣть, какова погода, когда къ нему подошелъ Леммеръ. Съ перваго взгляда Бринтонъ увидѣлъ, что старикъ пришелъ не съ радостными вѣстями такъ рано утромъ.

— Что случилось, Мэтью?—тихо спросилъ Бринтонъ.— Ей хуже?

— Она умерла во время сна, парень, въ третьемъ часу утра.

Бринтонъ растерянно посмотрѣлъ на Леммера и сказалъ:

— Джо только что всталъ, Мэтью. Онъ молился, когда я пошелъ сюда. Иди наверхъ и скажи ему Мэтью. А я уйду. Я знаю, ты молился, Мэтью. Но я не могу; я долженъ пойти

и отвести душу въ проклятіяхъ. Я желалъ бы, чтобъ эти проклятія достигли ушей Сэма!.. Оставайся же здѣсь, ты тутъ нужнѣе меня.

— Но отчего ты не хочешь побыть съ нами?—спросилъ Леммеръ, ласково кладя руку на плечо Бринтона.

— Нѣтъ, Мэтью, пусти меня, я не могу оставаться! Если я не пойду теперь и не прокляну Сэма, то не выдержу и разрыдаюсь или напьюсь пьянымъ до безчувствія...

Съ этими словами Бринтонъ бросился вонъ изъ двери на улицу, даже не застегнувъ своихъ ботинокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Пли. Онъ молча выслушалъ Леммера и закрылъ глаза руками. Леммеръ принудилъ его стать на колѣни и самъ сталъ рядомъ съ нимъ и снова началъ читать молитву, но Пли не говорилъ ни слова.

Мистрисъ Леммеръ встрѣтила ихъ у дверей. Она молча обняла Джо за шею и поцѣловала его.

— Могу я видѣть ее?—спросилъ онъ дрожащими губами.

— Да, голубчикъ. Пойдемъ наверхъ; она тамъ лежитъ.

Въ комнатѣ, гдѣ лежала умершая, горѣла свѣча, такъ какъ было еще слишкомъ рано и только что начало свѣтать. Пли взглянулъ на кровать и на бѣлое, неподвижное лицо покойницы, виднѣвшееся въ полутьмѣ, царившей въ комнатѣ, и слезы хлынули изъ его глазъ.

Мистрисъ Леммеръ оставила его одного и закрыла двери.—Пусть поплачетъ немного,—сказала она мужу.—Когда она вошла черезъ нѣкоторое время, чтобы позвать Пли завтракать, то застала его стоящимъ на колѣняхъ возлѣ постели. Онъ не хотѣлъ идти сначала, говоря, что у него нѣтъ желанія ѣсть, но мистрисъ Леммеръ настояла. Пли машинально повиновался ей и спустился внизъ, въ столовую, гдѣ Леммеръ поджидалъ его. Завтракъ состоялъ только изъ жидкаго чая, безъ сахара, и хотя Леммеръ употреблялъ много сахара и прежде, но теперь онъ рѣшилъ отказаться отъ него.

Завтракъ былъ конченъ, когда пришелъ Доннимоpъ. Онъ встрѣтилъ Бринтона по дорогѣ, когда шелъ въ свою столовую, и отъ него узналъ о смерти мистрисъ Пли.

— Мы только что собиралитъ прочесть главу изъ Библіи, и я былъ бы очень радъ, если-бъ вы прочли ее намъ.

— Что же я долженъ прочесть вамъ, мистеръ Леммеръ?

— Послѣднюю главу Откровенія. Я молился сегодня утромъ, чтобы Господь даровалъ этому молодцу желаніе и силу работать.

— Не безпокойся, Мэтью,—съ горячностью воскликнулъ Пли.—Я буду стараться. Я сдѣлаю все, что могу, чтобы царству нечестивыхъ пришелъ скорѣй конецъ.

Доннимоpъ не говорилъ ни слова и только со вниманіемъ

наблюдалъ молодого человѣка. У него мелькнула мысль, что горе могло повлiять на его разсудокъ.

— Да, только въ работѣ ты можешь найти утѣшенiе, мальчуганъ,—сказалъ Леммеръ.—Если-бъ я могъ раздѣлить съ тобою тяжесть твоего горя то, я радостно сдѣлалъ бы это. Но я могу только молиться за тебя и сочувствовать тебѣ.

— Мы всѣ сочувствуемъ вамъ, мистеръ Пли,—прибавилъ Доннимoръ.

Леммеръ и Доннимoръ вмѣстѣ вышли изъ дому.

— Эта побѣда куплена дорогою цѣной,—замѣтилъ грустно викарiй, намекая на Пли.

— Я то же самое сказалъ своей женѣ сегодня утромъ, когда мы узнали о смерти этой женщины. Но жена сказала мнѣ, что Господь все дѣлаетъ къ лучшему. Она вернула меня къ моей вѣрѣ.

— Я теперь понимаю, Леммеръ, какъ вы счастливы, имѣя такую жену!

— И вы будете такъ же счастливы. Она, въ сущности, хорошая дѣвушка и я увѣренъ, что она похожа на свою мать. Я знаю, что это стачка причинила вамъ горе, но мы такъ рады, что вы съ нами

— Я много думалъ объ этомъ, мистеръ Леммеръ, и мнѣ становится стыдно, когда я вспоминаю о Пли. Вы не замѣтили, что онъ сталъ уже не тѣмъ человѣкомъ? Недѣли двѣ тому назадъ онъ казался мнѣ совершенно подавленнымъ, а теперь, когда ему нанесенъ послѣднiй ударъ... Вѣдь она была такая кроткая, нѣжная женщина, мистеръ Леммеръ!

— Да, сэръ. Ея доброта исходила прямо отъ сердца. И какъ они любили другъ друга! Конечно, даже самыя великiя главы Откровенiя не въ состоянiи будутъ утѣшить его. Только работа доставитъ ему забвенiе. Мое сердце разрывается, когда я думаю объ этомъ юношѣ. Правда, она покинула этотъ мiръ юдоли и печалей для лучшаго мiра, но что пользы говорить себѣ это, когда такъ страдаетъ душа!

Доннимoръ кивнулъ головой. Онъ подумалъ о Мабель, о счастьи жизни съ ней и о томъ страданiи, которое онъ долженъ былъ бы испытывать, если-бъ смерть унесла ее молодой и счастливой!..

— Да поможетъ ему Господь!—проговорилъ онъ съ тоской.

Леммеръ зашелъ къ Годвину и заказалъ ему гробъ, но прибавилъ, что ни онъ, ни Джозiя не могутъ въ данный моментъ заплатить за него.

— Это не бѣда,—возразилъ Годвинъ,—заплатите, когда будетъ можно. Я сейчасъ пойду взять мѣрку. Ахъ, но съ какимъ бы удовольствiемъ снялъ я мѣрку съ кого-то другого!..

Изъ Англіи.

I.

Въ разныхъ странахъ однимъ и тѣмъ же словамъ, выражающимъ, повидимому, вполнѣ опредѣленное, кристаллизованное понятіе, придается различное значеніе, становящееся еще шире вслѣдствіе произвольныхъ толкованій. Итальянцы говорятъ: «Passato il pericolo, gabbato il santo», т. е. когда проходитъ опасность, то святого, къ которому взывали во время ея и обѣщали многое — обманываютъ. «Il santo» въ разныя времена извѣстенъ подъ другими названіями. Порой онъ называется также «Конституція» И когда «passato il pericolo»,—наступаетъ время для «разъясненій» и толкованій.

Вполнѣ опредѣленнымъ терминамъ въ разныхъ странахъ придаютъ различное значеніе. Ужъ на что болѣе фиксированное понятіе, какъ «правосудіе», а между тѣмъ какъ оно различно толкуется независимымъ судомъ присяжныхъ и, скажемъ, тѣмъ судьей въ странѣ песьеголовцевъ, къ которому, по словамъ странницы, такъ и обращаются: «суди меня, судья неправедный»! Слово «законъ» тоже, повидимому, фиксированное, но какъ оно различно понимается англичаниномъ и турецкимъ вали! И англичане, и русскіе знаютъ слово «выборы», но толкуется оно совершенно различно. Немудреную истину, что одни и тѣ же слова означаютъ въ разныхъ странахъ не одно и то же,—слѣдуетъ помнить, между прочимъ, при чтеніи сообщеній изъ Ирландіи въ англійскихъ консервативныхъ газетахъ. Въ Times'ѣ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ передовыя статьи, въ которыхъ говорится про «безпорядки» въ Ирландіи и про то, что «собственность и жизнь мирныхъ обывателей теперь тамъ не обезпечены». Русскій читатель представитъ себѣ пылающія усадьбы, безпрерывныя убійства, грабежи, карательные отряды, военное положеніе, ночные повальные обыски, массовыя ссылки, военные суды, казни, преслѣдованіе печати, конфискаціи въ административномъ порядкѣ частнаго имущества, одичаніе, бѣлую и красную анархіи, опричину, свирѣпствующую въ провинціальныхъ городахъ подъ покровительствомъ мѣстныхъ Малютъ Скуратовыхъ, полное нарушеніе основныхъ представленій о законности и право-

судіи. Читатель представитъ себѣ кровавый туманъ надъ страной, подъ вліяніемъ котораго даже маленькія дѣти играютъ не въ лошадки, а въ смертную казнь *), приводимую въ исполненіе. И русскій читатель ошибется. Ничего подобнаго въ Ирландіи нѣтъ теперь. Преступленій тамъ меньше, чѣмъ въ Англіи. «Революціонное движеніе», о которомъ говоритъ Times, выражается въ рѣчахъ да еще въ «cattle driving», т. е. въ угонѣ скота. Это не означаетъ, что скотину крадутъ или калѣчатъ, какъ это было двадцать пять лѣтъ тому назадъ во время аграрнаго движенія. Нѣтъ, теперь происходитъ другое. Земельная реформа 1903 г. дала возможность многимъ ирландскимъ фермерамъ стать собственниками. Но такъ какъ въ законѣ не было принципа принудительной продажи, то нѣкоторые крупные помѣщики, которымъ принадлежатъ цѣлыя графства, отказались продать свои луга. И вотъ теперь идетъ борьба за превращеніе этихъ луговъ въ пашни. Крестьяне ночью угоняютъ пасущійся на лугахъ помѣщичій скотъ за 2—3 версты, гдѣ его и находятъ утромъ пастухи. Это и есть «cattle driving». Представленіе о томъ, что въ различныхъ странахъ одни и тѣ же слова понимаются различно, даетъ также кельтскій конгрессъ въ Эдинбургѣ. Газеты извѣстнаго направленія всегда выставляютъ стремленіе народности къ самоопредѣленію, какъ революціонное движеніе, опасное для государственности. Это движеніе дѣйствительно революціонно, покуда преслѣдуется; когда ему даютъ полную возможность проявиться, оно принимаетъ такой совершенно невинный характеръ, какъ конгрессъ «кельтскихъ народностей». Еще сравнительно недавно ирландцевъ или валійцевъ преслѣдовали за народный языкъ. Тогда «Gorsedd» (съѣздъ) бардовъ, о которомъ дальше, представлялъ революціонный и очень опасный въ глазахъ правительства актъ. Теперь «кельтамъ», ихъ «бардамъ» и «друидамъ» предоставили поступать, какъ пожелаютъ, и опасный, «революціонный» съѣздъ превратился въ совершенно безобидную церемонію. «Третій конгрессъ всѣмъ кельтскихъ народностей,—читаемъ мы въ Times'ѣ,—открылся въ Эдинбургѣ церемоніей *Lia Cineil*, т. е. закладкой кэрна, состоящаго изъ шести камней, которые символируютъ шесть народностей кельскаго происхожденія (ирландцы, шотландцы, валійцы, жители о. Мэна, корнуэльцы и бретонцы). Кэрнъ этотъ будетъ стоять все время, покуда продолжается конгрессъ. Впереди процессіи, направившейся къ кэрну, шли друиды и «барды», одѣтые, согласно рангу, въ зеленые, голубые и бѣлые плащи. Затѣмъ слѣдовали

*) „Бессарабская Жизнь“ сообщала недавно о томъ, какъ въ Кишиневѣ маленькія дѣти въ возрастѣ отъ 5—10 лѣтъ, играя въ полевой судъ, приговорили подсудимаго, девятилѣтняго мальчика, къ смертной казни, заперли его въ курятникъ, который прикрыли рогожей, облитой керосиномъ. Рогожу эту дѣти подожгли. Осужденнаго вытащили потомъ изъ пламени, но въ такомъ состояніи, что пришлось немедленно отвезти въ больницу. Ребенокъ сильно обгорѣлъ.

шотландскіе горцы съ волынками. Одинъ изъ бардовъ несъ знамя «Gorsedd» съ изображеніемъ солнца и девизомъ на уэльскомъ языкѣ: «Истина наперекоръ міру». За хоругвью несли мечъ «Gorsedd» и «Hirlas» (рогъ, изъ котораго пьютъ барды). Живописность процессіи увеличивали дамы, одѣтыя въ древніе костюмы уэльскихъ крестьянокъ, а также странно одѣтые бретонцы во главѣ съ маркизомъ де Л'Естурбейономъ». При чемъ тутъ друиды и барды?—спроситъ читатель, знающій о нихъ, главнымъ образомъ, по оперѣ «Норма». Что такое «Gorsedd»? Архаическіе языки кельтскихъ племенъ теперь не вымерли еще въ пяти мѣстахъ. На уэльскомъ языкѣ говорятъ 1.250.000 человѣкъ на бретонскомъ—1.500.000, на ирландскомъ—750.000, на шотландскомъ—250.000 и на манкскомъ (о. Мэнъ) 4.500. Корнуэльскій языкъ сталъ мертвымъ уже болѣе ста лѣтъ. Манкскій—быстро вымираетъ; ирландскій вымеръ бы, если бы въ послѣднее время не сдѣланы были отчаянныя усилія оживить его. Собственно говоря, современная литература существуетъ только на уэльскомъ языкѣ. Только въ Уэльсѣ книги и газеты, написанныя на мѣстномъ языкѣ, понятны населенію. Въ Ирландіи гельскій литературный языкъ--продуктъ послѣднихъ дней (тамъ есть богатая литература, но она относится еще къ X—XI в. в.). Населеніе, говорящее по-гэльски, съ большимъ трудомъ понимаетъ написанныя для нихъ книги, такъ какъ литераторы усиленно черпаютъ архаическія давно умершія слова или создаютъ новыя. Но за то старая литература на кельтскихъ языкахъ, говорятъ, очень богата. Ирландскіе, уэльскіе и корнуэльскіе короли очень любили поэзію. При каждомъ дворѣ барды держались въ большомъ почетѣ. Ежегодно барды собирались на состязаніе, которое называлось *Gorsedd*. Барды пѣли подъ аккомпаниментъ арфы свои поэмы, а также сложенныя уже раньше баллады (циклъ извѣстныхъ легендъ про короля Артура и рыцарей круглаго стола сложенъ бардами). На кельтскомъ языкѣ кромѣ балладъ, остались хроники. Впослѣдствіи къ нимъ прибавились своеобразные апокрифы, составленные горячими поклонниками старины. Такова хроника *Gruffyd ab Gynan*, найденная или, точнѣе, передѣланная Эдуардомъ Вильямсомъ. Авторъ апокрифа стремился доказать что языческіе друиды были хранителями свободы и народной независимости и, кромѣ того, что они проповѣдывали стройную философскую систему, носившую слѣды вліянія библейскихъ легендъ. Подъ вліяніемъ апокрифа, въ Уэльсѣ возникъ, такъ называемый, нео-друидизмъ, т. е. своего рода, массонская ложа. И когда возродилось націоналистическое движеніе въ тѣхъ англійскихъ провинціяхъ, гдѣ говорятъ на кельтскихъ языкахъ, барды и друиды стали выразителями его. Снова послѣ перерыва почти въ тысячу лѣтъ стали собираться «Gorsedd» т. е. съѣзды бардовъ. Сперва собирались «барды» отдѣльныхъ провинцій, потомъ состоялся съѣздъ «бардовъ» и «друидовъ» Британскихъ острововъ, а потомъ присоединились «кельты» изъ Британіи.

Когда то, чтобы стать бардомъ, нужно было самому сочинить прекрасную балладу. Теперь степень эта, а равно и «друида», дается всякому, кто знаетъ хоть немного одинъ изъ кельтскихъ языковъ. На «конгрессъ кельтскихъ племенъ» являются делегаты (собственно говоря, больше половины), которые не знаютъ другого языка, кромѣ англійскаго или французскаго (бретонцы). Въ первыхъ съѣздахъ ирландцевъ, стремящихся къ возрожденію гэльскаго языка, нѣкоторыя консервативныя газеты усмотрѣли революціонный сепаратизмъ: но затѣмъ здравый смыслъ англичанъ взялъ верхъ, и конгрессамъ предоставлена была свобода дѣйствія. «Когда процессія сложила кэрнъ,—читаемъ мы въ цитированномъ уже выше описаніи,—раздался звукъ Corngwlad, или рога друидовъ, возвѣщая такимъ образомъ, что Gorsedd, или съѣздъ бардовъ, открытъ. Одинъ изъ «друидовъ» прочиталъ на уэльскомъ языкѣ старинную молитву бардовъ и провозгласилъ потомъ миръ между кельтскими племенами. Поднявъ высоко мечъ,—онъ трижды воскликнулъ: «Будемъ ли мы жить въ мирѣ?» «Миръ! миръ!»—отвѣтили всѣ. Затѣмъ мечъ былъ вложенъ въ ножны, «друиды» и барды выпили изъ рога Hirlas и архидруидъ провозгласилъ засѣданіе конгресса открытымъ». Одинъ изъ докладчиковъ дальше сказалъ, что кельтскія племена, собиравшіяся когда-то для войны, съѣхались теперь для мира, съ цѣлью показать, что сдѣлано въ области литературы и культуры.

«Племена, говорящія по-кельтски, сливаются въ одинъ союзъ»—закончилъ ораторъ. При сколько нибудь нормальныхъ условіяхъ объединяющимъ началомъ является не только сомнительное общее происхожденіе, а общность культуры. Шатобріанъ, Ламенэ и Ренанъ были бретонцы, но они, однако, писали по французски, а не на туземномъ языкѣ, котораго, вѣроятно, и не знали. Адамъ Смитъ, Локкъ, Вальтеръ Скоттъ, Макколей и много другихъ великихъ людей, прославившихъ Англію, были шотландцы; но они писали не на гэльскомъ языкѣ, а по-англійски. Ирландія выдвинула рядъ блестящихъ именъ (Свифтъ, Муръ, Теккерей), но не только они, но даже ирландскіе революціонеры писали не на туземномъ языкѣ, а по-англійски. Сохраненіе умирающаго народнаго языка дѣло хорошее, какъ собираніе тѣхъ наивныхъ, простыхъ и трогательныхъ пѣсенъ, которыя волновали насъ въ дѣтствѣ. Если это сохраненіе языка преслѣдуется, какъ политическое преступленіе, тогда оно изъ невиннаго занятія превращается въ орудіе борьбы народности за существованіе. Тогда умирающій языкъ, соотвѣтствующій дѣтству народа, стараются сдѣлать пригоднымъ для выраженія понятій современнаго культурнаго человѣка. Приходится уже не возрождать старый языкъ, а создавать новый, непонятный туземцамъ языкъ, которому туземцы должны учиться, какъ и чужіе. Новый языкъ является новымъ искусственнымъ барьеромъ между людьми, какъ будто этихъ перегородокъ и безъ того мало! Вслѣд-

ствіе преслѣдованія, націонализмъ превращается въ реакціонное явленіе. . .

Итакъ, мы видѣли, что въ Англіи придаютъ словамъ «революціонное движеніе», «политическое броженіе», «необезпеченность личности» совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Но въ то же время нельзя сказать, что въ Ирландіи теперь все спокойно. Постараемся же разобраться въ томъ, что тамъ происходитъ.

II.

Сравнительно еще недавно Ирландія была расколота на два враждующихъ лагеря. Раздѣляли ихъ различные взгляды на землю, на вѣру и на способъ управленія. Къ одному лагерю принадлежали потомки побѣжденныхъ; къ другому — побѣдители, представители «господствующей національности». Въ Англіи, гдѣ условія нормальны, ирландцы и англичане уживались рядомъ и сливались въ одну національность, объединенную общей культурой и общими интересами. Въ Ирландіи два лагеря никогда не смѣшивались. Въ Дублинѣ, напр., есть гостиницы исключительно для англичанъ, гдѣ ирландцы не останавливаются и отели для ирландцевъ, куда англичане не заѣзжаютъ. Въ нѣкоторыхъ же городахъ, напр. въ Бельфастѣ, гдѣ завоеватели усиленно насаждали идею о господствующей національности, ненависть въ массахъ, принадлежащихъ къ различнымъ лагерямъ, такъ сильна, что англичане и ирландцы селятся въ разныхъ кварталахъ. Населеніе разныхъ кварталовъ въ Бельфастѣ часто вступаетъ другъ съ другомъ въ драки, кончающіяся иногда очень трагически. Съ теченіемъ времени были устранены многія изъ тѣхъ перегородокъ, которыя отдѣляли въ Ирландіи завоевателей отъ завоеванныхъ. Объ этомъ исправленіи историческихъ ошибокъ мнѣ приходилось уже не разъ писать. Послѣ великой земельной реформы 1903 года произошла любопытная группировка въ лагеряхъ. Если читатели пробѣжали замѣтку о новыхъ пьесахъ Бернарда Шоу, помѣщенную въ прошлой книжкѣ «Русскаго Богатства», то они знаютъ, какая перемѣна произошла во взглядахъ фермеровъ. Когда-то они составляли оплотъ національной партіи. Изъ нихъ состояла армія, на которую опирался Парнелль. Послѣ 1903 г. большинство фермеровъ выкупило землю и теперь оно относится скорѣе враждебно къ аграрному движенію, имѣющему цѣлью доставить безземельнымъ возможность воспользоваться реформой. Въ числѣ этихъ безземельныхъ находятся фермеры, прогнанные съ занимаемыхъ ими надѣловъ за участіе въ аграрномъ движеніи двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны, послѣ реформы 1903 г., мы видимъ въ рядахъ людей, борющихся за національное самоуправленіе Ирландіи, такихъ дѣятелей, какъ лордъ Данрэйвенъ, который выпустилъ на дняхъ крайне интересную книгу:

«The Outlook in Ireland; The Case for Devolution and Conciliation». Еще недавно въ томъ лагерѣ крупныхъ помѣщиковъ и тори, къ которому принадлежитъ по происхожденію лордъ Данрэйвенъ, проповѣдывалась только «политика сильной власти». Теперь авторъ упомянутой книги пишетъ: «Я—помѣщикъ, протестантъ въ религіи и юніонистъ въ политикѣ. Я стою за мой классъ, мою вѣру и политическія убѣжденія; но я знаю, что мой классъ и религія погибнутъ, если будутъ продолжать отстаивать политику насилія и привилегированнаго положенія» *). И вотъ, какъ помѣщикъ, лордъ Данрэйвенъ стоитъ за принудительное отчужденіе земли; какъ протестантъ, онъ доказываетъ, что католики, если они того желаютъ, должны имѣть свой университетъ. Какъ юніонистъ, лордъ Данрэйвенъ доказываетъ, что теорія «господствующей національности» вредна и что областной сеймъ въ Ирландіи вполнѣ совмѣстимъ съ принципами истиннаго торизма. Политика «энглизированія» ирландцевъ разорила страну и озлобила населеніе. Бюрократія доказала только свою полную бездарность и неспособность къ живой работѣ. Великая и фундаментальная ошибка, сдѣланная Англіей,—по словамъ лорда Данрэйвена,—заключается въ попыткѣ обратить ирландцевъ въ англичанъ. Съ 1155 г., т. е. съ того времени, когда Ирландія впервые досталась Англіи, сдѣланы были всевозможныя усилія съ цѣлью истребить ирландскую расу и сохранить чистоту англо-норманской крови. Въ теченіе восьми вѣковъ Англія проявила изумительную настойчивость въ энглизированіи Ирландіи и потерпѣла неудачу. Не пора ли уже, поэтому, прекратить опытъ? Не лучше ли приняться за изслѣдованіе причинъ, почему Ирландія никогда не была и не будетъ энглизирована?—продолжаетъ лордъ Данрэйвенъ. Сильныя средства не помогутъ превратить ирландцевъ въ англичанъ, потому что уже испробованы. Англія конфисковала земли, запретила ирландцамъ говорить на родномъ языкѣ, наказывала за ношеніе національной эмблемы («шэмрокъ»), зеленаго цвѣта и даже за употребленіе префикса О' въ фамиліяхъ. Такимъ образомъ, по приказу начальства, О'Доннель, О'Мара и О'Брайанъ превратились просто въ Доннеля, Мару и Брайана. Это была глупая бюрократическая попытка уничиженія, какъ у насъ—отказъ писать отчество съ «вичемъ». Англія запрещала ношеніе національнаго ирландскаго платья, заставляла католическую церковь объявлять гоненіе на народные обычаи. Ирландскихъ патріотовъ, слишкомъ любившихъ свою родину, сажали въ тюрьмы, отправляли въ ссылку. И, на придачу, захватчикъ постоянно жаловался на черную неблагодарность Ирландіи, замышляющей заговоры противъ Англіи. Однимъ словомъ, и въ Ирландіи повторилось положеніе, описанное съ такою силою въ извѣстномъ стихотвореніи графини Е. П. Растопчиной. Вмѣсто «стараго барона», Джонъ Булль жаловался: «Недовольна

*) The Outlook in Ireland, p. 237.

и грустна неблагодарная жена». А Ирландія, какъ жена въ стихотвореніи, отвѣчала:

„Я врагъ ему, а не жена.
Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ. . .
. . . Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье
Всѣхъ вѣрныхъ, лучшихъ слугъ моихъ,
Меня же предалъ притѣсненью
Рабовъ—лазутчиковъ своихъ".

Еще Тацитъ съ поразительной силой выяснилъ, какое губительное значеніе для общества и государства имѣютъ доносчики и шпіоны. «Sic delatores, genus hominum publico exitio repertum, per praemia eliciebantur». («И вотъ доносчики, порода людей, открытая для гибели общества,—были привлечены и поощрены наградами»),—говоритъ великій историкъ. И тѣмъ не менѣе, этотъ презрѣнный «genus hominum», содѣйствовавшій гибели Рима, призывается съ тѣхъ поръ на помощь каждымъ правительствомъ, держащимся противъ воли народа при помощи одной только силы. Англія тоже одно время поощряла этотъ «genus hominum» и горько раскаялась.

Какой же результатъ восьмивѣковаго англизированія? «Ирландцы не только остались таковыми, —говоритъ лордъ Данрэйвенъ,—но даже ассимилировали англичанъ, переселившихся въ Ирландію. Пора, наконецъ, понять фактъ, что насиліемъ нельзя отнять у народа его отличительныя черты. И если это поймутъ, то Англія,—говоритъ авторъ, —радикально измѣнитъ свою политику. Когда правительство уяснитъ себѣ, что Ирландію нельзя превратить въ рядъ графствъ на подобіе англійскихъ; когда оно пойметъ, что у ирландцевъ нѣтъ основанія стыдиться своей національности,—то несомнѣнно придетъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Ирландіи должно быть предоставлено право самоопредѣленія. 2) Противоядіемъ противъ горькихъ воспоминаній о прошломъ должна служить новая политика въ будущемъ. 3) Только уваженіемъ къ національности Ирландіи Англія можетъ пробудить въ Эринѣ такой же патріотизмъ и такую же лойяльность къ имперіи, какія мы наблюдаемъ въ Канадѣ, въ Австраліи или въ Южной Африкѣ. Необходимо только дѣйствовать возможно скорѣе,—продолжаетъ лордъ Данрэйвенъ,—потому что послѣдствіемъ англизированія Ирландіи явилось полное разореніе ея и повальное бѣгство населенія.

Въ русской литературѣ мы имѣемъ блестящій трактатъ о различіяхъ между народами по національному характеру. Авторъ исходитъ изъ положенія, что народъ—группа людей, качества народа—сумма индивидуальныхъ качествъ людей, составляющихъ эту группу; потому качества народа измѣняются перемѣной качествъ отдѣльныхъ людей, и причины перемѣнъ однѣ и тѣ же въ обоихъ случаяхъ. «О каждомъ изъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ народовъ мы знаемъ, что первоначально формы его быта были не

тѣ, какъ теперь. Формы быта имѣютъ вліяніе на нравственныя качества людей. Съ перемѣною формъ быта эти качества измѣняются. Ужъ по одному тому всякая характеристика цивилизованнаго народа, приписывающая ему какія-нибудь неизмѣнныя нравственныя качества, должна быть признаваема ложной». «Можетъ ли сохраниться одинаковость нравственныхъ качествъ между предками дикарями и потомками, достигшими высокой цивилизаціи?— спрашиваетъ дальше русскій писатель.—Сохраниться могутъ развѣ физическій типъ и тѣ черты темперамента, которыя прямо обусловливаются ими; но и это можетъ быть справедливымъ лишь по присоединеніи къ термину «одинаковость» такихъ оговорокъ, которыми отнимается у него почти всякое значеніе.—Перемѣны обстоятельствъ, отъ которыхъ видоизмѣнялись формы быта, не всегда одинаково касались всѣхъ сословій. Видоизмѣняясь неодинаково, обычаи разныхъ сословій становились менѣе сходными, чѣмъ были прежде. Народъ пріобрѣталъ знанія, отъ этого измѣнялись его понятія, отъ перемѣны понятій измѣнялись нравы; этотъ ходъ перемѣнъ тоже былъ неодинаковымъ въ разныхъ сословіяхъ, былъ неодинаковымъ и въ разныхъ частяхъ страны, занятой народомъ. Такимъ образомъ, жизнь каждаго изъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ народовъ представляетъ рядъ перемѣнъ въ бытѣ и понятіяхъ, и ходъ этихъ перемѣнъ былъ неодинаковъ въ разныхъ частяхъ народа. Потому точныя характеристики могутъ относиться только къ отдѣльнымъ группамъ людей, составляющихъ народъ, и только къ отдѣльнымъ періодамъ ихъ исторіи. Стремленіе объяснить исторію народа особенными неизмѣнными умственными и нравственными качествами его имѣетъ своимъ послѣдствіемъ забвеніе о законахъ человѣческой природы» *).

Между тѣмъ мы постоянно видимъ попытки не только подобной интерпретаціи исторіи народа, но и стремленіе оправдать насиліе одной національности надъ другой на основаніи коллективной характеристики. Слѣдуетъ прибавить, что послѣдняя дѣлается врагами, при чемъ обобщаются нѣсколько дѣйствительныхъ или мнимыхъ чертъ, найденныхъ въ отдѣльныхъ индивидуумахъ. Читатели, по всей вѣроятности, безъ труда найдутъ и другіе примѣры, кромѣ тѣхъ, которые я привожу въ этой статьѣ. Въ ходячей характеристикѣ *всего* ирландскаго народа, сдѣланной англичанами въ то время, когда озлобленіе между двумя народами было особенно сильно, — «Пэди» всегда рисуется горькимъ пьяницей. Любовью къ бутылкѣ ирландцевъ англійскіе консерваторы объясняютъ обнищаніе Эрина. Такое объясненіе далъ вождь партіи въ парламентѣ три года тому назадъ. Если мы обратимся къ цифрамъ, то безъ труда убѣдимся, что Англія не имѣетъ права попрекать Ирландію

*) *Н. Г. Чернышевскій.* „Полное Собраніе Сочиненій“ (изданіе 1906 г.), томъ X, часть 2, стр. 144—156.

пьянствомъ: количество выпиваемой водки составляетъ въ Англіи 0,7 галлона *) въ годъ на человѣка, пива—31,3 гал., вина—0,3 галлона и другихъ напитковъ, содержащихъ алкоголь—0,4 гал. Въ Ирландіи на голову приходится водки—1 галлонъ, пива — 2 галлона, вина—0,1 гал. и другихъ напитковъ 0,1 гал. Шотландія еще болѣе налегаетъ на водку (виски). На голову выпивается тамъ ея 1,6 гал. въ годъ, пива—9 гал., вина—0,3 гал. и другихъ напитковъ 0,01 гал. «Кабацкій счетъ» трехъ королевствъ можетъ поразить жителя континента. Если считать всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и грудныхъ дѣтей, то «кабацкій счетъ» каждаго за водку и пиво составитъ въ годъ:

	За водку.	За пиво.	Всего.
Въ Англіи . . .	1 ф. 1 ш. 6 п.	2 ф. 12 ш. 2 п.	3 ф. 13 ш. 8 п.
Въ Шотландіи .	2 ф. 1 ш. 8 п.	— 15 ш. 3 п.	2 ф. 16 ш. 11 п.
Въ Ирландіи. .	1 ф. 5 ш. 5 п.	1 ф 12 ш. 8 п.	2 ф. 18 ш. 1 п.

Сюда нужно прибавить расходы на вино и остальные спиртные напитки. Въ общемъ это составитъ для Англіи 3 ф. 19 ш. 10 пенсовъ въ годъ на человѣка, для Шотландіи 3 ф. 1 ш. 9 пенсовъ и для Ирландіи—3 ф. 10 пенсовъ.

Итакъ, попытки объясненія обнищанія Ирландіи особенностями національнаго характера, т. е. пьянствомъ, не подтверждаются фактами. Необходимы другія, болѣе вѣрныя причины. Картина страны, которую рисуетъ въ своей книгѣ лордъ Данрэйвенъ, очень печальна.

III.

Однимъ изъ первыхъ показателей ненормальности условій въ данной странѣ является отливъ здороваго, энергичнаго населенія. Для эмиграціи требуется не только наличность страданія народа, но еще пробужденіе *самосознанія* въ немъ, имѣющее послѣдствіемъ желаніе искать лучшей жизни. При отсутствіи самосознанія, страдающій народъ покорно терпитъ крайнюю нищету и гнетъ, которые ведутъ къ вырожденію населенія. Затѣмъ необходимо также, чтобы страдающій народъ видѣлъ передъ собою *конкретную* страну, являющуюся по гражданской свободѣ и по возможности улучшить тамъ свое матеріальное положеніе, своего рода, обѣтованной землей. Если такой конкретной страны страдающій народъ не знаетъ, его переселенія носятъ характеръ стаднаго, безцѣльнаго бѣгства. Тогда мы имѣемъ передъ собою не правильную эмиграцію, а картину, напоминающую дикія преріи во время степного пожара. Спасаясь отъ огня, въ безумномъ страхѣ бѣгутъ впередъ стада животныхъ, давя другъ друга и падая въ рѣки, рвы и овраги.

Ирландія покорно терпѣла до середины сороковыхъ годовъ

*) Галлонъ—3,78 литра, т. е. большихъ бутылокъ „шампанокъ".

XIX вѣка; затѣмъ начался стремительный отливъ населенія въ Америку. «Вотъ уже шестьдесять лѣтъ,—говоритъ лордъ Данрэйвенъ,—какъ населеніе въ Ирландіи постепенно уменьшается. Солнце, садящееся въ океанъ, намѣчаетъ для ирландцевъ золотой мостъ, ведущій въ страну свободы. Изъ года въ годъ корабли, отправляющіеся на западъ, уносятъ въ Америку цвѣтъ населенія Ирландіи. Оно избрало, какъ обѣтованную землю, территорію, не входящую въ составъ Британской имперіи. До 1845 г. населеніе Ирландіи безпрерывно увеличивалось и достигло, наконецъ, цифры 8.296.000. Затѣмъ начался постоянный отливъ, продолжающійся до настоящаго времени; объ интенсивности явленія можно себѣ составить представленіе по слѣдующей таблицѣ:

Время народной переписи.	Англія и Уэльсъ.		Шотландія.		Ирландія.	
	Населеніе.	На кв. милю.	Населеніе.	На кв. милю.	Населеніе.	На кв. милю.
1801	8.892.536	153	1.608.420	54	5.395.456	166
1811	10.164.256	175	1.805.864	60	5.937.856	186
1821	12.000.236	206	2.091.521	70	6.801.827	209
1831	13.896.797	239	2.364.386	79	7.767.401	239
1841	15.914.148	273	2 620.184	88	8.175.123	251
1851	17.927.609	308	2.888.742	97	6.552.385	201
1861	20.066.224	344	3.062.294	100	5.798.564	178
1871	22.712.266	390	3.360.018	113	5.412.377	167
1881	25.974.439	446	3.735.573	125	5.174.836	159
1891	29.002.525	498	4.025.647	135	4.704.750	144
1901	32.526.075	558	4.472.103	150	4.458.775	137

Въ 1841 г. Ирландія была населена въ три раза гуще, чѣмъ Шотландія; она имѣла половину того населенія, что въ Англіи и въ Уэльсѣ. За шестьдесятъ лѣтъ населеніе уменьшилось почти на четыре милліона. Такой стремительный отливъ безпримѣренъ въ исторіи.

Печальнѣе всего,—продолжаетъ лордъ Данрэйвенъ,—что всѣ эмигранты находятся въ цвѣтѣ силъ. Согласно статистикѣ, изъ 430.900 переселенцевъ, оставившихъ Ирландію въ послѣднія десять лѣтъ, 91% въ возрастѣ отъ 10—45 лѣтъ. Переселенцевъ въ возрастѣ свыше 45 лѣтъ—4%. Другими словами, уѣзжаютъ наиболѣе молодые и энергичные, а остаются старики и слабые. Такой же стремительный отливъ населенія въ Америку мы замѣчаемъ въ послѣднее время только изъ Россіи, а именно изъ Прибалтійскаго края и изъ губерній «черты осѣдлости». Ирландская эмиграція исчисляется въ тяжелые годы въ 40 тысячъ человѣкъ въ годъ; евреевъ выѣхало въ послѣдній годъ изъ Россіи только въ С. Америку болѣе 100 тысячъ человѣкъ. Число евреевъ въ Россіи почти равно числу ирландцевъ.

Вслѣдствіе переселенія изъ Ирландіи, — продолжаетъ лордъ Данрэйвенъ,—страдаетъ не только Англія, но и имперія. Эмигранты изъ Англіи селятся въ Канадѣ или въ британскихъ колоніяхъ. Такимъ образомъ, трудъ и энергія переселенцевъ сохра-

няются для имперіи. Ирландцы же уѣзжаютъ въ Соединенные Штаты. Такимъ образомъ, промышленный конкуррентъ Англіи получаетъ ежегодно отъ нея подарокъ въ видѣ энергичныхъ, молодыхъ работниковъ. По всей вѣроятности, еще болѣе важны моральныя послѣдствія. Эмигранты, вынужденные оставить родину вслѣдствіе гоненій, увозятъ съ собою горькія воспоминанія. И если имъ удается разбогатѣть на новой родинѣ, они щедро жертвуютъ деньги на борьбу съ порядкомъ, который погналъ ихъ за океанъ. Такимъ образомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ возникла новая Ирландія, снабжавшая когда-то феніевъ деньгами, людьми, оружіемъ и динамитомъ, а теперь—поддерживающая націоналистовъ. Новая Ирландія содѣйствовала той враждѣ между Соединенными Штатами и Англіей, которая теперь только улеглась, а одно время едва не привела къ полному разрыву и вооруженному столкновенію. Новая Ирландія поддерживала мятежъ въ Канадѣ, покуда англичане не отняли почву у возстанія, проявивъ замѣчательную государственную мудрость и дальнозоркость. Какъ извѣстно, недовольному населенію (точнѣе, французамъ) дана была широкая возможность самоопредѣленія. И вотъ мы видимъ теперь премьера Канады, француза Лорье, гордящагося своею лояльностью. Тотъ же самый пріемъ замиренія съ тѣмъ же успѣхомъ англичане въ этомъ году примѣнили въ Трансваалѣ и въ колоніи Оранжевой рѣки. И во время первой же сессіи свободнаго трансваальскаго парламента премьеръ Бота, мужественно предводительствовавшій непріятельскими войсками противъ Англіи, внесъ предложеніе (кстати, на голландскомъ языкѣ, потому что премьеръ только понимаетъ по-англійски) о поднесеніи королю Эдуарду VII алмаза въ видѣ лояльнаго подарка. И бургеры, $2^1/_2$ года упорно боровшіеся съ Англіей, единогласно приняли предложеніе. Чтобы лучше уяснить себѣ факты, пусть читатель представитъ себѣ, что Польша послѣ того, какъ возстаніе 1863—64 гг. раздавлено, получаетъ отъ Россіи автономію съ правомъ имѣть свою армію, какъ до 1831 г.; что въ первомъ сеймѣ, созванномъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права, отвѣтственными передъ палатой министрами назначены Мѣрославскій, Домбровскій, Голембергскій, Кржеминскій, Огрызко и Сѣраковскій (предполагается, что послѣдній не кончилъ трагически). При открытіи сейма Мѣрославскій въ рѣчи, произнесенной по-польски, выражаетъ свою лояльность и говоритъ, что Россія безпримѣрнымъ великодушіемъ удивила міръ. Затѣмъ сеймъ постановляетъ поднести лояльный подарокъ государю, при чемъ протестуютъ только истинно-русскіе люди, ссылаясь на разстройство финансовъ. Именно это произошло въ Трансваалѣ.

Англія, показавшая въ Канадѣ и Южной Африкѣ примѣръ замѣчательной государственной мудрости, только теперь начинаетъ понимать, что и въ Ирландіи должно примѣнить ту же мѣру.

Возвратимся къ послѣдствіямъ эмиграціи. Вслѣдствіе отлива цвѣта населенія Ирландія стала «страной стариковъ и старухъ». Въ этомъ отношеніи она занимаетъ единственное въ своемъ родѣ мѣсто въ Британской имперіи. Нигдѣ нѣтъ такого высокаго процента старыхъ людей.. Въ Ирландіи на тысячу населенія приходятся 64 старика и 63 старухи въ возрастѣ отъ 65 лѣтъ, тогда какъ въ Англіи и Уэльсѣ пропорція будетъ 42 старика и 51 старуха и въ Шотландіи—41 и 56. Другимъ ужаснымъ послѣдствіемъ тяжелыхъ условій въ Ирландіи является высокій процентъ душевно-больныхъ и идіотовъ. На каждыя десять тысячъ населенія—52,6 умалишенныхъ и слабоумныхъ. «По даннымъ 1851 г.,—читаемъ мы въ оффиціальномъ отчетѣ о послѣдней переписи (1901 г.), одинъ душевно-больной или идіотъ приходился въ Ирландіи на 657 челов., въ 1861 г.—на 411, въ 1871 г. на 328 чел., въ 1881 г. на 281, въ 1891 г. на 222 чел., а теперь—на 178». Въ тѣхъ графствахъ и округахъ, гдѣ населеніе имѣетъ большую возможность достать работу, тамъ процентъ душевно-больныхъ и идіотовъ ниже. Тамъ, гдѣ населеніе не видитъ передъ собою никакого исхода, умъ его атрофируется и умираетъ. Кандидатами въ идіоты, поэтому, являются, прежде всего, несчастные сельскіе работники въ глухихъ округахъ, получающіе ничтожную заработную плату. Это явленіе наблюдается также въ Англіи и Уэльсѣ; но здѣсь процентъ душевно-больныхъ и идіотовъ составляетъ 40,8 на 10 тысячъ, т. е. значительно ниже, чѣмъ въ Ирландіи. Собственно говоря, въ Ирландіи душевно-больныхъ даже больше, чѣмъ упомянуто выше. Изъ оффиціальнаго отчета 1905 г. мы узнаемъ, что зарегистрованы только больные, призрѣваемые въ домахъ для умалишенныхъ, тогда какъ страдающіе тихимъ помѣшательствомъ, находящіеся на свободѣ, не внесены въ статистическія таблицы. Изъ послѣднихъ приведу здѣсь одну.

Годы.	Общая цифра душевно-больныхъ.			На каждыя 10.000 населенія.		
	Въ Англіи и Уэльсѣ.	Въ Шотландіи.	Въ Ирландіи.	Въ Англіи и Уэльсѣ.	Въ Шотландіи.	Въ Ирландіи.
1871 .	69019	11413	16505	30,4	34,0	30,5
1881 .	84503	14397	18413	32,5	38,5	35,6
1891 .	97383	15462	21188	33,6	38,4	45,0
1901 .	132654	20291	25050	40,8	45,4	56,2

По переписи 1851 г. въ Ирландіи душевно-больныхъ и идіотовъ было 15,2 на 10.000 населенія; такимъ образомъ, за пятьдесятъ лѣтъ мы видимъ увеличеніе на 41 на 10.000. «Процентъ душевно-больныхъ и идіотовъ увеличился, исключительно, въ бѣдныхъ классахъ»,—читаемъ мы въ оффиціальномъ отчетѣ.

«Въ теченіе полувѣка,—говоритъ лордъ Данрэйвенъ,—часть на-

селенія, наиболѣе приспособленная умственно и физически къ борьбѣ за существованіе, покидаетъ Ирландію. Такимъ образомъ, тамъ дѣйствовалъ законъ «выживанія неприспособленныхъ», который принесъ съ собою въ результатѣ вырожденіе. Процентъ рождаемости крайне понизился въ Ирландіи, о чемъ говоритъ слѣдующая таблица». На тысячу населенія приходится рожденій:

Въ Англіи и Уэльсѣ	31,7
„ Шотландіи	31,7
„ Венгріи	42,3
„ Румыніи	40,1
„ Австріи	37,7
„ Пруссіи	37,3
„ Италіи	36,2
„ Даніи	31,2
„ Норвегіи	30,6
„ Бельгіи	29,8
„ Швейцаріи	28,6
„ Франціи	23,3
„ Ирландіи	23,4 *)

Предъ нами результатъ не «практическаго мальтузіанства», какъ въ Англіи, Пруссіи или во Франціи. Ирландія—страна глубоко религіозная, гдѣ искусственный контроль надъ приростомъ семьи считается большимъ грѣхомъ. Семьи въ Ирландіи многочисленнѣе, чѣмъ въ Англіи или въ Шотландіи. Въ Англіи, въ особенности въ среднихъ классахъ, семьи, гдѣ есть 7—8 дѣтей, стали теперь рѣдкостью. Въ Ирландіи же—это обычное явленіе. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, процентъ рождаемости очень низокъ, такъ какъ въ Ирландіи остаются по преимуществу старики. Крѣпкое и молодое населеніе ищетъ счастья за океаномъ. Не молодые и не энергичные остаются, впрочемъ, не въ деревнѣ, а идутъ въ города. И получается такой парадоксъ. Съ одной стороны—страшная нужда въ землѣ. Съ другой—одинъ житель въ провинціи приходится на 100 акровъ. За то въ ирландскихъ городахъ наблюдается необыкновенная скученность (съ англійской, а не русской точки зрѣнія). По статистикѣ въ ирландскихъ городахъ такихъ квартиръ, въ которыхъ въ каждой комнатѣ живутъ

по 1 человѣку	20994
„ 2 „	20119
„ 3 „	12874
„ 4 „	8932
„ 5 „	6250
„ 6 „	4400
„ 7 „	2701
„ 8 „	1530
„ 9 „	786
„ 10 „	364
„ 11 „	136
по 12 и больше	68

*) The Outlook in Ireland, p. 28.

Цифры эти поразительны только для англичанъ. Въ Москвѣ, среднимъ числомъ, на 10 комнатъ приходится 21, въ Петербургѣ—16, въ Берлинѣ—19, въ Вѣнѣ—13 жильцовъ. Въ числѣ 96.755 квартиръ перепись насчитала въ Москвѣ 7258 (7,5%) подвальныхъ жилищъ, въ которыхъ помѣщались 58.951 чел. (т. е. 7,8% всего населенія). Изъ числа этихъ квартиръ 2041 (29,5%) имѣли всего по одной комнатѣ и вмѣщали въ себѣ 11.912 челов., т. е. по 58 жильцовъ на 10 комнатъ. Изъ общаго числа жилыхъ подваловъ, углубленныхъ въ землю на 3 и болѣе аршина—501. Въ Петербургѣ по переписи 1890 г. оказались 7374 подвальныхъ квартиры (7,3%) и въ нихъ 12.217 комнатъ съ 49.569 жильцами (по 4 жильца въ среднемъ на 1 комнату), составляющими болѣе 5% всего населенія Петербурга. Въ Орѣховѣ-Зуевѣ, по мѣстнымъ условіямъ, фабричныя квартиры очень хороши: комнаты—свѣтлыя, высокія, съ водопроводомъ; но англійскій изслѣдователь былъ бы другого мнѣнія. Онъ привыкъ, чтобы одна семья жила въ трехъ комнатахъ, а въ Орѣховѣ-Зуевѣ три семьи живутъ въ одной комнатѣ.

Не только сумасшествіе является послѣдствіемъ ненормальнаго положенія дѣлъ въ Ирландіи, но и чахотка. Вслѣдствіе плохой пищи и нездоровыхъ помѣщеній,—говоритъ лордъ Данрэйвенъ,—ирландскій народъ становится жертвой чахотки. Въ 1895 г. въ Ирландіи она унесла 11.882 жертвы (въ Россіи, пропорціонально, число умирающихъ отъ чахотки почти вдвое больше).

Затѣмъ послѣдствіемъ отлива взрослаго населенія изъ Ирландіи является пауперизмъ. На каждые 100 человѣкъ—одинъ обитатель рабочаго дома. Изъ каждыхъ 44 человѣкъ—одинъ получаетъ пособіе, какъ пауперъ. А между тѣмъ ирландскіе работники ненавидятъ рабочій домъ и общественную помощь не меньше, чѣмъ англичане. Если семья ирландцевъ имѣетъ возможность зарабатывать 10 шиллинговъ въ недѣлю, она предпочитаетъ независимость, тогда какъ въ подобныхъ случаяхъ англичане обращаются за помощью къ приходу. Заработная плата въ особенности низка въ деревнѣ, между тѣмъ земледѣліе—главное занятіе ирландцевъ. Нигдѣ во всемъ Соединенномъ Королевствѣ сельскіе работники не получаютъ такъ мало, какъ въ Ирландіи. По вычисленіямъ Вильсона Фокса, сельскій работникъ получаетъ (включительно съ продуктами) въ Англіи 18 ш. 3 п. въ недѣлю, въ Уэльсѣ—17 ш. 3 п., въ Шотландіи—19 ш. 3 п. и въ Ирландіи—10 ш. 11 п. въ недѣлю. Это—средняя плата. Но въ Англіи minimum заработной платы сельскихъ работниковъ—14 ш. 6 п. въ недѣлю, тогда какъ въ Ирландіи, въ графствѣ Роскомонъ, работники получаютъ 9 ш. 1 п. въ недѣлю, въ графствѣ Слайго—8 ш. 11 п., а въ Мэйо—8 ш. 11 п..

Читатели видятъ, что лордъ Данрэйвенъ измѣряетъ положеніе Ирландіи англійской мѣркой. Онъ приходитъ въ ужасъ отъ того, что въ самомъ дикомъ и самомъ несчастномъ графствѣ Ирландіи—

сельскій работникъ получаетъ въ мѣсяцъ на русскія деньги около 18 рублей. Припоминается случай, о которомъ мнѣ разсказывали здѣсь. Русскіе крестьяне по пути въ Канаду (теперь это не рѣдкое явленіе) остановились въ Лондонѣ и посѣтили русскую семью, живущую недалеко отъ Борнмоузса. Глава семьи повелъ крестьянъ въ сосѣднюю деревню и показалъ имъ, между прочимъ, жилища сельскихъ работниковъ и объяснилъ, чѣмъ послѣдніе питаются. Впечатлѣніе получилось громадное.

— Сказывали намъ,—замѣтили крестьяне, — что въ горнихъ селеніяхъ праведники хорошо живутъ. Тутъ въ Англіи мы поняли, что такое райскія жилища.

Въ деревнѣ, которую посѣтили русскіе крестьяне, работники дѣйствительно устроены нѣсколько лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Англіи; но все же положеніе «ходжа» самое жалкое съ англійской точки зрѣнія. Итакъ, при чтеніи отчета о положеніи Ирландіи, необходимо имѣть въ виду *англійскую*, а не *русскую* мѣрку... Лордъ Данрэйвенъ призываетъ своихъ единомышленниковъ, т. е. ирландскихъ консерваторовъ-помѣщиковъ, забыть партійные споры и соединиться съ либералами для скорѣйшаго изысканія средствъ, чтобы спасти Ирландію. Слѣдуетъ помнить, продолжаетъ авторъ, что если эти средства не будутъ немедленно найдены, то страна погибнетъ. Возможность спасти Ирландію существуетъ. Земельный законъ 1903 г. почти разрѣшилъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ и устранилъ заборъ, раздѣлявшій долго классы. Было время, когда господствующіе въ Ирландіи классы грудью стояли за бюрократическую машину, за *Dublin Castle*, въ которой видѣли собственное спасеніе. Машина была уродлива, нелѣпа съ англійской точки зрѣнія, но она находилась въ рукахъ помѣщиковъ и ею дорожили. Предполагалось, что только эта машина можетъ сдѣлать такъ, что фермеры не будутъ добиваться земли и станутъ платить какую угодно ренту. Но горькій опытъ показалъ помѣщикамъ, что они заблуждаются. Бюрократическая машина, Dublin Castle, не только ничего не разрѣшила, а только страшно запутала отношенія. Бюрократія бхотно прибѣгла къ насиліямъ, къ произволу всякаго рода и къ чрезвычайной охранѣ (Coercion Acts); но послѣдствіемъ была полная анархія. Помѣщики вынуждены были поспѣшно оставить деревни, потому что всюду запылали пожары; въ каждомъ рву, за каждымъ заборомъ могъ лежать крестьянинъ съ заряженнымъ ружьемъ. Чѣмъ сильнѣе былъ произволъ, тѣмъ больше росла анархія. Напрасно бюрократія прибѣгла къ помощи цѣлаго полчища шпіоновъ. Послѣдніе еще больше запутали положеніе, такъ какъ, желая выслужиться, стали провокаторами. И когда въ Англіи выяснилось, что провокаторы устраиваютъ динамитные взрывы, убійства и поджоги,—раздался вопль: «довольно!» Политика въ Ирландіи была измѣнена. Консервативное правительство провело реформу о мѣстномъ самоуправленіи, затѣмъ осуществило выкупъ земли. Либе-

ральное правительство отмѣнило послѣдніе остатки законовъ объ усиленной охранѣ. И въ результатѣ слѣдующее. Въ Ирландіи теперь броженіе; но преступленій въ ней меньше, чѣмъ въ Шотландіи.

За послѣднія двадцать пять лѣтъ въ Ирландіи введены важныя реформы. Земскія и городскія дѣла находятся всецѣло въ рукахъ населенія. Центральная власть не можетъ вмѣшиваться больше въ муниципальную жизнь; но архаическая бюрократическая машина съ ея чиновниками, жандармеріей (Constablery), презрѣніемъ къ чужой человѣческой личности и преувеличеннымъ представленіемъ о собственныхъ способностяхъ—осталась. И вотъ лордъ Данрэйвенъ доказываетъ, что спасеніе Ирландіи лежитъ, прежде всего, въ областномъ сеймѣ, въ самоуправленіи. Необходима либеральная система народнаго образованія; но бюрократія въ данномъ случаѣ безсильна. Это можетъ сдѣлать только само населеніе, а для этого необходимо самоуправленіе. Необходимо поднять упавшій духъ народа,—говоритъ лордъ Данрэйвенъ; нужно внушить ему self-respect, самоуваженіе; но это достигается только сознаніемъ гражданской отвѣтственности, т. е. опять-таки самоуправленіемъ, которое стряхнетъ апатію и уничтожитъ отчаяніе.

IV.

Господствующая національность рѣдко сознается въ томъ, какое вліяніе имѣла ея политика на завоеванную народность. Въ этомъ отношеніи крайне интересна глава «Past Trade Relations with England» въ книгѣ лорда Данрэйвена. «Судьба ирландской промышленности представляетъ крайне печальную страницу всемірной исторіи, и, пробѣжавъ ее, становится понятно, почему ирландцы до сихъ поръ не могутъ забыть причиненныхъ имъ несправедливостей. Англичане по этому поводу говорятъ о злопамятности ирландцевъ, забывая, что послѣдніе постоянно имѣютъ передъ глазами результатъ несправедливостей: разореніе страны». Лордъ Данрэйвенъ доказываетъ, что память о прошлыхъ страданіяхъ изгладится тогда, когда англичане помогутъ ирландцамъ построить жизнь по новому. Современное положеніе Ирландіи не является результатомъ неспособности населенія или отсутствія у него иниціативы. Когда-то Ирландія была страной съ высоко развитой промышленностью, которую господствующая національность систематически губила. Отношеніе Англіи къ Ирланніи никогда не было точно опредѣлено. Когда поднимается вопросъ объ областномъ сеймѣ, консерваторы говорятъ объ Ирландіи, какъ о нераздѣльной части Соединеннаго Королевства. Когда же дѣло касалось промышленной конкурренціи Ирландіи, консерваторы требовали охранительныхъ пошлинъ, какъ будто рѣчь шла о совершенно независимомъ государствѣ. Въ разное время, судя по тому, на сколько это было выгодно въ данный мо-

ментъ господствующей національности, съ Ирландіей поступали, то какъ съ самоуправляющейся страной, то какъ съ подчиненной колоніей. Рѣшительно ту же самую политику, но только въ гораздо болѣе откровенной формѣ, мы наблюдаемъ на континентѣ. Контрибуціей, напримѣръ, принято облагать только завоеванные чужіе города, хотя по закону международнаго права частное имущество неприкосновенно; между тѣмъ въ самое послѣднее время мы видѣли, какъ контрибуцію собираютъ побѣдители съ собственныхъ городовъ и деревень....

Въ началѣ XVII вѣка промышленность въ Ирландіи процвѣтала. Земледѣліе тоже находилось въ очень хорошемъ положеніи. Въ приморскихъ городахъ высокаго развитія достигла торговля. Междуусобная война въ Ирландіи 1641 г. нанесла тяжелый ударъ благосостоянію страны. Цѣлыя отрасли промышленности погибли. Стоимость живого инвентаря, исчислявшаяся до гражданской войны въ 4 милл. ф. ст., упала послѣ междуусобицы до 500 тысячъ ф. ст. Но Ирландія быстро оправилась отъ катастрофы. По всей вѣроятности, къ концу XVII вѣка Ирландія была самой богатой страной въ Европѣ. Въ Ирландіи было много фабрикъ, обрабатывавшихъ волокнистыя вещества. Она вывозила также много скота. Изъ 1.100.000 населенія одна восьмая занималась земледѣліемъ, одна шестая—скотоводствомъ, одна десятая—обработкой шерсти на фабрикахъ; больше половины всего населенія занималось промыслами и ремеслами всякаго рода. Въ своей замѣчательной книгѣ «Commercial Relations between England and Ireland», миссъ Маррей такъ опредѣляетъ хозяйственное положеніе Ирландіи въ концѣ XVII вѣка. «У Ирландіи были всѣ шансы развить у себя обработку сукна въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, какъ въ Англіи. Потенціальными источниками богатства въ Ирландіи были ея географическое положеніе, отличные водные пути сообщенія, тучная почва. Прогрессъ, сдѣланный страной во время реставраціи, доказываетъ удивительную живучесть Ирландіи. Англія тоже стала быстро обогащаться, какъ только кончилась революція, но развитіе Ирландіи шло быстрѣе». Процвѣтанію Ирландіи положила конецъ ея ревнивая завоевательница. Прежде всего англійскій парламентъ воспретилъ ввозъ скота изъ Ирландіи. Это былъ тяжелый ударъ, но страна направила всю энергію на развитіе торговли съ колоніями и континентомъ. Скоро корабельное дѣло развилось настолько, что большинство вывозной торговли Англіи производилось на ирландскихъ судахъ. Англійскіе купцы стали жаловаться на конкурренцію ирландцевъ, которые снабжали «плантаціи», какъ тогда назывались колоніи, солониной, масломъ и сыромъ. Скоро Ирландія нашла рынокъ еще и на «французскихъ плантаціяхъ», т. е. во французской Вестъ-Индіи. Вывозъ скота и солонины изъ Англіи уменьшился, вслѣдствіе чего пали здѣсь цѣны на мясо и на молочные продукты. Скотоводы стали требо-

вать рѣшительныхъ мѣръ для защиты своихъ интересовъ. Слѣдуетъ помнить, что парламентъ тогда всецѣло находился въ рукахъ тѣхъ же скотоводовъ, являвшихся одновременно и крупными помѣщиками. И вотъ парламентъ издалъ законъ, которымъ Ирландіи воспрещалась торговля съ колоніями. Тогда энергія страны направилась на разведеніе тонкорунныхъ овецъ и на развитіе суконныхъ фабрикъ. Ирландія быстро вытѣснила Англію на нейтральныхъ рынкахъ. Послѣдовалъ новый законъ, направленный противъ ирландской промышленности. Англія совершенно воспретила вывозъ сукна изъ Ирландіи, а шерсть разрѣшила ввозить только въ метрополію. Такимъ образомъ, Англія убила выдѣлку сукна въ Ирландіи и получила возможность имѣть шерсть по крайне низкой цѣнѣ. Фактически Англія установила опредѣленную обязательную цѣну на привозимое изъ Ирландіи руно. Такимъ же образомъ Англія убила обработку льна и хлопчатой бумаги въ Ирландіи, какъ только сама обзавелась такими фабриками. Ирландія взялась за выдѣлку стекла, потомъ за обработку желѣза, за сахарное производство. Какъ только въ Англіи возникали производства подобнаго рода, Ирландіи наносили новый ударъ въ видѣ воспрещенія вывоза фабрикатовъ. Колоніальные рынки были абсолютно закрыты для ирландскихъ товаровъ; что же касается англійскаго рынка, то хотя онъ и былъ открытъ, но защищенъ высокими ввозными пошлинами. Въ результатѣ получилась гибель всѣхъ отраслей промышленности въ Ирландіи. Населеніе поневолѣ обратилось къ землѣ, какъ къ единственному источнику существованія. Но и тутъ Ирландію не оставили въ покоѣ. Она стала сѣять пшеницу и вывозить ее. Но Англія тоже сѣяла и вывозила пшеницу. И вотъ, для устраненія конкуррента, англійскіе помѣщики, засѣдавшіе въ парламентѣ, ввели ставки на вывозимую ими пшеницу. Кромѣ того, парламентъ издалъ законъ, что десятина въ пользу церкви взимается въ Ирландіи только съ обработанной земли, а не съ луговъ. Такимъ образомъ, въ Ирландіи поощрялось превращеніе пашенъ въ пастбища. Много фермеровъ потеряли при этомъ процессѣ средства къ существованію. Но къ концу XVIII вѣка, вслѣдствіе развитія фабричной промышленности и другихъ причинъ, земледѣліе въ Англіи стало падать. Этимъ быстро воспользовалась Ирландія и стала снабжать метрополію пшеницей. Благосостояніе Ирландіи поправилось. Къ этому времени ея жалкій парламентъ получилъ законодательныя права (въ 1782 г.). Въ такомъ обновленномъ видѣ парламентъ просуществовалъ 19 лѣтъ. Въ Англіи, между тѣмъ, цѣны на жизненные продукты такъ сильно поднялись, что Ирландія получила разрѣшеніе ввозить въ метрополію безпошлинно предметы первой необходимости. Быстро развилось земледѣліе, но не надолго. Какъ только дѣла въ Англіи нѣсколько поправились, она опять установила запретительные тарифы на ирландскіе продукты. Но все же конецъ XVIII вѣка былъ періодомъ

благоденствія для Ирландіи. Населеніе, достигавшее 8 милл., было пропорціонально распредѣлено между городомъ и деревней. Въ упомянутой выше интересной книгѣ миссъ Маррей мы находимъ полную картину хозяйственнаго положенія Ирландіи во время существованія тамъ отдѣльнаго парламента. «Благосостояніе страны стало быстро увеличиваться, начиная съ 1780 г. Ирландскій министръ финансовъ, поэтому, нашелъ возможнымъ понизить съ 6 на 5 процентъ, уплачиваемый государственнымъ банкомъ. Послѣ того, какъ Ирландія получила свой сеймъ,—кредитъ страны сразу поправился. Правительство не встрѣчало больше затрудненій ни при заключеніи займовъ, ни при собираніи новыхъ налоговъ. Ирландскій сеймъ сдѣлалъ очень много для развитія благосостоянія страны. Онъ не могъ тратить, какъ англійскій парламентъ, большихъ суммъ на развитіе торговли и промышленности; но за то деньги ассигновывались имъ съ большою предусмотрительностью. И въ короткое время опять стали работать закрывшіяся было фабрики; снова замололи мельницы. Населеніе въ городахъ увеличилось. Возрасли потребности рабочаго класса, и даже условія жизни крестьянъ замѣтно улучшились. До 1780 г. Дублинъ представлялъ изъ себя груду развалинъ и пустырей; къ концу XVIII вѣка столица Ирландіи превратилась въ цвѣтущій городъ. Сеймъ пробудилъ народное самосознаніе. Въ Дублинѣ появились ученыя, литературныя и артистическія общества... Народная партія въ сеймѣ подняла вопросъ объ экономическомъ положеніи массъ. Урегулированіе хозяйственной жизни Ирландіи повело къ развитію цѣлаго ряда отраслей промышленности. Суконныя и полотнянныя фабрики, развитіе земледѣлія, расширеніе рыболовныхъ промысловъ,—все это пробудило зависть въ Англіи. Война съ Америкой отразилась на благосостояніи Ирландіи, но къ концу XVIII вѣка она совершенно оправилась. Ирландія нашла себѣ рынокъ для своихъ фабрикатовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, когда Англія обложила высокими пошлинами всѣ ввозные товары. Сеймъ не вступилъ съ Англіей въ таможенную войну. Англійскіе фабрикаты ввозились безпошлинно въ Ирландію». Въ началѣ XIX вѣка цѣлый рядъ естественныхъ причинъ губительно отозвался на благосостояніи Ирландіи: наполеоновскія войны, высокія цѣны на предметы первой необходимости, отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ, голодъ, превращеніе пашенъ въ пастбища, вслѣдствіе паденія цѣнъ на пшеницу. Но къ этимъ естественнымъ причинамъ обѣднѣнія слѣдуетъ прибавить еще и искусственныя: крайне враждебное отношеніе Англіи къ своей сосѣдкѣ. Областной сеймъ былъ уничтоженъ въ 1802 г. при помощи грубаго и безстыднаго подкупа. Вмѣсто собственнаго парламента, Ирландія получила бюрократію: вице-короля съ цѣлымъ штабомъ чиновниковъ. Результаты мы видѣли уже. На нихъ давно уже указывали въ англійскомъ парламентѣ націоналисты. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ истинное положеніе дѣлъ въ Ир-

ландіи поняли радикалы. Въ девяностыхъ годахъ тори согласились, что, для успокоенія страны, необходимы реформы, но остановились передъ самоопредѣленіемъ Ирландіи. Теперь, судя по книгѣ лорда Данрэйвена, наиболѣе благоразумные изъ консерваторовъ сильно подвинулись впередъ во взглядѣ на областной сеймъ.

V.

Законъ 1903 г. является великой реформой, не смотря на всѣ несовершенства его. Со времени вступленія закона въ силу (1 ноября 1903 г.) до 1 марта 1906 г. фермеры купили земли на 35.500.000 ф. ст. Слѣдуетъ помнить, что всѣхъ фермеровъ въ Ирландіи около 400.000. Цифры, между прочимъ, свидѣтельствуютъ о жаждѣ фермеровъ пріобрѣсти землю и о готовности большинства помѣщиковъ отдѣлаться отъ нея. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій десятокъ крупныхъ помѣщиковъ направлялъ всю правительственную политику въ Ирландію. По ихъ требованію вводились тѣ законы о чрезвычайной охранѣ, подъ вліяніемъ которыхъ вся страна конвульсивно содрогалась. Консервативныя и нѣкоторыя либеральныя газеты отождествляли интересы горсти крупныхъ землевладѣльцевъ съ интересами если не всей имперіи, то всего Соединеннаго королевства. Оказалось, что большинство ирландскихъ помѣщиковъ тяготилось землей, не знало что съ ней дѣлать, проклинало одинаково какъ «національную лигу», такъ и крупныхъ землевладѣльцевъ и крайне обрадовалось, когда представилась возможность сбыть свои помѣстья. Непримиримыми до самаго конца остались пять или шесть крупныхъ помѣщиковъ, которымъ принадлежатъ цѣлыя графства. И такъ какъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ недостатковъ закона 1903 г. является отсутствіе принудительнаго отчужденія, то «непримиримые» не захотѣли вступать ни въ какія сдѣлки съ фермерами. Къ тому же большая площадь подобныхъ вотчинъ занята лугами, объ отчужденіи которыхъ законъ 1903 г. не говоритъ. На землѣ этихъ непримиримыхъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ сильнѣе всего было аграрное движеніе. Всѣ фермеры принимали участіе въ «планѣ кампаніи», въ организаціи, имѣвшей цѣлью установить справедливую ренту. И когда аграрное движеніе было раздавлено, «непримиримые» прогнали всѣхъ своихъ фермеровъ. Въ Ирландіи, какъ извѣстно, отношеніе фермера къ помѣщику не совсѣмъ похоже на обычный договоръ между помѣщикомъ и арендаторомъ. Скорѣе мы имѣемъ старинное земельное отношеніе родовича къ начальнику клана. Цѣлый рядъ конфискацій и вѣковая аграрная политика Англіи не могли совершенно вытравить эти отношенія. Фермеръ снимаетъ участокъ, который занимали еще его предки и считаетъ себя въ извѣстномъ родѣ хозяиномъ его. Во многихъ случаяхъ фермеры, если можно такъ выразиться,

«сдѣлали землю», т. е. превратили въ пашню скатъ холма, покрытаго камнями или торфяное болото. И вотъ фермеры, которыхъ прогнали помѣщики за принадлежность къ земельной лигѣ, считали себя ограбленными. Изгнаніе означало, кромѣ того, и полное разореніе. Освободившіеся участки объявлены были подъ бойкотомъ. Ни одинъ ирландецъ не могъ и не смѣлъ снять ихъ. «Непримиримые» частью обратили фермы въ луга, а частью выписали изъ Шотландіи «засельщиковъ» (planters).

Къ началу 1907 г. прогнанныхъ фермеровъ, не успѣвшихъ достать себѣ землю, было около 2.000. Даже консервативное министерство, осуществившее замѣчательный законъ 1903 г., увидало необходимость сдѣлать что-нибудь для фермеровъ, разоренныхъ послѣ того, какъ было раздавлено аграрное движеніе четверть вѣка тому назадъ. Въ законѣ разрѣшается давать такимъ фермерамъ ссуду въ 300 ф. ст. на устройство хозяйства. Бѣда была только въ томъ, что изгнанные фермеры не находили земли. Они желали снять *свои* участки; но послѣдніе или обращены въ луга, или сданы «засельщикамъ» (planters). Помочь можно было бы принятіемъ принципа принудительнаго отчужденія, но предъ этимъ остановилось консервативное министерство. Въ январѣ 1906 г. у власти стали либералы, а въ 1907 г. министръ по дѣламъ Ирландіи Биррель внесъ въ парламентъ дополненіе къ земельному закону 1903 г. Дѣло идетъ о правѣ принудительнаго отчужденія луговъ для безземельныхъ фермеровъ. Изъ этихъ отчужденныхъ земель предлагалось дать участки «засельщикамъ», съ тѣмъ чтобы они уступили свои фермы первоначальнымъ владѣльцамъ. «Засельщики», конечно, должны были получить соотвѣтственное вознагражденіе за всѣ сдѣланныя ими улучшенія. Билль Бирреля прошелъ въ нижней палатѣ почти безъ всякихъ затрудненій. И либералы, и консерваторы хорошо понимали, что законопроектъ необходимъ для замиренія Ирландіи. Фермеры, купившіе землю на основаніи закона 1903 г., не могли со спокойной совѣстью заняться обработкой ея, зная, что тѣ, которые боролись за выкупъ земли, превратились въ нищихъ. Въ силу этихъ соображеній, коммонеры приняли законопроектъ Бирреля. Но въ верхней палатѣ лорды выразили намѣреніе поступить съ ирландскимъ биллемъ такъ же, какъ съ шотландскимъ земельнымъ законопроектомъ, т. е. отвергнуть его. Кабинетъ пригрозилъ выйти въ отставку. И такъ какъ лорды, зная настроеніе населенія по поводу земли, не рѣшаются устроить конфликтъ съ коммонерами по этому поводу,— то билль Бирреля прошелъ въ верхней палатѣ, хотя въ измѣненномъ видѣ. Принципъ принудительнаго отчужденія луговъ остался; но пунктъ о выселеніи «засельщиковъ» на новые участки вычеркнутъ. Оцѣнку закона далъ Редмондъ, на недавнемъ митингѣ въ Дублинѣ. Вождь ирландской партіи находитъ, что даже въ изувѣченномъ видѣ законъ Бирреля имѣетъ громадное, практическое

значеніе. «Я глубоко убѣжденъ,—сказалъ Редмондъ,—что въ ближайшемъ будущемъ изгнанные фермеры всюду получатъ землю. ... Законъ Бирреля (Evicted Tenants Bill, какъ онъ называется оффиціально), хотя и изуродованъ лордами, но все же остается крайне цѣннымъ актомъ».

Редмондъ сожалѣетъ только о томъ, что вычеркнутымъ пунктомъ обойдены тѣ фермеры, которые больше всего пострадали во время аграрнаго движенія, а именно арендаторы вотчинъ лорда Клэнрайкэрда и лорда Льюиса, (всѣхъ ихъ 190). Вождь ирландской партіи предвидитъ большія волненія, если эти лорды останутся непримимыми до конца *).

Обойдены закономъ 1903 г. также сельскіе работники въ Ирландіи; но еще консервативное министерство внесло дополненіе къ закону о предоставленіи батракамъ возможности пріобрѣтать усадебную землю. Еще болѣе широкое дополненіе къ закону 1903 г. сдѣлано будетъ въ биллѣ, который поступитъ на разсмотрѣніе парламента весною 1908 г. Такъ или иначе, вѣковой земельный вопросъ въ Ирландіи близокъ къ разрѣшенію. Сторонники націонализаціи земли говорятъ, что черезъ 100 — 150 лѣтъ реформу придется начинать сначала, такъ какъ къ тому времени опять возникнутъ такія же земельныя отношенія, которыя только что уничтожены. Указывается на болѣе раціональное разрѣшеніе земельнаго вопроса въ Англіи (объ этомъ я писалъ уже въ «Русскомъ Богатствѣ»). Но сто лѣтъ—большой срокъ даже въ жизни цѣлой страны. Какъ бы то ни было, одинъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ въ исторіи Ирландіи скоро будетъ разрѣшенъ если не навсегда, то, во всякомъ случаѣ, надолго. «Близко то время,—говоритъ лордъ Данрэйвенъ, когда Ирландія станетъ родиной довольнаго народа и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для имперіи... Соединенное королевство составляетъ сердце имперіи. Сердце не можетъ быть здорово, покуда Ирландія недовольна, угнетена и разорена. И мы взываемъ теперь ко всѣмъ тѣмъ, которымъ дорога имперія. Мы молимъ ихъ скорѣе залѣчить рану въ самомъ сердцѣ страны». Такъ говоритъ «помѣщикъ, консерваторъ и сынъ государственной церкви», имѣющій голову на плечахъ и способный думать. Лордъ Данрэйвенъ не одинъ. У него много единомышленниковъ. Они соединились въ лигу «Irish Reform Association». Русскіе читатели, по аналогіи быть можетъ, вспомнятъ «партію послѣдняго правительственнаго распоряженія» и сдѣлаютъ большую ошибку. Члены «Ирландской ассоціаціи реформаторовъ»,—съ одной стороны, прекраснодушные молодые помѣщики въ родѣ тѣхъ, которые у насъ во время крестьянской реформы были посредниками и возбудили къ себѣ глубокую ненависть всѣхъ крѣпостниковъ; съ другой—это практическіе землевладѣльцы, убѣдившіеся, что дер-

*) Телеграмма изъ Дублина въ „Times“, October 3, 1907.

жаться только при помощи «constabulary» (т. е. жандармеріи) *не выгодно*, хлопотно и опасно. По инціативѣ Irish Reform Association, возникшей въ 1901 г., состоялся въ началѣ 1902 г., въ первый разъ въ новой исторіи Ирландіи, съѣздъ фермеровъ и помѣщиковъ. На этомъ съѣздѣ выработаны были принципы выкупа земли. И ассоціація успѣла убѣдить потомъ консервативное министерство выработать билль на основаніи соглашенія съѣзда. Если ассоціація говоритъ о любви къ родинѣ, о патріотизмѣ, то она не взываетъ одновременно къ полицейскому участку. Напротивъ. Ассоціація, состоящая изъ «помѣщиковъ, консерваторовъ и протестантовъ» доказываетъ, что слишкомъ большая опека разорила Ирландію и что для спасенія ея необходимъ областной сеймъ. Страну разорила, между прочимъ, крайняя централизація и ложное представленіе объ отношеніяхъ между «господствующей» національностью и «побѣжденной»,—говоритъ лордъ Данрейвэнъ *). Ирландіи должно быть представлено право вѣдать собственныя дѣла... Необходимо немедленно тамъ реформировать правительственную систему. Теперь она,—продолжаетъ нашъ авторъ, — единственная въ своемъ родѣ. Во главѣ системы находится намѣстникъ (Lord Lieutenant), онъ же генералъ-губернаторъ, который теоретически имѣетъ всю полноту власти, а практически можетъ безконтрольно распоряжаться полиціей и судомъ. Генералъ-губернаторъ можетъ по своему усмотрѣнію «направить дубинку полицейскаго»,—говоритъ лордъ Данрейвэнъ. Это означаетъ слѣдующее:

Въ Англіи право гражданъ устраивать митинги безусловно. Полиція не только не смѣетъ препятствовать митингу, но не имѣетъ даже права присутствовать на немъ, если онъ происходитъ въ закрытомъ помѣщеніи. Даже въ случаѣ большой драки на закрытомъ митингѣ, полиція можетъ войти въ помѣщеніе только въ томъ случаѣ, если ее позовутъ устроившіе засѣданіе. На открытомъ митингѣ ораторъ можетъ критиковать и осуждать правительство, господствующую церковь, корону; онъ можетъ проповѣдывать республиканство, анархизмъ, что угодно; полиція не имѣетъ права вмѣшиваться. Иное мы видимъ въ Ирландіи, гдѣ полиція, находящаяся въ исключительномъ вѣдѣніи генералъ-губернатора, можетъ въ любой моментъ разогнать митингъ и пустить въ ходъ дубинки. Контроль генералъ-губернатора надъ судомъ тоже означаетъ страшно много, а еще больше означалъ до самаго послѣдняго времени. Генералъ-губернаторъ не могъ назначить военнаго суда, но имѣлъ возможность подбирать присяжныхъ, устранивъ всѣхъ католиковъ. Однимъ изъ первыхъ актовъ либеральнаго правительства была отмѣна послѣднихъ остатковъ усиленной охраны въ Ирландіи.

Генералъ-губернатору помогаетъ статсъ-секретарь по дѣламъ

*) The Outlook in Ireland, p. 141.

Ирландіи, представляющій въ парламентѣ ирландскую администрацію. Статсъ-секретарь отвѣтственъ передъ парламентомъ за дѣятельность генералъ-губернатора, но имѣетъ контроль только надъ нѣкоторыми департаментами. Если генералъ-губернаторъ членъ кабинета, въ составъ послѣдняго не входитъ статсъ-секретарь. И въ такомъ случаѣ ему часто приходится давать разъяренной палатѣ объясненіе по поводу политики, начатой безъ его вѣдома. Если статсъ-секретарь входитъ въ составъ кабинета, какъ теперь Биррель, то генералъ-губернаторъ не участвуетъ въ совѣтѣ, руководящемъ судьбами имперіи. Въ такомъ случаѣ, намѣстникъ становится только подставнымъ лицомъ, не имѣющимъ контроля надъ администраціей. Статсъ-секретари и генералъ-губернаторы мѣняются вмѣстѣ съ правительствомъ. Такимъ образомъ, во главѣ ирландской администраціи постоянно становятся лица, не успѣвшія изучить мѣстныхъ нуждъ и интересовъ. Но всетаки здѣсь намѣстникъ является въ край, отстоящій въ нѣсколькихъ часахъ плаванія отъ Англіи и населеніе котораго говоритъ и пишетъ по-англійски. Мы знаемъ другія страны, гдѣ намѣстники тоже часто мѣняются въ зависимости отъ политическихъ теченій въ центрѣ. Эти проконсулы, облеченные такой чрезвычайной властью, какую никогда не имѣлъ ни одинъ администраторъ въ мірѣ послѣ герцога Альбы, не отвѣтственные передъ народными представителями, являются въ край, населенный народомъ, котораго культуру, языкъ, обычаи и традиціи намѣстникъ не знаетъ...

Въ Ирландіи администрація вѣдаетъ мѣстными дѣлами черезъ посредство шестидесяти департаментовъ. Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, департаменты воюютъ другъ съ другомъ, интригуютъ, подводятъ мины, пишутъ очень много и дѣлаютъ очень мало работы. По живописному выраженію лорда Данрэйвена, «одинъ департаментъ заботится о томъ, чтобы стекла были вычищены съ наружной стороны, а другой—съ внутренней; при чемъ всѣ шансы за то, что окна останутся грязными».

Въ Англіи канцелярская работа, сравнительно съ тѣмъ, что дѣлается на континентѣ, сведена до minimum'а. Одинъ «клэркъ» неслышно и скоро справляется съ работой, которой у насъ, напримѣръ, занята цѣлая канцелярія. Въ Ирландіи порядки нѣсколько напоминаютъ наши. Правда, тамъ нѣтъ такого полчища чиновниковъ, какъ у насъ, и такой массы «канцелярій», «управъ» и «правленій», но все же, съ англійской точки зрѣнія, «клэрковъ» слишкомъ много. Какъ всегда въ окраинахъ, гдѣ есть «господствующая національность», въ Ирландіи есть департаменты, занятые деликатной работой, боящейся свѣта. Чтобы избавиться отъ парламентскаго контроля, департаменты эти получаютъ субсидіи изъ консолидированнаго фонда, не подлежащаго обсужденію *).

---

*) Въ Англіи одна часть государственнаго бюджета составляетъ т. н.

Всѣ 67 департаментовъ вмѣстѣ составляютъ Castle Government или, какъ чаще называютъ, правительство «Дублинскаго замка». Каждый проектъ относительно Ирландіи долженъ предварительно пройти цѣлый рядъ департаментовъ, при чемъ постоянно подвергается смертельной опасности. «Крайне трудно опредѣлить, что дѣлаетъ Castle Government,—говоритъ лордъ Данрэйвенъ.—Гораздо легче сказать, чего онъ не дѣлаетъ. Это — не демократическая форма правленія, потому что населеніе не принимаетъ въ немъ никакого участія. Castle Government нельзя назвать также деспотизмомъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, у намѣстника мало власти для этого. Систему нельзя также вполнѣ назвать олигархіей, хотя небольшая и жадная часть населенія увѣрена, что правительство обязано руководствоваться только ея интересами. Castle Government—родъ, и очень плохой родъ, бюрократіи. Это—система управлять Ирландіей при помощи канцелярій, безъ участія и контроля населенія». Система эта не только плохо работаетъ, какъ всѣ бюрократіи, но еще стоитъ очень дорого. Англія и Шотландія имѣютъ почти идеальныя административныя машины, между тѣмъ онѣ стоютъ неизмѣримо дешевле. Во всей Шотландіи только 940 правительственныхъ чиновниковъ, тогда какъ въ Ирландіи, на такое же населеніе ихъ 2794. Ассоціація, къ которой принадлежитъ лордъ Данрэйвенъ, желаетъ, прежде всего, отдать мѣстную администрацію подъ контроль населенія, какъ въ Англіи или въ Шотландіи. Затѣмъ ассоціація желаетъ также, чтобы сама Ирландія вырабатывала для себя необходимые ей законы. Теоретически предполагается, что эти законы вырабатываются парламентомъ, въ которомъ Ирландія имѣетъ около 100 представителей. Но фактически дѣло обстоитъ иначе. Такъ какъ парламентъ заваленъ работой, то билли, касающіеся окраины (если это не аграрный законъ или законопроектъ, имѣющій важное политическое значеніе), почти не разсматриваются детально. Коммонеры утверждаютъ билль безъ всякой критики. Окраины имѣютъ свои собственные обычаи и нравы, неизвѣстные центру; такимъ образомъ, коммонеры, если бы они даже желали, не всегда могутъ оцѣнить значеніе билля, имѣющаго чисто мѣстный характеръ. Отсюда вытекаетъ

консолидированный фондъ (Consolidated Fund Services), не подлежащій ежегодному разсмотрѣнію палаты (всѣ назначенія изъ этого фонда во всякомъ случаѣ утверждены были парламентомъ). Consolidated Fund Services составляетъ теперь 30,8 милл. ф. ст. (въ бюджетѣ въ 143 милл. ф. ст.). Бронированный фондъ состоитъ главнымъ образомъ изъ суммъ, идущихъ на погашеніе государственнаго долга и на уплату процентовъ. Затѣмъ къ бронированному фонду относится жалованье королю, королевѣ и королевскому дому, а также пенсіи лицамъ, предки которыхъ оказали исключительныя услуги Англіи. Къ этому фонду относятся „негласные расходы“ (30 т. ф. ст.). Ирландская бюрократическая машина обходится въ 7.700.000 ф. ст. Изъ этихъ денегъ 200.000 ф. ст. идутъ изъ консолидированнаго фонда.

абсолютная необходимость областнаго сейма для окраины. Сеймъ этотъ не только необходимъ въ интересахъ справедливости, но и для того, чтобы облегчить парламенту законодательную работу. «Какъ бы центральный парламентъ ни былъ расположенъ хорошо къ окраинѣ,—говоритъ лордъ Данрэйвенъ,—онъ скованъ собственными дѣлами». Въ лучшемъ случаѣ, парламентъ желаетъ задобрить Ирландію субсидіями и льготами. По терминологіи консерваторовъ, которая одно время была въ ходу, это называется—«убивать гомруль доброжелательностью» (Killing Home Rule by kindness). Предполагалось, что «доброжелательность» заставитъ ирландцевъ забыть о самоуправленіи. «Ирландія не желаетъ походить на грудного младенца, котораго капризная нянька туго спеленала, но за то кормитъ съ ложки подслащеннымъ молокомъ,—говоритъ лордъ Данрэйвенъ.—Окраина желаетъ, чтобы ей предоставили свободу пользоваться своими членами и дали возможность кормиться самой. Деньги, идущія теперь непроизводительно на поддержаніе ненужныхъ департаментовъ, должны расходоваться на развитіе производительныхъ силъ страны, на улучшеніе гаваней, путей сообщенія, на школы и на поощреніе новыхъ отраслей промышленности. Замѣна бюрократической машины другою, находящейся подъ общественнымъ контролемъ, должна сберечь окраинѣ около 3 мил. ф. ст. въ годъ. Экономія въ тридцать милліоновъ рублей для окраины съ населеніемъ въ 4 милл. крайне важна».

VI.

Теперь является вопросъ, въ какую форму должно отлиться, по мнѣнію ассоціаціи, управленіе окраины? Ирландскій парламентъ отъ 1782 до 1801 гг. представлялъ независимую единицу, которая была уничтожена «уніей» или «отмѣной» (Repeal). Ирландія стала посылать въ англійскій парламентъ опредѣленное число коммонеровъ и лордовъ. Гладстонъ внесъ два билля о самоуправленіи Ирландіи, одинъ въ 1886, а другой въ 1893 г. Первый былъ отвергнутъ коммонерами большинствомъ 343 противъ 313 голосовъ. Второй былъ принятъ коммонерами, но отвергнутъ лордами большинствомъ 419 противъ 41. Въ 1886 г. Гладстонъ проектировалъ возстановить ирландскій парламентъ почти въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ концѣ XVIII вѣка. Представители отъ Ирландіи не должны были больше засѣдать въ Вестминстерскомъ дворцѣ. Эринъ получалъ двѣ палаты. По законопроекту 1893 г., Ирландія получала областной сеймъ, но сохраняла также право присылать въ имперскій парламентъ депутатовъ, хотя въ уменьшенномъ числѣ (80 вмѣсто 100). Противъ гомруля возстали ирландскіе юніонисты, т. е. та партія, которая сдѣлалась господствующей. Вождь юніонистовъ въ парламентѣ, покойный полковникъ Саундерсонъ катего-

рически заявилъ, что, если Ирландіи дадутъ самоуправленіе, онъ съ единомышленниками пойдетъ на баррикады. Теперь, когда земельный вопросъ разрѣшенъ, ассоціація реформаторовъ, отколовшаяся отъ юніонистовъ, доказываетъ послѣднимъ, что, возставая противъ областного сейма, консерваторы стоятъ за гибель Ирландіи. Лордъ Данрэйвенъ не согласенъ съ націоналистами, но находитъ, что съ ними онъ скорѣе можетъ работать, чѣмъ съ юніонистами. Почему авторъ расходится съ націоналистической партіей, стоящей за гомруль? По мнѣнію Данрэйвена, идеалы различныхъ теченій среди націоналистовъ сводятся: 1) къ полной независимости Ирландіи въ видѣ республики, 2) къ дуализму и 3) къ возстановленію въ Ирландіи status quo ante 1801 г. Ирландія занимаетъ такое выгодное положеніе, что полная независимость привела бы ее къ гибели, т. е. ее захватила бы другая страна. Въ промышленномъ отношеніи Ирландія слишкомъ нуждается въ Англіи, чтобы просуществовать самостоятельно. Мы видѣли, какъ гибельно отозвалась на ирландской промышленности тарифная война съ Англіей. То же самое нужно сказать о дуализмѣ: Ирландіи необходимо, чтобы ея интересы были представлены въ парламентѣ. Вотъ почему лордъ Данрэйвенъ стоитъ за областной сеймъ и за представительство въ имперскомъ парламентѣ. Лорду Данрэйвену можно было бы указать на примѣръ Австраліи, Канады и Южн. Африки, гдѣ полная автономія не привела ни къ отпаденію отъ имперіи, ни къ захвату другимъ государствомъ, ни къ разоренію.

«Я не согласенъ съ тѣми моими земляками,—продолжалъ лордъ Данрэйвенъ,—которые стоятъ за полную независимость Ирландіи; но не могу также скрыть, что симпатизирую имъ. Я могу понять настроеніе людей, которые видѣли, какъ нелѣпая и дикая система разоряетъ и губитъ ихъ страну. Отчаяніе и ненависть могли породить еще болѣе крайнія теоріи». Авторъ отъ имени своей партіи призываетъ націоналистовъ къ единенію. Конечные идеалы у нихъ различны, но у нихъ есть станціи, до которыхъ всѣ, любящіе родину и народъ, могутъ идти вмѣстѣ». «Если бы ирландцы могли хоть на время перестать ссориться между собою, то родина была бы спасена»,—говоритъ Данрэйвенъ. До начала 80-хъ годовъ Ирландія много разъ конвульсивно содрогалась. «Господствующая національность» держалась крѣпко, главнымъ образомъ, въ силу партійной розни между ирландцами. На нужды Ирландіи обратили вниманіе тогда, когда явился Парнелль. Любопытно то, что, какъ ораторъ и мыслитель, онъ уступалъ многимъ въ своей партіи. Сила Парнелля заключалась не въ его краснорѣчіи (онъ говорилъ плохо), не въ оригинальности ума (онъ былъ суевѣренъ), а въ томъ, что онъ первый понялъ важность объединенія *всѣхъ* оппозиціонныхъ элементовъ, безъ исключенія, и умѣлъ осуществить это. Парнелль объединилъ фермеровъ, священниковъ, горожанъ, феніевъ. Каждая партія, каждая группа дѣйствовала планомѣрно. Вождь Ирландіи

умѣлъ использовать даже такія мѣры, которыя казались прежнимъ вождямъ ирландцевъ дикими, нелѣпыми, глупыми и вредными. Я говорю о тактикѣ, придуманной Беггаромъ и получившей названіе обструкціи. Когда Беггаръ въ первый разъ задержалъ палату тѣмъ, что въ теченіе 10 часовъ читалъ выдержки изъ синихъ книгъ, не имѣвшія никакого отношенія къ дѣлу,—ирландцы вмѣстѣ съ консерваторами готовы были вышвырнуть его изъ палаты. Но молодой и тогда неизвѣстный Парнелль понялъ, что и обструкція можетъ быть полезна, если употреблять ее планомѣрно... Послѣ Парнелля ирландская партія, имѣвшая рѣшающее вліяніе въ парламентѣ, распалась на враждебныя фракціи. Диллонисты, рэдмондисты, хиллисты (по имени Хилли) воевали не столько съ консерваторами, сколько другъ съ другомъ. И на нѣсколько лѣтъ Ирландію забыли въ законодательныхъ мѣрахъ. Но вотъ партіи снова соединились, и снова началась эра законодательной работы. Разрѣшеніе земельнаго вопроса, какъ мы видѣли, перетасовало всѣ партіи и группы въ Ирландіи. Объединеніе теперь на общей платформѣ стало легче, чѣмъ раньше. Вотъ почему теперь областной сеймъ для Ирландіи вопросъ самаго недалекаго времени, какое бы правительство ни стояло у власти: либеральное или консервативное.

Діонео.

Двадцать пять лѣтъ спустя.

(Изъ деревенскихъ впечатлѣній).

I.

Я снова увидѣлъ ее, русскую деревню, и какъ разъ тѣ самыя мѣста, въ которыхъ проживалъ послѣднее лѣто на родинѣ передъ путешествіемъ за-границу, затянувшимся на цѣлую четверть вѣка... Понятно, съ какимъ интересомъ, съ какою жадностью я поглощалъ новыя впечатлѣнія, сравнивая ихъ со старыми, которыя падали когда-то на душу совсѣмъ молодого человѣка, почти юноши и на которыя легъ толстый слой промежуточныхъ воспріятій, думъ и чувствъ, вызывавшихся двадцатипятилѣтней жизнью на далекомъ, культурномъ Западѣ. И я далъ себѣ слово, со всею искренностью, къ какой только способенъ, подѣлиться съ читателемъ деревенскими впечатлѣніями только что кончившагося лѣта, не связывая себя никакой формулой, а открывая глаза и уши внѣшнему міру и лишь нѣсколько приводя въ порядокъ эти непосредственныя ощущенія...

Районъ, который мнѣ пришлось наблюдать въ этомъ году, за-

нимаетъ на юго-востокѣ Калужской губерніи и въ пограничныхъ полосахъ Орловской и Тульской губерній нѣсколько десятковъ верстъ въ разныя стороны отъ благодатнаго уголка, гдѣ я пробылъ три мѣсяца (о чемъ ниже), и отчасти совпадаетъ съ мѣстами, изображенными чарующимъ перомъ Тургенева въ его «Запискахъ охотника». Тѣ изъ обывателей, которые покультурнѣй, разскажутъ даже вамъ, что тамъ-то жилъ Хорь, здѣсь померъ Калинычъ (подлинныя фигуры, срисованныя съ натуры великимъ художникомъ, умѣвшимъ этимъ портретамъ придать общность и многозначительность типовъ), а тутъ-то, въ такой-то барской усадьбѣ, нынѣ наполовину разрушенной, наполовину распроданной по частямъ купцу и нѣсколькимъ «хозяйственнымъ мужичкамъ», разыгрывалась драма между героемъ и героиней той или иной повѣсти.

Ученые географы объяснятъ вамъ, какими особенностями почвы, подпочвы и положенія даннаго района на картѣ Россіи опредѣляется столь живописный мѣстами, волнующійся, изрѣзанный характеръ пейзажа въ здѣшнемъ краю, гдѣ лѣса, луга, песчаные холмы и глинистые овраги («верхи», какъ ихъ называютъ тутъ) «предстепья» борятся съ языками чернозема, уже врывающимися сюда съ юга, изъ чисто земледѣльческой и степной области. А статистики прибавятъ, что эта борьба двухъ типовъ географическихъ областей сказывается и на характерѣ хозяйства мѣстнаго крестьянскаго населенія, которое не можетъ жить исключительно или даже главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ, а на ряду съ послѣднимъ, часто же и по преимуществу, занято «раздѣлкою» лѣса, скотоводствомъ, работою на сосѣднихъ чугунныхъ и стеклянныхъ заводахъ и другими мѣстными промыслами, наконецъ, усиленно ходитъ на заработки въ Москву и вообще Московскую губернію.

Эта текучесть населенія, которою Калужская губернія отличалась издавна, значительно усилилась съ тѣхъ поръ, какъ я былъ здѣсь въ послѣдній разъ. Тогда губернія прорѣзывалась на сѣверѣ только участкомъ Сызрано-Вяземской желѣзной дороги: теперь же черезъ нее прошли Московско-Брянская и Рязанско-Уральская линіи, перекрещивающіяся значительно южнѣе первой; и мѣстности, которыя раньше находились верстахъ въ двухстахъ отъ ближайшихъ станціи, придвинулись къ желѣзнымъ дорогамъ въ три-четыре раза ближе. Словно новые пучки нервовъ выросли въ прежнемъ громоздкомъ и мало чувствительномъ организмѣ, такъ что даже тотъ, раньше столь далекій отъ крупныхъ центровъ юго-восточный районъ, въ которомъ я прожилъ нынѣшнее лѣто, цѣликомъ попалъ въ сферу притяженія Москвы; и если прежде «у Маскву» шли сотни, то теперь туда потянулись тысячи.

Это сказывается и на отношеніи осѣдлаго населенія къ такимъ бродячимъ элементамъ деревни. Раньше прозвище «московецъ», «питерка» (были и тогда такіе непосѣды, что забирались даже въ Петербургъ) окружали своихъ носителей извѣстнымъ ореоломъ. То были

многоопытные Одиссеи, приключенія которыхъ, изукрашенныя, расцвѣченныя легендой, служили предметомъ оживленныхъ разговоровъ въ безконечно долгіе зимніе вечера, когда бабы, сходясь вмѣстѣ для работы и состязаясь въ прилежаніи и искусствѣ, стараются напрясть къ веснѣ побольше «красенъ». Иные изъ этихъ видавшихъ виды людей деревни возвращались во своясн съ небольшимъ капитальцомъ и принимались за торговлю. Другіе ничего не приносили, кромѣ надломаннаго здоровья и странныхъ для подлиннаго мужицкаго уха «столичныхъ» выраженій и даже басурманскихъ фразъ. Одну старуху, которая въ дни молодости, еще при крѣпостномъ правѣ, долго жила горничной въ аристократической московской семьѣ, даже называли во всемъ околодкѣ Каманъ-Ву-Партя-Ву (она любила произносить на свой ладъ французское привѣтствіе comment vous portez vous и безпрестанно ввертывала его въ разговоръ). И въ жизни каждаго изъ такихъ Одиссеевъ были элементы чудеснаго въ видѣ «задачи», «случàя», когда фортуна, казалось, готова была повернуться къ минутному счастливцу да раздумала, и самъ повѣствователь недоумѣвалъ, почему собственно это «сорвалось». Въ числѣ такихъ выходцевъ были, впрочемъ, люди, которымъ повезло на самомъ дѣлѣ, которые остались въ столицѣ или губернскомъ городѣ и шибко пошли въ гору, забывъ о своей далекой, сѣрой неприглядной деревнѣ. Они не возвращались на родину, а если и возвращались, то лишь на очень короткій срокъ, оставляя въ односельчанахъ отъ такого посѣщенія впечатлѣніе чванливыхъ и напыщенныхъ чудаковъ, у которыхъ, однако, карманъ оттопыривался отъ уймы набитыхъ въ огромномъ кошелькѣ денегъ. Вотъ эти-то рѣдкіе дѣйствительные счастливцы и давали главнымъ образомъ устойчивость легендамъ о столичной жизни, гдѣ стоило, молъ, только утрафить въ точку, чтобы сразу стать обладателемъ такого состоянія, о которомъ мужику и сниться не могло.

Теперь пора такихъ славныхъ бубенъ за горами прошла, потому что до этихъ горъ рукой стало подать. Отъ наиболѣе отдаленныхъ угловъ района вамъ до ближайшей станціи верстъ пятьдесятъ, скажемъ, полдня ѣзды на лошадяхъ, а тамъ, даже съ пересадками, вы черезъ десять-двѣнадцать часовъ въ Москвѣ. Негдѣ разгуляться фантазіи, повѣствующей о подвигахъ Одиссеевъ, которые недѣлями шли въ далекую, рисовавшуюся сказочнымъ городомъ столицу и порою пропадали безъ вѣсти въ этомъ людскомъ водоворотѣ. Процессъ выдѣленія изъ деревни болѣе подвижныхъ и въ извѣстномъ смыслѣ болѣе «умственныхъ» элементовъ, конечно, продолжается съ новою силою. И ниже я покажу, какой процентъ всяческой интеллигенціи, и корыстной, и идейной, выходитъ изъ народа при извѣстныхъ условіяхъ, осуществленныхъ хотя бы въ томъ же благодатномъ уголку, гдѣ я провелъ это лѣто. Но неизмѣримо большая часть теперешняго бродячаго люда

деревни, придающая господствующій отпечатокъ этой «отхожей» эмиграціи, принадлежитъ къ среднему рядовому крестьянству, которое ищетъ заработка въ столицѣ, временно уходитъ туда, болѣе или менѣе правильно возвращается на зиму (иные на лѣто) и при помощи чугунки, страшно сдвинувшей разстоянія, поддерживаетъ постоянный, будничный, прозаическій процессъ обмѣна рабочихъ силъ между городомъ и деревней. Такъ что съ исчезновеніемъ пѣшихъ аргонавтовъ, отправлявшихся босикомъ и съ сапогами на палкѣ за спиной по золотое руно въ Москву, исчезла и поэзія, испарилась и легенда о «московцахъ« и «питеркахъ».

Эта, ставшая столь близкой, столица произвела немалую пертурбацію въ отношеніяхъ между мѣстными хозяевами и батраками и вообще прислугой. Какъ ни какъ, а фабричный заработокъ, разсчитанный на столичный минимумъ потребностей и городскія цѣны продуктовъ, несмотря на свою непрочность въ послѣдніе годъ-два, повысилъ отраженнымъ ударомъ цѣны на наемный трудъ въ деревнѣ. Прежде работнику за наиболѣе дѣятельную половину года, «со страстной», а иногда «съ Егорья» (мартъ-апрѣль мѣсяцъ) до «заговинъ» (14 ноября) платилось 30-35 рублей на хозяйскихъ харчахъ, теперь 50. Прежде порядочную кухарку, толковую горничную можно было найти за 2-3 рубля въ мѣсяцъ, теперь дешевле 5-6 рублей такая прислуга не пойдетъ. Какъ видите, эта сама по себѣ все еще мизерная плата означаетъ быстрый подъемъ цѣны труда. Да и насчетъ харчей наемный людъ деревни сталъ требовательнѣе.

Интересно, что религіозныя традиціи играютъ все меньшую и меньшую роль въ характерѣ пищи. Прежде народъ не только ѣлъ постное по средамъ и пятницамъ, но нерѣдко и «понедѣльничалъ»,— по крайней мѣрѣ, въ лицѣ представителей старыхъ устоевъ. Теперь крестьяне и у себя дома, и въ людяхъ ѣдятъ молоко сплошь и рядомъ въ Петровки, а иные даже въ «Спожинки» (Успенскій постъ). Повидимому, рядъ неурожаевъ послѣднихъ десятилѣтій пробилъ брешь въ обрядѣ постничанья дѣйствительнѣе, чѣмъ какая-либо идейная пропаганда, хотя и вообще религіозность деревни, какъ мы увидимъ ниже, пала за четверть вѣка въ очень сильной степени. Когда хлѣбъ не родился и годъ, и другой, и третій сподрядъ, и когда даже «картошка» обманывала надежды мужика, но за то урожались кормы, народъ находилъ большое подспорье въ молокѣ и творогѣ: «тутъ не до постовъ было: ужъ больно отощали; а тамъ и попривыкли, и у себя ѣдимъ, и у хозяевъ молочное спрашиваемъ»,—говорили мнѣ самые рядовые, самые сѣрые люди теперешней деревни.

Рядомъ со скоромнымъ народъ пріучился къ чаю. Теперь чай сталъ насущной потребностью въ крестьянствѣ. Самоваръ вы найдете въ самой плохонькой избѣ, и чай пьется не по воскреснымъ только днямъ, какъ прежде, и не въ разныхъ болѣе или менѣе

торжественныхъ случаяхъ и «оказіяхъ», а каждый день, въ иныхъ семьяхъ по два раза. Стало потребляться и больше сахару, который въ прежнее время сопровождалъ питье чаю, можно сказать, идеально, «въ приглядку», кусочками съ булавочную головку, при помощи каковыхъ виртуозы чаепитія ухитрялись, однако, поглощать по дюжинѣ стакановъ. Теперь употребленіе сахару въ деревнѣ стало хоть нѣсколько напоминать городскую «въ прикуску» бѣдныхъ мѣщанскихъ семей. Нанимаясь къ хозяину, батраки и прислуга выговариваютъ чай два раза въ день. Но тутъ играетъ роль не одинъ «вопросъ желудка», по крайней мѣрѣ въ непосредственной своей формѣ. Право на чай является теперь своего рода «правомъ на лѣность», говоря языкомъ остроумнаго памфлета Поля Лафарга, т. е. въ сущности-то правомъ на отдыхъ среди безконечно длиннаго до сихъ поръ дня сельскихъ рабочихъ. Батраки, а особенно прислуга, ухитряются каждый разъ просиживать за чаемъ по часу, а то и побольше. И, несмотря на ропотъ хозяевъ по адресу этого «баловства» наемниковъ, безпристрастный наблюдатель можетъ лишь одобрить эту инстинктивно выработанную сельскими рабочими систему передышки.

Конечно, западно-европеецъ ужаснулся бы продолжительности этихъ чаевыхъ засѣданій на кухнѣ и въ передней, ужаснулся больше, можетъ быть, даже, чѣмъ русскій сельскій хозяинъ, который, кипя, бранясь, негодуя на кейфующихъ чаепійцевъ, въ концѣ концовъ привыкаетъ къ этому порядку вещей. Но вѣдь хозяинъ культурнаго Запада и не подумаетъ теперь возлагать на плечи батрака (или кухарки) 15 и 16-часовой рабочій день, или, лучше сказать, брать у него все время, какое только есть физическая возможность взять, не различая между днемъ и ночью, ставя его зачастую на работу, на которую тотъ не нанимался, и гоня его въ этомъ процессѣ безпредѣльной эксплуатаціи, что называется, и въ хвостъ, и въ гриву. А нашъ хозяинъ, особенно изъ категоріи рачительныхъ и трудолюбивыхъ, «встуритъ» работника въ четыре часа утра и, послѣ долгаго лѣтняго дня, проведеннаго батракомъ въ полѣ или въ лѣсу, превратитъ его ночью въ импровизированнаго кучера и заставитъ отвозить засидѣвшагося за полночь гостя. Ясное дѣло, что такая крайняя экстенсивность труда не можетъ идти рядомъ съ его интенсивностью безъ крайняго вреда для рабочаго, и самъ организмъ неизбѣжно старается хоть немного отстоять себя отъ притязаній никогда и ничѣмъ недовольнаго «капитала», отвоевывая себѣ право на отдыхъ.

Что касается до увеличившагося потребленія чаю среди «самостоятельнаго» крестьянства, то и въ этомъ симптомѣ повидимому повысившагося уровня потребностей есть своя отрицательная сторона. Несомнѣнно, что въ иныхъ бѣдныхъ хозяйствахъ и чай-то стали больше пить подъ вліяніемъ хроническихъ голодовокъ послѣднихъ лѣтъ, когда жидкій-прежидкій напитокъ замѣнилъ недостававшее

«варево», обманывая искусственнымъ и чисто фиктивнымъ ощущеніемъ временной сытости позывы голоднаго желудка. И невольно ассоціація идей подсказываетъ мнѣ мысль подѣлиться съ читателями уже болѣе общими впечатлѣніями, вынесенными мною въ теченіе нынѣшняго лѣта изъ наблюденія современной экономики и политики мѣстнаго крестьянства.

II.

Тутъ рѣчь, конечно, можетъ идти исключительно объ общихъ впечатлѣніяхъ. Чего-нибудь, хоть отчасти напоминающаго статистическіе пріемы, я, разумѣется, не могъ произвести. Для этого пришлось бы хотя бы въ самомъ ограниченномъ районѣ продѣлать нѣчто въ родѣ подворнаго изслѣдованія, сравнить при помощи точныхъ цифръ теперешнюю деревню и во времени, и въ пространствѣ, показать, чѣмъ одна мѣстность отличается отъ другой, отмѣтить, опять-таки цифрами, въ какую сторону измѣнилась за четверть вѣка одна и та же мѣстность. На такія цифровыя монографіи я и не думалъ, и не могъ претендовать. Но что я дѣйствительно видѣлъ и слышалъ и, такъ сказать, ощущалъ, о томъ я поведу безхитростную рѣчь къ читателю. При этомъ я ободряю себя надеждой, что добросовѣстная передача впечатлѣній все же вѣрнѣе можетъ обрисовать положеніе дѣлъ въ деревнѣ, чѣмъ чисто фантастическіе выводы, получаемые изъ фантастическихъ цифръ, которыя сообщаетъ намъ правительственная статистика, заимствуя ихъ изъ данныхъ волостнаго начальства, получающаго ихъ отъ писарей, которые, въ свою очередь берутъ ихъ «съ потолка»,—какъ иронизировала въ свое время печать 70-хъ годовъ надъ «корнями губернской статистики». Что касается до нашей мѣстами столь образцовой земской статистики, то, конечно, я нисколько не думаю заподозрѣвать ея высокой цифровой цѣнности. Но видѣнное мною позволяетъ мнѣ думать, что обобщенія изъ этихъ цифръ порою носили на себѣ отпечатокъ предвзятыхъ взглядовъ и симпатій изслѣдователей.

Взять, напр., еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ столь жгучій вопросъ о характерѣ эволюціи деревни, вопросъ, на который давались два совершенно разныхъ отвѣта въ двухъ лагеряхъ нашей передовой интеллигенціи: соціалъ-демократическомъ и «народническомъ». Соціалъ-демократы, дѣйствительно, утверждали, что въ деревнѣ идетъ обычный, неизбѣжный во всякомъ человѣческомъ общежитіи, процессъ дифференціаціи, и сельскій людъ Россіи разбивается на двѣ категоріи, имущихъ и неимущихъ, между которыми пропасть все увеличивается. Народники говорили, наоборотъ, что объ этомъ процессѣ поляризаціи «богатства-бѣдности» не можетъ быть и рѣчи именно въ русской деревнѣ, которая всѣми своими слоями и категоріями сползаетъ съ равномѣрно ускоренной быстротой по на-

клонной плоскости общаго обѣднѣнія. Видъ современной деревни въ наблюдавшемся мною районѣ внушаетъ мнѣ мысль, что дѣло не улавливается въ сѣть ни исключительно той, ни другой формулы. Можетъ быть, изъ-за деревьевъ я не успѣлъ увидѣть лѣса, но все же мнѣ сдается, что мои глаза и уши сталкивались съ явленіями болѣе смѣшанными, чѣмъ та или другая схема.

Меня поразилъ, напр., слѣдующій фактъ, который, противорѣча одной формулѣ, не подтверждаетъ цѣликомъ и противной. Процессъ дифференціаціи, разслойки крестьянства на группы различной зажиточности, несомнѣнно, совершается, и мѣстами очень сильно. Но, странное дѣло, довольно часто онъ прокидывается не столько между отдѣльными хозяйствами внутри данной деревни, сколько между отдѣльными деревнями даннаго района. Есть деревни, которыя съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ видѣлъ, пошли за эту четверть вѣка рѣшительно книзу, обнищали, изголодались, потеряли зажиточныхъ мужиковъ; и среди сѣрой кучи растрепанныхъ, полуразгороженныхъ, зачастую раскрытыхъ избенокъ, выдѣляются самое большее одинъ-два «справныхъ» дома съ деревянной крышей, прочными воротами и навѣсомъ кругомъ двора. Но есть деревни,— правда такихъ меньшинство,—которыя, благодаря нѣкоторымъ отчасти общимъ, а, главное исключительно счастливымъ обстоятельствамъ и условіямъ положенія, словно расцвѣли, повеселѣли и тѣшатъ вашъ изалкавшійся по картинамъ человѣческаго довольства взоръ рядами хорошихъ, нарядныхъ домовъ съ щегольскими крыльцами, сиренью и «рожами» въ палисадникахъ и фуксіями въ украшенныхъ занавѣсками окнахъ. Въ такихъ деревняхъ процессъ дифференціаціи какъ будто отвелъ свое остріе отъ ихъ внутренней жизни, но отвелъ его по большей части только съ тѣмъ, чтобы направить его противъ окружающихъ этотъ уютный уголокъ несчастныхъ Неурожаекъ и Неѣловокъ. Ибо, если вы присмотритесь къ тому, чѣмъ и какъ живетъ такое Эльдорадо, особенно если постараетесь снять съ себя очки идиллическаго отношенія къ разнѣжившему было вашу душу оазису, то вы увидите, что благосостояніе подобнаго крестьянскаго гнѣзда покоится не только на удачно сложившейся для него «власти земли», но и на умѣло пускаемой имъ въ ходъ власти денегъ.

Такія зажиточныя деревни живутъ не только собственнымъ мужицкимъ трудомъ, хлѣбопашествомъ или, какъ чаще бываетъ въ наблюдавшемся мною районѣ, лѣснымъ хозяйствомъ и скотоводствомъ, но и самыми прозаическими стяжательными дѣлами, относящимися къ разряду «по торговой части»: сдачей въ аренду покосовъ; скупкой хлѣба и скота; продажей овощей съ своихъ бахчей тѣмъ самымъ обитателямъ окрестныхъ Неѣловокъ и Неурожаекъ, у которыхъ не на чемъ стало родиться ни капустѣ, ни свеклѣ, ни огурцамъ, ни даже картофелю; наконецъ, вообще всякаго рода коммерціей, начиная съ содержанія мелочныхъ лавокъ, постоялыхъ

дворовъ, тайныхъ винополокъ и вплоть до самаго подлиннаго ростовщичества по «закладнымъ» (для захудалаго дворянства) и просто на словахъ (для своего брата-мужика изъ Неѣловки). Такъ что, напр., старый Маркъ Порцій Катонъ былъ бы крайне затрудненъ, какъ отнестись къ такому крѣпкому, домовитому мужику, который и самъ коситъ со своей многочисленной семьей, и даетъ деньги подъ процентъ да подъ обработку: «ибо, съ одной стороны, хорошій земледѣлецъ—хорошій гражданинъ», но съ другой—«предки наши постановили въ своихъ законахъ вора наказывать двойнымъ штрафомъ, а ростовщика—четвернымъ» (foeneratorem quadrupli condemnari). . .

Повторяю, въ то время, какъ въ большинствѣ деревень, сильно пошатнувшихся за послѣднюю четверть вѣка, разслойка свелась на нѣтъ, благодаря общей бѣдности, въ меньшинствѣ селеній, ставшихъ за это время еще болѣе зажиточными, процессъ дифференціаціи тоже, повидимому, притупился на почвѣ болѣе или менѣе общаго довольства. Но за то обнаружилась рѣзкая разница въ положеніи деревень двухъ категорій, и на фонѣ тяжелой крестьянской жизни ярко обозначилась группа селеній аристократическихъ, въ извѣстномъ родѣ патриціанскихъ, и группа селеній плебейскихъ, дающихъ пріютъ исключительно голытьбѣ. Дифференціація приняла, какъ видите, въ моемъ районѣ своеобразныя формы: она разсортировала различныя по зажиточности категоріи населенія территоріально, разбивъ ихъ по разнымъ деревнямъ и подчеркнувъ, такъ сказать, ихъ соціальное отдаленіе отдаленіемъ пространственнымъ. Получилось нѣчто въ родѣ того явленія, которое замѣчается въ современныхъ городахъ, гдѣ дифференціація классовъ и состояній выражается и географически въ видѣ отдѣльнаго существованія фешенэбельныхъ кварталовъ и кварталовъ рабочихъ. Говорю, конечно, объ общемъ впечатлѣніи, а не о частностяхъ и не объ исключеніяхъ.

Вотъ по возможности точно воспроизводимая мною сценка изъ деревенской жизни, рѣзко запечатлѣвшаяся въ моей памяти и могущая дать наглядное понятіе читателю, о чемъ я говорю.

Я шелъ утромъ, въ большой престольный праздникъ своей (патриціанской) деревни, по дорогѣ. Впереди меня торопливо, но видимо съ неимовѣрными усиліями, шагалъ мальчикъ лѣтъ шестисеми, въ огромныхъ, разбитыхъ сапогахъ, такихъ разбитыхъ, что, въ сущности, онъ тащилъ лишь одни голенища, и такихъ огромныхъ, что казалось, будто голова ребенка въ растрепанной, словно воронье гнѣздо, огромной же шапкѣ и его тощія рученки, перебрасывавшія съ плеча на плечо тяжелый мѣшокъ, выходили прямо изъ чудовищныхъ сапожищъ.

Когда я сталъ нагонять его, онъ, не повертываясь, затянулъ было на извѣстный всей Руси жалобный ладъ традиціонную формулу нищей братіи:

— Подайте сироткѣ убогому на хлѣбъ Христа-ради, кормилицы на-а-аши!

Потомъ, взглянувъ на меня, сразу перемѣнилъ тонъ и комично-быстро заговорилъ:

— Баринъ, голубчикъ, дайте копѣечку... одну копѣечку только, баринъ... копѣечку.

— На, милый.

Мальчишка мой повеселѣлъ и зашагалъ рядомъ со мной, шлепая непомѣрнымъ грузомъ сапогъ и, видимо, желая вступить съ «бариномъ» въ разговоръ.

— Ты куда-жъ это идешь?

— По кусочки, въ Я—ную, побираться,—сказалъ мальчишка, называя мою деревню съ гордостью стараго профессіонала, которому, молъ, этимъ дѣломъ не впервой приходится заниматься.

— Что-жъ, отъ себя ходишь, или кто посылаетъ?

— Тятька посылаетъ,—бойко отвѣтилъ «сиротка».

— А чего же онъ самъ не ходитъ?

— Онъ ходитъ, да теперь отошшалъ... Лежитъ на скамьѣ. Насъ съ братомъ по кусочки послалъ, а самъ лежитъ...

— А мать есть у тебя?

— Мамка у больницы... Больна она... ее свезли.

— Чей ты?

— Микиты Душечкина, изъ Г—ва.

— Чего-жъ ты въ своей деревнѣ не побираешься... Вѣдь, сюда далеко.

— Да не у кого. У насъ, почитай, скоро всѣ сами по кусочки пойдутъ.

— А богатыхъ нѣтъ?

— Только два мужика и есть, да ужъ зато и богачи... У одного три души (по ревизіи), пять мужиковъ, двѣ бабы снохи, двѣ лошади, коровы, два теленка, лавка,—почти съ азартомъ описывалъ страшное богатство мѣстнаго креза видимо бахвалившійся этимъ «сиротка».

— А тятька твой бѣдный?

— Страсть какой бѣдный... и не говори... Въ нонѣшнемъ году хоть Богъ далъ у насъ хлѣба градомъ не побило, а у другихъ-то все повычистило, все пересѣкло, и конопли всѣ завалило... Говорю вамъ, какъ передъ Господпомъ, кусочки всѣ пойдутъ.

— Ну, а вы съ тятькой много собрали?

— Какое много, а только все, слава-те, Господи, собрали, не такъ какъ другіе... Да полоска-то маленькая, лядащенькая, въ нашемъ «клину» (полѣ) и десятины не будетъ, и сѣмянъ тоже лѣтось не хватило. Всего мѣрочки двѣ тятька посѣялъ да мѣрочки три и собралъ: отъ дождя да отъ мокрятины попрѣло... Вотъ теперь свое попріѣли да и по кусочки... А все же, благодареніе Богу, мы все сняли, не то что другіе! — въ десятый разъ, съ ко-

мичною серьезностью, крестясь и снимая шапку, говорилъ о своей удачѣ мальчикъ, отъ словъ котораго вѣяло какой-то надрывающей душу, торопливой веселостью.

— Ишь, какой ты молодецъ: небось и семи лѣтъ нѣтъ, а какъ большой мужикъ про все говоришь,—вырвалось у меня.

— Мнѣ съ Казанской тринадцатый годъ пошелъ, — почти запальчиво отвѣтилъ бѣдный заморенный ребенокъ,которому на видъ и половины этого возраста нельзя было дать...

— Такъ ты по своей деревнѣ не пойдешь побираться?—переспросилъ я.

— Нѣтъ, у нашихъ ничего не дадутъ. И въ П—аръ не пойду. Тамъ сами не токма что ходятъ, ѣздятъ побираться: еще треуховъ накладутъ... А вотъ въ Г—цы, да въ Ш—ву, да въ вашу, значитъ, Я—ную. У васъ въ праздникъ, да еще на престолъ, больно хорошо христарадничать: и хлѣбца дадутъ, и пирожка съ морковкой да съ медкомъ, и тятькѣ мѣдячковъ принесу...

Мальчикъ, очевидно подхлестываемый перспективой будущихъ благъ, быстро свернулъ и пошелъ по тропинкѣ вправо, черезъ лугъ, стараясь поскорѣе добраться до «жирныхъ говядовъ» богатой деревни. А я невольно подивился точности классификаціи, съ какой этотъ собиратель кусочковъ распредѣлялъ различныя селенія околотка по степени ихъ отзывчивости на жалобныя причитанія: тамъ не дадутъ, а тамъ еще «накладутъ», а тамъ даже и пирожка получишь. Перечисленныя мальчикомъ деревни располагались, дѣйствительно, въ извѣстномъ порядкѣ по степени зажиточности. Между ними Г—цы, Ш—ва, особенно же наша Я—ная, выдѣлялись своимъ благосостояніемъ изъ цѣлаго ряда окружающихъ захудалыхъ деревень, среди которыхъ злополучный П—ръ пользовался печальной извѣстностью какъ самое обездоленное, самое разоренное судьбой и людьми (поколѣніями плохихъ помѣщиковъ) селеніе.

Тотъ процессъ дифференціаціи деревень на состоятельныя и убогія, о которомъ я говорилъ, прежде всего обусловливался разницею въ первоначальномъ положеніи сельскихъ обществъ бывшихъ государственныхъ и бывшихъ крѣпостныхъ, а затѣмъ нѣкоторыми особенностями положенія и случайно сложившимися для иныхъ изъ нихъ благопріятными обстоятельствами. И онъ, этотъ процессъ, совершался тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ ближе находились селенія одной категоріи отъ селеній другой. Тутъ происходило нѣчто похожее на сосѣдство чугуна и глинянаго горшка: богатыя деревни, вкрапленныя въ группы бѣдныхъ, которыхъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, было большинство, еще болѣе богатѣли на счетъ своихъ слабыхъ сосѣдокъ, а эти еще болѣе нищали отъ близости зажиточныхъ соперницъ.

Извѣстно, что въ Калужской губерніи число ревижскихъ душъ, получившихъ въ 1861 г. надѣлы въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, было по крайней мѣрѣ въ три раза меньше числа

ревижскихъ же душъ въ селеніяхъ крестьянъ помѣщичьихъ: первыхъ насчитывалось въ круглыхъ цифрахъ около 94.000, а вторыхъ болѣе 286.000. Съ другой стороны, надѣлы первой категоріи достигали почти 5 десятинъ на душу, надѣлы же второй не превышали 3⅓ десятинъ. Такъ получилось въ извѣстномъ родѣ привилегированное меньшинство между крестьянами этой второй категоріи. И его положеніе контрастируетъ съ положеніемъ менѣе обезпеченнаго большинства особенно на югѣ и юго-востокѣ губерніи, въ уѣздахъ Жиздринскомъ и отчасти Козельскомъ, т. е. какъ разъ въ наблюдавшемся мною районѣ, гдѣ высокій относительно процентъ лѣсовъ и луговъ пошелъ въ пользу государственныхъ крестьянъ, получившихъ довольно много угодій этой категоріи, тогда какъ помѣщичьи крестьяне были, какъ и повсюду, особенно обдѣлены лѣсомъ и выгонами. Съ теченіемъ времени, когда населеніе увеличилось почти повсюду раза въ два, а то и болѣе, эта разница въ бытѣ обѣихъ группъ крестьянства усилилась въ очень значительной степени. И сравнительно малочисленная мужицкая «аристократія», если можно такъ выразиться, рѣзко стала выдѣляться изъ сѣрой все болѣе необезпеченной деревенской массы, попадавшей съ каждымъ годомъ все въ большую зависимость отъ болѣе справныхъ сосѣдей, у которыхъ ей приходится и наниматься въ батраки, и арендовать полосы, и должаться.

Кромѣ того, иныя изъ этихъ состоятельныхъ селеній бывшихъ государственныхъ находятся на «большакѣ», т. е. на бойкой грунтовой дорогѣ, которая достигаетъ обыкновенно тридцати саженъ ширины и по которой когда-то дѣятельно гнались гурты, нынѣ отправляемые по большей части чугункой. На этихъ патріархальныхъ артеріяхъ завелись въ такихъ деревняхъ постоялые дворы, мелочныя лавки, кабаки, въ послѣднее время смѣнившіеся тайными «винополками». Къ этому присоединилась торговля овощами и плодами,—капустой, огурцами, дешевыми яблоками и грушами,—которые находятъ спросъ, по странной ироніи современной экономики, среди населенія захудалыхъ деревень, гдѣ выпахиваніе и истощеніе почвы, шедшее рядомъ съ уменьшеніемъ скота, а стало быть и навоза, свело почти на нѣтъ усадебные огороды, тогда какъ въ зажиточныхъ деревняхъ огородничество приняло тамъ и сямъ характеръ правильнаго бахчеваго хозяйства, производящаго продукты уже не для личнаго потребленія семей, а для торговли на сторону.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаружилось дѣйствіе случайныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Напр., въ той деревнѣ, по отношенію къ которой у меня уже нѣсколько разъ срывался съ пера эпитетъ «благодатный уголокъ», къ сравнительно большому надѣлу, доходящему до пяти съ половиною десятинъ на ревижскую душу и заключающему въ томъ числѣ около десятины прекраснаго хвойнаго и лиственнаго лѣса, прибавилось въ послѣд-

нія пятнадцать лѣтъ обширное пространство поемныхъ луговъ, съ каждымъ годомъ улучшающихся въ качествѣ. Дѣло въ томъ, что одному энергичному и умному члену общины, теперь уже отчасти порвавшему связи съ родной деревней, пришла въ голову счастливая мысль убѣдить своихъ односельчанъ пустить на сломъ, хотя бы цѣною уплаты неустойки, водяную мельницу, которую издавна общество сдавало въ аренду семьѣ шустрыхъ «хозяйственныхъ мужиковъ», и постепенно осушить почву, находившуюся подъ огромнымъ прудомъ и, вообще, между деревней и небольшой, но водной рѣчкой. И тамъ, гдѣ прежде на неподвижной, изжелта черной поверхности полуозера, полуболота плавали большіе цвѣты бѣлой кувшинки, гдѣ колебались по вѣтру метелки тростника, а ночью зычно гукала «гукла» (мѣстное названіе выпи), наводя страхъ на дѣтей, теперь разстилаются луга, на которыхъ жесткая осока и хвощъ все чаще и чаще начинаютъ уступать мѣсто сочнымъ стеблямъ лисохвоста и мышинаго горошка. Въ результатѣ въ рукахъ здѣшнихъ крестьянъ оказалось чуть не восемьдесятъ лишнихъ десятинъ сѣнокоса и выгоновъ, и Я—ная окончательно стала какъ бы земнымъ раемъ, исключительной деревней, подобныхъ которой, вѣроятно, очень мало во всей Россіи и которая нѣкоторыми сторонами своей жизни позволяетъ намъ составить себѣ хоть приблизительное понятіе о томъ, чѣмъ могло бы быть, вообще, русское крестьянство, если бы оно было поставлено въ болѣе нормальныя условія. Я попробую набросать картину, или, лучше сказать, легкій абрисъ матеріальной и моральной жизни этого мѣстнаго Эльдорадо, но отнюдь не стараясь прикрашивать все сплошь радужными цвѣтами и закрывать глаза на оборотную сторону этой привлекательной медали.

III.

На столбѣ съ надписью, воздвигнутомъ у одного конца деревни по приказанію благопопечительнаго начальства, вы можете прочитать: Я—ная, число дворовъ 40, число душъ (конечно, ревижскихъ) 70, число десятинъ надѣльной земли 365. Но со времени десятой ревизіи населеніе здѣсь, какъ и повсюду, возрасло, и теперь въ деревнѣ насчитываютъ около 300 жителей,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Послѣднихъ, кстати сказать, здѣсь кишитъ великое множество, и въ общемъ, благодаря хорошимъ условіямъ жизни, смертность между ними значительно ниже общей дѣтской смертности въ Россіи, не говоря уже о смертности въ Калужской губерніи, которая пользуется, какъ извѣстно, печальной привилегіей занимать одно изъ первыхъ мѣстъ по пропорціи умирающихъ. Въ Я—ной рѣдкая семья не имѣетъ пяти-шести живыхъ дѣтей, зачастую девять-десять, порою и больше, на два-три умершихъ:

ребята въ этой богатой деревнѣ, окруженной сосновымъ лѣсомъ и казенной засѣкой, выхаживаются легко; и когда вы проходите въ хорошую погоду по улицѣ, то встрѣчаемаго вами количества бѣлыхъ головенокъ и васильковыхъ глазъ хватило бы, кажется, для большого французскаго бурга.

Какъ бы то ни было, но это быстро увеличивающееся населеніе Я—ной до сихъ поръ снабжено достаточнымъ количествомъ земли: если присчитать къ полученному деревней сравнительно большому первоначальному надѣлу отвоеванное у воды и болота пространство луговъ, то на средній дворъ, состоящій нынѣ приблизительно изъ 7 человѣкъ обоего пола, чаще всего приходится все же 10—12, порою 15 и 20 десятинъ. А благодаря хорошему качеству угодій, главнымъ образомъ луговъ, но отчасти и прекраснаго строевого лѣса, я—ская семья оказывается надѣленною землями не только по потребительной, но и почти по трудовой нормѣ, такъ какъ нормальной семейной ассоціаціи производителей, состоящей изъ отца съ матерью и полдюжины дѣтей въ возрастѣ, допускающемъ возможность примѣненія ихъ силъ къ хозяйству, есть надъ чѣмъ поработать и на сѣнокосѣ, и въ лѣсу, и на огородѣ, и въ коноплянникѣ. Собственно хлѣбопашествомъ деревня почти совсѣмъ не занимается, предоставляя надрываться окружающимъ захудалымъ селеніямъ, по большей части бывшихъ крѣпостныхъ, обдѣленныхъ и лѣсомъ и выгономъ, на неблагодарномъ, плохо удобряемомъ супескѣ и суглинкѣ, который едва возмѣщаетъ имъ издержки по обработкѣ и обсѣмененію тощей пахоты.

Здѣсь-то идиллія перепутывается съ горькой прозой жизни. Въ самой Я—ной отрицательныя стороны современной деревни стушевываются передъ общимъ видомъ довольства. Тѣмъ печальнѣе безпроглядная нищета смотритъ на васъ изъ убогихъ избъ окружающихъ селеній. Конечно, и въ Я—ной нѣтъ полнаго мира и въ человѣцѣхъ благоволенія. Процессъ разслойки группъ и борьбы интересовъ притупленъ, но совсѣмъ, разумѣется, не прекратился: вѣдь мы и здѣсь имѣемъ дѣло не съ царствомъ небеснымъ и не съ будущимъ гармоническимъ строемъ. Но все же вы натолкнетесь тутъ на такія сцены жизни, которыя въ состояніи совсѣмъ отуманить голову поверхностному наблюдателю и внушить ему представленіе о безподмѣсномъ счастіи обитателей. Посмотрите, напр., на картину я—нскаго сѣнокоса, когда море сочной, высокой травы испещрено на версту яркими-преяркими, то красными, какъ макъ, то синими, какъ васильки, рубахами-косоворотками статныхъ парней, которые, подпоясавъ ихъ щегольскими ремнями и засунувъ легкія триковыя шаровары въ голенища франтоватыхъ сапогъ, весело помахиваютъ «штирійками»; а недалеко, на скошенныхъ уже вчера полосахъ, легко и граціозно движутся грабли въ рукахъ молодыхъ женщинъ (я по-истинѣ не могу сказать «бабъ»), которые щеголяютъ одна передъ другой нѣжными,—розо-

выми, лиловыми и зелеными,—оттѣнками своихъ «блузокъ» и ловко сшитыми ихъ же руками юбками платьевъ, вытѣснившихъ въ Я—ной сарафаны. Поневолѣ вы начинаете думать, что передъ вами разыгрываются сцены коммунистическаго сѣнокоса въ верховьяхъ Темзы, изображенныя волшебною кистью автора «Вѣстей ниоткуда»...

— Эхъ, Н. С., только бы Богъ погодки послалъ, а то противъ моего сѣна зеленѣй вы во всей деревнѣ не найдете,—остановилъ меня пятидесятилѣтній, но на видъ совсѣмъ еще молодой мужикъ-вдовецъ, окруженный своими одиннадцатью дѣтьми, старшія изъ которыхъ, пять крѣпкихъ цвѣтущихъ дѣвицъ, въ возрастѣ отъ двадцати до четырнадцати лѣтъ, и мальчикъ-подростокъ, принимали дѣятельное участіе въ ворошеньи и складываньи въ стога душистаго сѣна, а младшія бѣгали и суетились кругомъ, щебеча словно птицы... Я зналъ, что мой собесѣдникъ обходился силами своей семьи, не нанимая работниковъ, и что его огородъ и его конопляники были тщательнѣе воздѣланы, чѣмъ у другихъ, а его луга убирались всегда во-время. «Вотъ идеальное хозяйство на потребительной нормѣ»,—вертѣлось у меня въ головѣ, и я любовался этой пасторалью дружной семейной работы на богатомъ покосѣ...

Или посмотрите на я—нцевъ въ праздничный день, вечеромъ, когда молодежь гуляетъ по муравчатымъ сторонамъ улицы, играющимъ роль тротуара, дѣтишки, словно воробьи, возятся въ пыли широкой дороги, а старожилы деревни разсѣлись по крыльцамъ просторныхъ, привѣтливыхъ домовъ, перекликаясь между собой на гулкомъ, свѣжѣющимъ къ ночи воздухѣ. Могу увѣрить читателя, что на «гуляньи» въ какомъ-нибудь «губернаторскомъ» саду провинціальнаго города онъ не встрѣтитъ такой пропорціи стройныхъ и красивыхъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ, которымъ умѣренный, но постоянный физическій трудъ и жизнь на просторѣ придаютъ мощь, гибкость и изящество, опять таки напоминающія героевъ утопическаго романа Морриса. Подумайте, что вотъ уже сколько десятковъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ разрослась эта деревня, основанная три четверти вѣка тому назадъ двумя обширными семьями, почти «родами», я—нская молодежь, попадавшая въ солдаты, постоянно служила въ гвардіи. А между сотнею женщинъ и дѣвушекъ вы найдете два десятка очень миловидныхъ лицъ и пять-шесть настоящихъ красавицъ. А сколько въ деревнѣ вы встрѣтите стариковъ и старухъ, словно задавшихся цѣлью жить «по Мечникову», дряхлѣя лишь постепенно и изнашивая органы своего тѣла только въ извѣстной гармоніи и постепенности,—80-лѣтнихъ стариковъ, которые до сихъ поръ косятъ сѣно, рубятъ дрова, и т. п., и столь же престарѣлыхъ подругъ ихъ жизни, у которыхъ сохранились еще зубы, хорошій аппетитъ, сонъ и неугомонное желаніе съ утра до вечера бѣгать «по хозяйству»!

Пройдитесь дальше по улицѣ и, полюбовавшись внѣшнимъ видомъ я—нскихъ «избъ», которыя, дѣйствительно имѣютъ мало общаго съ обычной крестьянской избой, а скорѣе походятъ на усадьбы мелкотравчатыхъ помѣщиковъ, войдите въ одно изъ такихъ помѣщеній. Посмотрите на эти большія и опрятныя комнаты, на ихъ некрашенные по большей части, но за то чисто вымытые полы, по діагонали котораго протянута «дорожка» длиннаго узкаго ковра; на обиліе посуды въ шкафахъ и «горкахъ», гравюръ и фотографій по обѣимъ сторонамъ «божьяго милосердія», цвѣточныхъ горшковъ и даже кадокъ съ зимующими въ комнатахъ олеандрами, плющемъ и «армами» (арумами). Попросите домовитыхъ хозяевъ показать вамъ хоть въ самыхъ общихъ чертахъ содержимое ихъ комодовъ, платяныхъ шкафовъ, кладовыхъ и амбаровъ, гдѣ безспорно вы найдете больше свиного сала, наливокъ, сушеній, вареній, холста, муки, шубъ, бѣлья, «модныхъ» платьевъ и обуви, чѣмъ въ семьѣ городскихъ зажиточныхъ мѣщанъ. Зайдите затѣмъ въ сарай, конюшню, коровникъ; побывайте на огородѣ, коноплянникѣ; погуляйте въ общинномъ лѣсу, гигантскія сосны, высокія осины и березы и могучіе дубы котораго снабжаютъ я—нца въ изобиліи строевымъ матеріаломъ, дровами и при случаѣ продаются имъ «на сводъ» (въ нынѣшнемъ году сравнительно небольшой участокъ далъ этимъ способомъ обществу около 6000 рублей, которые разверстанные по душамъ, увеличили бюджетъ каждой семьи на 100—200 рублей),—и вы готовы будете воскликнуть, что здѣсь мужику не жизнь, а рай, что тутъ ему и умирать не надо, и тщетно будете искать въ своей памяти примѣровъ такого общаго процвѣтанія даже въ зажиточной западно-европейской деревнѣ.

Но когда вы присмотритесь хорошенько къ этому райскому житью, вы убѣдитесь въ важности вопроса, который ставилъ себѣ даже буржуазный оптимизмъ Бастіа, размышлявшаго на тему: ce qu'on voit et ce qu'on ne voit pas, — «что видишь и чего не видишь» при бѣгломъ изученіи соціально-экономическихъ условій... Да, конечно, процессъ раскалыванія населенія на имущихъ и неимущихъ въ этой счастливой деревнѣ мало бросается въ глаза, потому что собственно неимущихъ здѣсь нѣтъ, и даже наименѣе зажиточные члены общества живутъ такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ живетъ лишь группа многоземельныхъ и многолошадныхъ крестьянъ. Но за то существуютъ различныя степени зажиточности, и на почвѣ столкновенія этихъ различныхъ категорій семей идетъ борьба и слышатся рѣзкія жалобы сравнительно обдѣленныхъ общинниковъ.

Дѣйствительно, по отношенію къ внѣшнему міру я—нцы не требуютъ себѣ ничего: они довольны своимъ надѣломъ и всей землей, находящейся, благодаря вышеупомянутымъ счастливымъ случайностямъ, въ ихъ пользованіи. Въ этомъ смыслѣ Я—ная

принадлежитъ къ числу рѣдкихъ уголковъ Россіи, гдѣ даже въ настоящія тяжелыя, чреватыя грозою и бурями времена не существуетъ аграрнаго вопроса. Или, лучше сказать, если онъ существуетъ, то въ формѣ крайне отрицательнаго отношенія къ какимъ бы то ни было перемѣнамъ въ теперешнихъ земельныхъ условіяхъ всей общины. Я—нцы съ высоты своего общаго привилегированнаго положенія смотрятъ на окружающія селенія опасливо и непріязненно. Они—большіе консерваторы по этой части, и единственно о чемъ они молятъ Бога, такъ это, чтобы ихъ сосѣди забыли объ ихъ существованіи. О какой-нибудь «соціализаціи» и «національизаціи» и даже о «принудительномъ отчужденіи» они думаютъ не лучше самаго типичнаго частнаго собственника. Они даже не любятъ говорить «о сихъ мерзостяхъ», предполагая на манеръ апостола, что отъ этихъ разговоровъ путнаго ничего не выйдетъ, а одинъ соблазнъ. Словомъ, этотъ микрокосмъ очень старательно отгораживаетъ себя отъ макрокосма, и если бы сей послѣдній въ лицѣ малоземельныхъ крестьянъ окружающихъ деревень или даже представителей какого-нибудь общерусскаго органа власти, предъявилъ требованія къ самомалѣйшей части я—нскихъ угодій, то онъ былъ бы, навѣрное, принятъ дюжими Микулами Селяниновичами и Ильями Муромцами деревни въ колья.

Но крайне консервативно относясь къ попыткамъ извнѣ вторгнуться въ ихъ теперешніе порядки, я—нцы внутри своей ячейки обнаруживаютъ сплошь и рядомъ сильныя реформаторскія тенденціи, которыя у иныхъ членовъ облекаются въ очень рѣзкія формы. Говоря такъ, я разумѣю значительное число,—половину, а, можетъ быть, и больше, — всѣхъ семей, которое громко ропщетъ на свое сравнительное малоземелье и главы котораго на сходахъ надсаживаются до хрипоты, понося остальную половину домохозяевъ, захватившихъ, по ихъ словамъ, въ два и въ три раза больше душевыхъ надѣловъ, чѣмъ бы имъ слѣдовало. Эта своего рода соціальная война разыгрывается, какъ видитъ читатель, на обычной почвѣ несоотвѣтствія между числомъ ревижскихъ и числомъ наличныхъ душъ, и съ обѣихъ сторонъ ведется съ большимъ ожесточеніемъ.

Интересно, что хотя значительнѣйшая доля здѣшней общинной земли состоитъ изъ луговъ и лѣса, т. е. такихъ угодій, которыми я—нцы пользуются или сообща (лѣсъ) или разверстывая каждый годъ при помощи жеребьевки (покосы), распредѣленіе ревижскихъ душъ по семьямъ осталось нетронутымъ со временъ десятой ревизіи, такъ что въ этомъ смыслѣ можно сказать, что за послѣдніе полвѣка здѣсь не было общаго передѣла. Даже отвоеванные недавно у болота поемные луга дѣлятся при ежегодной разверсткѣ по ревижскимъ душамъ, которыя превратились такимъ образомъ въ право на пользованіе извѣстнымъ числомъ первоначальныхъ долей деревенскаго надѣла, или въ *идеальныя* счетныя единицы.

нѣчто въ родѣ компанейскихъ паевъ. И когда сходъ рѣшаетъ вырубить самому и продать на сводъ извѣстный лѣсной участокъ, то полученный такимъ образомъ матеріалъ или взятыя съ покупщика деньги распредѣляются по дворамъ опять таки пропорціонально этимъ первоначальнымъ «душамъ». Между тѣмъ Я—ная принадлежитъ къ категоріи деревень, въ которыхъ сама сравнительная обезпеченность жителей и ростъ ихъ потребностей, какъ матеріальныхъ, такъ въ широкомъ смыслѣ культурныхъ вызвали очень дѣятельный процессъ выдѣленія молодого поколѣнія и окончательнаго ухода его въ города для занятія торговыми и либеральными профессіями (объ этомъ процессѣ ниже). А вслѣдствіе этого обычная неравномѣрность въ возрастаніи отдѣльныхъ семей увеличилась въ еще болѣе значительной степени, и совмѣстная игра физіологическихъ и соціальныхъ случайностей создала дворы крайне неравные по числу обитателей. Съ другой стороны, на этой же почвѣ была совершена и продолжаетъ совершаться масса неправильностей и несправедливостей, поддерживаемая выдающейся по зажиточности половиной дворохозяевъ, богатыхъ ревижскими душами, и группой «хозяйственныхъ мужичковъ», которые «безъ мыла умѣютъ пролѣзать въ душу» начальству и, становясь при помощи его волостными и сельскими властями, образуютъ настоящія династіи деревенскихъ тирановъ, занимающихъ выгодныя должности и заправляющихъ по своему общественными дѣлами.

Нѣтъ ничего печальнѣе и вмѣстѣ поучительнѣе, какъ слышать рѣзко контрастирующій между собой голосъ двухъ различныхъ категорій односельчанъ, звукъ двухъ столь разныхъ деревенскихъ колоколовъ.

— У насъ въ Я—ной землицы, слава-те Господи, вдоволь, и на всѣхъ бы съ избыткомъ хватило, коли ежели бы по правдѣ-то жили. А то что это? Я самъ-третей съ сыновьями, да двѣ дочери подростаютъ, да старшую, значитъ, замужъ отдамши, я зятька-то во дворъ себѣ взялъ, у нихъ тоже сынишка да дочурка махонькіе, всего девять ртовъ со внуками, а душъ только двѣ... А вонъ у Петра Михайлова всего и народу-то что четыре человѣка: самъ съ женой, да дочь-невѣста и сынишка отъ земли не видать, а старшій сынъ въ городѣ Б. въ купцахъ, и второй у него тоже живетъ, въ реальномъ учится... Какіе-жъ это мужики... Между̀ тѣмъ душъ у него три съ половиной: двѣ отъ отца перешли, да дядя холостой былъ неотдѣленный, шибко пилъ, померъ, отъ него душа, да еще полъ-души, шутъ ихъ знаетъ, откуда наскребли... Можетъ ли Пётра по настоящему за своимъ надѣломъ ходить? Онъ и самъ-то ужъ давно ни въ дудочку, ни въ сопелочку... Вонъ нанялъ работника для покосу, да работницу къ коровамъ, а лугъ за лѣсомъ продалъ (отдалъ въ наймы) исполу, лучше сказать изтретья, п—рскимъ мужикамъ, себѣ двѣ доли, а имъ одну, да еще выговорилъ четыре воза сѣна, а тѣ, голтяпа, и тому рады:

и скосятъ, и высушатъ, и привезутъ... Между тѣмъ, хоть и жалко ихъ, прямо нищая братія, но все чужіе, пущай у свово барина покосы покупаютъ. А то имъ отдаютъ, а мы, здѣшніе, на двухъ душахъ пляши.. Опять же, когда первую получку съ купца за лѣсъ дѣлили,—по 20 рублей на душу пришлось,—я 40 цѣлковыхъ за все про все домой на девять человѣкъ принесъ, а мой Михалычъ 70 рубликовъ въ карманъ положилъ!.. Зарочье какое (невидаль), что сынъ реалистъ, да въ штанахъ «на улицу», навыпускъ, значитъ, ходитъ!.. А у насъ на ротъ по десятинѣ дай Богъ, чтобъ вышло... Вотъ, кабы пустить всю нашу землю по наличнымъ или, и того лучше, по ѣдокамъ, тогда и разговоръ другой бы былъ!.. А то одинъ соблазнъ, да на сходкахъ склыка...

Я почти съ стенографическою точностью воспроизвожу жалобы трудолюбиваго, но обдѣленнаго судьбой и односельчанами мужика, который, конечно, покажется царемъ въ сосѣднихъ, населенныхъ голытьбой деревняхъ, въ своемъ же Я—номъ съ завистью смотритъ на этого идущаго въ гору «Михалыча», что самъ уже елееле притрогивается къ косѣ, пріѣзжая на лугъ въ щегольскихъ дрожкахъ, запряженныхъ сытымъ меринкомъ, и чьи дѣти готовы уже совсѣмъ порвать пуповину, связывающую еще ихъ отца съ родной деревней.

Но послушайте теперь представителя привилегированной половины дворохозяевъ, не «Михалыча», впрочемъ, а гораздо болѣе любопытнаго «пса Костьку», какъ называетъ непочтительно гласъ народа гласъ божій умнаго, хитраго, ловкаго, энергичнаго, безстыднаго въ душѣ и среди пріятелей, но благообразнаго по виду и на людяхъ мужика, который цѣлый вѣкъ ухитрился занимать выгодныя должности въ волости, пресмыкаясь передъ начальствомъ, жестоко обманывая и эксплуатируя односельчанъ, доносявъ и клевеща на всѣхъ и на вся, и лишь въ послѣднее время, когда освободительное движеніе коснулось и деревни, остался на мели на подобіе алчной, выброшенной на берегъ волною акулы.

— Что, Н. С., наслушались нашихъ горлопятовъ,—печально-язвительно спрашивалъ меня этотъ нѣсколько прижавшій теперь хвостъ хищникъ, подходя ко мнѣ, стоявшему невдалекѣ отъ мѣста только что окончившейся сходки, гдѣ въ сотый разъ поднимался вопросъ, отчего это при послѣдней рубкѣ ближняго участка однѣмъ семьямъ пришлось чуть не по восьми «ха-а-а-рошихъ дубковъ», а другимъ «дай Богъ, чтобъ по три слеги».—Вы думаете, ихъ много, казанскихъ сиротъ-то этихъ? Пять дворовъ, можетъ, найдется,—умышленно уменьшалъ «песъ Костька» число недовольныхъ семей,—а вотъ что они горломъ да озорствомъ берутъ, такъ и подумаешь со стороны, что вся деревня благимъ матомъ кричитъ... «Отчего, молъ, съ самой ревизіи не дѣлили? Отчего по ртамъ не считаете?» А оттого, что опчество, все, понимаете, опчество не хочетъ этого. Стало быть, по ревижскимъ-то справедли-

вѣе будетъ, способнѣе... Сколько разъ галду они эту поднимали: подѣли да подѣли. А станешь по пальцамъ считать, сколько ихъ, недовольныхъ-то,—и руки полной не наберешь...

— Опять же и то взять,—продолжалъ, не дождавшись отъ меня реплики, деревенскій волкъ.—Всей земли не дѣлили, а свалки да навалки душамъ были, и съ ихняго же согласія... По справедливости... Коли настоящій-то резонтъ былъ, такъ опчество у тѣхъ душу возьметъ, а тѣмъ душу дастъ, и съ Господомъ: чего-жъ всѣ жеребья изъ-за двухъ дворовъ ломать?.. И потомъ сами же они, горлопаны-то, виноваты, что землю не берегли. Прежде было такъ много ея, что прямо купались въ ней, захлебывались, такіе-сякіе, цѣны не знали. Идетъ иной въ Москву на грошъ пятаковъ добывать, думаетъ тысячникомъ вернется: «а я вамъ болѣ не плательщикъ, вали съ меня душу, бери, кто хочетъ»... Трехъ рублей, вишь, жалко было платить... Ну, и сваливали... А вернется изъ Москвы домой понюхавши пробой,—Москва бьетъ съ носка, правильно это сказано—хлѣба больше прожуетъ, да подметокъ изотретъ, окромя дурной болѣзни ничего не принесетъ, да и взохается по надѣлу-то... А тутъ народу стало прибавляться,—нишь сколько у насъ дѣтворы,—и земля вздорожала: гдѣ такихъ, какъ у насъ, покосовъ-то да лѣсу найдешь?.. Вотъ и взвыли бѣгуны-то эти самые, тысячники-то наши московскіе... А мы чѣмъ виноваты? Съ нашего горба, чай, подати шли... Такъ ты, милый другъ, ужъ сдѣлай милость, сбѣгай-ка въ столицу снова, прохладись, можетъ и землицы себѣ на сапогахъ принесешь, а тебѣ ее у насъ нѣту: проворонилъ, на себя и плачься!.. Вотъ другіе, сурьезные-то мужики, тоже и въ городъ уходили, и капиталъ купеческій вносятъ, а землю блюдутъ и даже сыновей изъ опчества не выписываютъ: не ровенъ часъ, одному Создателю извѣстно, что случится, а землица-то есть, ее никто не проглотитъ, и съ каждымъ годомъ она за себя больше отвѣчаетъ...

Я зналъ, дѣйствительно, что мой собесѣдникъ не только не выпускалъ изъ рукъ семейнаго надѣла, несмотря на то, что и часть его братьевъ, и часть сыновей, жила купцами въ городѣ, но очень ловко наваливалъ себѣ души уходившихъ въ промыслы и, пользуясь своимъ долголѣтнимъ пребываніемъ въ должности сельскаго старосты и волостного старшины, взысканнаго начальствомъ, «наскребъ» себѣ всяческими правдами и неправдами чуть не пять душъ, правда едва хватавшихъ для его чрезвычайно многочисленнаго семейства. Ибо этотъ плутъ и взяточникъ отличается, на подобіе столь многихъ хищниковъ, необыкновеннымъ чадолюбіемъ и съ гордостью патріарха не только держитъ подъ своей кровлей десятокъ еще не отдѣлившихся дѣтей, но зачастую даетъ у себя пріютъ своимъ замужнимъ дочерямъ, ихъ мужьямъ, ихъ дѣтямъ, ихъ родственникамъ по мужу и т. д.

— Плюньте, Н. С., въ морду жалобщикамъ-то нашимъ,—за-

кончилъ свои іереміады плутъ-патріархъ.—Такого житья, какъ у нашихъ я—нцевъ прямо во всей имперьи нѣтъ. Небось, скулить-то они скулятъ, а никто не перемѣнитъ своего житья на сосѣдское... Вонъ, посмотрите-ка, какъ п—цы или с—цы живутъ: вотъ эти, точно только что не умираютъ, а бродятъ, какъ мухи отощалыя... А наши горланы, коли и неладно что порою у нихъ бываетъ, на себя должны пенять, да на свою лѣность да озорство, да вотъ что сами по барски стали ходить, въ пинжакахъ и польтахъ, и жены съ дочерьми въ модныхъ платьяхъ да полсапожкахъ по воду ходятъ... Къ п—цамъ, къ п—цамъ бы ихъ, такихъ-сякихъ, на недѣльку подъ науку отдать...

IV.

Упоминаніе деревенскаго хищника о п—цахъ, которыхъ онъ же первый жесточайшимъ образомъ эксплуатируетъ, ссужая ихъ деньгами подъ чудовищные проценты и «выбирая съ нихъ свое» натурой (коноплей, льномъ и т. п.) и отработкой, это упоминаніе вызываетъ въ моей памяти картину одной изъ самыхъ несчастныхъ, окончательно разоренныхъ деревень бывшихъ крѣпостныхъ, которая лежитъ по ту сторону «засѣки», всего верстахъ въ трехъ отъ Я—ной, но которая поражаетъ своимъ контрастомъ съ своей богатой сосѣдкой. Я въ первый разъ послѣ 25-лѣтняго отсутствія увидѣлъ П—ръ въ жаркій лучезарный день, которыхъ было такъ мало этимъ хмурымъ дождливымъ лѣтомъ, и потому былъ скорѣе расположенъ смотрѣть на все сквозь розовыя очки. Но, несмотря на это, меня, уже привыкшаго къ зрѣлищу довольства и сытости, разлитыхъ, кажется, въ самомъ воздухѣ Я—ной, видъ П—ра рѣзнулъ словно ножомъ въ сердце. Это, дѣйствительно, было прежде всего ощущеніе самой подлинной физической боли...

Яркій свѣтъ солнца, который такъ весело игралъ по бѣлымъ тесовымъ крышамъ и отражался въ занавѣшенныхъ и украшенныхъ цвѣтами окнахъ Я—ной, здѣсь неумолимо вскрывалъ взору всю безобразную, всю ужасающую нищету П—ра. Неровный, словно кривые зубы, рядъ накренившихся то въ ту, то въ другую сторону избъ, у многихъ изъ которыхъ вмѣсто крышъ торчали остовы стропилъ,—солома пошла, очевидно, на кормъ скоту; какія-то полуразвалившіяся гнилушки вмѣсто сараевъ; раздерганные плетни; рѣдкія-рѣдкія, низкія-низкія «конопли» и игрушечные, съ карманные часы величиной, диски чахлыхъ «подсолнуховъ» на огородахъ; тряпки чего-то похожаго на мужскія порты и бабьи рубахи, качавшіяся на веревкахъ, протянутыхъ среди иныхъ убогихъ крылецъ; взъерошенныя, «зачичкавшіяся» куры, тощія собаки, худыя кошки; нѣсколько мужиковъ, бабъ, дѣтей, грязныхъ, оборванныхъ, сонливо бродившихъ по улицѣ; а у входа въ это царство

нищеты, направо, запущенный, когда-то великолѣпный барскій садъ, налѣво же единственно крѣпкая и словно нарочно издѣвающаяся своими новыми бѣлыми досками надъ прочими постройками деревни изба мѣстнаго кулака съ надписью на двери бокового амбара: «продажа табаку и продчихъ мѣлочныхъ товаровъ»,—вся эта совокупность вещей и людей подавляла васъ впечатлѣніемъ страшнаго кошмара, отъ котораго, ясно чувствовалось, вы не могли отдѣлаться, ни пробудиться. Ибо не сонъ были вотъ эти полуразвалины человѣческихъ жилищъ, эти убогія, унылыя, двуногія существа въ тряпкахъ, и это великолѣпное, неумолимое солнце, которое съ какою-то жестокою радостью злого божества выставляло на показъ всю грязь, всю нищету, всѣ щели и всѣ изъяны заживо гнившей деревни...

И я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что сытая и красивая идиллія моей Я—ной питалась отчасти и послѣдними, золотушными соками П—ра. Я зналъ, что иная идеальная семейная ячейка я—нцевъ, напоминающая издали героевъ и героинь Морриса, не откажется при случаѣ нанять въ батраки по самой низкой цѣнѣ одного-двухъ изголодавшихся п — нцевъ, или «продать» изтретья часть своихъ роскошныхъ покосовъ совсѣмъ обдѣленнымъ лугами сосѣдямъ. Я зналъ, что три мелочныя лавки и двѣ потайныя винополки патриціанскаго селенія живутъ въ немалой степени спросомъ захудалаго, обнищавшаго, но очень многочисленнаго населенія П—ра, въ которомъ раза въ три больше жителей, чѣмъ въ Я—ной. Я зналъ, что нуждающіеся въ лѣсѣ п—цы не разъ придутъ обивать пороги у своихъ богатыхъ сосѣдей и торговаться изъ-за копѣечки при покупкѣ «шелевки» на сарай или «грядокъ» для телѣги, а въ крайней нуждѣ, темной ночью, съ казеннаго лѣсу проберутся и въ я—нскій боръ. Ибо если я—нцы большіе консерваторы въ аграрномъ вопросѣ и деревомъ не поступятся въ пользу сосѣдней голытьбы, то, наоборотъ, п—цы, несмотря на свою апатію и забитость, и спятъ, и видятъ, и ждутъ не дождутся, когда же придетъ знаменитое равненіе. Получивъ при освобожденіи ничтожный при здѣшнихъ супескахъ и суглинкахъ надѣлъ отъ своихъ господъ и нуждаясь особенно въ выгонѣ и лѣсѣ, они алчутъ и жаждутъ земли, какъ алчетъ воды въ Сахарѣ захваченный самумомъ караванъ, и «священная собственность» не имѣетъ въ ихъ глазахъ никакого престижа.

Вотъ опять-таки воспроизводимый по возможности точно разсказъ одного п ца о своей женитьбѣ,—сюжетъ, повидимому, имѣющій мало отношенія къ аграрнымъ взглядамъ и, однако, заставившій моего собесѣдника распоясаться именно по части сокровенныхъ думъ насчетъ правъ на землю и ея продукты. Герой этого деревенскаго романа—тридцатилѣтній парень, незаконорожденный сынъ солдатки, у которой онъ явился въ отсутствіе мужа, безропотно, впрочемъ, включившаго его въ число собственныхъ дѣтей, и всегда

«жалѣвшаго» его, словно родного. Семья эта одна изъ самыхъ бѣдныхъ въ убогомъ П—рѣ. «Алимка» (Олимпій) служитъ батракомъ у богатаго я—нца, и разговоръ мой съ нимъ происходилъ, когда онъ везъ меня по скучной, изрѣзанной рытвинами дорогѣ изъ города Б., гдѣ онъ купилъ гостинцевъ для своихъ «ребятишекъ».

— Давно вы женаты?—спросилъ я своего возницу, который воспользовался своимъ трехчасовымъ пребываніемъ среди городской цивилизаціи, чтобы изукрасить свои русые кудри самой убійственной «скобкой»,—«за пятакъ въ лучшемъ видѣ обчекрыжили»,—и былъ вообще въ праздничномъ, разговорчивомъ настроеніи.

—Мы-то? Тринадцать годовъ женаты,—лихо потряхивая скобкой, отвѣтилъ вопрошаемый.

— Да сколько-жъ вамъ было лѣтъ тогда?—уже съ изумленіемъ освѣдомился я.

— Намъ-то? А семнадцать лѣтъ...

— Что же, сами такъ рано захотѣли своимъ домомъ зажить?

— Да я и теперь отъ отца не отдѣлёмши... Отецъ съ матерью и поженили. А я самъ и не думалъ...

— Какъ же такъ?—любопытствовалъ я.

— А оченно просто. Семнадцатый годокъ пошелъ, и стали отецъ да мать приставать: женись да женись,—работница своя будетъ. А я въ слезы, убѣгу, бывало, въ лѣсъ, аль за околицей спрячусь, а самъ плачу: ужъ больно не хотѣлось этакой обузы. Сами посудите, мальчонка былъ, хоть и не по годамъ силою: я вѣдь въ Сережку пошелъ...

«Сережка»—незаконный отецъ Алимки, и Алимка говоритъ о немъ просто, почти какъ о постороннемъ человѣкѣ, но все же не безъ нѣкоторой гордости, потому что Сережка, нынѣ пятидесятипяти-лѣтній мужикъ, долго служившій по городамъ въ кучерахъ, славится до сихъ поръ своей силой, расторопностью и умомъ.

— Вотъ разъ спосылаетъ за мной отецъ,—не Сережка, а материнъ мужъ-то, солдатъ,—къ барину, къ С—ву,—я въ тѣ поры на мѣсто поступилъ,—и велитъ сейчасъ же назадъ, домой... Прихожу: отца нѣтъ, мать одна сидитъ и говоритъ: «вотъ что, Алемпій, одѣвай-ка свиту да собирайся въ путь-дорогу. Отецъ сію минутыю будетъ». А отецъ въ тѣ поры домъ строилъ, иструбъ (срубъ) ставилъ. Ну, думаю, знаю, зачѣмъ: лѣсъ воровать... Своего, значить, не хватило. Не впервой... Одѣлъ свиту, подпоясался, за поясъ топоръ заткнулъ... А тятька тутъ какъ тутъ. «Ты куды, говоритъ?» А я смѣюсь: знаю, говорю, куды,—туды же, куды ономедни съ тобою ѣздили... Къ Идолу Стрюцкому, въ рощу, за вершокъ (оврагъ)—вотъ куды... Идоломъ Стрюцкимъ мужики наши тогда прозывали Кашеваровскаго барина, изъ приказныхъ... Больно нажился на службѣ, имѣнье купилъ, насъ дюжо тѣснилъ: потравы да порубки,—сказано Идолъ... Мы у него, одначе, чуть что кому понадобится, изъ лѣсу и вымахнемъ: кто дерево, а кто два, а кто

и цѣлый возъ привезетъ. Все одинъ чортъ—штрафами да высидкой всю деревню измучилъ. Пущай не понапрасну... А роща-то по настоящему не Идолова, а наша была, отъ прежняго барина по слову должна была къ намъ перейти, а баринъ-то и умри, а наслѣдники Идолу спустили... У насъ же на то слово грамотки (документа) не было... Стали было судиться, не тутъ-то было: ему присудили, да еще съ насъ и неустойку... Такъ и стали у него мужики кажидёнъ воровать... И мы тоже...

Алимка, повидимому, не связывалъ съ словомъ «воровать» никакого преступнаго смысла, а обозначалъ имъ краткости и удобствъ ради дѣйствіе, которое обозначаетъ брать у другого то, что принадлежитъ ему по несправедливому закону Идоловъ Стрюцкихъ, а на самомъ-то дѣлѣ должно принадлежать «по слову» тѣмъ, кто нуждается въ немъ.

— Я-то смѣюсь,—продолжаетъ Алимка,—а тятька говоритъ: «нѣтъ, тутъ, братъ, не до смѣху. Не въ лѣсъ мы съ тобою ѣдемъ, а невѣсту смотрѣть»... Я такъ и обмеръ, бухнулъ въ ноги да и взвылъ: тятечка, голубчикъ, не хочу невѣсту, поѣдемъ въ лѣсъ, до темной ночи буду Ирода рубить, и завтра у барина отпрошусь, только не надо невѣсты... Ползаю въ ногахъ, схватилъ этакъ отца за зипунъ, волокусь за нимъ, а самъ все реву: тятечка да тятечка, не надо... А онъ хоть и смирный, но тутъ больно осерчалъ: «ты, что, говоритъ, такой-сякой, выбл...—ругнулъ, значитъ, меня, что я не его, а Сережкинъ,—да какъ ты смѣешь отца твово законнаго не слушать? Аль я не хозяинъ въ дому!..» И снялъ было съ гвоздя вожжи, хорошія, ременныя были, да какъ замахнется, быдто хочетъ ударить по мнѣ, а тутъ мать завыла: «Алимка, слушайся отца, слушайся кормильца, побойся Бога-то, дулепъ лѣсной, поѣзжай невѣсту смотрѣть: не на каторгу тебя посылаютъ»... Вижу я, наступилъ конецъ моей вольной жизни: вытеръ слезы, изъ-за кушака топоръ вынулъ. Ну, говорю, семи бѣдамъ не бывать, одной не миновать: поѣдемъ, тятя невѣсту смотрѣть!.. Такъ и женили меня,— вздохнулъ не столько съ огорченіемъ, сколько для порядку мой возница, съ минуту помолчалъ и повелъ разговоръ о своей теперешней женатой жизни.

Но я слушалъ его теперь, что называется, однимъ ухомъ. Самъ по себѣ интересный, этотъ разсказъ отводилъ насъ въ сторону отъ темы «воровства» или, лучше сказать, отъ аграрнаго вопроса. Между тѣмъ предо мною былъ типичный, малоземельный мужикъ современной деревни, родные котораго вертѣлись на злосчастныхъ двухъ десятинахъ, а самъ онъ ходилъ по людямъ, чтобы хоть коекакъ заштопать дыры дефицита въ своемъ нищенскомъ бюджетѣ. И я снова старался навести его на разговоры о землѣ, этомъ великомъ вопросѣ нашихъ дней.

— А, небось, по нынѣшнему времени не только что у Идола Стрюцкаго, а и у Александра Петровича,—я назвалъ одного изъ

мѣстныхъ симпатичныхъ землевладѣльцевъ, который до сихъ поръ старается жить въ ладу съ мужиками и кое-какъ успѣваетъ пока въ этомъ,—небось, говорю я, нынче и у Александра Петровича воровать поѣдете?

Алимка немного замялся, но достаточно узнавъ меня за два мѣсяца и зная, что я его подъ отвѣтъ не подведу, опять тряхнулъ своей скобкой и страстнымъ, убѣжденнымъ шопотомъ заговорилъ, совсѣмъ обернувшись съ козелъ ко мнѣ:

— А то разѣ не поѣдешь? И пожалѣешь же его, да поѣдешь. Спору нѣтъ, Александръ Петровичъ добрый господинъ, да все-жъ разѣ онъ наше, мужицкое, дѣло по настоящему понимаетъ?.. Онъ вонъ и батракамъ хорошо платитъ, и мужикамъ помогаетъ, то лѣску, то сѣнца кому дастъ, въ голодуху даже кормилъ ближніе дворики. А все у него триста десятинъ на пять ртовъ, а у насъ дай Богъ чтобъ у полдеревни столько было... Его жалко, а себя еще жалчѣй... У насъ до того дошло, что въ постъ коноплянаго масла нѣту: пропихивай сухую кашу въ ротъ, да водицей запивай... Картоха больше не родитъ, равно что конопе́ль: и картошечникъ, что ко́ноплянникъ, изъ году въ годъ всю силу изъ земли вытянетъ, даже удобренье плохо помогаетъ, а у насъ какой навозъ?.. А лѣсу совсѣмъ нѣтъ: сука̀ для чеки не найдешь... И скотину выгнать некуда... Вотъ мы промежъ себя и думаемъ: хорошъ ты, Александръ Петровичъ, а все же живешь, чужой вѣкъ заѣдаешь, нашъ, тоись, мужицкій... А что ты землю купилъ, то на какія же деньги? Небось, отъ папаши получилъ, али за женой взялъ... А у нихъ откуда деньги? Чай, тоже не своимъ горбомъ нажили... Вотъ и выходитъ, что сама мужицкая соха ихнюю землю запахиваетъ, сама мужицкая корова на ихній лугъ норовитъ...

— Ну, а своего брата-мужика, хоть того же бы я—нца, небось, не обидите?—продолжалъ я «пытать» своего собесѣдника.

Алимка замялся на сей разъ очень сильно. Мои связи, мое родство въ Я—ной не располагали его къ откровенности. Однако, онъ опять раскинулъ своими здоровыми, унаслѣдованными отъ «Сережки» мозгами, опять сообразилъ, что я не предоставлю его ни къ земскому, ни къ становому, и, послѣ минутнаго молчанія, рѣшительно произнесъ:

— Это какъ придется. Мужикъ мужику розь. Иные я—нцы, почитай, даже какъ господа живутъ... А что они сами тоже работаютъ, косятъ, аль картошечники охаживаютъ, то отчего и не поработать? Небось, не изболѣли. Посмотри-ка, какіе бугаи; онъ тебя въ работники взялъ,—жилы вымотаетъ: ты полряда косой, а онъ рядъ, идетъ за тобой, напираетъ, того и гляди по ногамъ рѣзанетъ... Онъ хоть тебя и неплохо кормитъ, а все себѣ лучшій кусокъ кладетъ, и силы у него больше: онъ цѣлый годъ жиръ нагуливаетъ, а насъ весной вѣтеръ качаетъ!.. А иные и вовсе господа: только разговоръ, что мужики... Хороши мужики, неча ска-

зать, которые на парахъ да на тройкахъ ѣздятъ, да съ начальствомъ въ карты дуются, да у которыхъ сыновья на двадцатирублевыхъ гармоніяхъ зажариваютъ, а дѣвки за господъ повыходили!.. Опять же, сколько у я—нцевъ земли?.. Дай намъ столько, мы сами пинжаки понадѣнемъ да бабъ по городскому обрядимъ... Треть надѣла смѣло можно у нихъ отхватить,—и то съ шерстью на спинѣ останутся... А у насъ что?.. Вотъ и беремъ у нихъ изтретья, да еще въ ножки кланяемся своему-то брату мужику...

Алимка не рѣшался поставить прямо точки надъ і, но смыслъ его разсужденій былъ ясенъ: для этого человѣка аграрный вопросъ существовалъ, и право на землю трудящагося пересиливало въ его сознаніи всѣ прочія соображенія, о томъ кто баринъ и кто мужикъ. Замѣтьте, что Алимка отнюдь не интеллигенція деревни, а простой и сѣрый, даже неграмотный, хотя и неглупый мужикъ. Пропагандѣ онъ не подвергался и самъ пропагандой не занимается. Ни къ какой партіи онъ не принадлежитъ, кромѣ партіи труда, инстинктивно желающаго соединиться съ оторванными у него привилегированнымъ владѣніемъ средствами производства. Единственной его учительницей является жизнь съ ея фактами, и на нихъ онъ реагируетъ вмѣстѣ со всей сѣрой деревней инстинктивно, но сильно.

Примѣръ этого чисто стихійнаго реагированія мнѣ пришлось видѣть нынѣшнимъ лѣтомъ, хотя видѣть лишь косвеннымъ образомъ и на разстояніи. Дѣйствительно, если само наше я—нское Эльдорадо не знаетъ пока аграрныхъ безпорядковъ, то чрезъ его мирную улицу прослѣдовалъ карательный отрядъ, шедшій на усмиреніе этихъ безпорядковъ, вспыхнувшихъ всего въ какихъ-нибудь 15—20 верстахъ. И сенсацію эта экспедиція произвела на мѣстныхъ обитателей довольно сильную.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда столь капризное нынѣшнимъ лѣтомъ солнце заливало необычнымъ блескомъ всю деревню и окружавшіе лѣса, и далекія поля на горизонтѣ, и сверкавшую подъ горой полосу рѣки, вдругъ раздалось какое-то дикое пѣніе, гиканье и свистъ, и въ Я — ную ввалился шумный отрядъ пѣшихъ и конныхъ стражниковъ, урядниковъ, казаковъ подъ начальствомъ исправника, становото и прочихъ мѣстныхъ властей, часть которыхъ гарцовала на лошадяхъ, а другая руководила экспедиціей съ подушекъ бѣговыхъ дрожекъ и сидѣній тарантасовъ. Сейчасъ же было отдано распоряженіе взять у я—нцевъ восемь подводъ для подвоза уставшихъ пѣшихъ воителей до такой-то деревни, и пока запрягались телѣги ругавшими на чемъ свѣтъ стоитъ начальство мужиками, которые были оторваны отъ праздничнаго гулянья, весь отрядъ, состоявшій человѣкъ изъ пятидесяти, выстроился шеренгами и двинулся по улицѣ, горланя, очевидно «на страхъ врагамъ», какую-то залихватскую пѣсню новой «усмирительской» формаціи. Сиплые, пьяные

голоса какъ нельзя лучше подчеркивали содержаніе этой пѣсни, отзывавшейся не то кордегардіей, не то лакейской, ибо въ ней воспѣвались подвиги какой-то истинно-русской Маруси, возлюбившей начальство паче своихъ сиволапыхъ родичей:

Она распѣваетъ,
Пана утѣшаетъ,
Его обнимаетъ,
Ему угождаетъ...

Дальше пошли такіе куплеты, что матери стали гнать своихъ дочерей-дѣвушекъ съ улицы, и буйная ватага исчезла между соснами засѣки, еще въ самой пѣснѣ обѣщаясь «угодить» и «утѣшить пана». Этимъ паномъ былъ сынъ богатаго землевладѣльца изъ купцовъ, отказавшійся сдать въ аренду крестьянамъ отцовскіе покосы и за то наказанный мужиками путемъ безпрестанныхъ потравъ, которыя коснулись и его еще наполовину зеленыхъ «овсовъ»... Окончаніе экзекуціи такъ и осталось мнѣ, впрочемъ, неизвѣстнымъ, потому что начальство, въ противность своему обычному пріему пугать землевладѣльцевъ страшными слухами,—вѣроятно съ цѣлью возбудить черносотенныя чувства въ тѣхъ изъ нихъ, кого подозрѣваетъ въ либерализмѣ,—упорно молчало о результатахъ усмиренія. И лишь черезъ десятыя руки дошли къ намъ въ деревню извѣстія, что «пороть здорово пороли, ну а убитыхъ не было...»

За то весь нашъ околотокъ, — конечно, не столько богатая Я—ная, сколько всѣ окружающія изголодавшіяся деревни, — съ восторгомъ разсказывалъ о «ловкомъ фортелѣ», который удалось продѣлать сосѣднимъ, орловскимъ, мужикамъ съ крупной помѣщицей Б—скаго уѣзда. Передаю по возможности точно разсказъ объ этомъ со словъ родственника одного изъ принимавшихъ участіе въ «фортелѣ».

— Слышали, можетъ, про Катерину Борисовну, Юрасиху, Юрасова, Андрея Иванычу, вдову? Богатѣйшая барыня и добрая, да на чердачкѣ-то у ней не всѣ: сама не знаетъ, что черезъ минуту сдѣлаетъ, не токмо что скажетъ... А земли у ней десятинъ четыреста, и не то что у насъ, все черноземъ: пашаница больше; окромя ее, почитай, никто въ томъ уѣздѣ столько пашаницы не сѣетъ; овесъ тоже, рожь; и луга первѣющій сортъ... И завсегда она мужикамъ покосовъ и подъ озими предостаточно земли продавала... Только вдругъ съ прошлой осени и заколобродь: пришли, какъ всегда, мужики подъ озимый хлѣбъ землю снимать, — «нѣтъ у меня для васъ земли, сама буду управляться». Ахъ ты, неладная! Потолковали, потолковали ребята и ушли съ носомъ,—потому видятъ, нѣтъ съ барыней сладу... Весною то же самое: и подъ ярь, молъ, нѣтъ у меня про васъ земли. — Господи, что-жъ тутъ дѣлать? Намъ безъ съемки невозможно—такъ и говорятъ прямо ей. «А мнѣ какое дѣло? Сама засѣю»,—одинъ отвѣтъ... Что-жъ бы вы думали? И тѣмъ не пронялась: въ покосахъ мужикамъ тоже отказъ...

— Ну, тутъ ужъ не выдержали мужички, — оживленно заговорилъ послѣ драматической паузы мой собесѣдникъ. — А, да-къ ты такъ-то, милая? Погоди-жъ!.. И задумали они одно дѣльцо. Всѣ бывшіе крѣпостные Юрасихи,—ихъ всего восемь деревень въ околоткѣ было, хоть мелкія, а все жъ народу въ нихъ пропасть,— собрались, значитъ, промежъ себя на потайной сходъ да и порѣшили къ барынѣ въ скоромъ времени въ гости понавѣдаться... Перво на перво, на третій день Петрова дня, шасть всѣ, и пѣшіе, и на возахъ, съ бабами, съ ребятами, на барынины луга. А она все погоды дожидалась: не косила... Закипѣла тутъ работа у нихъ: кто коситъ, кто ворошитъ, а кто на возъ кладетъ. Въ три дня сѣнцо убрали, — съ Господомъ, значитъ, до дожжичка: нехай, милое на сѣновалѣ мужицкомъ подсохнетъ. А тамъ черезъ недѣльку,— такъ послѣ Казанской,—айда къ барынѣ по рожь да по пашаницу: такъ-то способнѣе будетъ!.. И опять кипитъ работа: черезъ мало дёнъ ужъ и пашаницу, и рожь мужички юрасихинскую по дворамъ разобрали... А барыня въ то время отлучалась... Пріѣхала, взохалась... А мужички радошные ходятъ,—съ заручкой-то, съ хлѣбушкомъ по амбарамъ да по ригамъ,—и снова сходъ: тоже вѣдь христіане, не звѣри какіе,—надо и барынѣ свою препорцію предоставить. Кто разбиралъ-то барынино сѣно да хлѣбъ, всѣ порѣшили съ каждаго двора по возу сѣна да по возу пашаницы Юрасихѣ свезть: на-те, молъ, сударыня, и про васъ не забыли!.. А барыня-то, какъ увидала это дѣло, въ слезы: «этого, говоритъ, господа мужики, мнѣ оченно даже мало будетъ». А тѣ ей: «а ежели, молъ, сударыня, этого вамъ мало будетъ, дозвольте и остальное по домамъ развесть... А мы, было, отъ чистаго сердца». Ну, тутъ барыня видитъ, что нечего дѣлать, сразу быдто повеселѣла, вытерла слезы платкомъ и давай благодарить, даже водки поднести приказала: «и на томъ, молъ, господа мужики, спасибо...» А черезъ минутыю совсѣмъ насмѣлѣла и говоритъ: «а какъ же, господа мужички, мнѣ теперь быть? Вотъ вы, пошли вамъ Богъ здоровьица, съ моимъ сѣнцомъ да пашаничкой хорошо расправились, а поля-то у меня останутся не засѣяны?..» Подумали мужики,—и впрямь такъ: это барыня дѣло говоритъ.—Такъ дозвольте намъ, сударыня, сѣмянъ: мы вамъ въ одинъ минтъ (мигъ) все обдѣлаемъ, и съ васъ ничего не спросимъ, потому вы по божески съ нами дѣло ведете... И что жъ бы вы думали? Все въ лучшемъ видѣ прибрали: кто пришелъ, кто пріѣхалъ, опять всѣ, и съ бабами, и съ ребятишками, и вспахали, и взборонили, и засѣяли... Да, ловко таки барыня своимъ добромъ распорядилась: и ей всетаки по два воза со двора досталось, а у мужиковъ-то нонѣшній годъ послѣдній побирашка до лѣта съ хлѣбомъ останется, это и урожая не надо... Только какъ это она въ будущемъ-то году распорядится?—заключилъ, не то серьезно, не то тонко-иронически свой разсказъ Гомеръ этой своеобразной Иліады...

— Ну, а что жъ, усмирять не усмиряли?—спросилъ я.

— Да чего усмирять-то? Дѣло полюбовное было, съ согласія... Барыня сама боялась, какъ бы кто про эту оказію не разболталъ, да какъ бы до начальства не дошло. «Учнутъ усмирять мужиковъ, испорютъ, измордуютъ, а что выйдетъ изъ этого, окромя грѣха? Начальство со двора, а я тутъ остаюсь круглый годъ? Купитъ измордованый-то на копѣечку керосину да на грошикъ спичекъ, да и пуститъ тебѣ такого-то краснаго пѣтуха съ косицей подъ застрѣхъ, что и все прахомъ пойдетъ и сама не выскочишь!..» Это вѣрно барыня разсудила,—заключилъ свое повѣствованіе мой собесѣдникъ. — Съ керосиномъ мужику и браунинга не надо... Она добрая барыня-то, а что взбалмошная, такъ ее мужички уму-разуму научили...

V.

Отъ матеріальной стороны деревни перехожу къ моральной, хотя и въ предыдущемъ мнѣ часто приходилось, какъ, конечно, уже замѣтилъ и самъ читатель, сбиваться на «мораль» современнаго мужика. Въ идейномъ и въ частности политическомъ отношеніи русская деревня, которую я не видалъ четверть вѣка, произвела на меня сильное и въ общемъ благопріятное впечатлѣніе. И я думаю, что всякій живой человѣкъ, для котораго дорого счастіе великаго народа, который страстно желаетъ быстраго политическаго и соціальнаго прогресса Россіи, можетъ только радоваться тому, что онъ замѣчаетъ въ деревнѣ нашихъ дней.

Скажу прежде всего, что я почти не узналъ знакомую мнѣ деревню начала 80-хъ годовъ. На разстояніи двадцатипяти лѣтъ измѣненія, происшедшія въ ней, обрисовываются ярче и рельефнѣе. И я думаю, что въ этомъ отношеніи я нахожусь въ хорошихъ для наблюдателя условіяхъ, чтобы замѣтить то, что ускользнетъ отъ взгляда даже гораздо болѣе проницательнаго человѣка, но все время жившаго въ деревнѣ. Я, конечно, могу проглядѣть очень много деталей, которыя, наоборотъ, будутъ подмѣчены постояннымъ деревенскимъ наблюдателемъ. Но за то перемѣны въ общемъ характерѣ деревни будутъ скорѣе восприняты мною. Такъ человѣкъ, покинувшій знакомаго ребенка въ колыбели, будетъ больше, чѣмъ оставшіеся, пораженъ видомъ здороваго, крѣпкаго юноши, въ котораго превратилось дитя за время его отсутствія.

А именно такимъ въ общемъ здоровымъ и крѣпкимъ юношею, хотя и живущимъ при крайне тяжелыхъ условіяхъ, мнѣ и представляется деревенскій людъ современной Россіи. Прежде всего онъ поражаетъ сравнительно сильнымъ умственнымъ броженіемъ, которое замѣчается въ его средѣ и которое позволяетъ думать, что въ его сознаніи растутъ и зрѣютъ могучія мысли и широкіе

планы. Въ этомъ отношеніи русская деревня рѣшительно выигрываетъ по сравненію съ знакомой мнѣ, напр., французской деревней. Тамъ чувствуется, что буржуазная культура, и при томъ въ ея мѣщанской, скаредной формѣ, калѣчащей размахъ личности, глубоко пустила свои противообщественные корни въ душу населенія. О какомъ нибудь переворотѣ въ умахъ, не говоря уже о революціонномъ чувствѣ, тамъ, вѣроятно, не можетъ быть и рѣчи еще въ теченіе долгихъ лѣтъ, — разумѣется, если ростъ соціалистической мысли будетъ идти по прежнему медленно и спорадически въ средѣ этихъ мелкихъ частныхъ собственниковъ. Дровосѣки центра, виноделы нѣкоторыхъ мѣстностей юга, огородники кой-какихъ сельскихъ кантоновъ подъ Парижемъ представляютъ въ этомъ смыслѣ лишь исключеніе, подтверждающее общее правило. У средняго же, типичнаго крестьянина Франціи основныя идеи мало измѣнились за послѣднюю четверть вѣка, да пожалуй и цѣлое полстолѣтіе. Вы чувствуете, что фактамъ жизни придется еще долго бить своимъ желѣзнымъ молотомъ въ толстокостный черепъ этого человѣка, чтобы онъ отказался отъ своихъ мѣщанскихъ, мелко-буржуазныхъ взглядовъ и открылъ свой умъ вліянію великаго евангелія труда.

Русскій же мужикъ, на котораго столь долго и западно-европейцы да и многіе изъ насъ, русскихъ «интеллигентовъ», смотрѣли сверху внизъ, какъ на варвара, который еще долго-долго будетъ стоять, въ родѣ окаменѣвшей жены Лота, на почвѣ своихъ традиціонныхъ воззрѣній и историческихъ предразсудковъ, теперь производитъ, наоборотъ, впечатлѣніе человѣка, переживающаго глубокій внутренній кризисъ и испытывающаго коренную ломку того, что охранители называютъ «завѣтами». Онъ словно оттаялъ. Въ его душѣ происходитъ словно гигантскій ледоходъ. И какъ въ заправскомъ ледоходѣ высоко поднимающіяся волны несутъ мимо васъ и только что подхваченныя напоромъ воды свѣжія щепки, и прошлогодній кустарникъ, и глыбу оттаявшаго берега, принадлежащую, можетъ быть, къ очень старому геологическому слою, такъ въ этомъ идейномъ ледоходѣ современнаго жителя деревни текутъ и сталкиваются между собой чувства и представленія эпохъ, раздѣленныхъ десятками и даже сотнями лѣтъ. Но эта текучесть, эта неустойчивость есть прежде всего признакъ глубокаго процесса, который потрясаетъ душу современнаго русскаго крестьянина и который кончится лишь тогда, когда великія историческія задачи молодой Россіи будутъ осуществлены... Во всякомъ случаѣ, людямъ, пытающимся снова заморозить Россію (чуть ли даже это самое слово не было буквально произнесено нашимъ калужскимъ де-Местромъ, Константиномъ Леонтьевымъ), вернуть народъ къ идеямъ и вкусамъ добраго стараго времени съ его обожаніемъ хотя бы того же леонтьевскаго «свирѣпаго государства», этимъ людямъ нечего надѣяться на успѣшность такой операціи. Уже не говоря о городѣ, на пути къ такимъ реакціоннымъ, «назадняцкимъ» за-

мыслямъ станетъ наше пробудившееся къ жизни и борьбѣ крестьянство...

Буду, впрочемъ, разсказывать, что видѣлъ въ деревнѣ, не столько мудрствуя лукаво, сколько вызывая въ памяти по свѣжему слѣду только что воспринятыя нынѣшнимъ лѣтомъ впечатлѣнія. Начну опять съ Я—ной. Если, какъ раньше было сказано, въ Я—ной не существуетъ собственно аграрнаго вопроса, то вопросъ политическій существуетъ въ болѣе или менѣе острой формѣ, проявляясь даже въ тѣхъ внѣшнихъ выраженіяхъ идейной моды, которыя характеризуютъ всякое общественное живое теченіе съ его увлеченіями, но и съ его энтузіазмомъ. Я былъ не мало, напр., удивленъ, когда гармоника подгулявшихъ парней выводила вмѣсто столь популярнаго нѣкогда плясового «Спири»:

Ай, Спиря-Спиридонъ,
Спиря въ городѣ живалъ,
Спиря рѣдечку пивалъ,
Пивалъ рѣдечку
Помаленечку,—

выводила, говорю я,—правда, не совсѣмъ вѣрно и складно, за то здорово,—аккорды столь опошленной на своей родинѣ, но на нашемъ далекомъ Востокѣ еще столь любимой «Марсельезы». А раздирательный романсъ:

На серебряныхъ волнахъ, на златомъ песочкѣ,
Гдѣ я съ милою гулялъ, хоронилъ слѣдочки

уступилъ мѣсто строфамъ «Варшавянки». Эта «Варшавянка» стала даже настоящимъ кошмаромъ, голосовымъ гипнозомъ деревни. Смотришь, то самое начальство, которое только что пригрозило розгами и тюрьмой ребятишкамъ за распѣванье «революціи», идетъ по тропинкѣ и мурлыкаетъ:

Вихри враждебные вѣ-ѣ-ютъ надъ нами,
Темныя си-и-лы насъ злобно гнетутъ,—

напоминая такимъ образомъ слесарку Пошлепкину, которая сама себя высѣкла. И «темная сила» съ сердцемъ уходитъ во свояси, посылая «ко всѣмъ чертямъ эту дрянь, что сама тебѣ въ глотку лѣзетъ...»

Но это скорѣе верхняя, легко вскипающая пѣна моды, хотя бы и идейной моды. А есть вещи посерьезнѣй, которыя показываютъ, что кипѣнье вызывается болѣе глубокимъ, внутреннимъ огнемъ; и что новые кругозоры наконецъ-то раскрываются передъ крестьянствомъ и сильно волнуютъ его душу. Замѣтьте, что мои наблюденія относятся къ этому лѣту, т. е. когда населеніе уже испытало почти двухлѣтнія ожесточенныя репрессіи и «вобралось» въ себя. Но и то, заговорите по-человѣчески съ любымъ деревенскимъ жителемъ, особенно если онъ знаетъ, что вы не кляуз-

никъ и не доносчикъ, какихъ много развелось теперь снова повсюду, и сквозь приподнятыя для васъ шлюзы крестьянской души на васъ хлынутъ волны страстныхъ вопросовъ, недоумѣній, но и чаяній, но и горячихъ надеждъ.

Прежде всего вы констатируете, что, несмотря на удивительную неаккуратность почты въ здѣшнихъ мѣстахъ,—она приходитъ два раза въ недѣлю въ ближнее волостное правленіе, откуда ее приходится разбирать самимъ адресатамъ съ «оказіей», для иного жителя верстъ за 10—15, если только вы не получаете своей корреспонденціи чрезъ знакомыхъ представителей мѣстной администраціи,—несмотря, говорю, на эту трудность общенія съ внѣшнимъ міромъ, деревня стала читать, деревня въ извѣстной степени пріучилась интересоваться политическими, особенно же касающимися ея близко новостями изъ столичныхъ «сферъ», которыя награждаютъ ее поистинѣ удивительными циркулярами. Мало того, молодое, почти все грамотное поколѣніе крестьянъ больше тянется къ газетѣ и книгѣ, чѣмъ окрестное отмирающее дворянство и отцвѣтающая, не успѣвъ расцвѣсть, купеческая и мѣщанская буржуазія, осѣвшая въ здѣшнихъ медвѣжьихъ углахъ. Иной разъ эта любовь современнаго мужика къ чтенію приводитъ васъ даже въ досадливое настроеніе, когда вы, напр., узнаете, что нѣсколько номеровъ адресованной вамъ газеты были зачитаны тѣми самыми крестьянами, которые «по знакомству» обѣщались вамъ доставить «почту». Оказывается, импровизированный почтальонъ заѣхалъ на постоялый дворъ, а тамъ вѣчно найдется подростокъ «у-у-у, какой шустрый и письмённый», который полюбопытствуетъ, «что нонче пишутъ», и сейчасъ же вокругъ него образуется аудиторія изъ солидныхъ мужиковъ и бабъ. И смотришь, вашъ доставитель «двухъ номерочковъ не довезъ: запропастились, вотъ поди-жъ ты какой грѣхъ». Между тѣмъ мѣстные представители нашей статридцатитысячной арміи высокородныхъ «носителей культуры» и заплывшаго саломъ купечества проводятъ свое время больше въ безконечныхъ «винтахъ» и дикихъ попойкахъ по лѣснымъ «конторамъ», чѣмъ въ какомъ бы то ни было чтеніи... Объ этомъ, впрочемъ, ниже...

Какъ бы то ни было, въ Я—ной, гдѣ школа существуетъ уже болѣе тридцати лѣтъ, выработалось поколѣніе страстныхъ чтецовъ и, любопытная вещь, чаще между женщинами и особенно молодыми дѣвушками. Я здѣсь видѣлъ «по обличью» совершенно сѣрую, обыкновенную крестьянку изъ большого семейства средняго достатка, которая прочитала сотни двѣ книгъ, имѣвшихся у моихъ родныхъ, и теперь съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія свѣжихъ экземпляровъ «Популярной библіотеки» «Биржевыхъ Вѣдомостей», одинаково внимательно и сознательно относясь къ чтенію и исторической монографіи о декабристахъ, и этюда Зомбарта объ американскомъ соціализмѣ, и «Гигіены одежды». Точно также я былъ

неоднократно пораженъ выразительностью и положительно мастерствомъ, съ какимъ читались дѣвочками-подростками дѣтскія сказки притаившей дыханіе юной аудиторіи шаловливыхъ ребятишекъ. Книга начинаетъ даже врываться въ будничный день я—нскихъ матерей семейства. Недавно умерла хозяйка одного изъ здѣшнихъ постоялыхъ дворовъ, у которой въ фартукѣ былъ продѣланъ особый большой карманъ для «англійскихъ романовъ». И всякую свободную минуту, какую только она улучала въ промежуткѣ между соленьемъ огурцовъ или вареньемъ гигантскихъ горшковъ щей для проѣзжающихъ, она употребляла на чтеніе Уильки Коллинза и Уйды. Въ послѣдніе два года чтеніе стало принимать болѣе политическій характеръ, и молодежь, на сей разъ не только уже женская, но и мужская, и, пожалуй, даже больше послѣдняя, хлебнула изъ чаши «освободительной», конечно прежде всего брошюрной литературы. Но реакціонное, что ни на есть «зубряное» настроеніе здѣшнихъ великихъ и малыхъ властей и добровольное шпіонство мѣстныхъ землевладѣльцевъ, купечества, духовенства (не говорю, конечно, объ отрадныхъ исключеніяхъ) заставляютъ здѣшнихъ политиковъ передавать «запрещенную»—въ сущности, не преслѣдуемую въ большихъ центрахъ—литературу лишь изъ-подъ полы и для разговоровъ забираться куда-нибудь подальше въ лѣсъ. Только подростки да дѣтишки, а взрослые парни лишь навеселѣ или ночью, продолжаютъ по прежнему оглашать улицу и поле звуками пѣсенъ «дней свободы».

За то вся деревня насторожилась и чутко прислушивается къ тому, что дѣлается наверху и вокругъ нея. Любопытно, что среднее, зажиточное крестьянство, которое, казалось бы, могло быть заинтересовано въ попеченіяхъ начальства по части фабрикаціи частныхъ собственниковъ, ибо само, какъ мы видѣли, обладаетъ достаточнымъ надѣломъ и при томъ изрядно консервативно настроено ко всякимъ перемѣнамъ въ аграрной области,—любопытно, говорю, что эта вліятельная часть мужиковъ несомнѣнно фрондируетъ противъ теперешняго правительства, хотя фрондируетъ степенно и больше дѣйствіями, чѣмъ рѣчами и жестами.

Я знаю, напр., что одинъ изъ состоятельныхъ я—нцевъ, мой родственникъ, который давно жалѣлъ, что не можетъ, оставаясь членомъ общины, формально отдать по завѣщанію въ личное пользованіе свой надѣлъ семьянамъ, теперь, наоборотъ, несмотря на пресловутые законы 9-го и 19-го ноября, ни за что не хочетъ выдѣлиться изъ общества.

— «Какіе это законы? Это не надолго, это на живую руку, объ этомъ насъ, мужиковъ, не спрашивали, а дума, вишь, не хочетъ: нонче тебѣ министръ законовъ понапишетъ, а завтра ихъ на смарку... Проси-ка объ выдѣлѣ да пиши завѣщаніе, — а тамъ, глядь, помрешь, да опчество у твоихъ у родичей землю отберетъ и пуститъ ее снова въ кругъ... Теперешніе

министерскіе законы только для господъ хороши... Видѣли, можетъ, у —ныхъ (мой собесѣдникъ назвалъ фамилію мѣстныхъ раззорившихся дворянъ) за винтомъ члена землеустроительной коммиссіи? Ничего, обдѣлалъ дѣльце младшему —нскому барину... Посмотрѣлъ имѣнье,—большое да раззорено,—но это не бѣда: далъ оцѣнку въ два раза выше настоящей, стали по планту участки отмѣрять, вродѣ какъ бы мужичковъ безземельныхъ устраивать... А покупателевъ-то мужичковъ взаправду нѣтъ какъ нѣтъ. Только имъ, члену да барину, на это начхать: банкъ крестьянскій покупаетъ да и баста!.. Получилъ господинъ денегъ прорву, болѣ половины по закладнымъ пришлось уплатить, — заложено да перезаложено имѣньице-то было,—а остальное въ карманъ... Вотъ этакимъ манеромъ господа, что наверху, и подпираютъ господъ, что пониже. А то бы давно по міру пошли... Ну, а нашему брату, мужику, отъ ихнихъ законовъ толку мало: изъ нихъ не токма что полушубка не сошьешь,—голицъ (рукавицъ) и то не выкроишь...»

Что касается до молодежи, то она необыкновенно нервно настроена по отношенію къ начальству и привилегированнымъ классамъ и сообщаетъ это свое настроеніе и степеннымъ людямъ деревни. Наша, до сихъ поръ чисто «словесная» конституція и манифестъ съ такими же «словесными» свободами были большимъ сюрпризомъ для деревни и произвели сильное дѣйствіе, такое сильное, что начинаешь понимать, какъ въ иные историческіе моменты даже голое «слово» становится могучимъ «дѣломъ». Вѣяніе новаго духа подсказываетъ по этому поводу молодымъ людямъ мысли порою, столь тонкія и вѣрныя, что не слышь я самъ ихъ обосновки изъ устъ здѣшнихъ крестьянъ, я подумалъ бы, что онѣ имъ кѣмъ-то внушены и ими просто на просто заучены, какъ заучивали они прежде безсмысленныя частушки: «ай-да Тула повернула» и т. п.

— «У насъ мужики промежъ себя теперь такъ говорятъ,—объяснялъ мнѣ настроеніе своего края молодой лавочникъ, торговавшій «жмыхами, удобреніями и горными маслами»,—пущай, что свобода дадена намъ на словахъ, намъ и слово дорого, ужъ ты его отъ насъ не выцарапаешь, мы за него горло прорвемъ, коли кто его отбирать будетъ... Чуть что, а мы сейчасъ: «манифестъ читалъ? Что тамъ сказано? Свобода, аль нѣтъ?..»—Великая вещь для нихъ—это слово,—добавилъ уже отъ себя лавочникъ,—и вѣрятъ же они въ него»!..

Я невольно подумалъ, какое, дѣйствительно, магическое значеніе приписываютъ человѣческому «слову» вообще всѣ свѣжія, въ извѣстномъ смыслѣ первобытныя и некультурныя племена, воистинну полагающія, что «въ началѣ бѣ слово». Наше правительство совершенно резонно поэтому съ своей стороны боится употреблять въ своихъ актахъ такія слова какъ «конституція», «ограниченная монархія» и играетъ на двоякомъ смыслѣ «самодержавія»... Какъ

бы то ни было, изъ словесной «свободы» народъ уже хочетъ дѣлать практическіе выводы и подозрительно всматривается во всякаго, кто, по его мнѣнію, хочетъ «отбирать» становящіяся ему дорогими «слова». Подъ вліяніемъ этого-ли настроенія, или совокупности гнетущихъ его политическихъ и соціальныхъ условій, но крестьянство болѣе, чѣмъ когда-либо, начинаетъ смотрѣть на властей и привилегированныя сословія и, вообще, на людей, кажущихся ему богатыми тунеядцами, какъ на своихъ враговъ.

Нѣкоторые его поступки, очевидно, внушены ему даже этимъ обострившимся постояннымъ раздраженіемъ противъ представителей различнаго рода гнета. Теперь, напр., когда мужикъ издали видитъ васъ ѣдущимъ въ коляскѣ и на парѣ или тройкѣ лошадей, онъ никогда почти не своротитъ съ проѣзженной колеи, хотя бы былъ налегкѣ или совсѣмъ безъ поклажи и хотя бы вашъ фаэтонъ грозилъ свалиться съ косогора: «баринъ, значитъ, шатается безъ дѣла»—такая приблизительно мысль свѣтится въ его мрачномъ, почти злобномъ взглядѣ, который онъ бросаетъ на тройку и который смягчается у него, давая мѣсто обычной милой, почти дѣтской улыбкѣ, лишь когда онъ въ васъ узнаетъ «хошь барина, да свово человѣка» и начинаетъ стыдливо извиняться, торопливо уступая вамъ дорогу. Этимъ онъ мститъ за знаменитые циркуляры, которыми земскіе начальники Калужской и Орловской губерній не такъ давно предписывали подъ страхомъ строжайшаго наказанія мужику «свертывать съ дороги, хоть бы и съ возомъ, при встрѣчѣ съ начальствомъ, снимать немедленно шапку, и провожать почтительно господина земскаго начальника глазами».

А сами эти земскіе начальники! Уже одна смѣна типовъ этой «сильной и близкой къ народу власти» и разница въ отношеніяхъ къ нимъ крестьянства за послѣдніе годы достаточно свидѣтельствуютъ о цѣломъ переворотѣ во взглядахъ мужика на начальство. И даже «карательная» эпопея съ ея безконечными порками, разстрѣлами, насилованіемъ женщинъ и т. п. пріемами «успокоенія» не успѣла совершенно остановить этой повсемѣстной эволюціи. Въ моемъ районѣ смѣнилось, напр., цѣлыхъ три категоріи земскихъ начальниковъ, каждая изъ которыхъ олицетворяла, на подобіе смѣнявшихся въ городѣ Глуповѣ градоначальниковъ, различныя направленія «политики».

Въ первые годы существованія пресловутаго института царилъ— рисую эту фигуру, конечно, какъ типъ, соединяя въ одно различныя разсѣянныя въ живыхъ личностяхъ черты — столбовой дворянинъ, отставной ротмистръ,

Съ бѣшенымъ нравомъ, съ тяжелой рукой,

въ отношеніяхъ къ крестьянству, походя поровшій нещадно сѣрыхъ мужиковъ, бившій смертнымъ боемъ свою прислугу, въ «минуту жизни трудную», когда онъ проигрывалъ въ карты ближнему сосѣду, та-

кому же какъ онъ столбовому дворянину, свою тройку, хомуты, шлеи, собакъ и хлѣбъ на корню и когда его кучерамъ и его кухаркамъ приходилось «отлеживаться» на чердакѣ и «отсиживаться« въ закутахъ цѣлыми часами отъ кулаковъ и нагайки лишь постепенно смягчавшаго свой гнѣвъ на милость господина, и, несмотря на это добрый малый, душа-человѣкъ, и, какъ это ни странно, очень деликатный въ сношеніяхъ съ тѣми, кого онъ считалъ своею ровнею «по благородству чувствъ», будь-ли это свой братъ дворянинъ, или поповичъ-студентъ, или вышедшій въ люди «образованный» самоучка мужикъ,—словомъ, россійскій феодалъ съ сословными понятіями о чести, смягчаемыми уваженіемъ передъ «воспитанностью» и «культурностью».

Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ пробуждалось въ мужикѣ примитивное чувство человѣческаго достоинства и росъ протестъ противъ безобразій «сильной власти» первой формаціи,—протестъ, выражавшійся въ томъ, что не одному изъ такихъ бравыхъ ротмистровъ крестьяне темной ночью голову проломили или усадьбу спалили,—«земскій»-феодалъ сталъ замѣняться «земскимъ»-чиновникомъ со всѣми характерными чертами нашего бюрократа средней руки. Это былъ по большей части личный дворянинъ, но имѣвшій чинъ и образовательный цензъ, стегавшій и душившій штрафами крестьянъ не какъ попало, а по закону, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, изучившій «положеніе» во всѣхъ его извилинахъ и тонкостяхъ и донимавшій деревню безпрестаннымъ вмѣшательствомъ въ ея жизнь; вѣчный кляузникъ, хроническій доносчикъ на мѣстные интеллигентные элементы, котораго мужики терпѣли нѣкоторое время какъ досадное, неизбѣжное зло въ родѣ «жучка» или овода, но противъ котораго они стали протестовать и явными все учащавшимися «безпорядками», и потайнымъ приготовленіемъ разныхъ «пакостей»: то коробамъ рога пообломаютъ, то крыльцо подпилятъ, то собакъ поотравятъ, и т. д.

Послѣ обширнаго шквала аграрныхъ безпорядковъ 1905—1906 г., катящихъ до сихъ поръ свои волны то тамъ, то сямъ, и перваго фазиса русской революціи, наградившей Россію хотя и словесной, но все же «конституціей», появился земскій начальникъ новѣйшей формаціи, очень смѣшаннаго, различнаго смотря по мѣсту и обстоятельствамъ характера,—не столько общій типъ, сколько пестрая группа лицъ, у которой общимъ является лишь отпечатокъ сознаваемой ими самими «временности» ихъ положенія: «а завтра гдѣ ты, человѣкъ»? Старая, оффиціальная, черносотенная Россія, какъ говорится, по амбарамъ помела, по сусѣкамъ поскребла, чтобъ только набрать администраторовъ, готовыхъ управлять теперь озлобленной, нервно настроенной деревней. И получилась съ бору по сосенкѣ надерганная коллекція представителей мнимо сильной и мнимо близкой власти, въ которую вошли и послѣдыши-феодалы, и чиновники-кляузники, и чиновники, став-

шіе со страху звѣрями, и—новое явленіе! — уставшіе отъ борьбы за существованіе интеллигенты среднихъ способностей, среднихъ убѣжденій и средней удачи въ жизни, промѣнявшіе свои прежнія «либеральныя профессіи» на должности земскихъ начальниковъ только потому, что надо же чѣмъ-нибудь кормиться по теперешнимъ тяжелымъ, «кризиснымъ» временамъ. Всѣхъ этихъ людей, несмотря на разницу въ происхожденіи и темпераментѣ, скребетъ одна мысль: сознаніе ихъ собственной никчемности, ненужности и непрочности. Они чувствуютъ, что вотъ-вотъ да ихъ и сдастъ въ чуланъ съ разной исторической рухлядью молодая, пробудившаяся Россія. И соотвѣтственно съ этимъ вѣчно грызущимъ ихъ ощущеніемъ они и поступаютъ: лишь бы питаться, лишь бы деньги получать, да чтобы исторій поменьше въ деревнѣ — вотъ все что имъ нужно, нужно на годъ, на два, а тамъ что будетъ...

И, за исключеніемъ моментовъ «исторій», когда хочешь не хочешь, а надо въ сотрудничествѣ съ исправникомъ и казаками вперять крестьянамъ уваженіе къ порядку и собственности приличествующими важности задачи энергичными (сѣкущими и стрѣляющими) мѣрами, земскіе начальники послѣдней генераціи стараются по возможности сидѣть смирно и не задирать «обнаглѣвшихъ» мужиковъ. И вяло, безъ убѣжденія, словно съ просонья, поднимется иногда нагайка феодала-послѣдыша. Вяло скрипитъ кляузническое перо,—

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ

карательныхъ экспедицій. А земскій изъ интеллигентовъ среднихъ убѣжденій и среднихъ способностей сидитъ и даже не безъ удовольствія почитываетъ умѣренно-либеральную газету, гдѣ его товарищей раздѣлываютъ во имя основъ нашей конституціи, оставляя за самимъ собою лишь право отъ времени до времени досадить ни въ грошъ его ставящимъ мужикамъ или даже при случаѣ защитить ихъ отъ притѣсненій пикирующагося съ нимъ становаго... Современная же деревня старается спуску не давать своему начальству и въ лицѣ своихъ «горлопановъ» нарочно затѣваетъ цѣлую исторію по поводу какого-нибудь гуся тетки Дарьи, пощипаннаго собакой земскаго, передъ окнами котораго полчаса кричатъ грубые голоса мужиковъ и звонкіе бабъ:

— Хоша она и земскаго, ей неча нашу птицу калѣчить... Вотъ какъ лупанетъ Дарьинъ племянникъ изъ ружья по прокаженной, такъ и узнаетъ, каково за мужицкими гусями охоту устраивать... Пущай, пущай услышитъ: мы не боимся... Мы по закону: что его гусь, что нашъ... А то на нихъ и суда нѣтъ... Это не прежнее время... Вонъ намедни старосту въ холодную посадилъ за то, что песъ-то его, старостинъ, тройку проѣзжую напугалъ да лошадь ногу сломала, а барыня изъ возка упала, а у самого, небось, собака и на скотину, и на людей мечется...

VI.

Но не въ однихъ отношеніяхъ къ «сильной и близкой власти» сказывается перемѣна въ настроеніи современной деревни. Пробудившаяся мысль дерзновенно стучитъ въ старые устои, въ старыхъ идоловъ и, замѣчая, что они пустые, готова вотъ-вотъ навсегда опрокинуть ихъ. Возьмите семейныя отношенія: меня удивляетъ, какъ до сихъ поръ наблюдатели нашей деревни еще не обратили достаточнаго вниманія на своеобразную «базаровщину» и своеобразный «нигилизмъ», который замѣчается среди молодого крестьянства и который, несмотря на нѣкоторыя свои преувеличенія и неизбѣжныя рѣзкости, представляетъ собою несомнѣнно прогрессивное явленіе, выражаясь прежде всего въ столь знакомой русскимъ интеллигентамъ борьбѣ «отцовъ» съ «дѣтьми», а рядомъ съ этимъ въ требованіи женщиною равноправія. Я говорю не о грубостяхъ подгулявшихъ парней и не о сомнительныхъ похожденіяхъ иныхъ крестьянскихъ дѣвицъ, сбитыхъ съ толку сельскими ловеласами. Это было всегда. Нѣтъ, я имѣю въ виду то дѣйствительно яркое и сильное чувство оскорбленнаго человѣческаго достоинства, которое вспыхиваетъ теперь въ дѣтяхъ, когда отцы требуютъ у нихъ чего-нибудь кулакомъ и недоуздкомъ или даже просто грознымъ окрикомъ. И въ этомъ отношеніи женщины, которыя, какъ я уже замѣтилъ выше, болѣе тяготѣютъ въ моемъ районѣ къ чтенію, чѣмъ ихъ хотя бы тоже грамотные мужья и братья,—женщины, говорю я, даже особенно страстно и энергично, почти болѣзненно настаиваютъ на признаніи ихъ права на свободу, развитіе и счастье. Вся деревня сбѣжалась нынѣшнимъ лѣтомъ на рыданья молодой бабы, которая, послѣ полутора лѣтъ жизни замужемъ за однимъ я—нскимъ парнемъ, уѣзжала къ своимъ роднымъ навсегда, жалуясь всѣмъ сосѣдямъ: «ужъ терпѣла-терпѣла я, да не вытерпѣла такого житья; бить меня мужъ не бьетъ, а только словечка ласковаго не скажетъ, все молча, какъ истуканъ: я, чай, тоже человѣкъ... А не любитъ, лучше разойтись»...

Колеблются и другіе устои старины. Обрядовой религіозности становится все меньше и меньше, а съ ней убываетъ и суевѣріе. Возлѣ моей деревни, на горѣ, стоитъ верстахъ въ двухъ церковь съ одной изъ безчисленныхъ святыхъ мѣстнаго культа, житія которой вы, навѣрное, не найдете ни въ какихъ четьи-минеяхъ, но которая славилась на десятки верстъ кругомъ своимъ «чудотворнымъ источникомъ», превратившимся даже въ своего рода маленькій русскій Лурдъ, благодаря своимъ купальнямъ «для мужчинъ» и «для женщинъ». Прежде, въ храмовой праздникъ здѣсь на версту во всѣ стороны поднимался лѣсъ оглобель, и необыкновенно многолюдная ярмарка привлекала къ

себѣ толпы крестьянъ и крестьянокъ. Посмотрѣлъ я на это сборище и въ нынѣшнемъ году: на преддверіе праздника почти никого не было, а въ самый день «святой» лишь верхушка церковнаго пригорка была занята двумя, тремя дюжинами телѣгъ, и нѣсколько лавочниковъ тщетно зазывали подъ свои навѣсы рѣдкую толпу. Кромѣ того, богомольцы были, очевидно, изъ самыхъ бѣдныхъ и отсталыхъ мѣстъ: паневы, толсто обверченныя онучами ноги бабъ и бурые зипуны мужиковъ ясно показывали, что они не изъ нашего околотка. Но любопытно, что если бабы считали своимъ долгомъ стать въ церкви и дожидаться «креста» и «молебна», ихъ отцы и мужья все время калякали между собой въ оградѣ, лишь отъ времени до времени прислушиваясь, «къ чему зазвонили»... Словомъ, нашъ Лурдъ былъ наполненъ теперь лишь мѣстной аристократіей, которая пользуется праздниками спеціально съ цѣлью людей посмотрѣть и себя показать. Количество «городскихъ» экипажей и легкихъ бѣговыхъ дрожекъ значительно превосходило число телѣгъ.

Рядомъ съ этимъ жизнь выдвигаетъ совершенно новыя явленія. И я-нцы и жители окрестныхъ деревень привыкли за послѣдніе годы собираться у большого Г-цкаго моста, который сталъ было любимой трибуной мѣстныхъ ораторовъ и гастролирующихъ «агитаторовъ», пока, наконецъ, лѣтомъ 1906 г. бдительное начальство не положило конецъ этимъ митингамъ, забравъ въ тюрьму одного изъ гастролеровъ и зацѣпивъ по случайности даже семью одного изъ мѣстныхъ «хозяйственныхъ мужичковъ». Я уже не видалъ, значитъ, этихъ сборищъ. Но въ памяти всего околотка еще живо сохранились рѣчи людей молодой Россіи и зрѣлище сосѣдняго луга, который обыкновенно усѣивался въ изобиліи прокламаціями, раскидываемыми повсюду «подкрылками», какъ наивно, на языкѣ кулачнаго боя, мѣстные жители называли товарищей главнаго агитатора.

— А ужъ листовокъ-то этихъ бывало разбрасывалось, прямо на версту: точно цѣлое стадо гусей по веснѣ ощипали... А и хорошъ же былъ самый главный агитаторъ-то (слово это произносится здѣшними жителями очень правильно и отчетливо), ужъ такъ хорошъ, что и не надо лучше. Такъ говоритъ, даже въ сердцѣ тебѣ заколетъ... Бывало, кончитъ и двинетъ на лугъ да по полямъ, да въ лѣсъ, а мы за нимъ съ пѣснями,—кажется, веди куда хочешь, всюду пойдемъ!.. Забрали бѣднягу, но не у насъ, а въ городѣ: по улицѣ шелъ, донесли какіе-то черносотенцы,—такъ повѣстьовалъ мнѣ, умиляясь отъ восторга, парень лѣтъ 19, видимо искусившійся во всѣхъ таинствахъ современнаго политическаго жаргона.

Мнѣ жаль, что я не могу привести содержанія наиболѣе врѣзавшихся въ память посѣтителей этихъ митинговъ рѣчей, что бы показать какой удивительный переворотъ происходитъ въ данный моментъ среди крестьянства по отношенію къ «завѣтамъ», и ка-

кой сюрпризъ деревенскій людъ готовитъ и въ этомъ смыслѣ любителямъ «свирѣпаго государства» à-la Леонтьевъ...

Здѣсь вы, можетъ быть, остановите меня и скажете, что фрондирующее въ политической области настроеніе я—нцевъ объясняется самой сравнительною культурностью деревни, присутствіемъ и связью съ ней ея собственныхъ интеллигентныхъ элементовъ, которые вотъ уже сколько лѣтъ «выходятъ» изъ нея, но продолжаютъ болѣе или менѣе сильно вліять на своихъ односельчанъ. На это я отвѣчу, во-первыхъ, что на митингахъ у Г—цкаго моста собирались не одни я—нцы, но еще—и даже въ большей степени—жители окрестныхъ бѣдныхъ деревень, которыя оказывались даже болѣе воспріимчивыми къ агитаціи,—въ соціальной сферѣ, по крайней мѣрѣ,—чѣмъ ихъ зажиточная и по части экономики скорѣе, какъ мы видѣли, консервативная сосѣдка. Во-вторыхъ, процессъ выдѣленія интеллигенціи изъ среды я—нцевъ и вліянія на эту среду есть процессъ сложный, смѣшанный и далеко не всѣми своими сторонами благопріятствующій проясненію сознанія у рядовыхъ жителей деревни.

Замѣтьте, прежде всего, что изъ я—нскаго населенія выдѣляется не одна идейная и «внѣклассовая» интеллигенція, но и интеллигенція самая что ни на есть эгоистическая, корыстная, прилѣпляющаяся всѣми фибрами своего существа къ привилегированнымъ сословіямъ и классамъ. Если Я—ная вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ даетъ высокій процентъ учащейся молодежи, гимназистовъ, студентовъ, курсистокъ, то не забывайте, что одни изъ этихъ молодыхъ людей становятся преданными народу врачами, учительницами и т. п., въ то время, какъ другіе превращаются въ дѣльцовъ, стяжательныхъ адвокатовъ, выражающихъ и защищающихъ самые низменные интересы капитала и владѣнія. Не упускайте изъ виду, что если въ Я—номъ «изъ народа вышло» нѣсколько единичныхъ выдающихся мужиковъ-демократовъ, которымъ зажиточность не помѣшала защищать и въ самой деревнѣ, и въ мѣстныхъ земствахъ интересы крестьянства, то сколько же на эти единицы вы встрѣтите «вышедшихъ» изъ я—нскаго же «народа» купцовъ-кулаковъ, почетныхъ потомственныхъ гражданъ-аферистовъ, вплоть до агентовъ сыскной полиціи... Значитъ, о какомъ-нибудь исключительно благопріятномъ вліяніи этихъ выдѣляющихся изъ я—нцевъ элементовъ на родную деревню говорить нельзя. Можно лишь сказать, что при общей болѣе высокой культурности этого богатаго селенія, уроки жизни не проходятъ для здѣшнихъ мужиковъ даромъ и облегчаютъ воздѣйствіе лучшихъ людей Я—ной на своихъ односельчанъ. Такъ что я склоненъ думать, что волны идейнаго внушенія, которыя расходились послѣдніе годы съ высоты Г—цкаго моста, вызывали во всякомъ случаѣ не меньшее, если не большее броженіе въ умахъ окружающихъ жителей, чѣмъ въ моей деревнѣ, и подмѣченный

мною подъемъ умственнаго и политическаго сознанія населенія, долженъ быть не исключительно мѣстнымъ, а общимъ явленіемъ...

Но что можно навѣрное сказать, наблюдая и идейную, и корыстную интеллигенцію, выходящую изъ народа, такъ это, что въ нашемъ крестьянствѣ заключены огромныя, еще непочатыя, еще не выпаханныя, какъ выпахана его бѣдная нива, душевныя силы.

Н. Е. Кудринъ.

Изъ Якутки.

Первая зимняя партія политическихъ ссыльныхъ въ Якутскую область прибыла 8 января въ г. Олекминскъ.

Здѣсь было объявлено, что дальше она не пойдетъ. Всѣ мы обрадовались. Болѣе чѣмъ трехмѣсячное (а для иныхъ и гораздо большее) таскаціе по этапамъ и тюрьмамъ, мѣсячная ѣзда на перекладныхъ при невозможныхъ условіяхъ и холодѣ—сильно сказались на всѣхъ, тѣмъ болѣе, что до отправки въ ссылку всѣ «предварительно» просидѣли въ тюрьмахъ отъ трехъ мѣсяцевъ и больше года.

Всѣ искренне радовались, что наконецъ водвореніе «въ мѣстахъ столь отдаленныхъ» состоялось. Выслушавъ соотвѣтствующее назиданіе о дозволенномъ и строжайше воспрещаемомъ отъ исправника и получивъ мѣсячное «жалованье», мы разбрелись по квартирамъ.

За время невольнаго сожительства мы такъ пріѣлись другъ другу, такъ надоѣли, что безъ раздраженія не могли глядѣть одинъ на другого. Кто только имѣлъ возможность, поселились по одиночкѣ, остальные по двое, по трое. Съ недѣлю всѣ наслаждались одиночествомъ и покоемъ. Затѣмъ стали выползать на улицу, знакомиться съ городомъ, жителями и окружающей мѣстностью. Убогій городокъ имѣлъ всего двѣ улицы, постройки въ немъ, не смотря на обиліе лѣса, были тѣсны и невзрачны. Жителей не наберется и тысячи. Обыватель намъ обрадовался. Кромѣ картъ, водки и обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ его мало что интересуетъ, газетъ онъ не читаетъ. Наши же разсказы доставляли извѣстное развлеченіе; съ нами охотно знакомились, радушно принимали у себя и вообще относились сочувственно.

Съ трехъ сторонъ городъ окруженъ тайгой, съ четвертой—Лена. Въ сѣверо-восточной сторонѣ города высится гора. Взберешься на эту гору, взглянешь кругомъ: жутко и тоскливо становится. До самаго горизонта тянется тайга. Мрачная и дикая, засыпанная густымъ снѣгомъ, молчаливо стоитъ она. Не слышно шуму въ

ней, не видно жизни. Деревья не шелохнутся, точно застыли въ угрюмой думѣ. Мягкій, пушистый снѣгъ на нѣсколько аршинъ покрылъ землю. На каждомъ шагу упавшія или падающія отъ старости деревья. Стволы однихъ чуть виднѣются надъ снѣгомъ, другія, падая, сцѣпились густыми вѣтвями и образовали грандіозную арку, засыпанную снѣгомъ, третьи зацѣпились за еще стоящія деревья, готовыя ежеминутно упасть совсѣмъ.

Взглянешь на Лену: скована она и хоть потечетъ, да не туда. Смертью и равнодушіемъ вѣетъ отовсюду. Необъятный просторъ и ширь гнететъ. Въ душу невольно заползаютъ страхъ и сомнѣніе... Нѣтъ тюрьмы, нѣтъ рѣшетокъ, часовыхъ, ты свободенъ, ходи... но есть ли выходъ?.. Хочется вѣрить, что есть, но таинственная и сумрачная тишина разрушаетъ эту вѣру. Много простору, шири кругомъ, но этотъ просторъ не притягиваетъ къ себѣ, не наполняетъ душу величіемъ и счастьемъ свободы, а отталкиваетъ и заставляетъ пугливо отворачиваться...

Я съ однимъ товарищемъ еще въ дорогѣ сговорился бѣжать. Ждали мы случая, но такого въ дорогѣ не представлялось, а если и бывала возможность, то внѣшнія условія не позволяли. Еще по пути мы разспрашивали «мѣстныхъ людей». На тысячу верстъ отъ Иркутска говорили, что можно, и даже предлагали соучастіе. Чѣмъ ближе къ Олекминску, тѣмъ большимъ пессимизмомъ вѣяло отъ словъ собесѣдниковъ:

«И не думайте... лѣтомъ еще можетъ быть»...

Съ недѣлю по пріѣздѣ на мѣсто мы сибаритствовали, а затѣмъ принялись за дѣло. Сначала обратились къ нѣкоторымъ товарищамъ, прибывшимъ еще лѣтомъ на пароходѣ и уже ознакомившимся съ мѣстными условіями.

«Побѣги бывали и удачные, но не зимой—говорили они—лѣтомъ каждый кустикъ ночевать пуститъ; съ запасомъ пищи можно двигаться, не встрѣчаясь съ людьми; на пароходахъ есть свои люди—довезутъ. Но зимой дорога одна, васъ по всѣмъ станкамъ видѣли, а мимо нихъ не проѣдешь, отъ погони въ тайгу не свернешь».

Резонно говорили они, но на насъ эти разговоры мало дѣйствовали. Попытка не пытка, поймаютъ хуже не будетъ—утѣшали мы себя—а до весны ждать не меньше 4 мѣсяцевъ. Одна мысль прозябаніи столько времени въ ссылкѣ угнетала насъ.

Забравъ кое-какія явки въ округу къ сочувствующимъ крестьянамъ, мы стали разъѣзжать къ нимъ, подговаривая отвезти насъ или на золотые пріиски (700 верстъ отъ Олекминска) въ г. Бодайбо или до с. Нахтуйска, верстъ на 300 выше по Ленѣ отъ Олекминска. Отъ Нахтуйска до Бодайбо дорога бываетъ только зимой, по пути селеній нѣтъ, есть только зимовья на разстояніи другъ отъ друга отъ 10 до 25 верстъ. Самымъ опаснымъ мѣстомъ считалось разстояніе отъ нашего города до Нахтуйска. Тутъ движеніе част-

ныхъ лицъ на почтовыхъ весьма слабо. Изрѣдка ѣздятъ купцы, но ихъ прекрасно знаютъ. Вообще здѣсь, не смотря на малочисленность населенія и разбросанность его по ничтожнымъ улусамъ и наслегамъ, всѣ другъ друга на тысячу верстъ въ округѣ знаютъ даже по именамъ и фамиліямъ. Всякое новое лицо сразу замѣчается, одѣньтесь вы хоть бродягой. Крестьяне указывали намъ на трудность переѣзда до Нахтуйска, а также на то, что, какъ бы конспиративно ни былъ обставленъ ихъ отъѣздъ, всѣ скоро о немъ узнаютъ, да и по дорогѣ всѣ, зная, что они не купцы и что имъ дѣлать нечего въ томъ мѣстѣ, куда они ѣдутъ, будутъ удивляться, а при видѣ насъ двоихъ возникнутъ и сомнѣнія. О нашемъ исчезновеніи скоро узнаетъ полиція, по телеграфу разошлютъ наши примѣты, а толки о появленіи двухъ новыхъ лицъ разойдутся еще скорѣй телеграфа и насъ задержатъ. Надо сойтись съ купцами, можетъ быть, какой-нибудь устроитъ въ обозъ и тогда кучеромъ легче проскользнуть—совѣтовали они, а сами устроить нашъ побѣгъ отказывались.

Такъ прошло еще недѣли двѣ.

Совѣты отложить до весны, увѣренія въ неисполнимости подобнаго предпріятія теперь, съ указаніемъ на примѣры проваловъ, наши собственныя неудачи—все это дѣйствовало скверно.

Но мы вѣрили въ одно: въ сочувствіе мѣстнаго населенія. Изъ разговоровъ съ крестьянами и якутами еще на пути въ Олекминскъ мы безошибочно могли заключить, что между прошлымъ и настоящимъ лежитъ глубокая грань.

Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, соглашеній и отказовъ, мы совершенно случайно натолкнулись на одного человѣка, занимающагося торговлей, который за 100 р. взялся везти насъ до Бодайбо.

Условились мы такъ: нашъ провожатый выѣдетъ за 40 верстъ вверхъ по Ленѣ къ одному крестьянину, туда же ночью пріѣдемъ и мы, пересядемъ къ нему и тронемся въ путь. Наружный видъ его саней долженъ быть такой, какъ будто онъ везетъ товаръ, но въ серединѣ будетъ пустота. Если намъ придется проѣзжать станокъ, гдѣ есть урядникъ, или по дорогѣ встрѣтится кто нежелательный, мы сможемъ юркнуть въ эту дыру, «гробъ», какъ мы его называли, и проѣхать незамѣченными. Мы должны быть одѣты галахами (летучкой, какъ здѣсь называютъ бродягъ, отъ слова: перелетаетъ, не живетъ на одномъ мѣстѣ), имѣть котомки съ необходимой провизіей, чайники и, передъ остановкой на отдыхъ, надѣвать все это въ разное время съ извозчикомъ являться на зимовье и вести себя такъ, какъ будто мы не знакомы, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это потребуется. Выдавать себя мы должны были за отпущенныхъ на пріиски уголовныхъ ссыльныхъ, недавно здѣсь водворенныхъ и потому никому не извѣстныхъ.

Наша одежда состояла изъ сибирскихъ оленьихъ шапокъ и

мѣховыхъ куртокъ, крытыхъ арестантскимъ сукномъ: на товарищѣ были арестантскіе же штаны и валенки, подшитые кожей, на мнѣ черные штаны и торбасы, что у летучки, только еще идущаго на заработки, являлось уже роскошью, немало смущавшей меня; помимо того, на насъ были простыя рубахи мѣстнаго покроя, безъ кушаковъ, и длинные широкіе шарфы, которыми закутываютъ шею, лицо и грудь, а на рукахъ простыя рукавицы. Провожатому дали денегъ на покупку для насъ провизіи, такъ какъ дорогой ничего и ни по какой цѣнѣ не достанешь: онъ купилъ намъ $^{1}/_{2}$ пуда мяса, пудъ хлѣба, нѣсколько фунтовъ масла, чаю, сахару, соли, свѣчей и еще чего-то.

Передъ отъѣздомъ мы распустили слухи о томъ, что собираемся ѣхать къ якутамъ на нѣсколько дней. Къ намъ присоединилось еще четверо товарищей. Со смѣхомъ и пѣснями прокатили мы по городу, а дорогой объяснили имъ, въ чемъ дѣло. Не веселое было прощаніе. Ночь стояла темная, кругомъ было пусто. Изрѣдка отъ мороза потрескивали деревья, и только этотъ звукъ нарушалъ тишину. Мы сбились въ кучку, и такъ она казалась мала и жалка.

Въ часъ ночи, прибыли мы куда слѣдуетъ, переодѣлись, напились чаю и, попрощавшись съ провожавшимъ товарищемъ и крестьянами, тронулись въ путь.

Ѣхали мы всю ночь, и часовъ въ 10 утра завиднѣлась какая-то деревенька. Тутъ рѣшили сдѣлать остановку. Надѣли мы свои котомки, отстали отъ проводника и, не теряя его изъ виду, пошли за нимъ и вошли въ то же помѣщеніе. Хозяинъ оказался якутомъ, что было для насъ весьма удобно, такъ какъ, отозвавшись незнаніемъ языка («толкуй сохъ»—ничего не понимаю), мы могли не разговаривать съ нимъ и осваиваться съ обстановкой. Сказавъ обычное привѣтствіе, котораго нельзя не знать: «капсе, дагоръ» («здравствуй, товарищъ», вѣрнѣй: «толкуй товарищъ») и получивъ въ отвѣтъ: «энъ капсе» («ты сказывай»), мы сняли котомки, раздѣлись и стали грѣться у камелька. На лавкѣ сидѣла якутка съ трубкой въ зубахъ и что-то шила изъ оленьей шкуры. Якутъ бесѣдовалъ съ нашимъ возницей и какъ будто не обращалъ на насъ вниманія, но когда мы начинали незамѣтно слѣдить за нимъ, намъ видно было, что онъ во всѣ глаза смотрѣлъ на насъ, особенно на меня. Становилось непріятно. Наконецъ, чайники вскипѣли. Откуда-то выползла старая, грязная, еле прикрытая какими-то лохмотьями, якутка съ большой самодѣльной трубкой въ зубахъ. Старуха вынула чайники, поставила на столъ, заварили мы чай, достали деревянныя чашки, такъ какъ иныхъ летучкѣ не подобаетъ имѣть, и принялись съ удовольствіемъ насыщаться и отогрѣваться горячей влагой. Сахаръ мы откусывали маленькими кусочками, хлѣбъ ѣли, не кроша и густо смазывая его топленымъ масломъ. Пили и ѣли, не спѣша, съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой. Напившись и закусивъ, мы немного полежали, давъ въ общемъ часа $2^{1}/_{2}$—3

отдыха лошади, заплатили по пятачку за услуги, надѣли котомки и вышли.

Извозчикъ насъ скоро догналъ, мы сложили свои котомки, и онъ намъ повѣдалъ, что якутъ очень удивлялся нашему появленію и ему пришлось сказать, что онъ насъ знаетъ, что мы дѣйствительно ссыльные, а блѣдны и чисты потому, что долго лежали въ больницѣ.

Къ вечеру мы рѣшили остановиться на зимовье, сдѣлавъ передышку на 7—8 часовъ. Вошли мы прежнимъ порядкомъ, поздоровались. На нарахъ возлѣ камелька двое. Одинъ лежитъ, другой сидитъ возлѣ него. Русскіе. Плохо—рѣшили мы,—безъ разговоровъ не обойтись, а здѣшній народъ любитъ покалякать. Однако, дѣлать нечего. Раздѣлись мы и къ камельку грѣться.

— Отколь, ребята, идете? — слышимъ вопросъ. Отвѣтили.

— На пріиски?

— На пріиски.

— Пустое дѣло, слышите... Тамъ теперь плохо—работы нѣту... Вы впервой?

— Впервой...

— Ну, наплачетесь...

— Пущай попробуютъ...— равнодушно протянулъ лежавшій.

— А ты, парень, поставь-ка имъ чайники...—обратился онъ къ сидѣвшему.

Тотъ всталъ, налилъ чайники и поставилъ ихъ въ огонь. Разговоръ умолкъ. Вошелъ нашъ возница. Съ нимъ поздоровались, какъ со старымъ знакомымъ.

— Въ тайгу ѣду,—заявилъ онъ (тайгой почему-то также называются и золотые пріиски),—кой-какой товаръ везу. А моихъ возчиковъ не видѣли?

— Нѣтъ, не проходили...

— Ты что лежишь, дядя?—обратился онъ къ лежавшему, какъ мы разглядѣли, старику.

— Да вотъ, слышь, парень, выпилъ это я на праздникъ (Рождество) и самъ не знаю, къ чему пошелъ въ лѣсъ дрова рубить...

— Бѣсъ, видно, толкнулъ,—смѣясь прервалъ нашъ возница.

— Само собой, кому-жъ другому... Далеконько забрякался... Спать захотѣлось, а кто-то сбоку шепчетъ: лягъ, усни... сними валенки, тепло тебѣ будетъ... И впрямь: теплынь... снялъ валенки легъ... душно даже... Просыпаюсь: темень, и самъ не знаю, живъ я, не то померъ... На одной ногѣ валенки нѣту. Кинулся къ юртѣ: страсть далеко зашелъ... А сколько лежалъ, и не упомню... Прибѣгъ, камелекъ растопилъ, а въ теплѣ нога-то и заныла... А теперь вотъ... — И старикъ сталъ развязывать грязныя тряпки на ногѣ.

Мы подошли: нога сильно распухла и посинѣла, пальцевъ уже нѣтъ, ступня гніетъ.

— Ты-бъ къ доктору... —посовѣтовалъ возница.

— Кабы своя лошадь была, такъ пожалуй съѣздилъ бы, а самого нѣшто дозовешься?.. Хоть бы фершалъ случаемъ заѣхалъ... Вы, ребята, не знаете средствія, — обратился онъ къ намъ, — я самъ-то вотъ промываю, водкой мажу, а потомъ конскимъ саломъ... да толку мало... Такъ не слыхали?..

Мы отвѣтили, что безъ доктора его дѣло плохо, а товарищъ прибавилъ: «и угораздило же тебя, дядя»...

— Ну... мать ее такъ!—выругался старикъ и сталъ завязывать свои тряпки.

— Ты хоть бы тряпки-то почище взялъ.

— А гдѣ онѣ у меня?..

Чайники тѣмъ временемъ вскипѣли, мы заварили чай и стали пить.

— Теперь какой я зимовщикъ, — продолжалъ старикъ, — вотъ прошу Степана, чтобъ пожилъ, покуда я оправлюсь... не хочетъ.

— Куда мнѣ, парень! Я летучка отъ природы, бабье дѣло мнѣ не рука.

При словѣ «летучка» мы внимательно оглядѣли говорившаго: передъ нами сидѣлъ огромный мужчина, рваный и грязный настолько, что предъ нимъ мы выглядѣли щеголями. Мы съ собой захватили полотенца и мыла, но тутъ же рѣшили не употреблять ихъ и, дѣйствительно, за всю дорогу до Бодайбо, въ теченіе 11 дней, умылись только разъ.

Выпили мы чай, спросили посудину для варки, которую, къ сожалѣнію, забыли взять съ мѣста, благодаря чему въ дальнѣйшемъ натерпѣлись горя, всполоснули ее, положили мясо, налили водой, посолили и поставили въ огонь, а сами завалились спать. Котомки свои мы положили подъ головы, куртки раскинули на нарахъ и, не раздѣваясь, улеглись. Съ непривычки было неудобно и жестко, изрядно мѣшали и паразиты, но усталость взяла свое, и мы стали засыпать. Купецъ нашъ заложилъ кормъ лошади и тоже улегся, но болѣе по-барски, такъ какъ онъ могъ имѣть и подстилать тулупъ, а наши лежали въ «гробѣ». Вообще дорогой къ нему относились, какъ къ тойону (господинъ, хозяинъ), а къ намъ, какъ къ летучкѣ, т. е, по мѣстнымъ понятіямъ, своего рода паріи рода человѣческаго, которому недоступны многія даже элементарныя потребности человѣка. Въ дальнѣйшемъ у насъ на этой почвѣ происходили и непріятные инциденты.

Проснулись мы часа въ два ночи. Котелокъ чуть кипѣлъ. Мы вдвинули его въ самый жаръ и поставили чайникъ. Черезъ два часа мы насытились, заплатили за ночлегъ по гривеннику и двинулись тѣмъ же порядкомъ. Возчикъ, котораго я назову Матвѣемъ, скоро догналъ насъ. Однако, долго идти намъ не пришлось.

— Обратники,—проговорилъ Матвѣй,—залѣзайте.

Мы юркнули въ дыру. «Обратники» это извозчики, отвозившіе куда-нибудь товары и теперь ѣдущіе домой порожнякомъ. Въ этомъ

мѣстѣ больше всего можно встрѣтить олекминскихъ обратниковъ. Пролежали мы съ часъ. Я закутался въ шубу, товарищъ въ доху. Незамѣтно уснули. Проснулся я отъ холода. Шуба уже не помогаетъ. Одну ногу отлежалъ, повернулся бы, но тѣснота такая, что нечего и думать.

— Матвѣй,—тихо спрашиваю я,—можно вылѣзти?

— Нѣтъ, сейчасъ нельзя... опять обозъ.

Лежу. Холодъ пробираетъ.

— Спишь?—толкаю сосѣда.

— Уснешь при такомъ собачьемъ холодѣ,—ворчитъ онъ.

Время тянется ужасно медленно. Наконецъ слышно скрипѣнье полозьевъ... разминулись... Мы выжидаемъ время, необходимое для того, чтобъ отъѣхать на порядочное разстояніе, и вновь взываемъ:

— Матвѣй, можно вылѣзать?

— Да тамъ опять обратники...

— О, чортъ, замерзаемъ вѣдь.

— Оно и тутъ не слаще: мететъ...

— Пробѣжимся, такъ согрѣемся...

— Потерпите... Ну, а теперь не говорите: близко...

Вскорѣ закрипѣли полозья и залаяла собака... Ближе... Вдругъ лай собаченки зазвенѣлъ возлѣ. Товарищъ шарахнулся было ко мнѣ, но отодвинуться некуда.

— Укуситъ, проклятая,—прошепталъ онъ,—за носъ схватитъ... Смотри...—Сквозь рогожу совсѣмъ близко замѣтны были очертанія собачьей головы. Мы испугались, какъ бы она не стала теребить рогожу, но Матвѣй ударилъ ее ногой и, она съ визгомъ убѣжала, а лай ея еще долго былъ слышенъ. Мы душились отъ смѣха. Наконецъ Матвѣй выпустилъ насъ, и мы принялись прыгать и отогрѣваться.

Въ полдень мы сдѣлали маленькую передышку и снова зашагали. Погода совсѣмъ испортилась: поднялся вѣтеръ, дорогу стало заносить. Часовъ въ 11 ночи мы остановились на ночевку. Зимовщикъ стоялъ на подъемѣ, когда мы въѣзжали (зимовья расположены преимущественно на правомъ, горномъ берегу).

— Должно, возъ не тяжелый,—замѣтилъ онъ Матвѣю, — лошадь идетъ легко...

— Да, тутъ мелочь. У меня возчики идутъ... не проѣзжали?

— Нѣтъ, не видѣлъ...

Зоркій взглядъ старика намъ не понравился. А между тѣмъ старикъ сталъ еще разспрашивать, кто мы, откуда. Въ его вопросахъ чувствовался скорѣй допросъ, чѣмъ простое любопытство. Онъ то оставлялъ насъ и говорилъ съ Матвѣемъ, то вновь принимался за насъ и нѣсколько разъ сбивалъ, благодаря нашему незнакомству съ мѣстностью и условіями. Потомъ онъ сталъ разсказывать, какъ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, отбывалъ каторгу, видѣлъ политическихъ: «дѣльные есть ребята!».

Черезъ нѣкоторое время старикъ завелъ разговоръ о томъ, что недавно провезли двѣ партіи политиковъ.

— Они не засиживаются—убѣгутъ,—присовокуплялъ онъ и поглядывалъ на насъ.

На эту тему онъ сворачивалъ не разъ. Когда нашъ возница вышелъ къ лошадямъ, онъ пошелъ за нимъ. Черезъ нѣкоторое время мы показали глазами Матвѣю, что нужно поговорить, и вышли, вышелъ и Матвѣй.

— Что старикъ спрашивалъ?

— Узналъ, что вы не кобылка (то же, что летучка), говоритъ: политика. Дѣло дрянь.

Вернулись мы въ юрту и сейчасъ же легли. Проснулись часовъ въ 6 утра. Погода прояснилась. Я вышелъ изъ помѣщенія. Ослѣпительно бѣлый снѣгъ сверкалъ на солнцѣ — смотрѣть было больно. Лена бѣлѣющей полосой исчезала среди тайги. Зеленая тайга, сверху покрытая нѣжнымъ, пушистымъ снѣгомъ, чуть-чуть шумѣла. И средь этого блеска и чистоты грязнымъ пятномъ, непріятнымъ и неумѣстнымъ, торчала прокоптѣвшая юрта-зимовье.

Отъѣзжая, товарищъ сказалъ старику, что онъ можетъ думать и предполагать о насъ, что угодно, но о томъ, что видѣлъ насъ, лучше пусть никому не говоритъ.

— Хорошо, что предупредили, а то оно того... не хорошо .. Я бы отъ скуки сталъ всѣмъ разсказывать, а оно, глядишь, и вредъ человѣку...—согласился старикъ.

19 вечеромъ мы подъѣхали къ Пахтуйску. Сюда у насъ была явка и здѣсь мы ожидали денежной помощи. Какъ только показалось село, мы залѣзли въ «гробъ». Проѣзжая по селу мы все время слышали разговоры и шумъ. Наконецъ повозка остановилась. Матвѣй, шепнувъ: «лежите тихо, пріѣхали»—ушелъ, очевидно, въ домъ. Вскорѣ онъ вернулся, заскрипѣли ворота и мы куда-то въѣхали. Тутъ на насъ съ ожесточеніемъ напали два пса. Того и гляди, что схватятъ зубами и никуда не скроешься: тѣсно.

Но вотъ ихъ отогнали, отверстіе открылось.

— Скорѣй, скорѣй,—шепчутъ намъ,—вотъ сюда.

Пробѣжали мы прихожую, открыли указанную дверь и попали въ чуланъ. Столъ покрытъ свѣжей скатертью, горитъ лампа. Черезъ минуту входитъ хозяйка:

— Прошу извинить, у меня гости. Еслибъ вы предупредили заранѣе, я бы лучше васъ встрѣтила.

Оказалось—она не то лицо, кому адресовано письмо, это лицо уѣхало, но она вызвалась, чѣмъ можетъ, послужить намъ.

— Не слыхали,—справились мы—о нашемъ побѣгѣ нѣтъ еще телеграммъ?

— Не слыхала. У меня есть знакомства, откуда я могу по-

черпнуть вѣрныя свѣдѣнія, вчера еще я просматривала списокъ разыскиваемыхъ, новыхъ фамилій и примѣтъ въ немъ не прибавилось.

Около часу ночи гости разошлись, а въ три—уѣхали и мы. До сихъ поръ мы ѣхали по почтовому тракту, а отсюда дорога идетъ на пріиски и центръ ихъ, Бодайбо. Лена и трактъ остаются вправо.

Болѣе полутораста верстъ не видѣли мы ни одной рѣчки. До самого Бодайбо тянется довольно высокій хребетъ, густо поросшій лѣсомъ. Разъ дорога незамѣтно вывела насъ на самую высокую изъ горъ, откуда открывалась далекая перспектива. Остальныя горы показались намъ массой громадныхъ шатровъ. Были по дорогѣ чудные виды. Для нашихъ глазъ они непривычны и странны. Деревья зеленыя, а покрыты снѣгомъ, небо нѣжно-голубое или синее-синее, какъ будто гдѣ то на югѣ, а морозъ до 40°. Воздухъ смолистый, чистый и здоровый, дышешь всей грудью, съ наслажденіемъ.

Начиная съ Нахтуйска, мы уже стали пріѣзжать на зимовья вмѣстѣ съ Матвѣемъ и говорили, что онъ нанятъ нами до ближней тайги по синенькой съ брата везти наши котомки, а, когда устанемъ, то подвозить и насъ. На другой день мы остановились ночевать у одного татарина. Его зимовье, довольно большое, было сравнительно недурно обставлено, такъ какъ хозяинъ, человѣкъ состоятельный, жилъ въ немъ постоянно.

На нарахъ на приличной постели съ подушкой лежалъ какой-то человѣкъ, укрытый одѣяломъ. Возлѣ него были расположены ящики, посуда, висѣла одежда, зеркало, полотенце. Вообще замѣтно было, что человѣкъ имѣетъ свое хозяйство, живетъ давно и на летучку не похожъ. Когда мы вошли, его сонное лицо чуть показалось изъ-подъ одѣяла, онъ скользнулъ по насъ взглядомъ и снова захрапѣлъ.

Татаринъ посматривалъ какъ-то особенно, потомъ позвалъ въ свою половину Матвѣя. Вскорѣ Матвѣй показался въ дверяхъ и кивнулъ мнѣ. Я направился туда.

— Одежу перемѣнить надо—прямо началъ татаринъ.

— Что-о?..—удивленно переспросилъ я.

— Ему можно довѣриться...—поспѣшилъ успокоить Матвѣй.

— Ну?..—нерѣшительно спросилъ я.

— Одежа у васъ не подходящая...

— У меня другой нѣтъ...

— Я дамъ... А то лицо бѣлое, на рабочаго не похожъ, а одежа оказываетъ, что не изъ того сословія.

— Но я ужъ нѣсколько дней не умываюсь...

— Все равно... Вотъ товарищъ вашъ, такъ на того можно подумать. Пойдемте, примѣрьте.

Онъ вытащилъ большіе поношенные валенки, широчайшіе «пріискательскіе» штаны, видавшіе виды и не разъ чиненые.

Я переодѣлся.

— Вотъ теперь дѣло пойдетъ. Вотъ и варежки возьмите!

— Сколько вамъ заплатить?

— Ничего, даромъ даю. Я люблю смѣлыхъ людей, самъ былъ и спиртоносомъ, и копачемъ...

Эти термины тогда мнѣ были не знакомы, я послѣ узналъ ихъ значеніе.

— Тутъ осенью прошлый годъ проходили двое вашихъ, я имъ тоже помогъ, отъ казаковъ укрылъ.

Только было мы улеглись, какъ ввалилась орава якутовъ-обратниковъ съ узлами и узкими якутскими ящиками. Столъ покрылся кусками сырого мяса и рыбы, ячменнымъ, чернымъ какъ земля и тяжелымъ хлѣбомъ, масломъ и хаякомъ. Посреди комнаты стояла большая желѣзная печка. Около нея завозилось нѣсколько якутовъ; они поставили самоваръ, разогрѣли сковородки; вскорѣ вся комната наполнилась прогорклымъ, противнымъ, жирнымъ запахомъ. Потомъ якуты усѣлись вокругъ стола, настрогали тонкими ломтями сырого и мерзлаго мяса и рыбы и быстро стали уписывать, громко чавкая и сопя. Тѣмъ временемъ вскипѣлъ самоваръ. Они заварили кирпичнаго чаю, нацѣдили въ чашки, добавили масломъ, посолили, отломили по куску хлѣба и, макая его въ масло на сковородкѣ, продолжали насыщаться. Масло и тающій хаякъ текли у нихъ по пальцамъ, по лицу. Они облизывались, обсасывали свои жирные и грязные пальцы, вытирали ихъ объ волоса на головѣ. Скуластыя, точно плохо вырѣзанныя изъ дерева, лица ихъ лоснились и покрылись грязнымъ потомъ.

Наконецъ чавканье прекратилось, якуты стали укладывать свою провизію и выносить на дворъ. Потомъ, тяжело отдуваясь, закурили трубки и повалились на нары.

Теперь зашевелился спавшій человѣкъ. Онъ сбросилъ одѣяло, зѣвнулъ, вынулъ что-то въ родѣ коврика, постелилъ его, по сторонамъ поставилъ по стеариновой свѣчкѣ въ деревянныхъ подсвѣчникахъ, зажегъ ихъ, а на коврикъ положилъ карты. Затѣмъ оглядѣлъ публику, закурилъ папироску и, усѣвшись по-турецки, сталъ чего-то выжидать. Якуты лѣниво поглядѣли на его манипуляціи и отвернулись. Но вотъ одинъ изъ нихъ поднялся, прошелся разъ, другой, искоса взглядывая на карты, подошелъ, перетасовалъ, аккуратно сложилъ ихъ и снова легъ. Замѣтно было, что въ немъ происходила какая-то внутренняя борьба. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять всталъ и бросилъ какую-то монетку на коврикъ, вскрикнувъ: «сдавай»...

— Въ штосъ?

— Въ штосъ!..

Они перекинулись картами.

— Твоя...—равнодушно сказалъ картежникъ.

Лицо якута просіяло:—Сдавай...—вскрикнулъ онъ.

— Моя...—спокойно протянулъ картежникъ. Якутъ вынулъ еще нѣсколько монетъ.

— Сдавай...

— Твоя...

— Ходи...

— Опять твоя...

— Сдавай... на всѣ...

— Твои...

Подошли еще якуты, сначала просто изъ любопытства, потомъ тоже приняли участіе и на коврикѣ замелькали бумажки.

Проснулись мы отъ шуму и ругани. Якуты собирались уѣзжать и ожесточенно ругали картежника, который отъ нихъ отругивался.

Грубая брань съ обѣихъ сторонъ слышалась за каждымъ словомъ.

— Ты жуликъ... кричали якуты — твой никогда не проигрываетъ, твой всегда выигрываетъ...

— Врете, я вчера проигралъ 60 рублей...

— Тоже жулику, какъ и ты...

— А ты не лайся...

— Мы знаемъ, ты карту дергаешь...

— Знаешь, такъ не садись... я не прошу.

— Мы хотимъ честно играть...

Наконецъ якуты вывалили изъ комнаты. Картежникъ послалъ въ догонку имъ ругательство и началъ укладываться.

Позже мы не разъ встрѣчали подобныхъ картежниковъ. Это занятіе является ихъ профессіей и довольно прибыльной. Якуты прекрасно знаютъ, кто они, но удержаться отъ искушенія поиграть въ карты не могутъ. Утромъ я спросилъ татарина, откуда этотъ человѣкъ.

— Изъ тюрьмы бѣжалъ, а то изъ каторги. Пришелъ — житъ сталъ, сталъ въ карты играть—деньги зарабатывать, много денегъ Паспорта нѣтъ, а мнѣ что, пускай живетъ.

— Такихъ бы негодяевъ гнать надо.

— Тутъ всѣ жулики, всѣ грабятъ, А мнѣ доходъ есть. Сколько ѣдутъ, всѣ у меня становятся.

— Много онъ выигралъ ночью?

— Полторы кати (150 р.)...

Къ вечеру мы подъѣхали къ самому опасному спуску, на который поднимался незамѣтный «тенище», какъ тутъ говорятъ, или подъемъ. Не особенно давно якуты, отправляясь въ эти мѣста, брали съ собой въ обозъ шамана, который прогонялъ злыхъ духовъ. Еще задолго до этого мѣста мы замѣтили на вѣтвяхъ деревьевъ разноцвѣтные лоскутья матеріи и конскій волосъ, а у самаго спуска вѣтви, которыя только можно было достать рукой, и

низкіе кустарники сплошь были завѣшены этими якутскими жертвами для умилостивленія злого духа горы. Я сломалъ одну изъ такихъ вѣтокъ и бросилъ ее на возъ, чтобы дорогой разсмотрѣть.

— Зачѣмъ сломали?.. Отнесите обратно - зашепталъ Матвѣй— не хорошо—бѣда будетъ!

— Неужели вы вѣрите въ это, вѣдь вы не якутъ.

— Ну, что же... Зачѣмъ обижать... Несчастье случится, примѣта такая...

Я снесъ вѣтку обратно. Матвѣй далъ передохнуть лошади и мы начали спускаться.

— Тутъ часто грабятъ—замѣтилъ онъ—держите револьверы наготовѣ.

Уже свечерѣло. Въ отдаленіи мелькнулъ огонекъ. Мы взвели курки, но это оказались якуты свернувшіе въ сторону, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, и грѣвшіеся у костра. Спускъ мы проѣхали благополучно. Вотъ и зимовье. Якутовъ полно, полно и смраду отъ нихъ пищи и сопутствующаго имъ запаха жиру. Всѣ мѣста на нарахъ — заняты. Матвѣй кое-какъ пристроился—для него потѣснились, намъ же мѣста нѣтъ, такъ какъ такой любезности отъ якутовъ намъ, летучкамъ, ждать нечего.

Въ углу зимовья сидѣлъ картежникъ, къ нему тѣсно прижалась какая-то женщина, а кругомъ толпились якуты. Игра была въ полномъ разгарѣ. Подошли и мы. Картежникъ, замѣтивъ нашу безпріютность, сказалъ женщинѣ:

— Очисти имъ мѣсто, пусть люди отдохнутъ.

Женщина (какъ потомъ мы узнали, его жена) что-то возразила.

— Не разговаривай—дѣлай, что велю.

Та собрала ихъ пожитки, отодвинулись и якуты, и мы, расположившись на уступленномъ намъ мѣстѣ, начали закусывать. Было темновато, свѣчу у Матвѣя мы сочли неудобнымъ спрашивать и ѣли въ темнотѣ.

— Дай имъ свѣчу—распорядился картежникъ.

Жена вновь воспротивилась.

— Давай, коли велю... въ морду захотѣла?..

Женщина подала намъ небольшой огарокъ. Мы были удивлены такимъ вниманіемъ и рѣшили, что, вѣроятно, онъ принялъ насъ за дѣйствительныхъ летучекъ и, какъ «братьямъ по духу», оказывалъ услуги.

Когда мы выѣхали, Матвѣй разсказалъ намъ, что верстъ за 200 отсюда убита женщина и ея работникъ съ цѣлью грабежа. Убійцъ двое, ихъ дѣятельно разыскиваютъ, по дорогѣ снуютъ казаки. Мы очень встревожились. Теперь, конечно, всѣхъ летучекъ и имъ подобныхъ хватаютъ безъ разбора. Схватятъ и насъ, собьютъ на чемънибудь, а тутъ, вѣроятно, уже есть свѣдѣнія о нашемъ побѣгѣ и дѣло провалится. Грустно намъ стало. На первомъ же зимовьѣ мы стали провѣрять этотъ слухъ, его подтвердили и даже назвали

намъ мѣстность, гдѣ стоятъ кордоны. Тутъ же сообщили намъ и другую новость: въ той же мѣстности обокрали кого-то и опять грабителей двое. Совсѣмъ дѣло стало скверно. Но на слѣдующей остановкѣ мы узнали, что слѣдъ убійцъ найденъ, они ѣдутъ на Бодайбо и урядникъ погнался за ними, а грабители уже задержаны. Мы немножко повеселѣли.

Я уже говорилъ, что здѣсь всякое извѣстіе, всякая новость расходятся поразительно быстро.

Вы, зная какую-нибудь новость, пріѣзжаете на зимовье и дѣлитесь ею съ присутствующими. Кто-нибудь изъ слушателей какъ разъ собрался ѣхать. Выслушавъ ваше сообщеніе, онъ уѣзжаетъ и по пути разсказываетъ его, съ нимъ повторяется то же, что и съ вами (здѣсь движеніе безпрерывное) и, когда вы ѣдете дальше, вашъ разсказъ теряетъ новизну. А то и такъ бываетъ. Выѣхали вы изъ зимовья, никакихъ новостей не узнали. Васъ дорогой кто-нибудь обогналъ. Дѣлаете вы остановку и вамъ сообщаютъ какое-либо происшествіе изъ того мѣста, которое вы только вчера или сегодня утромъ покинули. Политическихъ новостей, конечно, вы не узнаете ими здѣсь не интересуются, а интересуются только убійствами, грабежами и т. п. вещами.

Скоро добрались мы и до Жуи—маленькой, горной рѣчки впадающей въ Олекму. Далеко уже отъѣхали мы отъ мѣста ссылки, но увѣренности въ томъ, что насъ не задержатъ, у насъ все еще не было. Мы на одной лошаденкѣ могли проѣхать 70 верстъ въ сутки, въ крайнемъ случаѣ 90 верстъ, а урядникъ въ сутки на перекладныхъ проскачетъ и 250 верстъ.

Въ этой мѣстности встрѣчаются главнымъ образомъ тунгусскія зимовья, того же типа, что и по Ленѣ. Возлѣ юрты бродятъ олени. Внутри помѣщеніе раздѣлено на двѣ, а то и на три части: одна для проѣзжающихъ, въ другой живутъ хозяева, въ третьей скотъ. Грязь во всѣхъ отдѣленіяхъ одинаковая. Тунгусы такъ же неряшливы и грязны, какъ и якуты, хотя ихъ лица осмысленнѣе якутскихъ.

Когда бы мы не останавливались, хозяева всегда оказывались въ сборѣ. Работаютъ они мало, да и требованія ихъ не велики. Рано утромъ тунгусъ обойдетъ свои капканы, ловушки и стрѣлы, вынетъ звѣря, если такой попадется, снова настроитъ свои орудія и затѣмъ сидитъ дома. Изрѣдка только онъ вскинетъ ружье на плечо и на лыжахъ отправится на охоту, а то на оленяхъ поѣдетъ куда-нибудь. Большую часть дня тунгусы сидятъ и лежатъ на лавкахъ, кто куритъ, кто жуетъ смолку, ищутъ другъ у друга паразитовъ и лѣниво перебрасываются словами. Ребятишки полуголые играютъ съ собаками. Въ комнатахъ жарко. Хотя оконъ нѣтъ и вмѣсто нихъ натянута бѣлая матерія, а на дворѣ страшный холодъ, но камельки и желѣзныя печки безпрерывно нагрѣваемыя, пышутъ жаромъ. Вентиляція постоянная, даже сквознякъ и все же

вонь порядочная. Посуду никогда не моютъ. Когда пища съѣдена, ребятишки, а то и взрослые до-чиста вылизываютъ ее языкомъ и такъ ставятъ. Подавая ее проѣзжающимъ, тунгуска только вытретъ котелокъ или тарелки руками или своимъ грязнымъ подоломъ. Тойонъ, или даже просто проѣзжающій можетъ потребовать, чтобы посудину вымыли горячей водой; не то съ летучкой. Разъ мы спросили себѣ посудину для варки пищи. Подаютъ. Заглянули мы внутрь — грязь. Мазнули пальцемъ — на стѣнкѣ образовался довольно глубокій слѣдъ, а на пальцѣ остался грязный жиръ. Говоримъ: помойте. Всѣ повернулись въ нашу сторону, хозяйка вытаращила глаза, какъ будто услыхала что-то изъ ряду вонъ выходящее. Мы поняли, что сдѣлали не ладно, и стали мыть сами. Всѣ за нами слѣдятъ, на лицахъ удивленіе и любопытство. Кто-то говоритъ:

— Откуда они... чистые больно?..

Дорогой Матвѣй объяснилъ намъ, что такая опрятность со стороны летучки необычайное явленіе и, чтобы не обращать на себя вниманія, лучше ужь варить въ той посудѣ какую подаютъ. Мы рѣшили было совсѣмъ не варить себѣ пищи и питаться по примѣру якутовъ мороженымъ сырымъ мясомъ, но это было еще противнѣе и, пожалѣвъ, что забыли захватить необходимую посуду, мы начали варить въ подаваемой. Наваръ получался не съ нашего мяса, а со стѣнокъ посудины.

— Терпи, культурный человѣкомъ, тунгусомъ станешь...—философствовалъ мой товарищъ.

За дорогу мы сильно загрязнились, костюмы были подходящіе и нашъ внѣшній видъ никого не смущалъ. Привыкли мы и къ мѣстнымъ обычаямъ, усвоили манеры летучки, жесты, вообще вошли въ роль. Одно только вызывало удивленіе мѣстныхъ жителей, это наша пища. Мясо мы ѣли хорошее и вдоволь, было у насъ масло, пшеничные калачи, даже бѣлый хлѣбъ. Чай мы пили не кирпичный, а «фамильный» и при томъ съ сахаромъ. Для летучки это роскошь, но побороть такія «культурныя» привычки мы были не въ силахъ.

Наконецъ, выѣхали мы на притокъ Жуи Чару, по которой и начинаются золотые пріиски или какъ тутъ говорятъ: ближняя тайга. Пріиски здѣсь уже брошены, какъ выработанные. Кое-гдѣ работаютъ одиночки или группы охотниковъ-старателей.

Ночевали мы снова у тунгусовъ и застали пьянство. На столѣ стояла бутылка водки, но закуски не было никакой. На нарахъ полулежало трое тунгусовъ, въ однѣхъ рубахахъ и портахъ, и курили трубки. За столомъ сидѣли женщины, въ однѣхъ рубахахъ съ разстегнутыми воротами. Водку тянули медленно, смакуя. Всѣ подвыпившія, какъ добрыя мамаши, дѣлились водкой и съ дѣтьми. Ребята кашляли, плевали, но пили. Одна изъ подвыпившихъ тунгусокъ довольно недвусмысленно начала ухаживать за мной. Она

наливала мнѣ чай, хватала за руки, садилась рядомъ и даже обнимала. Что-то она и говорила, но такъ какъ она не знала порусски, то я ничего не понялъ. Тунгусы ухмылялись, Матвѣй смѣялся, а я не зналъ, куда дѣваться отъ этого благосклоннаго вниманія. На мое счастье подошелъ тунгусъ, облапилъ ее и увелъ въ свою половину.

25 февраля мы уже подъѣзжали къ большому селенію Гатчинскому, откуда начинается дальняя тайга или Бодайбинскіе пріиски, а до г. Бодайбо остается 70 в. Тайга возлѣ пріисковъ сильно вырублена, горы почти совсѣмъ голыя, почему, вѣроятно и носятъ названіе гольцовъ.

Ночью пріѣхали мы въ Гатчинское и остановились у знакомца Матвѣя. Всѣ комнаты у него были биткомъ набиты народомъ, спавшимъ во всевозможныхъ позахъ. Хозяинъ оказался содержателемъ притона для копачей, какъ почти всѣ жители деревушки. Я не знаю ужь, гдѣ онъ со своимъ семействомъ помѣщался. Каждая комнатка, каждый уголокъ сдавался.

Мы рѣшили провести здѣсь цѣлый день—отдохнуть, умыться и переодѣться, такъ какъ отсюда мы могли ѣхать въ лучшихъ костюмахъ.

Цѣлый день въ домѣ толкался разный народъ, водка не сходила со стола, къ хозяину приносили всевозможныя вещи подъ залогъ, а вмѣсто денегъ брали водку. Матерная брань, ругань, циничные разсказы не прекращались до поздней ночи. Хозяйскія дѣти, въ числѣ ихъ взрослая дочь, шмыгали между этимъ народомъ, подавали водку, карты, лото и, не краснѣя, слушали скверныя слова. Хозяинъ и хозяйка весело, съ почтеніемъ всѣмъ раскланивались, всѣхъ спѣшили удовлетворить.

— Охъ, измучился совсѣмъ—сказалъ хозяинъ зайдя въ нашу комнатку и тяжело опускаясь на стулъ.—Скорѣй бы вернуть свое и уѣхалъ бы я.

— Каждый день у васъ такъ?

— Изо дня въ день.

— Что это за копачи?

— Копачи, знаете, что сами тихонько золото добываютъ. Забираются въ выработанныя шахты или брошенныя, потому что ихъ залило водой, и копаютъ, тамъ же и промываютъ. Казаки строго за этимъ слѣдятъ и не пускаютъ, а то ловятъ ихъ и бьютъ, чтобъ сказалъ, гдѣ золото прячетъ. Бываетъ, что и пытаютъ: огнемъ жгутъ, руки, ноги выворачиваютъ и совсѣмъ убиваютъ, тайга, вѣдь никому не скажетъ. Ну, и копачи по одиночкѣ не работаютъ, а все артелями человѣкъ по двадцать и больше. Залазятъ въ шахту по нѣскольку человѣкъ, вылазятъ всѣ сразу—возьми ихъ тогда, они съ револьверами.

— А золото куда сбываютъ? Потомъ ихъ не могутъ переловить?

— Да они всей артелью живутъ у какого-нибудь хозяина, ему и золото продаютъ, все, что нужно, у него же и забираютъ. Раньше бывало, проработаютъ они въ шахтѣ, не вылѣзая, недѣли двѣ-три, и несетъ каждый золота не меньше какъ на 500—600 руб., за забранное расплатятся и у меня же гуляютъ. Вся деревня тогда гуляетъ. Сейчасъ они себѣ плисовые штаны покупаютъ, широкіе, на пять человѣкъ хватило бы, плисовую поддевку, лакированные сапоги, шелковыя рубахи, на каждый палецъ по большому золотому кольцу надѣнетъ, а то и браслетъ золотой на руку, часы золотые съ такой же цѣпью. Пьютъ самыя дорогія вина, ѣдятъ лучшую провизію (сами знаете, что здѣсь все въ тридорога стоитъ), картежъ, лото, бабы. Деньгами соритъ малый направо и налѣво, всѣмъ даетъ. Ну, недѣля не прошла, а ужъ онъ все спустилъ. Начинаетъ съ себя снимать да закладывать—догуливать. Потомъ опять въ шахту или тайгу, часто они тамъ головы теряютъ, а то шахта обвалится и придавитъ, водой заливаетъ...

— Значитъ, доходъ вамъ съ нихъ большой?

— На сторону мало идетъ, все у насъ, хозяевъ, остается. Раньше хорошо жилось, лучше и не надо, а теперь худо, совсѣмъ скверно. Въ шахты не проберешься—строго охраняютъ. Уже съ мѣсяцъ безъ работы ходятъ, а у меня ихъ 25 человѣкъ. Всѣхъ прокорми. Ѣдятъ они, хоть работаютъ, хоть безъ работы, хорошо. Самую свѣжую, самую лучшую имъ провизію даю, потому, какъ плохое замѣтятъ—уйдутъ и разговаривать не станутъ. Уже не одну тысячу я на нихъ потратилъ. Если, Богъ дастъ, пройдутъ въ шахту, все свое верну, съ лишкой даже, да и лавочку прикрою—въ Россію отдыхать поѣду. Ну, а какъ такъ и дальше будетъ, поплачутъ мои денежки: скажутъ, что тутъ заработка нѣтъ, и уйдутъ въ другія мѣста. Мнѣ же за ними не переѣзжать... Плохо, совсѣмъ плохо... Раньше мы меньше рубля серебрянаго и денегъ не знали, а теперь вонъ мѣдь да бумажки пошли. Хозяева пріисковъ и то дѣло прикрываютъ: не выгодно стало... Зовутъ, пойду...

Вышли и мы. Большая комната была наполнена клубами табачнаго дыма. Посрединѣ стоялъ длинный столъ, за которымъ сидѣла компанія полупьяныхъ копачей. Часть играла въ карты, другая въ лото. Народъ все молодой, рослый и крѣпкій. Подсѣли къ нимъ, разговорились и поразились ихъ духовной нищетой. Люди весь смыслъ жизни видятъ только въ наживѣ, и наживѣ для того, чтобы потомъ съ трескомъ и шумомъ, въ безшабашномъ разгулѣ все пропить, спустить. Они только и говорятъ съ увлеченіемъ объ этихъ дняхъ, а о своей работѣ разсказываютъ неохотно. Работа средство, разгулъ цѣль жизни. Послѣ мѣсяца каторжной работы въ глубинѣ шахты, грозящей ежеминутнымъ обваломъ, по поясъ въ водѣ, пули казаковъ, кистень разбойника, а потомъ нѣсколько дней безсмысленнаго пьянства и разврата и они счастливы.

Поздно ночью копачи переодѣлись въ холщевыя рубахи и штаны,

въ большіе сапоги, захватили сумки съ провизіей и ушли. Очевидно, гдѣ-то найденъ былъ ходъ въ шахты.

Утромъ встали мы: копачи спятъ. Спросили у хозяина.

— Не прошли опять...—печально заявилъ онъ.

Мы живо собрались и уѣхали. Вскорѣ началась маленькая рѣчушка Бодайбо, впадающая въ Витимъ. По ней мы и ѣхали въ самой серединѣ пріисковъ. Зимой работы вообще идутъ слабо, а въ это время особенно. Изъ шахтъ достаютъ только песокъ, а промываютъ его лѣтомъ. Вездѣ лежатъ горы вынутаго песка. Въ одномъ мѣстѣ изъ снѣгу подымался дымокъ.

— Что это?—обратились мы къ Матвѣю.

— Брошенная шахта, копачи, видно, работаютъ...

— Такъ ихъ вѣдь могутъ открыть... по дыму?

— Безъ огня тоже не обойдешься. Пробьются!..—увѣренно сказалъ онъ.

Сколько мы не всматривались, нигдѣ не замѣтили какихъ либо сложныхъ приспособленій для добычи золота. Валъ для подъема бадей съ пескомъ, приводимый въ движеніе парой лошадей, желоба для воды, приспособленія для ситъ и еще кой-какія деревянныя сооруженія—вотъ и все. Только въ двухъ или трехъ мѣстахъ замѣтили мы паровые двигатели, да вдали отъ дороги какія-то большія приспособленія.

— Пріиски «Ленскаго Т-ва» — объяснилъ Матвѣй. — Ленскіе пріиски самые богатые по добычѣ золота и лучшіе въ техническомъ оборудованіи.

За нѣсколько верстъ до города мы легли на дно саней («гробъ» свой мы разорили еще въ Гатчинскомъ), Матвѣй укрылъ насъ одеждой и такъ въѣхали въ Бодайбо.

Остановились мы у знакомаго Матвѣя и сейчасъ же отправили его съ письмомъ на нужную намъ квартиру. Но хозяина ея въ городѣ не оказалось: уѣхалъ и когда вернется—не извѣстно.

На другой день утромъ мы сами зашли къ нему: еще не пріѣхалъ.

Городъ небольшой, раскинулся на нѣсколькихъ холмахъ и представляетъ совокупность разбросанныхъ хибарокъ, построенныхъ безъ всякаго плана и симметріи. Улицы кривы и тѣсны. Хорошихъ и большихъ домовъ мало. Чувствуется, что строились люди наскоро и не надолго: было-бъ подъ чѣмъ укрыться. Освѣщается одна, двѣ улицы.

Почти на каждомъ домикѣ безграмотныя вывѣски: «торгуютъ съѣстнымъ припасомъ»; въ окнахъ выставлены помятыя гильзы «Катыкъ», нѣсколько кусковъ мыла, флакончики духовъ, рубахи, нитки, зеркальца. Все это грязно, засижено мухами.

Зашли мы въ одну изъ такихъ лавченокъ и спросили чего-нибудь съѣдобнаго.

— Ничего нѣтъ, не торгуемъ.

— А какъ же на вывѣскѣ написано?..

— Не торгуемъ... Выпить не желаете ли?..

Мы не пожелали и ушли. Заходимъ еще въ одну. Даже на показъ ничего не выставлено. На стулѣ сидитъ дебелая, не первой молодости женщина.

— Пожалуйте!..—на распѣвъ говоритъ она и показываетъ на дверь внутрь помѣщенія. Не переступая порога, мы спросили:

— У васъ колбаса есть?

— Кол-баса?.. Есть барышни... красив...

Мы захлопнули дверь.

Наконецъ: варшавская колбасная. Съѣли колбасу и нашли, что желудокъ привыкъ ко всякой дряни—переваритъ и эту.

Видѣли мы и нѣсколько магазиновъ довольно-таки фешенебельныхъ со всевозможнымъ товаромъ. Замѣтили единственную церковно-приходскую школу, одну церковь и 3 казенки. На улицахъ масса народу: русскіе, якуты, евреи, «восточные человѣки»... Ѣздятъ на лошадяхъ, оленяхъ, даже на верблюдахъ. На каждомъ шагу валяются пьяные, здѣсь драка, тутъ ругань. Такой ругани, варьируемой на всѣ лады и тоны, мы еще не слыхивали. Виртуозы да и только.

Передъ вечеромъ вновь зашли къ нужному человѣку: нѣтъ. Печально брели мы по темнѣющимъ улицамъ. Вдругъ:

— Стой! кто такіе!..

Навстрѣчу пьяная компанія. Мы молча хотимъ разминуться.

— Стой... Давай на бутылку...—и кинулись къ намъ.

— Не подходи...—вскрикнули мы, показывая револьверы.

Компанія отступила, вытаскивая изъ-за голенищъ широкіе ножи, и, свернувъ въ сторону, дала намъ дорогу. Мы стали идти осторожнѣе, оглядываясь по сторонамъ.

— Ребята, заходите?...—слышимъ женскій голосъ. Окна въ домѣ, на крыльцѣ котораго стояла взывающая дѣвица, были ярко освѣщены, извнутри слышна была визгливая пѣсня, звукъ гармоники и смѣхъ.

— Къ намъ, кавалеры, пожалуйте... у нихъ больныя!—кричитъ по сосѣдству другая.

Подошли мы къ кватирѣ. Окна хорошо закрыты ставнями, ворота крѣпко заперты. Едва достучались и отперли намъ, только когда достаточно удостовѣрились, что это свои.

— Я уже хотѣлъ панихиду по васъ служить—смѣялся хозяинъ. Разсказали мы ему о своихъ приключеніяхъ.

— Житья просто нѣтъ. Что ни ночь, то два-три убійства, а ужъ грабежей, такъ просто ужасъ. Днемъ и то страшно ходить. А все отъ пріисковыхъ рабочихъ: пріиски то прикрываются, вотъ они и нахлынули. Народъ буйный и голодный, ну, и безобразничаетъ...

— Казаковъ и полиціи тутъ, кажется, достаточно...

— Такъ что-жъ: казачья (кутузка) полна, тюрьма тоже — некуда сажать. Исправникъ для нихъ столовку открылъ было, съ золотопромышленниковъ собиралъ на нее, а теперь не даютъ, безобразія еще хуже стали...

— Полиція у васъ щеголеватая...

— Ну, еще бы!... Прежній урядникъ полгода прослужилъ и 20 тысячъ нажилъ. И этотъ наживетъ. Они часто смѣняются. Тутъ всѣ имъ «харюзу» (дань) платятъ: съ проститутокъ по 6 руб. въ мѣсяцъ, а ихъ до ста, съ домохозяевъ, что водкой торгуютъ, побольше дерутъ—ихъ наберется до 300, да иные прочіе. Доходъ важный. Объ исправникѣ и не говорю.

Только черезъ нѣсколько дней явился ожидаемый нами человѣкъ. Живо устроилъ онъ насъ съ квартирой, снабдилъ книгами и газетами.

Прошло еще нѣсколько дней и дѣло наше окончательно уладилось. Нашли обратника до Витима за 16 руб., купили намъ кое-что изъ одежды, снабдили деньгами и необходимыми припасами.

4 марта рано утромъ мы выѣхали.

Весь путь намъ предстояло проѣхать по р. Витиму до деревни того же названія на Ленѣ—разстояніе въ 300 верстъ. Погода все время стояла отвратительная. Рѣзкій вѣтеръ съ воемъ вырывался изъ ущелій и несся по рѣкѣ, обдавая насъ сухимъ и мелкимъ снѣгомъ. Разъ или два видѣли мы восходъ солнца. Становилось тихотихо. Разгоняя тучи, по голубому небу ложились розовыя полоски, золотились края облаковъ. Потомъ краска сгущалась, лучи опускались ниже, переходили на верхушки горъ и деревьевъ. Снѣгъ на нихъ вдругъ заблеститъ тысячами искръ, рѣзко выдѣлятся бѣлыя вершины. Безформенная до сихъ поръ, тайга начинаетъ принимать очертанія, ясно видны ближайшіе гиганты. А впадь рѣки все еще темна. Но вотъ лучи скользятъ все ниже, зажигая снѣгъ, освѣтятъ насъ и станетъ вдругъ радостно и весело и какъ будто теплѣе. Но не на долго—опять вѣтеръ, снова снѣгъ.

На всемъ разстояніи мы встрѣтили только одно маленькое селеніе, гдѣ устроены верфи для пароходовъ. Здѣсь ходитъ почта, для которой чрезъ извѣстныя разстоянія устроены станціи, при нихъ же и казенныя зимовья. Въ нихъ, кромѣ печки и наръ, ничего не имѣется. Приходится самимъ топить и имѣть свои чайники. Не предвидя этого, мы не захватили необходимой посуды и намъ пришлось обращаться къ ямщикамъ. Ямщики въ большинствѣ изъ пріискателей и любятъ поговорить, но мы уже умѣли вести бесѣду.

На пятыя сутки вечеромъ мы въѣхали въ Витимъ. Отсюда обратника мы не нашли и рѣшили ѣхать на почтовыхъ до Киренска.

На другой день вечеромъ подали почтовыхъ лошадей и мы понеслись. Ѣздить на почтовыхъ гораздо быстрѣе и интереснѣе чѣмъ

на обратникахъ. Версты мелькаютъ незамѣтно. Мы проѣзжали 70—80 вер., останавливаясь только для перепряжекъ, а затѣмъ дѣлали остановку часа на два. Спали въ кибиткахъ, хотя холодъ сильно давалъ себя знать. Во снѣ мы частенько не замѣчали, какъ отмораживали щеки, уши, особенно же доставалось носамъ.

На Курейскомъ станкѣ писарь говоритъ намъ, какъ бы насъ дорогой не задержали. Мы насторожились и спросили, почему.

— Былъ вчера урядникъ и говорилъ, что не сегодня, завтра должна проѣхать партія государственныхъ, человѣкъ въ 20, подъ нихъ займутъ всѣхъ лошадей и вамъ, возможно, даже на слѣдующей станціи придется задержаться, такъ какъ лошадей не хватитъ.

Подъѣхали къ Солянскому станку, съ горы спускаются знакомыя кибитки. Быстро неслись онѣ намъ навстрѣчу.

— Политика ѣдетъ,—сказалъ ямщикъ и свернулъ въ сторону. Пытливо глядѣли мы въ кибитки, не увидимъ ли знакомаго. Мелькали лица, проносились сани. Сердце билось усиленно, хотѣлось послать привѣтъ, но чувство самосохраненія взяло верхъ.

Не далеко отъ Кирейска насъ встрѣтила другая новость: ждутъ проѣзда вновь назначеннаго губернатора въ Якутскъ. Мы совсѣмъ смутились: безъ встрѣчъ съ полиціей не обойтись.

Наконецъ, рано утромъ мы пріѣхали въ Киренскъ. Разыскивать ночью знакомыхъ было не удобно, оставаться на станціи тоже не безопасно, но дѣлать нечего. Расположились мы спать. Просыпаемся: въ комнатѣ урядникъ и городовые. Мы ихъ хорошо помнимъ. Внутри все похолонуло. Однако, натягиваемъ тулупы и храпимъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Урядникъ отдалъ распоряженіе никому не давать лошадей, а приготовить ихъ для губернатора, который скоро выѣдетъ, и они ушли. Мы живо одѣлись, нашли нужныхъ людей и сейчасъ же убрались со станціи. Здѣсь уже мы чувствовали себя почти въ безопасности.

Черезъ два дня вечеромъ подъѣхалъ на парѣ «дружокъ» и мы покатили. Отъ Усть-Кута мы рѣшили свернуть съ Ленскаго тракта и ѣхать на желѣзнодорожную станцію Тулунь. Этимъ мы сокращали путь, и вмѣстѣ съ тѣмъ получали возможность ѣхать по такимъ мѣстамъ, гдѣ о политическихъ ссыльныхъ имѣютъ очень смутное представленіе.

Мѣсто здѣсь довольно населенное и много большихъ селъ. Обычно спрашиваютъ: съ пріисковъ? Отвѣтишь утвердительно и этимъ удовлетворяются. Мѣстные крестьяне зажиточны. Кромѣ земледѣлія, которому они отводятъ не главное мѣсто, у нихъ есть прибыльный промыселъ: перевозка грузовъ и товаровъ. Не смотря на это, они живутъ грязно и скученно. Не рѣдкость встрѣтить въ двухъ комнатахъ семью, состоящую изъ 10 человѣкъ. Тутъ вообще живутъ большими семьями. Отношенія чисто патріархальныя.

Обстановка та же, что у русскаго мужика. Тѣ же полати, та же русская печь въ полъ-избы, тѣ же лавки и деревянные полы.

Сами они хорошо одѣваются, въ праздники даже въ шелкъ, золотые перстни на пальцахъ, въ избахъ часы, на столѣ и подъ иконами разныя дорогія бездѣлушки, есть хорошая посуда.

Но съ грязью они какъ будто срослись и рѣшительно не могутъ понять, что при ихъ достаткѣ можно жить въ лучшихъ условіяхъ. Когда имъ указываешь на антигигіеничность ихъ жилищъ, на грязь и вонь, они удивленно, какъ гончія, тянутъ воздухъ носами и говорятъ: «Воняетъ»?

— Само собой, воняетъ. Развѣ не слышишь?

— А мы по нашему хрестьянскому положенію такъ привычны.

Когда указываешь, что хлѣбъ плохо спеченъ и не просѣянъ что продукты ихъ попахиваютъ, они возражаютъ:

— Что духляней, то и наше. Мы по своему положенію привычны.

И объ этотъ аргументъ: мы по своему положенію привычны— разбивается всякая критика. На позиціи: такъ отцы и дѣды наши жили—они стоятъ непоколебимо, а къ критикану начинаютъ относиться подозрительно. Молодежь въ этомъ отъ стариковъ не ушла— отъ нея очень могилой попахиваетъ. Но когда сворачиваешь разговоръ на политическую тему, отношеніе сразу мѣняется. До сихъ поръ вы были по ихъ понятіямъ просто бездомный пріискатель, которому ничего не стоитъ критиковать ихъ, «хозяевъ», ибо вы сами не таковой, а значитъ и понятія объ этомъ имѣть не можете. Но, когда вы скажете, что читаете газеты, мнѣніе сразу мѣняется: вы становитесь «серьезнымъ» человѣкомъ и васъ закидываютъ массой вопросовъ, особенно о Думѣ. Что она теперь дѣлаетъ, много ли тамъ крестьянъ («неужто есть простые мужики?»), кто выбиралъ «правыхъ»?

Они убѣждены, что выше Думы ничего нѣтъ, что развѣ только царь ей не подчиняется, что Дума что ни скажетъ, то и законъ, а министры у ней въ родѣ какъ бы урядниковъ, приказанія ея исполняютъ. Положительно вѣрить не хотятъ, что въ дѣйствительности дѣло не такъ обстоитъ.

— Такъ какъ же — недовѣрчиво изумлялись они — депутаты вѣдь отъ народа. Ихъ и выбирали затѣмъ, чтобъ они самую что ни на есть правду говорили. А ужъ ежели что не такъ, неправильно, то самъ народъ и долженъ разобрать дѣло.

Мы указали на первую Думу.

— Такъ говорятъ, что она ничего не дѣлала?

— Мало ли что говорятъ, а распускать ее кто долженъ былъ?

— И впрямь...—удивленно восклицали они,—ну дѣла!..

Занимала ихъ и политическая забастовка.

Ихъ поражало то, что сразу можно пріостановить все движеніе.

— Такъ-таки и нельзя поѣхать по желѣзной дорогѣ? — восхищались они.—И телеграмки послать? Ну, а если бъ царь захотѣлъ поѣхать?

— Важная штука! Вотъ кабы весь народъ понялъ.

— Нѣтъ, братцы, вотъ если-бъ Лена поднялась, тогда бы имъ крышка!..

И мнѣніе, что Лена «всему корень», намъ не разъ пришлось слышать.

— Да ты слушай, парень! По Ленѣ-то сколько товаровъ везутъ, народу тьма возлѣ ей кормится... Ну-ка, затормози машину-то! Сразу весь сурьезъ окажетъ себя!..

Но въ общемъ здѣсь еще такая тьма царствуетъ, такъ сильны традиціи прошлаго, такая неосвѣдомленность и забитость, что больно дѣлается. Интеллектуальныя потребности населенія весьма не велики и не наблюдается даже стремленія къ повышенію ихъ...

Отъ Усть-Кута мы снова ѣхали съ обратниками, такъ какъ это хоть и медленно, но очень дешево.

Подводъ за сотню шло. Крестьяне шагали возлѣ нашихъ саней и мы вели оживленную бесѣду.

Намъ, конечно, приходилось памятовать о своемъ положеніи и разсказывать, не выходя изъ рамокъ газетныхъ сообщеній.

И частенько крестьяне, вздыхая, говорили:

— Намъ земли и не надо бы — своей пока хватитъ... вотъ если-бъ хресьянскихъ начальниковъ убрали да налоги уменьшили, и то слава Богу.

Очевидно, желая показать, что у нихъ тоже есть «мученики за идею», они не разъ повторяли намъ разсказы о двухъ старшинахъ: одинъ сидитъ въ тюрьмѣ (мы съ нимъ встрѣчались въ Иркутской тюрьмѣ), а другой въ бѣгахъ.

— Тысячу рублей сулятъ тому кто сыщетъ его, такъ рази мы покажемъ?—ухмылялись они.

Весна уже чувствовалась. Пригрѣвало солнышко, дни пошли ясные, снѣгъ сталъ рыхлымъ, кой-гдѣ пробовали и ручейки побѣжать, но за ночь морозъ ихъ крѣпко сковывалъ. Воздухъ былъ чистый, влажный, напоенный смолистымъ запахомъ. Зеленая тайга, стѣной стоящая по сторонамъ дороги, освобождала свои верхушки отъ снѣга, весело шумѣла, а по вѣтвямъ прыгали птички, которыхъ мы сѣвернѣе не видѣли. Оживленіе природы дѣйствовало и на людей.

Сзади все чаще и чаще неслся бодрый крикъ:

— Пону-живай!..

Крикъ подхватывало эхо, и конецъ «а-ай» тихо замиралъ гдѣ-то далеко, далеко.

Лошади знаютъ этотъ призывъ и, точно очнувшись, начинаютъ шагать скорѣй, увеличиваютъ шагъ и люди.

Ѣхали мы все-таки очень медленно, особенно длинными казались ночевки.

Мужики сидятъ, поплевываютъ, курятъ да разговоръ ведутъ объ извозѣ, о томъ, кто какого звѣря добылъ за зиму, какъ купцы ихъ

надуваютъ, за безцѣнокъ скупая у нихъ шкуры и съ огромнымъ барышемъ сбывая потомъ въ Россію. Мы ихъ все время «понуживали».

— Поспѣемъ, парень!..

— Да вѣдь дома тоже работа тебя ждетъ?

— Кака работа — бабы управятся.

Но вотъ до Тулуна осталось 170 верстъ и мы не выдержали. Близость желѣзной дороги возбуждала. Вспомнишь, что ты уже почти у цѣли,—сердце сожмется мучительно-радостно, кровь прильетъ къ головѣ, вспомнишь, что на родинѣ весна не такая чахлая, какъ здѣсь, и хочется скорѣй, скорѣй ѣхать.

Мы снова поскакали на почтовыхъ и скоро были въ Тулунѣ.

Тутъ мы съ товарищемъ разстались. Онъ сейчасъ же уѣхалъ на Иркутскъ, а мой поѣздъ шелъ рано утромъ. Съ трудомъ прождалъ я ночь. Но вотъ билетъ взятъ, мѣрно застучалъ поѣздъ, унося меня въ Россію. На душѣ стало спокойно и радостно.

31 марта утромъ я пріѣхалъ въ Уфу и остановился у товарища. Вскорѣ пришелъ нужный человѣкъ.

Знакомя насъ, товарищъ сказалъ:

— Это Грачикъ.

У насъ не принято называть фамиліи, такъ что я былъ немножко удивленъ такой галантностью.

Между тѣмъ новый знакомый говорилъ:

— Пора, пора... уже весна...

Тутъ я понялъ, что это названіе «грачикъ» относилось ко мнѣ.

— Да, весна,—«грачи» полетѣли!..

Г. Дагоръ.

Маскарадъ.

(По поводу одного судебнаго процесса).

Процессъ «анархистовъ-коммунистовъ», обвиняемыхъ въ цѣломъ рядѣ экспропріацій и, между прочимъ, въ вооруженномъ ограбленіи казначея петербургской портовой конторы Гасперовича. Обвиняемыхъ 16. Семнадцатый, «извѣстный анархистъ Алейниковъ», «выдѣлилъ себя изъ настоящаго дѣла»,—бѣжалъ изъ судебной палаты. И, по отзыву адвокатовъ, поступилъ съ процессуальной точки зрѣнія вполнѣ правильно, такъ какъ никакой связи съ даннымъ дѣломъ не имѣлъ и притянутъ къ нему, что называется, за волосы. Изъ остальныхъ 16-ти многіе весьма неожиданно притянуты къ анархизму. Даже обвинительный актъ удостовѣряетъ, что

одни изъ нихъ «распространяли выборгское воззваніе», другіе — соціалъ-демократическую литературу. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ прокурору увѣрять, что предъ судомъ анархисты. 15 обвиняемыхъ не признаютъ себя виновными. И только одинъ Самуилъ Олешкевичъ говоритъ:

— Да, признаю, что совершалъ экспропріаціи.

И разсказываетъ суду свою повѣсть. Кое-кого изъ своихъ соучастниковъ и руководителей онъ называетъ. Но это не тѣ, что сидятъ вмѣстѣ съ нимъ на скамьѣ подсудимыхъ. Да и вообще, по разсказу Олешкевича на судѣ, группа, въ составѣ которой онъ совершалъ экспропріаціи, сама по себѣ, а его невольные товарищи по судимости сами по себѣ. Такому же разграниченію буду и я слѣдовать. Ниже мнѣ придется довольно подробно остановиться на группѣ, къ которой онъ принадлежалъ. И подобно Олешкевичу, я заранѣе прошу помнить, что тѣ во многихъ отношеніяхъ случайныя лица, которыя очутились, по волѣ начальства, на скамьѣ подсудимыхъ— элементъ посторонній, въ «составъ не входящій». Намъ нужно какъ бы забыть объ ихъ существованіи и представить себѣ положеніе такъ, какъ будто передъ нами только одинъ изъ несомнѣнно причастныхъ къ дѣлу объ экспропріаціяхъ,—Самуилъ Олешкевичъ.

Нынѣ ему 18 лѣтъ. Онъ изъ крестьянъ Новогрудскаго у., Минской губ.,—бѣлоруссъ. Обвиняется, какъ анархистъ, но писать выучился уже послѣ ареста,—въ тюрьмѣ, гдѣ просидѣлъ до суда 14 мѣсяцевъ. Онъ и теперь еще пишетъ «по двумъ линейкамъ», въ родѣ учениковъ второго отдѣленія начальной школы. Среди его первыхъ письменныхъ упражненій въ тюрьмѣ, между прочимъ, оказались «стихи собственнаго сочиненія». А стихи онъ сталъ писать собственно потому, что на него временами «мысли находятъ».

— Думаешь, думаешь,—даже въ животѣ холодно станетъ... А напишешь стихъ,—оно и полегчаетъ...

Олешкевичъ всѣмъ говоритъ: «ты». Онъ—низенькій, съ длинными не вьющимися волосами и лицомъ, которое невольно запоминается. На старыхъ иконахъ ангеловъ съ такими лицами писали. Во время суда онъ часто улыбался нѣсколько нервною, но веселою и добродушною улыбкою, которая порядкомъ злила кое-кого изъ судейскихъ:

— Ишь зубы скалитъ... Будто на свадьбу пришелъ. Или похвальнаго листа ожидаетъ...

По словамъ Олешкевича, онъ до 11 лѣтъ не ѣлъ «чистаго хлѣба». И впервые узналъ, что такое «хлѣбъ безъ мякины», когда поступилъ «батракомъ на хозяйскихъ харчахъ». «Оно хотя—разсказываетъ онъ—и говорятъ, будто въ батракахъ плохо, да оно, и правду сказать, плохо, но хуже нашего, крестьянскаго, ѣдятъ только мужицкія свиньи,—барскія ѣдятъ лучше, да, пожалуй, и много лучше», 13-лѣтнимъ мальчикомъ онъ попалъ въ подручные къ барскому

садовнику, и объ этомъ этапѣ въ своей карьерѣ до сихъ поръ отзывается съ восторгомъ:

— 25 цѣлковыхъ жалованья въ годъ, красная рубаха, яблоковъ вдоволь,—живи не тужи!.

Лѣтъ 15—16 онъ сталъ интересоваться не одними яблоками. Въ его стихахъ есть, напр., такія автобіографическія черточки:

„Вспомнимъ, товарищъ, какъ прежде живали,—
Въ убогой избенкѣ сбирались гурьбой,
Въ горячія рѣчи не разъ мы вступали“...

Кое-какія «рѣчи» онъ пытается даже изложить. Вотъ, напр., хорошо бы сдѣлать что-либо такое, послѣ чего

„Будемъ всѣ счастливые
И граждане свободные,—
Не то, что мы сейчасъ“...

Надо бы «весь людъ освободить». «Свалить зло великое съ мужицкихъ нашихъ плечъ». Пора не «терпѣть и покорно глядѣть», а надо «землицу и волюшку взять». «Обнажить безпощадный мечъ» противъ какихъ-то «толстопузыхъ», которые

„Пьютъ слезы наши горькія,
Послѣдню кровь сосутъ“.

Затѣмъ всѣхъ «толстопузыхъ» судить праведнымъ всенароднымъ судомъ на площади и, осудивши ихъ, «*написать*»:

„Что нѣтъ больше помѣщиковъ,
Князей, дворянъ, чиновниковъ,
Купцовъ, поповъ, заводчиковъ,
И нѣтъ больше рабовъ,
А есть одни свободные
Граждане благородные—
И всѣ они равны!...“

Замѣтьте, Олешкевичъ говоритъ это уже въ тюрьмѣ, уже когда познакомился съ «настоящими людьми» и, благодаря имъ, успѣлъ кое-что понять и осмыслить. Даже кое-что понявши и осмысливши, онъ мечтаетъ о какомъ-то рукописаніи, которое уничтожило бы не только заводчиковъ и купцовъ, но даже чиновниковъ. Повидимому, до «знакомства съ настоящими людьми» «горячія рѣчи въ убогой избенкѣ» залетали въ еще болѣе туманную даль. Услѣдить за ихъ полетомъ нѣтъ возможности, Несомнѣнно лишь, что «духъ времени» сказался и въ бѣлорусской глуши. Подобно многимъ деревенскимъ мальчикамъ, Олешкевичъ вдругъ почувствовалъ, что есть какой-то врагъ—«толстопузый», многоликій, неуловимый какъ кошмаръ,—давитъ онъ тебя, а кто онъ и гдѣ онъ, неизвѣстно. Подобно милліонамъ людей, 16-лѣтній деревенскій парень почуялъ въ себѣ

жажду борьбы и мести. Но врагъ оставался неопредѣленнымъ. И пока боевое настроеніе не находило исхода и лишь накапливалось. Но вотъ въ началѣ 1905 года дошли до деревни Вторая Красковская Гора, гдѣ жилъ Олешкевичъ, слухи о 9 января. А потомъ дошли и «листки Гапона».. Положеніе врага, такъ сказать, географически опредѣлилось. «И потянуло меня—разсказываетъ Олешкевичъ—въ Питеръ». Настала весна;

...„въ зеленой березовой рощѣ
На вѣткѣ кукушка уже куковала".

«А жизнь молодая» такъ тянулась въ борьбу, такъ «тосковала», что деревенскій парень не выдержалъ: «привязалъ къ поясу пару лаптей и пошелъ въ Петербургъ».

„Путникъ усталый
И солнцемъ палимый
Еле плетется,
Жаждой томимый;
На плечахъ котомка
И посохъ въ рукахъ;
Изорваны лапти
На пыльныхъ ногахъ"...

Изъ бѣлорусской дали представлялось, что, какъ дойдешь до Питера, такъ и «врага» увидишь. Вблизи оказался просто большой шумный городъ, по улицамъ котораго, приблизительно въ августѣ 1905 г., растерянно бродилъ голодный шестнадцати-лѣтній парень, спрашивая у прохожихъ на бѣлорусскомъ діалектѣ:

— Гдѣ тутъ живетъ мой дядя?

Сердобольные люди разсказали ему, какъ обратиться въ адресный столъ. И при посредствѣ дяди, желѣзнодорожнаго рабочаго, черезъ нѣсколько дней Самуилъ Олешкевичъ «опредѣлился» на фабрику Сыромятникова. Кое-какой исходъ принесенному изъ деревни настроенію дала полоса забастовокъ. Митинги... Горячія рѣчи... Первая забастовка, въ которой участвовалъ Олешкевичъ, прошла удачно: «толстопузый» «жалованья прибавилъ». Послѣ второй забастовки «горячій парнишка» попалъ «на замѣчаніе» и, приблизительно, въ декабрѣ 1905 г. очутился на улицѣ. Этотъ мѣсяцъ начался въ Петербургѣ закрытіемъ газетъ и арестомъ совѣта рабочихъ депутатовъ. «Питеръ раскисъ». Москва, начавшая первую всеобщую забастовку, шумѣла. Олешкевичъ направился туда. И попалъ въ Москву, когда улицы были перерѣзаны баррикадами.

...Такъ называемое «московское возстаніе» кончилось. «Трое сутокъ—разсказываетъ Олешкевичъ,—голодный скитался я по Дѣвичьему Полю. Кто-то сунулъ мнѣ пятачокъ. Купилъ я хлѣба на этотъ пятакъ и съ этимъ запасомъ двинулся въ Питеръ. Холодно (рождественскіе морозы), а подъ сапогами почти нѣтъ подметокъ. До Твери я шелъ пѣшкомъ. Питался по будкамъ. Но будочники

чаще гнали прочь: «иди, иди,—много васъ тутъ шатается». Въ Твери я былъ боленъ. Но еще держался на ногахъ, и упросилъ гуртовщиковъ взять меня до Питера, а за это я кормилъ и поилъ ихній скотъ. Кое-какъ добрался я до Питера. Дядя меня выгналъ. Пошелъ я въ столовую для безработныхъ. Здѣсь меня оставили сторожемъ... Здѣсь-то я (приблизительно въ февралѣ 1906 г.) и познакомился съ тѣми, которые почему-то называли себя анархистами и революціонерами. Но это была просто шайка хулигановъ. Но это я узналъ позже, когда въ тюрьмѣ встрѣтилъ настоящихъ революціонеровъ».

«Шайка хулигановъ»—реченіе чрезвычайное. И я постараюсь объяснить, что такое въ дѣйствительности была эта «шайка». Постараюсь объяснить, — разумѣется, въ тѣхъ предѣлахъ, насколько позволяютъ внѣшнія обстоятельства. При этомъ еще разъ напоминаю, что «шайка», о которой говоритъ Олешкевичъ, сама по себѣ, а лица, вмѣстѣ съ которыми онъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ,—сами по себѣ.

II.

Въ началѣ 1905 г. одинъ богатый провинціалъ пожелалъ «для спасенія души» пожертвовать нѣсколько тысячъ рублей въ распоряженіе «главнокомандующаго революціонеровъ». Къ счастью, ему удалось напасть на партійныхъ людей. Сначала онъ вступилъ въ переговоры съ мѣстными соціалъ-демократами. Тѣ объяснили ему, что вотъ, молъ, у насъ «дѣлами управляетъ» центральный комитетъ.

— Ну, а кто надъ вашимъ центральнымъ комитетомъ старшій?

Отвѣтомъ с.-д. жертвователь не удовлетворился и завелъ переговоры съ с.-р. И эти ему сказали, что есть у нихъ «це-ка».

— Ну, а надъ «це-ка» вашимъ кто командуетъ?

Этотъ наивный человѣкъ представлялъ себѣ дѣло, приблизительно, такъ. С.-д. одинъ родъ оружія. Освобожденцы — другой. С.-р. третій. Каждая часть работаетъ по своей спеціальности и въ своей сферѣ. Но всѣ они за конституцію. Значитъ, долженъ быть надъ ними главнокомандующій, который и заправляетъ «всѣми этими дѣлами». Ему «эти дѣла» всего виднѣе, и онъ каждую копѣйку направитъ именно туда, гдѣ она наиболѣе къ мѣсту. Можетъ быть, дескать, оттого и конституціи у насъ пока нѣтъ, что у главнокомандующаго въ рѣшительный моментъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ тысячъ рублей не хватаетъ. И когда ему соціалъ-демократы, напр., объясняли, что такого главнокомандующаго нѣтъ и быть не можетъ, онъ не вѣрилъ:

— Знаемъ, молъ, васъ: это вы хотите на свою часть всѣ деньги взять, а мнѣ желательно, чтобы онѣ прямо къ старшому въ руки попали...

Переговоры съ партійными людьми («съ настоящими революціонерами») все-таки предохранили чудака отъ опасности попасть въ передѣлку къ авантюристамъ. Однако, не всѣмъ богачамъ, желавшимъ въ 1905 г. пожертвовать на дѣло революціи, удалось избѣжать этой опасности. Одинъ изъ такихъ жертвователей, по разнымъ причинамъ, о которыхъ говорить не буду, съ настоящими революціонерами завязать связи не могъ. Но у него была родственница, горячая и наивная дѣвушка, имѣвшая, къ прискорбію семьи, «революціонныя знакомства». Къ ней-то и обратился жертвователь:

-- Желаю дать столько-то тысячъ рублей. Скажи, кому вручить, чтобы дошли по назначенію, но чтобы мое имя осталось при семъ неизвѣстнымъ.

Наивная дѣвушка,—назову ее ради удобства Мязгиной — дѣйствительно, была знакома кое съ кѣмъ изъ революціонно настроенной, но очень зеленой молодежи. Въ составъ зеленой молодежи, съ которой имѣла связи Мязгина, входили нѣсколько гимназистовъ и гимназистокъ, нѣсколько студентовъ первокурсниковъ, нѣсколько рабочихъ, «занимавшихся самообразованіемъ». «Революціонность» тутъ не шла дальше добыванія и чтенія нелегальныхъ листковъ и книжекъ. Помогала же знакомымъ Мязгиной «добывать нелегальщину» нѣкая довольно пестрая, но тѣсно спаянная компанія. Было въ этой компаніи 2 - 3 человѣка, связи которыхъ съ охраннымъ отдѣленіемъ впослѣдствіи обнаружились явственно. Было 2 - 3 просто безпутныхъ человѣка, которые имѣли кое-какое, впрочемъ, отдаленное знакомство съ революціоннымъ подпольемъ, пожалуй, искренно мечтали «нѣчто сдѣлать», но пока предпочитали просто «кутнуть». Было 2 - 3 червонныхъ валета съ настоящимъ уголовнымъ темпераментомъ. Были 2 - 3 дѣвицы, частью легкомысленныя, частью просто больныя, — у одной, напр., впослѣдствіи установлена нимфоманія въ острой степени. Всего, такимъ образомъ, «коноводовъ» было человѣкъ 10 или 12. Объединяла ихъ связь чисто личнаго знакомства. Просто сошлись люди, которымъ оказалось удобно вмѣстѣ кутить, ссориться, мириться, влюбляться, ревновать, играть въ благородство, говорить радикальныя фразы. По существу это былъ одинъ изъ многочисленныхъ кружковъ петербургской радикальной богемы, застрявшій на полъ-дорогѣ между порядочными людьми и червонными валетами.

Этому кружку и предложила Мязгина деньги своего родственника. Веселой компаніи пришлось, такимъ образомъ, отъ революціонной фразы, введшей наивную дѣвушку и ея знакомыхъ въ заблужденіе, переходить къ революціонному дѣлу. Какъ извѣстно, у всѣхъ революціонеровъ непремѣнно должна быть конспиративная квартира. А посему и «революціонеры» Мязгиной «первымъ долгомъ» наняли и роскошно омеблировали барское помѣщеніе. На это занятіе ушелъ августъ и начало сентября 1905 г. И когда оно

кончилось, возникъ вопросъ: «конспиративная квартира готова, а дальше что?»

Между тѣмъ, началась полоса митинговъ. На поверхность изъ подполья стали выплывать настоящіе революціонеры. У наивныхъ людей, въ родѣ Мязгиной, невольно раскрылись глаза. Кружокъ, которому она вручила деньги, оказался одинаково далекимъ отъ всѣхъ вліятельныхъ и популярныхъ группировокъ въ эпоху первой всеобщей забастовки. «Революціонерамъ» по недоразумѣнію пришлось точнѣе опредѣлить свою позицію. И они заявили:

— «Мы—анархисты».

Ниже мнѣ придется упомянуть провокатора Еганова, участвовавшаго въ нѣсколькихъ экспропріаціяхъ. Когда близость его къ охранному отдѣленію совершенно обнаружилась, онъ заявилъ:

— Какъ анархистъ, я не признаю предразсудковъ и условностей вашей буржуазной морали. Почему предосудительно быть шпіономъ?

Это особенный «анархизмъ»,—въ родѣ того, возможность котораго предвидѣлъ еще Рабле: «Дѣлай, что хочешь». У Рабле эту фразу произноситъ Панургъ. Приблизительно въ такомъ же панурговомъ стилѣ оказался и анархизмъ «кружка», о которомъ я говорю. Останавливаться на подробностяхъ, признаюсь, противно. Но одинъ штрихъ рѣшаюсь вскользь отмѣтить. Зеленому юнцу, попавшему въ компанію по ошибкѣ, какъ-то разъ уже упомянутая мною дѣвица-нимфоманка неожиданно заявила:

— Какъ жаль, что въ Петербургѣ нѣтъ мужскихъ домовъ...

Тотъ вспыхнулъ отъ стыда...

— Фи, какой вы буржуй,—возмутилась дѣвица. — Мы, анархисты, должны безъ стѣсненія...

Впрочемъ, въ 1905 г. панурговъ анархизмъ «не стѣснялся» лишь въ кружкахъ. Позже среди радикальной богемы онъ сдѣлалъ значительные успѣхи. И даже заявилъ о своемъ существованіи печатно, когда порнографы были причислены къ лику анархистовъ, именно потому и только потому, что они порнографы; а нѣкоторыя газеты стали «дискуссировать» вопросъ о томъ, предосудительно или не-предосудительно промышлять непотребствомъ. Эта ссылка, надѣюсь, избавляетъ меня отъ дальнѣйшихъ подробностей.

Конечно, въ кружкѣ не все сводилось къ практическому панургову анархизму. Революціонная внѣшность все-таки соблюдалась. На конспиративной квартирѣ были кое-какіе предметы, съ которыми неблагоразумно попадаться на глаза полиціи. Здѣсь собранія сводились, правда, къ веселымъ пирушкамъ. Но компанія, изрядно выпивъ, все таки обсуждала разные революціонные планы, тѣмъ болѣе рѣшительные и смѣлые, что ихъ никто не собирался осуществлять.

Въ серединѣ октября произошелъ первый въ Петербургѣ «митингъ анархистовъ». На митингѣ выступали впервые передъ пу-

бликою подлинные анархисты. Такимъ образомъ, познакомиться съ ними получила возможность и Мязгина, черезъ которую продолжали поступать частями взносы жертвователя. Новые знакомые Мязгиной очень обрадовались, услышавъ отъ нея о существованіи довольно многолюднаго анархическаго кружка. Но когда Мязгина, послѣ предварительныхъ переговоровъ, ввела ихъ на собраніе въ конспиративной квартирѣ, то они натолкнулись на такую, примѣрно, сцену:

— Столъ уставленъ бутылками и залитъ питіями. Тамъ и сямъ сильно подвыпившіе люди обоего пола. Въ комнатѣ шумъ и гамъ ужъ слишкомъ чрезмѣрный для конспиративнаго собранія.

По приходѣ «новыхъ людей» приступили къ «серьезному обсужденію очередныхъ вопросовъ». Кто-то сталъ говорить, что вотъ, молъ, хорошо бы обезоружить всѣхъ городовыхъ въ Петербургѣ, Другой возразилъ, что городовые—пустякъ, главная сила въ солдатахъ и казакахъ. Для борьбы же съ солдатами и казаками надо построить начиненные динамитомъ автомобили. А, вмѣсто шофферовъ, на каждый автомобиль посадить по автомату, также начиненному динамитомъ. И вотъ когда во время возстанія покажется войско, противъ него надо выпустить автомобиль съ автоматомъ. Солдаты откроютъ стрѣльбу. Отъ удара пуль динамитъ взорвется и произведетъ страшное опустошеніе...

Одинъ изъ новопріѣзжихъ анархистовъ обратился къ Мязгиной.

— Что это? Бедламъ?—вырвалось у него.

— Да,—грустно отвѣтила Мязгина,—присматриваясь ближе, я начинаю во многомъ разочаровываться...

Подошелъ ноябрь. На «конспиративную квартиру» нахлынули новые люди. Прежніе коноводы очутились въ положеніи, довольно смѣшномъ и жалкомъ. Ихъ было оттерли отъ безконтрольнаго распоряженія деньгами, поступавшими отъ Мязгиной. Но на первомъ же довольно многолюдномъ собраніи, на которомъ по требованію новыхъ людей выпивка «безусловно не допускалась», одинъ изъ коноводовъ счелъ за лучшее разыграть сцену ревности и въ заключеніе открылъ стрѣльбу изъ револьвера. Собравшимся удалось скрыться, прежде чѣмъ дворникъ принялъ мѣры. Но попытка привлечь вниманіе полиціи была продѣлана ужъ слишкомъ аляповато. Отъ «конспиративной квартиры» запахло провокаторствомъ, и ея стали избѣгать. Такимъ образомъ, «кружку добрыхъ знакомыхъ» удалось отстоять свои права на барскую квартиру, но онъ оказался въ одиночествѣ. Зеленая молодежь поумнѣла и ушла прочь. Средства исчезли. Нѣкоторое время кое-кто изъ членовъ кружка не брезговалъ питаться сборомъ пожертвованій на революціонныя цѣли. Словомъ, дѣла пошли было совсѣмъ на убыль. Но тутъ кстати подвернулось новое занятіе.

Какъ извѣстно, послѣдніе $1^1/_2$—2 мѣсяца 1905 г. въ Петербургѣ ознаменованы, между прочимъ, усиленнымъ спросомъ на ору-

жіе. Сказывалось въ этомъ отчасти тогдашнее ожиданіе черносотеннаго погрома. Да и настроеніе было особенное: многіе ждали «баррикаднаго боя» и готовились къ нему. Кое-что значила и просто мода: «всѣ вооружаются». Люди съ установленной и окрѣпшей общественной репутаціей имѣли, конечно, возможность пріобрѣтать оружіе у революціонныхъ организацій и по сравнительно недорогой цѣнѣ. Но для огромнаго круга обывателей, по весьма понятной причинѣ, общеніе съ революціонными организаціями на этой почвѣ немыслимо. И кружокъ предпріимчивыхъ людей, располагавшихъ барскою квартирою, додумался:

— Отчего бы намъ не придти обывателю на помощь?

Не велика, въ самомъ дѣлѣ, хитрость купить въ томъ же хотя бы Выборгѣ штукъ 5—6 револьверовъ. Не такъ ужъ трудно провезти ихъ въ Петербургъ Между тѣмъ, каждый браунингъ, коему въ Выборгѣ красная цѣна, 20—25 р., можно продать въ Петербургѣ рублей за 40, а то и 50. Разсчетъ явный. И дѣйствительно, операція въ иные дни давала кружку чистой прибыли до 200 р. Любопытно, между прочимъ, что въ этой операціи принимали участіе и тѣ «члены кружка», прикосновенность которыхъ къ охранной службѣ нынѣ несомнѣнна. Прибыль, впрочемъ, сама собою. Главное же, кружку, когда онъ сталъ «доставлять оружіе», удалось, до нѣкоторой степени, даже среди знавшихъ его людей возстановить подорванную репутацію.

— Положимъ, Сидоровъ стрѣлялъ на конспиративной квартирѣ во время конспиративнаго собранія. Однако, онъ также занимается доставкой оружія. Можетъ быть, просто у Сидорова шальной темпераментъ. При томъ же Карповъ, напр., возмущается стрѣльбой Сидорова не меньше нашего. Однако, связей съ нимъ не порываетъ...

На новичковъ же доставка оружія и вовсе дѣйствовала убѣдительно. И такимъ образомъ кружокъ, очутившійся было въ одиночествѣ, за короткое время снова обросъ людьми, частью прежними, частью новыми. Вокругъ него сложилась группа, именовавшая себя «анархистами-индивидуалистами». Однако, доходъ отъ торговли оружіемъ сильно уменьшался. Полоса, которою онъ былъ обусловленъ, проходила. Другихъ рессурсовъ у кружка не было. И тутъ, какъ разъ по иниціативѣ одного изъ тѣхъ, кто позже оказался причастнымъ къ охранному отдѣленію, возникъ «вопросъ объ экспропріаціяхъ». Кто-то изъ непосвященныхъ возразилъ:

— Позвольте, мы, анархисты - индивидуалисты, принципіально отвергаемъ такія мѣры борьбы, какъ экспропріаціи. Тутъ, очевидно, недоразумѣніе.

Ему отвѣтили:

— Товарищъ, перестаньвте наивничать...

Послѣ этого «анархисты-индивидуалисты», попавшіе въ «группу» по недоразумѣнію, поспѣшили отойти подальше. Группа пріобрѣла

однородность, необходимую для «рѣшительныхъ дѣйствій». Вопросъ, поднятый по иниціативѣ провокатора, рѣшался самъ собою. Но это участіе провокаторовъ вынуждаетъ меня нѣсколько уклониться въ сторону.

III.

Помнится, въ началѣ нынѣшняго года, въ Минскѣ на общей квартирѣ были арестованы два анархиста: Кавецкій и Бентковскій. «Оба при арестѣ оказали отчаянное сопротивленіе: одного городового убили, околоточнаго и трехъ городовыхъ ранили. На квартирѣ Бентковскаго была обнаружена фабрика бомбъ. Послѣ ареста полиція раскрыла всю организацію минскихъ анархистовъ и многихъ изъ нихъ арестовала». Но затѣмъ, когда анархисты уже сидѣли въ тюрьмѣ, произошло нѣсколько загадочное qui pro quo. Жандармскій офицеръ потребовалъ къ себѣ Кавецкаго. Тюремное же начальство, по ошибкѣ, доставило Бентковскаго. Офицеръ почему-то не замѣтилъ ошибки и вступилъ въ разговоръ. И въ результатѣ недоразумѣнія для Бентковскаго выяснилось, что его товарищъ по организаціи, вмѣстѣ съ нимъ убивавшій и ранившій городовыхъ, состоитъ на охранной службѣ. Начальство поспѣшило перевести Кавецкаго въ одиночную камеру, въ коей онъ, «несмотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности», и былъ убитъ 25 апрѣля *).

Не лишне напомнить и еще кое-какіе эпизоды въ этомъ родѣ.

30 августа прошлаго года «группа анархистовъ» «напала на поѣздъ между станціями Елизаветино и Войсковицы, Балт. ж. д., съ цѣлью ограбить желѣзнодорожнаго артельщика, везшаго крупную сумму». Нападеніе, впрочемъ, не состоялось. Нападавшіе были окружены жандармами. Завязалась перестрѣлка. И лишь только она началась, одинъ изъ «анархистовъ» крикнулъ жандармамъ: «въ меня не стрѣляйте, я свой». Фамилія этого, тоже убитаго, провокатора—Григорьевъ. Онъ былъ членомъ союза русскаго народа и состоялъ въ сношеніяхъ съ охраннымъ отдѣленіемъ **).

Еще одна, тоже петербургская, группа «анархистовъ-коммунистовъ»,—въ ней, по судебнымъ даннымъ, участвовалъ инженеръ-технологъ Цейтлинъ, и она, опять таки по судебнымъ даннымъ, «совершила, между прочимъ, вооруженныя нападенія: на кассу Лѣсного института, на кассу табачной фабрики Лафермъ, на завѣдывающаго столовой Краснаго Креста» и мн. др. Къ этой группѣ принадлежалъ «студентъ Леонтьевъ», убитый товарищами по организаціи, какъ провокаторъ. Другой членъ группы, уже упомянутый мною Егановъ, долгое время стоялъ въ этомъ смыслѣ внѣ подозрѣній. И даже совершалъ единолично экспропріаціи: наприм., у

*) «Русь», 12. VI. 1907.
**) «Рѣчь», 13. IX. 1907.

Абовича, владѣльца часового магазина. «По указанію Еганова была арестована вся группа». И само «Новое Время» не сочло возможнымъ скрывать, что Егановъ «агентъ охранной полиціи», который, «вращаясь среди революціонеровъ, доставлялъ о нихъ свѣдѣнія охранному отдѣленію, получая за каждое сообщеніе плату» *).

Еще сложнѣе дѣятельность московскаго провокатора Толпекина. По его показаніямъ прокурору и на судѣ, онъ состоялъ на службѣ въ охранномъ отдѣленіи спеціально «по выдачѣ экспропріаторовъ». Толпекинъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ экспропріацій... и каждый разъ (заранѣе) докладывалъ отдѣленію, гдѣ, кѣмъ и когда будетъ экспропріація совершена» **).

Рядъ такихъ вполнѣ опредѣленныхъ, документальныхъ данныхъ можно бы дополнить довольно многочисленными глухими извѣстіями, въ родѣ, напр., слѣдующихъ:

Ростовъ на Дону. Въ карманѣ грабителя, убитаго во время нападенія начальникомъ сыскной полиціи Блажковымъ оказались значекъ и членскій билетъ союза русскаго народа ***).

Екатеринославъ. «Совершена попытка экспропріаціи въ магазинѣ Могилевскаго. Задержанный оказался стражникомъ, командированнымъ для сопровожденія желѣзнодорожнаго артельщика ****).

Но дѣло тутъ не въ томъ собственно, что вотъ извѣстно изрядное число экспропріацій, совершенныхъ при участіи, а иногда и по иниціативѣ агентовъ полиціи. Это обстоятельство приходится считать установленнымъ. Для насъ интереснѣе другое: для какихъ цѣлей «агенты» озабочиваютъ себя этимъ участіемъ и даже иниціативой? Приблизительно въ маѣ нынѣшняго года на кіевскомъ окружномъ судѣ пришлось установить, что одна изъ экспропріацій въ Кіевѣ (у Гальперина) организована по иниціативѣ начальника мѣстнаго сыскного отдѣленія Рудого и совершена подъ руководствомъ сыскного агента Мельника. Мельникъ привлекъ къ этому дѣлу и вооружилъ «на всякій случай» револьверами трехъ безработныхъ. Эти трое и были доставлены на судъ въ качествѣ обвиняемыхъ. А Мельнику, какъ удостовѣрено передъ судомъ свидѣтельскими показаніями начальника кіевской тюрьмы, «начальство» дало возможность бѣжать и скрыться. Объясняя присяжнымъ, почему Рудой принималъ столь горячее участіе въ этомъ дѣлѣ, прокуроръ, между прочимъ выразился такъ:

— Создай дѣло, а я что-нибудь повѣшу себѣ въ петличку» *****).

Можно, разумѣется, предположить, что многочисленные коллеги Мельника, въ родѣ Еганова или Григорьева, «создаютъ дѣла» только потому, что тому или иному начальству хочется преуспѣть

*) «Рѣчь», 21. VII. 1907.
**) «Кіев. Вѣсти» 19. VI. 1907.
***) «Рѣчь», 20. V. 1907.
****) «Рѣчь», 26. VII. 1907.
*****) См. «Кіев. В.», 3 мая; «Рѣчь» 3, 9 и 24 мая; и «Сегодня», 16 мая.

по службѣ. Однако, врядъ ли во всѣхъ такихъ случаяхъ рѣшающую роль играютъ только карьерныя соображенія. Въ сентябрѣ н. г. калужскому окружному суду пришлось установить, что экспропріація въ Калугѣ въ магазинѣ Чернобровина организована начальникомъ мѣстнаго охраннаго отдѣленія жандармскимъ ротмистромъ Никифоровымъ, а непосредственнымъ руководителемъ предпріятія былъ сыщикъ того же охраннаго отдѣленія Андрей Бровцевъ. Послѣднему Никифоровъ спеціально для экспропріаціи вручилъ револьверъ. И относительно цѣлей, какими руководился Никифоровъ, на судѣ присяжнымъ повѣреннымъ Новосильцовымъ было высказано не то предположеніе, какое допускалъ кіевскій прокуроръ. Суть въ томъ, что 30 марта н. г. въ Калугѣ оканчивался срокъ усиленной охраны. Мѣстнымъ властямъ хотѣлось срокъ этотъ продлить. Но вѣсскихъ мотивовъ «для сего» не было. И за 3 недѣли до срока, 9 марта была инсценирована экспропріація *). «Продлить усиленную охрану» — согласитесь, это нѣсколько больше чѣмъ «повѣсить орденъ въ петличку». Усиленная охрана, вѣдь, это для многихъ чиновъ и усиленные оклады, и усиленный способъ отличиться по службѣ, усиленная власть, а, стало быть, и усиленное поступленіе обусловленныхъ службою доходовъ. На мѣстѣ Никифорова человѣку, болѣе предпріимчивому, есть прямой матеріальный разсчетъ создать мотивы для перехода отъ усиленной охраны къ чрезвычайной. А человѣкъ, очень предпріимчивый, легко учтетъ выгоды военнаго положенія, сравнительно съ чрезвычайной охраной.

Однако, предположеніе присяжнаго повѣреннаго Новосильцова основывается не только на очевидной наличности матеріальныхъ интересовъ, для коихъ необходима усиленная охрана. Здѣсь, вѣдь, есть и чисто политическій интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, — возьмите хотя бы ту же избирательную кампанію. Съ точки зрѣнія такъ называемыхъ «правыхъ», очень удобно, если она проходитъ въ условіяхъ усиленной охраны; еще удобнѣе, если охрана чрезвычайная; и совсѣмъ удобно, если военное положеніе. Даже такая частность, какъ борьба съ печатью при помощи обязательныхъ постановленій администраціи, едва ли побуждаетъ Никифоровыхъ пренебрегать средствами къ фабрикаціи «мотивовъ». Словомъ, необходимо серьезно учитывать оба предположенія,—какъ частное, которое пришлось взвѣсить кіевскому окружному суду, такъ и общее, съ которымъ долженъ былъ считаться калужскій окружный судъ. И все-таки есть цѣлый рядъ случаевъ, когда участіе полицейскихъ агентовъ въ экспропріаціяхъ нельзя объяснить ни желаніемъ отличиться по службѣ, ни тѣми матеріальными и политическими интересами, которымъ соотвѣтствуютъ усиленныя и чрезвычайныя охраны.

Напомню хотя бы объ экспропріаторахъ въ полицейской формѣ.

---

*) «Рѣчь», 25. IX. 1907.

Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, они предпочитаютъ дѣлать набѣги ночью. Обыкновенно съ шашками наголо и револьверами въ рукахъ экспропріаторы этого сорта врываются въ обывательскую квартиру, именемъ закона производятъ яко бы обыскъ, а въ сущности грабятъ деньги и цѣнныя вещи, а затѣмъ безслѣдно исчезаютъ. Передавая о такихъ случаяхъ, газеты предпочитаютъ не обнаруживать опасной пытливости. «Въ Золотоношскомъ уѣздѣ,— гласитъ, напр., одна изъ телеграммъ «Рѣчи»,—группа экспропріаторовъ, переодѣтыхъ полицейскими, входитъ въ дома, беретъ деньги, производитъ аресты» *). Фактъ переданъ. И затѣмъ уже никто не допытывается, съ какой собственно стати экспропріаторамъ осложнять свою работу арестами, и почему «переодѣтые» имѣютъ возможность оперировать по «всему Золотоношскому уѣзду». Или— вотъ, напр., извѣстіе объ экспропріаціи въ с. Тополѣ, Полтавской губ., у зажиточнаго крестьянина Сильверста. «Анархисты» явились ночью, въ полномъ полицейскомъ обмундированіи, подъ предводительствомъ «пристава» и въ сопровожденіи конныхъ «казаковъ». Ночные сторожа добросовѣстно приняли нежданныхъ гостей за полицію и, по приказанію «пристава», помогали грабить. Сильверстъ былъ ограбленъ, и затѣмъ «приставъ», «казаки» и прочіе экспропріаторы благополучно «какъ въ воду канули» **). Газеты добросовѣстно передали оффиціальную версію, что на Сильверста сдѣлали набѣгъ маскарадные полицейскіе, маскарадный приставъ и маскарадные казаки. И, насколько я знаю, никто въ печати не подходитъ къ этой версіи съ такими хотя бы вопросами: легко ли сфабриковать маскараднаго казака съ конемъ? дешево ли? И зачѣмъ эта фабрикація понадобилась? Извѣстіе объ экспропріаціи въ с. Тополѣ напечатано газетами въ серединѣ мая. Нѣсколько раньше появилось сообщеніе изъ той же Полтавской губ., что «въ казармѣ шестой роты стоящаго въ Кременчугѣ казачьяго полка обнаруженъ складъ цѣнныхъ краденыхъ вещей» ***) Нѣсколько позже опять изъ Кременчуга появилось извѣстіе о шести настоящихъ, по оффиціальной версіи, городовыхъ, произведшихъ ночью подъ видомъ обыска экспропріацію въ квартирѣ Мельниченка ****). Но оба эти свѣдѣнія изъ Кременчуга такъ и остались не сопоставленными съ наѣздомъ загадочныхъ экспропріаторовъ на с. Тополю.

Здѣсь нѣтъ особенной нужды сопоставлять и взвѣшивать оффиціальныя версіи. Для нашихъ цѣлей вполнѣ достаточно, такъ сказать, «несомнѣнныхъ случаевъ», въ родѣ 6 городовыхъ въ Кременчугѣ, нѣкоего «жандарма Ш.», арестованнаго въ Луцкѣ за ограбленіе по ночамъ обывательскихъ квартиръ *****), группы страж-

*) «Рѣчь», 18 мая.

**) «Кіевск. Вѣсти»; «Рѣчь», 23 мая.

***) «Товарищъ», 12 мая.

****) «Рѣчь», 30 іюня.

*****) «Рѣчь», 26 сентября.

никовъ въ Джебраильскомъ уѣздѣ, составившихъ шайку, систематически промышлявшую грабежами и разбоями *), и т. п. Достаточно было бы, пожалуй, одного уже упомянутаго выше стражника, арестованнаго въ Екатеринославѣ при попыткѣ совершить экспропріацію въ магазинѣ Могилевскаго. Едва ли можно говорить, что такого рода выступленія соотвѣтствуютъ какимъ бы то ни было «видамъ власти» или даже карьернымъ соображеніямъ ближайшаго начальства. Въ видѣ сравненія, рѣшаюсь напомнить весьма характерный эпизодъ. Въ Кіевской губ. отъ аграрныхъ недоразумѣній пострадала среди многихъ другихъ землевладѣльцевъ генеральша Трескина. Послѣ пожара въ ея имѣніи къ ней явился для составленія обычнаго протокола околоточный надзиратель Фроловъ. «Когда околоточный ушелъ, генеральша обнаружила пропажу цѣнныхъ вещей. Произведеннымъ полиціей обыскомъ вещи Трескиной найдены въ квартирѣ Фролова. Онъ арестованъ» **).

Не все же, въ самомъ дѣлѣ, Фроловы соотвѣтствуютъ «видамъ» и служебнымъ отличіямъ начальства. Кое что они предпринимаютъ и ради собственнаго благополучія. Явнымъ агентамъ полиціи все-таки не такъ ловко устраивать собственное благополучіе экспропріаторскимъ способомъ. Съ одной стороны, дѣйствія явной полиціи поддаются кое-какому контролю. Съ другой,— явная полиція все-таки дѣло показное. Трудно думать, что въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ русская власть располагаетъ чрезвычайно доброкачественнымъ человѣческимъ матеріаломъ для замѣщенія полицейскихъ должностей. Но для несенія явной службы поневолѣ приходится выбирать изъ наличнаго матеріала лишь тѣхъ, кто почистоплотнѣе. И если, тѣмъ не менѣе, среди явныхъ агентовъ оказываются кіевскіе Фроловы и луцкіе «жандармы Ш.», то что же сказать о сыскныхъ и охранныхъ «филерахъ»? Для кого же секретъ, что значительную, по крайней мѣрѣ, часть «филеровъ» неволя заставляетъ вербовать изъ такъ называемыхъ «извѣстныхъ полиціи воровъ»? И ко многимъ изъ нихъ приложимо недавнее выраженіе «Кіевскихъ Вѣстей» о нѣкоемъ Данчичѣ изъ Лубенъ:

— «Личность довольно темная,—неоднократно сидѣлъ въ тюрьмѣ за кражи и въ то же время имѣлъ сношенія съ сыскной полиціей» ***).

Единственно отъ ловкости и сообразительности «филера» зависитъ, какую экспропріацію совершить для личнаго удовольствія въ полномъ разсчетѣ на безнаказанность, и о какой, въ виду тѣхъ

*) «Рѣчь», 31 августа.

**) «Рѣчь», 29 мая.

***) О привлеченіи «извѣстныхъ полиціи воровъ» на сыскную и охранную службу мнѣ уже приходилось подробно говорить въ замѣткахъ: «Брандмейстеръ Осиповъ» и «Ловцы человѣковъ».

или иныхъ тревожныхъ признаковъ, сообщить по начальству. И тѣ «филеры», которые работали въ компаніи, располагавшей барскою квартирою, повидимому, были достаточно ловки и сообразительны. Они сумѣли выйти сухими изъ воды. Но, переходя отъ траты денегъ, пожертвованныхъ на революцію, къ доставкѣ оружія и отъ доставки оружія къ экспропріаціямъ, они врядъ ли заботились о соотвѣтствіи «видамъ правительства» или о карьерѣ начальства. По всей вѣроятности, когда компанія находилась въ цвѣтущемъ состояніи, она помогала причастнымъ къ ней «филерамъ» поддерживать знакомства и связи, обязательныя для агента-провокатора по долгу службы. Но сама по себѣ для игры на крупный интересъ эта компанія слишкомъ мелко плавала. Имѣла она вліяніе на людей очень мелкотравчатыхъ по петербургскимъ масштабамъ. Оперируя съ такими людьми, петербургскій чиновникъ едва ли добьется крупныхъ служебныхъ отличій. Повторяю, компанія помогала, кому слѣдуетъ, проникать въ революціонную среду. И въ этомъ смыслѣ могла играть роль одного изъ опорныхъ пунктовъ, необходимыхъ для болѣе крупной политической игры. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что участвовавшіе въ доставкѣ и провозѣ оружія заботились о сохраненіи опорнаго пункта, а не о собственной наживѣ. То же надо сказать и о предложеніи перейти къ экспропріаціямъ.

Когда возникло это предложеніе и было принято, около веселой компаніи оставались лишь чрезвычайно зеленые юнцы, обуреваемые жаждою революціоннаго дѣла, но имѣвшіе о немъ весьма отдаленное понятіе. Такіе юнцы всего легче могли бы увлечься наиболѣе понятною для нихъ цѣлью. Мнѣ невольно припоминается разсказъ одного экспропріатора, который первоначально «пошелъ на это дѣло» потому, что, «они сказали—надо нелегальную типографію устроить, а денегъ нѣтъ».

— Совершили... Деньги «имъ» отдали. Однако, нѣсколько человѣкъ просадили на экспропріаціи. Да кое-кто попался при оборудованіи типографіи. Надо выручать,—побѣгъ устроить. А денегъ ужъ нѣтъ. Что тутъ дѣлать? Совершили другую... Однихъ выручили. Другихъ не удалось. Еще нѣсколько человѣкъ просадили. Выручать надо, а деньги всѣ вышли... Совершили въ третій разъ...

И такъ безъ конца: чѣмъ больше «совершено», тѣмъ чаще и впредь «совершать» нужно. Но каждый разъ цѣль азбучно проста и ясна. «Типографію устроить», «заключеннаго изъ тюрьмы освободить»,—что можетъ быть увлекательнѣе для подростка, если онъ жаждетъ ринуться въ борьбу? А съ другой стороны, если провокаторъ ведетъ политическую игру по долгу службы, ему, казалось, всего выгоднѣе оперировать именно такими простыми, ясными, увлекательными и вмѣстѣ съ тѣмъ политическими цѣлями. Но то и характерно для кружка, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, что, увлекая среду, примыкавшую къ нему, на путь экспропріацій, онъ

собственно никакихъ опредѣленыхъ политическихъ цѣлей не ставилъ. По крайней мѣрѣ, когда съ этимъ кружкомъ судьба свела Самуила Олешкевича, вопросъ объ экспропріаціяхъ рѣшался такъ:

— Буржуи... Эксплуататоры... Толстопузые черти... Мошенники... Насосались народной крови... Пойдемъ вмѣстѣ съ нами отнимать у нихъ награбленное у народа.

Деревенскій парень искалъ врага въ Питерѣ, потомъ въ Москвѣ и опять въ Питерѣ. Врагъ ускользалъ. Чувство ожесточенія къ нему не находило исхода. И вдругъ говорятъ:

— Да вотъ купецъ NN въ Рождественской части... Чортъ толстопузый... Награбилъ у народа. Пойдемъ отнимемъ.

Согласитесь, это даже проще, а главное гораздо больше соотвѣтствуетъ ожесточенному настроенію, чѣмъ, напр., оборудованіе тайной типографіи.

«Пошли и отняли». На рукахъ очутились деньги...

— А что-жъ съ ними дѣлать?

— Какъ что дѣлать? Пропьемъ,—вотъ и все. А потомъ пойдемъ къ другому толстопузому чорту награбленное отнимать...

Олешкевича сначала нѣсколько смутила эта неожиданная программа дѣйствій: «отнимемъ награбленное и пропьемъ, пропьемъ и отнимемъ». Но колебанія и сомнѣнія были быстро разсѣяны:

— Ну, и дуракъ же ты, Олешкевичъ!.. Да водку-то кто дѣлаетъ.

— Заводчики...

— Ха-ха-ха! Заводчики!.. Сами нешто они работаютъ?

— Ну, рабочіе...

— Значитъ, кому деньги пойдутъ, ежели мы ихъ пропьемъ?

— Ну, рабочимъ...

— Вотъ и смекни, дура голова... У богача мы отняли, бѣднякамъ заработокъ дадимъ. Въ концѣ концовъ, оно и получится всеобщее поравненіе.

Резонъ показался Олешкевичу убѣдительнымъ. Однако, первая рюмка, выпитая на «отнятыя у толстопузаго деньги», «прошла сквозь горло коломъ». По пословицѣ, вторая и третья «пролетаютъ соколомъ». Затѣмъ къ выпивкѣ были приглашены женщины...

— Деньги уходили на гадости, на мерзости... Мы пьянствовали, развратничали. Развратничали, пьянствовали! Гадко вспомнить!

Эти слова нѣсколько разъ энергично повторилъ на судѣ Олешкевичъ во время своего показанія. Они же повторяются въ разсказахъ его знакомымъ:

— «Когда я въ тюрьмѣ встрѣтилъ настоящихъ революціонеровъ, то понялъ, какихъ я натворилъ гадостей».

«Мнѣ стыдно, больно и смѣшно»,—говоритъ онъ въ своихъ стихотвореніяхъ, вспоминая прошлое, связанное съ экспропріаціями.

Останавливаться на «гадостяхъ и мерзостяхъ», которыя при-

шлось продѣлывать семнадцати-лѣтнему парню въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1906 г., едва-ли нужно. Люди кутили. Напившись до потери образа и подобія человѣческаго, приглашали женщинъ— по 3 и даже по 4 на брата, а женщины, участвовавшіе въ экспропріаторской компаніи, приводили съ улицы иногда матросовъ, иногда гвардейскихъ солдатъ... Подробности же таковы, что лучше мимо нихъ пройти молча. Но вотъ что любопытно и на чемъ необходимо остановиться.

Разныя бываютъ революціонныя дѣла. И разныя бываютъ экспропріаціи. Недавно въ какой-то газетѣ описывалось нападеніе трехъ голодныхъ людей на съѣстную лавку. «Анархисты» были арестованы и оказались вооруженными самодѣльнымъ деревяннымъ «револьверомъ». О голодныхъ людяхъ, которые пользуются обывательскимъ страхомъ передъ экспропріаторами, можно лишь сказать: «голодъ не тетка». Есть экспропріаціи, предпринимаемыя и совершаемыя партійными людьми для усиленія партійныхъ средствъ на революціонныя цѣли. Есть экспропріаціи, совершаемыя при участіи, а иногда и подъ руководствомъ «филеровъ», но все таки, по крайней мѣрѣ, хоть подъ предлогомъ политическихъ и революціоннымъ цѣлей. Есть и такія предпріятія, къ какому оказался привлеченнымъ Олешкевичъ. Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, голодные люди могутъ эксплуатировать обывательскій страхъ, то съ другой, человѣческій матеріалъ, готовый ринуться на какое угодно революціонное дѣло столь обиленъ, что его хватаетъ и на партійные предпріятія, и на предпріятія провокаторскія, и при этомъ получается еще остатокъ, который могутъ эксплуатировать мало застѣнчивые прожигатели жизни. И вотъ, прежде всего, почему этотъ матеріалъ столь обиленъ? А затѣмъ возьмите того же хотя бы Олешкевича. Какъ бы тамъ ни было, но имъ руководили, несомнѣнно, альтруистическія чувства. Онъ очень сумбурно, по-дѣтски понималъ благо народа. Но всетаки ставилъ это благо выше всего. Для него хотѣлъ жить. Во имя него «отнималъ у толстопузыхъ ограбленное». Его мысли были вздорны и сумасбродны. Но руководило-то имъ, повторяю, чувство высокое, жажда «душу свою положить за други своя». И вотъ,—какъ же это случилось, что рядомъ съ высокимъ чувствомъ оказались неудобоглаголемыя мерзости и гнусности?

IV.

За послѣднее время кое-кто изъ беллетристовъ начинаетъ эксплуатировать довольно интересный «мотивъ».Берется обыкновенно «революціонеръ»,—сначала въ свойственной революціонеру средѣ, гдѣ онъ кажется необыкновенно цѣльной натурой. И пока революціонеръ занятъ своимъ обычнымъ дѣломъ, «всѣ струны его души»

какъ будто звучатъ «согласнымъ аккордомъ». Но беллетристъ-изслѣдователь хитеръ, его не обманешь. Онъ переноситъ революціонера въ такую обстановку, при которой «должна проснуться» жажда личнаго счастья, жажда наслажденья, любви... Разумѣется, струны коимъ положено звучать о счастьи, о любви, о наслажденіи, начинаютъ самостоятельную мелодію. Революціонеръ влюбляется, попадаетъ подъ власть своихъ стихійныхъ потребностей. Въ его душѣ, вмѣсто «согласнаго аккорда», получается какофонія. И беллетристу остается лишь художественно воспроизвести «діалектическое развитіе противорѣчій въ революціонной душѣ».

Этотъ обычный пока пріемъ беллетристическаго изслѣдованія вполнѣ соотвѣтствуетъ ходячему представленію, что въ революціонную борьбу уходятъ люди съ неразвитыми или заглушенными потребностями личнаго счастья, люди однобокіе, сухіе, узкіе, способные видѣть только одно направленіе, люди, которые родились съ шорами на глазахъ,—такъ сказать, духовные уродцы. Они, пожалуй, необходимы въ соціальномъ обиходѣ, какъ необходимы рабочія пчелы и трутни въ обиходѣ улья. Но это не мѣшаетъ имъ быть людьми узко, предвзято, односторонне направленными,—людьми, которымъ чуждо пониманіе красоты, въ которыхъ либо заглушена, либо кастрирована «жажда поэзіи и счастья»...

Это ходячее представленіе не сегодня, разумѣется, родилось. Вспомните, хотя бы у Гончарова,—какая тонкая художественная натура Райскій, и какая «толстокожая свинья» въ этомъ отношеніи Маркъ Волоховъ. Нѣсколько иной выводъ получится, если брать для сравненія не персонажи изъ романовъ, а дѣйствительныхъ людей. Если взять, напр., съ одной стороны хотя бы того же умѣреннаго Гончарова, а съ другой—Г. А. Лопатина. Или,—возьмите съ одной стороны, завѣдомо не политическаго борца Ѳедора Сологуба съ его жалобой:

„Я душой умирающей
Жизни радъ и не радъ“.

А съ другой—воспѣвавшаго и звѣзды, и луну, и цвѣты мечтателя И. П. Каляева, съ его привѣтомъ «гостьѣ боевой»:

„Я принесъ тебѣ всѣ слезы,
Я принесъ весь пылъ души
И ея святыя грезы,
Долго зрѣвшія въ тиши“.

Отъ явленій крупныхъ, сложившихся, попробуйте перейти къ мелочамъ,—къ тому-же хотя-бы Олешкевичу. Конечно, это не революціонный дѣятель и тѣмъ паче не политическій борецъ. Пока онъ лишь мимоходящій, случайный деревенскій паренекъ, которому хочется «драться съ врагами народа».

„Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый“.

Онъ могъ, какъ у Лермонтова, «докатиться до Чернаго моря». Но могъ по дорогѣ попасть, и, дѣйствительно, попалъ въ помойную яму. Попытайтесь, однако, подойти къ нему съ ходячимъ представленіемъ о натурахъ широкихъ и натурахъ революціонныхъ. Жили въ деревнѣ Вторая Гора нѣсколько пареньковъ. Собирались вмѣстѣ, толковали. Одному изъ нихъ такъ захотѣлось драться, что онъ ушелъ въ Питеръ искать врага. А прочіе остались дома, и нынѣ изъ нихъ кое-кто невѣстою обзавелся, а кое-кто и женою. Если слѣдовать ходячему представленію, то, пожалуй, можно сдѣлать выводъ:

— Революція есть своего рода психозъ. Громадные слои общества вдругъ начинаютъ чувствовать себя подобно каждому отдѣльному человѣку, у котораго болитъ зубъ. Всѣ чувства, всѣ силы сосредочиваются только на больномъ зубѣ. Все остальное какъ бы исчезаетъ, словно атрофируется. Въ полосу такого именно психоза и попадаютъ многія тысячи Олешкевичей. Въ нихъ какъ бы атрофированы, заглушены, недоразвиты властныя въ каждомъ человѣкѣ потребности. Какъ бы исчезаетъ чувство красоты, жажда наслажденія, потребность личнаго счастья. Стихійныя силы молчатъ. И человѣкъ оказывается цѣликомъ во власти узкаго чувства ненависти къ «врагу». А затѣмъ онъ попалъ въ обстановку, гдѣ его стихійныя силы проснулись. Проснулась жажда наслажденія. Заговорило едва формирующееся половое чувство. И получилась какофонія. Подъ вліяніемъ узкаго чувства ненависти, онъ грабилъ «толстопузыхъ». А подъ вліяніемъ проснувшихся стихійныхъ силъ пьянствовалъ и развратничалъ.

На первый взглядъ, этотъ выводъ можетъ показаться даже не лишеннымъ тонкости. Не знаю только, имѣетъ ли онъ хоть какое либо отношеніе къ дѣйствительности. Прежде всего, нѣтъ никакого резона считать, напр., Олешкевича парнемъ узкимъ, однобокимъ. Какъ ни ученически его стихи, все же, судя по нимъ, онъ и природу любитъ, и красоту ея чувствуетъ; умѣетъ онъ воспѣть и «привѣтъ весны», и «милой прелестныя очи», и «ароматъ цвѣтовъ», и «бриліанты росы», и «серебряныя трели соловья», и многое другое, что полагается воспѣвать зеленому юношѣ. Вспоминая, какъ хороша была на родинѣ весною роща, и какъ сладко въ ней «кукушка куковала», Олешкевичъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ спрашивалъ себя:

„А жизнь молодая о чемъ тосковала?“

Кому неизвѣстна «тоска молодой жизни», когда тебѣ всего 16—17 лѣтъ, и когда дышишь запахомъ только что распустившейся листвы, сквозь которую просвѣчиваетъ голубое небо? Кто не декламировалъ въ юности: «чего-то нѣтъ, чего-то жаль, къ чему-то сердце мчится вдаль»? Стара, какъ міръ, эта игра силъ и потребностей, которыя едва пробудились, но уже жадно ищутъ той

полноты жизни, какую люди называютъ счастьемъ. Есть тутъ и жажда наслажденій, и жажда любви, и жажда проявить себя въ полной мѣрѣ, выпрямиться во весь ростъ, и многое другое, что опредѣлено имѣть человѣку. Такимъ образомъ, всѣ струны у Олешкевича въ полномъ порядкѣ; звучатъ, какъ слѣдуетъ. Элементы, изъ которыхъ слагается «тоска молодой жизни», у него налицо. И даже, какъ у многихъ обыкновенныхъ людей, эти элементы имѣютъ направленіе центростремительное, сосредоточены на одномъ пунктѣ. Всегда, вѣдь, такъ бываетъ, что у одной центральнымъ пунктомъ, къ которому направлены всѣ духовныя силы, оказывается—«выйти замужъ за милого»; у другого—жениться на милой; у третьяго—насладиться красотой и т. д. Варіанты безконечно разнообразны. Разница лишь въ томъ, что при однихъ условіяхъ у милліоновъ людей духовныя силы сосредоточиваются на стремленіи къ полнотѣ и благообразію личной жизни; при другихъ же условіяхъ у тысячъ, а можетъ быть и у милліоновъ людей духовныя силы сосредоточиваютс на любви къ народу, на стремленіи къ борьбѣ во имя этой любви,—къ благообразію не столько личной, сколько общественной жизни.

Я хорошо понимаю, что это различіе можетъ быть «сведено къ единству». Легко, въ самомъ дѣлѣ, сказать:

— Если человѣкъ стремится къ борьбѣ во имя народа, то, значитъ, въ этомъ онъ и полагаетъ полноту и благообразіе личной жизни; это и значитъ, что жить, а если придется, то и умереть въ борьбѣ для него счастье. Илья Муромецъ, конечно, стремился къ благообразію общественной жизни, очищая «дороги прямоѣзжія», но потому онъ и жаждалъ этого занятія, что оно «тѣшило силу-удаль богатырскую». Чтобъ «тѣшить силу-удаль», не только тысячи и милліоны маленькихъ людей, какъ Олешкевичъ, но даже Ильи Муромцы могутъ пользоваться лишь тѣмъ матеріаломъ, какой предлагаетъ жизнь. Другого вѣдь и взять неоткуда. Бываютъ эпохи, когда даже Ильѣ Муромцу, жизнь ничего не можетъ предложить, кромѣ весьма мизерныхъ мелочей, въ родѣ женитьбы на сосѣдкѣ да дубовой хаты въ четыре окна. И въ такія эпохи «сила-удаль» самого Ильи уходитъ на то, чтобы сердце сосѣдки полонить, да на дубовую хату въ четыре окна «денегъ заробить». Но случаются и другія эпохи, когда жизнь можетъ предложить на прямоѣзжей дорогѣ Соловья-разбойника, во чистомъ полѣ Идолища Поганаго, силу несмѣтную татарскую... Такъ что во всѣ времена тысячи и милліоны Олешкевичей стремятся къ одному и тому же,—къ полному и всестороннему воплощенію своего я. Но при однихъ условіяхъ они не находятъ или не знаютъ иного матеріала, чѣмъ тотъ, который годится лишь для улучшенія собственнаго гнѣзда. А при другихъ условіяхъ жизнь преподноситъ имъ матеріалъ, болѣе привлекательный и болѣе благодарный.

Эпохи, подобныя той, какую мы сейчасъ переживаемъ, Сенъ-Симонъ предлагалъ называть «критическими», въ отличіе отъ эпохъ

спокойныхъ, «органическихъ». И для нашего критическаго времени старый споръ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ, далеко не безразличенъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда, въ силу какихъ причинъ, появляется огромная масса людей, жаждущихъ беззавѣтно ринуться въ борьбу за общее, народное дѣло? Происходитъ ли въ народной толщѣ, такъ сказать, замѣна обычныхъ эгоцентрическихъ стремленій менѣе обычными альтруистическими? Или эгоцентрическія стремленія остаются преобладающими, но въ бурную эпоху для нихъ есть болѣе широкое, болѣе благодарное поприще дѣятельности, нежели въ эпоху спокойную? Если справедливо первое, если нынче передъ нами просто урожай на альтруистическія стремленія, то надо еще доказать, что завтра не можетъ случиться неурожай, и людей, жаждущихъ борьбы за народное дѣло, не придется считать въ лучшемъ случаѣ десятками. Если справедливо второе, то доколѣ, выражаясь фигурально, будетъ извѣстно, что залегла дорога прямоѣзжая отъ Соловья-Разбойника, что стоитъ въ поляхъ злая сила татарская, дотолѣ не переведутся и богатыри на святой Руси. Дотолѣ тысячи городскихъ и деревенскихъ подростковъ будутъ готовы, очертя голову, броситься въ борьбу. И это такъ же для нихъ неизбѣжно, какъ неизбѣжно мотылькамъ летѣть на огонь.

Повторяю, этотъ по существу весьма отвлеченный споръ въ такое время, какъ наше, имѣетъ очень жгучій, осязательный интересъ,—имѣетъ нѣчто такое, съ чѣмъ могутъ быть связаны и многія надежды и многое отчаяніе. Углубляться въ него здѣсь не мѣсто. Но какъ бы мы ни рѣшили споръ, — въ сторону ли альтруизма или въ сторону эгоцентризма, человѣка, жаждущаго ринуться въ борьбу за общее дѣло, не приходится называть узкимъ или однобокимъ. Другой вопросъ,—подъ вліяніемъ какихъ соціальныхъ условій голоса стихійныхъ силъ и потребностей слагаются въ жажду борьбы за общее дѣло. Быть можетъ, эта тайна гораздо сложнѣе, чѣмъ переходъ электрической энергіи въ свѣтовую или свѣтовой въ тепловую. Но то, что для насъ переходъ электрической энергіи въ свѣтовую есть тайна, едва ли даетъ право утверждать, что свѣтъ и электричество явленія враждебныя, исключающія другъ друга.

Предполагать, что только при заглушенной или недоразвитой потребности въ личномъ счастьѣ можно беззавѣтно отдаться борьбѣ,— значитъ имѣть дѣло не съ живымъ человѣкомъ, опредѣляющимся среди весьма сложныхъ соціальныхъ явленій, а съ гомункуломъ въ ретортѣ. Дайте вагнеровскому гомункулу потребность личнаго счастья, и онъ, навѣрное, не полетѣлъ бы въ Грецію, а нашелъ бы гдѣ-либо по близости свою «Гретхенъ». Отнимите эту потребность у Олешкевича, и неужели вы думаете, онъ пойдетъ искать «враговъ» изъ Новогрудскаго уѣзда въ Петербургъ?

Чтобъ пуститься въ такое плаваніе, нужно, во всякомъ случаѣ, незаурядное напряженіе неудовлетворенныхъ потребностей и не на-

ходящихъ исхода силъ. Пловецъ вышелъ изъ гавани безъ компаса и даже безъ руля. И попалъ не въ открытое море, а въ болото. Здѣсь, дѣйствительно, силы и потребности, изъ которыхъ слагалась жажда борьбы, получили однобокое, уродливое направленіе. Жизнь пошла по рецепту: «пей, люби, веселись», — въ томъ специфическомъ смыслѣ, какой влагаютъ въ эти слова лоботрясы. И Олешкевичъ «пилъ, любилъ, веселился» не меньше другихъ. Однако, компанія, въ которую онъ попалъ, замѣтила, что онъ еще и грамотѣ учится. На этой почвѣ произошла дружеская стычка:

— Ну и дуракъ, — стали смѣяться надъ нимъ — зачѣмъ учишься?

— Какъ зачѣмъ? Нужно...

— Ха-ха-ха! Нужно... Теперь, братъ, и студенты перестали учиться, а не то, что ты. Нашелъ время учебой заниматься! Да ты подумай, дура голова, что теперь нужно. Теперь нужно толстопузыхъ буржуевъ метлой смести, чтобы некому было кровь народную сосать. Вотъ сметемъ буржуевъ, тогда и учиться будемъ...

— Какъ же безъ ученія жить?—недоумѣвалъ Олешкевичъ.

— Да на что тебѣ «ученіе»? Ты бей толстопузыхъ — вотъ и все. Говорятъ тебѣ, дураку,—студенты, и тѣ перестали учиться,

— Студенты могутъ книжки читать. А я что?

— А зачѣмъ ихъ, читать, книжки-то? Что въ нихъ хорошаго? Изъ всѣхъ, братъ, писателей только Кропоткинъ еще туда-сюда. А остальные сплошь буржуи...

— Я повѣрилъ этому—вспоминаетъ Олешкевичъ.—И какъ они мнѣ сказали, такъ и я говорилъ. «Только для Кропоткина дѣлалъ исключеніе, а всѣхъ остальныхъ писателей считалъ буржуями, хотя ничего не читалъ» и не могъ читать, «такъ какъ былъ совершенно неграмотнымъ».

Давая показаніе суду, Олешкевичъ съ замѣтнымъ негодованіемъ остановился на этой подробности, — какъ «мошенники», съ которыми онъ къ несчастью «сдружился», убѣждали его «бросить ученіе». Съ негодованіемъ говоритъ онъ объ этой особенности «мошенниковъ» и въ своихъ стихахъ:

«Для нихъ презрѣнны и смѣшны
Природы даръ и вдохновенье.
Для нихъ ученіе ничто,—
Они ведутъ насъ въ униженье»...

Когда Олешкевичъ писалъ эти строки, для него «ученіе» сводилось, между прочимъ, къ слѣдующимъ учебнымъ книжкамъ: «Зрительный диктантъ» Зелинскаго, ариѳметика, ариѳметическій задачникъ и географія Меча. Въ группѣ подростковъ, которую эксплуатировали «мошенники», кажется, только одинъ Олешкевичъ былъ «совершенно неграмотенъ». Остальные кое-чему успѣли выучиться, прежде чѣмъ оказались увлеченными на экспропріаторскій путь. Правда, «ученіе», какое они успѣли одолѣть, тоже было не

очень далеко отъ курса начальной школы. Но всѣ они считали себя «анархистами», и только анархистовъ соглашались считать «дѣйствительными революціонерами», хотя свѣдѣнія объ анархизмѣ здѣсь, повидимому, не шли дальше неяснаго представленія о Кропоткинѣ; такъ что «мошенники» не зря убѣдили Олешкевича сдѣлать «исключеніе только для Кропоткина»: это былъ единственный представитель анархизма, о которомъ данная среда кое-что слышала. Но для «совершенно неграмотнаго парня» и это кое-что было новостью. Все-таки Олешкевичъ узналъ отъ «воровъ, съ которыми сдружился», что вотъ, напр., есть Кропоткинъ, что это не «буржуй», и что такое «буржуй», и чему учитъ Кропоткинъ... Легко понять, какую ерунду приходилось слушать Олешкевичу подъ видомъ «ученія Кропоткина». Легко понять также, что на усвоеніе идейнаго багажа, какимъ обладала группа, требовалось не очень много времени и не очень большой трудъ. Но во всякомъ случаѣ выраженіе Олешкевича: «для нихъ ученіе ничто», надо понимать условно. Среди «нихъ» Олешкевичъ учился, и узналъ много для себя новаго и неожиданнаго. «Они» лишь убѣждали его и убѣдили что ничему другому учиться не нужно.

«Ученіе Кропоткина», какъ оно излагалось «мошенниками», онъ довольно быстро усвоилъ. Сталъ называть себя «анархистомъ». Даже велъ нѣчто въ родѣ пропаганды. Даже вступалъ въ политическіе диспуты. Такъ, встрѣтившись однажды съ юношей, который нѣсколько увлекался соціалъ-демократами, Олешкевичъ вступилъ въ горячій споръ и страстно доказывалъ, что соціалъ-демократы—буржуи. А на вопросъ, кто же не буржуй, отвѣтилъ:

— Анархисты—вотъ это настоящая партія. Это не буржуи. Это, дѣйствительно, революціонеры. Эсъ-деку буржуй свой братъ. Эсъдекъ буржуя не тронетъ. А для анархиста каждый буржуй врагъ. За то бѣдняку анархисты могутъ дать денегъ, сколько хочешь.

Въ предпріятіяхъ, къ которымъ Олешкевича привлекали, онъ обнаружилъ выдающуюся ловкость, предпріимчивость, неустрашимость. Послѣ каждаго предпріятія деньги дѣлились поровну между участниками. И затѣмъ каждому предоставлялось «пить, любить и веселиться» уже на собственный счетъ. Естественно, что у одного наступало безденежье, въ то время какъ другой чувствовалъ себя еще надолго обезпеченнымъ. Безденежный подбиралъ компанію и устраивалъ новое «предпріятіе». То есть каждый въ сущности дѣйствовалъ за свой рискъ и страхъ, находилъ людей, гдѣ хотѣлъ. Группа не имѣла такимъ образомъ ни опредѣленныхъ очертаній, ни центра. Это было просто десятка три сорванцовъ, которые увлекались кутежами, а для добыванія денегъ устраивали экспропріаціи, кто когда хотѣлъ. Это была среда, для которой компанія крупныхъ «мошенниковъ», связанная воспоминаніями о тысячахъ Мязгиной, брала людей, когда оказывалось нужнымъ. Олешкевичъ выдѣлялся готовностью идти на какое угодно дѣло. Денегъ у него

временами скоплялось столько, что дѣвать некуда. Тысячи четыре онъ вручилъ своему дядѣ. «Пилъ и любилъ на пропалую», пока, что называется, не перебѣсился и не пресытился. Нѣкоторое время послѣ крупнаго ограбленія казначея портовой конторы, онъ вертѣлся по притонамъ Петербурга. Но затѣмъ наступило утомленіе, упадокъ силъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ пропала и всякая охота «возжаться съ товарищами», искать «врага», бороться.

— Зачѣмъ? съ какой стати? Какое мнѣ до всего этого дѣло? У насъ теперь въ деревнѣ скоро покосъ... Тамъ спокой, тишина, благодать. Поѣду лучше къ отцу...

Единственная мысль, которая его забавляла, это—показать отцу какую-либо такую диковину, чтобы тотъ ахнулъ. Онъ купилъ себѣ новый костюмъ за 40 р., бархатные брюки и «нарядился самымъ настоящимъ петербургскимъ щеголемъ»; купилъ велосипедъ за 150 р., роскошный самоваръ за 40 р., «сногсшибательный» чайный сервизъ за 40 р. И съ этими сокровищами къ разгару полевыхъ работъ явился въ деревню Вторая Гора. И, дѣйствительно, не только отецъ, но и всѣ второгорцы ахнули, когда петербургскій щеголь подкатилъ къ избамъ, гдѣ люди ѣдятъ много хуже, чѣмъ барскія свиньи. Къ диковиннымъ чашкамъ изъ 40-рублеваго сервиза домашніе Олешкевича даже дотронуться боялись:

— Штука лебезная—не ровенъ часъ, раздавишь.

И сервизъ такъ и остался бережно уложеннымъ въ корзинѣ. Словомъ, Олешкевичъ достаточно «позабавился» надъ доревенскими «ахами» и «охами». Затѣмъ отдалъ отцу деньги,—оказалось 3825 р.; значительная часть этой суммы новенькими бумажками,—какъ взято у казначея портовой конторы. Тутъ отецъ и вовсе ахнулъ. А сынъ сбросилъ щегольскій костюмъ облачился по-деревенски и пошелъ косить.

„Парни съ косами
Пошли рядышкомъ.
Пѣсня грянула
Развеселая...
...Легче на сердцѣ
Всѣмъ становится“.

Заботливому отцу было, однако, не до «пѣсенокъ». Деньги большія,—можно ли ихъ дома держать!.. Въ ближайшій свободный день онъ отправился «на почту» и положилъ сразу 3000 р. въ сберегательную кассу «на 4 книжки»:

— Двумъ дочкамъ по 900 р., да на себя 900, да на Самуила—300 р. Самуилово дѣло молодое—онъ еще себѣ заработаетъ.

Второгорскій мужикъ внесъ сразу 3000 р. и при томъ «все больше новенькими бумажками»... Русская полиція не такъ ужъ быстра. Только черезъ недѣлю послѣ столь небывалаго въ лѣтописяхъ случая она пожаловала въ домъ Олешкевича съ обыскомъ. Впрочемъ, всетаки не опоздала: совершенно невозможный въ бѣло-

русской деревнѣ чайный сервизъ лежалъ въ корзинѣ нетронутымъ; не тронуты были и остальные 825 р.,—и опять все новенькими пятирублевыми бумажками. Приведенный полицией съ полевыхъ работъ Самуилъ упорно не объяснялъ, откуда онъ взялъ столько денегъ. И его арестовали вмѣстѣ съ отцомъ. Тутъ нѣкоторые агенты, видимо, проявили большую подвижность. Черезъ день веселая петербургская компанія уже знала, что гдѣ-то въ Новогрудскомъ у. Олешкевичъ арестованъ. Кто посмышленѣе, тотъ поспѣшилъ замести слѣды и скрыться. И кружокъ, такъ пріятно начавшій жить, въ августѣ 1905 г., благодаря деньгамъ, доставленнымъ Мязгиной, въ серединѣ іюля 1906 г. прекратилъ свое существованіе, хотя я и не рѣшусь утверждать, что онъ не возродился къ новой жизни въ нѣсколько измѣненномъ и обновленномъ составѣ.

Занятіе очень ужъ выгодное. Какъ ни осторожно велось слѣдствіе по дѣлу, къ которому привлеченъ Олешкевичъ, какъ ни случайно-пестрымъ оказался составъ обвиняемыхъ, все же кое-кто въ слѣдственныхъ документахъ опредѣленно названъ провокаторомъ.

Такъ, о двухъ лицахъ, названныхъ провокаторами, имѣются, между прочимъ, такія свѣдѣнія. Одному изъ нихъ экспропріація у казначея портовой конторы Гасперовича дала «чистаго дохода» около 7000 р., а другому 3000. Оба экспропріацію подготовляли и и въ ней участвовали. Во всякомъ случаѣ, послѣ ареста Олешкевича участниковъ требовалось найти или указать. И привлеченными къ дѣлу оказались: четверо Олешкевичей (Самуилъ, его отецъ, его дядя и тетка); два канцелярскихъ служителя, не игравшіе никакой активной роли; Алейниковъ, теоретикъ анархизма, неоднократно высказывавшійся противъ экспропріацій; два гимназиста; одинъ малограмотный служащій по письменной части; нѣсколько студентовъ; одна барышня. Даже по мнѣнію такого многоопытнаго агента охранной службы, какъ Статковскій, выступавшій на судѣ свидѣтелемъ, единственный человѣкъ, который давалъ бы нѣкоторое основаніе эту пеструю кучку людей смѣшивать съ анархистами, былъ Алейниковъ. И едва ли не главнѣйшимъ резономъ, почему, напр., барышня оказалась въ числѣ анархистовъ, были ея арестованныя при обыскѣ письма къ подругѣ,—весьма интимнаго и, откровенно говоря, весьма грязнаго содержанія,—въ духѣ панургова анархизма. Получилось въ общемъ случайное скопище лицъ, преданныхъ суду по даннымъ охраннаго отдѣленія.

И все-таки надо отдать справедливость послѣднему,—оно подготовило процессъ политическій по внѣшности, но поразительно изобилующій скандалами и грязными подробностями. По скопленію цинизма и грязи это могло быть небывалое и первое въ Россіи политическое дѣло объ анархистахъ. И, вопреки принятому за послѣднее время обыкновенію, оно было назначено къ слушанію не въ военномъ судѣ, а въ судебной палатѣ (съ участіемъ сословныхъ представителей) и при томъ при открытыхъ дверяхъ. И процессу,

пожалуй, удалось бы сохранить нѣкоторую политическую внѣшность, если бы среди обвиняемыхъ нашелся хоть одинъ человѣкъ, способный громогласно заявить на судѣ:

— Я анархистъ-коммунистъ. Наша задача, задача анархистовъ-коммунистовъ, состоитъ въ томъ... и т. д., и т. д.

Алейниковъ, пожалуй, могъ бы сдѣлать это заявленіе. И тогда у прокурора оказался бы великолѣпный центръ, вокругъ котораго можно группировать и судьбу такихъ мальчиковъ, какъ Олешкевичъ, и скандальныя подробности. Но Алейниковъ, какъ сказано выше, убѣжалъ. И, вмѣсто политическаго процесса, судебной палатѣ пришлось имѣть дѣло съ политическимъ недоразумѣніемъ. Это не помѣшало, конечно, вынести весьма суровые приговоры. Въ частности, Олешкевичъ приговоренъ къ 8-ми лѣтней каторгѣ. Но скандальному процессу такъ и не удалось придать демонстраливный характеръ.

Впрочемъ, пожалуй, кое-что было продемонстрировано. Мнѣ лично, когда я во время процесса сидѣлъ среди публики, невольно припоминались разные авантюристы. Первою вспомнилась мнѣ авантюра какихъ-то греческихъ монаховъ, въ свое время довольно таки нашумѣвшихъ. Я видѣлъ ихъ въ Брянскѣ, куда они, какъ и во многіе другіе города, явились съ частицами святыхъ и чудотворныхъ мощей. Мощи были встрѣчены торжественно съ хоругвями и колокольнымъ звономъ. Тысячи народа шли за мощами. Сразу обнаружилось нѣсколько случаевъ чудеснаго исцѣленія. Буквально весь городъ пришелъ въ религіозный экстазъ. Бѣдняки закладывали и продавали послѣднія вещи, чтобы отслужить молебенъ чудотворной святынѣ. Говорятъ, въ ту пору монахи вывезли изъ Брянска нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Мѣсяца черезъ два они были арестованы гдѣ-то на югѣ за мошенничество... Затѣмъ припомнился мнѣ довольно любопытный и тоже достаточно нашумѣвшій въ свое время москвичъ. Вся изобрѣтательность этого человѣка состояла въ томъ, что онъ сумѣлъ завести себѣ генеральскій мундиръ и знаки отличія. И только благодаря уваженію, какое было въ обществѣ къ генеральскимъ мундирамъ и знакамъ отличія, онъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ жилъ безпечно, сидѣлъ въ переднемъ углу на купеческихъ свадьбахъ, пользовался почетомъ, былъ принятъ въ хорошихъ домахъ, и... у него не переводились деньги. Лишь послѣ нѣсколькихъ выплывшихъ наружу скандальныхъ исторій заслуженный генералъ оказался въ дѣйствительности неимѣющимъ чина отставнымъ канцелярскимъ служителемъ. Затѣмъ припомнились многія другія авантюры, — и крупныя, и мелкія. Я незамѣтно увлекся. И мнѣ захотѣлось найти хоть одну признанную общественнымъ мнѣніемъ цѣнность, возлѣ которой не свила бы гнѣздо авантюра. Вѣра въ силу мощей, популярность Ивана Кронштадскаго, блескъ военнаго мундира, страхъ передъ правительственною властью, любовь къ литературѣ, вѣра въ науку,

чувство христіанъ къ святымъ мѣстамъ въ Палестинѣ, поклоненіе знакамъ отличія, вѣра въ силу протекціи, уваженіе къ монашеской рясѣ,—все это учтено авантюрой, и со всего этого авантюристъ взялъ и продолжаетъ брать свою долю дохода. Словомъ, я не нашелъ ни одной цѣнности, которая не дала бы пищи авантюрѣ.

И пока я обо всемъ этомъ размышлялъ, начался допросъ свидѣтеля Статковскаго. Одинъ изъ адвокатовъ поинтересовался узнать,—считаетъ ли свидѣтель обвиняемаго NN революціонеромъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ г. Статковскій,—онъ на меня производилъ впечатлѣніе очень ограниченнаго человѣка. При томъ же онъ совершенно малограмотенъ...

Такъ говоритъ видный чиновникъ петербургскаго охраннаго отдѣленія. И по этому отвѣту можете судить, высоко или низко стоятъ революціонныя цѣнности въ общественномъ сознаніи. А разъ онѣ, дѣйствительно, цѣнности, около нихъ неминуемо должна свить гнѣздо авантюра, и у нея неминуемо должны быть жертвы. Очень прискорбно это, очень жаль жертвъ, до слезъ жаль. Но это неизбѣжно. Ничего не подѣлаешь,—разъ въ общежитіи высоко цѣнятся бриліанты, значитъ, надо всячески опасаться имитаціи. И, благодаря сознанію, что это неизбѣжно, у меня лично во время процесса получалось нѣсколько сложное и смутное чувство, которое, право, затрудняюсь объяснить иначе, какъ сравненіемъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ мой провинціальный знакомый, маленькій табачный фабрикантъ обнаружилъ, что его этикетку «поддѣвали». Онъ страшно возмущался «подлогомъ». «Негодяя», который это сдѣлалъ, грозилъ «отдать подъ судъ». И послѣ ожесточенныхъ проклятій и ругательствъ, неожиданно замѣтилъ сыну:

— Однако, наша фирма дожила, слава Богу, до того, что нашу этикетку уже поддѣлываютъ... Надо сказать объ этомъ въ банкѣ... Послѣ этого нашъ кредитъ долженъ быть увеличенъ...

Когда петербургская судебная палата, кажется, неожиданно для самой себя, демонстрировала, кто и какъ, съ какой цѣлью поддѣлываетъ революціонныя этикетки, невольно создавалось такое же двойственное чувство:

— Гадко, противно, но не безполезно. Пора, давно пора было оффиціально удостовѣрить, что, кромѣ дѣйствительной революціи, есть еще революція подложная. Давно пора указать существенное различіе между настоящими и подложными революціонными цѣнностями. Жалко Олешкевича. Но, можетъ быть, другіе услышатъ, что надо опасаться подлога. И остерегутся. Да и для тѣхъ, кому дороги дѣйствительныя цѣнности, оно не безполезно, когда демонстрируются пути, на которыхъ «борца за народное дѣло» легко не различить отъ бандита.

А. Петрищевъ.

На перепутьи.

— «Въ трудныхъ мѣстахъ я только смычкомъ вожу, а не играю...» отвѣтилъ віолончелистъ моему знакомому, замѣтившему отсутствіе віолончели въ оркестрѣ и во время перерыва подошедшему къ віолончелисту съ деликатнымъ вопросомъ о трудности віолончельной партіи въ сыгранной пьесѣ. И на вопросъ моего знакомаго: «Но вѣдь товарищи ваши могутъ обижаться? Не получается ансамбля»... віолончелистъ такъ же простодушно и благодушно объяснилъ, что товарищи объявили ему бойкотъ—не за то, что онъ только водитъ смычкомъ по віолончели, а за то, что онъ членъ союза русскаго народа, по рекомендаціи котораго и принятъ былъ въ оркестръ, но что онъ сбѣгалъ къ капельмейстеру и передалъ товарищамъ отъ его имени, что всѣ они, въ случаѣ чего, будутъ высланы въ двадцать четыре часа. Дѣло было нынѣшнимъ лѣтомъ въ одномъ изъ южныхъ курортовъ въ области исключительныхъ законовъ.

Віолончелистъ продолжалъ «играть». Ансамбля не получалось и это было не особенно страшно для общественной тишины и спокойствія; но вотъ пассажиры Русскаго Общества пароходства и торговли боялись ѣздить на его пароходахъ, когда тамъ работала команда «віолончелистовъ», рекомендованныхъ одесскимъ союзомъ русскаго народа и на мой вопросъ, предложенный старичку пассажиру, ѣхавшему на сгорѣвшемъ тогда пароходѣ, какъ онъ спасся, онъ отвѣтилъ:

— Не спали всю ночь, потому и спаслись, такая команда,— не приведи Богъ!

На одной изъ южныхъ дорогъ за послѣдній годъ чрезвычайно участились случаи крушенія поѣздовъ; проѣзжавшій товарищъ министра путей сообщенія спросилъ сопровождавшее его начальство, въ чемъ причина. Дѣло было во время обхода желѣзнодорожныхъ учрежденій, при народѣ; начальство было въ затрудненіи, но такъ какъ вопросъ былъ предложенъ въ категорической формѣ, то оно объяснило товарищу министра, что послѣ желѣзнодорожной забастовки изъ министерства былъ полученъ приказъ наградить повышеніемъ по службѣ машинистовъ, не принимавшихъ участія въ забастовкѣ, а такъ какъ не принимали участія лишь самые плохіе и ненадежные машинисты, преимущественно помощники, то пришлось помощниковъ машинистовъ, работавшихъ на товарныхъ поѣздахъ, перевести машинистами на пассажирскіе, курьерскіе и скорые поѣзда... То же дескать и съ другими желѣзнодорожными служащими,—ну и... На этомъ разговоръ двухъ начальствъ быстро прервался.

— Но вѣдь вы же теперь приняты и работаете?—спросилъ я передававшаго мнѣ этотъ разговоръ машиниста, участника забастовки.

— Принятъ... Ѣзжу...,—тягуче-неопредѣленно отвѣтилъ онъ и замолчалъ. И лицо его было угрюмое и печальное, когда онъ снова заговорилъ.

— Теперь вотъ пристаютъ все союзники, чтобы значекъ купилъ... Нѣкоторые записались уже...—бросалъ онъ отрывистыя фразы, не запишешься,—сейчасъ обыски, аресты... Жить нельзя. Я не предлагалъ ему тяжелаго вопроса, но онъ самъ отвѣтилъ.

— Пока что—отнѣкиваюсь,.. Долго безъ службы былъ, отощалъ, не на что молъ значекъ покупать... А какъ дальше будетъ...
Онъ махнулъ рукой и, уходя отъ меня, бросилъ фразу.

— Ну, да не поздоровится *имъ* отъ такихъ союзниковъ! *Они* еще увидятъ какіе это союзники!

Да, участились крушенія... Правильнѣе будетъ сказать, что идетъ крушеніе всей русской жизни. Вся сложная машина государственной жизни разстраивается, приходитъ въ негодность, дезорганизуется.

Въ прошлую зиму мнѣ попалась въ газетахъ цифра *100.000*, какъ подсчетъ людей, пострадавшихъ съ 17 октября за свои политическія воззрѣнія. Несомнѣнно, эта цифра ниже дѣйствительной Тоже съ годъ назадъ, однихъ выброшенныхъ желѣзнодорожниковъ насчитывалось по газетамъ 19 съ чѣмъ то тысячъ, а на дняхъ, я прочелъ слѣдующую замѣтку: «По собраннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія свѣдѣніямъ, безъ службы находятся 20.000 человѣкъ народныхъ учителей... Всѣ, находящіеся безъ мѣста, состоятъ подъ административнымъ надзоромъ» *). Я забылъ сколько тысячъ,—но во всякомъ случаѣ тысячъ,—врачей было арестовано и выслано еще годъ назадъ. Я не знаю сколько десятковъ тысячъ людей, такъ или иначе привлеченныхъ или прикосновенныхъ, дали другіе круги, — фельдшеровъ, акушерокъ-фельдшерицъ, учителей всякихъ категорій помимо народныхъ школъ, адвокатовъ, чиновниковъ, купцовъ и приказчиковъ, техниковъ, редакторовъ и другихъ людей литературы, священниковъ, ремесленниковъ, рабочихъ и крестьянъ, но увѣренъ что даже одни, такъ называемые, культурные слои населенія, съ избыткомъ покроютъ указанную цифру. Сюда же нужно причислить огромную массу рабочихъ,высланныхъ за стачки и отправленныхъ въ мѣста приписки, — въ существѣ дѣла тоже за свои политическіе взгляды, и тоже огромную массу крестьянъ-аграрниковъ, съ которыми церемонятся еще меньше. Только на мѣстахъ можно почувствовать огромную убыль людей. Изъ Ялты выслано, говорятъ, нѣсколько сотъ, въ Новороссійскѣ привлеченныхъ только за «республику» по сіе время числится около

*) «Черноморское Побережье» № 36.

400 человѣкъ, въ маленькомъ Сочи за вооруженное возстаніе привлечено было отъ семи до восьмисотъ человѣкъ.

Извѣстія за послѣдній годъ говорятъ никоимъ образомъ не за уменьшеніе «привлекаемыхъ» людей. Успокоеніе Россіи все продолжается, строются новыя тюрьмы, все продолжаются выемки людей и, кажется, нѣтъ ни одного круга гражданъ, откуда бы не шла эта непрерывающаяся выемка. Теперь обыскиваются цѣлыя улицы, кварталы изъ дома въ домъ и изъемлются на глазомѣръ десятками подозрительныя лица. Черниговскій губернаторъ, разъѣзжающій верхомъ по губерніи, за невыдачей крестьянами «разбойниковъ» изъемлетъ оныхъ по личному усмотрѣнію, на глазомѣръ. Въ Лодзи арестована была тысяча рабочихъ фабрики Зильберштейна, *вся администрація фабрики* и даже совладѣлецъ убитаго Зильберштейна.

Помимо сидящихъ въ тюрьмахъ и сосланныхъ по суду или безъ суда въ опредѣленныя мѣста, въ Россіи образовалась въ настоящее время огромная масса бродячихъ людей, состоящихъ «подъ статьей», какъ теперь выражаются въ провинціи. Подъ статьей и безъ статьи, безъ опредѣленнаго срока наказанія, до суда, который неизвѣстно чѣмъ кончится, на время военнаго положенія или чрезвычайной охраны, безъ всякой возможности опредѣленно знать свое будущее, устраиваться на долго, они бродятъ изъ центра въ провинцію, изъ провинціи въ центръ, изъ города въ городъ, изъ губерніи въ губернію, оторванные отъ дѣла, которое они постоянно дѣлали, иногда оторванные отъ дѣтей, такъ какъ дѣтямъ нужно учиться и нельзя бродить, и приходится разсовывать ихъ по роднымъ, по знакомымъ. Губернаторы перебрасываютъ другъ другу свои ненадежные элементы, Вятская губернія высылаетъ въ Пермскую и Уфимскую, Уфимская въ Вятскую и всѣ охотно въ Архангельскую, въ Сибирь. Бродячая Русь перешагнула границу и насытила, а кое-гдѣ, повидимому, и пересытила Западную Европу.

Я не буду говорить объ ужасѣ, для многихъ буквально ужасѣ, подобнаго существованія, даже не о томъ волчьемъ настроеніи, которое можетъ вызывать оно, настроеніи которое такъ вѣрно схвачено въ разсказѣ В. Муйжеля «Волкъ»*),—меня интересуетъ судьба того дѣла, отъ котораго оторваны эти бродячіе люди.

Только на мѣстахъ поймешь огромные размѣры убыли въ людяхъ. Стоитъ пріѣхать въ любой городъ въ провинціи, большой или малый и, послѣ двухъ словъ, вамъ разскажутъ, какъ много людей, машинистовъ общественнаго дѣла, выброшено изъ общественной машины и замѣнено людьми, предъявляющими вмѣсто профессіональнаго политическій цензъ, и какая масса остается пустыхъ, незаполненныхъ мѣстъ въ общественномъ дѣлѣ, за отсутствіемъ въ лагерѣ «выбрасывающихъ» хотя мало-мальски пригодныхъ въ тех-

---

*) „Русское Богатство“, VIII, 1907.

ническомъ отношеніи людей. Нужно помнить что на мѣстахъ всегда было мало настоящихъ людей общественнаго дѣла, людей которые считали бы общественное дѣло своимъ личнымъ. Во многихъ мѣстахъ перестали дѣйствовать культурныя, просвѣтительныя и благотворительныя начинанія, которыя, не особенно благополучно, но все таки жили во времена Сипягина и Плеве, и наполняли нѣкоторымъ свѣтомъ и тепломъ сѣрую и холодную мѣстную жизнь. Идетъ разгромъ школьнаго, медицинскаго и вообще культурнаго дѣла, уже вырисовалось во всемъ объемѣ дезорганизація всей общественной жизни на мѣстахъ.

Общій источникъ этой дезорганизаціи, несомнѣнно, политическій. Но не однѣ высылки и вообще политическія преслѣдованія создаютъ ее и не въ однихъ лицахъ, изъятыхъ изъ обращенія, коренится причина этой дезорганизаціи. Въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, закрыты всѣ земскія больницы, потому что губернаторъ не утверждаетъ врачей, а въ Симбирскѣ закрываютъ городскія школы, такъ какъ мѣщане, арендующіе городскія земли, отказались вносить аренду,—главный источникъ городского бюджета. Кое-гдѣ крестьяне уже два года не платятъ никакихъ податей и не изъ чего платить жалованье учителямъ, докторамъ, а въ другихъ мѣстахъ, гдѣ платятъ, дворяне «обновившагося» за послѣднее время земства ликвидируютъ земское дѣло и сами врачи и учителя не идутъ въ гнилое, гиблое мѣсто. Оскудѣніе земскихъ и городскихъ кассъ охватило всю Россію, и вездѣ идетъ въ той или иной мѣрѣ или ликвидація, или дезорганизація стараго дѣла. Повторяю, въ этомъ направленіи дѣйствуютъ самыя разнообразныя причины и опять-таки не въ одномъ оскудѣніи кассъ тутъ дѣло. Тутъ привходитъ особенная общественная психологія. Перестали видѣть серьезное, настоящее дѣло въ томъ, что люди дѣлали раньше, перестали интересоваться имъ. До начала японской войны въ каждомъ городѣ подготовлялась цѣлая уйма дѣлъ, по всюду люди копошились, хлопотали. Въ одномъ мѣстѣ бульвары затѣвали, воду собирались проводить, трамвай оборудовать, тамъ желѣзная дорога наклевывалась, здѣсь собирались сѣть городскихъ школъ закончить, санитарное дѣло наладить... И въ городскихъ думахъ, какъ будто, дѣло настоящее дѣлали. Ораторы изъ интеллигенціи рѣчи говорили, купцы-богатѣи фыркали и экономію наводили, а мѣщане съ лукавыми бородками клинушкомъ прикидывали, съ кѣмъ сходнѣе идти,—съ купцами или съ либеральными профессіями.

И была извѣстная устойчивость, увѣренность, что люди дѣло дѣлаютъ. Жизнью былъ выработанъ компромиссъ съ мѣстными властями,—губернатора «чествовали» и изъ городскихъ суммъ оплачивали счета его въ гостиницѣ, гдѣ онъ останавливался; при обсужденіи городского бюджета деликатно обходили вопросъ о квартирныхъ и другихъ добавочныхъ, не предусмотрѣнныхъ городовымъ положеніемъ, окладовъ исправнику, приставамъ, околоточнымъ,

чтобы не мѣшали, не путались. Если же мѣстное начальство путалось и мѣшало, — у обывателя оставалось «обжалованіе» и «ходатайство». Пусть эти обжалованія и ходатайства мало помогали обывателю, но это были опредѣленные пути и методы, и психологическое значеніе ихъ было несомнѣнное,—создавалась извѣстная устойчивость, возможность прозрѣвать будущее, увѣренность въ томъ, что дѣло дѣлается...

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ всякія значительныя начинанія такъ и стоятъ, какъ были три года назадъ. Мелочи дѣлаются, текущія дѣла черезъ пень-колоду исполняются, а крупныя откладываются въ долгій ящикъ. Не потому одному, что деньги стали дороги, приходится за все переплачивать, и кредитъ чрезмѣрно поднялся, а потому, что какъ-то никто не вѣритъ въ серьезность и нужность городского дѣла въ настоящій моментъ. Не время, ни къ чему, не серьезно все это... Въ городскихъ думахъ нѣтъ стараго тона, гласные говорятъ, какъ осенью мухи по стеклу бродятъ. И всѣ перепутались, — купцы, либеральныя профессіи...

А мѣщане, мелкіе торговцы и плательщики городскихъ налоговъ прямо бунтуютъ, налоговъ не вносятъ, новыхъ правъ требуютъ. Не въ одномъ Симбирскѣ,—въ Керчи арендаторы городскихъ земель также не платятъ аренду и не хотятъ снимать землю, а противъ рыбаковъ, отказавшихся платить городской налогъ, пришлось войско послать. Спросишь про думу какого-нибудь дѣльца, заправилу, про котораго раньше говорили: «на всѣхъ бедрахъ ткетъ»,—только рукой отмахнется:

— Да что вы, — какая дума! Какія теперь дѣла! Только бы ноги унести, концы бы съ концами...

Обжалованія и ходатайства какъ-то вдругъ потеряли всякій смыслъ въ глазахъ обывателя.

— Кому теперь жаловаться? Куда ходатайствовать? Развѣ вотъ Государственная Дума! Да, поди, опять разгонятъ.

Частные люди тоже притаились, сократили свои начинанія и, такъ сказать, только продолжаютъ жизнь. Это въ особенности сказывается на югѣ Россіи, гдѣ за послѣднія 15—20 лѣтъ жизнь шла ускореннымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже лихорадочнымъ, необычнымъ для Россіи темпомъ. Возникали огромные заводы, шла разработка нѣдръ, шло заселеніе незаселенныхъ мѣстъ, возникали и быстро разрастались промышленные и торговые центры, шло усиленное строительство. Теперь жизнь на югѣ рѣзко сократилась. многіе заводы закрыты. Въ Крыму и на Черноморскомъ побережьѣ лихорадочная мобилизація земель, наблюдавшаяся до японской войны, пріостановилась, не покупаютъ землю, не строятъ домовъ. И все это опять-таки не изъ-за одного вздорожанія денегъ; во всемъ этомъ сказывается въ значительной мѣрѣ та же неустойчивость жизни, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Не время, подо-

ждать надо. Все это выбросило на улицу огромное количество безработныхъ людей, которымъ нельзя ждать, которымъ необходимъ заработокъ, чтобы продолжать жизнь,—и къ бродячей политической Руси прибавились огромныя волны бродячей безработной Руси. Любопытно, что именно югъ Россіи даетъ наибольшее количество экспропріацій.

Машина еще движется, поѣзда ходятъ, пароходы плаваютъ, оркестры играютъ. Существуютъ университеты, гимназіи, дѣйствуетъ судъ, издаются газеты, пекутся хлѣбы, торгуютъ магазины. По инерціи жизнь движется, продолжается, но великое разстройство, глубокая дезорганизація государственнаго механизма и мѣстныхъ общественныхъ машинъ бросается въ глаза всякому, кто близко присмотрится къ мѣстной жизни. Что-то ушло изъ жизни,—живое и связующее, что дѣлало изъ дѣла дѣло, изъ жизни жизнь. Словно вынутъ фундаментъ изъ зданія мѣстной жизни, — такъ и виситъ она въ положеніи неустойчиваго равновѣсія...

Вся жизнь... Пошатнулась жизнь снизу до верху, въ самыхъ основаніяхъ своихъ и въ положеніи неустойчиваго равновѣсія оказались самыя примитивныя, элементарныя нужды и потребности населенія. Некому охранять жизнь и имущество обывателя, «тишину и спокойствіе» мѣстной жизни.

Не полиціи, — она давно утратила свою истинную роль охранительницы безопасности населенія. Глубокая дезорганизація проникла въ самую толщу ея. Недавно появился въ газетахъ интересный циркуляръ, если не ошибаюсь черниговскаго губернатора, гдѣ, въ виду большой убыли полицейскихъ силъ, происходящей при современныхъ обыскахъ, предписывалось производить таковые скопомъ, большимъ количествомъ полицейскихъ и предупреждалось въ ясной и категорической формѣ, что для политическихъ обысковъ должно бросать всѣ другія дѣла и никто изъ начальствующихъ не можетъ оправдывать свое отсутствіе при обыскахъ «исполненіемъ служебныхъ обязанностей».

Мы знаемъ, сколько полицейскихъ и стражниковъ на мѣстахъ, даже при теперешнемъ усиленномъ составѣ ихъ, и мы знаемъ, какая масса обысковъ и арестовъ совершается чуть не ежедневно въ самыхъ тихихъ, спокойныхъ мѣстахъ. Несомнѣнно, неуклонное и точное исполненіе губернаторскаго циркуляра во многихъ случаяхъ обозначаетъ прекращеніе всякихъ другихъ функцій полиціи.

Губернаторъ только формулировалъ и опубликовалъ для исполненія то, что давно стало фактомъ жизни, что исполняется вотъ уже три года. Со времени первыхъ раскатовъ революціоннаго грома, полиція фактически сложила съ себя обычныя полицейскія функціи и, объединившись въ одно цѣлое съ жандармскимъ корпусомъ и охраннымъ отдѣленіемъ, стала только политической

полиціей. Полиціи *некогда* ловить конокрадовъ, тушить пожары, разыскивать обыкновенныхъ грабителей, неполитическихъ убійцъ, отыскивать ограбленное имущество, — ей не до того, она должна, прежде всего, улавливать крамолу, обыскивать и арестовывать крамольниковъ и забастовщиковъ, ей нужно воспитывать обывателя въ должныхъ политическихъ принципахъ, она должна слѣдить за профессіональными союзами и за настроеніемъ рабочихъ и обывателей, — не проскочилъ бы на выборахъ «безпартійный лѣвый» или подозрительный «умѣренный». Какъ ни возрасла она количественно, какъ ни явно фигурируютъ при обыскахъ въ качествѣ помощниковъ члены с.-р. н., — для обыскиванія цѣлыхъ кварталовъ изъ дома въ домъ, изъ квартиры въ квартиру, приходится мобилизировать все, и я не удивляюсь, что въ Новгородѣ пришлось выписывать исправника изъ Старой Руссы для производства массовыхъ обысковъ. А между тѣмъ—не изъ-за одного этого отвлеченія полиціи отъ своихъ обязанностей, конечно: дѣло дѣло гораздо сложнѣе,—воровство, хулиганство, обыкновенные грабежи и убійства вспыхнули въ городахъ и деревняхъ, какъ никогда и въ то же время—по строгой логикѣ жизни, — какъ никогда участились случаи суда Линча, «самоуправства» населенія въ борьбѣ съ конокрадами, грабителями и убійцами. Столичныя газеты въ недостаточной степени останавливаютъ свое вниманіе на этихъ проявленіяхъ самообороны; нужно побывать на мѣстахъ, чтобы увидѣть ихъ размѣры. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ Армавирѣ многотысячная толпа нѣсколько дней громила и жестоко избивала своихъ воровъ и грабителей, — и я видѣлъ цѣлый кварталъ домовъ, разрушенныхъ чуть не до основанія, домовъ, гдѣ были такія подземелья, въ которыхъ помѣщались не только люди съ награбленнымъ имуществомъ, но и лошади, гдѣ жили люди, бывшіе хозяевами цѣлой области. Такая «самооборона» получила теперь, по крайней мѣрѣ на югѣ, широкое распространеніе.

Глубокая дезорганизація проникла и въ самое существо полицейской власти, въ душу, въ умъ полицейскаго чина. Вѣдь какъ-никакъ, слова 17-го октября были сказаны и были даже подтверждены въ манифестѣ о новомъ избирательномъ законѣ. Онъ разбился въ мысляхъ, мѣстный начальникъ,—не озорникъ, дѣлающій карьеру, а обыкновенный средній полицейскій чинъ, онъ не знаетъ, что дозволено и что не дозволено, и властная рука не такъ увѣренно тянется къ шивороту обывателя. Мѣстное начальство совершенно запуталось въ томъ нелѣпомъ положеніи, которое создала жизнь, и во многихъ случаяхъ люди рѣшительно не знаетъ, какъ ему поступать. На дняхъ въ маленькомъ городкѣ были выборы въ Государственную Думу; тотчасъ же, тутъ-же, при публикѣ, мѣстное начальство стало отбирать у выбраннаго свѣдѣнія о немъ и, когда выборный сказалъ, что онъ кадетъ, начальство воскликнуло: «Но вѣдь это нелегальная партія!» Произошла то-

мительная пауза, начальство безпомощно озиралось кругомъ,—очевидно не зная, какъ ему поступить, протянуть ли руку къ шиворотy выборщика, какъ требовалъ бы здравый смыслъ относительно нелегальнаго человѣка, или отступить. И отступило. Въ другомъ мѣстѣ, тоже на-дняхъ, у проѣзжаго человѣка былъ сдѣланъ обыскъ, нашли брошюрки, продающіяся въ г. Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ,—и вотъ жандармскій офицеръ остановился въ такомъ же недоумѣніи, арестовать или отпустить.

— Но, вѣдь, тутъ ни на одной брошюрѣ нѣтъ «дозволено цензурою»?

Послѣдовало объясненіе со стороны обысканнаго, видимо совершенно не удовлетворившее офицера.

— Я и просмотрѣлъ нѣкоторыя... Вѣдь это все лѣвыя!

— Да, лѣвыя.

Тоже послѣдовала продолжительная пауза труднаго раздумья и жандармскій офицеръ тоже поступилъ вопреки здравому смыслу, диктуемому всѣмъ прошлымъ его воспитаніемъ — отпустилъ обыскиваемаго.

И многое, что ежедневно регистрируется въ прессѣ, какъ превышеніе власти мѣстной администраціи, какъ явное беззаконіе и насиліе,—часто совсѣмъ не таково по существу. Въ большинствѣ случаевъ здѣсь не проявленіе злой воли, а только результатъ нелѣпости современнаго положенія и полнаго отсутствія у полиціи нормъ ея поведенія. Какъ могъ провинціальный полицейскій чиновникъ разобраться въ фактѣ присутствія въ Государственной Думѣ огромнаго числа депутатовъ, открыто именующихъ себя с.-р. и с.-д. и въ тоже время привлеченія на мѣстахъ, съ арестомъ и съ ссылкой, за принадлежность къ нелегальнымъ партіямъ с.-р. и с.-д? Полиція потеряла ту увѣренность и устойчивость, ту непреложность чувства, которыя давала ей непреложность прежней позиціи.

Огромную дезорганизацію внесло въ умы и души полиціи появленіе союза русскаго народа. Образовалась на мѣстахъ своего рода неприкосновенность личности. Въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ при мнѣ пришла къ моей знакомой немолодая женщина,— членъ с. р. н., служившая раньше кухаркой у этой моей знакомой и сохранившая къ ней добрыя чувства,—пришла уговаривать поступить въ с. р. н.

— Вы, милая барыня, можете и не ходить на собранія; только внесите полтинникъ и все тутъ, велики ли для васъ деньги? А я ужъ и запишу васъ, и значекъ принесу вамъ... Тогда живите себѣ въ полную волюшку! Вотъ сынки-то у васъ сидѣли, и народъ къ вамъ всякій ходитъ... А тогда живи, кто хочетъ, безъ прописки, никто не тронетъ! Да, хоть бомбы держите,—Христосъ съ вами!

Баба говорила несомнѣнно искренне и при томъ она была не простой членъ с. р. н., а «знаменоносица». Быть можетъ, баба нѣ-

сколько преувеличивала неприкосновенность союзной личности, но внѣ сомнѣній, что до извѣстой степени союзный значекъ дѣлаетъ личность неприкосновенной и если не бомбы, то недозволенное уголовнымъ законодательствомъ хранить такому неприкосновенному человѣку возможно. Въ газетахъ неоднократно сообщались случаи такихъ удобныхъ комбинацій.

Но союзъ русскаго народа не только создаетъ для членовъ его сферу недосягаемости,—онъ есть власть и, какъ таковая, глубоко вклинился въ оффиціальную полицейскую и административную власть. Мы знаемъ многочисленные случаи изъ петербургскихъ газетъ, гдѣ задержанные хулиганы показывали значекъ с. р. н., и роли моментально мѣнялись: городовые задерживали по приказанію задержанныхъ тѣхъ, кого они избивали, грабили, подкалывали. Въ провинціи все это проще и нагляднѣе. Во многихъ случаяхъ союзники приказываютъ и полиція имъ подчиняется, — подчиняется даже больше, чѣмъ своему непосредственному начальству. Въ тѣхъ рѣдкихъ мѣстахъ, гдѣ крупное начальство неблагосклонно относится къ союзникамъ, низшая и средняя полицейская власть иногда вступаетъ въ конфликтъ съ своимъ непосредственнымъ начальствомъ, такъ какъ имѣетъ со стороны болѣе повелительныя указанія. Мнѣ извѣстны случаи, гдѣ приставъ игнорируетъ исправника, а исправникъ открыто и демонстративно не признаетъ губернатора. Это и понятно. Мы знаемъ изъ книги князя Урусова, какъ подчиненный ему полиціймейстеръ обрадовался, когда кн. Урусовъ, кромѣ своего губернаторскаго распоряженія, предъявилъ ему еще телеграмму министра Плеве. Губернаторъ можетъ уйти или его могутъ убрать, а с. р. н. останется и останутся въ Петербургѣ тѣ, кто назначаетъ и убираетъ губернаторовъ и кто можетъ полиціймейстера или пристава, совершившаго не только беззаконіе и насиліе, но и поступившаго вопреки прямому распоряженію своего непосредственнаго начальства, вмѣсто наказанія наградить и повысить, создать ему карьеру. Я не говорю уже о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ генералъ-губернаторы: тамъ идетъ полный разгромъ самаго понятія власти, с. р. н. открыто упраздняетъ мѣстное начальство и генералъ-губернаторы не стѣсняются отмѣнять распоряженія губернаторовъ и произносить суровыя реплики не только по ихъ адресу но и по адресу всего министерства.

Въ газетахъ было опубликовано, какъ Пуришкевичъ, въ качествѣ товарища предсѣдателя с. р. н., дѣлалъ оффиціальный *запросъ* губернатору, на какомъ основаніи онъ не «утвердилъ» «союзника» «попечителемъ» какого-то учрежденія. Когда губернаторъ скромно отвѣтилъ, что это дѣло его, губернатора, а не Пуришкевича, тотъ возвратилъ губернатору его отвѣтъ за «неприличіе тона». Это была всетаки Москва, и московскій губернаторъ, и Пуришкевича всетаки привлекли къ отвѣтственности... Въ провинціи это взаимоотношеніе

властей проще, такъ сказать, натуральнѣе; все проявляется болѣе откровенно, болѣе нагло, и губернаторы рѣже позволяютъ себѣ невѣжливо разговаривать съ союзомъ русскаго народа. Въ провинціи эта дезорганизація власти вскрывается болѣе откровенно, болѣе несомнѣнно. Мнѣ лично извѣстенъ случай, за достовѣрность котораго я ручаюсь. Приходитъ къ губернатору столяръ,—не владѣлецъ какого-нибудь «капиталистическаго» предпріятія, а самый обыкновенный столяръ,—предсѣдатель мѣстнаго с. р. н.—и обращается къ нему съ такой репликой.

— Вы что же это, господинъ начальникъ—выходитъ тоже жидовскій потатчикъ! Шкапы-то починять въ губернскомъ правленіи жиду отдали, а не мнѣ?

Я не знаю, какъ поступилъ въ этомъ случаѣ представитель твердой власти, но мнѣ именно въ послѣднее время смѣшно читать разсужденія оффиціозовъ и полуоффиціозовъ о твердой власти. Ея нѣтъ,—нѣтъ никакой власти. Она дезорганизована въ самыхъ своихъ основахъ, не знаютъ и не видятъ ея ни носители власти, ни объекты этой власти, ни полиція и администрація, ни населеніе. Старое ушло, новое не пришло. Полиція не знаетъ, кого слушаться, населеніе—гдѣ начальство. Исчезла та прежняя чугунная стройность и устойчивость, когда околоточный зналъ пристава, приставъ исправника, исправникъ губернатора, а обыватель зналъ «хожалаго», «подчаска», «господина пристава», и все было ясно и опредѣленно, и былъ нѣкоторый компромиссъ у населенія съ властью, въ видѣ старой неписанной русской конституціи,—«барашка въ бумажкѣ». Крупныхъ воровъ полиція не касалась, а обыкновенныхъ воровъ, мошенниковъ и грабителей подлавливала; случалось и краденое возвращала, и пожары тушила. Теперь все перепуталось и никто не знаетъ,—ни начальство, ни населеніе, что можно и чего нельзя, куда можно пущать, а за что потащутъ. Средній обыватель съ недоумѣніемъ взываетъ: «Власть, гдѣ ты?» И слышитъ только одинъ отвѣтъ отъ союзниковъ: «Иди къ намъ, мы покажемъ тебѣ, гдѣ власть.» И, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ многозначительныхъ фактовъ русской жизни—то, что обыватель, несмотря на серьезныя принудительныя мѣры и на огромныя облегченія жизни, добываемыя принадлежностью къ с. р. н., не идетъ въ него, и что с. р. н., по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя мнѣ пришлось посѣтить лѣтомъ и осенью, идетъ на убыль, а не на прибыль...

Я сказалъ, что въ провинціи все натуральнѣе, болѣе откровенно и болѣе нагло, но въ полномъ видѣ дезорганизація государства и его механизма проявляется именно въ Петербургѣ, въ верхахъ, въ центрѣ, въ правительствѣ, если считать таковымъ теперешнее министерство. Если считать таковымъ... Для широкихъ слоевъ населе-

нія рядомъ съ П. А. Столыпинымъ стоитъ Александръ Дубровинъ, рядомъ съ совѣтомъ министровъ—главный совѣтъ с. р. н., рядомъ съ министерской газетой «Россія» оффиціальный органъ с. р. н. «Русское Знамя». Между этими двумя министерствами возникаютъ конфликты, «линіи поведенія» П. А. Столыпина и Александра Дубровина расходятся и смотрящему со стороны русскому гражданину трудно рѣшить, кто кому даетъ «директивы». Не потому одному, что «Русское Знамя» «честитъ» чуть не въ каждомъ номерѣ П. А. Столыпина, а «Россія» держится примиряющаго и нѣсколько извиняющагося тона,—существуетъ серьезное затрудненіе разграничить сферы компетенціи того и другого министерства. И для обывателя есть даже нѣкоторыя основанія заключать, что «законодательная инициатива» и «полнота власти» принадлежитъ не оффиціальному, а неоффиціальному минилистерству. Мнѣ лично извѣстенъ случай, гдѣ предсѣдатель с. р. н., пустопорожній мѣстный мѣщанинъ, по случаю неисполненія однимъ крупнымъ губернскимъ чиновникомъ вздорнаго требованія этого предсѣдателя, послалъ телеграмму въ Петербургъ и оттуда немедленно воспослѣдовала телеграмма главноначальствующему и отъ него мѣстному губернатору о разслѣдованіи дѣла; а съ другой стороны—я какъ-то не могу вспомнить примѣра, гдѣ бы, по донесенію мѣстнаго населенія, производились разслѣдованія и устранялись генералъ-губернаторы, въ сознаніи населенія состоящіе во второмъ министерствѣ с. р. н. и во всякомъ случаѣ расходящіеся съ видами и намѣреніями оффиціальнаго министерства. Сожженіе домовъ частныхъ неповинныхъ лицъ уже потому не можетъ входить въ виды оффиціальнаго министерства, что именно ему, а не министерству с. р. н., приходится уплачивать стоимость сожженнаго имущества, а генералъ Думбадзе по сіе время остается генералъ-губернаторомъ и насаждаетъ «твердую власть». Судя по тому, что съ водвореніемъ нынѣшняго министерства грандіозные и спеціально-еврейскіе погромы, въ родѣ бѣлостокскаго, гомельскаго и сѣдлецкаго, не осуществляются, можно думать, что они по тѣмъ или инымъ соображеніямъ выброшены изъ платформы и тактики министерства; но вотъ въ Одессѣ, въ автономіи генерала Каульбарса, все время существованія нынѣшняго министерства, то обостряясь, то стихая, идетъ, не прерываясь, еврейскій погромъ, стоящій бѣльмомъ въ глазу Западной Европы, а генералъ Каульбарсъ все въ Одессѣ. Въ одной изъ газетъ, по поводу назначенія генерала Новицкаго, была помѣщена замѣтка, гласившая, что съ назначеніемъ генерала Новицкаго думаютъ снять въ Одессѣ военное положеніе и тѣмъ самымъ упразднить генерала Каульбарса, какъ вершителя судебъ Одессы. Обыватель съ большимъ интересомъ слѣдитъ за этимъ обходнымъ движеніемъ предпринятымъ Петербургомъ противъ Одессы, очень интересуется судьбой этого макіавелистскаго плана, но, ставя себѣ вопросъ, «кто

побѣдитъ въ неравномъ спорѣ?»—склоняется къ мысли, что «славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ».

Вотъ, въ одномъ и томъ же номерѣ Товарища (6-е октября, № 390), помѣщены три извѣстія:

«Причиной отставки товарища министра торговли и промышленности А. А. Штофа явилось, какъ сообщаетъ «Сегодня», исторія со сверхпроцентнымъ пріемомъ евреевъ въ кіевскій политехническій институтъ. Какъ извѣстно, въ эту исторію вмѣшались истинно-русскіе, которые забили тревогу и въ результатѣ—отставка А. А. Штофа».

Далѣе: «Уволенный по домашнимъ обстоятельствамъ командующій войсками казанскаго военнаго округа ген. Карассъ, какъ передаютъ «Рѣчи», сдѣлался въ послѣднее время до своей отставки объектомъ многочисленныхъ доносовъ со стороны истинно-русскихъ людей, которые обвиняли ген. Карасса въ чрезмѣрной снисходительности, проявленной имъ при конфирмаціяхъ приговоровъ военныхъ судовъ»

И наконецъ:

«На телеграмму, посланную П. А. Столыпинымъ генералу Новицкому о принятіи рѣшительныхъ мѣръ для подавленія безпорядковъ на улицахъ Одессы, генералъ Новицкій, какъ сообщаетъ «Утро Россіи», отвѣтилъ слѣдующее: «Приняты всѣ мѣры къ прекращенію безчинствъ. Похороны Дельфинскаго показали невозможность бороться власти съ тайными организаціями, за которыя стоятъ лица, обезпечивающія ихъ безопасность. Шлю подробный докладъ вашему высокопревосходительству. Генералъ Новицкій».

Такова полнота власти, такъ гордо и великолѣпно провозглашенная urbi ei orbi съ высокаго мѣста Таврическаго дворца...

Судьба нынѣшняго министерства, его позиція въ государствѣ совершенно необыкновенна и лучше всего характеризуетъ разстройство государственнаго механизма, отсутствіе устойчиваго равновѣсія въ русской жизни.

Оно въ необыкновенно счастливыхъ условіяхъ. Оно существуетъ почти полтора года,—огромный періодъ для «смутнаго времени»; воля у него была развязана, а рука вооружена всей мощью исключительныхъ законовъ, военно-полевыхъ судовъ. Оно все время вело непримиримую и неукротимую борьбу съ революціей, и, если не особенно закономѣрно, то всемѣрно, стояло на стражѣ привилегированныхъ классовъ. И тѣмъ не менѣе, оно совершенно одиноко. Россія идетъ не къ нему, а отъ него, оно не успѣло сгруппировать вокругъ себя никакой партіи, ни одной сколько-нибудь значительной группы населенія и иронія его положенія въ томъ, что оно должно неизбѣжно опираться на с. р. н., какъ бы ни было непріятно это для него самого.

Оно не только не собрало около себя, оно оттолкнуло отъ себя слои населенія, такъ недавно связанные, казалось, нерасторжимыми узами; оно не удовлетворило тѣхъ, для кого работало.

Было духовенство, изъ котораго вмѣстѣ съ дворянствомъ и крупною промышленностью хотѣли сдѣлать базу воздѣйствія на народъ и проведенія здравыхъ мнѣній правительства.

Духовенство пошатнулось въ своей надежности и уходитъ отъ министерства,—это очевидно всякому безпристрастному наблюдателю.

Тутъ дѣйствуетъ много причинъ,—и общее пробужденіе и просвѣтлѣніе разума и проснувшееся христіанство, совѣсть, которая не позволяетъ священникамъ во многихъ мѣстахъ освящать и ставить въ церквахъ стяги с. р. н., какъ символъ крови и человѣко-ненавистничества, и заставляетъ въ глубинѣ души, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и гласно протестовать противъ смертной казни.

Въ томъ же направленіи удаленія отъ правительства дѣйствуютъ и чисто профессіональные классовые интересы, давняя глухая непріязнь бѣлаго духовенства къ черному, къ консисторіи, къ архіереямъ, судьба дѣтей, съ которыми поступаютъ въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ безконечно жесточе, чѣмъ въ гимназіяхъ съ другими дѣтьми, наконецъ, невозможное положеніе духовенства между молотомъ и наковальней, между народомъ, съ одной стороны, полиціей и дворянствомъ, съ другой стороны,—обостренныя отношенія, въ которыхъ нельзя остаться нейтралитетомъ, нельзя остаться только пастыремъ и христіаниномъ, а нужно идти или въ ту или въ другую сторону. Огромную роль сыграла въ этомъ отношеніи дѣятельность передовыхъ священниковъ въ первой и второй Думѣ, ихъ рѣчи, въ особенности извѣстная рѣчь Тихвинскаго, но еще болѣе тѣ преслѣдованія, которымъ подверглись депутаты-священники первой и второй Думы. Еще послѣ роспуска первой государственной думы мой знакомый архіерей, разговаривая со мной о священникахъ первой думы, спросилъ про одного изъ нихъ, котораго я зналъ:

— Неужели его въ монастырь отправятъ?

Я не желалъ оскорблять его, но у меня какъ-то невольно вырвалось:

— Вы, владыко, вѣроятно лучше меня знаете? — Онъ долго молчалъ, лицо у него было скорбное, онъ тихо и печально бросалъ въ пространство свои слова—вздохи.

— Какъ это нехорошо! Какъ это дурно!... Что они дѣлаютъ! Боже мой, что они дѣлаютъ!

Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, онъ былъ только глубоко-вѣрующій, чистый человѣкъ, не синодскій, а истинный христіанинъ,

Я не знаю, попадутъ ли въ 3-ю Думу лѣвые священники, но насколько можно судить по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ и по

постановленіямъ эпархіальныхъ съѣздовъ, въ духовенствѣ происходитъ глубокій расколъ. Недавно еще въ газетахъ сообщался циркуляръ Синода къ архіереямъ о разыскиваніи и преслѣдованіи образовавшагося въ средѣ духовенства «тайнаго сообщества».

Вся политика, всѣ мѣропріятія министерства шли въ сторону дворянства и преимущественно крупнаго дворянства, для него былъ изданъ новый избирательный законъ—и тѣмъ не менѣе министерство не собрало около себя дворянъ и московскіе съѣзды своимъ отношеніемъ къ правительственнымъ законопроектамъ въ сущности вынесли вотумъ недовѣрія къ стоящему у власти министерству. И въ строгомъ соотвѣтствіи съ этимъ взаимнымъ отношеніемъ находится газетная замѣтка, предсказывающая, что министерство Столыпина уйдетъ, если третья Государственная дума будетъ правая.

Да, есть октябристы и такъ какъ побѣда на выборахъ повидимому будетъ принадлежать имъ, можно было бы думать что министерство собрало наконецъ около себя опредѣленную общественную группу, на которую можетъ опираться... Но на эту группу нельзя опираться... Не потому одному, что октябристы могутъ жить, только сами опираясь на правительство, что они не политическая партія съ опредѣленной программой и въ существѣ дѣла люди не 17-го, а двадцатаго числа... И именно какъ правительственная партія, октябристы вполнѣ точно отражаютъ «правительство». Всякому извѣстно, какъ трудно въ провинціи проводить какія нибудь разграничительныя линіи между октябристами и союзомъ русскаго народа; мы видимъ, что въ провинціи въ большинствѣ случаевъ октябристы, исходящіе изъ 17-го октября, заключили выборныя соглашенія съ с. р. н. и монархическими партіями, исходящими изъ отрицанія 17-го октября. Тамъ есть люди П. А. Столыпина и Александра Дубровина и, провозглашая свою единственную тактику,—работу съ «правительствомъ», они тѣмъ самымъ обязуются работать съ правительствомъ, изъ кого бы оно ни состояло. Октябристы не опора и не дадутъ устойчиваго равновѣсія нынѣшнему министерству.

Наиболѣе ярко сказывается дезорганизація государства и мѣстной жизни на низахъ, на мѣстахъ,—въ психологіи народа, въ думахъ и чувствахъ обывателя-гражданина. 17-е октября легло огромной пропастью между старымъ и новымъ, но еще болѣе огромная пропасть выросла между 17 октября и сегодняшнимъ днемъ. Самодержавіе отмѣнено, но нѣтъ и конституціи, старыя правовыя нормы выброшены жизнью,—новыя нормы не воплотились въ жизнь, старый государственный строй рухнулъ, по крайней мѣрѣ въ правосознаніи народа, и не заложено ни одного камня для новаго государственнаго зданія. То, что переживаетъ Россія, есть не разстройство государства, а анархія въ истинномъ и настоящемъ смыслѣ слова; то, что развертывается въ Россіи вотъ уже

два года,—ежедневно, ежечасно,—не незаконность, а беззаконіе въ истинномъ, настоящемъ смыслѣ слова, въ смыслѣ отсутствія *закона* вообще. Такъ смотритъ на современное положеніе народъ, широкіе слои населенія, и иначе не можетъ смотрѣть. Народъ привыкъ оперировать только съ большими числами, съ общими понятіями:—«рубль», «сто», «тысяча», «правда — неправда», «правильно—неправильно», «по закону—беззаконно»... Старый законъ въ понятіяхъ его кончился, новый не появился. Онъ не знаетъ и не хочетъ считаться съ сенатскими разъясненіями, онъ не понимаетъ и не признаетъ основныхъ законовъ, изданныхъ наканунѣ 1-й Государственной Думы, онъ не понимаетъ и не признаетъ толкованія и разъясненія 87-й статьи, ему недоступны юридическія тонкости, ему недоступна тонкость и мудрость государственной политики: сначала успокою Россію и потомъ реформы дамъ, сначала буду творить беззаконіе, а потомъ законъ объявлю, — онъ прочиталъ и выучилъ наизусть слова манифеста 17-го октября и видитъ дѣла сегодняшняго дня. Онъ помнитъ, что «ни одинъ законъ не можетъ быть установленъ безъ одобренія Государственной Думы», помнитъ другія слова манифеста, онъ прочиталъ 3-го іюня подтвержденіе, что слова эти остаются въ прежней силѣ,—и съ точки зрѣнія этого 17-го октября расцѣниваетъ все происходящее съ тѣхъ поръ,—расцѣниваетъ, какъ сплошное беззаконіе, такъ какъ все происходившее противорѣчило новому *закону*, какимъ явился для народа,—по источнику, изъ котораго исходилъ,—манифестъ 17-го октября.

И раньше закрывали газеты, разгоняли собранія и общества, были и раньше смертныя казни, административныя высылки, военныя положенія и генералъ-губернаторы, были штыки и нагайки, но все это было не то что законно, а не являлось беззаконіемъ въ глазахъ народа, такъ какъ не противорѣчило тому старому закону, старому государствопониманію народа. Его не звали тогда къ избирательнымъ урнамъ, онъ не посылалъ въ Петербургъ выразителей своихъ желаній, его не звали устанавливать законы государства россійскаго, выражать довѣріе или недовѣріе министрамъ. Теперь его зовутъ. Собирались двѣ Думы и двѣ Думы были распущены и не установили новаго закона. И его снова зовутъ къ избирательнымъ урнамъ... Его бьютъ за эти урны, его сажаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ въ ссылку за подачу голосовъ, но его зовутъ, его тянутъ, его штрафуютъ рублемъ, какъ это было въ Орловской губерніи, если онъ не идетъ къ избирательнымъ урнамъ.

А закона все нѣтъ—ни стараго, ни новаго... И пропасть между 17 октября и сегодняшнимъ днемъ становится все глубже; не видно уже краевъ, туманы тяжелые ползутъ, страшные призраки встаютъ со дна. Старыя грани пройдены, новыя не очерчены; старая воля развязана, и нѣтъ творческаго, связующаго для новой воли. Жизнь становится сказкой и сказка дѣлается дѣйствитель-

ностью. И современный русскій человѣкъ не можетъ разобраться, не можетъ рѣшить: гдѣ сказка, гдѣ дѣйствительность. Что сказка и что дѣйствительность,—«17 октября» или «сегодняшній день»? Что законъ и что беззаконіе? «Ни одинъ законъ»... или законъ, издаваемый лодзинскимъ генералъ-губернаторомъ? Столыпинъ и Каульбарсъ,—что сказка и что дѣйствительность?

У современнаго человѣка нѣтъ чувства дѣйствительности, онъ видитъ сновидѣніе. У него нѣтъ мѣры, которой онъ могъ бы мѣрять, нѣтъ закона, съ высоты котораго онъ могъ бы рѣшать, что правильно и что неправильно. Онъ не знаетъ теперь, что можно и чего нельзя, онъ не знаетъ, что нужно дѣлать и чего нельзя дѣлать. Вносить подати или не вносить? И одинъ уѣздъ вноситъ, а другой не вноситъ. Покупать земли чрезъ крестьянскій банкъ,—на отруба задарма даютъ, да еще на устройство «способіе», — или до Думы отложить? Запретить помѣщику рубить и продавать рощу или пока что самимъ свести? И такъ какъ будто правильно и этакъ правильно, а какъ по настоящему, — неизвѣстно. Оно бы правильнѣе подождать Думы, да Покровскіе мужики сядутъ,—поди спихивай потомъ,—лучше можетъ купить... То есть будто бы купить: на счетъ денегъ и «процента»-- видно будетъ... И, напримѣръ, бомбы, экспропріаціи,—правильно или неправильно? Идетъ капитанъ ночью по пароходу, видитъ столпившуюся у борта группу подозрительныхъ молодыхъ людей и, проходя мимо, бросаетъ въ пространство: «Берегитесь!.. На пароходѣ агенты, за вами слѣдятъ!..» Въ домѣ бомбы готовятъ,—подозрѣваютъ другіе жильцы, кое-кто и знаетъ, обсуждаютъ потихоньку, какъ бы заставитъ *ихъ* уѣхать изъ дому, а въ полицію и агенту, живущему тутъ же въ домѣ, знать не даютъ... Въ пивной захмѣлѣвшій экспропріаторъ бахвалится, показываетъ золотые часы, звенитъ деньгами, кричитъ: «эй, дюжину»! и разсказываетъ свои подвиги. Къ столу публика собирается,—дворникъ и швейцаръ и лавочникъ изъ сосѣдней лавки, и разные люди пивныхъ въ вечерній часъ, собираются и слушаютъ. Слушаютъ, и въ полицію знать не даютъ. Завтра же этотъ экспропріаторъ можетъ ограбить лавочника, застрѣлить изъ браунинга дворника, сторожа или швейцара, чтобы не мѣшали, завтра бомба его можетъ убить на улицѣ любого прохожаго... Но это завтра. И завтра этотъ же слушатель разорветъ экспропріатора на части, завтра дѣло просто, когда *тебя* коснется, а сегодня вопросъ, — правильно все это или неправильно? Сидятъ и слушаютъ. И не потому, только, что сказка занятная, необыкновенная, а и потому, что эти головы хмѣльныя тяжкимъ хмѣлемъ современной дѣйствительности-сказки, ушедшія отъ стараго закона и не добившіяся новаго, трудно рѣшаютъ, что правильно и что неправильно. У народа силы нѣтъ, народъ принизился, затихъ, молчитъ, а эти люди бомбами разговариваютъ, сильные, на смерть идутъ, что-то дѣлаютъ, съ кѣмъ то борются,—можетъ эти и достигнутъ. *Тѣ* не хотятъ давать но-

ваго закона, можетъ *эти* доймутъ, можетъ *этимъ* поддвинутъ новый законъ... И слушатель, вмѣсто того, чтобы идти въ полицію, отъ себя «выставляетъ»:

— Ну-ка, экспропріятель,—пару пива!

А за стойкой стоитъ забытый хозяйскій сынъ-подростокъ и слушаетъ. Слушаетъ жуткую и страшную, влекущую къ себѣ сказку про вольныхъ, смѣлыхъ людей, которые какую-то борьбу ведутъ, которые ни своей ни чужой жизни не жалѣютъ... И быть можетъ, когда будутъ расходиться изъ пивной, онъ догонитъ экспропріатора и въ темномъ переулкѣ въ два слова столкуется..

Нужно быть на мѣстахъ, въ особенности на югѣ Россіи, имѣть свѣдѣнія отъ мѣстныхъ знающихъ людей, чтобы понять, что кромѣ обыкновенныхъ воровъ и разбойниковъ, использовавшихъ психологическій эффектъ лозунга «руки вверхъ!» кромѣ тѣхъ, которыми руководитъ уродливая, но политическая идея, кромѣ наконецъ безработныхъ, участіе которыхъ въ экспропріаціяхъ, повидимому, все растетъ и растетъ, туда, въ экспропріаціи бѣгутъ просто люди темперамента, Васьки Буслаевы, та старая русская «вольница», появленіе которой предсказывалъ еще Г. И. Успенскій. Кое-гдѣ, какъ напримѣръ, въ Новороссійскѣ, повидимому дѣйствуютъ рядомъ, не соприкасаясь, и политическая экспропріація и просто вольница,—рядомъ съ систематическими выемками, очевидно строго организованными, тысячъ (ультиматумъ 2—3 тысячи) у богатыхъ людей, устраиваются нападенія на мелкихъ людей, на десятки рублей... Въ послѣдней неудавшейся экспропріаціи мясника-купца пойманные и частью убитые 7—8 экспропріаторовъ оказались, какъ сообщало «Черноморское Побережье», «принадлежащими къ семьямъ новороссійскихъ домовладѣльцевъ».

Уже болѣе двухъ лѣтъ въ газетахъ не попадается извѣстій о побѣгахъ гимназистовъ въ Америку по Майнъ-Риду; за то газеты полны извѣстіями объ участіяхъ въ экспропріаціяхъ подростковъ, молодежи изъ-за стоекъ, изъ-за прилавка, изъ-за учебника Кюнера, изъ семействъ новороссійскихъ домовладѣльцевъ, изъ семействъ купцовъ, мѣщанъ и дворянъ, изъ семействъ жандармскихъ офицеровъ и судебныхъ дѣятелей. Сказка тутъ дома, тутъ дома гораздо болѣе жуткое, страшное и влекущее къ себѣ, чѣмъ сказка Майнъ-Рида. И индѣйцы и скальпы...

Разсказали людямъ сказку прекрасную про нѣкое царство, нѣкоторое государство, гдѣ «не темнѣютъ неба своды, не проходитъ тишина»; пригрезился людямъ вѣщій сонъ про весну, про цвѣты, про любовь, но то сказкой и сномъ осталось, а жестокая и мрачная русская дѣйствительность стала еще мрачнѣе, еще ужаснѣе. Страшно поднялась высокая и свѣтлая волна и упала... И тѣ юные люди, которые раньше были только людьми стойки и прилавка, семьи домовладѣльца, тѣ, которыхъ влечетъ къ себѣ сказка сама по себѣ, тѣ, что спали до революціи и проснулись на высо-

комъ гребнѣ ея, остались со всѣмъ тѣмъ страшнымъ подъемомъ волны и безъ сознанія путей, которыми сказка претворяется въ дѣйствительность,—съ развязанной и ничѣмъ не связанной волей. Грезятся и сказки плѣнительныя, но проснулись и сказки страшныя,—про разбойника Чуркина, и сказки похабныя, и сны ползутъ по землѣ зловѣщіе. И встали всѣ лунатики. Ходятъ съ незрячими глазами по колеблющимся высокимъ жердочкамъ и имъ не страшно высоты, потому что у нихъ не дѣйствуютъ задерживающіе центры, не кружится голова. И не страшно имъ,—русская жизнь вытравила страхъ,—когда завязываютъ петлей веревку предъ ихъ глазами, и не больно имъ, когда ихъ бомба рветъ ихъ собственное тѣло...

Нѣтъ стараго, нѣтъ новаго закона, развязалась воля и не связалась, поднялась волна и упала.

Поднялась волна и упала, но рѣка не вошла въ прежніе берега, въ старое русло и тысячами извилинъ разбѣжалась по широкой поверхности русской земли,—и въ этомъ есть огромно-сложное и страшно трудное.

Есть попытки проще объяснить... П. Н. Милюковъ, повидимому, думаетъ, что это все надѣлали враги его слѣва,—«тѣ люди, которые разнуздали низшіе инстинкты человѣческой природы и дѣло политической борьбы превратили въ дѣло общаго разрушенія» *). Если бы такъ! Но въ томъ же номерѣ, даже рядомъ, буквально бокъ о бокъ, выражаясь теперешнимъ любимымъ терминомъ «Рѣчи», на одной плоскости, приведены слѣдующія слова «Голоса Москвы»: «Всего любопытнѣе, что въ вину правительству ставятся явленія, въ которыхъ кругомъ виноваты кадеты—и разстройство правильныхъ отношеній между обществомъ и властью, и глубокій общественный распадъ, ростъ преступленій и насилій, грабежей и убійствъ, полное отсутствіе личной и имущественной безопасности». Если бы такъ! Но вѣдь всякому очевидно, что и то, и другое объясненіе есть простая и скучная плоскость, употребляя это слово не въ новомъ политическомъ, а въ старомъ разговорномъ смыслѣ, плоское и пустопорожнее мѣсто.

А союзъ русскаго народа говоритъ, что во всемъ виноваты октябристы и первый октябристъ графъ Витте, котораго давно нужно искоренить, а правительство говоритъ, что виновата вся Россія, всѣ, кромѣ него и что совсѣмъ не оно вырыло пропасть между 17 октября и сегодняшнимъ днемъ и наполнило ее страшными призраками, русскую жизнь черными сказками, зловѣщими сновидѣніями. Если бы такъ! Дѣло было бы просто, стоило бы только истребить—ну не всю Россію, а хотя бы враговъ П. Н. Милюкова,—кстати, по его мнѣнію, это и враги всей Россіи—и дѣло бы устроилось, жизнь бы наладилась... Но вѣдь дѣло не такъ просто; всякому безпристрастному человѣку понятно, что дѣло не въ отдѣль-

*) Рѣчь № 224 Ст. Милюкова: „У насъ нѣтъ враговъ слѣва“.

ной партіи и не въ лѣвыхъ, «которые разнуздали низшіе инстинкты человѣческой природы»...

Долго такъ продолжаться не можетъ. Не можетъ жизнь остановиться и не двигаться, не можетъ государство долго оставаться въ той дезорганизаціи, въ какой сейчасъ Россія, не можетъ Россія долго оставаться въ положеніи неустойчиваго равновѣсія, въ какомъ находятся министерство и октябристы между старымъ и новымъ закономъ. Нуженъ законъ, старый ли, новый ли, но законъ.

Назадъ! Къ старому закону, къ старымъ правовымъ нормамъ, въ старое логовище, въ прежнее русло,—такъ диктуетъ, говорятъ люди, дѣйствительность, реальное отношеніе силъ, логика жизни... А, можетъ быть, и дѣйствительно пора домой?

Можетъ быть, дѣйствительно къ тому идемъ мы—въ старый домъ, забыть прошлое, будто и не ссорились?

Русскіе люди забывчивы, они вспыхиваютъ и потухаютъ, у нихъ нѣтъ наслѣдства и традицій. Мы знаемъ изъ исторіи Западной Европы случаи долговременнаго забвенія новыхъ словъ и отступленія къ старымъ позиціямъ, а въ Россіи, которой всегда не очень много, но *давали*, и которая никогда не *брала*,—это еще проще и естественнѣе. Вся исторія съ 60-хъ годовъ есть исторія забвенія словъ и отступленія къ старымъ позиціямъ. И въ современномъ настроеніи по крайней мѣрѣ политическихъ партій, парадирующихъ на исторической сценѣ, мы замѣчаемъ то же исконное русское свойство забывать слова и большую склонность ждать.

Въ строгомъ согласіи съ этой психологіей старой русской жизни, мы наблюдаемъ, какъ поспѣшаютъ люди съ предложеніемъ компромисса правительству, поспѣшающему идти назадъ къ старому дому отъ новыхъ компромиссовъ. И приведенныя вѣщія слова П. Н. Милюкова такъ гармонирующія съ исконными правительственными методами мысли... Я не хочу заподозривать въ этихъ словахъ тактическій пріемъ—нѣсколько позднее, но именно то «осужденіе», котораго такъ долго добивались отъ партіи народной свободы и правительство, и «Новое Время»,—и охотно допускаю, что П. Н. Милюковъ самостоятельной творческой работой мысли пришелъ къ своему выводу; но тѣмъ характернѣе, что въ этихъ новыхъ выводахъ онъ воротился назадъ, домой *), къ тому-же опредѣленію правительства и либеральныхъ круговъ 70-хъ годовъ и даже къ тѣмъ же словамъ о лѣвыхъ, объ агитаторахъ, злодѣяхъ и извергахъ, о внутреннихъ врагахъ нашихъ и всей Россіи, великой, малой и бѣлой, которые разнуздываютъ и превращаютъ дѣло политической борьбы въ дѣло общаго разрушенія...

Да, назадъ!.. Туда зоветъ величайшая государственная необ-

---

*) См. «Облетѣли цвѣты, догорѣли огни». Майская книжка Рус. Бог.

ность современнаго положенія, о томъ говорятъ благомыслящіе люди, утверждающіе, что революція кончилась и страна успокоилась и нѣтъ реальныхъ силъ въ странѣ для установленія новаго закона... и слово «реставрація» повисло въ воздухѣ...

Я увѣренъ, что если спросить настоящаго искренняго члена союза русскаго народа,—который наиболѣе открыто и явно зоветъ къ возврату назадъ, къ реставраціи, — желаетъ ли онъ, чтобы все возстановилось по старому, чтобы былъ старый законъ и порядокъ жизни, какъ до 17-го октября, онъ засмѣется или обидится,—скорѣе обидится, чѣмъ засмѣется. Существуетъ огульное и не совсѣмъ правильное пониманіе союза русскаго народа. Мнѣ приходилось еще два года назадъ писать о довольно сложной психологіи такъ называемыхъ черносотенцевъ,—тамъ есть несомнѣнно честные и искренніе люди;—какъ я тогда опредѣлялъ, «люди стараго пониманія любви къ отечеству и народной гордости». Такихъ людей единицы въ массѣ такъ или иначе купленныхъ людей, но они есть, и эти праведники придаютъ городу нѣкоторый обликъ общежитія, чего-то настоящаго, въ самомъ-дѣлишнаго. Ихъ психологія проста и понятна. Въ основѣ лежитъ несомнѣнно національная и несомнѣнно демократическая струя. Они потомки тѣхъ древнихъ людей, для которыхъ всѣ нерусскіе были «нѣмцы» и «бусурмане», имъ подсунули еврея; но несомнѣнно, расправившись съ евреями, они принялись бы за Витте и Грингмута, за Гершельмана и Гурлянда, за Булацеля и Крушевана, за остзейскихъ бароновъ, и стали бы очищать русскую землю отъ всякихъ «нѣмцевъ». И, несомнѣнно, имѣется у нихъ демократическая струя, чреватая многими неожиданными выводами. Въ послѣднемъ воззваніи с. р. н. значится 7-й пунктъ—«за полное и рѣшительное уничтоженіе пьянства въ Россіи»... Это уже одно чисто революціонное требованіе, такъ какъ равносильно разрушенію государства россійскаго и его одного достаточно, чтобы всякіе иностранные банкиры отказались дать хотя бы ломаный грошъ русскому государству. Если это простое недомысліе темныхъ людей, то уже 4-й пунктъ звучитъ совершенно серьезно: «За строжайшій дѣйствительный контроль надъ министрами, чиновниками»... Это не пустой звукъ. Ненависть къ чиновнику, не менѣе давняя, чѣмъ подозрительность къ нѣмцу. Изъ всѣхъ лозунговъ, бросавшихся руководителями въ среду с. р. н., наиболѣе живо былъ подхваченъ и сдѣлался популярнымъ: «уничтоженіе средостѣнія между царемъ и народомъ». Темному человѣку, смутно донесшему до сихъ дней старыя преданія, дѣло представилось совершенно ясно и просто—уничтожить чиновничье средостѣніе, и тогда можно будетъ сноситься чрезъ своихъ *выборныхъ* прямо съ царемъ, а царь все дастъ: и землю дастъ, и какъ въ 61-мъ году далъ волю отъ господъ, такъ и теперь дастъ освобожденіе отъ чиновника-взяточника, отъ чиновника-самодура, отъ полицейскаго застѣнка, отъ

мордобоя околоточнаго. Чрезъ своихъ *выборныхъ*... Темнымъ людямъ смутно представляются эти будущія отношенія царя съ народомъ, но, несомнѣнно, въ формѣ непосредственныхъ сношеній черезъ выборныхъ людей.

«Бюрократія во всѣ времена, прикрываясь неограниченною властью нашего Отца Государя, дѣлала и дѣлаетъ много вреда и зла Русскому народу»... Такъ начинаетъ свое обращеніе къ русскимъ православнымъ людямъ въ 220-мъ номерѣ «Русскаго Знамени» предсѣдатель боголюбскаго отдѣла союза русскаго народа въ Казани, А. Кукарниковъ, и продолжаетъ пожеланіемъ, «чтобы при особѣ Государя Императора состояло хотя бы 10 лицъ, *избранныхъ* изъ среды союза русскаго народа для ежедневнаго всеподданнѣйшаго доклада о всѣхъ телеграммахъ и извѣстіяхъ, появляющихся въ правой печати».

Была несомнѣнная гордость въ сознаніи: мы, простой народъ, черный народъ, освободимъ царя отъ революціонеровъ, которые рвутъ русское знамя, и отъ чиновниковъ-бюрократовъ, которые губятъ русское государство, и создадимъ вмѣстѣ съ царемъ простонародное русское государство... Въ строгомъ соотвѣтствіи съ этой психологіей стоитъ тотъ фактъ, что наиболѣе популярнымъ народнымъ чтеніемъ въ чайныхъ с. р. н. и въ столицахъ, и въ провинціи сдѣлалось «Избраніе царя Михаила Феодоровича на царство». Избраніе... И вотъ я имѣю основаніе думать, что новый избирательный законъ внесъ уже нѣкоторую дезорганизацію въ среду с. р. н., не тѣхъ нанятыхъ и купленныхъ людей, а именно рѣдкихъ честныхъ и искреннихъ членовъ его. До меня донеслось уже оттуда крылатое слово: «вотъ оно куда повернуло!» и мнѣ извѣстно, что люди оправдываясь, говорятъ: «Развѣ мы думали, что такъ выйдетъ». А повернуло именно въ сторону средостѣнія, при томъ еще гораздо болѣе ненавистнаго демократической части с. р. н.,— барскаго средостѣнія, нанесенъ былъ ударъ именно демократической струѣ его. Весьма вѣроятно, что союзъ русскаго народа въ виду того, что онъ сдѣлалъ свое дѣло и становится неудобнымъ,— будетъ распущенъ, что скоро ему скажутъ: «пошли вонъ, дураки», и я не знаю, какъ сложится ихъ психологія, когда они поймутъ, что они дѣйствительно были дураки и работали для господъ помѣщиковъ и для стараго средостѣнія. Я не знаю, какъ сложится психологія и тѣхъ другихъ, купленныхъ и нанятыхъ людей, которые уже попробовали власти и легкихъ обильныхъ хлѣбовъ, чѣмъ и какъ связать развязанную ихъ волю, но мнѣ важно было только отмѣтить, что черносотенцы, какъ таковые, не желаютъ воротиться и не воротятся въ полной мѣрѣ назадъ, въ старый домъ.

Мнѣ нечего говорить объ октябристахъ,—они ни откуда не выходили и нѣтъ имъ надобности возвращаться,—но вотъ большая и огромно важная по условіямъ русской жизни политическая и общественная группа, дворянство или, что теперь одно и то же,

правое дворянство, объединившееся съ союзомъ русскаго народа въ стремленіи назадъ, къ реставраціи,—пойдетъ ли оно въ полной мѣрѣ назадъ, въ старый домъ? Какъ будто и не ссорились, все по старому,—историческая государственная миссія при центральной власти, дворянское земское самоуправленіе на мѣстахъ.,.

Могутъ возникнуть серьезныя фактическія затрудненія къ возврату назадъ въ области мѣстнаго самоуправленія... Насколько можно судить по газетнымъ свѣдѣніямъ и сообщеніямъ съ мѣстъ, развертывавшаяся въ послѣднее время энергичная и даже скоропалительная аграрная политика министерства Столыпина въ одномъ отношеніи добилась большого успѣха и сдѣлала крупныя завоеванія,—въ новомъ землеустроительствѣ, въ смыслѣ ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія на мѣстахъ. Эта ликвидація давно шла и до революціи, аграрные безпорядки послѣднихъ трехъ лѣтъ и «принудительное отчужденіе» страшно подвинули этотъ процессъ, но никогда онъ не принялъ бы такого быстраго темпа, если бы не вся совокупность аграрной политики теперешняго министерства, дѣятельность крестьянскаго банка и землеустроительныхъ коммиссій. Это явленіе пока не успѣло вскрыться въ должной демонстративности, но въ одно прекрасное утро и правительство, и общество могутъ удивиться достигнутымъ результатамъ. Въ газетахъ уже появилось извѣстіе, что въ Смоленской губерніи на цѣлыхъ два уѣзда остался одинъ дворянинъ, да и то земскій начальникъ... Можетъ случиться въ ближайшемъ будущемъ, что не окажется должнаго количества камней для подновленія и возстановленія стараго дома,—не въ смыслѣ исторической роли въ центрѣ и администраціи, здѣсь за ликвидаціей даже будетъ избытокъ,—а въ смыслѣ цемента на низахъ, состава предводителей дворянства и земскихъ начальниковъ, гласныхъ сословнаго земства и будущей, хотя бы «факультативной», мелкой земской единицы...

Это, конечно, не препятствіе къ возврату назадъ, но захочетъ ли возвратиться назадъ, къ старому, въ полномъ смыслѣ слова, дворянство въ цѣломъ, въ особенности крупное дворянство, владѣльцы латифундій? Вѣдь оно обладало фактическою полнотою власти и въ старомъ государствѣ, и тѣмъ не менѣе старая государственная организація не умѣла или не могла предупредить всего того безпокойства, которое испытало дворянство за послѣдніе три года. Несомнѣнно, оно не удовлетворится возвращеніемъ къ старому, оно предъявитъ счетъ проторямъ и убыткамъ и пожелаетъ закрѣпить въ юридическихъ формахъ прежнюю фактическую полноту власти.

И есть уже нѣкоторыя указанія на ту *новую* форму организаціи государства, какая желательна объединенному дворянству. Если сопоставить ходатайство послѣдняго курскаго дворянскаго собранія объ увеличеніи, кажется вдвое, количества выборныхъ отъ

дворянства въ Государственный Совѣтъ съ опубликованнымъ въ газетахъ намѣреніемъ значительной группы Государственнаго Совѣта ходатайствовать о расширеніи компетенціи Государственнаго Совѣта, то намъ вырисуются, съ достаточной выпуклостью, формы будущаго государства россійскаго. Это будетъ однопалатная система народнаго представительства, конституція, о которой не говорятъ вслухъ, но которая, быть можетъ, заблаговременно приготовляется, какъ приготовлялся избирательный законъ 3 іюня. Другая палата—Государственная Дума—будетъ излишней роскошью и останется сдѣлать немного—распустить третью Государственную Думу и въ должномъ смыслѣ измѣнить избирательный законъ, чтобы провести должныхъ людей въ реформированый въ курскомъ смыслѣ государственный совѣтъ. Но это не будетъ возвращеніе къ старому. Олигархія постарается достаточно крѣпко связать самодержавіе и это будетъ тотъ логическій и психологическій компромиссъ идеи народнаго представительства съ самодержавной властью, какой намѣчается, такъ сказать, одной стороной русской жизни. Это возможно и, быть можетъ, намъ придется еще пережить періодъ нашествія потомковъ Редеди и Батыя съ ужасами, какихъ не знали времена Батыя и Редеди, но мнѣ хотѣлось только установить, что ни объединенное дворянство, ни объединенный съ нимъ союзъ русскаго народа, по разнымъ причинамъ, но оба не могутъ и не пожелаютъ вернуться въ старый домъ на покинутыя русской жизнью позиціи.

Но, конечно, въ послѣднемъ подсчетѣ дѣло не въ дворянствѣ и не въ с.-р.-н. и рѣшать коренной вопросъ русской жизни будутъ не они, не октябристы и не ка-деты, и не центральные комитеты лѣвыхъ партій, а народъ въ большомъ и широкомъ смыслѣ слова, и великій вопросъ русской современности—можетъ ли народъ забыть слова, которыя выучилъ, пожелаетъ ли онъ вернуться въ старый домъ? Въ этомъ все—тутъ законъ и пророки.

За выстрѣлами браунинговъ и взрывами бомбъ, на фонѣ великой дезорганизаціи государства и мѣстной общественной жизни, за мечущейся и кидающейся въ глаза развязанной волей, мы не видимъ той огромной творческой, связующей и организующей работы, которая идетъ въ народѣ. Онъ не только прочиталъ и выучилъ наизусть слова, онъ успѣлъ сдѣлать изъ нихъ соотвѣтствующіе выводы. Онъ не кристализовалъ ихъ въ формахъ государственной жизни, но уже въ значительной мѣрѣ воплотилъ ихъ въ нравахъ, въ чувствахъ, въ складывающемся по новому міросозерцаніи. Онъ переработалъ самое понятіе государства. Онъ былъ раньше только подданнымъ, только слугой государства, существовалъ только затѣмъ, чтобы вносить подати, поставлять рекрутъ,—теперь онъ, въ *мнѣніи* его, гражданинъ и желаетъ, чтобы государ-

ство служило ему. Я бы сказалъ, созидается государство россійское, закладывается фундаментъ, вычерчиваются линіи будущаго дома. Сверху до низу, снизу до верху. Я видѣлъ на мѣстѣ, какъ быстро вспыхнули и сорганизовались профессіональные союзы, какъ захватывали они на моихъ глазахъ рѣшительно всѣ сферы труда, даже казавшіяся мнѣ наиболѣе косными трудовыя группы, и какую глубокую жизненную энергію развертывали они. Въ большинствѣ случаевъ они разгромлены, но слово сказано и слово успѣло облечься въ форму дѣла; остались мысли и навыки, остались элементы для организованности сейчасъ, завтра. Именно за послѣдній годъ, годъ земскаго разгрома снизу, появился въ крестьянствѣ интересъ къ земскому дѣлу, признаніе его своимъ дѣломъ, а не казеннымъ. Платятъ или не платятъ, выбираютъ или бойкотируютъ, но они требуютъ отчета, ревизуютъ, забаллотировываютъ стараго типа гласныхъ-старшинъ,—несомнѣнно, идетъ творческая работа, копятся матеріалы для веденія будущаго дѣла самоуправленія.

Созидается государство россійское... Были подданные, были крестьяне, мѣщане, рабочіе, дворяне, купцы, «общество», городъ и деревня, народъ и интеллигенція, были круги большіе и малые, были товарищи, объединенные этими кругами, какъ коллеги-врачи, но гражданина не было. Всѣ общественныя группы были въ той или иной мѣрѣ притянуты къ тому центру, который совмѣщалъ въ себѣ идею государства и связаны были другъ съ другомъ только черезъ этотъ центръ. Были вертикальныя линіи и не было горизонтальныхъ, которыя не тянулись бы только къ центру, а проходили бы черезъ отдѣльныя группы широкимъ кольцомъ, связывали бы все населеніе. Между городомъ и деревней, между отдѣльными классами протянулась горизонтальная линія гражданственности и въ химическое, а не механическое общее связала она всѣ общественныя группы, объединенныя понятіемъ труда.

Еще болѣе глубокія пропасти, чѣмъ между отдѣльными русскими группами, залегали между многочисленными національностями, входящими въ составъ государства, и въ этомъ смыслѣ государство представляло еще болѣе неорганизованный конгломератъ, еще болѣе механическое сцѣпленіе частей. Вся старая организаторская, обрусительная, государственная политика приводила только къ закрѣпленію глубокихъ овраговъ, къ болѣе рѣзкому обособленію бытовыхъ, національныхъ и вѣроисповѣдныхъ особенностей, къ враждѣ и взаимному непониманію. Только освободительное движеніе начало спаивать отдѣльныя національности. Онѣ встрѣтились на митингахъ, у избирательныхъ урнъ, въ Государственной Думѣ, въ тюрьмахъ и на этапахъ,—встрѣтились и познакомились и поняли другъ друга, и вскрылось химическое сродство чуждыхъ раньше другъ другу элементовъ. И быстро, какъ при свѣтѣ утренняго солнца, растаяли гнилые туманы ночи и уходятъ въ прошлое,

въ тьму забвенія, ядовитыя испаренія взаимной вражды и непониманія. Великая горизонтальная линія уже протянулась между многочисленными національностями, связала въ цѣлое огромную Россію,—и въ сознаніи людей, въ ихъ чувствахъ копятся матеріалы для созданія будущаго государства Россійскаго,—настоящаго государства, не механическаго, а химически-цѣлаго.

И народъ законъ обдумываетъ,—основной законъ, по которому жить будетъ... Первый параграфъ этого основного закона гласитъ, что ни одинъ законъ безъ его, народа, быть не долженъ въ новомъ государствѣ... Пунктъ за пунктомъ тихо и незримо обдумываетъ онъ, выноситъ въ душѣ другіе параграфы будущаго основного закона... Горизонтальная линія проходитъ все шире и шире, и все ближе становится къ периферіи и проходитъ чрезъ тѣ слои населенія, которые еще недавно были неподвижны, — чрезъ духовенство, далекія группы окраинныхъ людей, до которыхъ медленно докатывалось слово про новый законъ...

Но можетъ быть народъ забудетъ слова, которыя были сказаны? Быть можетъ, онъ захочетъ вернуться къ старому закону, къ тому, отъ котораго ему было тяжело, но который всетаки былъ законъ, къ тому dura lex, sed lex? То, что доносится съ мѣстъ—изъ городовъ и деревень,—что вычитываешь изъ газетъ, что видишь своими глазами, — говоритъ все объ одномъ, о все большемъ углубленіи и организованности народнаго *мнѣнія*. Но тихо кругомъ, и нѣтъ организованнаго дѣйствованія,—и вотъ это противорѣчивое, пестрое, неувѣренное и неопредѣленное положеніе даетъ поводъ людямъ, одинаково искреннимъ, къ очень пессимистическимъ или чрезвычайно оптимистическимъ выводамъ. Люди прислушивающіеся къ *мнѣніямъ*, какъ они складываются на мѣстахъ, говорятъ: мы наканунѣ...—Люди, присматривающіеся къ *дѣйствованію*, говорятъ: «все погибло»... И въ этомъ огромномъ противорѣчіи,—углубленіи и организованности мнѣнія и дезорганизованности дѣйствованія,—и лежитъ ключъ къ пониманію современнаго историческаго момента. Да, поднялась волна и упала, но повидимому, упала больше вверху, чѣмъ внизу,—правѣетъ правительство, правѣютъ кадеты, раздумье и неувѣренность чувствуется въ лѣвыхъ, въ широкихъ слояхъ интеллигенція, нѣтъ указаній на правѣніе въ низахъ, въ народѣ, въ широкихъ слояхъ населенія. Несомнѣнно, верхніе слои остыли, похолодѣли и съ большею степенью вѣроятности можно заключить, что ихъ температура не соотвѣтствуетъ температурѣ низовъ, которые еще только разбираются въ новыхъ словахъ, еще только обдумываютъ новый законъ и которымъ,—это нужно помнить,—и старый законъ и теперешнее беззаконье больнѣе и труднѣе, чѣмъ верхнимъ слоямъ...

Чѣмъ кончится дезорганизація государственнаго механизма и мѣстной жизни, какъ рѣшится этотъ конфликтъ новаго мнѣнія страны со старыми формами—кто знаетъ? Но не рѣшиться онъ

не можетъ и не можетъ страна долго находиться въ состоянiи дезорганизацiи... Разно можетъ рѣшиться...

Бываетъ въ Новороссiйскѣ Нордъ-Остъ, «бора»... Онъ выбрасываетъ на берегъ огромные океанскiе корабли, онъ горами льда, брызгами моря, окутываетъ прибрежные дома, люди на четверенькахъ ходятъ во время боры по улицамъ Новороссiйска... Ученые люди, объясняя «бору», говорятъ, что воздухъ можетъ оставаться въ устойчивомъ равновѣсiи только тогда, когда нижнiе слои тяжелѣе и холоднѣе верхнихъ... Когда же нагрѣтое море отдаетъ накопленное за лѣто тепло, а верхнiе слои охлаждаются вѣтромъ, несущимся съ сѣвера, тогда нагрѣтые нижнiе слои вырываются вверхъ, а верхнiе холодные проваливаются внизъ, и образуется, какъ выражаются моряки, «воздушный водопадъ». И для происхожденiя его нужно именно рѣзкое несоотвѣтствiе температуры нижнихъ и верхнихъ слоевъ...

Въ Новороссiйскѣ бываетъ тихо передъ Нордъ-Остомъ. И было тихо въ старой Россiи передъ «воздушнымъ водопадомъ»...

Одинъ уѣздъ платитъ, другой не платитъ... Спрашиваютъ въ неплатящемъ уѣздѣ у солиднаго, умственнаго и хозяйственнаго крестьянина:

— Какъ же это вы,—прiѣдетъ вѣдь исправникъ, стражники!

— Нельзя намъ платить,—отвѣчаетъ онъ дружественнымъ людямъ:—вотъ я два года не платилъ, на моемъ дворѣ двѣсти рублей накопилось—изъ чего я буду платить? Ну, прiѣдутъ... Тамъ видно будетъ...

И такъ какъ дружественные люди пристаютъ, солидный и умственный крестьянинъ поясняетъ:

— Да вѣдь у насъ въ деревнѣ всѣ, какъ это вамъ сказать... Въ родѣ какъ на перепутьи... Дѣла всѣ запустили... Ничего не подѣлаешь... Какъ ни какъ, а идти надо!..

На перепутьи... Не то платить, не то не платить,—будто бы Дума должна укрѣпить. Не то покупать землю, задарма отдаютъ, набиваются, а съ другой стороны обвяжешься—можетъ лучше подождать, что къ чему клонить будетъ. И что теперь по закону и что противъ закона,—разбери-ка. Дѣловъ накопилось по домашности множество, и у городского, и у деревенскаго люда, и то бы надо, и другое надо, и пообносились люди, одежду бы справить, дыры разныя заткнуть, да на перепутьи. Вотъ ужо прiѣдемъ на мѣсто, тамъ видно будетъ! Не время, ни къ чему, не въ сурьезъ, не настоящее дѣло... На перепутьи...

Сложились люди на воза и двинулись. Старую рухлядь бросили, мальчишки горшки перебили. Старыя бабушки повыли, а степенные люди плюнули на постылое старое гиблое мѣсто и больше не оборачивались. Далеко уѣхали отъ стараго мѣста, такъ далеко, что

люди, вспоминая, только дивятся, какъ это они могли такъ долго жить въ немъ. Ходоки все обсказали про новыя мѣста, но, какъ добраться до нихъ, не вполнѣ въ точности указали,—и горы оказались, и болота были и, наконецъ, Чермное море дорогу заступило. И вышла заминка... Кто сталъ бережкомъ похаживать, выискивать, нельзя ли сухимъ мѣстомъ пройти, а другіе вплавь бросились, думали переплывутъ... Народъ у моря сгрудился, а сзади фараоны настигаютъ. Идти какъ ни какъ надо... Старое мѣсто, разоренное, и ворочаться туда не къ чему, и никто не согласенъ, кромѣ фараоновъ. Тутъ, у Чермнаго моря, долго стоять тоже нельзя,—мѣсто голое, пустынное, нежилое.

Стоятъ и думаютъ... Не привыкли люди къ морю, не плавали и привычны были ждать, что укажутъ, что придетъ вотъ Моисей,—махнетъ и Чермное море разступится. Ждали изъ Таврическаго дворца—не пришелъ. А переправляться надо, способы придумывать...

А идти надо... Какъ ни какъ—надо идти.

С. Елпатьевскій.

Хроника внутренней жизни.

Будетъ ли третья Дума правительствующей?

Есть у насъ правительствующій Сенатъ, есть правительствующій Синодъ... Будетъ, можетъ быть, и правительствующая Дума. Тогда мы вспомнимъ г. Муромцева: не напрасно онъ внушалъ невѣжественнымъ трудовикамъ, что «Государственная Дума есть часть правительства». Стало быть, провидѣлъ...

Вспомнимъ мы и другихъ знатоковъ конституціоннаго права,—хотя бы тѣхъ «юристовъ-догматистовъ», о которыхъ мнѣ пришлось говорить въ прошломъ обозрѣніи. Можетъ быть, и они не напрасно внушаютъ теперь, что «конституція у насъ существуетъ». Всѣ наши сомнѣнія на этотъ счетъ исчезнутъ, когда мы воочію увидимъ, что исправленная 3 іюня бумажная конституція вполнѣ совпадаетъ съ реальной, на которую опирается правительство...

Я не рѣшился бы, однако, сказать, что это будетъ навѣрное. Можетъ быть, бумажную конституцію и еще разъ исправить придется. Вообще, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между предста-

вительствомъ, даже по закону 3 іюня, и самодержавнымъ правительствомъ, представляется пока не совсѣмъ яснымъ.

Правда, составъ третьей Думы уже опредѣлился, но опредѣлился онъ пока лишь съ одной стороны,—со стороны народа. Третья Дума, какъ и слѣдовало ожидать, будетъ господской. Отъ нѣкоторыхъ мѣстностей представительство будетъ даже барскимъ. Изъ Орловской губерніи, напримѣръ, пріѣдутъ семь дворянъ, въ томъ числѣ пять предводителей. Даже отъ второй городской куріи, т. е. отъ городской демократіи, орловскіе дворяне провели въ качествѣ представителя одного изъ своихъ предводителей...

Дума будетъ господской. Но это еще не значитъ, что она будетъ правительствующей. Для этого недостаточно собрать «господъ» въ Таврическомъ дворцѣ; нужно ихъ собрать въ опредѣленной пропорціи. Соблюдена ли эта пропорція? На сколько точно третья Дума выражаетъ соотношеніе силъ въ средѣ самихъ правящихъ классовъ?

Возьмемъ хотя бы ту же Орловскую губернію. Она очень разнохарактерна: западные ея уѣзды—лѣсные, восточные—хлѣбные; въ центрѣ наблюдается склонность къ картофелю. Помѣщичьи интересы, являясь безусловно господствующими, не вполнѣ все-таки между собою совпадаютъ, и въ губерніи издавна идетъ борьба между различными группами уѣздовъ. На губернскомъ избирательномъ собраніи это обстоятельство, повидимому, было принято въ расчетъ, и равномѣрность представительства, по скольку дѣло касается помѣщичьихъ интересовъ, съ этой стороны обезпечена. Изъ дворянъ выбраны: двое изъ восточныхъ уѣздовъ (Елецкій предводитель дворянства Ветчининъ и предсѣдатель Малоархангельской земской управы Потуловъ), двое—изъ западныхъ (Брянскій предводитель Тенишевъ и Сѣвскій предводитель Федоровъ) и двое—изъ центральныхъ (Орловскій предводитель Володиміровъ и Дмитровскій Васичъ). Седьмой дворянинъ—непремѣнный членъ землеустроительной комиссіи Новицкій—выбранъ, должно быть, въ качествѣ общаго помѣщичьяго представителя, какъ спеціалистъ-аграрникъ. Помѣстно-дворянскіе интересы сбалансированы, такимъ образомъ, недурно. Но на счетъ торгово-промышленныхъ у насъ нѣтъ въ этомъ увѣренности.

Правда, орловская промышленность неразрывно связана съ помѣстнымъ землевладѣніемъ. Я не сомнѣваюсь, напримѣръ, что среди орловскихъ депутатовъ-предводителей найдется хотя одинъ, который картофель производитъ и винокуренный заводъ имѣетъ. Но за всю орловскую промышленность дворяне представительствовать все-таки не могутъ. Въ виду этого, повидимому, они и взяли съ собою въ Таврическій дворецъ лѣсопромышленника Мельникова. Торгово-промышленные интересы лѣсныхъ уѣздовъ будутъ такимъ образомъ представлены. Не слѣдовало ли бы однако сдѣлать то же и для хлѣбныхъ уѣздовъ? Почему среди орловскихъ представите-

лей нѣтъ мукомола? Если же мукомолъ среди выбранныхъ въ депутаты предводителей имѣется, то не слѣдовало ли бы взять хлѣботорговца?

Въ нашу душу невольно закрадывается сомнѣніе: нѣтъ ли въ законѣ 3 іюня какого-либо изъяна? Мы знаемъ, что избирательныя комиссіи въ Орловской губерніи «разъясняли» усердно и орловскій губернаторъ дѣйствовалъ энергично. Однако и за всѣмъ тѣмъ провести въ Думу маклера Елецкой хлѣбной биржи Иванюшенкова оказалось невозможнымъ. Безъ него же букетъ господской Думы окажется, очевидно, неполнымъ: одного изъ извѣстныхъ своею пахучестью цвѣтковъ въ немъ не будетъ...

Вообще надѣть костюмъ представительства на правящія русскою землею силы и при томъ такъ, чтобы этотъ костюмъ пришелся какъ разъ впору,—задача мудреная. Чтобы лучше пояснить свою мысль, воспользуюсь еще однимъ конкретнымъ примѣромъ.

Въ числѣ членовъ третьей Думы, на сколько извѣстно, имѣется пока лишь одинъ жандармъ, выбранный минскими союзниками. Это—отставной генералъ-лейтенантъ, числящійся «по спискамъ корпуса жандармовъ», Мезенцевъ. Чинъ у него изрядный, фамилія знаменитая, депутатъ, однимъ словомъ, видный. Но достаточно ли его одного, чтобы представительствовать за весь жандармскій корпусъ? И можно ли Думу, въ которой будетъ всего лишь одинъ жандармъ, считать представительствомъ правящихъ силъ въ россійскомъ государствѣ?

Правда, на составъ третьей Думы жандармы оказали свое вліяніе въ иной формѣ: однихъ они лишили ценза осѣдлости, другихъ надѣлили «содержаніемъ отъ казны», третьихъ подвели подъ ту или иную статью уголовнаго уложенія... Но вѣдь такое же воздѣйствіе ими было оказано и на составъ первыхъ двухъ Думъ, но ни та, ни другая изъ нихъ не сдѣлалась все-таки «частью правительства». Результаты получились даже какъ бы обратно-пропорціональные силѣ проявленнаго воздѣйствія. Надъ второй Думой жандармскій корпусъ больше работалъ, чѣмъ надъ первой, между тѣмъ думскій составъ оказался еще неблагонадежнѣе. Практика, такимъ образомъ, показала, что одного косвеннаго вліянія жандармовъ на выборы недостаточно. Проще и вѣрнѣе было бы предоставить имъ прямое въ нихъ участіе. Послѣднее тѣмъ болѣе необходимо, что жандармскій корпусъ въ россійскомъ государствѣ представляетъ какъ бы отдѣльный классъ, имѣющій свои особые интересы. Представьте себѣ, что третья Дума, хотя бы изъ чувства барской брезгливости, надумаетъ править безъ погромовъ и экспропріацій. Кто же въ такомъ случаѣ жандармскіе интересы будетъ отстаивать?

Въ Думѣ будутъ, впрочемъ, еще «союзники»... За погромы они, конечно, вступятся, да и въ провокаціяхъ они толкъ знаютъ. Вообще для насъ, непосвященныхъ, не совсѣмъ ясно, гдѣ кончается

корпусъ жандармовъ и гдѣ начинается союзъ русскаго народа. «Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ,—какъ сообщали газеты,—члены союза русскаго народа въ значительномъ числѣ предлагаютъ свои услуги мѣстной администраціи и полиціи по предупрежденію экспропріацій и раскрытію экспропріаторовъ, а также по выслѣживанію революціонеровъ, ихъ конспиративныхъ квартиръ, тайныхъ типографій и т. п. Число добровольныхъ сообщеній союзниковъ въ мѣстныя полицейскія учрежденія, а равно непосредственно въ департаментъ полиціи также значительно возрасло» *). Сыскныя функціи, какъ мы знаемъ, выполняютъ не только отдѣльные члены, но и цѣлые отдѣлы союза. Въ нихъ, какъ въ полицейскихъ командахъ, отдаются на этотъ счетъ особые «приказы». Намъ извѣстенъ между прочимъ «приказъ № 16», изданный вскорѣ послѣ разгона второй Думы главной управой кіевскаго отдѣла. Этотъ приказъ повелѣваетъ членамъ союза приступить къ дѣйствіямъ и учредить надзоръ за всѣми жильцами каждаго дома съ цѣлью выясненія неблагонадежности евреевъ. Всѣ такія наблюденія должны сообщаться главной палатѣ, гдѣ на основаніи собранныхъ доносовъ должны составляться полные списки обывателей съ выдѣленіемъ изъ числа ихъ всей неблагонадежной и революціонной части населенія. Въ заключеніе въ приказѣ высказывалась увѣренность, что такими проскрипціонными списками союзъ, во-первыхъ, очиститъ все населеніе въ цѣляхъ предстоящихъ выборовъ въ третью Государственную Думу и, во-вторыхъ, вообще окажетъ огромную услугу администраціи въ борьбѣ ея съ революціей. Потомъ, въ извѣстіяхъ изъ югозападнаго края попадались указанія, что такіе проскрипціонные списки не только въ городахъ, но и въ деревняхъ были составлены, и что надлежащія власти въ потребныхъ случаяхъ ими пользовались. Населеніе, повидимому, было «очищено». Въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ побѣдили на выборахъ союзники. Изъ этого, казалось бы, ясно, что и кромѣ Мезенцева силы сыска въ третьей Думѣ будутъ представлены. Но вопросъ въ томъ, будутъ ли онѣ представлены равномѣрно,—въ той степени, въ какой каждая изъ нихъ необходима для правительства?

Я боюсь, что, благодаря взятому мною въ настоящій разъ тону, написанное мною будетъ принято за простую иронію. Многимъ она покажется, быть можетъ, даже не совсѣмъ основательной. Между тѣмъ лежащую въ основѣ моихъ разсужденій мысль я склоненъ отстаивать вполнѣ серьезно. Возьмемъ въ самомъ дѣлѣ хотя бы погромы. Не трудно себѣ представить, что противъ нихъ выскажется даже «господская» Дума. Разныя тутъ могутъ быть соображенія: въ однихъ можетъ сказаться упомянутое уже мною чувство брезгливости, въ другихъ можетъ заговорить коммерческій расчетъ, у третьихъ можетъ явиться желаніе очистить себя передъ Евро-

*) «Рѣчь», 9 августа.

пой... Какъ поступить въ этомъ случаѣ правительству? Распустить союзъ русскаго народа? Но вѣдь это значитъ лишиться одной изъ тѣхъ силъ, которыми оно держится. Зная совокупность этихъ силъ, мы заранѣе должны предвидѣть, что Дума, которая стала бы противодѣйствовать погромамъ, едвали будетъ «правительствующей».

Мыслимъ и обратный случай. Допустимъ, что думская равнодѣйствующая пройдетъ черезъ союзниковъ. Сумѣютъ ли и захотятъ ли они соблюсти интересы другихъ силъ, которыми оперируетъ правительство? Суды, полиція наружная и тайная, охрана и жандармы, сыщики и провокаторы, стражники и союзники въ нашихъ глазахъ сливаются въ одну армію, которая кольцомъ окружила и сдавила революцію. Отдѣльные отряды мы различаемъ лишь по ихъ значкамъ и мундирамъ, да и тѣ намъ не всегда извѣстны. Въ своихъ отношеніяхъ къ врагамъ «общественнаго спокойствія и государственной безопасности» полицейская армія дѣйствительно проявляетъ солидарность. Но это не мѣшаетъ каждому изъ ея отрядовъ жить своею особою жизнью, имѣть свою, нѣсколько отличную отъ другихъ, психологію, свои, не совсѣмъ совпадающіе съ другими, интересы. Между этими отрядами есть грани, существуютъ тренія *)... Въ частности, союзники нѣсколько пренебрежительно относятся не только къ судамъ, но и къ жандармамъ, которые, по ихъ мнѣнію, черезъ-чуръ ужъ «миндальничаютъ» съ крамольниками, между тѣмъ какъ дѣло совершенно ясно: просто-на-просто всѣмъ имъ нужно кишки выпустить. Представьте же себѣ, что,

---

*) Недавно одному изъ моихъ друзей пришлось наблюдать такія тренія даже между „товарищами по оружію“. Его захватила „охрана“ и свои права использовала надъ нимъ, конечно, полностью: продержала въ тюрьмѣ ровно мѣсяцъ и лишь послѣ этого дѣло о немъ передала въ жандармское управленіе. Послѣднее признало возможнымъ освободить его подъ надзоръ полиціи, но, какъ оказалось, оно обязано въ такихъ случаяхъ пропустить освобождаемаго опять черезъ „охрану“. Эта операція нужна, повидимому, для того, чтобы сыщики могли запечатлѣть въ своей памяти физіономію выпускаемаго на волю крамольника. Какъ бы то ни было, моему знакомому за своей свободой пришлось ѣхать черезъ весь городъ, съ Тверской улицы на Звѣринскую. Подъѣзжая къ „охранѣ“ конвоировавшій его жандармъ счелъ своимъ долгомъ извиниться:

— Вы ужъ извините,—здѣсь подождать придется...

За этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ репликъ — нельзя сказать, чтобы доброжелательныхъ,—по адресу охранниковъ. Оказывается, что жандармы изъ „охраны“ не довѣряютъ жандармамъ изъ „управленія“ и, прежде чѣмъ пропустить ихъ къ себѣ, принимаютъ цѣлый рядъ предосторожностей. Послѣднимъ приходится ожидать аудіенціи въ подворотнѣ. Моему знакомому пришлось потомъ видѣть и личныя отношенія представителей двухъ отрядовъ, входящихъ въ составъ одного и того же „корпуса“,— отношенія, полныя пренебрежительнаго высокомѣрія, съ одной стороны, и затаеннаго недоброжелательства — съ другой... Теперь спрашивается, можно ли было бы представительство жандармскихъ интересовъ „охраны“ и „управленія“ возложить на одно и то же лицо,—хотя бы то былъ генералъ Мезенцевъ?

увлекшись этой идеей и возмечтавъ о своихъ силахъ, союзники пренебрегутъ въ томъ или иномъ случаѣ жандармскими интересами. На висѣлицы деньги отпустятъ съ избыткомъ и на погромную литературу, сколько нужно, ассигнуютъ, а на суточныхъ за время дознаній захотятъ съэкономить. Другими словами: вмѣсто того, чтобы сжимать революцію кольцомъ, вздумаютъ врѣзаться въ нее клиномъ. Но возможно ли для правительства, при данномъ соотношеніи силъ, воспользоваться этимъ тактическимъ планомъ?

Можно, пожалуй, привести и болѣе вѣроятный примѣръ расхожденія думской линіи съ правительственной въ случаѣ, если союзники займутъ въ Думѣ господствующее положеніе. Послѣдніе могутъ войти въ азартъ и на столько увлечься своею ненавистью къ «жидамъ», что даже слухъ о предстоящихъ послабленіяхъ евреямъ пустить будетъ невозможно. Между тѣмъ такой слухъ нерѣдко является необходимой прелюдіей къ займу. Правда, союзъ русскаго народа проявилъ въ этомъ направленіи достаточную предусмотрительность, согласившись принять въ случаѣ чего Мендельсона въ свои члены. Ну а если въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ дѣло придется имѣть не съ Мендельсономъ, а съ Ротшильдомъ? Окажутся ли союзники на столько дальнозоркими, чтобы и эту комбинацію предусмотрѣть во время? На побѣду правыхъ биржа реагировала, какъ извѣстно, пониженіемъ. Нѣтъ ли тутъ намека на то, что черезъ-чуръ правая Дума въ финансовыхъ вопросахъ для правительства можетъ оказаться помѣхой?

Не только въ области политики, но и въ сферѣ экономики третья Дума точно также можетъ оказаться не вполнѣ точно выражающей соотношеніе силъ, какія правятъ русскою землею. Выше я упомянулъ объ орловскихъ мукомолахъ и хлѣботорговцахъ... Мнѣ хотѣлось напомнить, что представительство по закону 3 іюня — представительство глазомѣрное. Больше половины всѣхъ выборщиковъ предоставлено выбрать помѣщикамъ, около четверти — капиталистамъ... Но, можетъ быть, сравнительное значеніе тѣхъ и другихъ въ дѣйствительности иное. Правительство, конечно, понимаетъ, что власть властью, но и капиталъ тоже сила. Въ случаѣ чего оно о мукомолахъ вспомнитъ и въ нужную минуту все, что полагается на ихъ долю, имъ предоставитъ. Но предоставитъ ли Дума? Орловскіе помѣщики, какъ мы видѣли, про мукомоловъ забыли. То же самое, что произошло въ орловскомъ избирательномъ собраніи, можетъ произойти и въ Государственной Думѣ. Аппетиты у помѣщиковъ могутъ разыграться, и изъ прибылей, какія полагаются на долю господствующихъ классовъ, они захотятъ получить больше, чѣмъ сколько считаетъ возможнымъ въ данный моментъ отпустить имъ правительство. Говоря коротко, думская расцѣнка экономическихъ силъ и интересовъ можетъ оказаться иной, чѣмъ правительственная.

Какъ видятъ читатели, мои сомнѣнія сводятся къ одному

пункту: нельзя быть увѣреннымъ, что думская равнодѣйствующая совпадетъ съ той линіей, по которой считаетъ возможнымъ и нужнымъ идти правительство. Нѣтъ ничего мудренаго, что онѣ разойдутся. Многіе гадаютъ теперь, будетъ ли третья Дума правѣе или лѣвѣе правительства. Мнѣ кажется, что это не такъ важно. Не велика въ самомъ дѣлѣ разница, будетъ ли Дума настаивать на военномъ положеніи или удовлетворится усиленной охраной. Гораздо важнѣе, какъ я думаю, самый фактъ расхожденія. Предусматривая эту вѣроятность, я и не рѣшился утверждать, что бумажная конституція совпала уже съ реальной. Поэтому-то я и высказалъ предположеніе, что первую изъ нихъ придется, быть можетъ, еще разъ исправить.

Если бы вопросъ заключался только въ томъ, чтобы исправить избирательный законъ, согласовавъ его съ соотношеніемъ тѣхъ силъ, на которыя опирается и которыми руководится правительство, то дѣло за этимъ, конечно, не остановилось бы. Тотъ же г. Крыжановскій, если бы ему поручить эту работу, вѣроятно, выполнилъ бы ее теперь несравненно лучше, чѣмъ въ прошлый разъ. Въ случаѣ чего, можно было бы еще разъ или два примѣрить и такимъ путемъ пригнать европейскій костюмъ къ самобытной мускулатурѣ. Нѣтъ словъ,—дѣло, какъ я уже сказалъ, мудреное, но, вѣдь, нѣтъ такой технической задачи, которая не поддавалась бы въ концѣ концовъ разрѣшенію, — особенно въ нашъ вѣкъ, послѣ тѣхъ блестящихъ успѣховъ техники, какіе мы уже видѣли. Суть, однако, въ томъ, что кромѣ техники въ данномъ случаѣ есть принципіальный вопросъ: совмѣстимо ли вообще представительство съ Божіею милостью?

Я сказалъ, что, быть можетъ, Дума будетъ «правительствующей»... Но, вѣдь, мы знаемъ, что такое «правительствующій» Сенатъ, знаемъ, какъ онъ разъясняетъ. Мы знаемъ, что такое «правительствующій» Синодъ, знаемъ, какъ онъ рукополагаетъ и извергаетъ. Нужно крамольника «разъяснить»,—Сенатъ «разъяснитъ». Нужно его «извергнуть»,—Синодъ «извергнетъ». Питаясь изъ того же источника власти, изъ какого получаетъ ее департаментъ полиціи, всѣ правительствующія учрежденія дѣйствуютъ въ полномъ согласіи съ послѣднимъ. Дѣло, конечно, не въ крамольникахъ только и не въ одномъ департаментѣ полиціи. Департаментъ государственнаго казначейства, напримѣръ, дѣйствуетъ тоже вполнѣ солидарно съ другими учрежденіями. И государственный контроль тоже... Если же иногда между ними и возникаютъ какія либо тренія, то они, во-первыхъ, не видны, а, во-вторыхъ, ихъ всегда легко устранить путемъ обращенія къ первоисточнику власти. Будетъ ли Дума въ этомъ смыслѣ «правительствующей»?

Я не сомнѣваюсь, что громадное число депутатовъ явится съ твердымъ намѣреніемъ такъ же писать законы, какъ Сенатъ ихъ разъясняетъ, т. е. такъ, чтобы ни одного крамольника въ русской

землѣ не осталось. Но... Есть, вѣдь, пословица: «заставь дурака Бога молить,—онъ радъ лобъ проломить». Нѣчто подобное можетъ произойти и въ данномъ случаѣ. Тѣ же союзники, какъ мы знаемъ, къ числу крамольниковъ склонны относить даже министровъ изъ кабинета Столыпина; что касается графа Витте, то искоренить его они считаютъ своимъ священнымъ долгомъ. И кромѣ союзниковъ въ Думѣ могутъ оказаться «болѣе роялисты, чѣмъ самъ король»... Какъ достигнуть въ этомъ случаѣ единства между Думой и министерствомъ? Какъ обезпечить, чтобы эти двѣ части составляли одно правительство? Дума ли должна быть распущена или министерство должно выйти въ отставку? Homo novus доказывалъ какъ-то въ «Руси», что, если намъ суждено имѣть отвѣтственное министерство, то мы получимъ его именно теперь. Правые, если захотятъ чего, то ужъ добьются. Говоря коротко, при третьей Думѣ осуществится не только конституціонный, но даже парламентарный строй въ Россіи... Допустимъ... Но увѣренности въ этомъ все-таки быть не можетъ.

Впрочемъ, по скольку Дума окажется болѣе энергичной, чѣмъ министерство въ борьбѣ съ крамолой, по стольку «паденіе» послѣдняго представляется вполнѣ вѣроятнымъ. Да и такъ солидарности между «правительствующими» учрежденіями достигнуть въ этомъ направленіи не трудно. Возможны, однако, другіе случаи. Вообще, вѣдь, мы до сихъ поръ не знаемъ навѣрное, что такое представляетъ изъ себя «историческая власть» въ Россіи: является ли она просто равнодѣйствующей тѣхъ силъ, какими располагаютъ экономически-господствующіе классы и вся ея роль въ соціальной жизни сводится къ ихъ обслуживанію? или же черезъ долгую исторію она сумѣла пронести свои особые интересы и успѣла собрать свои самостоятельныя силы? Выше я сказалъ, что корпусъ жандармовъ въ россійскомъ государствѣ является какъ бы особымъ «классомъ». Шутка, конечно, шуткой, но и въ серьезъ, вѣдь, приходится задаваться вопросомъ, какую роль играетъ въ соціальной жизни та матерія, которая собрана въ громадномъ количествѣ въ самобытной формѣ русской государственной организаціи? Можетъ быть, это не служебное только орудіе, но до извѣстной степени и самодовлѣющая сила? Гдѣ первоисточникъ, такъ сказать, «исторической власти»: въ помѣщичьей ли землѣ или и на бюрократическомъ небѣ? Гдѣ первоисточникъ ея силы: въ мошнѣ ли капиталиста или и въ шпагѣ гвардейца? Если допустить послѣднее, то можетъ, вѣдь, случиться, что въ рѣшительную минуту сановникъ, заполучившій уже звѣзду съ неба, не захочетъ преклониться передъ недорослемъ, хотя бы онъ и сохранилъ еще черноземную силу. И гвардейскій офицеръ, быть можетъ, не захочетъ просто-на-просто перейти на службу ко «всероссійскому купечеству»...

Со словъ одного иностраннаго корреспондента—чуть ли не того самаго Воллинга или Уоллинга, на счетъ котораго впала въ не-

доразумѣніе петербургская охрана,—передаютъ, что программа, съ которою Гучковъ идетъ въ Думу, такая (излагаю ее своими словами):

а) въ политической сферѣ: самоуправленіе—дѣйствительное самоуправленіе,—но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы оно основано было на представительствѣ экономическихъ интересовъ;

б) въ соціальной области: 1) раздробленіе латифундій, такъ какъ для устойчивости мѣстной жизни несравненно важнѣе имѣть въ каждомъ уѣздѣ достаточное число среднихъ помѣстій, владѣльцы которыхъ явятся необходимой культурной и экономической силой, чѣмъ раскинувшуюся на нѣсколько уѣздовъ одну латифундію, собственникъ которой проживаетъ въ Петербургѣ или заграницей; 2) образованіе за счетъ общинныхъ, главнымъ образомъ, земель класса мелкихъ и экономически сильныхъ земельныхъ собственниковъ.

Что касается военно-полевыхъ судовъ и всей этой линіи, по которой ставились и будутъ ставиться висѣлицы, то А. И. Гучковъ изъявляетъ съ своей стороны готовность, хотя бы и еще, эту линію продолжить. Съ его точки зрѣнія, совершенно не важно, если нѣсколько сотъ и даже тысячъ человѣкъ будетъ повѣшено. Такая громадная страна, какъ Россія, этого даже не почувствуетъ. Онъ знаетъ, впрочемъ, и слабое мѣсто въ своей программѣ: для превращенія россійскаго крестьянства въ классъ мелкобуржуазныхъ собственниковъ значительную его часть—можетъ быть, до 80%—придется обезземелить. Но А. И. Гучковъ полагаетъ, что это произойдетъ не сразу, и заботу о томъ, что дѣлать съ обезземеленной массой, считаетъ за лучшее предоставить будущему. Довлѣетъ, такъ сказать, дневи злоба его.

Повторяю, что я излагаю эту программу своими словами и при томъ по наслышкѣ,—вполнѣ возможно поэтому, что передаю ее не совсѣмъ точно. Указавъ примѣрную линію, по которой могутъ двинуться въ Думѣ одни «союзники», мнѣ хотѣлось, хотя бы приблизительно, намѣтить и ту, по которой могутъ пойти другіе—тоже «союзники» и при томъ союзники въ избирательной борьбѣ первыхъ «союзниковъ». Если союзъ 17 октября можетъ имѣть какую-либо программу, кромѣ «послѣдняго правительственнаго распоряженія», то изложенная мною (если только она дѣйствительно существуетъ) представляется наиболѣе вѣроятной и для союза, казалось бы, вполнѣ подходящей. Ей нельзя отказать въ извѣстной стройности и буржуазной цѣлостности,—не даромъ она такъ обворожила, какъ говорятъ, иностраннаго корреспондента.

Допустимъ во всякомъ случаѣ, что думская равнодѣйствующая пойдетъ по этой линіи. Изъ сферы вѣроятностей, въ которой мы все время находимся, это не выходитъ... Не встанетъ ли въ такомъ случаѣ тотъ вопросъ о «первоисточникахъ», какъ я его назвалъ, который былъ только что указанъ. Самоуправленіе, дѣйстви-

тельное самоуправленіе... Допустимъ, что рѣчь будетъ идти о самоуправленіи экономически-господствующихъ только классовъ. Значитъ ли это, что капитанъ-исправникъ, который дѣйствовалъ въ теченіе всей исторіи, благодушно скажетъ: ну, самоуправляйтесь! И тѣмъ болѣе скажетъ теперь, когда вся полнота «исторической власти» при содѣйствіи генералъ-губернаторовъ возстановлена? Вспомнимъ, что даже надъ дворянскимъ земствомъ стоялъ и стоитъ губернаторъ. Не вѣроятнѣе ли, что историческая власть, если бы А. И. Гучковъ предъявилъ изложенную программу, скажетъ: нѣтъ! лучше ужъ мы сами побережемъ ваши интересы, а то вы, пожалуй, и себя не убережете, и насъ еще погубите... Настоитъ ли на своемъ Александръ Ивановичъ?

Расхожденіе между третьей Думой и правительствомъ, какъ я уже сказалъ, не можетъ быть значительнымъ. По части борьбы съ крамолой между ними, вѣроятно, будетъ даже сравнительно легко достигнута полная солидарность, разъ о числѣ висѣлицъ г. Гучковъ спорить не станетъ. Но по другимъ вопросамъ расхожденіе все-таки возможно. Нѣкоторые, повидимому, и строятъ на этомъ свои расчеты. Изъ-за пустяковъ—говорятъ—расходиться съ Думой правительство не захочетъ,—тѣмъ болѣе теперь, когда ему нужна поддержка, когда всѣ, интересамъ которыхъ угрожаетъ революція, чувствуютъ необходимость сплотиться. Кое-въ чемъ правительство пойдетъ по отношенію къ Думѣ на уступки. Пусть эти уступки будутъ незначительны,—важенъ самый фактъ: правительство молчаливо признаетъ такимъ образомъ наличность источника власти, идущаго снизу, и постепенно свыкнется съ этимъ. Это не значитъ, конечно, что другой источникъ, бѣгущій сверху, сразу изсякнетъ;—важно уже то, что будетъ найдено общее для того и другого ложе. Они встрѣтятся подъ очень небольшимъ угломъ, и дѣло, можетъ быть, обойдется безъ конфликта: они сольются и потекутъ уже вмѣстѣ. Дума войдетъ въ обиходъ государственной жизни или, какъ выражаются другіе, постепенно «обростетъ мохомъ». Всѣ свыкнутся съ нею, она даже станетъ необходимой. Между тѣмъ жизнь не замедлитъ, конечно, усилить струю власти, которая будетъ бить снизу. Пусть это даже будетъ пока власть только нѣкоторыхъ классовъ,—демократія сумѣетъ просочиться даже черезъ маленькія щели...

Я допускаю всякія возможности... Выше я допустилъ даже ту, какую указалъ въ свое время Homo novus и затѣмъ подтвердилъ недавно кн. Мещерскій, а именно, что третья Дума, рѣзко отклонившись вправо, добьется власти сразу. Тѣмъ болѣе я долженъ допустить, что, отклонившись немножко влѣво, она заберетъ ее постепенно. Долженъ, однако, признаться, что болѣе вѣроятнымъ, въ случаѣ преобладающаго положенія октябристовъ, мнѣ представляется другой выходъ. Не правительство будетъ приспособляться къ Думѣ, а Дума къ правительству: законодательная власть, вмѣсто того, чтобы подчинить себѣ исполнительную, сама подчинится ей. Вѣдь,

какъ бы мало ни было расхожденіе между ними, принципіальный вопросъ—вопросъ о суверенитетѣ—отъ этого не сдѣлается меньше. Эта сложная и трудная задача еще не рѣшена, и едва-ли ее разрѣшитъ «партія послѣдняго правительственнаго распоряженія». Мнѣ кажется, что сколько бы кадеты ни «уговаривали» октябристовъ,—а въ этомъ, судя по послѣднимъ рѣчамъ П. Н. Милюкова, они видятъ чуть ли не главную свою задачу въ третьей Думѣ,—революціонерами они ихъ не сдѣлаютъ. Самоуправленіе—дѣйствительное самоуправленіе—добудутъ, очевидно, не октябристы. Для этого, какъ мы знаемъ изъ исторіи, нужны мозолистыя руки. Правда, не разъ уже случалось, что эти руки для другихъ доставали каштаны изъ огня, но въ данномъ случаѣ, какъ я думаю, г. Гучковъ напрасно приготовился ихъ кушать. Каштаны, повидимому, остались еще въ огнѣ, и, должно быть, еще разъ за ними слазать придется. Пока же Дума, если и можетъ быть правительствующей, то развѣ въ томъ только смыслѣ, въ какомъ «правительствуетъ» теперь Сенатъ...

Нужна ли, однако, такая Дума? Неужели она нужна для того, чтобы находить равнодѣйствующую между «вѣдомствами»?—между союзомъ русскаго народа и корпусомъ жандармовъ, между государственнымъ банкомъ и крестьянскимъ, между государственнымъ казначействомъ и государственнымъ контролемъ? Тренія между ними, какъ я уже сказалъ, есть, споры возможны и бываютъ. Но, вѣдь... «милые бранятся, только тѣшатся». Во всякомъ случаѣ эти споры не таковы, чтобы ихъ рѣшать при третьихъ лицахъ. Г. Шараповъ, дѣйствительно, какъ мѣщанка какая, въ случаѣ чего, сейчасъ же бѣжитъ на улицу. Но въ большинствѣ своемъ «люди нашего круга»—люди корректные и, конечно, хорошо понимаютъ, что семейныя сцены слѣдуетъ разыгрывать наединѣ, закрывъ двери и завѣсивъ окна.

Въ современной жизни, несомнѣнно, имѣются и болѣе глубокія недоразумѣнія,—между тѣми, кто получаетъ свою долю въ народныхъ доходахъ изъ государственной казны, и тѣми, кому предоставлено доставать ее непосредственно изъ обывательскаго кармана. Но для примиренія ихъ едва-ли годится думская арена. Борьба на ней, разъ источникъ власти остается прежній, можетъ оказаться совершенно безплодной. Къ этому источнику есть другіе пути, и жизнь, несомнѣнно, ими будетъ пользоваться: не представительство будетъ играть рѣшающую роль, а предстательство.

Бываетъ иногда такъ, что ветхозавѣтная семья строитъ себѣ домъ въ новомъ стилѣ. Такой же домъ съ ветхозавѣтными хозяевами, повидимому, представляетъ сейчасъ государственное зданіе Россіи: жизнь по прежнему будетъ идти съ задняго крыльца, а не черезъ парадный ходъ, каковымъ является Дума. Нѣтъ поэтому ничего мудренаго, что въ одинъ прекрасный день, во избѣжаніе соблазна, хозяева этотъ ходъ просто-на просто заколотятъ.

Приходится, такимъ образомъ, сомнѣваться, будетъ ли существовать даже господская Дума. И вовсе, какъ я думаю, нельзя быть увѣреннымъ, что даже правая Дума будетъ правящей...

Въ своемъ изложеніи я допускалъ всякія возможности, но въ опредѣленныхъ всетаки предѣлахъ. Я ставилъ вопросъ такъ, какъ будто бы существуютъ только Дума и првительство,—господская Дума и самодержавное правительство: никакихъ другихъ силъ нѣтъ и никакихъ другихъ возможностей не предвидится. Несомнѣнно, что положеніе дѣлъ многіе себѣ такъ именно и представляютъ. Есть, конечно, еще народъ... Былъ даже «революціонный народъ», но онъ, какъ извѣстно, уже давно заключенъ въ ироническія ковычки. Вообще же народъ—это загадочный незнакомецъ, и сейчасъ онъ представляется болѣе, чѣмъ когда либо, загадочнымъ...

А. Пѣшехоновъ.

Наброски современности.

XII.

Передъ третьей Думой

Срокъ второго междудумья близится къ концу. Въ скоромъ времени должны открыться засѣданія третьей Государственной Думы,—Думы, собранной по закону 3 іюня. И чѣмъ ближе подходитъ время ея открытія, тѣмъ большую жгучесть и остроту пріобрѣтаютъ вопросы о томъ, чѣмъ явится эта третья Дума и какую роль сыграетъ она въ общемъ ходѣ русской жизни. Матеріала для рѣшенія обоихъ этихъ вопросовъ накопилось достаточно. Попробуемъ же приглядѣться къ нему поближе и попытаемся точнѣе выяснить заключающіяся въ немъ данныя.

Первый изъ указанныхъ вопросовъ былъ въ сущности разрѣшенъ уже самымъ положеніемъ 3 іюня, опредѣлившимъ порядокъ выборовъ третьей Думы. «На мѣсто неправильнаго и несовершеннаго представительства болѣе или менѣе широкихъ массъ, какое было создано прежними избирательными законами,—писалъ я въ свое время, разбирая законъ 3 іюня [1]),—теперь поставлено уже совершенно извращенное представительство, въ конечномъ итогѣ сводящееся къ избранію подавляющаго большинства представителей голосами помѣщиковъ и крупной буржуазіи. Отъ этихъ соці-

альныхъ группъ, поддерживаемыхъ и поощряемыхъ благосклоннымъ содѣйствіемъ администраціи, правительство ожидаетъ новой не только по составу, но и по характеру Думы, «истинно-русской» и вполнѣ послушной. И въ этой новой Думѣ, по счету уже третьей, депутаты тѣхъ 130 тысячъ помѣщиковъ, о «культурѣ» которыхъ съ такимъ чувствомъ и паѳосомъ распространялся во второй Думѣ г. Столыпинъ, должны будутъ, по плану правительства, говорить отъ имени всего многомилліоннаго народа, подмѣнивая его нужды и интересы своими собственными». *) Законъ 3 іюня былъ слишкомъ ясенъ и предугадать его результаты было не трудно. Правда, одно время въ нѣкоторыхъ органахъ конституціонно-демократической и даже просто оппозиціонной прессы почему-то высказывалась надежда, что и при дѣйствіи закона 3 іюня, сопутствуемаго положеніями объ особой, усиленной и чрезвычайной охранѣ, населенію удастся выбрать оппозиціонную Думу. Довольно долго органы конституціонно-демократической печати и отдѣльные дѣятели конституціонно-демократической партіи пытались даже использовать для этой цѣли октябристовъ, настойчиво приглашая ихъ общими силами «спасать конституцію». Но невыполнимое осталось невыполнимымъ. Обратить защитниковъ «печальной необходимости» въ «спасателей конституціи», хотя бы такое спасаніе и происходило только на словахъ, оказалось невозможнымъ и точно также невозможнымъ оказалось одержать побѣду надъ ариѳметикой. Первые же дни выборовъ показали, что правительство не ошиблось въ томъ расчетѣ, который оно положило въ основу новаго избирательнаго закона. Господская или, точнѣе говоря, помѣщичья по своему составу, третья Дума и по характеру своему отвѣтила возложеннымъ на нее ожиданіямъ: подавляющее большинство ея составили правые различныхъ наименованій, начиная съ «союза русскаго народа», продолжая «монархистами» и кончая «октябристами»; конституціоналисты-демократы проникли въ нее лишь въ весьма небольшомъ количествѣ, а лѣвымъ партіямъ и группамъ удалось провести въ Думу уже совсѣмъ ничтожное число депутатовъ.

Повторяю, этотъ результатъ выборовъ не трудно было предвидѣть, и нѣтъ надобности особенно долго раздумывать надъ его причинами, когда передъ нами лежитъ законъ 3 іюня. И тѣмъ не менѣе не одни только сотрудники оффиціозныхъ и рептильныхъ изданій склонны усматривать въ характерѣ выборовъ въ третью Думу признакъ знаменательнаго перелома въ настроеніи страны. Сотрудникъ к.-д. «Рѣчи», г. Смирновъ, также счелъ нужнымъ отмѣтить, что «вторая городская курія теперь значительно поправѣла противъ прошлыхъ выборовъ». «Болѣе умѣренное настроеніе демократическихъ городскихъ слоевъ—продолжаетъ г. Смирновъ—выразилось и въ томъ предпочтеніи к.-д. партіи, которое такъ ярко выразилось

*) Р. Богатство, 1907, іюнь, „Наброски современности".

на выборахъ по вторымъ городскимъ съѣздамъ. Достаточно сказать, что въ общей своей массѣ прошлые выборы дали 25% лѣвыхъ, теперь же одна вторая городская курія выбрала лѣвыхъ только въ количествѣ 18%, тогда какъ к.-д. здѣсь выбрано цѣлыхъ 41%... Такъ, даже наиболѣе демократическіе городскіе слои подались вправо противъ прошлыхъ выборовъ. Неудивительно, что разочарованіе въ тактикѣ лѣвыхъ привело теперь нѣкоторые города не только къ выбору вмѣсто лѣвыхъ болѣе умѣренныхъ к.-д выборщиковъ, но и прямо къ переходу отъ прогрессистовъ къ реакціонерамъ» *). Въ сущности однако если не самъ г. Смирновъ, то помѣстившая его разсужденія и выкладки газета, несомнѣнно, видѣла въ нихъ лишь способъ вящшаго изничтоженія бывшихъ своихъ «друзей», нынѣшнихъ «враговъ слѣва». На дѣлѣ же к.-д. оффиціозъ хорошо зналъ истинную цѣну такихъ выкладокъ и разсужденій и даже поторопился заявить объ этомъ. «Какой безцеремонностью,—говорилось въ передовой статьѣ того же самаго номера «Рѣчи», въ которомъ были помѣщены разсужденія г. Смирнова,—какимъ цинизмомъ нужно обладать, чтобы, подобно «Новому Времени» и «Голосу Москвы», въ результатахъ выборовъ, произведенныхъ на основаніи «кудетатистаго» положенія, усматривать поворотъ въ настроеніи страны и, устранивъ милліоны избирателей отъ урнъ, говорить о томъ, что страна отказалась отъ своихъ желаній, что она разочаровалась въ оппозиціонныхъ партіяхъ».Если припомнить, что «Новое Время» и «Голосъ Москвы» могли похвалиться передъ конституціоналистами-демократами не семью процентами выборщиковъ, то нельзя не подивиться той категоричности, съ какой к.-д. оффиціозъ характеризуетъ пріемы собственныхъ сотрудниковъ. Во всякомъ случаѣ для серьезнаго отношенія къ дѣлу двойная мѣра вещей, практикуемая к.-д. газетой, очевидно, непригодна. Отбрасывая же ее въ сторону, о минувшихъ выборахъ можно сказать только одно: эти выборы дали реакціонную Думу, но они совершенно не дали, да и не могли дать, отраженія дѣйствительнаго настроенія страны. Населеніе послѣдней въ громадной своей массѣ не имѣетъ ничего об щаго съ тѣми ставленниками помѣщиковъ, крупной буржуазіи и бюрократіи, которые съ 1 ноября заполнятъ большинство креселъ Таврическаго дворца.

Вслѣдъ за констатированіемъ этого факта неизбѣжно возникаетъ однако новый вопросъ: что же дальше? И этотъ послѣдній вопросъ передъ всякимъ, кто стремится уловить точный смыслъ быстро бѣгущихъ событій, прежде всего встаетъ въ болѣе частной формѣ: какую роль можетъ и должна сыграть въ русской жизни третья Дума, избранная по уродливой системѣ, созданной закономъ 3 іюня, и въ подавляющемъ большинствѣ своемъ не имѣющая никакихъ связей со страною? Съ разныхъ сторонъ на этотъ вопросъ даются

*) „Рѣчь" 11 окт. 1907 г.

различные отвѣты и внутри самой Думы, поскольку она будетъ рѣшать его, будетъ дѣйствовать не одна, а нѣсколько противорѣчивыхъ тенденцій.

Планы правыхъ партій, составившихъ большинство третьей Думы, просты и ясны. Цѣлью своей дѣятельности всѣ эти партіи ставятъ возстановленіе стараго порядка, и вся разница между ними лишь въ томъ, что однѣ изъ нихъ стремятся произвести такое возстановленіе возможно болѣе рѣшительно и откровенно, тогда какъ другія выражаютъ готовность примириться и съ кой-какими декораціями въ новомъ стилѣ, лишь бы онѣ не нарушали существа прежняго порядка. И сообразно этому «союзъ русскаго народа» и «союзъ 17 октября» равно являются опорой правительства, хотя первый изъ нихъ стремится стоять правѣе нынѣшняго министерства, а второй все время старается идти какъ разъ въ ногу съ г. Столыпинымъ, постоянно повторяя, что его вынуждаетъ къ этому лишь «печальная необходимость». Въ сущности обѣ эти крайнія «партіи» правыхъ, какъ и всѣ другія группы, расположившіяся между ними, представляютъ собою организаціи, не только солидарныя съ правительствомъ, но и вполнѣ ему подчиняющіяся. Самая дѣятельность ихъ въ Думѣ выразится поэтому въ простомъ выполненіи роли, предназначенной имъ свыше, и немудрено угадать, что существо этой роли сведется къ имитаціи народнаго негодованія противъ какихъ-либо ограниченій самодержавной власти. Опираясь на правыхъ членовъ Думы, якобы представляющихъ волю народа, правительство, несомнѣнно, попытается сдѣлать новые и еще болѣе рѣшительные шаги въ сторону ликвидированія всѣхъ завоеваній революціи и, быть можетъ, попробуетъ даже совершенно раздѣлаться съ «конституціей», поскольку она выразилась въ актахъ 17 октября и 23 апрѣля.

Охрану этой «конституціи» собирается взять на себя въ Думѣ конституціонно-демократическая партія, въ своихъ печатныхъ органахъ торжественно провозглашающая, что она одна только и способна бороться съ правыми и спасать конституцію. Но при этомъ сама к.-д. партія въ сущности уже передвинулась на тѣ позиціи, какія года полтора тому назадъ занимали октябристы, и это сказывается какъ въ общемъ ея отношеніи къ третьей Думѣ, такъ и въ опредѣленіи тѣхъ задачъ, которыя ставитъ партія для нынѣшней своей думской дѣятельности.

Немедленно вслѣдъ за изданіемъ закона 3 іюня признанный лидеръ к.-д. партіи, П. Н. Милюковъ, заявилъ было, что для к.-д. партіи нѣтъ никакой надобности беречь «господскую» Думу и тѣмъ самымъ ронять въ сознаніи народныхъ массъ идею народнаго представительства. Въ свое время это заявленіе произвело даже извѣстное впечатлѣніе въ нѣкоторыхъ кругахъ общества. Но прошло четыре мѣсяца—и тотъ же П. Н. Милюковъ въ отвѣтъ на вопросъ, въ упоръ предложенный ему однимъ изъ из-

бирателей во время предвыборной кампаніи въ Петербургѣ, категорически заявилъ, что, если роспускъ третьей Думы будетъ грозить полнымъ исчезновеніемъ представительнаго учрежденія, то к.-д. партія постарается сберечь эту Думу въ теченіе всего предназначеннаго ей закономъ пятилѣтняго срока, такъ какъ и слабый свѣтъ все же лучше полнаго мрака.

Итакъ к.-д. партія собралась уже «беречь» и третью Думу, какъ въ свое время «берегла» вторую. Что же однако будетъ дѣлать партія въ этой оберегаемой ею Думѣ? Отвѣчая на такой вопросъ, к.-д. оффиціозъ связываетъ свой отвѣтъ со всѣмъ прошлымъ партіи. Но, само собою разумѣется, въ устахъ «Рѣчи» оцѣнка этого прошлаго получаетъ крайне своеобразный видъ. По словамъ названной газеты, к.-д. партія—это «партія, вынесшая на своихъ плечахъ идею народнаго представительства, пріучившая къ ней широкія массы, отстоявшая эту идею отъ фанатиковъ реставраціи и фанатиковъ конвента». Въ строгомъ соотвѣтствіи съ такимъ опредѣленіемъ роли партіи въ прошломъ газета намѣчаетъ и роль ея въ будущемъ.

„Партія народной свободы,—писала „Рѣчь“ 10 октября,—усердно пропагандируетъ идею политическаго компромисса. Но компромисса, противорѣчащаго ея задачамъ и стремленіямъ, она не искала и искать не будетъ. Она шла своимъ путемъ подъ градомъ упрековъ слѣва и съумѣетъ устоять на своей позиціи передъ соблазнами и угрозами справа. Она добивалась одного—и *этого* добилась. Она защищала право и законность, и право теперь на ея сторонѣ. Среди приливовъ и отливовъ русской политической жизни она одна осталась на мѣстѣ, которое заняла съ самаго начала. Конечно, полая вода ее поднимала и отливъ оставлялъ ее на мели. Но упрекъ, постоянно къ ней обращаемый, будто она стремилась плыть съ очереднымъ теченіемъ, глубоко несправедливъ. Порожденная чрезвычайными событіями, она, правда, всегда напоминала объ ихъ преходящей роли и учила общество, какъ слѣдуетъ поступать при нормальномъ ходѣ свободной политической жизни. Не ея вина, если для этой нормальной жизни до сихъ поръ не создается необходимыхъ условій. На самое необходимое изъ нихъ она всегда указывала: на искренность и окончательность политическихъ уступокъ. Нѣтъ этой искренности—нѣтъ и твердой почвы, въ которой строго-конституціонная идея могла бы пустить крѣпкіе корни. Но почва эта создается, ибо жить изо дня въ день, какъ мы живемъ сейчасъ, немыслимо“.

Когда эта наивно-величавая тирада привела въ смущеніе даже довольно близкаго къ конституціоналистамъ-демократамъ «Товарища», съ защитой тѣхъ же положеній въ «Рѣчи» выступилъ г. М.

„Да,—писалъ онъ,—мы продолжаемъ „задорно, кичливо и несправедливо“ утверждать, что идею народнаго представительства пришлось и до сихъ поръ приходится выносить на своихъ плечахъ партіи народной свободы и что она *добилась* *), что на ея сторонѣ право“. Авторъ статьи въ „Товарищѣ“,—продолжалъ г. М.—сомнѣвается, чтобы „право“ было на нашей сторонѣ, и побѣдоносно опровергаетъ насъ ссылкой на законъ

---

*) Курсивъ здѣсь, какъ и дальше, принадлежитъ г-ну М.

3 іюня! Да вѣдь именно эта ссылка и служитъ доказательствомъ нашего утвержденія. *Только* тѣ, кто стоитъ на правовой почвѣ манифеста 17 октября и „основныхъ законовъ"; только тѣ, кто утверждаетъ, что у насъ *есть* конституція,—только они могутъ говорить, что „право" на ихъ сторонѣ противъ факта 3 іюня. Митинговое крохоборство опять пробуетъ насъ ловить на противорѣчіяхъ и констатируетъ, что одни изъ насъ признаютъ существованіе конституціи, а другіе называютъ ее „бумажной". Ну да, она и останется бумажной, пока за нею не будетъ стоять то правосознаніе, которое наши критики слѣва упорно именуютъ „конституціонными иллюзіями" и, по мѣрѣ силъ, искореняютъ" *).

К.-д. публицисты давно пріучили насъ къ тому, что кромѣ дѣйствительной исторіи существуетъ еще исторія особая, спеціально сочиняемая ad majorem gloriam к.-д. партіи. И я привелъ эти выдержки изъ статей «Рѣчи» нѐ для того, чтобы опровергать или дополнять даваемое въ нихъ изложеніе событій. Это было бы скучное и мало благодарное занятіе. Слишкомъ скучно, въ самомъ дѣлѣ, было бы серьезно опровергать хотя бы такое утвержденіе, что извѣстнаго правового акта добились не тѣ, благодаря дѣйствіямъ которыхъ онъ сталъ необходимымъ, а тѣ и только тѣ, кто призналъ его и на немъ успокоился. Исторія, въ основу которой полагаются такія утвержденія, становится черезчуръ похожей на нравоучительную сказку и съ нею врядъ ли возможно считаться сколько-нибудь серьезно. Въ статьяхъ публицистовъ «Рѣчи» любопытна не оцѣнка, даваемая ими прошлому, а указанія, дѣлаемыя ими насчетъ поведенія к.-д. партіи въ настоящемъ и въ ближайшемъ будущемъ. Было время, когда П. Н. Милюковъ на III съѣздѣ к.-д. партіи называлъ «основные законы» 23 апрѣля «вѣроломнымъ» шагомъ. Теперь г. М. въ «Рѣчи» пишетъ и подчеркиваетъ, что только тѣ, кто стоитъ на правовой почвѣ «основныхъ законовъ», могутъ считать на своей сторонѣ право противъ факта 3 іюня. Согласно этому утвержденію, октябристы, мирнообновленцы и конституціоналисты-демократы, признающіе «основные законы», оказываются защитниками «права», а всѣ другія партіи, стоящія налѣво отъ конституціоналистовъ-демократовъ и не признающія этихъ законовъ, должны быть зачислены въ поборники безправія. И, выставляя такія положенія, г. М. какъ будто не замѣчаетъ, что онъ въ сущности проповѣдуетъ ту же самую теорію «конституціоналистовъ своего отечества», которую изобрѣлъ профессоръ-октябристъ г. Герье и которую не безъ остроумія высмѣялъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» другой к.-д. публицистъ, г. Кокошкинъ, напомнившій о героѣ Островскаго, дѣлившемъ людей на «патріотовъ своего отечества» и «мерзавцевъ своей жизни». Не замѣчаетъ, повидимому, г. М. и другого обстоятельства. «Конституціоналисту своего отечества» не мѣшаетъ быть, по крайней мѣрѣ, послѣдовательнымъ. Между тѣмъ, г. М., дойдя

*) „Рѣчь", 13 октября 1907 г.

до защиты «права», выраженнаго въ «основныхъ законахъ» 23 апрѣля, какъ бы забываетъ, что «фактъ 3 іюня», или, проще говоря, новый избирательный законъ, возникъ въ томъ же порядкѣ, какъ и эти «основные законы». И если съ точки зрѣнія г. М., говорить о «правѣ» могутъ только тѣ, кто «стоитъ на правовой почвѣ основныхъ законовъ», то вѣдь это разсужденіе, пользуясь тою же самою логикой, можно продвинуть и дальше, вплоть до требованія полнаго отказа отъ какого-либо протеста противъ акта 3 іюня.

Намъ важно однако не убѣждать к.-д. публицистовъ, а лишь возможно болѣе наглядно представить себѣ тотъ курсъ, котораго намѣрена держаться к.-д. партія. Какъ указываетъ г. М., она собирается «стоять на правовой почвѣ манифеста 17 октября и основныхъ законовъ», «утверждать, что у насъ есть конституція», и беречь третью Думу изъ страха совершенно лишиться представительнаго учрежденія. Другой публицистъ «Рѣчи», г. Изгоевъ, ведетъ насъ нѣсколько дальше.

„Русская конституція,—говоритъ этотъ писатель,—какова бы она ни была по объему, существуетъ. 3 іюня означаетъ не отмѣну конституціи, а нарушеніе ея. 3 іюня только подчеркнуло тотъ огромный переворотъ въ русской жизни, который произвело перемѣщеніе почвы справа налѣво, къ конституціоналистамъ. Третья Дума представитъ Россіи поучительную картину: на правой сторонѣ и близкихъ къ нимъ скамьяхъ будутъ сидѣть нарушители закона, а большая часть лѣвой стороны будетъ занята твердыми защитниками попранной законности. И если правые пойдутъ до конца и примутъ на себя миссію совершенно разрушить „основные законы", закономѣрная оппозиція укажетъ народу на нарушителей права и ея простой, строго фактическій разсказъ будетъ понятенъ каждому русскому человѣку. Что смогутъ возразить на него люди, открыто подготовляющіе государственный переворотъ?..

„Вотъ почему,—продолжаетъ г. Изгоевъ,—насъ не смущаютъ побѣды правыхъ на настоящихъ выборахъ. Что изъ того, что правыхъ войдетъ въ Думу много, а конституціонной оппозиціи гораздо меньше, когда нравственная правота лежитъ исключительно на сторонѣ послѣднихъ когда только конституціонная оппозиція опирается на твердую почву закона. И съ этой почвы ея не сдвинуть. Тутъ она неуязвима. А каждое противонародное дѣйствіе думскаго праваго большинства будетъ, какъ на подводный камень, натыкаться на основное нарушеніе закона, и полученная отъ этого камня пробоина обезсилитъ всѣ реакціонные замыслы. Если даже они получатъ осуществленіе, то одновременно получатъ и надлежащую оцѣнку въ общественномъ мнѣніи" *).

Я позволилъ себѣ привести эту длинную выдержку изъ статьи г. Изгоева, такъ какъ послѣднему, при всей неясности его мысли, удалось чрезвычайно успѣшно поставить всѣ точки надъ і. К.-д. публицисты весьма часто и охотно говорятъ о «революціонной фразѣ», будто бы господствующей въ лѣвомъ лагерѣ. Революціонная фраза, поскольку ею замѣняется мысль,—вещь, конечно, нехо-

*) „Рѣчь", 17 окт. 1907 г.

рошая. Но что же, кромѣ фразъ, и притомъ фразъ до-нельзя банальныхъ и въ самой своей банальности крайне противорѣчивыхъ, заключаетъ въ себѣ опредѣленіе к.-д. позиціи, даваемое г. Изгоевымъ?

«У насъ есть конституція»,—повторяютъ всѣ к.-д. публицисты. Въ свою очередь и г. Изгоевъ утверждаетъ, что «русская конституція существуетъ», а въ доказательство этого факта ссылается на основные законы и на актъ 3 іюня. По его словамъ, важнѣйшій третій пунктъ манифеста 17 октября, повелѣвавшій «установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы», «получилъ реальное бытіе» именно «въ тотъ моментъ, когда опубликованы были основные законы и созвана первая Государственная Дума». Для г. Изгоева, кажется, осталось совершенно неизвѣстнымъ то обстоятельство, что основные законы были опубликованы безъ Думы. Впрочемъ, можетъ быть, онъ именно въ этомъ обстоятельствѣ и видитъ доказательство «реальнаго бытія» конституціи. По крайней мѣрѣ, иначе трудно понять другую посылку, сдѣланную въ подтвержденіе этого «реальнаго бытія»,—именно, ссылку на то, будто «3 іюня только подчеркнуло тотъ огромный переворотъ въ русской жизни, который произвело перемѣщеніе почвы справа налѣво, къ конституціоналистамъ».

Такъ блестяще доказавъ существованіе русской «конституціи», г. Изгоевъ не менѣе блестяще доказываетъ возможность успѣшной защиты ея к.-д. партіей. «Русская конституція существуетъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ нужны «твердые защитники попранной законности», которые защитятъ ее тѣмъ, что будутъ охранять основные законы и «укажутъ народу на нарушителей права», въ лицѣ правыхъ членовъ Думы. Благодаря этому, всѣ реакціонные замыслы будутъ обезсилены, такъ какъ они «будутъ натыкаться на основное нарушеніе закона». А «если даже успокоительно прибавляетъ г. Изгоевъ вслѣдъ за этимъ категорическимъ утвержденіемъ—они получатъ осуществленіе, то одновременно получатъ и надлежащую оцѣнку въ общественномъ мнѣніи». Иначе говоря, дѣятели к.-д. партіи собираются защищать «основные законы» 23 апрѣля, видя въ этомъ защиту «конституціи», и предполагаютъ дѣлать видъ, будто попытка полнаго возстановленія стараго порядка противорѣчитъ намѣреніямъ власти, но въ то же время и сами не особенно вѣрятъ въ успѣхъ такого плана. Въ конечномъ итогѣ вся позиція к.-д. партіи, поскольку она обрисовывается въ заявленіяхъ партійныхъ публицистовъ, сводится къ двумъ положеніямъ: конституція у насъ есть, такъ какъ она нарушалась, и конституція у насъ будетъ, если мы будемъ говорить, что она у насъ есть. Я не буду уже напоминать, какъ разнится эта позиція съ прежними утвержденіями к.-д. партіи и какъ близка она къ старымъ рѣчамъ октябристовъ. Важно то, что и сама по себѣ она далеко не особенно

удобна для занимающихъ ее и не особенно недоступна для противника. Слишкомъ ужъ наивны тѣ аргументы, которыми она защищается, и слишкомъ ужъ мало общаго имѣютъ они съ жгучими вопросами и реальными интересами подлинной жизни.

У насъ есть конституція... Много разъ повторялось и повторяется это утвержденіе на столбцахъ к.-д. прессы и тѣмъ не менѣе истинный смыслъ его остается крайне загадочнымъ. Казалось бы, подъ конституціей разумѣется не простой кусокъ бумаги, на которомъ написано нѣсколько словъ, а нѣчто, имѣющее дѣйствительно «реальное бытіе». Казалось бы, существованіе конституціи неразрывно связано съ наличностью цѣлаго ряда реальныхъ цѣнностей, въ число которыхъ обязательно входятъ и извѣстныя личныя права гражданъ, признаваемыя властью, и существованіе закона, для власти обязательнаго, и дѣятельность парламента, обладающаго въ той или иной мѣрѣ дѣйствительною силой. Врядъ ли, однако, кто-либо даже изъ к.-д. публицистовъ рѣшится серьезно утверждать, что хотя бы одна изъ этихъ реальныхъ цѣнностей конституціоннаго порядка дѣйствительно имѣется въ нашемъ распоряженіи.

Какъ обстоитъ у насъ дѣло съ личными правами гражданъ, начиная съ свободы устнаго и печатнаго слова и кончая неприкосновенностью личности, извѣстно слишкомъ хорошо. Я не буду уже останавливаться ни на длинномъ рядѣ литературныхъ процессовъ, ни на тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ велась хотя бы предвыборная кампанія этого года и которыя такъ ярко характеризуютъ допускаемую «русской конституціей» степень свободы слова. Не стану я говорить также ни о гоненіяхъ иновѣрцевъ, гоненіяхъ, отражающихъ практикуемую у насъ «свободу совѣсти», ни о тѣхъ безчисленныхъ обыскахъ, арестахъ, ссылкахъ и заточеніяхъ, въ которыхъ нашла свое выраженіе возвѣщенная манифестомъ 17 октября «дѣйствительная неприкосновенность личности». Я возьму для иллюстраціи того вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, лишь нѣсколько фактовъ, касающихся одной спеціальной и узкой области—отношенія государственной власти къ жизни гражданъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе на счетъ своей «благонадежности».

Тѣ факты, которые я имѣю въ виду, не имѣютъ касательства ни къ дѣйствіямъ карательныхъ отрядовъ и усмирительныхъ экспедицій, ни къ казнямъ, совершаемымъ по приговорамъ военныхъ судовъ. Жизнь русскаго гражданина въ настоящее время виситъ на волоскѣ не только передъ лицомъ карательныхъ отрядовъ и военныхъ судовъ. Есть цѣлый рядъ другихъ случаевъ, когда человѣческая жизнь оказывается въ глазахъ власти совершенно ничтожной цѣнностью. И одна изъ разновидностей такихъ случаевъ является, быть можетъ, наиболѣе типичной, наиболѣе краснорѣчиво говорящей объ особенностяхъ переживаемаго нами момента. Это—случаи убійства арестантовъ въ тюрьмахъ сторожащими ихъ часовыми.

Длинный рядъ такихъ случаевъ оглашенъ въ газетахъ, и нѣкоторые изъ нихъ, пожалуй, не мѣшаетъ напомнить. 27 іюня—сообщали въ свое время газеты—въ петербургскихъ «Крестахъ» у окна своей камеры стоялъ съ книгой въ рукахъ политическій заключенный Бирюковъ. Часовой потребовалъ, чтобы Бирюковъ отошелъ отъ окна. Бирюковъ не исполнилъ этого требованія. Тогда солдатъ выстрѣлилъ и ранилъ Бирюкова въ правую руку *). Черезъ нѣсколько дней послѣ опубликованія этого случая, въ газетахъ появилось такое сообщеніе главнаго тюремнаго управленія, направленное черезъ освѣдомительное бюро: «2 іюля утромъ содержащійся въ петербургской одиночной тюрьмѣ (Крестахъ) политическій арестантъ, шлиссельбургскій мѣщанинъ Ив. Рудковскій, влѣзъ на окно своей камеры и сталъ вести переговоры съ другими заключенными. Стоявшій на посту военный часовой потребовалъ отъ Рудковскаго сойти съ окна и прекратить переговоры; однако, названный арестантъ не только не исполнилъ этого, но началъ оскорблять часового бранными словами. Тогда часовой выстрѣлилъ, причемъ пуля попала Рудковскому въ лѣвый глазъ навылетъ. Отъ полученной раны Рудковскій днемъ того же 2 іюля умеръ. Послѣ выстрѣла политическіе арестанты 2 корпуса, камеры которыхъ выходятъ на тотъ фасадъ, гдѣ содержался Рудковскій, произвели общій безпорядокъ. Часовой далъ тревожный звонокъ въ караульное помѣщеніе. Такъ какъ и съ прибытіемъ воинской части безпорядокъ не прекращался и арестованные продолжали оскорблять солдатъ, то былъ произведенъ второй выстрѣлъ въ окно камеры № 678, гдѣ содержался политическій арестантъ, крестьянинъ Тульской губерніи и уѣзда, А. И. Алферовъ. Пуля попала Алферову въ правую сторону груди навылетъ, съ поврежденіемъ легкихъ. Произведенные выстрѣлы вызвали общій безпорядокъ во второмъ корпусѣ, который принятыми мѣрами былъ прекращенъ черезъ 10—15 минутъ» *). 22 іюля въ той же тюрьмѣ заключенный Лозовъ подошелъ къ окну и не отошелъ по требованію часового. Тогда часовой выстрѣлилъ въ Лозова, но пуля попала въ косякъ оконной рамы **). 9 августа въ тѣхъ же «Крестахъ» совершенно такая же исторія повторилась съ заключеннымъ Павловымъ ***). Кромѣ того въ тотъ же день разыгралась и другая исторія, о которой въ «Новомъ Времени» было помѣщено слѣдующее сообщеніе: «9 августа содержащіеся въ политическомъ корпусѣ петербургской одиночной тюрьмы предъявили администраціи черезъ выборныхъ требованіе объ удаленіи одного изъ надзирателей. Администрація отказала въ удовлетвореніи ходатайства. Во

*) «Товарищъ», 28 іюня 1907 г.
**) «Рѣчь», 3 іюля 1907 г.
***) «Товарищъ», 24 іюля 1907 г.
****) «Русь», 11 августа 1907 г.

второмъ часу дня заключенные рѣшили произвести демонстрацію, подняли шумъ, стали бить стекла и ломать табуреты. Безпорядокъ сопровождался оскорбленіемъ часовыхъ, одинъ изъ которыхъ произвелъ въ арестантовъ два выстрѣла, но ни въ кого не попалъ; послѣ этого безпорядокъ среди политическихъ усилился и прекратить его удалось лишь съ большимъ трудомъ [1]). Въ петербургской пересыльной тюрьмѣ 18 іюля политическій заключенный Шумунъ влѣзъ на окно и не послушался требованія часового слѣзть. Тогда часовой выстрѣлилъ, пуля попала въ глазъ Шумуну, и онъ былъ убитъ наповалъ [2]). 7 августа при подобныхъ же обстоятельствахъ въ домѣ предварительнаго заключенія часовымъ былъ тяжело раненъ заключенный Котянюкъ, причемъ, «преднамѣренно ли заключенный не отходилъ отъ окна, или не слыхалъ за разстояніемъ словъ часового, на дознаніи не было установлено» [3]).

Въ провинціальныхъ тюрьмахъ установился такой же порядокъ, какъ и въ петербургскихъ. Такъ, въ самарской губернской тюрьмѣ въ іюлѣ часовой ранилъ въ голову арестанта Макѣева, попытавшагося для защиты отъ насѣкомыхъ завѣсить въ камерѣ окно. «Часовому показалось,—прибавляла сообщившая объ этомъ случаѣ телеграмма,—что арестантъ пилитъ рѣшетку» [4]). Въ томъ же мѣсяцѣ въ лодзинской тюрьмѣ часовыми было ранено трое заключенныхъ, разговаривавшихъ черезъ окна съ другими арестантами, а въ варшавской подслѣдственной тюрьмѣ часовой убилъ политическаго заключеннаго Ст. Гельвига, который, стоя у окна своей камеры, началъ разговаривать съ женскимъ отдѣленіемъ тюрьмы [5]). Въ кіевскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи 12 августа произошли безпорядки вслѣдствіе ареста одного лица, бросившаго съ улицы записку въ окно заключеннымъ. Вызванные стражники дали залпъ въ окна камеръ и ранили четырехъ заключенныхъ [6]). Въ іюлѣ подобная же исторія разыгралась въ одной изъ тобольскихъ каторжныхъ тюремъ. Трое содержавшихся въ ней политическихъ каторжанъ были подвергнуты тѣлесному наказанію, и въ результатѣ этого въ тюрьмѣ вспыхнули безпорядки, выразившіеся въ шумѣ, битьѣ стеколъ и т. п. Тогда командовавшій карауломъ унтеръ-офицеръ «выстроилъ солдатъ въ корридорѣ противъ дверей камеръ и скомандовалъ стрѣлять черезъ двери. Послѣдовало два залпа, послѣ чего солдаты вошли въ камеры. Въ результатѣ одинъ заключенный—Семеновъ—оказался убитымъ наповалъ, четверо—Карабиновичъ, Тахчогло, Ивановъ и еще одинъ, фамилія котораго

---

1) «Н. Время», 10 августа 1907 г.
2) «Товарищъ», 21 іюля 1907 г.
3) «Русь», 9 августа 1907 г.
4) „Рѣчь", 18 іюля, 1907 г.
5) „Товарищъ", 21 и 18 іюля, 1907 г.
6) „Рѣчь", 16 августа, 1907 г.

пока неизвѣстна,—получили огнестрѣльныя раны, а остальные были сильно помяты» *).

Я воспроизвелъ лишь нѣсколько эпизодовъ современной тюремной жизни, болѣе или менѣе случайно подвернувшихся мнѣ подъ руку, и всякій читатель, внимательно слѣдившій въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ за газетами, легко замѣтитъ, что сдѣланный мною перечень далеко не исчерпываетъ всѣхъ опубликованныхъ случаевъ убійства заключенныхъ въ тюрьмахъ. Но и приведенныхъ эпизодовъ достаточно, чтобы судить о томъ, что дѣлается теперь въ тюремныхъ стѣнахъ. Закона, который устанавливалъ бы для заключенныхъ смертную казнь за такія «преступленія», какъ приближеніе къ окну камеры, попытка сѣсть на него, разговоръ съ другими арестантами или даже битье стеколъ, у насъ пока еще не существуетъ. Но практика жизни ввела такую смертную казнь, и она невозбранно совершается каждымъ караульнымъ начальникомъ и каждымъ отдѣльнымъ часовымъ. Часовые убиваютъ заключенныхъ чуть не по всякому поводу, и вслѣдъ за этими убійствами даже не какой-либо отдѣльный начальникъ тюрьмы, а главное тюремное управленіе и оффиціальное «освѣдомительное бюро» съ эпическимъ спокойствіемъ оповѣщаютъ общество: «такъ какъ съ прибытіемъ воинской части безпорядокъ не прекращался и арестованные продолжали оскорблять солдатъ, то былъ произведенъ второй выстрѣлъ въ окно камеры, гдѣ содержался политическій арестантъ». Передъ нами, очевидно, не рядъ совпавшихъ случайностей, а цѣлая система, одинаково усердно проводимая въ жизнь во всѣхъ концахъ страны, въ Петербургѣ и Тобольскѣ, въ Варшавѣ и Кіевѣ, въ Лодзи и Самарѣ. Нельзя, конечно, совершенно слагать вину съ солдатъ, поднимающихъ ружья на заключенныхъ, но нѣтъ нужды и преувеличивать эту вину, приписывая свойствамъ низшихъ агентовъ власти то, что является результатомъ опредѣленной системы, проводимой сверху.

Къ тому же жизни заключенныхъ грозитъ не только солдатская пуля. Есть и другіе способы отнять у человѣка жизнь, не столь откровенные, но при извѣстныхъ условіяхъ не менѣе вѣрные. Нынѣшнимъ лѣтомъ одному моему знакомому, родственница котораго попала въ число политическихъ заключенныхъ и въ тюрьмѣ тяжело заболѣла, пришлось бесѣдовать съ товарищемъ прокурора. Знакомый мой просилъ выпустить его родственницу подъ залогъ, указывая на то, что по дѣлу, по которому она привлекается, ей во всякомъ случаѣ не грозитъ смертная казнь, тогда какъ дальнѣйшее содержаніе въ тюрьмѣ, по словамъ всѣхъ свидѣтельствовавшихъ больную врачей, должно безусловно повлечь за собою смерть ея.

— Видите ли,—отвѣтилъ на это товарищъ прокурора,—бываютъ

*) „Товарищъ", 31 іюля, 1907 г.

люди болѣе счастливые и менѣе счастливые. Для вашей родственницы, конечно, плохо, что она больна и можетъ умереть въ заключеніи, но это ужъ ея несчастье. Что касается до насъ, то прежде мы еще обращали вниманіе на болѣзни и смерть заключенныхъ, но теперь это насъ не трогаетъ.

Товарищъ прокурора, конечно, особа болѣе важная, чѣмъ простой часовой, но въ концѣ концовъ и онъ не болѣе, какъ рядовой исполнитель. И, говоря о лишеніи человѣка жизни при помощи тюремнаго заключенія: «это насъ не трогаетъ», онъ въ сущности разумѣетъ не себя, или, по крайней мѣрѣ, не только себя, но и лицъ, стоящихъ выше его и диктующихъ ему опредѣленную систему дѣйствій. Всякій, кто слѣдилъ за извѣстіями, приходящими изъ-за тюремныхъ стѣнъ, знаетъ, какъ далеки эти слова отъ преувеличенія. Безпрерывныя почти голодовки, вызываемыя рядомъ невыносимыхъ притѣсненій, массовыя болѣзни, громадный процентъ психическихъ заболѣваній,—все это сдѣлалось обычнымъ явленіемъ тюремной жизни и все это, дѣйствительно, никого «не трогаетъ». Тюрьма въ этихъ условіяхъ стала даже не мѣстомъ кары для тѣхъ, кого власть считаетъ преступниками, она обратилась въ простое орудіе истребленія политическихъ противниковъ правительства. Всякій, попавшій въ тюрьму, тѣмъ самымъ уже ставится какъ бы внѣ законовъ и теряетъ право даже на жизнь.

Но въ сущности порядки, царствующіе въ тюрьмахъ, лишь въ нѣсколько болѣе яркомъ видѣ воспроизводятъ порядокъ, господствующій «на волѣ», по сю сторону тюремныхъ стѣнъ. Прошло два года со времени обѣщаній манифеста 17 октября, но у гражданъ Россіи по прежнему нѣтъ гражданскихъ правъ, даже самыхъ элементарныхъ, и въ странѣ по прежнему нѣтъ закона, даже въ самомъ простомъ, въ самомъ примитивномъ смыслѣ этого слова. Больше того, — права гражданъ попираются, пожалуй, грубѣе, законъ нарушается рѣшительнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Власть постаралась отобрать назадъ все, обѣщанное ею населенію, и все съ большею энергіею направляетъ свои усилія къ этой цѣли. Во всей странѣ водворилась дикая оргія произвола и слуги этого произвола не знаютъ никакихъ сдержекъ, кромѣ собственныхъ интересовъ, никакой цѣли, кромѣ истребленія враговъ стараго порядка. Полиція, администрація, судъ, школа, церковь—все приспособлено къ этой единственной цѣли. Все управленіе государствомъ упрощено до послѣдней степени, всѣ органы этого управленія обращены въ орудія расправы съ противниками стараго режима, всѣ усилія государственной власти сосредоточены на борьбѣ съ народомъ, который трактуется ею, какъ безправная масса, подлежащая покоренію огнемъ и мечемъ, а при упорной непокорности отдаваемая на потокъ и разграбленіе.

Таковъ переживаемый нами моментъ, если брать его въ подлинномъ, неприкрашенномъ видѣ. И когда въ этотъ моментъ, подъ

свистъ нагаекъ и трескъ выстрѣловъ, подъ шуршанье веревокъ на висѣлицахъ и стоны умирающихъ въ тюрьмахъ, упорно повторяются слова: «у насъ есть конституція»,—въ этихъ словахъ трудно видѣть выраженіе особой политической мудрости. Наоборотъ, приходится сказать, что въ такой моментъ эти слова могутъ быть продиктованы только близорукою наивностью, либо желаніемъ закрыть глаза на дѣйствительность и отвернуться отъ горькой правды жизни. Но, какъ бы горька и грозна ни была подчасъ правда, ей надо умѣть смотрѣть въ глаза. Только тотъ, кто способенъ на это, можетъ правильно разсчитывать свои планы на будущее, соображая ихъ съ реальными силами и возможностями и не увлекаясь несбыточными фантазіями.

Конституціонно-демократическая партія, дѣятели которой такъ часто и охотно называютъ себя реальными политиками, строитъ свой планъ на иныхъ основаніяхъ. Увѣряя себя и другихъ въ существованіи «русской конституціи», она мечтаетъ опереться на эту послѣднюю и при помощи воображаемой силы дѣлать реальное дѣло. Правда, «дѣло», которое можно будетъ сдѣлать такимъ образомъ, самимъ конституціоналистамъ-демократамъ представляется довольно скромнымъ, и для того, чтобы сдѣлать его, они предполагаютъ привлечь къ себѣ не только безпартійныхъ членовъ Думы, но и часть октябристовъ, иначе говоря, собираются еще понизить размѣръ своихъ требованій. Однако, за послѣднее время не только въ самомъ к.-д. лагерѣ, но и въ рядахъ безпартійной оппозиціи все чаще встрѣчаются люди, призывающіе к.-д. партію къ сближенію съ октябристами и ожидающіе отъ такого сближенія нѣкоторыхъ реальныхъ благъ. Оно, въ представленіи людей, подающихъ такіе совѣты, должно открыть путь къ неизбѣжному компромиссу съ властью и помочь осуществленію хотя бы самыхъ скромныхъ и наиболѣе необходимыхъ реформъ.

Не трудно представить себѣ то психическое настроеніе, на почвѣ котораго зарождаются подобные планы. Слишкомъ много накопилось въ странѣ людей, выбитыхъ изъ колеи, жестоко уставшихъ отъ борьбы и съ тоскою ожидающихъ замиренія. Но для того, чтобы получить миръ, мало желать его, а надо еще имѣть силу принудить къ нему противника, усталость же—плохой союзникъ въ борьбѣ съ упорнымъ врагомъ. И поэтому изъ указанныхъ плановъ осуществима и осуществляется въ дѣйствительности только одна часть. К.-д. партія сильно уже подвинулась въ сторону октябристовъ и въ третьей Думѣ, надо полагать, продвинется въ эту сторону еще дальше. Но странѣ это передвиженіе не даетъ и не дастъ никакой выгоды,—не дастъ, съ одной стороны, потому, что по мѣрѣ того, какъ конституціоналисты-демократы приближаются къ октябристамъ, послѣдніе отходятъ къ «союзу русскаго народа», а, съ другой стороны, потому, что, еслибы даже возможно было

сближеніе к.-д. партіи съ октябристами въ Думѣ, оно не прибавило бы самой Думѣ недостающей ей силы.

Двукратный опытъ, казалось бы, съ достаточною наглядностью доказалъ ту простую истину, что «парламентъ въ участкѣ» существовать не можетъ. И если тѣмъ не менѣе находятся еще благодушно настроенные обыватели, сохраняющіе наивную вѣру въ то, что Государственная Дума является подлиннымъ парламентомъ и что наиболѣе острые вопросы русской жизни могутъ быть разрѣшены путемъ простыхъ думскихъ голосованій, то этой вѣрѣ предстоитъ понести новое крушеніе. На благонадежность третьей Думы собранной по закону 3 іюня, правительство можетъ положиться съ достаточной увѣренностью. Но еслибы даже въ этой третьей Думѣ какимъ-либо способомъ образовалось кадетско-октябристское большинство, которое бы захотѣло проводить «реформы» и на этой почвѣ столкнулось съ министерствомъ, то каковъ могъ бы быть исходъ такого столкновенія и на что могла бы разсчитывать Дума? Долго искать отвѣта на эти вопросы не приходится. Настоящій парламентъ располагаетъ въ томъ или иномъ размѣрѣ дѣйствительною властью и болѣе или менѣе тѣсно связанъ съ избирающимъ его населеніемъ, которое, въ свою очередь, обладаетъ гражданскими правами, облегчающими для него задачу поддержки его избранниковъ въ тѣхъ случахъ, когда выраженная чрезъ ихъ посредство народная воля встрѣчаетъ сопротивленіе въ правительственныхъ кругахъ. У нашей Думы, помѣщенной «русской конституціей» посреди участка, нѣтъ никакой власти и нѣтъ никакой связи съ населеніемъ. И если двѣ первыя Думы сравнительно легко исчезли съ лица земли, то вѣдь ни для кого не секретъ, что надъ третьей, «господской» Думой совершить эту операцію, если въ ней представится надобность, будетъ безконечно легче. Или, быть можетъ, правительство само желаетъ вступить на путь компромисса и только ждетъ для этого болѣе умѣренной Думы и болѣе умѣренныхъ требованій? На этотъ вопросъ для желающихъ имѣется весьма недвусмысленный отвѣтъ не только въ дѣйствіяхъ, но и въ словахъ правительственныхъ органовъ. «Теперь въ оборотѣ—писала не такъ давно оффиціозная «Россія»—слово «компромиссъ». Всѣ радикальствующіе суетятся около этого слова. Они даже не замѣчаютъ, повидимому, что компромиссъ имѣетъ хотя бы нѣкоторое практическое значеніе только тогда, когда, кромѣ предлагающихъ компромиссъ, имѣются еще и принимающіе его. Если же таковыхъ не имѣется, то о чемъ, собственно, можетъ идти разговоръ?» *). Этотъ коварный вопросъ, предлагаемый оффиціозной газетой, поистинѣ заслуживаетъ того, чтобы надъ нимъ задумались всѣ, кто уговариваетъ русскую оппозицію поправѣть ради неизбѣжнаго компромисса съ властью. Всякому, кто серьезно вдумается

*) «Россія», 9 октября, 1907 г.

въ этотъ вопросъ, надо полагать, станетъ ясно, что для «реформъ» третья Дума открываетъ не особенно широкое поле.

Имѣя въ виду все сказанное, можно уже оцѣнить, каковы шансы на успѣхъ связанныхъ съ третьей Думой плановъ к.-д. партіи. Въ конечномъ итогѣ шансы эти весьма призрачны и «извилистая дорога», которой, по выраженію П. Н. Милюкова, идетъ названная партія, врядъ ли приведетъ къ намѣченной цѣли, такъ какъ идущіе по этой дорогѣ подвигаются больше назадъ, чѣмъ впередъ. Истинно демократической оппозиціи, составленной изъ представителей лѣвыхъ и, въ частности, соціалистическихъ партій, поскольку таковые окажутся въ Думѣ, предстоитъ избрать иной путь. Такой оппозиціи нѣтъ нужды добиваться парламентскихъ побѣдъ въ Думѣ, имѣющей весьма мало общаго съ парламентомъ, и нѣтъ надобности «беречь» самую Думу. Передъ людьми, памятующими, что только самъ народъ можетъ устроить свою жизнь, и очутившимися лицомъ къ лицу съ правительствомъ въ безсильной и вмѣстѣ съ тѣмъ въ большинствѣ своемъ враждебной народу Думѣ, можетъ стоять только одна задача, сводящаяся къ тому, чтобы съ высоты думской трибуны разоблачать истинное положеніе вещей въ странѣ, съ одной стороны, раскрывая глаза народнымъ массамъ и просвѣтляя ихъ сознаніе, съ другой—мѣшая поборникамъ реакціи воспользоваться именемъ и авторитетомъ Думы, какъ истинной якобы представительницы народа. Въ тѣхъ условіяхъ, въ какія поставлена вся думская дѣятельность, эта задача въ сущности единственная, имѣющая реальное значеніе и, выполняя ее, лѣвыя партіи, представленныя въ Думѣ, могутъ сыграть серьезную и благотворную роль.

Конечно, и важности этой роли опять-таки не слѣдуетъ преувеличивать. Представители лѣвыхъ партій въ третьей Думѣ будутъ въ ничтожномъ меньшинствѣ и, если можно впередъ предугадывать, что даже планы к.-д. партіи разобьются о сопротивленіе сплоченныхъ правыхъ, то съ еще большею увѣренностью возможно предсказать, что лѣвые, поскольку они явятся послѣдовательными защитниками интересовъ народныхъ массъ, представятъ собою лишь одинокіе протестующіе голоса въ общей массѣ членовъ Думы. Эти протестующіе голоса, несомнѣнно, будутъ имѣть извѣстное значеніе, но они, конечно, сами по себѣ не предотвратятъ и не остановятъ выполненія реакціонныхъ замысловъ, а въ лучшемъ случаѣ лишь ярче освѣтятъ ихъ въ сознаніи народа. Реакціонная по своему составу, Дума въ лицѣ большинства своихъ членовъ, безспорно, пойдетъ на всякую услугу, какой пожелаетъ отъ нея правительство, вплоть до полнаго возстановленія стараго порядка. И, внѣ всякаго сомнѣнія, никакой словесный протестъ, выразится ли онъ въ напоминаніи объ основныхъ законахъ или въ указаніи на права и интересы народа, не отклонитъ большинство

«господской» Думы отъ такого шага, разъ онъ будетъ признанъ нужнымъ со стороны правительства.

Такимъ образомъ на поставленный мною въ началѣ статьи вопросъ приходится, поскольку онъ касается Думы, отвѣтить, что шансы реакціи стоятъ сравнительно высоко. Закономъ 3 іюня и сопровождавшими выборы экстренными репрессіями правительство успѣло въ общемъ добиться желательнаго для него состава Думы, тогда какъ оппозиція вошла въ послѣднюю въ небольшомъ числѣ. Вдобавокъ силы оппозиціи ослабляются тѣмъ обстоятельствомъ, что либеральные ея элементы, сгруппировавшіеся въ к.-д. партіи, замѣтно подались вправо и стараются уклониться отъ принципіальной постановки всѣхъ сколько-нибудь острыхъ вопросовъ, угрожающихъ самому существованію Думы. При такихъ условіяхъ правительство въ сущности получаетъ почти полную возможность использовать Думу по своему усмотрѣнію, въ видѣ ли декораціи «работоспособнаго» и «послушнаго» представительнаго учрежденія или же въ видѣ орудія открытаго возстановленія стараго порядка.

Но если роль третьей Думы и можно считать въ значительной мѣрѣ предрѣшенной, то это далеко еще не разрѣшаетъ болѣе общаго очередного вопроса русской жизни. Скорѣе даже наоборотъ. Реакціонный составъ Думы купленъ цѣною ея отдаленія отъ широкихъ народныхъ массъ. Но по мѣрѣ такого отдаленія уменьшился и удѣльный вѣсъ Думы въ народной жизни. Массы, отрѣзанныя и избирательной системой, и обстановкой выборовъ, и условіями сношеній съ Думой отъ возможности вліянія на послѣднюю, уже начинаютъ гдѣ равнодушно, а гдѣ и враждебно смотрѣть на «господскую Думу». Мѣстами прорываются и протесты противъ нея, особенно среди крестьянства, въ процессѣ выборовъ успѣвшаго приглядѣться къ тому, насколько обойдены въ законѣ 3 іюня его интересы въ пользу помѣщиковъ. И если уже въ первыя двѣ думскія сессіи не могло установиться достаточнаго единства между Думою, съ одной стороны и массами населенія—съ другой, то по отношенію къ третьей Думѣ приходится съ полной увѣренностью ожидать, что ея жизнь и жизнь страны пойдутъ совершенно самостоятельными дорогами, имѣющими весьма мало точекъ соприкосновенія, если не расходящимися въ противоположныхъ направленіяхъ.

Послѣднее представляется даже наиболѣе вѣроятнымъ. Выборы дали реакціонную Думу, но едва-ли кто-либо рѣшится утверждать, что населеніе въ массѣ перешло на сторону реакціи. Правда, оффиціозная и реакціонная печать все-таки пытается увѣрять, будто настроеніе населенія стало значительно болѣе правымъ, и эти увѣренія, какъ мы видѣли, поддерживаются даже нѣкоторыми писателями, не принадлежащими къ числу реакціонеровъ. Но, поскольку подобныя увѣренія основаны на результатахъ минувшихъ выборовъ, они не имѣютъ подъ собой никакой почвы, потому что

эти выборы, произведенные въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, не могли дать сколько-нибудь достовѣрнаго матеріала для сужденія о настроеніи народныхъ массъ. Обращаясь же къ другимъ путямъ провѣрки этого настроенія, мы получаемъ и другіе выводы. Достаточно напомнить хотя бы тотъ простой фактъ, что правительство, агенты котораго такъ много и охотно говорятъ о совершившемся будто бы успокоеніи страны, не только не отмѣняетъ ни одной изъ мѣръ, принятыхъ имъ въ видахъ терроризированія населенія, но изобрѣтаетъ все новыя и новыя мѣропріятія въ этомъ направленіи. Врядъ ли возможно считать это почти безпрерывное усиленіе репрессій за признакъ дѣйствительнаго успокоенія, наступившаго въ странѣ. Скорѣе ужъ, думается, въ такомъ фактѣ усиленія репрессивныхъ мѣръ можно видѣть указаніе прямо обратнаго характера. Съ другой стороны, и всѣ отдѣльныя извѣстія, приходящія съ разныхъ концовъ страны, далеко не говорятъ о какомъ-либо успокоеніи ни въ деревнѣ, ни въ рабочихъ центрахъ. Та усталость отъ борьбы, о которой мнѣ случилось упомянуть выше, безспорно, наблюдается и въ широкихъ массахъ, но, не говоря уже о томъ, что отъ этой усталости до подлиннаго успокоенія еще далеко, и она проявляется лишь мѣстами.

Успокоенія въ народныхъ массахъ нѣтъ сейчасъ и странно было бы ожидать его отъ третьей Думы. Тѣ больные вопросы русской жизни, которые вызвали революцію и привели въ движеніе массы населенія, все еще остаются неразрѣшенными, все еще сплетены въ одинъ запутанный узелъ. По-прежнему крестьянство томится отъ малоземелья и работаетъ на помѣщиковъ, по-прежнему рабочій классъ придавленъ игомъ промышленнаго неустройства и острой безработицы, по-прежнему надъ всей страной нависъ жестокій гнетъ произвола, особенно тяжело ложащійся на плечи трудящихся классовъ. По-прежнему, наконецъ, всѣ средства громадной страны обращаются либо на совершенно непроизводительныя затраты, либо въ пользу привилегированныхъ кастъ, а всѣ матеріальные и культурные запросы широкихъ массъ остаются въ полномъ пренебреженіи. Только коренное политическое и соціальное переустройство могло бы дать дѣйствительное разрѣшеніе этимъ наболѣвшимъ вопросамъ и только такое переустройство могло бы внести съ собою дѣйствительное успокоеніе въ народныя массы. Но что можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи третья Дума? Попытается ли она повернуть вспять колесо реакціи и откровенно возстановить цѣликомъ весь старый режимъ, явится ли она прикрывающей тотъ же режимъ работоспособной комиссіей при совѣтѣ министровъ, возьмется ли даже осуществлять кадетско-октябристскій планъ проведенія частныхъ реформъ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ ей равно не сдвинуть русскую жизнь съ той мертвой точки, на которой она стоитъ въ настоящее время и на которой невозможно достигнуть успокоенія страны. И еслибы путь къ обновленію рус-

ской жизни могъ пройти сейчасъ только черезъ Государственную Думу, въ возможности такого обновленія пришлось бы разочароваться.

Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ не такъ печально. Третья Дума неспособна, конечно, явиться орудіемъ обновленія страны, но народная жизнь не замкнута въ стѣнахъ Думы и у народа есть другіе пути и другія средства къ отстаиванію своихъ интересовъ. Какъ ни стремится правительство цѣною жестокихъ репрессій и доведеннаго до полной анархіи произвола задавить всякія попытки организаціи народныхъ силъ и ликвидировать всѣ завоеванія революціи, все же его усилія, направленныя въ эту сторону, не всегда достигаютъ намѣченной цѣли. Попытки полнаго возстановленія старыхъ порядковъ давно уже встрѣчаютъ противодѣйствіе со стороны народныхъ массъ, проснувшихся къ новой жизни, и на этой почвѣ между массой населенія и властью почти во всей странѣ идетъ глухая и упорная борьба. Эта борьба, на которую народную массу едва-ли не съ одинаковой силой толкаютъ и ея кровные матеріальные интересы, и пробудившееся въ ней идейное сознаніе, въ большинствѣ случаевъ носитъ полу-стихійный характеръ и ведется населеніемъ безъ всякаго опредѣленнаго плана и разрозненными силами. Въ большинствѣ же случаевъ она бываетъ неудачна, но иногда населеніе одерживаетъ въ ней и нѣкоторыя побѣды. Во всякомъ случаѣ именно въ этой борьбѣ, отъ которой народная масса не можетъ отказаться, пока не изсякла у нея жизненная энергія, скрыта возможность лучшаго будущаго, возможность побѣды новой жизни, тѣмъ болѣе увеличивающаяся, чѣмъ болѣе выростаетъ самосознаніе народныхъ массъ. И надо думать, что чѣмъ яснѣе будетъ вырисовываться передъ послѣдними характеръ третьей Думы, тѣмъ настойчивѣе онѣ будутъ искать другихъ путей для защиты своихъ попранныхъ интересовъ и для возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ.

В. Мякотинъ.

Новыя книги.

Н. Лосскій. „Обоснованіе интуитивизма“ (Пропедевтическая теорія знанія). Спб., 1906 г. 368 + VIII стр., ц. 2 р.

Новая работа г. Лосскаго — безспорно выдающееся явленіе въ русской философской литературѣ. Она интересна особенно потому, что авторъ вводитъ новую струю въ русскую философскую литературу, является представителемъ такого направленія,

которое до сихъ поръ не имѣло у насъ вполнѣ послѣдовательныхъ сторонниковъ. Собственно говоря, ученіе г. Лосскаго не совпадаетъ ни съ однимъ, не только русскимъ, но и европейско-американскимъ философскимъ направленіемъ, хотя оно и имѣетъ много общаго прежде всего съ «имманентной философіей», а затѣмъ и съ ученіями Джэмса, Липпса и нѣкоторыхъ другихъ философовъ.

Свое сочиненіе авторъ озаглавилъ: «Обоснованіе интуитивизма», но когда оно печаталось первоначально въ формѣ статей въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи», то тамъ оно носило заглавіе: «Обоснованіе мистическаго эмпиризма». Авторъ перемѣнилъ заглавіе вслѣдствіе чисто практическихъ соображеній, но въ самомъ текстѣ книги онъ употребляетъ термины: «мистическій» и «интуитивный», какъ вполнѣ тожественные.

«Мистическій эмпиризмъ», защитникомъ котораго выступаетъ г. Лосскій, заключается въ утвержденіи, что «транссубъективный міръ познается такъ же непосредственно (интуитивно), какъ и субъективный міръ» (стр. V). Авторъ надѣется, что при такомъ взглядѣ на процессъ восприятія онъ избѣгнетъ того подводнаго камня, на которомъ, по его мнѣнію, потерпѣли крушеніе всѣ предшествующія философскія ученія. Эта катастрофа, по мнѣнію г. Лосскаго, произошла вслѣдствіе того, что философія исходила изъ догматически принятаго предположенія, что «я» и «не я» обособлены другъ отъ друга.

Авторъ посвящаетъ три главы разсмотрѣнію тѣхъ послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ принятія подобной догматической предпосылки.

Въ одной главѣ, посвященной «докантовскому эмпиризму», авторъ показываетъ, что обособленіе «я» и «не я» приводитъ эмпириковъ къ скептицизму, ибо они принуждены признать, «что *опытъ*, который они считаютъ единственнымъ источникомъ знанія, *есть результатъ воздѣйствія внѣшняго міра на я*, воздѣйствія, которое вызываетъ въ я субъективныя состоянія» (стр. 39). Такимъ образомъ познающій субъектъ имѣетъ дѣло только со своими субъективными состояніями.

Въ слѣдующей главѣ, посвященной «докантовскому раціонализму», авторъ показываетъ, что раціоналисты, считающіе, что все наше знаніе возникаетъ вслѣдствіе самодѣятельности нашего духа, не могутъ дать отвѣта на вопросъ о томъ, какимъ образомъ нашъ духъ, такъ сказать, выходитъ за предѣлы самого себя, познавая чуждый ему внѣшній міръ.

Цѣлая глава посвящена догматизму у Канта. Кантъ пытался преодолѣть тѣ затрудненія, которыя связаны съ проблемой восприятія, какъ у эмпириковъ, такъ и у раціоналистовъ. Для этого онъ стремился объединить субъектъ и объектъ. Но такъ какъ «подпочва философіи Канта не оригинальна» (стр. 144), такъ

какъ у него всетаки въ актѣ познанія «я» и «не я» разъединены, то онъ просто подчинилъ объектъ субъекту. «Если у предшественниковъ Канта вещи въ опытномъ знаніи *дѣйствуютъ* на душу познающаго субъекта и насильственно (но неуспѣшно) хозяйничаютъ въ ней, то за то у Канта, наоборотъ, познающій *субъектъ создаетъ объекты* (и создаетъ ихъ плохо, такъ какъ они оказываются только явленіями для субъекта, лишенными самостоятельной жизни)» (стр. 149).

Приступая къ изслѣдованію отношенія между «я» и «не я» въ актѣ познанія, авторъ, прежде всего, пытается уяснить себѣ содержаніе обоихъ этихъ понятій. Въ согласіи съ Липпсомъ авторъ находитъ признакъ, характеризующій «я», въ чувствованіи «принадлежности мнѣ» (стр. 74), а признакъ, характеризующій «не я», въ чувствованіи «данности мнѣ». Итакъ, «мое» и «данное мнѣ»—вотъ признаки отличающіе субъективное отъ транссубъективнаго, «я» отъ «не я». Но самое транссубъективное бываетъ двухъ родовъ: транссубъективное-внѣтѣлесное, т. е. внѣшній міръ въ узкомъ смыслѣ слова, и транссубъективное-внутритѣлесное, относящееся къ процессамъ внутри нашего тѣла. Это подраздѣленіе транссубъективнаго является весьма полезнымъ для яснаго пониманія роли ощущеній въ познаніи. Ощущенія, очевидно, не принадлежатъ нашему «я», ибо имѣютъ явственный характеръ «данности мнѣ»; но столь же очевидно, что эти ощущенія не принадлежатъ и самимъ вещамъ (напр., сладость не принадлежитъ сахару); выходъ изъ этого затрудненія тотъ, что ощущеніе принадлежатъ «транссубъективному - внутритѣлесному».

Благодаря всему этому, «знаніе о внѣшнемъ мірѣ», что касается близости къ объекту, ничѣмъ не отличается отъ знанія о внутреннемъ мірѣ. Процессъ въ «я» («мой» процессъ, напр., усиліе припоминанія) не просто совершается, а становится познаннымъ событіемъ, если я обращу на него вниманіе и путемъ сравненія выдѣлю его изъ другихъ переживаній; точно такъ же и процессъ внѣ «я» («данный мнѣ» процессъ, напр., стремительное теченіе въ ручьѣ) не просто совершается, а становится познаннымъ событіемъ, если я отличу его отъ другихъ событій. Иными словами, *міръ „не я“ познается такъ же непосредственно, какъ и міръ „я“*. Разница только въ томъ, что въ случаѣ знанія о внутреннемъ мірѣ и объектъ знанія, и процессъ сравненія его находятся въ сферѣ «я», а при познаніи внѣшняго міра объектъ находится внѣ «я», а сравненіе происходитъ въ «я». Значитъ, въ процессѣ познанія внѣшняго міра, объектъ *трансцендентенъ въ отношеніи къ познающему „я“*, но несмотря на это, онъ остается *имманентенъ самому процессу знанія* (страницы 81—82). Сообразно съ этимъ, авторъ утверждаетъ: «мы вовсе не думаемъ, будто, когда мы воспринимаемъ шаръ, мы имѣемъ въ сознаніи представленіе о шарѣ, а внѣ «я» находится дѣй-

ствительный шаръ или какое-то тѣло, которое своимъ дѣйствіемъ вызвало представленіе о шарѣ, мы полагаемъ, что *шаръ, составляющій содержаніе нашего воспріятія, и есть именно часть міра „не-я“* (стр. 81).

Мы изложили сущность ученія г. Лосскаго. Его книга заключаетъ въ себѣ еще не мало порою весьма интересныхъ разсужденій, напр., объ «общемъ и индивидуальномъ», объ «аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ» и т. п., но всѣ эти разсужденія имѣютъ цѣлью лишь разъяснить или защитить основное положеніе автора, которое, какъ мы знаемъ, заключается въ томъ, что въ процессѣ познанія намъ дается *сама* вещь, не «копія вещи» и не «дѣйствіе вещи» на насъ, а *она сама*, во всей ея дѣйствительности, какъ это многократно повторяетъ нашъ авторъ. Онъ полагаетъ, что такимъ образомъ получается простое и ясное рѣшеніе великой и многотрудной проблемы воспріятія внѣшняго міра. Съ перваго взгляда это рѣшеніе до такой степени просто, что нашъ авторъ вполнѣ естественно предвидитъ даже вопросъ: да зачѣмъ же въ такомъ случаѣ существуетъ наука? Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ вещи непосредственно даны намъ въ нашемъ воспріятіи, то можно предположить, что мы сразу, безъ всякихъ «наукъ» воспринимаемъ всѣ «свойства» вещей, всѣ ихъ «качества». Настоящіе мистики, какъ извѣстно, дѣйствительно и утверждаютъ это: они говорятъ, что въ моменты «просвѣтленія», въ моменты мистическаго экстаза человѣкъ сразу познаетъ всю истину, все сущее, во всѣхъ его подробностяхъ. Но такъ какъ г. Лосскій не настоящій мистикъ, а только мистическій эмпирикъ, то онъ и не можетъ обойтись безъ науки и опыта, которые, по его словамъ, нужны потому, что въ воспріятіи предметъ дается намъ хотя и вполнѣ, хотя и въ подлинникѣ, но въ недифференцированномъ видѣ; роль науки, по г. Лосскому, и заключается въ томъ, чтобы дифференцировать это недифференцированное данное.

Теперь постараемся выяснить, насколько обосновалъ г. Лосскій это свое основное положеніе непосредственной данности предмета въ процессѣ познанія. Между предметомъ изслѣдованія и пріемомъ изслѣдованія существуетъ тѣсная связь. Такъ, напр., психологи-эмпирики, изслѣдующіе вопросъ о томъ, какъ духовная жизнь возникаетъ изъ ощущеній, сдѣлаютъ хорошо, если своему чисто психологическому изслѣдованію предпошлютъ изложеніе анатоміи и физіологіи нервной системы и органовъ чувствъ; но подобный пріемъ совершенно не нуженъ для того психолога, который разсматриваетъ всѣ психическія явленія, какъ процессъ самораскрытія духа. Такъ и въ нашемъ случаѣ. Общепринятый теперь взглядъ, согласно которому теорія знанія совершенно независима отъ онтологіи, не обязателенъ для г. Лосскаго, у котораго «показателемъ истинности познанія служитъ *наличность* самого познаваемаго бытія» (стр. 295).

А между тѣмъ г. Лосскій далъ намъ лишь «пропедевтическую теорію знанія» и совершенно не знакомитъ со своей онтологической теоріей знанія, хотя не разъ, при обсужденіи очень важныхъ вопросовъ, онъ указываетъ на то, что полное изслѣдованіе дастъ лишь эта, пока неизвѣстная намъ, его онтологическая теорія. Такъ, напр., на стр. 367 мы читаемъ: «Возможность познавательной дѣятельности и всѣ свойства ея, безъ сомнѣнія, объясняются въ конечномъ итогѣ изъ свойствъ и цѣлей... абсолютнаго разума, но эти вопросы относятся уже къ области онтологіи и именно того ея отдѣла, который мы склонны называть *онтологическою гносеологіею*: сюда относится вопросъ о сущности такихъ важныхъ для познавательной дѣятельности сторонъ міра, какъ причинность, субстанціальность, сходство, различіе и т. п.»

Но имѣетъ ли право г. Лосскій отлагать на неопредѣленное будущее разсмотрѣніе этихъ «важныхъ для познавательной дѣятельности сторонъ міра»? Конечно, нѣтъ. Онъ долженъ былъ дать намъ отчетъ не только объ этихъ, но и о многихъ другихъ употребляемыхъ имъ терминахъ. Но онъ этого не сдѣлалъ, вслѣдствіе чего мы постоянно недоумѣваемъ, что, собственно говоря, хотѣлъ сказать намъ авторъ той или иной своей фразой. Когда, напр., г. Лосскій говоритъ на стр. 248: «актъ сравненія можетъ продолжаться секунду, но онъ можетъ охватывать при этомъ вѣчное или тысячелѣтнее бытіе, присутствующее въ сужденіи, какъ *наличное*», то, чтобы понять, какъ это вѣчность можетъ присутствовать въ секундѣ, какъ *наличное,* мы должны просить автора объяснить намъ смыслъ словъ «присутствовать» и «наличное», выяснить намъ онтологическое значеніе этихъ понятій, ибо, придавая этимъ словамъ тотъ смыслъ, который обыкновенно связанъ съ ними, мы никакъ не можемъ вмѣстить вѣчность въ секунду. Не убѣждаетъ насъ и доводъ автора, что вѣдь «для знанія о томъ, что вещь существуетъ годъ, вовсе не требуется цѣлый годъ судить о ней, точно такъ же, какъ, сравнивая по величинѣ двѣ горы, я не долженъ самъ быть величиною съ гору» (стр. 248). Это—доводъ весьма убѣдительный, но не въ устахъ г. Лосскаго. Онъ убѣдителенъ въ устахъ тѣхъ людей, которые думаютъ, что при сравненіи двухъ горъ, мы имѣемъ въ душѣ лишь «представленія» этихъ горъ, «копіи» горъ, результатъ «дѣйствія» этихъ горъ на наши органы воспріятія и т. п. Но въ устахъ мистическаго эмпирика г. Лосскаго, который и книгу-то свою написалъ для того, чтобы убѣдить насъ, что никакихъ этихъ «представленій», «копій» и «дѣйствій» не существуетъ, что въ актѣ воспріятія намъ дается самъ подлинный предметъ воспріятія во всей его дѣйствительности,—повторяю, въ устахъ подобнаго философа этотъ доводъ не имѣетъ никакого смысла. Ибо, если при сравненіи двухъ горъ, обѣ эти горы присутствуютъ въ актѣ моего познанія самолично, во всей ихъ дѣйствительности, то, очевидно, руководясь аксіомой, гласящей, что мой актъ познанія болѣе обѣихъ горъ вмѣстѣ взя-

тыхъ, а на основанiи принципа «цѣлое болѣе любой своей части» мы должны предположить, что «я» обладаю еще большими размѣрами, чѣмъ даже мой актъ познанiя. Не забудемъ при этомъ, что г. Лосскiй «реалистъ», въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова, т. е. что для него даже общiя понятiя имѣютъ реальное существованiе, поэтому для него всѣ эти сравненiя и акты имѣютъ не метафорическое, а реальное значенiе.

Какимъ же образомъ избѣгаетъ г. Лосскiй тяжелой необходимости формально и открыто признать, что секунда можетъ вмѣстить въ себя вѣчность и что, самъ онъ г. Лосскiй, воспринимая дома горы, рѣки, которые присутствуютъ въ актѣ его воспрiятiя во всей ихъ подлинной реальности, тѣмъ самымъ доказываетъ, что онъ обширнѣе всѣхъ этихъ домовъ, горъ и рѣкъ? Какимъ образомъ, повторяемъ, г. Лосскiй уклонился отъ этихъ очевидно несостоятельныхъ утвержденiй?

Это онъ сдѣлалъ, пользуясь установленнымъ имъ различiемъ между транссубъективностью внутритѣлесной и транссубъективностью внѣтѣлесной. Само по себѣ это различенiе вполнѣ правильное и согласное съ нынѣ выработаннымъ ученiемъ о воспрiятiи. Тотъ высшiй синтезъ нашей психической дѣятельности, который мы называемъ нашимъ «я», взаимодѣйствуетъ съ внѣшнимъ мiромъ при содѣйствiи цѣлой iерархiи низшихъ центровъ духовной жизни, центровъ, которые по отношенiю къ этому я могутъ быть разсматриваемы, какъ нѣчто данное извнѣ, какъ не-я. И такимъ образомъ, между внѣшнимъ мiромъ (транссубъективнымъ-внѣтѣлеснымъ, по терминологiи г. Лосскаго) и нашимъ «я» существуетъ обширное средостѣнiе называемое г. Лосскимъ транссубъективнымъ-внутритѣлеснымъ. Это посредствующая инстанцiя, черезъ которую только и сносится «я» съ внѣшнимъ мiромъ, какъ нѣчто психическое сознается родственнымъ нашему «я», а какъ нѣчто данное сознается родственнымъ не-я. Эта двойственная роль внутритѣлеснаго-транссубъективнаго и ввела г. Лосскаго въ заблужденiе, давши ему возможность построить все свое ученiе на незамѣченной имъ логической ошибкѣ, извѣстной подъ названiемъ quaternio terminorum. Онъ постоянно раздвояетъ среднiй терминъ (транссубъективное-внутритѣлесное), то выдвигая его внутритѣлесрость и такимъ образомъ вводя его въ сношенiя съ «я», то отличая его транссубъективность и, такимъ образомъ, объединяя его съ не-я. Показавши данность въ процессѣ воспрiятiя транссубъективнаго-внутритѣлеснаго, онъ затѣмъ указываетъ, что это транссубъективное-внутритѣлесное по отношенiю къ «я» играетъ роль не-я, и послѣ этого считаетъ уже доказаннымъ, что въ актѣ воспрiятiя присутствуетъ и то не-я, которое названо имъ транссубъективнымъ-внѣтелеснымъ и которое проще называется внѣшнимъ мiромъ. Такимъ образомъ вся аргументацiя г. Лосскаго построена на двойственности терминовъ: не-я и транссубъективное внутритѣлесное. Поэтому-то и

горы могутъ собственнолично присутствовать въ процессѣ познанія, не дѣлая этотъ процессъ черезъ-чуръ объемистымъ. Но въ такомъ случаѣ въ чемъ же преимущество мистическаго эмпиризма г. Лосскаго надъ обыкновеннымъ эмпиризмомъ? Вѣдь у этихъ эмпириковъ предметъ «дѣйствуетъ», на познающаго субъекта, слѣдовательно и *присутствуютъ* въ актѣ познанія, хотя бы лишь своимъ «дѣйствіемъ».

Людвигъ Фейербахъ. Сущность христіанства. Переводъ съ 4-го нѣм. изд. В. Д. Ульриха. XXX+348 стр. Книгоизд. „Мысль". Лейпцигъ-Спб. 1906.

Главнѣйшее сочиненіе Фейербаха, такъ долго не издававшееся въ Россіи по цензурнымъ условіямъ, появилось, наконецъ, въ хорошемъ переводѣ. Не смотря на давность его выхода въ свѣтъ въ оригиналѣ (1841 г.), трудно преувеличить его значеніе для современнаго русскаго читателя. Не говоря уже о томъ, что книга Фейербаха и по значенію, и по времени представляетъ первую серьезную критику христіанства,—пламенный проповѣдникъ антропологической философіи вообще много говоритъ уму и сердцу русской интеллигенціи. Двое ея теоретическихъ вождей, П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій, были многимъ обязаны антропологической теоріи Фейербаха, и хотя они значительно дополнили и переработали ее, устраняя противорѣчивые элементы, тѣмъ не менѣе руководящая идея Фейербаха о полноцѣнности человѣческаго существа и взаимности «я» и «ты» въ познаніи и чувствѣ цѣликомъ вошла въ ихъ синтетическое міросозерцаніе; — а П. Л. Лавровъ даже всегда называлъ свою систему антропологической.

«Нужно самому пережить освободительное дѣйствіе этой книги, — писалъ Энгельсъ о «Сущности христіанства», — чтобы получить о немъ правильное представленіе». И, дѣйствительно, разоблаченіе антропологической подоплеки всякой теологіи, низведеніе божества на землю, какъ олицетворенія любви человѣка къ человѣку, провозглашеніе человѣка высшимъ существомъ для человѣка, — эти мысли, какъ молніи, упали изъ яснаго неба гегелевской философіи, подъ вліяніемъ которой стояла тогда чуть не вся мыслящая Германія, въ томъ числѣ и самъ Фейербахъ. «Если, какъ гласитъ доктрина Гегеля, сознаніе человѣка о богѣ есть самосознаніе бога, то, стало быть, сознаніе человѣческое есть божіе сознаніе» («Сущность христіанства», стр. 222). Такой неожиданный выводъ изъ примиренія философіи и теологіи у Гегеля сдѣлалъ Фейербахъ, который предпочиталъ «быть дьяволомъ въ союзѣ съ истиною, чѣмъ ангеломъ въ союзѣ съ ложью» (стр. 182). Своимъ психологическимъ анализомъ религіи Фейербахъ рѣшительно порвалъ съ эвгемеризмомъ XVIII в., сводившимъ религію только къ суевѣрію и сознательному обману, и

далъ толчокъ всестороннему изученію религіи съ этнографической и психологической стороны въ позднѣйшихъ трудахъ Тэйлора, Спенсера, Ренана, Гюйо и др.

Но въ дальнѣйшемъ развитіи критической философіи все болѣе и болѣе выяснялась роль Фейербаха, какъ предшественника позитивизма. И если посмотрѣть съ этой стороны на «Сущность христіанства», являющуюся не только разрушительной критикой теологіи, но и обоснованіемъ антропологической философіи, то нельзя не увидѣть въ ней многихъ философскихъ положеній, значительно опередившихъ теоретическій размахъ 40-хъ годовъ и только позднѣе ставшихъ достояніемъ научной философіи. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что характерный для этой философіи принципъ соотносительности реальнаго человѣка и природы, устраняющій ихъ метафизическое противопоставленіе (Герингъ, Авенаріусъ, Махъ), былъ совершенно опредѣленно высказанъ и Фейербахомъ: «Какъ человѣкъ немыслимъ безъ природы, такъ и природа немыслима безъ человѣка» (стр. 258), говоритъ онъ, возвышаясь надъ метафизической однобокостью матеріализма и идеализма. Но это не значитъ, что дѣло идетъ о простомъ совмѣщеніи одностороннихъ точекъ зрѣнія: природа не есть только матерія, какъ полагаютъ матеріалисты, а человѣкъ не только сознаніе, какъ утверждаютъ идеалисты. Перекрестнымъ центромъ взаимоотношеній человѣка и природы является, по Фейербаху, чувственная природа человѣка, въ которой происходитъ «вѣчная смѣна субъекта и объекта», внутренней и внѣшней необходимости. Только человѣкъ во всей цѣлости своего существа является мѣрой вещей. Но этотъ невыдѣлимый изъ природы цѣлостный человѣкъ не есть отдѣльная индивидуальность: «Только въ другомъ человѣкъ самъ выясняетъ себѣ и сознаетъ себя, и тогда, когда я выяснился себѣ самъ — міръ дѣлается для меня яснымъ. Человѣкъ, существующій только для себя самого, безлично и безотлично потерялся бы въ океанѣ природы, онъ не постигъ бы ни себя, какъ человѣка, ни природы, какъ природы... Сознаніе міра, слѣдовательно, условливается для нашего «я» сознаніемъ «ты» (стр. 82). «Ты» способствуетъ совершенству «я», лишь совокупность людей образуетъ *человѣка*» (стр. 149). Поскольку человѣкъ преувеличиваетъ свое познанное въ другомъ отличіе отъ природы и объективируетъ его въ видѣ божествъ и метафизическихъ сущностей, постольку онъ еще находится во власти грубаго антропоморфизма («Отличіе Бога отъ природы есть не что иное, какъ отличіе человѣка отъ природы»,—стр. 103).—И здѣсь Фейербахъ, указывая на то, что «собственная сущность человѣка является ему объектомъ сперва какъ другая сущность» (стр. 13), несомнѣнно предвосхищаетъ мысль Р. Авенаріуса объ «интроекціи» наивнаго сознанія.—Но поскольку человѣкъ познаетъ въ другомъ свою дѣйствительную сущность, т. е. во взаимности познанія и чувства познаетъ соотносительность человѣка и природы, постольку

онъ идетъ правильнымъ путемъ познанія истины и справедливости. «Истина есть то, въ чемъ соглашается со мной другой... Что я мыслю въ мѣру моей индивидуальности, то для другого не обязательно... Истинно то, что согласуется съ сущностью *рода*» (стр. 152). «Наука есть сознаніе рода» (стр. 1). «Сознаніе нравственнаго закона, права, приличія, самой истины обусловливается сознаніемъ другого» (стр. 152). Такъ Фейербахъ устанавливаетъ соціологическій критерій истины и справедливости, столь характерный для философіи дѣйствія и дѣйствительности въ новѣйшихъ трудахъ представителей критическаго реализма. Роковое противорѣчіе личности и общества, конкретнаго и абстрактнаго великій «идеалистъ въ области практической философіи» разрѣшаетъ во взаимномъ и естественномъ единствѣ «я» и «ты».

Б. А. Лезинъ. Вопросы теоріи и психологіи творчества. Харьковъ. 1907 г. Стр. 445. Ц. 2 р. 50 к.

Вопросы теоретическаго изученія литературы занимаютъ читателей больше, чѣмъ это кажется имъ самимъ. Сплошь и рядомъ въ періодической печати и въ обществѣ возникаютъ литературные и эстетическіе споры, которые показываютъ, какъ живъ интересъ къ вопросамъ художественнаго познанія и какъ, въ сущности, бѣденъ матеріалъ, съ которымъ обычно приступаютъ къ обсужденію этихъ вопросовъ. Въ средней школѣ наука о литературѣ — такъ называемая теорія словесности—вмѣсто того чтобы быть однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ орудій воспитанія гуманитарной мысли, играетъ чуть не противоположную роль, такъ какъ сводится къ системѣ случайныхъ свѣдѣній и опредѣленій, болѣе или менѣе устарѣлыхъ и схоластическихъ. Виноваты здѣсь не столько даже учебники, въ общемъ, однако, стоящіе значительно ниже научнаго уровня, сколько пріемы преподаванія, которое неизмѣнно съ безсиліемъ научить думать соединяетъ стремленіе вколотить въ ученика серію окаменѣлыхъ и ненужныхъ опредѣленій. Давно уже ясно, что въ этой области—болѣе чѣмъ въ какой-либо иной—должно отказаться отъ шаблона учебника и дать ученику хорошо подобранный матеріалъ для чтенія, которое сообщало бы ему, что думаетъ наука о литературѣ и искусствѣ и заставило бы его думать. Два десятка лѣтъ тому назадъ такая попытка была сдѣлана въ «Поэтикѣ» Воскресенскаго. Это былъ «*историческій* сборникъ статей о поэзіи», данный, какъ «пособіе при изученіи *теоріи* словесности». Для своего времени «Поэтика» была на высотѣ требованій. Она давала обширный и систематически подобранный матеріалъ для чтенія, гдѣ были представлены важнѣйшія направленія въ изученіи литературы отъ Аристотеля и Горація до Корнеля и Лессинга, Бѣлинскаго и Буслаева, Тэна и Каррьера и т. д. вплоть до новѣйшаго «психо-физіологическаго» направленія. Въ наши дни

сборникъ Воскресенскаго приходится признать въ значительной степени устарѣвшимъ. Конечно, для человѣка, интересующагося литературой, никогда не устарѣютъ ни «Поэтика» Аристотеля, ни «Гамбургская драматургія» Лессинга; долго будутъ сохранять интересъ и теоретическія соображенія Бѣлинскаго и «Чтенія объ искусствѣ» Тэна. Но все таки мы не стоимъ на мѣстѣ, и за послѣднюю четверть вѣка въ области теоретическаго изученія литературы сдѣлано такъ много, направленіе, полученное имъ, такъ ново и своеобразно, и вкладъ русскихъ выдающихся ученыхъ въ эту область знанія такъ значителенъ, что должно признать вполнѣ своевременной попытку г. Лезина познакомить широкіе слои читателей съ новыми взглядами на теорію литературы.

Извѣстно, что у насъ эти новые взгляды связаны съ основными научными трудами Потебни и Александра Веселовскаго, и обѣ школы этихъ создателей научной теоріи литературы представлены въ сборникѣ въ популяризующихъ работахъ ихъ учениковъ. Общей исходной точкой обѣихъ школъ была, какъ извѣстно, ихъ историчность. Веселовскій прямо называлъ свою науку о поэзіи «исторической поэтикой», Потебня, умъ насквозь эволюціонный, также неизмѣнно представляетъ себѣ изучаемый матеріалъ въ безконечномъ движеніи. Второй существенной чертой этой новой поэтики является ея строго позитивный—по преимуществу, филологическій характеръ. Наука о литературѣ слишкомъ долго связывалась съ философскими абстракціями формальной эстетики, которыя имѣли значеніе въ свое время, но всегда нуждались не только въ пересмотрѣ, но—что гораздо важнѣе—въ свѣжемъ положительномъ содержаніи, нынѣ вливаемомъ въ нихъ историко-лингвистическимъ изученіемъ литературы. То, что у Шиллера или Фишера было туманнымъ отвлеченіемъ, вызывавшимъ ненужные и подчасъ основанные на недоразумѣніи споры, становится здѣсь прочнымъ достояніемъ науки, которое можетъ быть осложнено новыми ея завоеваніями, но не может уже очутиться внѣ ея предѣловъ.

Содержаніе сборника г. Лезина могло быть полнѣе и равномѣрнѣе; но и въ этомъ видѣ онъ даетъ достаточно полное представленіе о томъ, что сдѣлано въ наукѣ. Объ отношеніи теоріи литературы къ теоріи языка, объ основахъ художественнаго творчества, о различныхъ методахъ художественнаго творчества, о различныхъ методахъ художественнаго наблюденія, о чувствѣ безконечнаго, опредѣляющемъ чистую лирику трактуетъ, примыкая къ ученію Потебни, Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Въ томъ же научномъ направленіи идутъ статьи В. И. Харціева объ элементарныхъ формахъ поэзіи и о прозѣ, Б. А. Лезина о художественномъ творчествѣ, какъ особомъ видѣ экономіи мысли и т. д. Результаты изслѣдованій Веселовскаго изложены въ обширной критической статьѣ Е. В. Аничкова. Статья Буслаева «О значеніи со-

временнаго романа» какъ бы намѣчаетъ тотъ идейный источникъ, которымъ въ началѣ питалась новая русская поэтика. Необходимо также отмѣтить здравыя мысли о преподаваніи «теоріи словесности» въ средней школѣ, развитыя въ «приложеніи» Д. Н. Овсянико-Куликовскимъ. Уже изъ этого неполнаго перечня видно не только богатство содержанія сборника г. Лезина, но и то, что школѣ Потебни здѣсь данъ значительный перевѣсъ. Оно и понятно—«историческая поэтика» была еле намѣчена ея создателемъ и поставлена на менѣе широкую почву; опираясь не столько на готовыя данныя языкознанія и психологіи, сколько на спеціальныя историко-литературныя изслѣдованія, которыя надлежитъ еще произвести, поэтика Веселовскаго ставитъ трудные вопросы—и еще не дождалась ихъ разрѣшенія.

Не все безспорно въ статьяхъ, объединенныхъ въ сборникѣ—и многое вызываетъ на противорѣчіе. Но это хорошій признакъ: это значитъ, что мысли, изложенныя здѣсь, еще бродятъ и развиваются, что сѣмя, брошенное двумя замѣчательными учеными, даетъ живые плоды. Это представляется намъ также благопріятнымъ и въ педагогическомъ отношеніи. Здѣсь нѣтъ людей, несущихъ готовую истину; здѣсь спорятъ, потому что думаютъ, здѣсь ошибаются, потому что ищутъ. Если эта пытливость въ литературныхъ вопросахъ, сообщится читателямъ сборника г. Лезина, этимъ будетъ исчерпана его главнѣйшая задача.

М. Ватсонъ. Библіотека итальянскихъ писателей. № 5. Джакомо Леопарди, № 6. Витторіо Альфіери. Критико-біографическіе очерки. Съ портретами. Спб. 1908. По 50 к. Стр. 84 и 84.

Возобновленіе «библіотеки итальянскихъ писателей» послѣ пятилѣтняго промежутка надо считать вполнѣ своевременнымъ. Изданіе, задуманное нашей извѣстной переводчицей, имѣетъ значеніе только въ видѣ цикла; отдѣльные біографіи и характеристики легко затеряются, попадутъ къ читателямъ въ разрозненномъ видѣ и даже въ рукахъ заинтересованнаго читателя не произведутъ того образовательнаго воздѣйствія, на которое могли бы разсчитывать. Между тѣмъ объединенныя руководящей идей, исторической по преимуществу, эти индивидуальныя характеристики могутъ слиться въ цѣльную картину развитія великой литературы въ наиболѣе яркихъ ея образахъ. Хронологіи нѣтъ въ «Библіотекѣ»: она начинается съ Ады Негри и должна, по мысли составительницы, остановиться—по крайней мѣрѣ въ первой серіи — на создателѣ «Божественной Комедіи». Но представители литературы выбраны умѣло: если не всегда самыя крупныя, то характерныя фигуры, интересныя и въ своемъ творчествѣ, и въ своей индивидуальности.

На этотъ разъ г-жа Ватсонъ знакомитъ своихъ читателей съ двумя поэтами, весьма различными по міровоззрѣнію и характеру

творчества и, однако, имѣющими кой-какія точки соприкосновенія, поучительныя и для насъ. Одинъ изъ нихъ былъ глубокій пессимистъ, имя котораго неразрывно связано съ безотрадной теоріей infelicità, человѣкъ безконечно пассивный въ своемъ мрачномъ міровоззрѣніи: другой былъ носителемъ громадной воли, жизнеспособной и продуктивной; одинъ былъ скорбный лирикъ, нѣжный и интимный, другой—картинный трагикъ, патетическій риторъ и эффектный. И однако, общественность была движущимъ моментомъ въ вдохновеніи обоихъ. Во имя освобожденія родины оба желѣзной рукой заставили свое дарованіе идти по должному пути. Леопарди внѣ своей меланхоліи нашелъ для своей лиры мотивы патріотическаго паѳоса; Альфіери отказался отъ лирики, къ которой былъ больше склоненъ по природѣ, и отдался трагедіи, справедливо полагая, что это болѣе подходящее средство для распространенія освободительныхъ идей. Ихъ постигла своеобразная судьба, которую они сами себѣ уготовили; можно сказать, что они могутъ гордиться своимъ относительнымъ забвеніемъ. Прошло время, когда энергичныя оды Леопарди «Къ Италіи» и «Къ Данте» возбуждали пламенное патріотическое одушевленіе въ его соотечественникахъ; никого не зажигаютъ теперь героическія трагедіи Альфіери. Современная Италія—въ лицѣ интеллигентныхъ цѣнителей—ставитъ высоко иныя ихъ произведенія—автобіографію Альфіери, тонкую лирику грустнаго раздумья и философскую прозу Леопарди. Надо было побѣдить, чтобы найти въ себѣ спокойствіе для этихъ эстетическихъ наслажденій; и великіе поэты, давшіе Италіи героевъ освобожденія, теперь пользуются плодами этого освобожденія. Ибо истинное посмертное счастіе для писателя жить не въ славной памяти потомства, но въ живомъ общеніи съ нимъ.

І. М. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ. Т. I. Періодъ до восемнадцатаго вѣка. Спб., 1906. Стр. XXXIV + + 676. Цѣна 3 р. 50 к.

Въ основаніи обширнаго изслѣдованія І. М. Кулишера легли его статьи, напечатанныя на нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ Conrad'а «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Теперь авторъ дополнилъ и значительно переработалъ эти статьи и издалъ на русскомъ языкѣ подъ приведеннымъ заглавіемъ: «Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ».

Какъ видно изъ этого заглавія, исходной точкой работы или, вѣрнѣе—осью, вокругъ которой она вращается, является проблема теоретическаго характера—проблема прибыли съ капитала. Но авторъ при анализѣ этой теоретической проблемы пользуется историко-эволюціоннымъ методомъ, который онъ считаетъ

единственно правильнымъ. Онъ считаетъ нужнымъ изслѣдовать характеръ прибыли съ капитала не только въ эпоху свободной конкуренціи и крупнаго производства, но и въ предшествующіе періоды хозяйственной жизни, задаваясь цѣлью выяснить проблему прибыли для каждой эпохи и на этомъ основаніи установить общую эволюціонную теорію прибыли, опредѣляющую тенденцію историческаго ея развитія. Г. Кулишеръ ограничивается при этомъ изученіемъ прибыли торговой и промышленной; прибыль въ области сельскаго хозяйства, тѣсно связанную съ земельной рентой, онъ оставляетъ внѣ рамокъ своего труда.

Предъ нами въ настоящее время первый томъ изслѣдованія г. Кулишера, обнимающій періодъ до XVIII вѣка. Мы не вправѣ, конечно, предъявлять къ части работы требованія, которымъ должна отвѣчать вся она въ цѣломъ и искать въ первомъ томѣ труда законченной «эволюціонной теоріи прибыли», но мы не можемъ не сказать во всякомъ случаѣ, что содержаніе этого тома мало отвѣчаетъ заданію автора. Это не столько историческій анализъ эволюціи прибыли, сколько изслѣдованіе въ области исторіи народнохозяйственной жизни вообще и торговли, и промышленности въ частности. Именно въ этой части труда главная сила автора. Здѣсь авторъ и интересенъ и нерѣдко оригиналенъ. При помощи обширнаго фактическаго матеріала, находившагося въ его распоряженіи, г. Кулишеру удалось бросить новый свѣтъ на нѣкоторыя стороны хозяйственной жизни изучаемаго имъ періода. Такъ, подвергнувъ подробному анализу цеховые статуты различныхъ германскихъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ городовъ, онъ приходитъ къ тому выводу, что такъ называемыя злоупотребленія цеховъ, ихъ стремленіе къ исключительности, недопущеніе постороннихъ, эксплуатація подмастерій — все это вовсе не является произведеніемъ новаго времени, а было вполнѣ развито уже въ средніе вѣка, имѣло мѣсто уже чуть ли не съ первыхъ же дней образованія цеховыхъ; идиллія цеховой жизни въ средніе вѣка, обыкновенно рисуемая, представляетъ собою не болѣе, какъ миѳъ.

Интересна также характеристика промышленности въ XVI—XVIII ст. Пользуясь большею частью мало извѣстными матеріалами, г. Кулишеръ приходитъ къ выводу, что не ремесло и не фабрика (или мануфактура), являлись господствующей формой производства въ эту эпоху, а домашняя или кустарная промышленность, гдѣ мастера у себя на дому работали на скупщика-предпринимателя, занимавшагося сбытомъ продуктовъ. Авторъ подробно останавливается на отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими, на положеніи и составѣ рабочаго населенія и т. д. Точно также много любопытныхъ и новыхъ данныхъ заключаетъ въ себѣ отдѣлъ о мануфактурахъ XVII—XVIII ст., гдѣ авторъ выясняетъ различные типы этихъ новыхъ «фабричныхъ» заведеній безъ машинъ, роль принудительнаго труда преступниковъ и

бродягъ на мануфактурахъ и связь между этой формой производства и ученіемъ Адама Смита.

Въ общемъ книга г. Кулишера является цѣннымъ вкладомъ въ нашу небогатую экономическую литературу и представляетъ несомнѣнный интересъ не только для спеціалистовъ, но и для широкой публики.

Іосифъ Редлихъ. Англійское мѣстное управленіе. Переводъ съ нѣмецкаго Ф. Ельяшевичъ, подъ редакціей В. Б. Ельяшевича, съ вступительной статьей проф. Оксфордскаго университета П. Г. Виноградова. Томъ I. Спб., 1907 г. Цѣна 3 р. Стр. 422+XVI.

Среди народовъ культурнаго міра Англія издавна играетъ роль наглядной школы практической государственной мудрости. Не смотря на своеобразіе политическаго и общественнаго строя Англіи, ея государственныя учрежденія оказали очень существенное вліяніе на образованіе государственнаго строя современныхъ европейскихъ государствъ: англійскій парламентъ въ той или другой мѣрѣ явился родоначальникомъ всѣхъ современныхъ парламентовъ. Естественно, что въ періодъ образованія европейскаго конституціонализма, этого великаго процесса реорганизаціи центральной государственной власти, все вниманіе политической мысли устремлялось на англійскій парламентъ, наиболѣе ярко и полно воплотившій въ себѣ новые принципы государственной организаціи: участіе народа въ государственномъ управленіи и отвѣтственность центральной власти передъ народнымъ представительствомъ. Послѣ того, какъ общіе принципы парламентскаго конституціонализма были усвоены на континентѣ, государственная жизнь выдвинула новую задачу: сочетаніе мѣстнаго управленія съ новыми формами государственнаго строя. И взоры государствовѣдовъ вновь устремились на Англію Въ частности въ 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія Рудольфъ Гнейстъ занялся изученіемъ англійскаго мѣстнаго самоуправленія. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Гнейстъ проводилъ ту мысль, что главной основой англійской политической свободы и англійскаго государственнаго строя является аристократическій характеръ мѣстнаго управленія. Начинавшуюся демократизацію мѣстнаго управленія въ Англіи онъ разсматривалъ, какъ роковую ошибку, которая способна привести къ упадку всего государственнаго строя Англіи. Этотъ взглядъ Гнейста долгое время являлся господствующимъ въ литературѣ государственнаго права. Книга Редлиха представляетъ собою очень солидно обоснованное опроверженіе Гнейстовскаго толкованія англійскихъ учрежденій. Какъ говоритъ въ своемъ предисловіи проф. Виноградовъ, «книга Редлиха написана какъ разъ для того, чтобы выяснить, насколько цѣлесообразными и жизнеспособными оказались демократическія нововведенія новаго времени и какъ хорошо справляется населеніе съ своими новыми учрежденіями и задачами» (стр. VIII).

Однако, самъ Редлихъ грѣшитъ тѣмъ же, въ чемъ повиненъ и Гнейстъ, только Редлихъ перегибаетъ палку въ обратную сторону: Гнейстъ въ англійскомъ управленіи замѣчалъ лишь аристократическое начало, а въ глазахъ Редлиха Англія «отъ историческаго классового управленія» уже перешла «къ окончательному, полному господству демократіи» (стр 225). Такой взглядъ очевидно грѣшитъ чрезмѣрнымъ оптимизмомъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что за послѣднее пятидесятилѣтіе Англія сдѣлала крупный шагъ по пути демократизаціи мѣстнаго управленія. Для русскаго же читателя фактическія данныя, собранныя Редлихомъ, представляютъ тѣмъ большій интересъ, что демократизація нашего мѣстнаго самоуправленія и управленія является одной изъ самыхъ настоятельныхъ и очередныхъ потребностей русской государственной жизни.

Книга Редлиха, какъ гласитъ ея подзаголовокъ, представляетъ собою «изложеніе внутренняго управленія Англіи въ его историческомъ развитіи и современномъ состояніи». Переведенный въ настоящее время первый томъ посвященъ изложенію исторіи англійскаго мѣстнаго управленія и его постепенной демократизаціи въ теченіе XIX вѣка и описанію современнаго устройства и управленія муниципальныхъ городовъ. Къ недостаткамъ обстоятельной и солидной книги Редлиха нужно отнести нѣкоторую растянутость, тусклость и вялость изложенія. Въ общемъ же, книга Редлиха представляетъ собою цѣнное пріобрѣтеніе для русской научно-публицистической литературы и скорѣйшее появленіе ея второго тома, излагающаго современное мѣстное управленіе Англіи, крайне желательно.

Прив.-доц. Л. А. Тарасевичъ. О голоданіи. Рѣчь, произнесенная во второмъ Общемъ Собраніи Х-го Пироговскаго Съѣзда. Кіевъ 1907, 32 стр., ц. 20 к.

Рѣчь, произнесенная д-ромъ Тарасевичемъ въ общемъ собраніи Пироговскаго съѣзда, имѣла цѣлью не открытіе какихъ либо новыхъ горизонтовъ въ вопросѣ о голоданіи, а ознакомленіе широкой публики съ общепризнанными въ наукѣ взглядами на послѣдствія голоданія, какъ для самого голодающаго организма, такъ и для его потомства. А такъ какъ среди всего цивилизованнаго міра Россія имѣетъ печальную привилегію наиболѣе страдать и отъ хроническаго недоѣданія ея обывателей, и отъ острыхъ голодовокъ, то рѣчь д-ра Тарасевича имѣетъ высокое практическое значеніе, какъ еще одно громкое и авторитетное указаніе на ту общественную опасность, на встрѣчу которой идетъ русское общество, допускающее это многолѣтнее состояніе хроническаго и остраго голоданія массъ.

Такъ какъ абсолютное лишеніе пищи, абсолютное голоданіе, принадлежитъ къ числу исключительныхъ явленій, то главный интересъ представляетъ та форма хроническаго голоданія, которая является слѣдствіемъ хроническаго недоѣданія.

Хроническое голоданіе не только ведетъ къ повышенію смертности и заболѣваній и пониженію энергіи голодающихъ, но еще и къ вырожденію ихъ потомства, а, слѣдовательно, и къ вырожденію всей націи.

А какъ велики недохватки въ питаніи крестьянина видно изъ слѣдующаго. Количество пищи, необходимой для организма, опредѣляется въ настоящее время въ калоріяхъ. Калорія это—то количество тепла, которое необходимо, чтобы нагрѣть 1 граммъ воды на 1 градусъ Цельзія. Одинъ граммъ бѣлковъ и углеводовъ (напр., крахмала или сахара) при сгораніи въ тѣлѣ даетъ 4,1 калоріи, а одинъ граммъ жиру даетъ 9,3 калоріи.

По мнѣнію американскаго ученаго Atwater'а человѣку при незначительной работѣ нужно получать ежедневно 3520 калорій, которыя получатся, если давать ежедневно человѣку 125 граммъ бѣлковъ, 125 граммъ жировъ и 450 граммъ углеводовъ. При средней работѣ число калорій должно быть, по Atwater'у, повышено до 4060. Нѣкоторые считаютъ эти цифры слишкомъ значительными и думаютъ, что при не особенно значительной работѣ достаточно 3000 калорій. Перденъ, одинъ изъ высшихъ авторитетовъ по этимъ вопросамъ, считаетъ, что крайній минимумъ для человѣка это 30 калорій на килограммъ вѣса въ день. Слѣдовательно, въ такомъ случаѣ, средняго вѣса мужчина, имѣющій 75 килограммъ вѣсу, долженъ какъ крайній минимумъ получить по 2250 калорій въ день. Въ Чикаго самые бѣдные люди имѣютъ по 3125 калорій въ день; рабочіе у Круппа получаютъ по 4595 калорій. Нашъ же крестьянинъ въ среднемъ получаетъ 2312 калорій, тогда какъ по вычисленію Rubner'а ему нужно 3659 калорій. Къ этому нужно прибавить, что его «пища отличается еще чрезмѣрнымъ однообразіемъ, неудобоваримостью и несоотвѣтственнымъ отношеніемъ отдѣльныхъ питательныхъ веществъ» (стр. 21).

Ежегодникъ внѣшкольнаго образованія. Подъ редакціей В. И. Чарнолускаго. Изд. Сытина. Москва. 1907. Стр. II+307+IV. Ц. 1 р.

Самообразованіе долго еще будетъ удѣломъ необученной Россіи. Когда пересмотришь собранныя въ «Ежегодникѣ» свѣдѣнія о европейскихъ государствахъ, когда увидишь, какъ даже тамъ, при громадномъ участіи государства въ образовательной дѣятельности, велика потребность въ частномъ починѣ и какъ энергично и многосторонне удовлетворяется эта потребность, только тогда начинаешь понимать, какъ безконечно мало сдѣлано у насъ, какъ дологъ путь, который надлежитъ пройти. При нынѣшнихъ политическихъ условіяхъ мы, очевидно, надолго должны отказаться отъ надежды на всеобъемлющую и мощную государственную или общинную систему народнаго образованія: надо вернуться къ разбитому корыту недавняго прошлаго, надо начинать опять дѣлать

культурную работу, стараясь, по возможности, создавать черезъ ея посредство систему политическаго воспитанія народа. Громадныя массы населенія идутъ въ жизнь внѣ школы: остается вести ихъ къ знанію мимо ея недоступныхъ стѣнъ.

«Ежегодникъ» даетъ для этого необходимыя свѣдѣнія въ полнотѣ и систематичности, которыя, несомнѣнно, сдѣлаютъ его настольной книгой для всякаго русскаго дѣятеля внѣшкольнаго образованія. Послѣднее не такъ ужъ сковано, какъ это было недавно, но система законовъ и распоряженій, опредѣляющихъ общественную постановку самообразованія, широка и разнообразна; настоящее изданіе представляетъ полный сводъ этихъ узаконеній: законовъ о печати, о съѣздахъ и собраніяхъ, о союзахъ и обществахъ, о библіотекахъ, книжной торговлѣ, представленіяхъ, лекціяхъ и т. п. Менѣе полны данныя, относящіяся къ внутренней жизни обществъ и учрежденій, поскольку они имѣютъ отношеніе къ организаціи внѣшкольнаго образованія; но и здѣсь заинтересованный читатель найдетъ богатый матеріалъ для практической оріентировки въ просвѣтительной работѣ: обзоръ дѣятельности европейскихъ народныхъ библіотекъ, разнообразныя новости библіотечнаго дѣла за границей, свѣдѣнія о союзахъ работниковъ литературнаго и книжнаго дѣла, обзоръ нашего тощаго образовательнаго бюджета, государственнаго, городского и земскаго, сообщенія о различныхъ образовательныхъ учрежденіяхъ, разнообразныя статьи и мелкія замѣтки, касающіяся внѣшкольнаго образованія въ Россіи и за границей. Все это нѣсколько пестро, случайно и неровно; сырье слѣдовало обработать, а переводы иностранныхъ статей прородактировать болѣе тщательно. Но въ общемъ едва-ли что-либо можно назвать излишнимъ. Полезную часть книги составляютъ поучительныя статистическія таблицы, изображающія грамотность и образованіе населенія Россіи по первой всеобщей переписи, а также библіографическія указанія. Эту библіографію слѣдовало бы только сдѣлать болѣе критической, не давая въ ней ненужныхъ указаній—напр., на «Архивъ книжныхъ рѣдкостей» Александра Бурцева—и давая хоть краткую оцѣнку того, что должно послужить руководствомъ для несвѣдущаго и самоотверженнаго провинціальнаго работника. Онъ, во всякомъ случаѣ, скажетъ составителю горячее спасибо за его полезную книгу—и она того стоитъ.

Каталогъ журнальныхъ статей домашней библіотеки бр. Талапцевыхъ. Ядринъ (Казанск. губ.). 1907 г. Стр. 400.

Солидный томъ, убористо напечатанный, съ массой заглавій и отчетливыми рубриками, производитъ внушительное впечатлѣніе; предисловіе издателей скромно, но рождаетъ заманчивыя представленія. Библіографія журнальная у насъ поставлена такъ плохо, указатели такъ случайны и разрознены, что попытка предпринять

общую систематизацію журнальныхъ статей можетъ быть встрѣчена только привѣтомъ. Въ нашихъ журналахъ за прошлые годы погребены многочисленныя цѣнныя работы, извлечь которыя изъ тьмы и передать въ общее пользованіе можетъ только указатель. Мы дождемся такого указателя — нѣкоторые частные указатели уже дѣлаютъ свое дѣло,—но до тѣхъ поръ попытки дать инвентарь будутъ повторяться, труды на это дѣло будутъ уходить; и, если мы говоримъ на этихъ страницахъ о каталогѣ библіотеки бр. Таланцевыхъ, то не для того, чтобы предостеречь отъ него широкій кругъ читателей, которымъ онъ, вѣрно, и въ руки не попадетъ, но для того, чтобы на живомъ примѣрѣ показать, какъ не слѣдуетъ составлять каталоги.

Цѣль составителей была двоякая: прежде всего систематизировать содержаніе данной богатой библіотеки, которая открыта для общаго пользованія, а затѣмъ представить также общій указатель, который сможетъ «оказать *нѣкоторыя* услуги и болѣе широкому кругу русскихъ читателей».

Послѣднему мѣшаетъ прежде всего случайность состава библіотеки. Совершенно невозможно пользоваться указателемъ, полнымъ самыхъ существенныхъ пробѣловъ. Въ библіотекѣ бр. Таланцевыхъ, напримѣръ, нѣтъ «Вѣстника Европы» за первое двадцатилѣтіе его (новаго) изданія; значитъ, въ каталогѣ нѣтъ соотвѣтственныхъ указаній; значитъ, подбирая литературу по извѣстному вопросу, незачѣмъ обращаться къ этому каталогу: все равно придется копаться въ другихъ пособіяхъ и провѣрять его. Система каталога ужасна: двадцать семь равноправныхъ отдѣловъ, среди которыхъ «всеобщая исторія» и «женскій вопросъ», «благотворительность» и «біографіи». Международный языкъ отнесенъ къ отдѣлу философіи исторіи, сіонизмъ къ всеобщей исторіи, разсказъ съ подзаголовкомъ «психологическій этюдъ» къ отдѣлу «философіи, логики, психологіи», статьи публицистическія или техническія къ біологіи; всякая статья, въ заглавіи которой есть историческое имя, годится для отдѣла біографіи. Статья о Григоровичѣ—это «біографія», статья о Боттичелли—это «критика и словесность», статья о Микель-Анджело—это «Искусство, музыка и театръ». Такихъ примѣровъ десятки. Невѣроятное творится въ отдѣлѣ беллетристики, особенно иностранной, гдѣ, напримѣръ, Кипенъ, Максъ Ли, Фругъ, Шуфъ, Ольнемъ, Ира Янъ отнесены къ иностранцамъ. Въ этомъ отдѣлѣ черезъ слово опечатка, отчего получается, напримѣръ, три писателя: Ли Юнасъ, Ли Іонасъ и Ли Уонсанъ. Нѣтъ нужды прибавлять, что, разнося статьи по рубрикамъ, составители большею частью руководились только ихъ заглавіемъ, не имѣя о содержаніи ихъ ни малѣйшаго представленія.

При этихъ условіяхъ значительный трудъ, употребленный на составленіе и печатаніе этой объемистой книги, представляется намъ затраченнымъ напрасно.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Николай Сѣверянинъ. Сборникъ стихотвореній и разсказовъ. Архангельскъ. 1907. Ц. 50 к.

Владиміръ Шуфъ. Кто идетъ? Романъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Лосскій. Сборникъ элементарныхъ упражненій по логикѣ. Спб. 1908. Ц. 70 к.

Изд. Б. Ревзина и І. Постмана. Берлинъ. 1907. Задачи соціалистической культуры. Сборникъ статей. Ц. 2 р.

В. Е. Ермиловъ. Завѣты Бѣлинскаго молодому поколѣнію. Изд. 6-е. М. 1908. Ц. 10 к.

А. Н. Агатовъ. Искусство и актеры. Смоленскъ. 1907. Ц. 1 р. 30 к.

Гальціона. Кадеты и Сергѣй Катилина. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Изд. „Вѣрность". М. 1907. ***Н. М. Соколовъ***. Центръ и окраины. Вып. 1-й. Ц. 15 к.

Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1907. ***Н. Водовозовъ***. Экономическіе этюды. Ц. 2 руб.

Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1908. Соціальное движеніе въ современной Франціи. Сборникъ статей. Ц. 1 р.

Изд. „Общественной Пользы". Спб. 1907. Гомельскій процессъ. Ц. 3 р.

Изд. т-ва И. Т. Сытина. М. 1908. ***С. И. Шохоръ-Троцкій***. Геометрія на задачахъ. Книга для учителей. Ц. 2 р.

Н. В. Тулуповъ и ***П. М. Шестаковъ***. Очерки и разсказы для первоначальнаго знакомства съ исторіей. Ц. 50 к.

Изд. Н. К. Мартынова. Спб. 1907. ***И. Аничковъ***. Мировой судъ и преобразованіе низшихъ судовъ.

Изд. Б. А. Бибергаль. Спб. 1907. ***Ар. А. Селивановъ***. Городъ мертвыхъ. Стихотворенія. Ц. 50 к.

Проф. ***д-ръ Руландъ***. Ученіе объ установленіи цѣнъ на хлѣбные товары. Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. А. Ф. Волкова. Спб. 1908.

Изд. министерства внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1907. Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Ц. 60 к.

Изд. К. И. Тихомирова. М. 1907. ***П. Д. Первовъ***. Педагогическая хрестоматія. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. С. В. Бунина. Спб. 1908. ***Вл. Беренштамъ***. Около политическихъ. Ц. 1 р.

Изд. Б. А. Лезина. Харьковъ. 1907. Вопросы теоріи и психологіи творчества. Ц. 2 р. 50 к.

Изд. „Заратустра". М. 1907. ***Жоржъ Роденбахъ***. Покрывало. Драма. Перев. Эллиса. Ц. 50 к.

Изд. „Сотрудника". Кіевъ. 1907. Прив.-доц. ***Л. А. Тарасевичъ***. О голоданіи. Ц. 20 к.

Изд. т-ва „Издательское бюро". Спб. 1907. С.-Петербургскій студенческій календарь на 1907—8 уч. годъ.—Московскій студенческій календарь на 1907—8 уч. годъ.

Глѣбъ Зацѣпа. „Пасынки университета". М. 1907. Ц. 45 к.

Изд. Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1907. Проф. ***А. И. Чупровъ***. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Ц. 1 р.

А. В. Сѣверянъ. Антихристово пришествіе. Драм. этюдъ въ 1 дѣйствіи. Астрахань. 1907.

Изд. „Трудъ и Борьба". Спб. 1907. ***Е. Стилинскій***. Новое теченіе въ соціализмѣ. Ц. 30 к.

Изд. „Русское Слово". М. 1908. ***Александръ Шеръ***. Разсказы. Т. I. Ц. 1 р.

Изд. „Думская Трибуна". Спб. 1907 ***Александръ Цитронъ***. 103 дня. Второй Думы. Ц. 75 к.

Дм. Милинъ. Бюрократы I. Окольный путь. Спб. 1907.

А. Шаховъ. Вольтеръ и его время. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

А. Фоминъ. Чеховъ въ русской критикѣ. Спб. 1907.

Проф. Л. І. Петражицкій. Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. Спб. 1907. Ц. 2 р.

А. Я. Острогорскій. Живое слово. Книга для изученія родного языка. Часть I. Спб. 1907. Ц. 90 к.

Основныя понятія русскаго государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права. Общедост. очерки прив.-доц. ***В. М. Устинова***, ***И. Б. Новицкаго*** и ***М. Н. Гернетъ***. Изд. II М. 1907. Ц 1 р.

Изд. коммиссіи по организаціи домашняго чтенія. 1907. Критическое обозрѣніе. Вып. II. 1907.

Л. Кульчицкій (Мазовецкій). Исторія русскаго революціоннаго движенія. Т. I (1801—70 гг.). Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. „Наша Жизнь". Спб. 1907. *М. Туганъ Барановскій*. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

С. Карпскевичъ (Юшенко). Повѣсти и разсказы. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Вл. Горнъ.—*В. Мечъ.*—*Череванинъ*. Общественныя силы и ихъ борьба въ русской революціи. М. 1907. Ц. 1 р. 60 к.

Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1907. *Адольфъ Гарнакъ*. Сущность христіанства. Ц. 1 р.—*Николай Бердяевъ*. Новое религіозное сознаніе и общественность Ц. 1 р. 50 к.

Изд. „Общественная Польза". Спб. 1907. *Г. Цыперовичъ*. За полярнымъ кругомъ. Десять лѣтъ ссылки въ Колымскѣ. Ц. 1 р. 50 к.—*Вен. Корчемный*. Разсказы. Лунная соната. Ц. 1 р.—*В. А. Гагенъ*. Право бѣднаго на призрѣніе. Томъ первый. Ц. 3 р.

М. Словожанинъ. На культурной работѣ. Очерки и воспоминанія. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Ѳ. Бромлей. М. 1907. *Анатоль Франсъ*. Преступленіе Сильвестра Боннара. Ц. 1 руб.

Изд. С.-Петербургской книжной экспедиціи. Спб. 1907. *Франкъ Ведекиндъ*. Музыка. Ц. 75 к.—*Эрнстъ Геккель*. Чудеса жизни. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1908. Сѣверные сборники. Книга вторая. Ц. 1 р. 50 к.—*Франкъ Ведекиндъ*. Книга I. Гидалла. Музыка. Ц. 1 р. 20 к.

Изд. „Посредникъ". М. 1907. *А. Мастрюковъ*. Мы живемъ въ атомѣ. Ц. 10 к.

Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. *Рудольфъ фонъ-Iерингъ*. Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Новый Міръ". Спб. 1907. *Н. Олигеръ*. Судный день. Ц. 70 к.—

Изд. „Наша Жизнь". Спб. 1907. *Гуго фонъ-Гофмансталь*. Электра. Пер. О. Н. Чюминой. Ц. 30 к.

Изд. ред. Записокъ Моск. Отд. Имп. Русск. Технич. О-ва. М. 1907. Д-ръ *П. И. Кедровъ*. Таблицы и скалы для опредѣленія ослабленія или утраты трудоспособности рабочихъ.

С. Занъ. Соціально-политическія таблицы всѣхъ странъ міра. 1907. Ц. 1 р.

Изд. Петровской библіотеки. М. 1907. *К. Кульчицкій* (Мазовецкій). Автономія и федерація въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. Ц. 75 к.

Изд. Паллада. Спб. 1907. *В. Либкнехтъ*. Германія полвѣка тому назадъ. Ц. 30 к.

Изд. „Свободная Россія". М. 1907. *В. Г. Короленко*. Трагедія генерала Ковалева. Ц. 10 к.

Изд. „Право". Спб. 1908. *В. А. Маклаковъ* и *Ѳ. Я. Пергаментъ*. Наказъ Государственной Думы. Ц. 1 к — *Дж. Г. Маккай*. Максъ Штирнеръ, его жизнь и ученіе. Ц. 60 к. *Вл. Студницкій*. Польша въ политическомъ отношеніи, отъ раздѣловъ до нашихъ дней. Ц. 1 р.—*В. Э. Денъ*. Каменноугольная и желѣзодѣлательная промышленность. Ц. 1 р. 20 к.—*А. С. Шоръ*. Основныя проблемы теоріи политической экономіи. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Г. Мижуевъ. Документальная исторія одной стачки. Спб. 1907. Ц. 80 к.

Изд. „Прометей". Спб. 1908. *Францъ Лютгенау*. Естественная и соціальная религія. Ц. 1 р.

Г. М. Гумановъ. Характеристики и воспоминанія. Книга третья. Тифлисъ. 1908. Ц. 50 к.

М. Поліевктовъ. Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ. Спб. 1907. Ц. 2 р.

М. Винаверъ. Конфликты въ первой Думѣ. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Изд. „Юнаго Читателя". Спб. 1907. *В. Iензенъ*. Тѣни прошлаго. Ц. 50 к.—*Н. Березинъ*. Ледяной плѣнъ. Ц. 25 к.

Ан. К—ръ. Наши „американцы" у Льва Толстого. Ц. 2 к.

Ф. Купчинскій. „Портъ-Артурскіе герои." Спб. 1907. Ц. 1 р.

Фельдшеръ *А. А. Горбачевичъ*. Самостоятельная дѣятельность фельдшеровъ.—*Г. П. Задера*. Право фельдшеровъ и фельдшерицъ на высшее медицинское образованіе.

Проф. *Т. Румпфъ*. Холера. Клиническія лекціи. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Г. Гельмгольцъ. Мышленіе въ медицинѣ. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Владиміръ Голиковъ. Кровь и слезы. Маленькія поэмы. Спб. 1907. Ц. 75 к.

А. Фортунатовъ. О статистикѣ. Учебное пособіе.

С. Тормазовъ. Генезисъ смѣха и рѣчи. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Проф. *I. Фейлингъ*. Мать и ея ребенокъ. Спб. 1907. Ц. 25 к.

М. Я. Берманъ. Открытіе Татаринова. Спб. 1908. Ц. 80 к.

Ѳ. В. Еверскій. Что дѣлаетъ человѣка честнаго нечестнымъ. Вып. первый. М. 1907.

Сергѣй Своеобразный. № 1. Слава сильнымъ. Ц. 10 к.—№ 2 Сила таланта! Ц. 10 к. Варшава. 1907.

Изд. „Трудъ и Борьба". М. 1908. ***Л. П. Никифоровъ*** и ***С. П. Кавелинъ.*** Что нужно всѣмъ знать о Россіи. Статист. справочникъ. Вып. I. Ц. 20 к.

Изд. Уфимской земск. управы. Уфа. 1907. Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1906 г.

Отчетъ о дѣятельности Харьковской коммиссіи по устройству народныхъ чтеній за 1906 г. Харьковъ. 1907.

Отчетъ Полтавской еврейско-русской б-ки-читальни за 1906 годъ. Полтава. 1907.

Отчетъ б-ки о-ва взаимнаго вспомоществованія приказчиковъ - евреевъ. Одесса 1907.

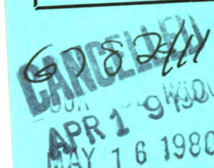
Изд. Лѣсного департамента гл. упр. землеустр. и землед. Спб. 1907. Труды по лѣсному опытному дѣлу въ Россіи. Вып. I, II, III.—Отчетъ по лѣсному опытному дѣлу за 1906 г.

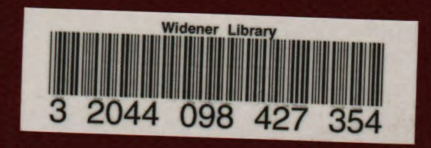
Изд. Кіевской губ. управы. Труды страхового отдѣла. Вып. I и II.

Студенческій санаторій на кавказскихъ минеральныхъ водахъ.

Vademecum. Сборникъ правилъ и условій поступленія въ учебныя заведенія. Вып. I. Ц. 75 к.

Редакторъ-Издатель *В. Г. Короленко.*

APR 1 9 1980
MAY 1 6 1980

Widener Library
3 2044 098 427 354